Проф. Р. И. АВАНЕСОВ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

УЧПЕДГИЗ
1949

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Проф. Р. И. АВАНЕСОВ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА * 1949

Допущено
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия
для филологических факультетов университетов
и факультетов русского языка и литературы
педагогических институтов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Курсы русской диалектологии обычно представляют собой опыты классификации наречий и говоров русского языка на основе отдельных их особенностей, своего рода каталоги с указанием языковых различий по территориям. Отдельные говоры как целостная система и тем более русский язык в целом со всеми его говорами как своеобразная сложная система оставались вне их поля зрения, так как диалект рассматривался обычно лишь как один из важнейших этнографических признаков, а не как объект подлинно лингвистической дисциплины.

Между тем лингвистическое изучение русских говоров весьма важно. Русские говоры, при всем их многообразии, обладают значительным единством. Изучение русского языка в его единстве и различиях как своеобразной сложной системы представляется необходимым не только с точки зрения общего языкознания, но и для истории русского языка, поскольку и последняя в настоящее время стремится превратиться из науки об истории отдельных частных изолированных явлений в науку о строе языка в целом, о возникновении, развитии и смене языковых систем, обусловленных социально-экономической, политической и культурной историей общества — носителей соответствующего языка. Наконец, такое изучение весьма важно и для собственно диалектологии.

В зарубежной лингвистической науке довольно распространено мнение о несовместимости изучения языка как системы, с одной стороны, и как объекта диалектологии, в частности лингвистической географии, — с другой. Подобное мнение неправильно. Современный русский язык в его общенациональной, литературной форме и местных наречиях и говорах образует сложную систему, включающую в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения. Поэтому диалектные различия по отношению к строю языка представляют собой не только различия в отдельных единичных фактах, но также и различия в некоторых цельных звеньях языковой системы, выступающих на фоне общности ее в остальных звеньях. Понятие диалектного различия, выводимое не изолированно, в отрыве от языковой системы, а исходя из языковой системы, из строя языка в целом является особенно плодотворным для диалектологии вообще и лингвистической географии в частности.

Из сказанного выше не вытекает, что диалектные различия всегда представляют собой те или иные звенья языковой системы. Они могут являться и в виде отдельного единичного факта. Однако диалектные различия последнего рода могут плодотворно изучаться только на фоне различий первого рода, если они для данного факта имеются: несовпадение между пределами распространения диалектного различия как последовательного проведенного звена языковой системы, с одной стороны, и распространения отдельных

единичных фактов с признаками того же диалектного различия — с другой, дает весьма важный материал для истории соответствующих говоров, их движения в прошлом в связи с изменением производственных отношений, с историей заселения края, путей его колонизации, сменой культурно-экономических центров в нем.

Квалификация диалектного различия лишь как частного, единичного факта, не связанного с строем языка, характерная для крайних представителей западноевропейской лингвистической географии, ведет к отрицанию самого диалекта, к отрицанию языковой системы и, по существу, к отрицанию возможности изучения закономерностей исторического развития языков и диалектов и потому не может быть принята советской лингвистикой.

В соответствии со сказанным, в настоящих „Очерках" уделяется место не только группировке наречий и говоров русского языка, но также, прежде всего, описанию строя русского языка в его говорах, которому посвящен ряд основных как по значению, так и по объему глав книги. В главах этих описывается фонетика, морфология, синтаксис и лексика русских традиционных говоров. В этом существенное отличие настоящих „Очерков" от предыдущих курсов.

В главе, посвященной фонетике, описание ведется в основном с точки зрения функциональной фонетики, иначе — фонологии, учения о системе фонем. Работа эта затруднялась отсутствием у автора предшественников: если система фонем русского литературного языка в той или иной мере была предметом описания, то диалектный материал фонологическому описанию не подвергался; в литературе предмета нет ни одного описания системы фонем того или иного говора. Автор опирался здесь на свои многолетние наблюдения над системой фонем разного типа русских говоров, большею частью еще не опубликованные. При описании фонетики русских говоров автор прежде всего стремится применять понятие фонемы, очистив его от психологизма и став на последовательно функциональную точку зрения, которая одна отвечает в полной мере социальной природе языка.

Необходимо помнить, что „в противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и не зависимых друг от друга, — а как связное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обусловливают друг друга"[1]. В связи с этим каждое отдельное фонетическое явление по возможности рассматривается в связи с другими явлениями, со всей языковой системой. Оказывается, что отдельное частное фонетическое явление обычно в какой-то мере определяет и самую языковую систему, но в то же время оно и само нередко бывает обусловлено той же языковой системой.

Изложение фонетического строя русских говоров затруднялось еще тем, что в книге нужно было дать описание системы фонем не одного какого-либо говора, а в принципе — всех русских говоров и притом, по возможности, сведя их воедино. В книге сделана лишь первая попытка такого сводного изложения фонетики русского языка в его говорах; она должна быть продолжена и усовершенствована в дальнейших работах как автором, так и другими исследователями. Территориальное многообразие русских говоров в отношении их фонетического строя представляет собою не что иное, как „следы минувшего" — дошедшую до нас живую историю языка в ее пространственной проекции. Поэтому, исходя из основных положений нового учения о языке, решительно отвергающего механистический и антидиалектический разрыв в учении Ф. де Соссюра между синхронией и диахронией, автор считает, что только органическое взаимопроникновение языковых явлений настоящего и прошлого обеспечивает наилучшее постижение природы языковых процессов. В развитии языка, как и любого другого явления, в каждый данный момент рядом с настоящим существуют пережитки прошлого и ростки будущего. Территориальные и со-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 101.

циальные разновидности языка данной эпохи заключают в себе богатейший материал, свидетельствующий о пройденном им историческом пути, и автор не считает для себя возможным избегать исторических комментариев, интерпретации отдельных языковых явлений на почве фактов современной диалектологии, а напротив, дает их всюду, где для этого оказываются необходимые данные.

В более узком объеме в книге сделана попытка сводного изложения морфологии русского языка в его говорах. Однако при составлении главы, посвященной морфологии, автор испытывал большой недостаток в специальных исследованиях и монографиях: он мог опереться только на известный труд акад. С. П. Обнорского „Именное склонение" для главы о существительных, но был лишен обобщающих работ для других частей речи. Еще труднее было составить очерки синтаксиса и лексики, так как эти разделы в диалектологии до сих пор еще остаются почти совсем не изученными. Автор использовал при составлении соответствующих глав неопубликованную монографию проф. А. Б. Шапиро „Строение предложения в русских говорах" и труды проф. Ф. П. Филина (главным образом его „Исследование о лексике русских говоров", 1936).

Автор вполне сознает краткость и схематичность некоторых из названных глав, в особенности лексики, но все же он не счел возможным их опустить: эти главы во всяком случае будут служить напоминанием о первоочередности научной разработки соответствующих разделов русской диалектологии.

В главах, посвященных строю русского языка в его говорах, дается описание традиционных русских говоров, как они сохранились к концу XIX в. — началу XX в. (хотя следует иметь в виду, что языковые явления, соответствующие этим говорам, пережиточно могли сохраняться и в позднейшие годы, главным образом, в устах более отсталых слоев населения, старшего поколения). Языковым процессам современной советской деревни посвящена отдельная глава книги. Глава эта не может быть пока развернута с нужной полнотой, так как проблемы языкового развития советской деревни, качественные сдвиги, происшедшие в языке колхозного крестьянства, исследованы, к сожалению, очень недостаточно. При составлении этой главы автор опирался частью на свои собственные наблюдения, частью на труды проф. А. М. Селищева, проф. Ф. П. Филина, проф. Н. П. Гринковой.

Особая глава посвящена вопросам происхождения и состава русского языка. Эта глава дана не в начале книги, как одна из вводных, а напротив, в конце ее — после обзора строя русского языка в его говорах и после выяснения взаимоотношений — схождений и расхождений — между современными восточнославянскими языками и между наречиями и говорами русского языка, т. е. после того, как пользующиеся книгой овладеют основным материалом русской диалектологии. Такое изложение дает возможность более серьезно рассмотреть трудный вопрос о происхождении и составе русского языка. В главе этой заключается критика неприемлемых для нового учения о языке взглядов акад. А. А. Шахматова, в основе своей исходящих из теории праязыка, а также излагается проблема происхождения русского языка с точки зрения принципов советского языкознания. Следует, конечно, иметь в виду, что такой основной вопрос исторической диалектологии и истории русского языка, каким является вопрос о происхождении и составе русского языка, может быть разрешен лишь после того, как будет закончена работа над диалектологическим атласом русского языка и на основе этого атласа, а также когда будет значительно расширен круг изученных с лингвистической точки зрения древних письменных памятников. До этого времени все новые попытки в этом отношении не могут не оставаться лишь на положении более или менее правдоподобных гипотез. Однако не может быть сомнения в том, что критический пересмотр теории акад. А. А. Шахматова сейчас вполне назрел и новая постановка вопроса, исходящая из основных положений советского языкознания — нового учения о языке, будет лишь содействовать дальнейшей его разработке и углублению.

Книга заканчивается главой о методах изучения диалектов, очерком истории русской диалектологии и библиографией основной литературы предмета. Ориентировать молодых диалектологов в практике диалектологической работы, ознакомить с приемами производства наблюдений над живым языком, с основными программами собирания диалектного материала, а также с основными моментами истории науки — такова непосредственная задача этих глав. Но те же задачи по существу ставятся и всей книгой.

Выше было указано на неправильность взгляда о несовместимости изучения диалектов с точки зрения строя языка и как предмета лингвистической географии. Отсюда с необходимостью вытекает и вывод о недостаточной обоснованности противопоставления монографического описания говора изучению его для лингвистического атласа. Между этими видами изучения диалектов различие скорее количественное, чем качественное: речь идет прежде всего лишь о большем или меньшем охвате языковых явлений. Но в обоих случаях в результате наблюдения диалекта должно явиться его описание: ведь ответы даже на самую краткую современную диалектологическую программу представляют собой по существу описание говора, так как программа предусматривает не случайные особенности диалекта, а наиболее существенные черты языковой системы. Поэтому вне зависимости от того, с какой целью производится изучение диалекта, наблюдатель должен обладать необходимыми сведениями о строе изучаемого языка в его говорах.

Точно так же как врач, исследуя больного, т. е. индивидуальный случай, чтобы установить диагноз, должен знать анатомию, физиологию и патологию человека, так и диалектолог, изучая тот или иной конкретный говор, должен иметь необходимые о б щ и е сведения о строе данного языка, о его устойчивых и подвижных элементах, о чертах существенных и второстепенных. Неопытный врач, даже подробно исследовав организм больного, может все же не суметь правильно поставить диагноз; напротив, опытный врач ставит диагноз уже после беглого исследования. Так и диалектолог, не имеющий достаточных сведений о строе языка в его диалектах, даже после тщательного и длительного исследования говора все же может упустить существенное, зафиксировать случайное; напротив, имея эти сведения и некоторый практический опыт, он может в короткий срок „поставить диагноз" — описать говор в его наиболее существенных чертах.

Как это ни парадоксально, но именно наблюдающий говор с целями лингвистической географии должен в первую очередь иметь достаточные сведения в области строя языка и его типичной лексики, так как для него неизвестным, искомым является прежде всего территориальное распределение языковых явлений, а не самые языковые явления. Только при наличии этих сведений и вообще достаточной предварительной лингвистической подготовки он может справиться с своей задачей — в возможно более короткий срок описать говор хотя и не во всех деталях, но в существенных, важнейших чертах.

В связи с этим автор полагает, что не только глава о методах изучения диалектов, но и вся книга, в особенности ее главы, посвященные строю русского языка в его говорах (главы 2—5), ставят своей задачей не только дать студенту, аспиранту и начинающему работнику теоретические сведения по диалектологии, но и помочь им в практической работе по изучению говоров русского языка и в особенности в собирании материалов для диалектологического атласа русского языка.

Это особенно важно сейчас, когда в Советском Союзе ведется беспримерная в истории мирового языкознания коллективная работа по изучению русских говоров для создания многотомного диалектологического атласа русского языка, одного из крупнейших научных предприятий нашего времени в области филологических наук. Десятки вузов, сотни студентов и аспирантов, большое количество работников университетов, педагогических и учительских институтов ежегодно участвуют в диалектологических экспедициях под общим руководством Академии наук СССР. Весь этот многочисленный коллектив нуждается в постоянном инструктировании, специаль-

ных методических указаниях, но вместе с тем он нуждается в повышении своей квалификации, в улучшении общей диалектологической подготовки, в особенности в области фонетики, требующей специальной выучки. Автор полагает, что настоящая книга частично сможет ответить и этой последней потребности.

В соответствии с вышеизложенным настоящие „Очерки" распадаются на следующие десять глав:

1. Введение. 2. Фонетика. 3. Морфология. 4. Синтаксис. 5. Лексика. 6. Языковые явления современной деревни. 7. Группировка восточнославянских языков и говоров русского языка. 8. Образование русского языка и его говорах. 9. Методы изучения диалектов. 10. Очерк истории русской диалектологии. Библиография важнейшей литературы по русской диалектологии.

По техническим причинам настоящие „Очерки" выпускаются в двух частях. Первая часть заключает в себе главы 1, 2, 5, 6, 7, 9. Во второй части будут даны остальные главы и библиография.

В настоящей книге употребляется система транскрипции, принятая Институтом русского языка Академии наук СССР для собирания материалов „Диалектологического атласа русского языка" (она воспроизведена в §§ 248—252) и получившая за последнее время весьма широкое распространение.

Относительно пользования этой транскрипцией необходимо сделать следующее замечание. Если по ходу изложения предмета приводимые примеры относятся к какому-либо определенному диалекту, а не к русскому языку в целом, то они даются в фонетической транскрипции. Если же примеры относятся к русскому языку в целом или к одному из его крупных наречий, в пределах которого представлено большое диалектное многообразие, то фонетически транскрибируется обычно только то явление, о котором идет речь в данном месте книги (в необходимых случаях оно выделяется жирным шрифтом) — остальное же дается в упрощенной фонематической транскрипции и притом применительно к составу фонем литературного языка.

В применении фонематической транскрипции приняты следующие упрощения: употребляется буква *ы*, которая после согласных указывает на фонему *и* с твердостью предшествующей согласной (*был*). Если в каком-нибудь фонетическом положении в любом говоре русского языка группа фонем не различается, причем звук данной морфемы нельзя поставить в такие условия, в которых эти фонемы различались бы, — в таких случаях в транскрипции обозначается тот звук, который реально произносится (без указания путем дополнительных знаков, какие именно фонемы не различаются в данном положении; например, *стол*, *з'д'ес'*).

Если в том или ином фонетическом положении в данном диалекте не различается группа фонем, причем звук данной морфемы не может быть поставлен в условия, в которых эти фонемы различаются, а в другом диалекте эта группа фонем в том же положении различается, то в транскрипции употребляется буква фонемы применительно к диалекту, где данная группа фонем различается. Так, например, слово *собака* транскрибируется с буквой *о* (*собака*), так как в окающих говорах, где фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге различаются (ср. *водá*, но *травá*), произносится *собáка*.

Из сказанного вытекает, что оглушение и озвончение согласных при фонематической транскрипции не передаются (т. е. транскрибируется *хл'еб*, *хл'ёбца*, а не *хлеп*, *хл'ёпца*, если не имеется в виду произношение звонких согласных на конце слова и перед глухими согласными). Не передается также обычно ассимилятивная мягкость согласных, которая может быть различной по говорам (т. е., если не идет речь о данном явлении, транскрибируется *сп'инá*, *зв'ер'*, а не *с'п'инá*, *з'в'ер'*).

Настоящая книга сложилась на основе общих и специальных курсов по русской диалектологии, читавшихся автором в течение ряда лет в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. По своему

содержанию книга превышает объем общего курса русской диалектологии пединститутов. Дополнительный материал частью выделен шрифтом. Можно полагать, что преподаватель всегда сумеет указать своим слушателям, какие разделы и параграфы он считает необходимыми при первоначальном знакомстве с предметом.

Все основные типы русских говоров в большей или меньшей степени были предметом непосредственных изучений автора, которые он производил на протяжении более 20 лет. Поэтому при составлении этой книги он не только использовал литературу предмета, но также широко пользовался своими собственными наблюдениями и частично выводами из своих неопубликованных исследований. Кроме того, автор пользовался наблюдениями своих товарищей по работе проф. П. С. Кузнецова, В. Н. Сидорова, проф. А. Б. Шапиро, в том числе своих учеников С. С. Высотского, В. Г. Орловой, Л. Н. Булатовой, С. В. Бромлей, К. В. Горшковой, Л. П. Жуковской, Г. А. Касвин, О. Г. Гецовой и др., за что им приносит глубокую благодарность.

Автор считает нужным отметить, что в своих диалектологических исследованиях он многим обязан акад. С. П. Обнорскому — пользовался его советами и указаниями, за которые выражает ему глубокую благодарность. Вместе с тем автор благодарит проф. Ф. П. Филина за многие весьма ценные замечания, а также профессоров П. С. Кузнецова и И. Г. Голанова, прочитавших рукопись и сделавших ряд важных указаний.

Часть подготовленных карт по техническим причинам не могла быть помещена в первой части настоящей книги и будет дана в её второй части. Автор пользуется случаем, чтобы поблагодарить проф. Ф. П. Филина, М. Д. Мальцева и Г. А. Касвин, давших ему возможность опубликовать составленные ими лингвистические карты.

Р. Аванесов

ВВЕДЕНИЕ

Предварительные сведения.

§ 1. Диалектологией (от греческого διάλεκθος) называется наука о диалектах языка. Под диалектом имеется в виду разновидность языка, являющаяся орудием общения более или менее ограниченного коллектива, представители которого находятся в непосредственном взаимообщении, и потому характеризующаяся относительным единством языковой системы.

Диалект всегда представляет собою часть целого, т. е. входит в состав более обширного языкового образования, и потому он всегда противопоставлен другому диалекту (или другим диалектам). Поэтому в своем конкретном значении термин диалект всегда употребляется с определением (например, диалекты французского языка; древние восточнославянские диалекты). Диалекты, в большей или меньшей степени между собою сходные, объединяются в группы; более мелкие группы диалектов объединяются в группы более крупные, вплоть до такой совокупности различающихся между собой, но все же сходных разновидностей языка — диалектов, которая соответствует объединению человеческого общества в нацию и представляет собой язык данной нации.

Из сказанного явствует, что язык нации является сложным по своему строю целым, представляющим собой многостепенную систему, заключающую в себе черты общие и частные, черты единства и различий разных степеней диалектного членения языка. Поэтому в строе языка и диалектов следует различать общие и различительные признаки. Благодаря общим признакам два диалекта более мелкого деления входят в состав одного диалекта более крупного деления; точно так же благодаря общим признакам диалектов более крупного деления они входят в состав одного языка. Напротив, сами диалекты выделяются благодаря различительным признакам, которыми они и противопоставляются друг другу.

Следует иметь в виду относительность понятий „общие признаки диалектов“ и „различительные признаки диалектов“: различительные

признаки диалекта, при помощи которых выделяется данный диалект, противопоставляясь другим, в то же время являются общими признаками для более дробных диалектов, на которые подразделяется данный диалект. И напротив, общий признак данных диалектов может оказаться их различительным признаком в пределах более крупного диалекта. Например, южновеликорусское наречие представляет собой диалект русского языка, потому что, с одной стороны, в нем по отношению к северновеликорусскому наречию выделяются определенные различительные признаки, по которым они противопоставляются друг другу; с другой стороны, потому что оба они разделяют общие признаки русского языка.

Отсюда следует, что при всем различии систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тожественные. Поэтому можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя заключает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные, и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия.

§ 2. В силу причин исторического характера, о которых будет сказано ниже (см. §§ 11—16), язык нации не представляет собой полного единства, а образует сложное целое, в состав которого входят как диалекты, так и литературный язык, выделяющийся среди диалектов как качественно отличное образование. Литературный язык, который обычно не совпадает ни с одним из диалектов данного языка, возвышается над диалектами и призван быть единым орудием общения, обслуживающим всю нацию.

Внутри языка нации диалекты противопоставлены литературному языку: каждый из диалектов распространен на сравнительно ограниченной территории и служит на ней для повседневных бытовых и производственных нужд местного населения, по преимуществу крестьянства; напротив, литературный язык в той или иной степени распространен на всей территории данной нации, он призван быть средством связи между членами нации в целом во всех ее классах и социальных группах, быть орудием общенациональной культуры, языком науки и литературы, а также общим разговорным языком нации.

В капиталистическом обществе литературный язык является достоянием по преимуществу господствующих классов, интеллигенции, а также части передовых элементов рабочего класса. В нашей социалистической стране литературные языки стали достоянием широких народных масс и успешно вытесняют собою диалекты. Сложный состав языка нации, противоречия между местными диалектами и литературным языком отражают сложный путь образования нации (см. ниже §§ 11—16).

§ 3. В связи с сложностью диалектного членения языка в русской научной литературе наряду с термином д и а л е к т употреб-

ляются термины наречие и говор. Первое из них (наречие) обозначает понятие более широкое по отношению ко второму (говор). Группа в общем сходных, но имеющих между собой частные различия говоров образует наречие; два или несколько наречий входят в состав данного языка[1]. Таким образом, говоры ближе друг к другу, более сходны между собой, чем наречия. Однако надо иметь в виду всю относительность этих терминов.

Термин диалект в русской научной литературе употребляется как в более широком значении наречия, так и в более узком значении говора. Некоторые ученые под диалектом имеют в виду понятие, среднее по объему между понятиями говора и наречия.

§ 4. Как мы видим, диалекты ограничены в территориальном отношении: каждый из них имеет свою определенную территорию. Этим объясняется употребляемый по отношению к ним термин территориальные диалекты или говоры (а также областные говоры, местные говоры, местные народные говоры), посредством которого их противопоставляют социальным диалектам. Такое противопоставление не совсем точно: правда, социальные диалекты обычно в территориальном отношении четко не ограничены, но современные территориальные диалекты в социальном отношении ограничены — они по преимуществу являются достоянием крестьянства. Однако практически такое противопоставление не влечет за собою особых неудобств, так как под социальными диалектами (франц. l'argot; близко сюда подходит термин жаргон) прежде имеются в виду арго, профессиональные и разного рода специальные (иногда тайные) языки (например, язык школьников, язык охотников, язык шорников или валяльщиков, язык офеней и т. д.).

Между территориальными и социальными диалектами имеется еще одно существенное различие: характерные особенности первых в большей или меньшей степени касаются всего строя языка (фонетики, морфологии, синтаксиса), а также лексики и фразеологии, в то время как особенности социальных диалектов охватывают главным образом факты лексики и фразеологии. Поэтому нередко вместо термина социальные диалекты, хотя и без достаточных оснований, пользуются терминами профессиональная лексика или специальный словарь (словарь какой-либо профессии, специальности, промысла и т. д.).

§ 5. Как это будет показано ниже (см. §§ 11—13), происхождение диалектов связано с большей или меньшей разобщенностью их носителей в прошлом. Диалекты обособляются или, наоборот, объединяются в зависимости от того, существует ли общение между соответствующими коллективами, насколько оно интенсивно и как долго оно продолжалось. Однако, современный русский язык в целом, вместе со всеми своими диалектами представляет собой

---

[1] Наряду с этими терминами некоторые употребляют еще термины „поднаречие" и „подговор". Значение этих терминов, их место в диалектном членении языка ясно из самих их названий.

определенную языковую реальность. Он образует сложную систему, в состав которой входят все его разновидности.

Следует считать в корне неправильной индивидуалистическую и идеалистическую концепцию, характерную для младограмматиков, согласно которой языковой реальностью является лишь язык индивида, а язык даже самого маленького коллектива и, следовательно, всякий диалект, не говоря об общем национальном языке, объявляется фикцией, создаваемой в уме ученого абстракцией, а не реально существующим явлением[1]. Язык индивидуума, конечно, есть реальность, и притом не только физическая (акустическая), физиологическая, психологическая, но также и социальная, поскольку нет людей, живущих изолированно друг от друга, вне общества, вне человеческого коллектива: язык индивида является поэтому определенным представителем, типичным примером языка коллектива (т. е. диалекта в широком смысле слова). Таким образом, диалект представляет собой несомненную языковую реальность.

Но если диалект является безусловной языковой реальностью, то в какой мере можно принять за языковую реальность систему национального языка вместе со всеми диалектными разновидностями? Этот вопрос также разрешается не абстрактно, а с учетом конкретно-исторических условий: одно дело, если мы имеем в виду диалекты и общий письменный язык эпохи феодализма разных периодов, другое дело — современные диалекты и соответствующий литературный язык. По-разному разрешается вопрос для разных современных национальных языков, например, для русского языка с его хотя и многообразными, но весьма близкими друг другу диалектами, с одной стороны, и для таких языков, как немецкий, французский с их диалектами, весьма отличными друг от друга как в фонетическом и структурно-грамматическом отношениях, так и по лексическому составу, с другой.

В далеком прошлом, в эпоху формирования диалектов непосредственное языковое общение между представителями разных диалектов не имело такого значения, как в позднейшие эпохи: диалекты и развивались нередко именно вследствие обособления соответствующих групп населения. Однако уже в эпоху капитализма в связи с ростом промышленных центров и торговли, в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню языковое общение между носителями разных диалектов значительно расширяется. Особенно расширяется оно в эпоху социализма. В Советской стране в отличие от капиталистического мира трудовой народ объединен единством идеологии, социалистическим мировоззрением. Поэтому утрата диалектных черт происходит у нас с особой силой и приобретает новое качество. Наши стройки сталинских пятилеток

---

[1] См. например, H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 1909, стр. 37—38, А. А. Шахматов, Очерк соврем. русского языка, изд. 4-е, 1941, стр. 59; И. А. Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение, изд. 5-е, литогр., 1917, стр. 41.

являются местом, где происходит широкое междиалектное общение. Книга и газета, радио, звуковое кино, распространяя социалистическую культуру, в то же время приобщают носителей диалектов к литературному языку. Школа также является местом встречи разных диалектов. Все это приводит к известному двуязычию носителей современных русских диалектов: наряду с местным диалектом, они в той или иной степени владеют и литературным языком, хотя бы пассивно: узнают формы литературного языка, которые являются для них своего рода образцом.

В процессе междиалектного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка неуклонно стираются диалектные черты и вчерашние носители диалектов постепенно овладевают важнейшими нормами литературного языка.

Применительно к описанным условиям современный русский язык в целом, включая его диалектные разновидности, представляет собой определенную реальность не только в структурно-языковом отношении, но также и как явление культурно-историческое, т. е. целостное средство общения.

§ 6. Создатель нового учения о языке акад. Н. Я. Марр всегда указывал, что изучение живых языков и их диалектов дает исследователю весьма важные данные для воссоздания их исторического развития. Это положение он относил не только к бесписьменным языкам, для которых данные живых диалектов являются единственным источником исторического изучения, но также и к древнеписьменным языкам, так как древние письменные памятники не всегда отражают более архаический языковый строй, чем тот, который сохранился в живом употреблении. Так, например, акад. Н. Я. Марр указывал, что современные армянские диалекты в ряде отношений находятся на более древней стадии развития, чем та, которая отразилась в письменных памятниках армянского языка, зафиксированного, как известно, в многочисленных памятниках высокой древности.

Значение русской диалектологии как научной дисциплины и определяется прежде всего тем, что современные диалекты рядом с показаниями письменных памятников прошлого представляют собой два основных источника для построения истории языка. Одни ученые преимущественное значение придавали показаниям письменных памятников (например, акад. А. И. Соболевский), другие, — напротив, данным современных говоров (например, акад. А. А. Шахматов), но никогда не возникало сомнения в том, что именно эти два источника являются основными для истории языка.

Известно высказывание акад. А. А. Шахматова о том, что „письменные памятники не всегда дают надежный материал для определения звукового состава минувших эпох... Главный источник, откуда извлекается надежнейший и важнейший материал для исторической грамматики, — это, конечно, современные живые говоры". Действительно, письменная традиция не всегда позволяла проявиться особенностям живого языка писца: эта традиция обычно создавалась применительно к более раннему периоду развития данного говора

по сравнению с говором писца; она нередко приходила на данную территорию из другого места, т. е. создавалась не только в более ранний период, но и применительно к другому говору по сравнению с говором писца; наконец, письменные памятники по своему содержанию, характеру, по своим жанрам обычно бывали таковы, что они не могли отразить одинаково все стороны языка, все его богатство; естественно, что более слабо они отражают черты разговорного живого языка и при этом особенно скупо — язык народных масс, так как письменный литературный язык был достоянием лишь образованных кругов господствующего класса и, по преимуществу, духовенства.

Все это делает показания современных говоров первостепенным источником истории русского языка.

В одних случаях преимущественное значение имеют показания современных говоров (например, для исторической фонетики), в других — наряду с ними не менее важное значение приобретают данные письменных памятников (например, для исторической морфологии). При этом и в пределах отдельных сторон языка для истории разных явлений тот и другой источник имеет неодинаковое значение: одни вопросы исторической фонетики решаются по преимуществу на основе данных современных говоров (например, история аканья, изменения *е* в *о*), для других — наряду с ними важное значение приобретают показания письменных памятников (например, история *ѣ*); последние имеют важнейшее значение для изучения многих фонетических процессов прошлого (например, для истории редуцированных *ъ*, *ь*). Для исторической морфологии показания письменных памятников в общем имеют, пожалуй, большее значение, чем для исторической фонетики. Например, изучая современные русские говоры и даже шире — восточнославянские языки в их говорах, трудно восстановить для их прошлого наличие аориста или имперфекта, поскольку от них остались самые ничтожные реликты, между тем письменные памятники с очевидностью свидетельствуют об этом. Однако и для исторической морфологии, в особенности для процессов более поздних эпох, современные говоры дают весьма важный, а иногда и единственный материал, так как письменные памятники в силу особенностей их содержания и жанра не отражают многочисленных новообразований, например, в области именных и глагольных форм, которыми изобилуют местные говоры. Синтаксис языка письменных памятников в общем особенно традиционен и потому в него сравнительно слабо проникают характерные черты синтаксиса живого языка. Лишь в отдельных жанрах письменных памятников более широко отражаются особенности синтаксиса живого языка (ср., например, прямую речь и диалоги в летописи, для более поздних эпох „пыточные речи" — протоколы допросов, представляющие собою по существу записи прямой речи). Но все же многие синтаксические конструкции остаются неотраженными или слабо отраженными в языке письменных памятников. В письменных памятниках вообще весьма широко и многообразно представлена лексика, поэтому их данные для исторической

лексикологии весьма важны; однако все же далеко не все стороны лексики — в силу характера письменных памятников, их содержания, социальной и жанровой ограниченности — отражаются в этих последних. Поэтому как для исторического синтаксиса, так и для исторической лексикологии данные современных говоров сохраняют свое весьма важное значение.

Таким образом, для одних сторон языка оказывается более важным один из названных источников, для других — другой. Точно так же для разных периодов истории данного языка приобретает преимущественное значение то один, то другой из этих источников. Но не будет ошибкой сказать, что история языка наиболее надежные выводы делает на основе перекрестного изучения, взаимного контроля данных современных говоров и показаний письменных памятников прошлого. Именно таковы основные достижения и открытия не только акад. А. А. Шахматова, который придавал преимущественное значение данным современных говоров, но и акад. А. И. Соболевского, отводившего им меньшую роль, а также его талантливого ученика Л. Л. Васильева.

Ценность показаний современных говоров для истории языка связана со специфическими особенностями развития говоров по сравнению с литературным языком. Литературный язык, скованный традицией письма, вообще изменяется медленнее, чем живые говоры. С другой стороны, в литературном языке как правило избегаются узко местные, диалектные формы. Поэтому письменный язык вообще единообразнее устного, в нем меньше как архаизмов живого языка, так и новообразований, широко бытующих в последнем. Напротив, живые говоры, для которых отсутствовала письменная традиция, развивались, так сказать, более естественно. Развиваясь в прошлом более или менее обособленно друг от друга, они, с одной стороны, нередко сохраняют различные архаизмы, давно утратившиеся в литературном языке; с другой стороны, переживают большое количество новообразований, не проникающих в литературный язык в силу большого влияния на него традиции.

Так, например, в ряде говоров сохраняется *о̂* (*о* закрытое) под ударением в отличие от *о* (*о* открытого): *ско̂т, ко̂т, дво̂р*, но *год, ход, вор; глубо̂ко*, но *дубок, с'оло̂*, но *с'олом* (или *с'ало̂*, но *с'илом*), *воро̂на, сороко̂а* и т. д. Оказывается, что *о̂* произносится на месте старого *о* под восходящим ударением, а *о* — на месте старого *о* под нисходящим ударением, а также на месте *о* из *ъ*. В ряде русских говоров на месте *ѣ* под ударением перед твердой согласной произносится звук, отличный от *е* — *ê* (*е* закрытое) или *ие̂*: *л'ê̂с, с'ê̂но, с'ê̂рой м'ê̂сто* или *л'ие̂с, с'ие̂но* и т. д. В некоторых с-в-р[1] говорах сохранилась старая форма им. п. ед. ч. *мати*, причем по говорам она отличается от вин. п. ед. ч., также сохранившего старую форму *матерь* (*пришла мати*, но *видел матерь*). Среди ю-в-р говоров, а

[1] В дальнейшем изложении с-в-р будет обозначать *северновеликорусский*, ю-в-р — *южновеликорусский*, ср-в-р — *средневеликорусский*.

в особенности рязанских, распространена весьма архаическая форма им. п. ед. ч. *свякры́*. На западе ю-в-р территории встречаются архаические формы дат. и местн. пп. мн. ч. типа *гостём, гостёх, лошадём, лошадёх*, представляющие собой продолжение (с фонетическими изменениями) старых форм *гостьмъ, гостьхъ*.

По русским говорам встречаются наречия *осенесь, ночесь*, представляющие собой старую спайку форм вин. п. ед. ч. от *осень, ночь* с постпозитивным местоимением *сь* (*осень* + *сь*, *ночь* + *сь*), сохранившуюся лишь с фонетическими изменениями (*ь* в сильном положении изменился в *е*, а в слабом положении исчез, оставив после себя мягкость предшествующей согласной; ср. рядом *летось, зимусь*). Архаизмом является наречие *намедни*, восходящее к сочетанию *ономь дьни* (с рядом фонетических изменений) и представляющее собой весьма архаическую конструкцию с местным падежом без предлога.

С другой стороны, часто те же говоры представляют и многочисленные новообразования, также чуждые литературному языку, но важные для истории языка. Так, например, в значительной части с-в-р говоров *а* между мягкими согласными под ударением изменилось в *е* (*п'ет', з'ет', гр'ез', вз'ел'и, пом'ел'и*; ср. *п'ат', з'ат', гр'аз', вз'ал'и, пом'ал'и*); во многих с-в-р говорах в тех же условиях развилось *и* на месте старого *ѣ* (*с'ицут, с'им'о, в'ит'ор, м'ис'ец'*; ср. *с'ицут, с'им'а, в'ит'ор, м'ис'ец'*). Многим ю-в-р говорам свойственны новые формы им. п. мн. ч. на *-а* от слов женского рода — *лошадя́, деревня́, яблоня́, матеря́* и др. В тех же говорах от некоторых из этих слов встречаются формы вин. п. ед. ч. на *-у* (*ло́шад'у, ма́т'ер'у*), и вин. п. ед. ч. на *-ей* (*-яй*) или *-јуј* (*ло́шад'аj, ло́шад'јуј; гр'а́з'аj, гр'а́з'јуј*). По говорам форма род. п. мн. ч. на *-ов* широко распространяется на слова женского рода: *ягодов, свадьбов, старушков* и т. д. Во многих говорах вместо *п'еч'о́ш, ст'ер'ежо́ш* встречаются более новые формы *п'ек'е́ш, ст'ер'ег'е́ш*; *п'ек'о́ш, ст'ер'ег'о́ш*; *п'еко́ш, ст'ер'его́ш*; вместо *купл'у́, ношу́, молочу́* встречаются новообразования *ку́п'у, но́с'у, моло́т'у*.

Таким образом, значение диалектов для истории языка заключается в том, что в отличие от литературного языка они, наряду с архаизмами иногда весьма большой древности, заключают в себе также большое количество новообразований: те и другие служат важным материалом для построения исторической грамматики.

§ 7. Диалектология тесно связана с историей. Данные современных говоров нередко служат важным материалом для историка: как группировалось население в прошлом, где оно обитало, каковы были колонизационные движения, каковы были связи у разных частей данного народа между собою и с соседними народами в разные исторические эпохи — все это в той или иной степени отражается в говорах. Дело в том, что территориальное распределение диалектных различий представляет собой как бы отпечаток, след пройденного народом исторического пути. Нередко оно является для историка единственным источником, так как передвижения народных масс

в особенности в древнейшие периоды, обычно не находят в себе отражения в основных источниках истории — письменных памятниках.

Но имеется и обратная зависимость: полное понимание современного диалектного многообразия языка, территориального распределения диалектных различий невозможно без учета исторических фактов. Поэтому историческая диалектология и история языка должны широко пользоваться данными истории. Например, оказывается, что граница между различным произношением фонемы *е* в известных положениях в ю-в-р говорах в общем совпадает с границей Московского государства и Литовского великого княжества в XV — XVI вв. Мы не разберемся в вопросах образования русского языка, если не примем во внимание многие процессы, имевшие место в Ростовско-Суздальской Руси и позднее в Московском государстве.

Отсюда естественное методологическое требование — историческое изучение диалектов от древнейших доступных эпох до нового периода производить в тесной связи с данными истории.

§ 8. Методологическое требование исторической диалектологии и истории языка — изучать диалекты с учетом данных истории — распространяется и на данные археологии, которая, как известно, является отделом истории. Археология в отличие от собственно истории имеет в качестве своего объекта не письменные источники, а вещественные — прежде всего древние поселения („городища", „селища", „стоянки") и древние погребения. Археологические данные, в основном подтверждая данные летописи о расселении древних восточнославянских племен, позволяют довольно точно очертить территорию, занимаемую отдельными племенами в разные периоды их развития, начиная с эпохи значительно более ранней, чем та, к которой относятся данные летописи, проследить пути их передвижения; они помогают установить территории иноязычных соседей восточных славян (финнов, балтийцев) и т. д. Все эти данные весьма полезны для диалектолога и историка языка: они существенно помогают ему при изучении древнейших судеб русского и других восточнославянских языков.

§ 9. Диалектология тесно связана с этнографией — наукой о материальной культуре народа. Дело не только в том, что диалектные особенности являются одним из важнейших этнографических признаков; и не только в том, что без знакомства с основами этнографии диалектологу нелегко ориентироваться в деревне при производстве наблюдений над говорами, так как он должен иметь хотя бы элементарные сведения о быте и предметах материальной культуры деревни; дело в том, что многие этнографические особенности тесно связаны с особенностями диалектными. Например, оказывается, что понёва (род юбки из особой шерстяной ткани) в основном соответствует ю-в-р наречию, а сарафан с-в-р. Понёва, как и сарафан, имеет много своих разновидностей, которые важно соотнести с соответствующими говорами. Территориям с-в-р и ю-в-р наречий соответствуют весьма различные типы жилого дома и т. д.

www.ruslang.ru

Диалектологические и этнографические сведения, вместе взятые, подкрепляя друг друга, могут привести исследователя к важным заключениям об истории соответствующего говора и его носителей — населения этой местности. Даже в тех случаях, когда не окажется совпадения между данными диалектологическими и этнографическими, это несовпадение даст исследователю важный материал для установления культурных и языковых влияний или этнических смешений в прошлом.

Тесные связи между диалектологией и этнографией, между прочим, можно иллюстрировать тем, что выдающийся советский этнограф Д. К. Зеленин является в то же время видным диалектологом, и его перу принадлежит замечательное исследование „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных" (СПБ, 1913), где, несмотря на спорность некоторых положений и выводов, автором дается первая попытка исторического изучения диалектной особенности в связи с данными истории и этнографии. Видный советский диалектолог Н. П. Гринкова в равной мере является и этнографом.

§ 10. Помимо своего научного значения, диалектология имеет также весьма важное практическое значение.

Знакомство с диалектологией необходимо для каждого учителя русского языка. Ведь основной задачей учителя является привитие ученикам твердых навыков в пользовании русским литературным языком в его устной и письменной разновидностях, всемерное повышение культуры русского литературного языка учащихся. С этой задачей нельзя справиться, не будучи знакомым с основами русской диалектологии, так как отклонения в речи учащихся от литературного языка в подавляющей своей части являются пережитками того или иного местного диалекта, а именно родного говора ученика.

Знакомство с диалектологией необходимо не только для сельского учителя, но и — не в меньшей степени — для учителя городского, в том числе и столичного. Учащиеся сельских школ обычно подбираются из соседних деревень и потому большей частью по своим диалектам бывают более или менее однородными: учителю нужно хорошо знать местный диалект, чтобы успешно справиться с своей задачей. Напротив, учащиеся городских школ, в особенности в крупных городах, обычно отличаются большой пестротой своих говоров, так как население наших городов, и в особенности больших, в условиях характерного для нашей растущей страны быстрого роста городского населения не в малой своей части комплектуется из самых разных частей страны и приносит с собою непреодоленные особенности своих местных диалектов. Поэтому задача городского учителя несравненно сложнее, чем задача сельского учителя: он должен быть знаком со всеми русскими диалектами; в своей практической работе он в гораздо большей степени должен проявлять индивидуальный подход к учащимся, так как отклонения в их речи от литературного языка могут быть самыми разнообразными в зависимости от родного диалекта отдельных учащихся.

Сведения по диалектологии нужны учителю во всех разделах работы по языку — касается ли она лексики и фразеологии, синтаксиса, фонетики или правописания. В устной речи учащихся и в разных видах их письменного языка (сочинение, изложение, списывание, диктант) в разной степени встречаются погрешности против всех названных разделов: ученик может употребить слово, фразеологический оборот или синтаксическую конструкцию, не свойственную литературному языку, употребить диалектную грамматическую форму, передать фонетическую особенность своего родного говора и вообще сделать орфографическую ошибку, основанную на особенностях фонетической системы своего говора.

Ошибки против лексики и синтаксиса литературного языка могут быть весьма разнообразны. Приведем несколько примеров ошибок морфологических.

Так, например, в письменных работах учащихся, еще сохраняющих особенности своих диалектов, можно встретить такие формы, как *больнуя, стараю* (вин. п. ед. ч.), *стараи* (им. п. мн. ч.), формы 3 л. ед. ч. глаголов с мягкою *т* на конце (*идеть, несеть*), формы 3 л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения на *-ут'* (*хвалють, любють*), форма род. п. ед. ч. типа *у сестре, от корови*, формы дат. и местн. п. п. типа *к жены, на стены* и т. д.

Часто встречаются, в особенности у учащихся начальных школ, орфографические ошибки, свидетельствующие о фонетических чертах различных говоров. Например, в условиях цокающего говора, при наличии в говоре одной аффрикаты вместо двух, имеющихся в литературном языке, можно найти в работах учащихся наряду с правильным употреблением *ц* и *ч* написания *ч* вместо *ц* и *ц* вместо *ч*: *овча, челой* и *часто, цугун, церви*. В условиях говора, где вместо *ф* в определенных условиях произносят *х*, возможно написание *х* вместо *ф*, по произношению: *торх, Хролов* (фамилия) вместо *торф, Фролов*. Но учащиеся, усвоив правильное написание таких слов с буквой *ф* — при сохранении в произношении этих слов звука *х* — могут сделать новую ошибку: написать *ф* вместо *х*, например *фромой* вместо *хромой*, хотя они и произносят здесь правильно звук *х*. Часто встречается написание *х* вместо *г* на конце слова в соответствии с произношением: *снех, сапох, вокрух, плух*. Весьма часто ошибки учащихся передают аканье — пишут: *вада, нага, пригатовь, пасуда* и т. д. Научившись употреблять букву *о* в соответствии с безударным *а*, учащиеся нередко делают новые ошибки: пишут букву *о* вместо *а* в соответствии с безударным *а* — *трова, сторик, довай*. Эти ошибки, как и написания с *а* вместо *о*, свидетельствуют об акающем говоре учащихся.

Здесь нет возможности анализировать возможные типы ошибок учащихся. Но надо иметь в виду, что ошибки учащихся против норм литературного языка (и не только орфографические) бывают весьма различны в условиях разного диалектного окружения. Приведенные примеры имеют целью лишь показать, сколь важно знакомство с основными фактами диалектологии для учителя родного языка.

Данные диалектологии весьма полезны во всех тех случаях, когда речь идет о привитии навыков орфоэпии, т. е. произношения, соответствующего нормам литературного языка, а также других сторон литературного языка — норм морфологических, синтаксических, лексических. Важное значение здесь приобретает работа над привитием норм русского ударения — все равно касается ли это ударения в отдельных словах (ср. *тýча, зáсуха, свёкла* и диалектные *тучá, засýха, свеклá*) или определенных категориях (ср. *зá ногу, нá гору,*

на́ сторону и т. д. и нелитературные или диалектные *за но́гу, на го́ру, на сто́рону; за ногу́, на гору́, на сторону́*; или: *была́, спала́, дала́, взяла́* и т. д. и нелитературные диалектные *бы́ла, спа́ла, да́ла, взя́ла* и т. д.).

Привитие навыков орфоэпии и вообще норм литературного языка, являющееся одной из важных обязанностей школы и учителя русского языка, в то же время имеет значительно более широкое значение — для сцены и эстрады, для звукового кино, для радиовещания. Наконец, при всеобщем росте культуры народа в нашей стране нормы литературного языка и, в частности, его произносительные нормы — орфоэпия — все больше и больше становятся необходимыми для каждого культурного советского человека.

Диалектология имеет известное значение также для литературоведа и преподавателя литературы. Дело в том, что между литературным языком и говорами существует тесное взаимодействие: народные говоры в течение веков питали и питают литературный язык; в то же время литературный язык оказывал и теперь оказывает все более мощное влияние на них. В художественном произведении нередко в определенных стилистических целях употребляются те или иные особенности диалектов (так называемые диалектизмы). Особенно много бывает их в речи действующих лиц, в диалогах, но некоторые авторы пользуются ими в стилистических целях и в авторской речи (например, в так называемом сказе).

Диалектизмами в большей или меньшей степени пользовались Тургенев (в „Записках охотника"), Л. Толстой (например, во „Власти тьмы"), Лесков (во многих произведениях), Короленко (в ряде произведений, см., например, очерк „Река играет", где довольно точно воспроизводится ветлужский говор), Мельников-Печерский (во многих произведениях), Мамин-Сибиряк и др. Из наших советских писателей диалектизмами нередко пользуется, например, М. Горький (во многих произведениях; см., например, сборник „По Руси") и Шолохов, в обоих романах которого („Тихий Дон" и „Поднятая целина") широко представлены различные особенности донских говоров.

Чтобы правильно понять диалектные элементы в составе языка художественного произведения и оценить их стилистическую роль, естественно, требуется знакомство с данными диалектологии.

Диалекты и национальные языки в историческом развитии.

§ 11. Развитие языка вообще, как явления социального, обусловлено развитием общества. Точно так же развитием общества обусловлено развитие диалектов и национальных языков. Известные нам диалекты и национальные языки являются историческими категориями. Это значит, что они не всегда существовали, что они принимали разные формы в различных общественно-экономических условиях, что закономерности их развития обусловлены закономерностями развития общества.

Закономерности развития общества в эпоху разных сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, как известно, весьма различны: они одни для доклассового общества, эпохи родового

строя, другие — для классового общества; они весьма различны в различных формациях классового общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического, при этом неодинаковы и в разные периоды развития каждой из этих общественно-экономических формаций. Качественно новые общественные отношения возникают в эпоху социализма.

Различные закономерности общественного развития в эпоху разных общественно-экономических формаций вызывают качественно различные закономерности языкового развития. Одни эпохи вызывают по преимуществу дробление языка, образование множества близких друг к другу диалектов; в другие эпохи, напротив, происходит объединение, концентрация этих диалектов в бо́льших или меньших масштабах. В соответствии с этим в одни эпохи по преимуществу возникают диалектные различия, а в другие происходит нивелировка, сглаживание, объединение диалектов. Весьма часто одновременно имеют место оба эти процесса: в одних, более узких, пределах происходит объединение диалектов, а в других, более широких, напротив, — дальнейшее их расхождение, выработка новых диалектных различий.

При одних условиях диалекты являются категорией продуктивной, т. е. они вызываются к жизни существующими в данную эпоху общественно-экономическими отношениями; при других условиях они, напротив, являются категорией реликтовой, пережиточной, деградирующей, т. е. такой, которая не вызывается к жизни существующими в данную эпоху общественно-экономическими отношениями, а наоборот, продолжает еще существовать, несмотря на наличие в эту эпоху уже других общественно-экономических отношений, нивелирующих диалектные различия, способствующих объединению диалектов. Таким образом, в этих последних условиях диалекты существуют потому, что новые общественно-экономические отношения еще не успели полностью или в меру своих возможностей нивелировать их. Перед нами в этом случае одно из частных проявлений отставания надстройки от базиса: диалекты, как категория надстроечная, в своем развитии отстают от развития общественно-экономических отношений и часто не вполне соответствуют им. Таковы, например, диалекты в эпоху капитализма, не говоря уже об эпохе социализма: капиталистические отношения сами по себе вообще не вызывают к жизни развития диалектов, и если последние существуют в капиталистическом обществе, то только благодаря ранее господствовавшим феодальным отношениям. Тем более не вызывает к жизни новых диалектов социалистическое общество; в эпоху социализма процесс нивелировки диалектов особенно усиливается и литературный язык постепенно становится достоянием всей нации; и если в наши дни, в эпоху социализма, еще существуют диалекты, пусть находящиеся в стадии деградации, то это потому, что жизнь языка, в особенности развитие его фонетического и грамматического строя, нередко отстает от развития общественно-экономических отношений: научный анализ показывает, что современные диалектные

различия в значительной своей части восходят, как пережитки, к разным периодам эпохи феодализма, а частично даже к еще более ранней эпохе племенных отношений.

Таким образом, территориальные диалекты или территориальное распределение диалектных черт обусловлено социально-экономической и политической историей общества на определенной территории. В соответствии с этим в одних исторических условиях они характеризуют язык почти всего населения данной территории (таковы диалекты в эпоху феодальной раздробленности); в других исторических условиях, по мере развития национального языка и постепенного перехода господствующего класса и близких к нему групп на литературный язык, диалекты, сохраняя свой территориальный характер, приобретают все более ярко выраженную классовую окраску, становясь на данной территории лишь достоянием крестьянства (таковы, например, диалекты в эпоху капитализма).

Если современные диалекты не всегда существовали, то это еще в большей мере относится к национальным языкам — категории весьма позднего времени. Национальный язык является одним из признаков нации, а нация, как известно, складывается в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма.

Итак, окончательное формирование национальных языков относится к эпохе капитализма, буржуазному обществу. Однако общность языка, служившая основой для образования национального языка, обычно складывается в течение длительного периода, нередко задолго до эпохи победы капитализма над феодализмом.

В эпоху капитализма в связи с сложной социально-классовой дифференциацией общества — наличием многочисленного класса крестьянства, его социальным расслоением, развитием пролетариата, наличием мелкой буржуазии и городского мещанства — имеет место весьма сложная дифференциация языковая.

§ 12. В эпоху родового строя в его начальной стадии люди живут сравнительно небольшими обособленными группами. Крупных объединений еще нет. Основной единицей этого общественного строя является племя. Каждое племя имеет свой диалект, и в то же время каждое племя является единым по языку. Ф. Энгельс по этому поводу пишет, что „в действительности племя и диалект по существу совпадают“ [1]. Развитие племени обусловливает собой и развитие племенного диалекта. Основным процессом в развитии племен является их непрерывное разделение, распадение: племя по мере роста населения и территориального расхождения распадается на части, каждая из которых сама становится племенем. Так образуются родственные племена. В результате разделения племени разделяется и племенной диалект — образуются родственные диалекты. Этот процесс Ф. Энгельс характеризует как „новообразование племен и диалектов путем разделения“ [2].

---

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ОГИЗ, 1948, стр. 104.

[2] Там же.

Таким образом, в эпоху родового строя в соответствии с членением общества на родственные племена наблюдается большое количество родственных, близких между собой племенных диалектов. Степень близости их между собой может быть неодинаковой: она обусловлена степенью близости между собой соответствующих племен.

В дальнейшем, в связи с процессами разложения родового строя, возникают союзы родственных племен. В связи с образованием союзов родственных племен происходит и объединение родственных племенных диалектов, вошедших в состав каждого из таких союзов. Так образуется противопоставление языка диалектам[1]: язык племенных союзов и диалекты отдельных племен. В одних случаях племенные диалекты могли полностью раствориться в едином языке союза племен, или иначе диалекте, если иметь в виду язык других союзов племен; в других случаях они могли частично сохранить свои особенности.

Таким образом, еще в эпоху доклассового общества мы констатировали как процесс распадения, дифференциации, в результате которого образовалось большое количество родственных племенных диалектов, так и, напротив, процесс объединения их в языке (или диалекте) союза родственных племен.

Распадение и объединение близко родственных диалектов является едва ли не основным процессом рассматриваемой эпохи.

Союзы племен могли охватывать и неродственные, иноязычные племена. Такое объединение разноязычных племен не могло не приводить к смешению и скрещению племен, а вместе с этим к образованию смешанных, скрещенных диалектов. Этот фактор — скрещение — наряду с распадением и объединением близко родственных диалектов является весьма важной причиной образования диалектных различий.

В эпоху разложения родового строя и перехода к классовому обществу могут иметь место и более крупные общественные объединения из нескольких союзов родственных племен, которые приводят к образованию народностей. Следствием образования народностей является объединение диалектов вошедших в их состав племенных союзов. Впрочем, полного объединения могло и не быть: развившиеся в более раннюю эпоху диалектные различия частично могли сохраняться.

§ 13. С развитием классового общества укрупняются человеческие коллективы. Образуются государства, нередко объединяющие не только родственные племена и их союзы, но также и неродственные иноязычные племена. Происходят новые этнические и языковые объединения, перекрывающие старые. Вместе с этим усложняются и функции языка как орудия общения: он начинает служить не только

---

[1] Впрочем, надо иметь в виду относительность термина „язык" в историческом языкознании: язык союза родственных племен можно назвать и диалектом, если иметь в виду этот язык в его отношении к языку других родственных племенных союзов. Однако противопоставление языка и диалекта в пределах союза родственных племен остается в силе.

для непосредственного и единичного общения, но и для общения в пространстве и времени. Тем самым устанавливается различие между обиходной речью и письменным литературным языком.

В эпоху феодализма нередко в качестве письменного языка употреблялся язык мертвый или чужой (ср. латинский язык в Западной Европе, арабский и персидский на Ближнем Востоке). В значительно лучшем положении была древняя Русь. Правда, после принятия христианства в качестве письменного языка преобладающим стал у нас язык церковнославянский. Но, во-первых, наряду с ним у нас издавна, повидимому, существовал свой чисто русский литературный язык; во-вторых, церковнославянский язык, основанный на одном из близкородственных славянских диалектов (древнеболгарском), был весьма близок древнерусскому языку и быстро русифицировался. Взаимодействие церковнославянского (а через него и элементов византийской культуры) с русским оказалось весьма плодотворным для развития русского литературного языка и способствовало обогащению последнего многими выразительными средствами, в особенности в области лексики и словообразования.

Эпоха феодализма характеризуется образованием на территории племен и племенных союзов большого количества феодальных земель-государств. В условиях натурального хозяйства и мелкого товарного производства характерна бóльшая или меньшая обособленность в развитии каждого из этих феодальных земель-государств. Связи между отдельными феодальными землями нередко бывали слабы и случайны. Широкие объединительные тенденции отсутствовали. Это вело к экономической и политической разобщенности отдельных областей, соответствующих разным феодальным землям.

Территориальная разобщенность феодальных земель-государств в течение длительного времени могла привести в свою очередь к образованию территориальных диалектов, соответствующих отдельным феодальным государствам.

Для развития диалектов в эпоху феодализма характерны два процесса: при наличии между феодальными землями-государствами более или менее устойчивых границ в течение длительного периода происходит обособление территориальных диалектов каждой из этих земель-государств: м е ж д у н и м и развиваются все новые и новые диалектные различия. Родственные диалекты всё более отходят друг от друга. Иной процесс происходит в н у т р и отдельных феодальных земель-государств. Последние образовались на территории диалектов племен и племенных союзов более ранней эпохи. При этом не всегда территория феодального государства совпадала с территорией племени или союза племен. Феодальное государство могло занимать территорию нескольких племен и племенных союзов; территория одного племени или племенного союза могла оказаться поделенной между разными феодальными государствами и т. д. Поэтому феодальное государство при своем возникновении часто бывало не единым по своим диалектам: в нем нередко сохранялись в качестве пережитка диалекты предшествующего, родоплеменного строя общества.

Однако в дальнейшем своем развитии, именно благодаря обособленности разных феодальных государств-земель друг от друга и, напротив, тесным экономическим, политическим и культурным связям внутри отдельного феодального государства, феодальное государство на всей своей территории вырабатывает более или менее единый территориальный диалект.

Вообще нарушение политических и экономических связей населения с течением времени может повести к нарушению общности языковой жизни, к появлению на территории каждой обособившейся группы населения своих местных, только ей присущих диалектных особенностей; напротив, установление таких связей между ранее обособленными местностями приводит к стиранию диалектных особенностей и способствует распространению языковых новообразований на всей политически и экономически объединенной территории. Поэтому теоретически возникновение диалектной черты, свойственной только данной местности, следует относить к эпохе, когда местность эта от других была обособлена, а возникновение диалектной черты, распространенной на более обширной территории — к такой эпохе, когда эта территория представляла известное экономическое и политическое единство, благоприятствовавшее взаимообщению населения.

Эпоха феодализма, таким образом, вообще характеризуется, с одной стороны, объединением, унификацией диалектов старшей формации внутри отдельного феодального государственного образования и выработкой единого территориального диалекта этого государства, с другой стороны, — все бóльшим обособлением территориальных диалектов разных феодальных государств, все бóльшим расхождением этих диалектов, развитием новых диалектных особенностей, различных на территории разных феодальных государств-земель. Этнические смешения разноязычного населения и скрещение диалектов и в эту эпоху имели большое значение.

Именно в эпоху феодальной раздробленности сложились и закрепились на определенных территориях многие из наблюдаемых ныне диалектных особенностей. Границы многих диалектных особенностей ряда языков совпадают с границами соответствующих феодальных областей или приближаются к ним.

Однако феодализм принимал весьма различные формы в разных странах. Например, в средневековой Германии он развивался иначе, чем во Франции; особые своеобразные формы он принял у нас на Руси. Кроме того, весьма отличаются друг от друга разные периоды в развитии феодализма — ранний феодализм, эпоха феодальной раздробленности, более поздние периоды, которые характеризуются ростом городов, усилением буржуазных элементов, часто образованием крупных централизованных государств. В соответствии со всем этим языковое развитие эпохи феодализма принимает весьма многообразные формы в разных странах и в разные периоды феодализма. В одних случаях в течение столетий сохранялись более или менее неизменные границы феодальных государств; естественно,

что за такой длительный срок успевали выработаться и более или менее четкие границы диалектных явлений. В других случаях границы того или иного феодального государства постепенно раздвигались благодаря территориальным присоединениям. В этом случае можно ожидать последовательного, ступенчатого распределения границ диалектных явлений. В третьих случаях границы между феодальными государствами не были устойчивыми — они часто менялись то в одну, то в другую сторону, так что одна и та же территория оказывалась то в пределах одного государства, то другого; это не могло не сказаться и на отсутствии четких языковых границ.

Во многих случаях в эпоху феодализма представителями данного народа колонизовались новые территории, до того времени или вовсе не заселенные или заселенные другим, иноязычным народом. Развитие диалектов на вновь колонизуемых территориях принимает весьма своеобразные формы в зависимости от конкретных исторических условий. При колонизации территории, ранее в большей или меньшей степени заселенной иным народом, нередко происходят разного рода межъязыковые смешения, которые могут порождать новые диалектные различия.

В эпоху образования крупных централизованных феодальных государств, роста городов, усиления торговли происходит образование общего делового, административного языка, который затем при образовании национального языка в связи с переходом к капитализму станет одной из основ литературного языка.

Характерной особенностью языкового развития эпохи феодализма является то, что территориальный диалект феодального государства является языком не одной какой-либо социальной группы феодального общества, в частности эксплоатируемого класса — крестьянства, а до известной степени языком *всего населения* на данной территории. Территориальный диалект эпохи феодализма — это прежде всего единица территориальная, обусловленная социально-экономической и политической историей феодального общества: она объединяла значительную часть населения в пределах данной феодальной области, земли или княжества. Поэтому не только в XVIII, но и в XIX в. русское поместное дворянство нередко сохраняло яркие местные диалектные черты. Это не значит, конечно, что в эпоху феодализма не было социально-классовой дифференциации языка — она безусловно была, но затрагивала главным образом лексику: словарь языка господствующих классов и крестьянства в связи с различиями их в быте, в материальной и духовной культуре имел существенные различия. Различия в фонетико-грамматическом строе языка крестьянства и господствующего класса на той или иной территории были менее заметны.

Однако в дальнейшем, в эпоху капитализма, территориальные диалекты приобретают все более ярко выраженную социально-классовую окраску: они характеризуют язык эксплоатируемого класса, прежде всего крестьянства. Для эпохи капитализма территориальные диалекты одновременно являются крестьянскими диалектами.

§ 14. При переходе от феодализма к капитализму образуются нации. „Нация, — говорит И. В. Сталин, — является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации“ [1]. Как известно, общность языка является одним из основных признаков нации: „Нация,— по определению И. В. Сталина,— есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“ [2]. Вместе с нациями окончательно формируются национальные языки в качестве одного из существенных их признаков, поскольку, как указывает И. В. Сталин, „национальная общность немыслима без общего языка“ [3].

Языковая общность, являющаяся предпосылкой образования национального языка представляет собой результат длительного развития. Разложение феодальных отношений, рост городов, развитие торговли и промышленности, объединение мелких феодальных областей в крупные государства, в особенности с централизованным управлением, приводит к значительному развитию связей между различными, ранее обособленными, областями. Все это способствует образованию в пределах данного государства общего делового и административного языка и на его базе основных особенностей общего народно-разговорного языка. Последние затем в эпоху господства капиталистических отношений явятся важнейшими составными элементами национального языка. Таковыми были по отношению к русскому национальному языку деловой, приказный язык Московского государства XVI — XVII вв., а также русский народно-разговорный язык, сформировавшийся на основе московского говора.

Национальный язык в его литературной форме стремится преодолеть диалектную раздробленность, доставшуюся ему в наследство от прошлого. Он служит орудием общей национальной культуры. Таким образом, речь идет, говоря словами Маркса и Энгельса, о „концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией“ [4].

„Во всем мире,— писал В. И. Ленин,— эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Там же, стр. 293.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 414.

важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем"[1].

Пути образования наций бывают весьма различны в зависимости от конкретных исторических условий, от времени перехода к капитализму. В Западной Европе нации образовались в процессе ликвидации феодализма и развития капитализма. „Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма", — пишет И. В. Сталин [2]. „Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства", — читаем там же.

Иначе протекало национальное развитие у тех народов, которые в эпоху феодализма утратили свою политическую самостоятельность и в эпоху образования наций вошли в состав образовавшихся крупных государств в качестве народов, подчиненных господствующему народу. Такими многонациональными государствами являлись на Востоке в XIX в. Россия, Австро-Венгрия и Турция.

„В то время как на Западе, — пишет И. В. Сталин, — нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы — они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры — ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию"[3].

„Этот своеобразный способ образования государств, — пишет далее И. В. Сталин, — мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации"[4].

При таком способе образования государств рано сказываются противоречия между господствующей национальностью, носительницей государственности, и национальностями, „оттертыми на задний план", занимающими более или менее подчиненное положение. В этих условиях начинаются национально-освободительные движения, охватывающие Восточную Европу в конце XVIII и в течение XIX в.

---

[1] В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. XVII, стр. 428.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 2, 1946, стр. 303.
[3] Там же, стр. 303—304.
[4] Там же, стр. 304.

В результате этих движений складываются в нации поляки и чехи, болгары и сербы, греки, латыши и литовцы, финны, эсты, украинцы и белорусы, армяне и грузины.

По поводу буржуазных национально-освободительных движений товарищ Сталин пишет: „Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся „национальная" буржуазия угнетенных наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России). Буржуазия — главное действующее лицо"[1].

Борьба за экономическое и политическое равноправие, за полную национальную и политическую самостоятельность при буржуазных национально-освободительных движениях всегда бывает сопряжена с борьбой за развитие собственной национальной культуры и прежде всего собственного национального языка, как орудия этой культуры, как средства национального объединения.

Развитие национальных языков в условиях буржуазного национально-освободительного движения принимает весьма многообразные формы в зависимости от места и времени, от социально-экономического и культурного уровня данной нации, от наличия или отсутствия в предшествующую эпоху своего письменного языка на базе одного из диалектов, от степени антагонизма с господствующей нацией и т. д.

§ 15. Язык нации в эпоху капитализма представляет собой весьма сложное целое: он включает в себя литературный язык, народно-разговорный язык, сформировавшийся на базе взаимодействия диалектов между собой, а также диалектов и литературного языка, и, наконец, всю совокупность местных диалектов.

Литературный язык, несмотря на весь свой сложный состав, уходит всеми своими корнями в толщу народного языка, создается на почве народного языка и вместе с тем, сформировавшись, он оказывает все более и более мощное воздействие на народный язык, на его местные диалекты.

Как было уже отмечено выше (см. § 13), в эпоху капитализма происходит весьма важный функциональный социально-классовый сдвиг старых территориальных диалектов: поскольку литературный язык в эту эпоху является по преимуществу достоянием господствующего класса и примыкающих к нему групп, местные диалекты, сохраняя свой территориальный характер, вместе с тем приобретают ярко выраженный классовый характер: они становятся по преимуществу языком эксплоатируемого класса — крестьянства.

Вообще для капиталистического общества характерна сложная социально-классовая дифференциация языка: территориальные диа-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, 1946, стр. 305.

лекты, как было только что указано, становятся достоянием крестьянства; литературным языком по преимуществу пользуются господствующие классы и близкие к ним группы; промежуточное положение занимает мелкая буржуазия и мещанство, которые в условиях жизни в маленьких городах и в крестьянском диалектном окружении нередко сохраняют многие местные особенности, частью на базе местных диалектов образуют своеобразные мещанские диалекты, частью — по мере приобщения к общенациональной культуре — усваивают основные нормы литературного языка.

Своеобразное положение по своему языковому развитию занимает пролетариат: рекрутируемые главным образом из крестьянства, рабочие приносят в города на фабрики и заводы свои местные диалектные особенности. В условиях производства и городской жизни, для которых характерно междиалектное смешение и смешение диалектоз с общегородским просторечием, элементы местных диалектов в языке рабочих довольно быстро сглаживаются — бывшие носители диалектов переходят на общегородской разговорный язык. В дальнейшем по мере роста классового самосознания рабочего класса и приобщения его передовых кругов к общенациональной культуре происходит постепенное овладение пролетариатом литературным языком.

Язык разных общественных классов и групп, кроме различий в фонетико-грамматическом строе, отличается своеобразным развитием разных сторон лексики, своеобразной семантикой многих слов, в том числе и общих для всего данного языка.

Функциональные изменения территориального диалекта в эпоху капитализма заключаются в том, что из почти общего орудия общения в пределах данного общества, каким диалекты были при феодализме, они постепенно превращаются в средство лишь частных и ограниченных видов обиходно-бытового и производственного общения в пределах семьи и среди жителей-крестьян данной местности.

Капиталистическое развитие в связи с его всеобщностью имеет тенденцию полностью унифицировать язык нации, способствовать полной нивелировке диалектов, их ликвидации и переходу вчерашних носителей диалекта на нормы литературного языка. Однако в силу противоречий, заложенных в системе капитализма, неравномерности в проникновении капиталистических отношений в разные районы страны, неспособности капитализма преодолеть противоречие между городом и деревней эта тенденция остается неосуществленной: территориальные диалекты в значительной мере продолжают сохраняться.

Влиянием литературного языка диалекты охватываются очень неравномерно и по преимуществу в районах, экономически и культурно тяготеющих к крупным центрам. Школа и просвещение в виду их ограниченного распространения среди крестьянства в эпоху капитализма также оказывают лишь ограниченное влияние. Благодаря всему этому территориальные диалекты в эпоху капитализма не только в значительной мере сохраняются, но при благоприятных обстоя-

тельствах частью могут еще развиваться, вырабатывая иной раз новые диалектные отличия, например на периферии распространения данного языка, в наиболее удаленных от культурных центров районах и т. д.

Таким образом, языковое развитие в эпоху капитализма характеризуется: 1) сложным составом языка нации; 2) стремлением литературного языка вытеснить собою территориальные диалекты, в связи с этим известной деградацией, нивелировкой территориальных диалектов, которые в более чистом виде сохраняются в областях, менее проникнутых капиталистическими отношениями; 3) низведением территориальных диалектов до уровня семейного и обиходно-бытового языка эксплоатируемого класса — крестьянства и вообще наиболее отсталой части населения данной местности; 4) значительной социально-классовой дифференциацией языка, особенно широкой по сравнению с прошлыми эпохами; 5) дифференциацией языка по профессиональному признаку — развитием профессиональной и вообще специальной лексики; 6) наконец, в связи со всем вышесказанным — значительным развитием двуязычия: носители диалекта часто владеют наряду с системой местного диалекта в той или иной мере также системой литературного языка.

§ 16. Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в языковом развитии. Эпоха социализма вызвала к жизни качественно новые процессы в жизни языков на территории многонациональной бывшей Российской империи.

Капиталистический и национальный гнет в царской России, как известно, проявлялся „в его наиболее бесчеловечной и варварской форме" (Сталин). Национальный гнет выступал, между прочим, с особой силой по отношению к родным языкам многочисленных народов, населявших царскую Россию. Русский язык был обязательным государственным языком. „Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке. Было запрещено издавать газеты и книги на национальных языках, в школах запрещалось обучаться на родном языке. Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного „обрусения" нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов"[1].

Благодаря такой политике языки многих народностей царской России продолжали оставаться на положении бесписьменных устных диалектов. Другие народы, например азербайджанцы, татары, пользовались арабским алфавитом, недоступным массам. Даже народы, обладавшие многовековой письменной традицией — такие, как армяне и грузины — не имели условий для развития своих родных литературных языков. Не имели их также украинцы и белорусы, которые, как народы, ближайшим образом родственные русскому, не признавались самостоятельными народами; не признавались также и их языки, которые квалифицировались в качестве диалектов русского

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

языка. Недаром царскую Россию с полным основанием называли тюрьмой народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция „разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства" (Сталин)[1]. Это вызвало к жизни качественно новые процессы в развитии их языков.

Одним из основных языковых процессов Советского периода является расцвет национальных языков. Это является следствием того, что „период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР,— как говорил товарищ Сталин на XVI партийном съезде, — есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме"[2].

Буржуазные теоретики предполагали, что в случае победы социалистической революции языки более слабых народов будут поглощены языками народов, экономически и политически более сильных. Так, ренегат Каутский, говоря о судьбе национальных языков Центральной Европы в случае победы пролетарской революции, утверждал, например, что чешский язык будет вытеснен немецким. Великая Октябрьская социалистическая революция полностью опровергла эту насквозь шовинистическую теорию. Тридцатилетний опыт нашей страны, имеющий громадное всемирно-историческое значение, показал, что при социализме языки одних народов не только не вытесняются языками других народов, но, напротив, создаются условия для расцвета национальных языков всех народов, больших и малых.

„Если прав Каутский, — говорил товарищ Сталин на том же XVI партийном съезде, — чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились, как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации?"[3]

Исключительно велики достижения Советского государства в области развития национальных языков. Большое количество бесписьменных народов получило письменность и успешно развивает свои национальные литературные языки. Бурно развиваются также литературные языки народов, уже имевших свою письменность. Нацио-

---

[1] И. Сталин, Международный характер Октябрьской революции. „Вопросы ленинизма", 11-е изд., 1939, стр. 177.

[2] И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). „Вопросы ленинизма", 10-е изд., стр. 426.

[3] И. Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б). „Вопросы ленинизма", 10-е изд., стр. 424.

нальный литературный язык, развиваясь на почве тех или иных диалектов, по мере своего роста и укрепления приводит в движение сами эти диалекты, которые под его влиянием постепенно утрачивают узко диалектные особенности.

Резко изменились в нашей стране роль и место русского языка среди других языков. Как известно, в царской России русский язык служил в руках господствующего класса орудием великодержавного шовинизма, руссификаторской политики. Вот что писал Ленин в 1914 году, критикуя буржуазных либералов, отстаивавших необходимость русского языка как обязательного государственного языка, приобщающего отсталые народности к великой культуре русского народа: „Все это верно, господа либералы... Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его *из-под палки*... Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки“ [1].

Советская действительность полностью оправдала слова Ленина. Как известно, в Советском Союзе нет обязательного государственного языка. Но русский язык, естественно, стал языком межнационального общения братского содружества наций, входящих в СССР, — естественно, потому что это язык народа, который возглавил борьбу за свержение власти помещиков и капиталистов и установление диктатуры пролетариата, за строительство социализма, за победу над немецко-фашистскими захватчиками, потому что это язык народа, создавшего величайшую мировую культуру и литературу. Трудящиеся всех национальностей Советского Союза свободно и добровольно изучают русский язык, тем самым приобщаясь к культуре великого русского народа и обогащая свою национальную культуру, свою литературу, свой родной язык. Изучение русского языка в немалой степени содействовало развитию культуры народов СССР, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Новые языковые процессы стали переживать и говоры русского языка после Октябрьской социалистической революции. По мере проникновений в деревню новых социалистических отношений, коллективных форм хозяйства, индустриализации, ликвидации неграмотности и повышения культурного и политического уровня масс начинаются бурные процессы разрушения местных диалектов, их нивелировки, утраты наиболее резких диалектных черт, приближения языка колхозного крестьянства к нормам литературного языка и овладения этими последними.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 180.

Как известно, процессы нивелировки диалектов начались еще в эпоху капитализма (см. выше § 14). Но в силу противоречий, присущих капиталистическому обществу, эти тенденции не могли последовательно развиваться. Лишь уничтожение классов, диктатура пролетариата и социалистический строй ведут к ликвидации противоречий между городом и деревней, а вместе с этим и к ликвидации разрыва между диалектами и литературным языком и к постепенной утрате диалектов. В результате этого все представители данной нации приобщатся к нормам литературного языка и последний, действительно, станет общенациональным языком, т. е. языком всей нации.

Как видно из предыдущего изложения, современные национальные языки (в том числе русский) образовались не в результате распадения некогда единого языка на ряд современных, как это утверждали младограмматики, а напротив, в результате объединения множества диалектов и языков старшей эпохи. В истории языков, в разных исторических условиях имели место процессы как языкового членения, распадения, так и, напротив, языкового объединения. Однако основным в языковом развитии, как это установлено акад. Н. Я. Марром, является объединение диалектов и языков, их развитие от множества к единству.

Образование русского языка.

§ 17. Русский язык в своем развитии пережил те же процессы, которые переживали и другие языки, развивавшиеся в аналогичных общественно-экономических условиях. От древних восточнославянских племенных диалектов эпохи родового строя, через территориальные диалекты древнерусской народности разных периодов развития феодализма к образованию современных национальных восточнославянских языков — таков путь развития русского языка, пройденный им в связи с отчасти параллельными процессами образования ближайшим образом родственных украинского и белорусского языков.

Летопись сохранила нам названия древних восточнославянских племен. Это поляне, древляне, дреговичи, кривичи, словене, северяне, радимичи, вятичи и др.

Поляне сидели в районе Киева по обоим берегам Днепра. Древляне жили на севере от полян в лесах („древляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ"). Их города — Искоростень и Вьручии (современные города Коростень и Овруч на севере Житомирской области). Дреговичи занимали обширные болотистые пространства на север от Припяти. Кривичи сидели в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги („кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ"); кроме Смоленска, кривичскими городами являлись Полоцк, где жили полочане, разновидность кривичей („нарекошася полочане, рѣчькы ради, яже втечеть въ Двину,

именем Полоту"), а также Псков и Изборск[1]; кривичи далеко распространились на восток в области Ростова и Суздаля. Словене жили на север от кривичей в районе озера Ильмень с центром в Новгороде. На восток и северо-восток от полян по Десне, Сейму и Суле жили северяне. На северо-востоке от них по р. Сожу жили радимичи. На восток от радимичей и северян по Оке (кроме низовьев) жили вятичи. Наконец, на юге от полян по Бугу и Днестру сидели бужане, уличи и тиверцы.

Можно думать, что летопись сохранила не все племенные названия восточных славян. Далее, судя по обширности территории, занимаемой некоторыми из летописных племен, можно полагать, что перед нами не всегда племена в собственном смысле слова, а, скорее, племенные союзы или союзы родственных племен.

Каждое из перечисленных племен или племенных союзов имело свой диалект, близкий к диалекту других племен, но имевший те или другие отличительные особенности. В силу неустойчивости племени как общественного образования (благодаря процессам распадения и объединения племен), их недостаточно крепкой связи с определенной территорией можно думать, что древнейшие племенные диалекты восточных славян были весьма пестры в территориальном распределении своих особенностей. Эта пестрота еще более усиливалась межязыковым смешением — скрещением разных языков, имевшим большое значение в образовании диалектных различий. Современная наука не может еще восстановить во всей конкретности эти диалекты, так как они в значительной степени перекрыты позднейшими языковыми процессами, диалектами более поздней формации. Однако можно думать, что уже в довольно раннюю эпоху бóльшая часть древних восточнославянских диалектов (может быть, все, кроме диалектов словен и кривичей) развила изменение *г* в γ (γусь вместо *гусь*). С другой стороны, в говорах словен и бóльшей части кривичей звуки *ц* и *ч* заменились одним звуком *ц* — появилось цоканье, образовавшееся в связи с межъязыковым смешением славян и финских племен. Часть кривичей, занимавшая восточную часть территории распространения этого племени, не развила цоканья и характеризовалась, таким образом, *г* взрывным и различением *ц* и *ч*.

§ 18. С переходом к классовому обществу, образованием Киевского государства, объединившего все восточнославянские земли, начинаются объединительные процессы и в языковом развитии: появляются черты, охватывающие все или почти все восточнославянские диалекты. Однако связь между отдельными частями Киевского государства не могла быть особенно прочной. Поэтому значительная часть старых диалектных различий сохранялась.

Развитие новых диалектных различий заметно усиливается в связи с периодом упадка Киевского государства, в связи с его ослаблением, децентрализацией, усилением областных тенденций.

---

[1] Впрочем, Псков и Изборск находились уже на границе с территорией ильменских словен.

Ослабление Киевского государства было связано с обособлением земель, с образованием новых, на этот раз местных центров, с общей передвижкой исторической жизни древней Руси на север, северо-восток, северо-запад, запад. Эти процессы не могли не привести к развитию новых диалектных различий, соответствовавших намечающимся областям и землям.

При этом надо иметь в виду, что переход к классовому обществу характеризовался „территориальным делением, идущим на смену племенному" (акад. Б. Д. Греков). Он был связан с установлением более крепкой связи населения с землей, с его концентрацией вокруг городов, выросших на территории отдельных племен. Однако надо иметь в виду, что территории отдельных племен редко полностью совпадали с формирующимися областями и землями.

Правда, территория, например, ильменских словен в общем совпадает с территорией Новгородской земли. Но типичнее случаи, когда старая, племенная территория по частям оказывается в составе разных земель или когда формирующаяся область включает в себя территории нескольких племен. Так, например, на территории кривичей формируются Смоленское и Полоцкое княжества с их весьма близкими друг к другу говорами и, с другой стороны, Псковская земля с ее весьма отличным от первых и своеобразным говором. Примером образования диалекта области на почве объединения старых племенных диалектов может служить Ростовско-Суздальская Русь: население этой земли составили, главным образом, племена кривичей, а также словен, частично вятичей.

Таким образом, новые диалектные черты, появляющиеся на территориях формирующихся областей и земель, наслаиваются на старые диалектные черты, соответствовавшие племенным территориям. В эту и последующие эпохи также продолжаются интенсивные процессы языкового смешения, ведущие к образованию новых диалектных различий.

Уже в домонгольскую эпоху достаточно четко выделяются говоры новгородский, галицко-волынский, смоленско-полоцкий; менее четко — киевский, ростово-суздальский. К этому времени сформировался безусловно и говор Пскова, о котором мы можем судить по памятникам XIV—XV вв. Письменные памятники не дают данных для суждения о говорах Рязанской земли, но можно быть уверенным, что и здесь в XIII в. появились свои характерные диалектные особенности.

Несмотря на все диалектное многообразие этого периода, к этому времени уже довольно четко намечаются языковые особенности, которые в дальнейшем станут характерными признаками украинского и русского языков. Слабее выделяется в это время белорусская зона, так как наиболее характерные особенности белорусского языка относятся к эпохе несколько более поздней.

Монгольское нашествие привело к дальнейшему усилению областного членения, к усилению феодальной раздробленности. Однако, борьба с монгольским игом, с одной стороны, и немецкой агрессией, с другой — вскоре приводит и к обратным объединитель-

ным процессам на северо-востоке, в пределах Ростовско-Суздальской земли и на западе, Литовском великом княжестве. В первом из них накапливаются черты „великорусские", во втором — украинско-белорусские.

§ 19. Условия исторического процесса восточных славян в этот и последующие периоды были таковы, что вместо языкового единства русской народности в его диалектном многообразии, характерного для старшей эпохи, на разных территориях постепенно начинает складываться своя общность языка, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. Иными словами, складываются русский, украинский и белорусский народы как нации и вместе с этим соответствующие национальные языки.

История всех восточных славян протекала в условиях тесной взаимной связи. Поэтому и процесс формирования русского национального языка не может быть рассмотрен вне связи с параллельными процессами образования украинского и белорусского языков. Особенно тесны исторические связи русского и белорусского языков, а также белорусского и украинского.

Истоки русского (великорусского) языка лежат в языковых процессах, имевших место в северо-восточной Руси. Ростовско-Суздальская Русь по праву считается колыбелью русского (великорусского) народа. В политическую систему Ростовско-Суздальской Руси входила и Москва, Московское княжество. Однако окончательное формирование русского (великорусского) народа и русского языка относится к более поздней эпохе возникновения и развития вокруг Москвы Русского государства. Москва объединила весьма разрозненные и обособленные до того времени этнические и диалектные группы, как, например, население Новгородской, Тверской и Псковской земель, с одной стороны, и Рязанской земли, части северских земель, с другой. Это объединение не могло не сказаться в дальнейшей судьбе соответствующих диалектов. В частности, в Русском государстве объединились весьма различные диалекты, продолжением которых являются современные северновеликорусское и южновеликорусское наречия. Удельный вес этих диалектов в разные периоды был неодинаков (об этом см. во 2-ой части наших „Очерков", в главе „Образование русского языка в его говорах"). В результате жизни этих диалектов в пределах одного Русского государства развились особые средневеликорусские говоры, совмещающие в себе одни характерные черты северновеликорусского наречия с другими, не менее характерными чертами южновеликорусского наречия. Образование средневеликорусских говоров следует считать уже специфически великорусским явлением. В Москве на почве одного из средневеликорусских говоров, именно московского, в XV—XVII вв. сложились основы литературного русского языка.

Перевод столицы в начале XVIII в. в Петербург уже не мог оказать существенного влияния на общий характер русского литературного языка: вновь построенная столица была лишена в своих окрестностях большого компактного населения, последнее к тому же в политическом,

экономическом и культурном отношениях не имело сколько-нибудь заметного значения. С другой стороны, в самой новой столице было смешанное разнодиалектное население, для которого в течение длительного времени московское наречие сохраняло свой образцовый характер (как известно, сам Петр Великий был носителем типичного московского говора своего времени). Таким образом, русский литературный язык сложился на основе московского говора.

Однако в дальнейшем он развивался во взаимодействии со всеми русскими говорами, а также испытал известное воздействие сформировавшегося языка Петербурга.

Примечание. В современной диалектологии наряду с термином „северновеликорусский", „южновеликорусский", „средневеликорусский" приняты также термины севернорусский, южнорусский и среднерусский. Оба ряда этих терминов имеют право на существование. Но с исторической точки зрения удобнее термины первого ряда.

Это связано с тем, что термин „русский" для историка и историка языка имеет двоякое значение: в применении к более древней эпохе понятие „русский народ" (народность) или „русский язык" в этническом и языковом отношении охватывает всех восточных славян: русский народ этой эпохи является предком в равной мере русских, белорусов и украинцев; древнерусский язык — это язык, на почве диалектов которого образовались современные русский, белорусский и украинский языки.

В дальнейшем, с образованием украинского, белорусского и русского (в современном значении) народов как наций и национальных языков, термин „русский язык" приобретает более узкое значение, указывая на один из восточнославянских народов и языков, а именно русский в современном значении, т. е. великорусский в отличие от белорусского и украинского (см. об этом выше § 19).

Так как в диалектологии все время приходится иметь дело с историей языка, то во избежание двусмысленности и неточного употребления терминов южнорусский, среднерусский и севернорусский удобнее пользоваться терминами южновеликорусский, средневеликорусский, северновеликорусский: каждый из этих терминов однозначен, четко ограничивает объем понятия и притом, что очень важно, в определенной исторической перспективе: указывает на категорию определенной, а именно позднейшей исторической эпохи.

ВОКАЛИЗМ

Гласные ударенного слога

Сильное положение для гласных фонем русского языка в его говорах.

§ 20. Состав фонем в разных русских говорах неодинаков. Состав фонем определяется по их сильному положению. Как известно, сильным положением для фонем является такое положение, в котором ее звуковое качество в наименьшей степени обусловлено позицией, где она выступает в своем основном виде и противопоставлена наибольшему количеству других звучаний — фонем. Напротив, слабым положением является такое, в котором звуковое качество фонемы в большей степени обусловлено позицией и в котором — в связи с возможным совпадением некоторых фонем в одном общем варианте — могут различаться не все фонемы.

Для гласных фонем акающих говоров, в частности литературного языка, сильным положением является положение под ударением, где все фонемы различаются, а слабым — положение гласной в безударных слогах, где некоторые гласные фонемы не различаются, совпадая в одном общем варианте. Ср., например, под ударением *о* и *а* при предударном *а* (или *ъ*) в соответствии как с ударенным *о*, так и ударенным *а*: *палбш̄'ьт*, *лáска*, но *пъласкáт'* (*пълъскáт'*) в значении „полоскать белье“ и „поласкать ребенка“; или *бок* и *бак*, но *бач'óк* — уменьшительное как от *бок*, так и от *бак*. Ср. также в акающих говорах *т'анý*, *н'асý*, *в-л'асý*, или *т'инý*, *н'исý*, *в-л'исý* с одинаковым гласным в предударном слоге — вариантом разных гласных фонем — и *т'áнут*, *н'ос*, *л'ẽс* (*л'ес*) с различающимися разными гласными фонемами под ударением.

Можно подумать, что для северновеликорусских говоров положение гласной фонемы по отношению к ударению несущественно, так как при оканье гласные фонемы различаются не только под ударением, но и в безударных слогах. Однако такой взгляд был бы неправилен. Можно указать, например, на то, что фонемы *о* и *ô* не только в акающих, но и в окающих говорах различаются только под ударением. Ср., например, *год* и *кôт*, но *годóв*, *котóв* или *гадóв*, *катóв* с общим вариантом для обеих фонем — *о* в окающих

говорах и *а* в акающих. Фонема *é* также различается только под ударением. Можно указать и на то, что после мягких согласных гласные фонемы неверхнего подъема в 1-ом предударном слоге по северновеликорусским говорам далеко не всюду различаются (*в-л'есу́, н'осу́, т'ану́*) — чаще эти фонемы частично совпадают и могут совпадать даже все: возможно произношение — *в-л'осу́, н'осу́*, но *т'ану́* (или *т'ену́*); *в-л'есу́, н'есу́*, но *т'ану́*; *в-л'есу́, т'ену́*, но *н'осу́* и т. д. и даже — *в-л'есу́, н'есу́, т'ену́*. Таким образом, не все гласные фонемы обязательно различаются в каждом северновеликорусском говоре даже в 1-ом предударном слоге. Что же касается других безударных слогов, то известно, что многим северновеликорусским говорам (например, Владимирско-Поволжским) свойственны в этих слогах сильная редукция гласных и качественные изменения, приводящие к совпадению некоторых гласных фонем в одном общем варианте. Ср. в таких говорах *съдово́д* и *въдово́з*, *вы́пъл'у* от „палить" и от „полоть", где звук *ъ* выступает в качестве варианта фонем *о* и *а*.

Все это свидетельствует о том, что фактор ударения для системы гласных фонем северновеликорусских говоров не является безразличным. Правда, в общем, он имеет для них меньшее значение, чем для говоров акающих. Однако его значение, в особенности для некоторых северновеликорусских говоров, все же достаточно велико.

Таким образом, и для северновеликорусских говоров положение гласных фонем в безударных слогах не является сильным положением: в окающих говорах — как и в акающих — сильным положением для гласных фонем является положение под ударением.

§ 21. Однако и это последнее положение не всегда является сильным для вокализма северновеликорусских говоров: здесь вторгается другой, весьма важный для системы гласных северновеликорусских говоров фактор — качество соседних согласных (в особенности твердость или мягкость). Этот фактор имеет известное значение для любого русского говора: после мягких согласных гласные фонемы испытывают бо́льшую или меньшую передвижку артикуляции вперед и вверх, в связи с чем они реализуются в своих более передних вариациях. На этом основано различение аканья в собственном смысле слова и яканья в их разновидностях. Особенно значительна эта передвижка в положении между мягкими согласными. Это положение весьма важно в диалектологическом отношении, так как по разным русским говорам в этом положении гласные изменяются не в одинаковой степени, что вносит существенные различия в системы вокализма разных говоров. В литературном языке, в южновеликорусских говорах, в большей части средневеликорусских и части северновеликорусских говоров фонемы *а, о, у* между мягкими согласными выступают в своих передних и переднесредних вариациях *ӓ, ӧ, ӱ*. Однако для значительной части северновеликорусских говоров этот фактор приобретает принципиальное значение, так как благодаря ему формируется специфически северновe-

ликорусская система вокализма: в положении между мягкими согласными некоторые гласные фонемы в значительной части северновеликорусских говоров изменяются так сильно, что совпадают с другими фонемами, выступая, таким образом, в своих вариантах: ср. *п'а́тој — п'ет', вз'ал, вз'ел'и, стр'ел'а́л, стр'ел'е́л'и, гул'а́л — гул'е́јут* и т. д. Или: *л'е̂то — в-л'и́т'е, с'е̂но — в-с'и́н'е, б'е̂лој — б'и́л'ен'кој, в'е̂тра — в'и́т'ор, хл'е̂б — хл'и́б'ец', в'е̂ра — в'и́р'ит* и т. д. Что здесь мы имеем дело с вариантами фонем, видно из таких примеров, как *п'е̂л в-хо́р'е* и *п'ил во́ду*, но *п'и́л'и в-хор'е* и *п'и́л'и вдду; л'е̂ра* и *м'ир*, но *по-м'и́р'е карто́шк'и* и *жы́л'и в-м'и́р'е*. Следовательно, для многих северновеликорусских говоров положение под ударением между мягкими согласными является слабым положением. Сильное положение для них можно определить как положение под ударением не между мягкими согласными.

§ 22. Из предыдущего можно сделать следующие выводы: модификации гласных фонем русского языка в его говорах зависят от двух факторов: места гласной по отношению к ударению и качества соседних согласных. Система вокализма акающих говоров определяется главным образом местом гласной по отношению к ударению, а качество соседних согласных является хотя и существенным, но дополнительным фактором. Для окающих говоров, напротив, место гласной по отношению к ударению имеет вообще меньшее значение, хотя все же довольно значительное, но зато для большей части окающих говоров первостепенное значение имеет качество соседних согласных.

Какое же фонетическое положение гласных фонем можно считать сильным по отношению к любому русскому диалекту. Иначе — какое фонетическое положение гласных фонем можно считать абсолютно сильным, т. е. применимым к русскому языку в целом. Абсолютно сильным положением гласных фонем для всех русских говоров является положение под ударением после твердой согласной перед твердой или мягкой или на конце слова (*tat, tat', ta*) [1], в абсолютном начале слова перед твердой или мягкой согласной (*at, at'*), после мягкой согласной перед твердой и на конце слова (*t'at, t'a*), короче — под ударением не между мягкими согласными.

Различия в составе гласных фонем по русским говорам.

§ 23. В значительной части русских говоров, как и в литературном языке, — пять гласных фонем: *и, е, а, о, у*. В говорах, где имеются эти фонемы, все они различаются в абсолютно сильном положении — под ударением не между мягкими согласными.

Однако количество гласных фонем по говорам может быть раз-

[1] Здесь и ниже *а* является символом гласной фонемы, а *t* и *t'* символами твердой или мягкой согласной.

личным, в некоторых из них доходя до семи. Неодинакова по говорам и сфера употребления отдельных фонем — бóльшая или меньшая широта их употребления в определенных морфемах.

Различия в составе гласных фонем по говорам объясняются тем, что, кроме устойчивых, стабильных элементов фонетической системы русского языка, имеются также подвижные элементы — соответственные явления, которые по говорам реализуются в разных своих конкретных проявлениях (членах).

Такими подвижными элементами в системе вокализма русского языка в его говорах, точнее — в составе гласных фонем, являются:

1) Наличие под ударением после мягких согласных перед твердыми звука *о* или произнесение в соответствии с *о* в указанном положении звука *е*: *пр'ин'бс, б'ер'бза* или *пр'ин'éс, б'ер'éза* (подробнее об этом см. ниже). С исторической точки зрения — наличие или отсутствие по говорам результата изменения *е* (из старых *е* и *ь*) в *о*.

2) Наличие или отсутствие под ударением после твердых парных согласных и задненебных особой фонемы *ǒ* („*о* закрытое“) или *ǒо* в отличие от фонемы *о* („*о* открытого“). С исторической точки зрения — различение или неразличение замен старого *о* под восходящим ударением, с одной стороны, и старого *ъ* и *о* под нисходящим ударением, с другой.

3) Наличие или отсутствие под ударением особой фонемы *ê* („*е* закрытое“) или (реже) *ие* в отличие от других гласных фонем, в том числе от *е* („*е* открытого“) в той мере, в какой по говорам представлена эта последняя фонема. С исторической точки зрения — наличие на месте *ѣ* под ударением разных замен, в том числе *ê* (или *ие*), с одной стороны, и *е* („*е* открытого“) или *и*, с другой.

§ 24. Рассмотрим в отдельности перечисленные подвижные элементы, иначе — соответственные явления, в составе гласных фонем русских говоров.

1) В системе вокализма подавляющей части русских говоров и в литературном языке после мягких согласных и шипящих под ударением перед твердой согласной широко представлена фонема *о*. Ср. *л'он, ов'бс, св'бкла, кл'он, б'ер'бза, в'ес'блоj, ч'ер'бмуха; п'ат' в'брст, д'бн, с'бл; зав'бртывать', тв'брдоj, м'едв'ежбнок; н'ес'бм, в'ез'бм, пл'ет'бм, в'ед'бм, гр'еб'бм; дн'ом, кул'бм, б'ел'jбм, з'емл'бj; кул'бк, огон'бк, д'ен'бк, п'ен'бк.*

Однако в некоторых говорах (например, в Спасском и Солотчинском районах Рязанской области) звук *о* под ударением после мягкой согласной представлен только в падежных окончаниях (*дн'ом, кул'бм, м'едв'ед'бм, з'емл'бj, конопл'бj*) и в уменьшительном суффиксе *ок* (*п'ен'бк, д'ен'бк, кул'бк, огон'бк*). Можно с уверенностью утверждать, что *о* в этих категориях случаев появился нефонетическим путем: под влиянием твердой разновидности склонения (*окном, пилой*) и уменьшительного суффикса *-ок* после твердых со-

гласных (*дубок, возок, домок*). В остальных же случаях сохраняется *е*: *л'ен, ов'ёс, св'ёкла, кл'ён, б'ер'ёза, в'ес'ёлој, ч'ер'ёмуха; п'ат' в'ёрст, д'ён, с'ёл; завёртыват', тв'ёрдој, кошёлка, д'ёшево; кот'ёнок, галч'ёнок, м'едв'ежёнок; н'ес'ём, в'ез'ём, пл'ет'ём, в'ед'ём, гр'еб'ём.* Следует отметить, что звук *е* под ударением в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения широко представлен также в говорах, вообще знающих *о* после мягких согласных, в особенности — в южновеликорусских.

Отсутствие в таких говорах — не в падежных окончаниях и не в уменьшительном суффиксе — звука *о* после мягких согласных ведет к тому, что *о* и *е* после мягких согласных различаются в немногих случаях, причем примеры с *о* падают на падежные формы или уменьшительные образования с *-ок*: ср. *з'емл'ój* и *пол'ój; м'ед-в'ад'óм* и *пр'ив'ед'ém; лар'óк* и *поп'ер'ёк*. Как правило же, в таких говорах *о* и *е* взаимно исключаются в одном положении: после твердых произносится *о*, после мягких — *е*.

В говорах, в которых вследствие изменения *е* в *о* перед твердой согласной последовательно представлено под ударением *о*, в положении перед мягкой согласной закономерно с точки зрения исторической фонетики выступает *е*. Ср. *с'óла — с'ёл'ском, в'ес'óлој — в'ес'ёл'јо, нап'óрсток — п'ёрст'ен'* и т. д. В эпоху, когда чередование *о* || *е* после мягких согласных в зависимости от положения перед твердой согласной (сильное положение) или мягкой согласной (слабое положение) было фонетически закономерным, звуки *о* и *е* после мягких согласных были разновидностями одной и той же фонемы. Такое положение отчасти держится до недавнего времени в некоторых говорах. Однако во всех почти говорах русского языка — в большей или меньшей степени нефонетическим путем в слабом положении (между мягкими согласными) появилось *о*: появились формы *на-б'ер'ӧз'е, кл'ӧн'е* по образцу *б'ер'óза, кл'он*; *з'ел'ӧн'ен'коj* — по образцу *з'ел'óноj*; *нес'ӧт'е, в'ед'ӧт'е* — по образцу *н'ес'óм, в'ед'óм*; *т'ӧт'а* — по образцу *т'óтка*; *з'емл'ӧj* — по образцу *п'илój* и т. д. Благодаря этому в положении между мягкими согласными *е* и *о* стали различаться: ср. *в'ёс'ел* и *в'ӧс'ел, в'ес'ёл'јо — в'ес'ӧлен'коj, ол'ён' — л'ӧн'а, т'ём'ен' — т'ӧм'ен*. Иначе говоря, слабое положение перестало быть таковым: вследствие нефонетических причин (действия аналогии) произошла качественная перестройка звуковой модели слова — слабое положение стало сильным. В результате этого *о* и *ӧ* в таких говорах как звуки, находящиеся в отношениях регулярного фонетического чередования (ср. *в'ес'óлој — в'ес'ӧл'ен'коj*), стали разновидностями одной фонемы (*о*), а звук *е* между мягкими согласными (*в'ес'ёл'јо*), освободившись от уз фонетической позиции, представляет уже иную фонему — *е*, так как в этом же положении может употребляться и *о*.

Однако место этой фонемы в вокализме разных русских говоров весьма различно: во многих из них фонема *е* отличается большой неполноценностью, слабой противопоставленностью другим

фонемам, в других — она полноценна и употребляется весьма широко.

2) В ряде самых разных русских говоров (как северновеликорусских, так и южновеликорусских), кроме фонемы *о*, сходной по образованию с соответствующей фонемой литературного языка, имеется фонема *ô* („*о* закрытое"), которая может произноситься так же, как дифтонг *уо*. В говорах, знающих фонемы *о* и *ô*, эти фонемы различаются во всех ударенных слогах, кроме конечного открытого слога, где обычно произносится только одна из этих фонем — первоначально *ô*. Это объясняется тем, что старое *о* не в первом слоге слова имело ударение только восходящее (на месте такого *о* мы и находим под ударением *ô*); старое же *ъ* в конечном открытом слоге, будучи в слабом положении, утратилось.

В говорах, различающих *о* и *ô* произносят: *год*, но *кôт; пôл'о*, но *вôл'а; вышел вон*, но *вôн там; дубôк*, но *глубôко; носôк*, но *высôк; мох*, но *не мôг; сыроj х'лёб*, но *в-сырôj з'емл'ё; п'ерôм*, но *порôм*; в конечном открытом слоге: *с'елô, окнô, в'едрô, давнô*.

Однако замечено, что в говорах, различающих *о* и *ô*, в конечном открытом слоге нередко вместо *ô* произносится *о*. Это явление относится прежде всего к местоименным формам *его, чего, кого, того, всего* и т. д., где объясняется, видимо, их частой слабоударяемостью, а также и к другим случаям: *село* вм. *селô* и т. д. Так как случаи с *о* в конечном открытом слоге в значительной своей части представляют собой формы им. п. ед. ч. ср. р. на *-о*, то в появлении *о* вместо ожидаемого *ô*, может быть, следует видеть результат аналогии со стороны формы тв. п. ед. ч. — *селом*, где *о* открытое закономерно, так как находится на месте *ъ*.

3) В ряде разных говоров — как северновеликорусских, так и южновеликорусских — в составе гласных фонем имеется фонема *ê* („*е* закрытое"), которая может произноситься так же, как *иэ*. Этой фонеме, являющейся одной из замен старого *ѣ*, в литературном языке и многих говорах соответствует *е* („*е* открытое"): *с'ёно, д'ёло, в'ёра, м'ёра, с'ёла, п'ёла, б'ёлоj, забол'ёла, на-стол'ё, к-ст'ен'ё*, и т. д.

Наличие фонемы *ê* ведет к различению фонем *ê* и *е* в той мере, в какой в том или ином говоре представлена фонема *е*.

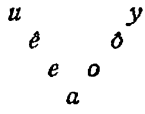
В части западно-новгородских говоров вместо *ê* в сильном положении (т. е. под ударением после мягкой согласной перед твердой) произносится *и*: *с'ино, д'ило, в'ира, м'ира, с'ила, б'илоj, забол'ила* и т. д.

В связи с этим в таких говорах сильно увеличивается состав слов и морфем, в которых употребляется фонема *и* (в них последняя звучит как на месте *и*, так и на месте *ê*).

§ 25. Различия в составе гласных фонем по отдельным говорам зависят от того, как реализуются в том или ином говоре указанные выше соответственные явления, в какой из своих разновидностей, как комбинируются друг с другом. Ниже мы сделаем попытку пред-

ставить различия в составе гласных фонем по русским говорам, начиная свой обзор от говоров с максимальным количеством гласных фонем и доведя его до говоров с минимальным их количеством.

1. Семифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, с различением *ô* и *о*, *ê* и *е*. Полноценность фонемы *е* обусловлена отсутствием результата изменения *е* в *о*. Таковы, например, говоры с. Новоселки Рыбновского района, д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области и некоторые другие. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

2. Семифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *е*, различающий фонемы *ô* и *о*, имеющий фонему *ê*. Неполноценность фонемы *е* обусловлена тем, что в относящихся сюда говорах представлен результат изменения *е* в *о*, и потому в сильном положении — под ударением после мягкой согласной (*е* не употребляется после твердой) перед твердой произносится *о*. Звук *е* в этом положении может быть представлен лишь в немногих церковнославянизмах и книжных заимствованиях, попавших в говор [1]. Кроме того, звук *е* [2] в таких говорах может употребляться в слабом положении — под ударением между мягкими согласными (*д'ен'*, *с'ёл'скоj*); но так как в том же положении по причинам нефонетического порядка может произноситься и *о* (об этом см. выше), то положение между мягкими согласными из слабого перерастает в сильное, а звук *е* между мягкими согласными становится фонемой *е*. Звук *е* между мягкими согласными в таких говорах может произноситься также в старом сочетании *tьrt*, в котором *р* перед губной или задненебной нередко сохраняет свою мягкость: *п'ёр'воj*, *с'ёр'п*, *ч'етв'ёр'г*, *в'ёр'х*, *д'ёр'гат'*, *з'ёр'кало*. Из этих категорий случаев и комплектуется в таких говорах фонема *е*, которая в системе гласных оказывается слабо противопоставленной как фонеме *о*, так и фонеме *ê*, что́ и дало нам основание считать ее неполноценной. Таков, например, говор с. Леки Коробовского района Московской области, часть говоров б. Тотемского у. Вологодской губ., б. Никольского у. Вологодской губ., говор с. Пыщуг Пыщугского района Костромской области и др.

---

[1] Впрочем, в старых заимствованиях, да и не только в старых, звук *е* перед твердой согласной нередко приравнивается к своему *ê*: так, например, по с-в-р говорам широко известно произношение: *л'ёнта*, *кор'ёта*, *кор'ёла*; такое же произношение отмечено в некоторых говорах и в новых заимствованиях из литературного языка: *ц'ёнтр*, *л'ёкц'ija*.

[2] Точнее, *ê*; но здесь закрытость не свободная, а вынужденная, обусловленная положением перед мягкой согласной.

Можно думать, что сюда относятся также некоторые говоры б. Обоянского у. Курской губ., а также и некоторые другие южновеликорусские говоры. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и *у*
е *о*
(е) *о*
а

Неполноценность фонемы *е* обозначена здесь и ниже заключением в скобки.

3. Шестифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *е*, не различающий фонем *о* и *о*, имеющий фонему *ê*. Относящиеся сюда говоры отличаются от предыдущих лишь неразличением *о* и *о*: наличием вместо обеих этих фонем одной, а именно *о*. Говоры с таким составом гласных фонем весьма широко известны на северновеликорусской территории и встречаются также среди южновеликорусских. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и *у*
ê
(е) *о*
а

4. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, которая выступает вместо *ê*, не различающий фонем *о* и *о*. В относящихся сюда говорах также представлен результат изменения *е* в *о*, и потому под ударением после мягких перед твердыми согласными широко употребительно *о* (*н'ос, в'ол, б'ер'оза*). Полноценность фонемы *е* объясняется тем, что в указанном только что положении вместо *ê* произносится *е* („*е* открытое"): *л'ето, с'ено, в'етра* и т. д. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и *у*
е *о*
а

Говоры с таким составом гласных фонем широко известны как на юге, так и на севере. К их числу относится и литературный язык. Следует особо отметить, что в литературном языке в отличие от сходных с ним по составу гласных говоров фонема *е* пополняется не только за счет *ê*, но и за счет слов книжного, церковнославянского происхождения (типа *крест, перст, мерзкий, дерзкий, хребет*) и западноевропейских заимствований (типа *атлет, котлета, билет, балет, валет, сонет, манера*).

Здесь уместно следующее замечание. Принято считать, что старое *ѣ*, по крайней мере в литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах, совпало с *е*. С таким утверждением нельзя согласиться, так как оно основано на сопоставлении соответствующих

фонем вне их употребления в определенных позициях, без учета функциональной стороны. Ведь если *ê* (иначе старое *ѣ*) в этих говорах под ударением перед твердой согласной заменилось звуком *е* (открытым), то само *е* в том же положении изменилось в *о*: ср. *с'ела* (из *сѣла*) и *с'ола* (из *села*). Следовательно, „совпадения" здесь нет. Совпадение старых *ѣ* и *е* имеется только в слабом положении — между мягкими согласными: ср. *с'ел'и* (из *сѣли*) и *с'ел'скоj* (из *сельскыи*). Таким образом, можно констатировать, что в относящихся сюда говорах старые *ѣ* и *е* совпали лишь в определенных условиях, т. е. в такой же мере, в какой совпали в системе литературного языка, например, фонемы *о* и *а* (ср. *вадá, травá,* но *вóды — трáвы*).

По отношению к литературному языку можно сказать лишь, что замена старого *ѣ* под ударением перед твердой согласной совпала с *е* в словах книжного, церковнославянского происхождения, в словах иноязычного происхождения, а также в словах типа *верх, первый*. Что касается сходных по составу гласных фонем говоров, то надо учесть, что в них окажется значительно меньше слов церковнославянского и западноевропейского происхождения и потому по отношению к ним еще меньше окажется оснований для утверждения о совпадении *ѣ* (*ê*) и *е*[1].

5. Пятифонемный состав гласных с неполноценной фонемой *е*, не различающий фонем *ô* и *о* и имеющий *и* вместо *ê*. Неполноценность фонемы *е* объясняется совершенно так же, как и в говорах под пунктом 2 (см. выше). Фонема *е* в относящихся сюда говорах не может пополняться за счет *ê*, так как характерная особенность этих говоров заключается в полном совпадении фонемы *ê* с *и*, в том числе и в сильном положении (под ударением перед твердой согласной). Это значительно увеличивает сферу употребления фонемы *и*, которая выступает как на месте *и* (*н'úтка, л'úпа, в'úлы*), так и на месте *ê* (*н'ит, л'úто, в'úтра.*) Одновременно это также значительно ослабляет позиции фонемы *е*: ведь если под ударением перед твердой согласной вместо *ê* выступает *и*, а вместо *е — о*, то на долю *е* остаются лишь могущие быть в говоре отдельные церковнославянизмы и книжные заимствования, да немногие случаи с *е* перед поздно отвердевшей *р* (типа *первый, верх*). Такой состав гласных фонем встречается главным образом в западно-новгородских говорах, а также в некоторых говорах Вологодско-Вятской группы. Состав гласных фонем таких говоров представлен в схеме:

и *у*
(е) *о*
а

Мы сделали обзор состава гласных фонем по русским говорам, начиная с говоров, различающих наибольшее количество гласных

[1] Действительное совпадение фонем *ê* и *е* имеет место в отдельных русских говорах; но о них см. ниже под пунктом 2[а].

фонем, до говоров с их наименьшим количеством. Однако, кроме описанных выше пяти типов, можно отметить еще один тип, который легче всего описать, исходя из говоров с максимальным составом гласных фонем, с которыми соответствующие говоры и генетически тесно связаны, так как тоже представляют говоры, не знающие результата изменения *е* в *о*. Опишем здесь этот тип под пунктом 2[а].

2[а]. Пятифонемный состав гласных с полноценной фонемой *е*, которая выступает как вместо *ѣ*, так и вместо *е*, не различающий *ѣ* и *о*. В относящихся сюда говорах не представлен результат изменения *е* в *о*: вместо *е* перед твердой согласной звучит *е* (*пр'ин'ёс, п'ат' с'ел, п'ат' д'ен*); вместо *ѣ* в том же положении звучит также *е* (*с'ел на лавку, л'ето*). Благодаря этим двум обстоятельствам фонема *е* оказывается полноценной, широко употребляющейся.

Относящиеся сюда говоры отличаются по составу гласных фонем от говоров, описанных под пунктом 1, совпадением *ѣ* и *о* и совпадением *ѣ* и *е*, но сходны с ними отсутствием результатов изменения *е* в *о*. Такой говор отмечен в с. Кидусово Спасского района Рязанской области, в д. Картоносозе Солотчинского района той же области и в некоторых других пунктах. Схему состава гласных фонем этих говоров не даем, так как она не отличается от говоров, описанных выше под пунктом 4. Однако относящиеся сюда говоры весьма существенно отличаются от этих последних такими особенностями, которые в схеме переданы быть не могут: особой широтой употребления фонемы *е* в сильном положении, т. е. под ударением после мягких перед твердой согласной; отсутствием в том же положении фонемы *о* (кроме некоторых морфем формального значения, о которых было сказано выше, см. стр. 42—43); и как следствие этих особенностей — слабой дифференциацией *е* и *о* : *е* употребляется только после мягких согласных, *о* (не в указанных выше формальных морфемах) — только после твердых согласных. Звуки *о* и *е* вообще взаимно исключаются в одном и том же положении, кроме случаев в падежных окончаниях и в суффиксе *-ок*, где после мягких согласных может употребляться не только *е*, но и *о*.

В заключение иллюстрируем на нескольких примерах различия в составе гласных фонем русских говоров. Цифра в начале каждой группы тожественных примеров соответствует только что рассмотренной группировке.

1.

1. *л'ýпа, м'ир, п'ил, б'ил, с'ýла;* 2. *л'ѣто, м'ѣра, п'ѣл, б'ѣлой, с'ѣла, р'ѣзат';* 3. *д'ен', с'ёл'скоj, п'ёр'воj* или *п'ёрвоj; кр'ест; прин'ёс, кл'ён, б'ер'ёза, кот'ёнок, с'ёла* (им. п. мн. ч.); 4. *год, сон, пóл'о, кусóк, дубóк, с'олóм, сырój* (им. п. ед. ч. м. р.); 5. *кŏт, вŏл'а, высŏкоj, глубŏкоj, сырŏj* (косв. падежи ед. ч. ж. р.), *ст'енŏj;* 6. *дуб, сук, луг, лук;* 7. *мал, стал, рад, бросáл, м'ал, т'áга, р'ад, с'áду.*

2.

1. *л'и́па, м'ир, п'ил, б'ил, с'и́ла;* 2. *л'е́то, м'е́ра, п'е́л, б'е́лой, с'е́ла, р'е́зат';* 3. *д'ен', с'е́л'скоj, п'е́р'воj* или *п'е́рвоj; кр'ест;* 4. *пр'ин'о́с, кл'он, б'ер'о́за, кот'о́нок, с'о́ла; год, сон, по́л'о, кусо́к, дубо́к, с'оло́м, сыро́j* (им. п. ед. ч. м. р.); 5. *ко́т, во́ла, высо́коj, глубо́коj, сыро́j* (косв. падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ено́j;* 6. *дуб, сук, луг, л'ук;* 7. *мал, стал, рад, броса́л, м'ал, т'ага́, р'ад, с'а́ду.*

3.

1. *л'и́па, м'ир, п'ил, б'ил, с'и́ла;* 2. *л'е́то, м'е́ра, п'е́л, б'е́лой, с'е́ла, р'е́зат';* 3. *д'ен', с'е́л'скоj, п'е́р'воj* или *п'е́рвоj; кр'ест;* 4. *пр'ин'ос, кл'он, б'ер'о́за; кот'о́нок, с'о́ла; год, сон, по́л'о, кусо́к, дубо́к, с'оло́м, сыро́j* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, во́л'а, высо́коj, глубо́коj, сыро́j* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ено́j;* 5. *дуб, сук, луг, л'ук;* 6. *мал, стал, рад, броса́л, м'ал, т'а́га, р'ад, с'а́ду.*

4.

1. *л'и́па, м'ир, п'ил, б'ил, с'и́ла;* 2. *л'е́то, м'е́ра, п'ел, б'е́лой, с'е́ла, р'е́зат'; д'ен', с'е́л'скоj, п'е́р'воj* или *п'е́рвоj;* 3. *пр'ин'о́с, кл'он, б'ер'о́за; кот'о́нок, с'о́ла; год, сон, по́л'о, кусо́к, дубо́к, с'оло́м, сыро́j* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, во́л'а, высо́коj, глубо́коj, сыро́j* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ено́j;* 4. *дуб, сук, луг, л'ук;* 5. *мал, стал, рад, броса́л, м'ал, т'а́га, р'ад, с'а́ду.*

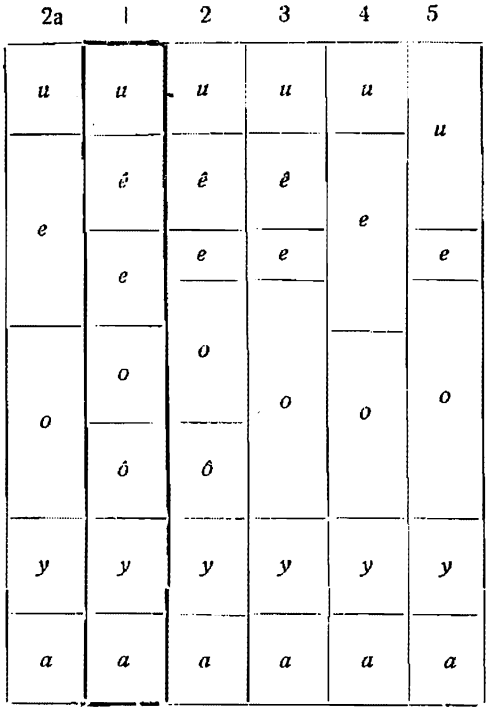
5.

1. *л'и́па, м'ир, п'ил, б'ил, с'и́ла* (сущ. ж. р.); *л'и́то, м'и́ра* (сущ. ж. р.), *п'и́л* (= пел), *б'и́лоj, с'и́ла* (прош. вр. глагола); 2. *д'ен', с'е́л'скоj, п'е́р'воj* или *п'е́рвоj; кр'ест;* 3. *пр'ин'о́с, кл'о́н, б'ер'о́за; кот'о́нок, с'о́ла; год, сон, по́л'о, кусо́к, дубо́к, с'оло́м, сыро́j* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, во́л'а, высо́коj, глубо́коj, сыро́j* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.), *ст'ено́j;* 4. *дуб, сук, луг, л'ук;* 5. *мал, стал, рад, броса́л, м'ал, т'а́га, р'ад, с'а́ду.*

2а.

1. *л'и́па, м'ир, п'ил, б'ил, с'и́ла;* 2. *л'е́то, м'е́ра, п'ел, б'е́лой, с'е́ла* (прош. вр. глагола), *р'езат'; д'ен', с'е́л'скоj, п'е́р'воj* или *п'е́рвоj; кр'е́ст; пр'ин'е́с, кл'ен, б'ер'е́за, кот'е́нок, с'е́ла* (им. п. мн. ч.); 3. *год, сон, пол'о, кусо́к, дубо́к, с'оло́м, сыроj* (им. п. ед. ч. м. р.); *кот, во́л'а, высо́коj, глубо́коj, сыро́j* (косвенные падежи ж. р. ед. ч.); *ст'ено́j;* 4. *дуб, сук, луг, л'ук;* 5. *мал, стал, рад, броса́л, м'ал, т'а́га, р'ад, с'а́ду.*

То же наглядно показано в таблице:

Выше были описаны типы ударенного вокализма русских говоров в их традиционном бытовании. Однако следует иметь в виду, что благодаря взаимодействию между диалектами и, в особенности, благодаря воздействию литературного языка на диалекты, описанные типы ударенного вокализма не все и далеко не всегда проводятся последовательно. Обычно имеют место в большем или меньшем количестве исключения. Последние, постепенно накапливаясь, в дальнейшем содействуют качественной перестройке системы ударенного вокализма, переходу от одной системы к другой — обычно более приближающейся к системе ударенного вокализма литературного языка.

Модификации гласных фонем в ударенном слоге.

§ 26. В то время как модификации гласных фонем в безударных слогах зависят как от места гласной по отношению к ударению, так и от качества соседних согласных, модификации гласных фонем в ударенном слоге зависят только от последнего фактора — качества предшествующей и последующей согласной.

В ю-в-р, значительной части ср-в-р и части с-в-р говоров гласные фонемы в ударенном слоге, подвергаясь в зависимости от качества соседних согласных некоторым изменениям, все же не совпадают с модификациями других фонем и выступают, таким образом, в своих вариациях. В значительной части с-в-р говоров, напротив, некоторые гласные фонемы в ударенном слоге, в зависимости от качества соседних согласных, подвергаются весьма сильным изменениям, нередко совпадая с изменениями других гласных фонем и выступая, следовательно, в своих вариантах.

§ 27. Фонема *и* в русском литературном языке и говорах в положении после твердых согласных сильно изменяется в своем качестве, выступая в вариации *ы*. Таким образом фонема *и* выступает в своем основном виде в начале слова (*и́ва, и́збы, и́грывал, и́волга*) и после мягких согласных (*л'и́па, в'и́лы, пр'и́был, т'и́на, с'и́ла, б'и́л'и*). Фонема *и*

выступает в своем основном виде также после шипящих и *ц*, если они мягки в том или ином говоре, например: *ч'и́сто, поч'и́н'им, поӣш'и́, в'иж̄'и́т*; или в диалектных формах: *ц'и́сто, поц'и́н'им, огур'ц'и́; скаж'и́, ш'ит'*.

После твердых парных согласных фонема *и* выступает в своей вариации *ы*: Ср. *и́збы* и *в-ы́збу, и́ва* и *с-ы́вой, под-ы́вой, а̄ш̄'ит* и *аты̄ш̄'ит, сы̄ш̄'ит, и́гор'* и *с-ы́гор'ом, воды́, ст'ены́, п'илы́* (род. п. ед. ч.; ср. *з'емл'и́*), *мыл, был, выл, осты́л, сыр*. После фонемы *ц*, если она тверда в говоре, произносится вариация фонемы *и* — звук *ы*: *цы́фра, цыган, купцы́, огурцы́*. Фонема *и* выступает в своей вариации *ы* также после твердых шипящих не перед мягкой согласной: *жыл, шыл, машы́на*; в диалектных формах: *поишшы́, мушшы́на* (или *мушчы́на*), *помолчы́, чы́сто*.

После задненебных *к, г, х* фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая при этом задненебную согласную, например: *рук'и́, мук'и́, ног'и́, сох'и́, снох'и́* (ср. *рука́ — рук'и́* и *вода́ — воды́, з'емл'а́ — з'емл'и́*), *сапог'и́, песк'и́* (ср. *сапог — сапог'и́* и *плот — плоты́*), *к'и́слой, к'и́нул, зг'и́нул, г'и́р'а, х'и́трой, х'и́лой*. Однако на стыке слов, особенно часто при сочетании предлога *к* и слова, начинающегося с *и*, перед фонемой *и* обычно произносятся несмягченные задненебные, а сама фонема *и* изменяется и выступает — как и после остальных твердых согласных — в своей вариации *ы*: ср. *и́збы* и *к-ы́збам, и́ва* и *к-ы́вам, и́гры* и *к-ы́грам, и́стра* (= Истра) и *к-ы́стр'е; как-ыгор' скажет, та́к-ы сделаем*.

Таково употребление фонемы *и* в ее основном виде и вариации *ы* в литературном языке, а также в подавляющей части говоров.

По говорам в немногих случаях представлено и сочетание *кы* внутри корня — главным образом, правда, в словах эмоционального значения. Ср. *кыс, кыса, кыска* и другие производные („кошка"), известные и в литературном языке, *кыт* (кличка поросят, например, в б. Вятской губ.), *кык* (лебединый крик) и отсюда *кыкати* (о лебеде) в б. Иркутской губ., *кыркать* („быть нездоровым") и *кыркнуть* („пропасть, утратиться") в б. Псковской губ.; *кыка* („кичка") в говорах Рязанской мещеры. Таковы же, видимо, слова *гынь* (употребляется при отгоне гусей) в б. Смоленской губ., *гысь* („прочь" — употребляется при отгоне свиней) в б. Калужской губ. и др.

В немногих говорах после задненебных (*к, г, х*) на стыке слов, как и в середине слова, фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая при этом предшествующую задненебную согласную: *к'-и́збам, к'-и́ве, к'-и́грам, к'-и́гор'у*.

В немногих русских говорах (между прочим, у „терюхан" — в группе селений Дальне-Константиновского района Горьковской обл.) после твердых губных согласных фонема *и* выступает в своем основном виде, смягчая предшествующую губную, например: *сноп'и́, клоп'и́, рв'и́* (им. п. мн. ч. от *сноп, клоп, ров*; ср. *стол — столы́*), *п'ил'* (пыль), *м'ило* (мыло), *в'и* (вы), *м'и* (мы), *пом'ил* (помыл), *б'ик* (бык)[1]. Происхождение этой черты, видимо, связано с ино-

[1] В таких говорах твердость и мягкость губных согласных перед фонемой *и* не различается. Отсюда омонимизация в них случаев, которые в других

язычной основой соответствующих говоров, в частности мордовской у „терюхан".

По говорам в отдельных случаях встречаются колебания в мягкости и твердости согласных и соответственно в употреблении после них звука *и* или *ы* — например: *в'йшн'а* и *вышн'а*, в безударном слоге — *высóкоj* и *в'исóкоj*. Отмечается группа слов, в которых колеблются сочетания *ри* и *ры*, обычно находящиеся в положении после задненебных *к, г: гриб* и *грыб, крик* и *крык, скрип* и *скрып, крынка* и *кринка, крыло́* и *крило́*, а также *ри́га* и *ры́га*. То же и в безударных слогах: *гр'ибы́* и *грыбы́, кр'ичáл* и *крычáл, скр'ипéл* и *скрыпéл*.

Можно упомянуть еще случаи: *стрыгу, стрычь, стрыгач* (жеребенок по 2-му году), употребляющиеся, например, в тульских говорах. Возможно, *стрыгу* вместо *стригу* под влиянием корня *стрыг-* в *стрыгать* (ср. при иной огласовке *струг-* в *стругать*).

Из изложенного выше материала видно, что в русском языке как в литературном, так и в говорах нет такого фонетического положения, в котором различались бы звуки *и* и *ы*: в одних положениях произносится *и* и невозможно *ы*; в других, напротив, произносится *ы* и невозможно *и*.

Особенно следует подчеркнуть, что в окончаниях слов звуки *и* и *ы* функционально тожественны, т. е. входят в состав одних и тех морфем, и наличие того или иного звука целиком обусловлено мягкостью или твердостью предшествующей согласной: ср. *пилá — земл'á, пилój — земл'ój, пилý — земл'у* и рядом в род. п. ед. ч. *пилы́ — земл'и́*. То же и в безударных слогах: ср. *стáрых* и *кáр'их, стáрым* и *кáр'им* и т. д. Все это указывает на то, что в русском языке звуки *и* и *ы* не образуют двух отдельных фонем, а представляют собой разновидности одной и той же фонемы: а именно звук *ы* является вариацией фонемы *и*: в начале слова и после мягкой согласной фонема *и* выступает в своем основном виде, а после твердой согласной она изменяется, выступая в своей вариации *ы*.

Во многих с-в-р говорах Западной группы, а также в некоторых говорах Вологодско-Вятской группы круг употребления фонемы *и* значительно расширился в связи с изменением фонемы *é* в *и* во всех условиях и, таким образом, полным отожествлением с *и*. Ср. *в'йрно, в'йтра, в'йт'ор, д'йло, в-д'йл'е, л'йто, хл'йба, хл'йб'ец, б'йлоj, р'йзат', н'йт* и т. д.

§ 28. Фонема *у* во всех говорах в положении после мягкой согласной не перед мягкой испытывает некоторую передвижку вперед в начальной стадии своей длительности (*т'ўк, л'ўк, н'ўра, кур'ў*). Эта передвижка более заметна и относится ко всей длительности гласной в положении между мягкими согласными (*л'ўд'и, л'ўб'ит, ч'ўт'*). Если звук *у* в *т'ўк, кур'ў* можно определить как передне-средний в начальный момент своей длительности и задний к концу, то звук *у* между мягкими согласными во всей своей длительности относится к среднему ряду. Особенно сильна передвижка вперед артикуляции гласной *у* между мягкими согласными в безударных слогах:

говорах отличаются друг от друга твердостью или мягкостью губных согласных перед фонемой *и* (*ы*): пары слов *забыл* и *забил, мыл* и *мил, выли* и *вили* и др. в таких говорах произносятся одинаково — *заб'ил, м'ил, в'ил'и*.

л'ӱб'ӣт', л'ӱд'ӗj, ч'ӱд'ӣт, с'л'ӱн'ӗj. В отдельных случаях такое *ӱ* произносится также в безударном слоге перед твердой согласной, например *ч'ӱгӯн* (или *ц'ӱгӯн*). Звук *ӱ* можно определить для ряда положений как гласный переднего или передне-среднего образования[1]. При всех этих изменениях не происходит совпадения модификаций фонемы *ӱ* с модификациями других фонем. Поэтому звуки *ӱ* и *ӱ* надо считать вариациями фонемы *ӱ*.

§ 29. Фонема *о* во всех русских говорах употребляется как после твердых согласных, так и после мягких. Но в некоторых отдельных говорах употребление ее после мягких согласных ограничено лишь определенными формальными морфемами — флексиями и суффиксами (см. § 24).

Фонема *о* в положении после мягкой согласной не перед мягкой испытывает в своей артикуляции передвижку вперед, охватывающую начальную стадию длительности гласной, например: *т'о̏тка, л'о̏д, пл'о̏тка, пр'ин'о̏с, с'о̏ла, пр'ив'о̏л, т'ос, подм'о̏л, п'ос;* диалектное: *дупл'о̏, нутр'о̏; ид'ит'о̏, н'ес'ит'о̏* (произносится как бы $^{ие}о$ или $^{ӱӧ}о$). Звук *о* после мягкой согласной не перед мягкой можно определить как передне-средний в начальной своей фазе и задний в конечной. Особенно сильную передвижку вперед испытывает фонема *о* в положении между мягкими согласными, где произносится гласный передне-среднего ряда (*ӧ*): *т'ӧ̏т'а, л'ӧ̏н'а, п'ӧ̏с'ик, в'ес'ӧ̏л'ен'кој, н'ес'ӧ̏т'е, б'ер'ӧ̏т'е, з'ем'л'ӧ̏j.* При описанных изменениях фонемы *о* не происходит совпадения ее с разновидностями других фонем. Поэтому отмеченные выше модификации фонемы *о* являются ее вариациями.

Однако звук *о* между мягкими согласными (*ӧ*) не во всех говорах представлен в одинаковой мере. Как известно, он появился в результате аналогии: форма *т'ӧ̏т'а* появилась под влиянием *т'ӧ̏тка, п'ӧ̏с'ик* — под влиянием *п'ос, в'ес'ӧ̏л'ен'кој* — под влиянием *в'ес'ӧ̏лой, н'ес'ӧ̏т'е* — под влиянием *н'ес'о́т, з'ем'л'ӧ̏j* —под влиянием *п'ил'ӧ̏j.* Эта аналогия в одних говорах могла шире захватить подходящие случаи, в других уже, а в иных, может быть, и вовсе не иметь места. В последнем случае (если бы в говоре отсутствовало чередование *t'ӧ̏t* || *t'ӧ̏t'*) оказалось бы фонетически закономерным, т. е. совершенно обязательным, чередование звука *о* в положении после мягкой согласной перед твердой со звуком *е* в положении между мягкими согласными (*t'ӧ̏t* || *t'ӗ́t'*), т. е. при *в'ес'ӧ̏лој — в'ес'ӗ́л'јо,* было бы также и *в'ес'ӗ́л'ен'кој; з'ел'ӧ̏ној — з'ел'ӗ́н'ен'кој; н'ес'ӗ́т'е, в'ед'ӗ́т'е; з'ем'л'ӗ́j.* Если в таком говоре фонему *о* в положении между мягкими согласными в той же морфеме регулярно замещает звук *е,* то последний, следовательно, является одной из модификаций фонемы *о.* Однако эти отношения в чистом виде, кажется, не сохранились ни в одном говоре.

[1] Такой гласный после потери лабиализации совпадет с *и,* что и наблюдается в отдельных случаях, например *ч'игӯн* (или *ц'игӯн*). Форма *сл'ин'ӗj, сл'иновӣтој* сюда, видимо, не относится, т. к. этот корень известен и с гласной *и — сл'ина́,* ср. старослав. *слина.*

В подавляющем большинстве современных „русских" говоров более или менее широко представлен аналогического происхождения звук *о* между мягкими согласными (*ӧ*). А так как в том же положении употребляется и звук *е*, то, следовательно, в положении между мягкими согласными *о* и *е* могут различаться и различать собой слова и формы, т. е. являются двумя разными фонемами: ср., например, *з'емл'о́j* и *пол'е́j*, *в'ес'ел* и *в'ос'ел*.

Однако русский язык во всех своих говорах — в одних более ярко, в других менее — сохраняет многочисленные пережитки, указывающие на то, что звуки *о* и *е* после мягких согласных в положении перед твердой или мягкой согласной (*t'ot* || *t'et'*) представляли в прошлом одну, единую фонему.

Таким образом, для русских говоров в настоящее время фонетическим следует считать чередование *t'ȯt* || *t'ӧt'*, где звуки *ȯ* и *ӧ* являются вариациями фонемы *о*, а встречающийся между мягкими согласными звук *е* (*t'et'*) относится уже к другой фонеме.

§ 30. Фонема *о̂* представлена лишь в части русских говоров как с-в-р., так и ю-в-р и ср-в-р. В остальной (большей) части говоров ей соответствует *о*.

Фонема *о̂* употребляется только после твердых парных согласных и задненебных (*дво̂р, сто̂л, наро̂д, во̂л'а, пло̂т, ско̂т, с'оло̂, ного̂j*). Однако в окончаниях она может употребляться также после мягких согласных и шипящих: *зв'ер'jо̂, з'емл'о̂j, межо̂й, хорошо̂*. Звук *о̂* после мягкой согласной испытывает некоторую передвижку своей артикуляции вперед.

§ 31. Фонема *а* во всех русских говорах употребляется как после твердых согласных, так и после мягких. В положении после мягких согласных не перед мягкой во всех русских говорах она испытывает передвижку артикуляции вперед в начальной фазе своей длительности. Гласный *а* в этом положении можно определить как передне-средний в начале своей длительности и „нормальный", т. е. средний или средне-задний в конце. Примеры: *п'а́тоj, м'а́со, с'а́ду, в'а́лоj, т'а́га, з'а́бну, т'еб'а́, м'ен'а́, кон'а́* (произносится как бы ^{ие}a). Еще большую передвижку испытывает фонема *а* между мягкими согласными. Все же в ю-в-р., в большей части ср-в-р и части с-в-р говоров, а также в литературном языке передвижка артикуляции вперед и связанное с ним движение языка вверх не идут настолько далеко, чтобы в результате оказался гласный звук иного типа, чем *а*: в указанных говорах между мягкими согласными звучит *ӓ* — гласный передне-среднего ряда. Последний не совпадает с разновидностью какой-либо другой гласной фонемы и потому является вариацией фонемы *а*, обусловленной положением между мягкими согласными. Ср. фонетическое чередование *t'ȧt* || *t'ӓt'* в этих говорах: *п'ӓ́тоj — п'ӓт'*, *вз'ӓ́л'и — вз'ȧл — вз'ӓт'*, *гр'ȧзноj — гр'ӓз'*, *в'ӓ́лоj — в'ӓ́л'еноj*, *т'ӓ́нут — т'ӓ́н'еш*, *лошад'ӓ́м — лошад'ӓ́м'и*, *гус'ӓ́м — гус'ӓ́м'и*, *гул'ӓ́л — гул'ӓ́л'и*, *стрел'ӓ́л — стр'ел'ӓ́т'*, *оставл'ӓ́л — оставл'ӓj*.

Однако в значительной части с-в-р говоров, а также в некоторых ср-в-р говорах между мягкими согласными передвижка артикуляции фонемы *а* и связанное с ней движение языка вверх идет дальше в зону звуков типа *е*: между мягкими согласными на месте фонемы *а* звучит гласный *е*; образуется фонетическое чередование *t'ȁt* || *t'et'*: *n'ȁmoj* — *n'et'*, *v'zȁl* — *vz'él'u*, *vz'et'*; *gr'ȁznoj* — *gr'ez'*, *gul'ȁl* — *gul'él'u*, *str'el'ȁl* — *str'el'éli*, *str'el'ét'*; *ostavl'ȁl*, *ostavl'éj*, *s'ȁdu* — *s'éd'eš*, *gl'ȁnu* — *glén'eš*, *pot'ȁnut* — *pot'én'eš*. Звук *е* между мягкими согласными вместо фонемы *а* является вариантом этой фонемы, так как в этом звуке могут совпадать разновидности других гласных фонем. В некоторых говорах между мягкими согласными совпадают варианты фонем *а* и *ê*: ср. *vz'ȁl* — *vz'él'u* и *s'el* — *séli* (*а* и *е* после мягкой согласной различаются перед твердой согласной и совпадают в одном варианте перед мягкой). По говорам возможно также совпадение в этом положении фонем *а* и *е*: ср. *n'ȁmoj* — *n'et'* и *n'ér-voj*[1] — *n'ér'v'en'ec* (фонемы *а* и *е* после мягкой согласной различаются перед твердой согласной и совпадают в одном варианте перед мягкой).

Чередование *а* || *е* после мягкой согласной в зависимости от положения перед твердой или мягкой согласной является одной из самых характерных черт с-в-р ударенного вокализма. При этом черта эта до последнего времени являлась стойкой и живой, это видно по тому, что она иногда проводится в сравнительно новых словах (например, *šl'ȁpa*, *v-šl'én'e*) и в словах, связанных своим употреблением с городским языком (например, *objavl'ȁl* — *objavl'él'u*, *zajavl'ȁl* — *zajavl'éjut*, *dov'er'ȁl* — *ne-dov'er'éj*, *dov'er'éjut*.

Надо иметь в виду, что говоры, не знающие между мягкими согласными звука *е* в качестве варианта фонемы *а*, в отдельных словах имеют нередко *е* там, где, казалось, должен звучать *а*. Особенно часто звук *е* употребляется в словах: *on'ét'*, *n'et'*, *m'éč'ik*, *pl'em'én'n'ik* — такое произношение этих слов известно и в ю-в-р говорах. Оно имеет разное происхождение: в одних случаях объясняется возможной слабой ударяемостью или безударностью некоторых слов (*on'ét'*, *n'et'*), в других случаях, возможно, образованием от иной основы с *е*, а не *а* (*племенник*, от основы *племен-*; ср. *иноплеменник*). Характерно, что звук *е* в этих словах всегда находится перед мягкой согласной и не может быть в той же морфеме поставлен перед твердой согласной, т. е. отсутствует чередование *t'at* || *t'et'*.

В некоторых говорах наличие лишь отдельных слов с *е* вм. *а* между мягкими согласными является реликтом — остатком ранее проведенной последовательной фонетической черты, которая исчезла под влиянием литературного языка или говоров, не знавших этой особенности.

В других говорах, не знавших ранее этой фонетической черты, напротив, *е* между мягкими согласными под ударением вместо *а* могло быть вторичного происхождения — появиться под влиянием говоров, знающих эту особенность. В некоторых случаях вторичность этой черты может быть установлена путем анализа материала самого данного говора. Например, в некоторых мещерских говорах Спасского р. Рязанской области (с. Кидусово и др.) наряду с яркими ю-в-р чертами представлено также *е* между мягкими — черта, не без основания считающаяся с-в-р: там говорят — *γr'ec'*, *s'et'*, *vz'él'u*, *prin'ét'*, *pъt'er'él'u*, *pъγul'él'u*, *ustavl'éjut'*, *γul'éjut'*. Однако в одной категории

[1] Если не произносится *n'ér'voj*.

случаев между мягкими согласными в этих говорах никогда не звучит *е*, а всегда *а*: это в 3-м л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения (как видно из примеров, говору свойственно *т'* в конце 3-го л. глаголов). Говорят: *аны в'ал'ám'*, *пил'ám'*, *кур'ám'*, *сид'ám'*, *јад'ám'*, *стајám'*, *γл'ад'ám'*, *вар'ám'* и т. д. Эта непоследовательность объясняется тем, что в данном говоре встретились черты, ранее принадлежавшие двум р а з н ы м говорам: ю-в-р морфологическая особенность (*т'* в 3-м л. глаголов) с с-в-р фонетической особенностью (звук *е* между мягкими согласными вместо *а*). При воздействии с-в-р говора на ю-в-р звук *е* был усвоен во всех тех словах и формах, где он имелся в с-в-р (ср. с-в-р *п'ет'*, *вз'ет'*, *гр'ес'*, *гул'éли* и ю-в-р *п'ат'*, *вз'ат'*, *гр'ас'*, *γул'ál'и*; в данном говоре в подобных случаях появилось *е*). В 3-м же лице мн. ч. глаголов 2-го спряжения звук *а* был как в с-в-р говоре (т. к. звук *т* в конце этой формы там произносится твердо: *вел'ám*, *гл'ад'ám*, *стојám*, *јед'ám* и т. д.), так и в ю-в-р говоре (т. к. изменение *а* в *е* между мягкими согласными ему не было свойственно: *в'ел'ám'*, *γл'ад'ám'*, *стајám'* и т. д.). Именно поэтому в этой категории случаев звук *е* и не мог появиться.

По той же причине в этих говорах обычно не произносится *е* в окончании тв. п. мн. ч. *-ами* после мягких согласных: *γус'ám'и*, *γвазд'ám'и*, *кан'ám'и*. (Ср. более типичные с-в-р формы тв. п. мн. ч.: *кон'ám*, *кон'ámы*.) Звук *а* между мягкими согласными мог сохраниться под влиянием тех же форм твердой разновидности (*столами*, *домами*), а также форм дат. и мест. падежей мягкой разновидности склонения (*кон'ám*, *гус'ám*, *кон'ах*, *гус'ах*).

Благодаря этим двум последним причинам формы на *-ами* с *а* между мягкими согласными известны и многим из тех с-в-р говоров, которые в тв. п. мн. ч. не имеют форм на *-ам* или *-амы* и в которых в остальных случаях последовательно проведено *е* между мягкими согласными вместо *а*, т. е. где говорят *вз'ет'*, *з'ет'*, *гр'ес'*, *пр'ин'ét'*, но *кон'ám'и*, *гус'ám'и*.

Впрочем, известны говоры (например, кое-где в Рязанской области), в которых вместо *а* под ударением между мягкими согласными произносится *е* во всех случаях, в том числе в 3-м л. мн. ч. глаголов 2-го спряжения и в окончании *-ам'и*: *в'ел'ét'* (= велят), *гус'ém'и* и др.

§ 32. В значительной части с-в-р говоров, также в ряде архаических ю-в-р и ср-в-р говоров имеется фонема *ê*. Эта фонема употребляется после парных мягких согласных, в немногих случаях после *ц*, а в окончаниях после любой согласной, причем парные твердые и *к*, *г*, *х* перед *ê* смягчаются, а твердые шипящие сохраняют свою твердость. Например: *с'êроj*, *б'êлоj*, *д'êло*, *в'êра*, *пр'ис'êл*, *хл'êп*; *на-стол'ê*, *на-двор'ê*, *на-ст'ен'ê*, *к-в'ес'н'ê*, *на-рук'ê*, *на-ног'ê*, *к-снох'ê*, *на-м'ежê*, *на-ножê*, *в-шалашê*. В сильном положении под ударением (не перед мягкой согласной) эта фонема произносится как *е* закрытое (*ê*) или как дифтонг *îê*. При этом во многих говорах произносится как *ê*, так и *îê* без особого разграничения. Во многих с-в-р говорах *îê* произносится, главным образом, в отчетливой речи, в особых случаях эмоциональной речи наряду с *ê* в обычной беглой речи. В некоторых говорах дифтонг особенно употребителен в отдельных словах (напр., в отрицании „нет", которое произносится: *н'îêт*).

Качество *ê* и *îê* по говорам неодинаково: звук *ê* колеблется от более открытых оттенков до очень закрытых, близких к *и*. Неопытный наблюдатель с точки зрения литературного произношения нередко первые не отличает от *е*, а вторые отожествляет с *и*. Неодинаково бывает также качество дифтонга: прежде всего может быть различна степень расширения его второго элемента (бóльшая или меньшая закрытость *е*), а также возможно различное распределение слоговости

между двумя элементами дифтонга: носителем слога чаще бывает его второй элемент (*и̯е*), но также и первый элемент (*и̯е*).

Ю-в-р говоры, знающие фонему *ê* (*и̯е*), обычно сохраняют в общем тот же тип звука и в положении перед мягкой согласной: *л'êто — в-л'êт'и, с'êна — в-с'ên'и, в'êтра — в'êт'ар, м'êра — м'êр'ит'*; или *л'и̯ета — в-л'и̯ет'и, с'и̯ена, в-с'и̯ен'и, в'и̯етра — в'и̯ет'ар, м'и̯ера, м'и̯ер'ит'*.

Напротив, в с-в-р говорах, знающих фонему *ê* (*и̯е*), в положении между мягкими согласными фонема *е* под влиянием мягкости следующей согласной обычно испытывает в своей артикуляции движение языка вверх в зону *и*. В результате этого вместо *ê* перед мягкой согласной произносится *и*. Образуется фонетическое чередование *t'êt* (или *t'и̯et*) ‖ *t'it'*. Фонема *ê* перед мягкой согласной выступает в своей модификации *и*, которая является ее вариантом, т. к. совпадает с фонемой *и* (ср. *п'êл, п'ил*; но одинаково — *п'ил'и* (= пели и пили). Примеры: *л'êто—в-л'ít'е, с'êно — в-с'ín'е, в'êтра—в'ít'ор, м'и̯ера — м'ир'ит', б'и̯елой — б'íл'ен'кој, хл'и̯еб — хл'íб'ец', в'ел'и̯ел — в'ел'íл'и, с'êл — с'íли*. Однако и по с-в-р говорам в отдельных случаях известно *и̯е* перед мягкой согласной (например, *м'и̯ес'ец'*).

Примечание 1. В с-в-р говорах западной группы (новгородской) фонема *ê* может отсутствовать, изменившись в *и* не только перед мягкой, но и перед твердой согласной, и, таким образом, полностью отожествиться с фонемой *и*: *л'íто, в-л'íте, хл'íб, хл'íб'ец; б'íлој, б'íл'ен'кој* и т. д. (см. выше § 24 и 25).

Примечание 2. Во многих говорах как ю-в-р и ср-в-р, так и с-в-р фонема *ê* в положении перед твердой согласной изменилась в *е* открытое, таким образом частично или — в немногих говорах — полностью совпав с *е*: *л'êто, с'êно, хл'еп*.

Примечание 3. В некоторых говорах вместо ожидаемого *ê (е)* произносится *о* в отдельных словах, например: *б'ес'ода, т'ел'ога, сус'од, в'одра* (им. п. мн. ч.), *зв'озды*. В отдельных говорах при наличии фонемы *ê* вместо *е* закрытого произносится *е* в слове *н'ев'ести* (напр., в с. Новоселки, Рыбновского района Рязанской области). Эти исключения имеют разные объяснения.

В говорах, в которых на месте фонемы *ê* употребляется фонема *е* (*е* открытое), последняя в положении перед мягкой согласной под влиянием этой мягкости произносится как *ê* (*е* закрытое), таким образом получается фонетическое чередование *t'et* ‖ *t'êt'*, в котором *ê* является вариацией фонемы *е*: ср. *л'éто — в-л'êт'е, с'éно — в-с'ên'е, хл'еб — хл'êб'ец, б'éлој — б'êл'ен'кој, с'ел — с'êл'и, п'ел—п'êл'и*.

В относящихся сюда говорах (при малом количестве вообще в говорах слов церковнославянского происхождения и западноевропейских заимствований с *е*) фонема *е*, главным образом, и складывается из *е* в словах и формах, имевших ранее в них *ê* и сохраняющих эту последнюю фонему и теперь в других говорах, а также из *е* в положении между мягкими согласными (*в'ес'él'јо*), так как в этом положении появилось и *о* (*вес'ól'ен'кој*), превратившее это положение из слабого в сильное.

В литературном языке фонема *е* комплектуется также и из широ-

кого круга церковнославянских и западноевропейских элементов (ср., например, *н'ёбъ, кр'ест, п'ерст, съвр'ьм'ённъj, пр'ив'етшъj, ис'т'ёкшъj; атл'ёт, катл'ёта, ман'ёра, бал'ёт, вал'ёт*).

В этих случаях также представлено чередование *t'et* || *t'ёt'*, т. е. фонема *е* регулярно выступает в своей вариации *ё* в положении перед мягкой согласной: ср. *н'ёбо — в-н'ёб'е; кр'ест — кр'ёс'т'ик; катл'ёта — в-катл'ёт'е, ман'ёра — в-ман'ёр'е* и т. д.

Надо иметь в виду, что говоры, не знающие звука *и* перед мягкой согласной в качестве варианта фонемы *ё*, могут иметь *и* в отдельных словах. Так, например, широко известно произношение *jис'т'* (кушать) с *и* (ср. *jём, jёл*) во многих русских говорах, в том числе в ю-в-р (в последних и в 3-м л. ед. ч.: *он jис'т'*). В некоторых из таких говоров нередко употребляется слово *с'ив'ерно* (холодно) с *и*. Отрицание „нет" часто звучит с гласной, отличной от других случаев, имеющих фонему *ё* перед твердой согласной: например, с *и* (*н'ит*) или с *ие̂* (*н'ие̂т*), тогда как в других случаях в этом положении произносится не *и* или не *ие̂*. Эти отклонения имеют разное происхождение: в одних случаях они могли быть заимствованы из других говоров; в других — они отражают пройденный этап в жизни говора: сохранение *и* или *ие̂* в отдельных случаях при замене их вообще звуком *е* под влиянием литературного языка или сходных с ним в отношении этой черты говоров. В случае с *н'ие̂т* дифтонгическое произношение, вероятно, связано с особой синтаксической функцией этого слова и ее особой эмоциональностью.

Предударный вокализм.

О распределении экспираторной силы между разными слогами и сравнительной полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному в русских говорах.

§ 33. В русском языке, как известно, ударение экспираторное, и поэтому наиболее сильным в отношении выдыхательной силы является слог ударенный. Однако в разных русских говорах степень полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному неодинакова. Это зависит не только от экспираторной силы, но также от связанной с нею длительности и движения тона (т. е. относительной высоты). Кроме того, помимо чисто фонетических причин, распределение экспираторной силы в заударных слогах связано с фактором интонационно-ритмическим. Все эти вопросы по отношению к русским говорам почти совершенно не изучены. Поэтому мы принуждены будем ограничиться лишь самыми общими и краткими замечаниями.

§ 34. Существуют говоры, в которых все безударные слоги в отношении их полновесности и экспираторной силы произносятся более или менее одинаково, уступая лишь ударенному слогу. Это типичная для многих с-в-р говоров система распределения экспираторной силы.

При этом в некоторых из таких говоров, например Вологодских, Ветлужских, Архангельских, безударные слоги произносятся достаточно полновесно и лишь сравнительно немного уступают в отношении экспираторной силы ударенному слогу. Отсюда впечатление „рубленной" речи у наблюдателя, привыкшего к системе литературного языка или ю-в-р говоров. Если степень экспираторной силы ударен-

ного слога обозначить коэфициентом 3, то безударные слоги в таких говорах можно обозначить коэфициентом 2 : 2+2+2+3+2+2.

Например: *поговор'и́л'и; потолкова́л'ии бу́д'от; п'ер'епр'и́jот*
2 2 2 3 2 2 2 2 3 2 2 3 2 2 3 2
ов'о́с-от; ду́мала; до хоро́шого дн'и до́жыл'и, ба́т'ушко.
2 3 2 3 2 2 2 2 3 2 2 2 3 3 2 2 3 2 2

В других говорах, например, в некоторых русских говорах Карело-Финской ССР, разница между ударенным и безударными слогами сильнее: безударные слоги произносятся со значительно меньшей экспираторной силой и длительностью, чем слог ударенный. Это создает впечатление скороговорки. Распределение слогов по их сравнительной полновесности в таких говорах приблизительно следующее: 1+1+1+3+1+1.

Например: *поговор'и́л'и; потолкова́л'и; п'ер'епр'и́-*
1 1 1 3 1 1 1 1 3 1 1 3
jот ов'о́с-от.
1 1 3 1

Следует отметить, что в обоих случаях характерной особенностью безударного вокализма является более или менее одинаковая степень полновесности разных безударных слогов.

§ 35. Однако не все русские (и даже с-в-р) говоры таковы. Многие говоры при сохранении большей полновесности 1-го предударного слога характеризуются особым ослаблением других безударных слогов. Распределение слогов по их сравнительной полновесности в таких говорах приблизительно следующее: 1+1+2+3+1+1.

Такова система литературного языка, многих ср-в-р говоров, а также части Владимирско-Поволжских, с-в-р говоров.

Например, с-в-р: *пъгъвор'и́м; пъ-гълов'е́; нъ-д'ив'ано́-*
1 1 2 3 1 1 2 3 1 1 2 3
стъм гаду́, нъ-б'ир'огу́.
1 2 3 1 1 2 3

В литературном языке: *пъгъвар'и́м; пъ-гълав'е́; пъ-*
1 1 2 3 1 1 1 3 1
д'ьв'е^{и}нно́стъ; нъ-б'ьр'е^{и}гу́.
1 2 3 1 1 1 2 3

Таким образом, здесь резко отличается 1-й предударный слог от прочих безударных. Однако существует тенденция к различению степени полновесности и среди прочих предударных слогов. Так, например, 3-й предударный слог может быть несколько полновеснее 2-го предударного, т. е. возможна и такая схема распределения слогов по их сравнительной полновесности: $1^1/_2$+1+2+3+1.

Например, в литературном языке: *разгъвар'и́лсъ* или *ръз-*
$1^1/_2$ 1 2 3 1 1
гъвар'и́лсъ; п'ер'ьт'е^{и}ну́л или *п'ь'рьт'е^{и}ну́л.*
1 2 3 1 $1^1/_2$ 1 2 3 1 1 2 3

§ 36. В некоторых русских говорах различия между степенью полновесности разных безударных слогов еще более значительны. Это достигается прежде всего особым усилением 1-го предударного слога (когда в нем гласные неверхнего подъема), который выделяется даже по отношению к ударенному слогу своей длительностью, а иногда также более высоким тоном, т. е. получается схема 1+1+$2^1/_2$+3. С усилением 1-го предударного слога связано возможное ослабление

2-го предударного, т. е. образование схемы $1+{}^1/_2+2^1/_2+3^1$. В таких говорах неодинакова сила и разных заударных слогов: очень ослаблены заударные неконечные слоги и, напротив, усилены заударные конечные слоги (особенно в абсолютном конце речи), т. е. такое распределение: $3+{}^1/_2+1^1/_2$ или $3+1+2$.

Описанный тип распределения экспираторной силы между безударными слогами типичен для ю-в-р наречия, но он встречается также в некоторых Владимирско-Поволжских, т. е. с-в-р говорах.

Приведем несколько примеров.

В одном из Владимирско-Поволжских говоров: *мъ л о к а́*; *пр ъ-*
1 $2^1/_2$ 3 1
дава́л, пъгл' а жу́, а также *п[ъ] гл' а жу́*; ф-*с'[ъ] н' т' а бр' е́*;
$2^1/_2$ 3 1 $2^1/_2$ 3 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3
пр' ив' о зу́, а также *пр' ив' о зу́*.
1 $2^1/_2$ 3 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3

В заударных слогах в том же говоре: *ду́мъ л а, вы́ д у м а л,*
3 1 2 3 $^1/_2$ $1^1/_2$
ду́р ъ ч к а, в-го́р ъ д' и.
3 $^1/_2$ $1^1/_2$ 3 1 2.

В ю-в-р говорах: *п ъ γ[ъ] в а р' и́м, п ъ х[ъ] р а н' и́л, п ъ-γ[ъ] л а в' е́,*
1 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3 $1^1/_2$ $2^1/_2$ 3 1 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3
п' ь р'[ь] н' а су́, п ъ γ л' а д' е́л.
1 $^1/_2$ $2^1/_2$ 3 1 $2^1/_2$ 3

Второй предударный слог во многих ю-в-р говорах настолько ослаблен, что при наличии благоприятных условий редукция гласного в нем может дойти до нуля, т. е. до полной его утраты. Такими благоприятными условиями, между прочим, являются наличие 3-го предударного слога и соседство с плавными, напр.: *пъ-γлав'е́, пъхран'йл'и, дъ-плав'йны, ыкл'ава́т'* *пара́* (= околевать), *апхм'ал'йлс'и, пъснав'и́т'* (= постановить), *прасу́к* (поросенок), но *тр'и пърсука́, съркавój γо́т, с'ел нъ-прахо́д* (= пароход); *п'ерла-в'и́т', п'ерваз'и́т', п'ерсад'и́т', п'ердава́т'* и т. д.

В ряде ю-в-р говоров слово *кладовая* произносится без гласной после *л*, но зато с гласной перед *л*: *ис-къ́лдавój, ф-къ́лдаву́ja* и т. д. Это объясняется редукцией до нуля гласной 2-го предударного слога (гласной после *л*) и затем образованием вторичной, этимологически не оправданной гласной перед *л*: отсутствие этой гласной привело бы к образованию слоговой плавной *л*, которая, как и вообще слоговые согласные, не свойственна русскому языку.

В заударных слогах: *но́в ъ в а, н' а ду́мъ л а, жи́т' ь л' а м,*
3 $^1/_2$ $1^1/_2$ $2^1/_2$ 3 $^1/_2$ $1^1/_2$ 3 $^1/_2$ $1^1/_2$
с-у ч' и́т' ь л' а м, па́с[ъ] н а к (= пасынок), *ис-ку́з[ъ] в а, р а ск а́-*
2 3 $^1/_2$ $1^1/_2$ 3 $^1/_2$ $1^1/_2$ 2 3 $^1/_2$ $1^1/_2$ $2^1/_2$ 3
з[ъ] в а л.
$^1/_2$ $1^1/_2$

Редукция гласного в заударном неконечном слоге также настолько велика, что в отдельных случаях она может привести к полному его

---

[1] При диссимилятивном аканье и яканье (см. §§ 49, 53, 64) гласный 1-го предударного слога, отличный от *а* (*ъ, ы, е, и* и др.), сильно редуцирован и во всяком случае не полновеснее гласной 2-го предударного слога: ср. *γ ъ л ъ в а́*
1 1 3
и *γ ъ л а в о́j, пр' ин' и сла́* и *пр' ин' а су́*.
1 $2^1/_2$ 3 1 1 3 1 $2^1/_2$ 3

исчезновению: ср. название села под Рязанью — Мýрмино вместо Муромино (от Мурома), ю-в-р *бáч'ка* вместо *бáт'ушка*[1] (*ч'* из *т'ш* после утраты *у* в заударном неконечном слоге; *мачка* вместо *мáтушка* по говорам с *ч* твердым из *тш* после утраты *у* в том же положении) и т. д.

§ 37. На произношении гласных заударных слогов сказывается интонационно-мелодический фактор: одни и те же заударные конечные слоги слóва в одном и том же говоре могут произноситься неодинаково в зависимости от того, приходится ли это слово на конец предложения, фразы, речевого такта, т. е. оказывается ли оно перед паузой, или данное слово произносится без паузы, слитно со следующим словом при помощи одной непрерывной струи выдыхаемого воздуха. В первом случае (перед паузой) во всех говорах наблюдается большее или меньшее удлинение гласных конечного слога, которое в некоторых говорах ощущается как весьма заметное растягивание гласных конечных заударных слогов. Этим объясняются такие колебания, как *гóрът* и *гóрат*, *д'éвък* и *д'éвак*, *вúн'ьс* и *вúн'ас*, *зъ-д'ир'éвньj* и *зъ-д'ир'éвн'аj*, *с-уч'ит'ьл'ъм* и *уч'ит'ьл'ам*, *дýмълъ* и *дýмъла*, *с'énъ* и *с'éна*. В некоторых говорах при сильном удлинении гласных заударных конечных слогов перед паузой произносится как бы *зъ-д'ир'éвн'ааај*, *с-мýжаааам*, *вдт штъ надýмълаaa*. В таких случаях длительность гласных заударного конечного слога может значительно превышать длительность любой другой гласной, в том числе ударенной.

§ 38. Из сделанных выше замечаний видно, что различия в распределении экспираторной силы между разными слогами не соответствуют противопоставлению с-в-р и ю-в-р наречий: ю-в-р, ср-в-р и многие Владимирско-Поволжские (т. е. с-в-р) говоры при наличии в них частных отличий все же имеют много общего, противопоставляясь остальным с-в-р говорам.

Следует отметить также, что непосредственной связи и полной зависимости между степенью полновесности безударных слогов и качеством безударных гласных нет, по крайней мере для современного состояния русских говоров. Конечно, редуцированные звуки типа *ъ, ь* употребляются вообще в говорах, где некоторые безударные слоги произносятся с малой полновесностью. Однако при возможном одинаковом распределении экспираторной силы между слогами, например, в с-в-р (Владимирско-Поволжских), ср-в-р и ю-в-р говорах могут произноситься весьма различные по качеству гласные: *зън'осý* (1+2+3 или 1+2$^1/_2$+3), *зън'асý* (1+2+3 или 1+2$^1/_2$+3), *зън'е^{и}сý* (1+2+3); *мълодój* (1+2+3 или 1+2$^1/_2$+3), *мълодój* (1+2+3 или 1+2$^1/_2$+3). Можно только заметить, что наиболее сильные качественные изменения безударных гласных наблюдаются в говорах с наиболее резкими отличиями в степени полновесности разных безударных слогов (т. е. прежде всего в ю-в-р).

[1] Ср. это слово у Л. Н. Толстого в „Утре помещика": „Жили при *бачке* с братьями, ни в чем нужды не видали" (Полн. собр. худ. пр., т. II ГИЗ; 1928, стр. 223).

Аканье и оканье.

§ 39. Система безударного вокализма русских говоров характеризуется двумя основными типами — аканьем и оканьем. А к а н ь е м вообще называется неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах, их совпадение в одном звуке. Так определяется аканье в широком смысле, противопоставляемое понятию о к а н ь я — различению хотя бы части гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах. Ср., например, *дама́, дала́* (или *дъма́, дьла́*) в акающих говорах при *дома́*, но *дала́* — в окающих.

Для безударного вокализма всех русских говоров существенны следующие важнейшие условия: 1) положение гласной по отношению к ударению — в предударных и заударных слогах; в разных предударных и разных заударных слогах (например, в 1-м, 2-м предударных слогах); 2) положение безударной гласной после твердых согласных (кроме шипящих), в абсолютном начале слова, после мягких согласных, после шипящих.

В системе безударного вокализма разных русских говоров имеются и свои более частные, но вместе с тем весьма важные фонетические условия, которые будут описаны ниже.

§ 40. Для системы вокализма русских говоров исключительно важное значение имеет изучение реализации гласных фонем в 1-м предударном слоге, в котором по говорам устанавливается большое количество разных типов вокализма. Установление этих типов весьма важно также для группировки и истории русских говоров, так как с различениями в типе вокализма 1-го предударного слога связывается большое количество различий в других языковых явлениях (консонантизме, формах, лексике), а также в материальной культуре носителей этих диалектных различий. Гласные других безударных типов не дают такого многообразия типов.

§ 41. Понятие аканья, кроме своего широкого значения, при котором оно противопоставляется оканью (см. выше), имеет и другое, более узкое значение: под аканьем в этом более узком значении имеется в виду неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема п о с л е т в е р д ы х с о г л а с н ы х (кроме шипящих). Аканье в узком значении противопоставляется яканью, иканью, еканью — разным видам неразличения в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема п о с л е м я г к и х с о г л а с н ы х. Особняком, но ближе к яканью и др. типам безударного вокализма после мягких согласных стоит неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих (так как последние в прошлом были мягкими).

Понятие оканья также кроме своего более широкого значения, при котором оно противопоставляется аканью, употребляется и в более узком значении — оно означает различение в безударных слогах (хотя бы части) гласных фонем неверхнего подъема п о с л е т в е р д ы х с о г л а с н ы х (кроме шипящих). Оканье в этом узком значении противопоставляется полному или частичному различению

в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных. Безударный вокализм после мягких согласных при оканье не имеет, видимо, таких четко выделяемых типов, как при аканье (разные типы яканья, иканье, еканье), а также не имеет для своего определения специальных терминов[1]. При оканье, как и при аканье, особо следует рассматривать реализацию в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих (которые ранее были мягкими).

Модификации гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых согласных и в начале слова.

Оканье.

§ 42. При оканье гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге вообще различаются, хотя и не все: различаются только фонемы *о*, *ô*, вместе взятые, с одной стороны, и фонема *а* — с другой. Первые две (если в говоре имеется фонема *ô*) совпадают в одном общем варианте типа *о*, вторая сохраняется как *а*.

Примеры: а) *годá*, *домá*, *возóв*, *пол'á* (ср. под ударением *год*, *дом*, *воз*, *пóл'о*); б) *котá*, *дворá*, *столá*, *скотá* (ср. под ударением *кôт* или *кот*, *двôр* или *двор*, *стôл* или *стол*, *скôт* или *скот*); в) *далá*, *старá*, *малá*, *бралá*, *травá* (ср. под ударением *дал*, *стар*, *мал*, *брал*, *трáвка*).

Остальные гласные после твердых согласных (*у*, *ы*) в 1-м предударном слоге также различаются. Например: а) *плутá*, *кумá*, *суч'óк* (ср. *плут*, *кум*, *сук*); б) *былá*, *сырóк*, *дырá* (ср. *был*, *сыр*, *ды́рка*).

Таким образом, вокализм 1-го предударного слога после твердых согласных при оканье может быть представлен в следующей таблице:

Под ударением[2]	*о*	(*ô*)	*а*	*ы*	*у*
В 1-м предударном слоге	*о*		*а*	*ы*	*у*

§ 43. Качество гласной *о* в 1-м предударном слоге при оканье различно по разным говорам. В одних говорах это звук сильно лабиализованный, более высокого подъема, чем обычное *о*, т. е. звук, приближающийся к *у*[3] (иногда в этом положении вместо *о* даже звучит *у*): *ко*ᵘ*рóва*, *ро*ᵘ*бóтат*, *хо*ᵘ*рóшој*, *хо*ᵘ*лôдноj*, *до*ᵘ*жój*, *вко*ᵘ*т'йна*, *по*ᵘ*с'йjал*; и даже *курóва*, *хурóших*, *пусújал* и т. д. Такое произношение особенно распространено во Владимирско-Поволжских говорах и части Вологодско-Вятских.

---

[1] Понятие ёканья при окающем вокализме не соответствует понятиям яканье или иканье при аканье. В то время как последние характеризуют всю систему безударного вокализма после мягких согласных (при яканье и иканье все гласные неверхнего подъема в безударных слогах после мягких согласных совпадают в одном звуке), ёканье обычно указывает лишь на определенную реализацию в безударных слогах (после мягких согласных) одной лишь фонемы *о* (ср. *н'ос* — *н'осý*) или фонем *о* и *é* (ср. *н'ос* — *н'осý* и *л'ёс* — *л'осá*), а не всех гласных фонем неверхнего подъема (рядом с *н'осý* и *л'есá*, реже *н'осý* и *л'осá* обычно произносится *п'атáк* или *п'етáк*).

[2] В скобках обозначена фонема *ô*, имеющаяся не во всех говорах. При отсутствии фонемы *ô* ей соответствует фонема *о* (см. выше §§ 24, 25, 30).

[3] Такой звук обозначен ниже знаком *оᵘ*.

Следует отметить, что только что описанный звук (*о*^{у} или *у* вместо *о*) в 1-м предударном слоге особенно часто появляется в положении после или перед губными и задненебными согласными (примеры см. выше).

В других говорах, напротив, в 1-м предударном слоге произносятся открытые оттенки *о*, очень слабо лабиализованные, т. е. звуки, которые можно отметить знаком *о*^{а}: *но*^{а}*га*, *во*^{а}*да*. Такое произношение более свойственно говорам северо-запада, например на территории Карело-Финской ССР.

§ 44. Как известно, наше русское правописание в основе своей морфологическое, т. е. разными буквами на письме обозначаются не все реально произносимые звуки, а лишь фонемы — каждая фонема со всеми своими разновидностями обозначается одной буквой. В связи с этим аканье, как правило, остается не обозначенным (ср. написания *вода* и *трава* при произношении *вадá*, *травá*). Этим же объясняется и то, что при оканье безударным гласным *о* и *а* обычно соответствуют на письме буквы *о* и *а* (ср. те же написания при произношении *водá*, но *травá*).

Однако в русском правописании морфологический принцип не проведен последовательно: имеются случаи, когда написание гласной не соответствует фонеме. Сюда относятся слова с безударным начальным сочетанием *ро-*, которому в правописании соответствует написание *ра-* церковнославянского происхождения. Акающее литературное произношение способствовало укреплению в орфографии написания *ра-* вместо русского *ро-* с гласной *о*, которая произносится в сильном положении, под ударением. В связи с этим в окающих говорах оказывается известная категория случаев, в которых звуку *о* безударного слога в правописании соответствует буква *а*. Сюда относятся прежде всего слова с приставкой *роз-*, с корнями *роб(от)-*, *рост-*: *роскáз*, *роскáжот*, *росп'áска*, *розд'ёл'им*, *в-роз'jéз'д'е*, *росп'ил'ит*, *розбив'ит*, *робóта*, *робóтат'*, *рост'óт* (ср. под ударением: *рóсказ'н'и*, *рóзвал'н'и*, *рóсп'ис'*, *рóст*). Из сказанного должно быть ясно, что звук *о* в таких случаях нельзя считать явившимся из *а* или на месте *а*: напротив, здесь в нашем правописании буква *а* пишется вместо *о*. Такое правописание не может не воздействовать на грамотное население, а через него и на остальное в смысле утраты в соответствующих случаях оканья и переходу в них к аканью.

Примечание. Говоры, в которых оканье представлено не только в 1-м предударном слоге, но и других безударных, в этих случаях имеют звук *о* и в других безударных слогах: *робот'óнка*, *роб'ет'áшка*, *росказáт'*, *роздавáт'*, *роспр'егóт*, *розб'ежáл'ис'*, *вырос'т'от*.

В окающих говорах обычно произносится *боран*, *стокан*, где, несмотря на написание с *а* (*барáн*, *стакáн*), предударный гласный восходит к этимологическому *о*. С *о* в предударном слоге произносится также слово *зобóта* (при написании с *а*: *забóта*). Этимологию этого последнего слова нельзя считать установленной.

Однако по окающим говорам в 1-м предударном слоге гласный *о* может произноситься в ряде случаев, в которых этимологическое *а* находится вне всякого сомнения: *зобóр*, *дол'óко*, *довáj*, *скозáл*, *зобрóс'ит*, *нолóк*. Это явление для своего объяснения требует еще детальных изучений.

§ 45. В русском языке в начале слова фонема *о* фактически не употребляется, так как старое *о* под восходящим ударением, из которого развилась фонема *о*, в начале слова развило перед собой согласную *в* (например, *вóтчина*, *вóтчим*, *вóс'ем'*).

В начале слова фактически редко встречается и фонема *а*, которая употребляется главным образом в заимствованных словах. Однако начальное безударное *а* в старых заимствованиях еще в древности было усвоено со звуком *о*, который в окающих говорах сохраняется и до сих пор. Ср. *олтар'*, *Ондр'éj*, *Онтóн*, *Ол'екс'éj*, *Ол'ексáндр*, *Овдót'ja* и т. д. С *о* нередко передаются в окающих говорах отдельные новые

заимствования (ср. *оптека, огроном*). Начальное безударное *а* в окающих говорах встречается лишь в единичных случаях (напр., *аршúн*). Впрочем, в передаче безударных *о* и *а* в начале слова существуют по говорам колебания.

Зато в русском языке широко представлена в начале слова фонема *о*, которая в 1-м предударном слоге при оканье сохраняет свое качество и произносится как *о*, например: *осá* (ср. *óсы*), *окнá* (ср. *óкна*), *оз'óр* (ср. *óз'оро*), *оддáт'* (ср. *óддано*) и т. д.

В связи с отсутствием фонем *ô* и *а* в начале слова практически во всяком начальном *о* безударных слогов можно видеть фонему *о*: *од'úн, однá, от'éц, огур'éц* и т. д.

В некоторых случаях вместо начального *о* в 1-м предударном слоге по говорам произносится o^{y} или *у*: *уп'áт', уддáт'*.

Смешанный окающе-акающий вокализм.

§ 46. На путях перехода от оканья к аканью наблюдаются разные типы смешанного окающе-акающего вокализма, совмещающие в себе частично принципы оканья и аканья.

Так, например, в ряде говоров наблюдается оканье при ассимилятивном аканье. В таких говорах фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге вообще различаются, но если под ударением находится *а*, то в 1-м предударном слоге они совпадают в одном общем варианте — *а*, т. е. произносится: *ног'й, ног'é, ногôj*, но *нагá; столы́, столóв, к-столу́*, но *сталá; воды́, вод'é, водój*, но *вадá* (ср. *травы́, трав'é, травój, травá*). Такой говор отмечен, например, в д. Дорофеево Шатурского района Московской области (в 1929 г.).

Описанный вокализм представляет как бы первый шаг на пути от оканья к аканью. Дальнейший шаг на этом пути можно наблюдать в говорах, где представлено ассимилятивное оканье при аканье. В таких говорах фонемы *о* и *а* в 1-м предударном слоге вообще не различаются, совпадая в общем варианте *а*, но если под ударением находится *о*, то в предударном слоге *о* и *а* различаются, т. е. произносится: *нагá, наг'й, наг'é*, но *ногój; вадá, вады́, вад'é*, но *водój; сталá, к-сталу́, сталы́*, но *столóв* (ср. *травá, травы́, трав'é, травój*).

При переходе от оканья к аканью в 1-м предударном слоге на месте фонемы *о* наблюдается также беспорядочное употребление то по старой окающей норме звука *о*, то звука *а* — в соответствии с усваиваемой акающей системой (*ногá* и *нагá*). Нередко аканье имеет место в словах новых, заимствованных из города, а оканье чаще сохраняется в словах своих, в особенности в словах специфически диалектных.

Аканье.

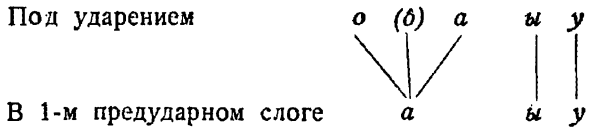
§ 47. Аканье различается диссимилятивное и недиссимилятивное. Значительной части русских акающих говоров — всем ср-в-р., а также большей части ю-в-р — свойственно аканье

недиссимилятивное. Диссимилятивное аканье распространено, главным образом, в западной части территории ю-в-р наречия, а также в соседней с нею территории восточных говоров белорусского языка[1].

Принцип недиссимилятивного аканья очень прост: гласные фонемы неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих), т. е. *а, о, о̂*, в первом предударном слоге совпадают, выступая в одном общем варианте — звуке *а* того или иного качества.

Следует отметить, что при недиссимилятивном аканье качество гласного первого предударного слога никак не связано с тем, какая гласная фонема находится под ударением.

Система гласных 1-го предударного слога при недиссимилятивном аканье может быть выражена в следующей схеме:

Итак, фонемы *о* (или *о* и *о̂*, если они различаются под ударением) и *а* в 1-м предударном слоге совпадают, выступая в общем варианте *а*, но сохраняют свою различаемость с гласными фонемами верхнего подъема — *ы* и *у*. Это можно иллюстрировать на примерах: *здарóв* (ср.: *здóрьвъ*) и *дарóв* (ср.: *дар*), но *дырá* (ср.: *ды́рка*), *дурáк* (ср.: *ду́ра*). Ср.: *вадá, вады́, вадé; сталá, к-сталу́, нъ-сталé, зъ-сталóм; аднá, адну́; аз'óр, ас'óл, аслá.*

§ 48. Качество общего варианта фонем *о* и *а* в первом предударном слоге неодинаково по разным говорам. В ю-в-р говорах с недиссимилятивным аканьем здесь произносится обычно полновесное по своему образованию, широкое, открытое *а*: *съхаркý, мълакá, пъгад'и́*. Литературному произношению — и, видимо, значительной части ср-в-р говоров — в этом положении свойственно *а* заметно менее открытого образования, с меньшим раствором рта (отметим такое *а* знаком *ɑ*): *съхɑркý, мълɑкá, пъгɑд'и́*. В говорах, которые недавно усвоили аканье, а также у отдельных лиц, перешедших от системы оканья к аканью (например, у северновеликоруссов или украинцев), в первом предударном слоге в качестве варианта фонем *а* и *о* нередко произносится гласный средне-заднего ряда, довольно узкого образования — среднего подъема, т. е. типа *ъ* или очень заднего *э*: *стълá, к- стълу́, ф- стъл'é; въдá, въды́, в- въд'é* (или *стэлá, к- стэлу́, ф- стэл'é* и т. д.). У лиц с таким произношением этот гласный по качеству не отличается от варианта фонем *а* и *о* после твердых согласных во втором предударном слоге, но может отличаться от него лишь меньшей степенью редукции, большей полновесностью: *въдъвдз, съхъркý, мълъкó, пъгъд'и́* (или *вэдэвдс, сэхэркý, мэлэкó, пэгэд'и́*). Отмеченная черта довольно широко известна, между прочим, в русском произношении украинской интеллигенции гг. Харькова и Киева.

---

[1] Пределы распространения диссимилятивного аканья, в особенности на восток и юго-восток, до сих пор не могут считаться точно установленными, ввиду отсутствия достаточного количества материалов, а также трудности фиксации этой черты наблюдателями (об этом см. ниже § 50).

§ 49. Принцип диссимилятивного аканья сложнее. Он сводится к следующему: гласные фонемы неверхнего подъема после твердых согласных (кроме шипящих), т. е. *а*, *о* (*ǫ*), в первом предударном слоге совпадают, выступая в одном общем варианте: в звуке *а*, если под ударением находится любая гласная, кроме *а*, и в звуке, отличном от *а*, — типа *ъ*, если под ударением находится *а*: *нъгá*, но *нъ-наг'é*, *нагóй*; *съхá*, но *сах'и́*, *к-сах'é*, *сахój*; *тръвá*, но *нъ-трав'é*, *травý*, *травój*; *пъхáт'*, но *пашý*, *пашú*; *скъзáл*, но *скажú*; *сървáт'*, но *сарвý*, *сарв'и́*, *сарв'ét'*; *нъскá*, но *насóк*, *наск'и́*; *стъкáн*, *бърáн*, *събáка*, *тътáр'ин*; *мъjá*, но *маи́*, *majý*; *твъjá*, но *твои́*, *твajý*; *стъjáл*, но *стajý*, *стайш*; *бъjáлс'и*, но *бajус'*, *байс'с'и*; *бъл'áт'*, но *бал'и́т'*, *умъл'áт'* и т. д.

Звук, „отличный от *а*“, в котором совпадают гласные фонемы неверхнего подъема, при ударенном *а* по своему качеству неодинаков по разным говорам, а также, видимо, и в одном и том же говоре в разных фонетических условиях: от широкого, отодвинутого назад *э*, акустически близкого к менее открытым разновидностям звука *а*[1], до гласной верхнего образования *ы*; чаще выступает здесь звук средний по подъему языка между *э* и *а*, который можно обозначить знаком *ъ*. Итак, рядом с *нъгá* (ср.: *нагóй*) имеются также формы *нэгá* и *ныгá*.

Если расположить эти произносительные варианты, отправляясь от более открытых звуков в 1-м предударном слоге к наиболее закрытым, то получится *нэгá* (близко к *нагá*), *нъгá*, *ныгá*; *дэскá* (близко к *дaскá*), *дъскá*, *дыскá*; *стэjáл'и*, *стъjáл'и*, *стыjáл'и*; *мэjá*, *мъjá*, *мыjя́* и т. д.

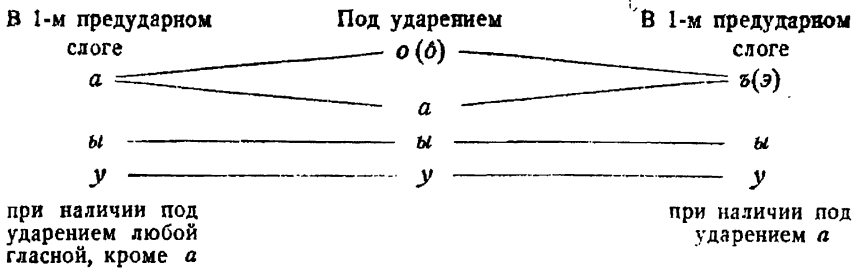
§ 50. Для наблюдателя, владеющего системой литературного языка, заметить в этих случаях звук *ы* (гласный среднего образования верхнего подъема), может быть, и не представляет большого труда, но для него очень трудно заметить более открытые разновидности, в особенности *э*. Для того, чтобы схватить разницу между литературным *вадá*, *вады́* и диалектным *вэдá*, *вады́*, нужен не только хороший природный слух, но, кроме того, достаточная фонетическая тренировка: дело в том, что звук *а* литературного языка (*вадá*, *вады́*) является немного более открытым, чем диалектное *э* в *вэдá*, и немного более закрытым, чем диалектное *а* в *вады́*, т. е. занимает промежуточное положение между *э* и *а*, и поэтому для такого наблюдателя может показаться тожественным диалектным звукам *э* и *а*. Между тем можно думать, что более открытые разновидности этого варианта фонем *а* и *о* являются одновременно и более распространенными. Поэтому можно быть совершенно уверенным в том, что многие наблюдатели-дилетанты прошли мимо диссимилятивного аканья, не заметив его и не отразив в своих записях[2].

§ 51. Таким образом, система гласных 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье может быть выражена в следующей схеме:

---

[1] В частности, к тому, который известен в литературном языке и выше был обозначен знаком *а*.

[2] Даже такой опытный наблюдатель, как Е. Ф. Будде, не заметил диссимилятивного аканья в Полпине б. Брянского у., хотя сделанные там позднее наблюдения И. Г. Голанова безусловно указывают на диссимилятивное аканье.

Если при диссимилятивном аканье в качестве варианта, отличного от *а*, выступает *ы*, то система гласных приобретает несколько иной вид:

В этом случае фонемы *о (ô)*, *а* 1-го предударного слога, выступая при наличии под ударением *а* — в своем общем варианте *ы*, совпадают с *ы*. Однако те же фонемы сохраняют свою различаемость с *ы*, если под ударением находится любая другая гласная фонема, кроме *а*.

§ 52. Необходимо сделать еще несколько частных замечаний. Одно из них касается случаев, когда гласная 1-го предударного слога находится в абсолютном начале слова, т. е. не прикрыта согласной. Отмечено, что в таких случаях принцип диссимилятивности нередко отсутствует, т. е. при наличии под ударением *а* в предударном также часто произносится *а*: *адна, аγн'á, амбар, аз'áб, астáлс'и, акнá* и т. д.[1]. Если начальная гласная 1-го предударного слога попадает в положение после твердой согласной (обычно согласной предлога), то принцип диссимилятивности может соблюдаться, но может также — по аналогии с теми же случаями в абсолютном начале слова — и не соблюдаться. Причем подобные колебания встречаются не только в разных говорах, но и в говоре одного и того же лица, которое в положении после согласных диссимилятивное аканье вообще проводит последовательно. Итак, возможно произношение: *из-ъγн'á, в-ъмбáр'е, с-ъкнá* и рядом *из-аγн'á, в-амбáр'е, с-акнá*.

Примечание. В немногих ю-в-р говорах с диссимилятивным аканьем в абсолютном начале слова отмечено *и*: *ибмáнщик, итпрáв'илс'и, итрáда, иднá, ип'áт'*. Что касается последнего случая (*ип'áт'*), то в нем *и*, может быть, объясняется частой слабоударяемостью этого слова.

[1] Что *а* в таких случаях является не „исключением", а скорее „правилом", т. е. чертой системы, видно из того, что в тех же говорах *а*, а не *ъ* произносится в абсолютном начале слова и в более отдаленных от ударения слогах: *аднаγó, аткъзáл'и, астъвáлс'и* и т. д.

§ 53. Предударный гласный, отличный от *а* (т. е. *ъ* и др.), представляет собой редуцированный звук. Таким образом, в количественном отношении 1-ый предударный слог при диссимилятивном аканье бывает неодинаков, в зависимости от того, произносится ли в нем *ъ* (перед слогом с *а*) или *а* (перед слогом с другими гласными). В первом случае предударный слог редуцированный (*ʰгъгá*), во втором (например: *нагý*) он может уступить по полновесности только ударенному слогу. Что предударный слог с *ъ* относится к наименее полновесным слогам, это видно из анализа случаев, когда звуку *ъ* предшествует плавная или когда за ним следует плавная того же слога (т. е. находящаяся перед согласной). При диссимилятивном аканье в этих случаях редуцированный гласный нередко ослабляется вплоть до полного исчезновения (особенно когда редуцированный следует за плавным), причем носителем слога нередко становится плавный: *кр^{ъ}ват'* или *к$_{ъ}^{р}$ват'*, *пр^{ъ}дáл* или *п$_{ъ}^{р}$дáл*, *бр$_{ъ}$тáн*, *кл$_{ъ}$пá*; *г^{ъ}рбáтай*, *т^{ъ}лклá* при возможном *тлклá*, *бал^{ъ}тá*, *сар^{ъ}кá рубл'éj* и т. д.

1-ый предударный слог с *ъ* не полновеснее 2-го предударного слога. Поэтому, если для литературного языка относительная полновесность слогов 2-го предударного, 1-го предударного и ударенного может быть обозначена коэфициентами 1 + 2 + 3, то в говоре с диссимилятивным аканьем при наличии *ъ* в 1-м предударном слоге она может быть обозначена коэфициентами 1 + 1 + 3. Ср. литературное *пъдавáй*; диалектное *пъдъвáй*. Однако сравнительная полновесность слогов литературного *пъдаjý* и ю-в-р *пъдаjý* почти одинакова: 1 + 2 + 3 и 1 + 2$^{1}/_{2}$ + 3 (1-ый предударный слог с открытыми гласными в ю-в-р говорах вообще заметно полновеснее того же слога литературного языка).

Есть основания предполагать, что при диссимилятивном аканье 1-ый предударный слог с *ъ* даже менее полновесен, чем 2-й предударный слог. На это, видимо, указывает следующая особенность в произношении случаев, когда между гласными 2-го и 1-го предударных слогов находится плавная. В подобных случаях наблюдается большое разнообразие в произношении: рядом с „нормальным“ *гълъвá*, *бъръдá* находим *гал^{ъ}вá*, *бар^{ъ}дá*, *стар^{ъ}нá*, *вар^{ъ}тá*; *галва*, *бар$_{ъ}^{р}$дá*, *стар$_{ъ}^{р}$нá*, *вар$_{ъ}^{р}$тá* и даже, если верить записям, *галвá*, *вартá*. Естественно предположить, что редукция до нуля имеет место в более слабом слоге, а усиление гласной до *а* — в более полновесном, т. е. что 1-ый предударный слог с *ъ* при диссимилятивном аканье, видимо, несколько слабее 2-го предударного слога. Что касается плавного, то он может приобрести слоговость в результате ослабления предшествующего или последующего редуцированного звука.

§ 54. При рассмотрении фактов, относящихся к диссимилятивному аканью, следует иметь в виду, что редуцированный звук *ъ* в силу его неполновесности весьма неустойчив в своем образовании. Как известно, „нормальное“ *ъ* — звук среднего или средне-заднего ряда и среднего подъема. Незначительное движение языка вниз изменяет его в широкое, отодвинутое назад *э*, т. е. звук, близкий к ɑ (ср. указанное выше произношение *нэгá*, *стэкáн*). Самое легкое движение языка вверх заводит его в зону *ы* (ср. произношение *ныгá*, *стыкáн*), наконец, даже незначительная активизация губ изменяет *ъ* в *о* или *у*. Сильная редукция звука *ъ* делает его особенно чувствительным к образованию соседних согласных: под влиянием соседних губных и велярных согласных (задненебных, *л*) звук *ъ* приобретает более заднюю артикуляцию, а нередко также добавочную артикуляцию в виде лабиализации. Это ведет к изменению *ъ* в *о* или *у*. Так появляется произношение *водá* — *нъ-вад'é*, *трóва* — *трáву*, *пошлá* — *пашóл попáша*, *устовáj*, *кобáк*, *кумáр*, *пупá* — *папú*, *папóв*, *пупáла*,

лумáт'. Некоторые наблюдатели легкую лабиализацию *ъ* и неполное его совпадение с *о* или *у* обозначают знаком *ъ°*, *ъ^у^*: *пъ^у^пáл'и*, *пъ°мáжу*.

Возможно, что дополнительным условием, способствующим лабиализации *ъ* в 1-м предударном слоге, является наличие гласной *у* во 2-м предударном слоге. Ср. частое произношение *у* в следующих случаях: *дурукá, гусукá, рукувá*.

Надо иметь в виду, конечно, что это „новое оканье" ничего общего не имеет с собственно оканьем: при диссимилятивном аканье *о* (или *у*) звучит как на месте *о*, так и на месте *а* (т. е. фонемы *о* и *а* не различаются; ср.: *водá* и *трувá*). Далее, эта особенность не носит характера обязательной черты фонетической системы говора: наряду с *о* и *у* в том же говоре и часто в речи одних и тех же лиц звучат и „нормальные" варианты фонем *о* и *а* (*въдá, пъшлá, лъмáт', тръвá* и т. д.). Степень лабиализации *ъ* очень различна от *ъ°* до *у*. Все это не составляет сомнения в том, что *о* и *у* в приведенных выше случаях заменили более старый *ъ*.

Что звуки *о* или *у* в 1-м предударном слоге в говорах с диссимилятивным аканьем появились непосредственно на месте *ъ*, видно и из того, что в тех же говорах они нередко звучат и во 2-м предударном слоге на месте *ъ* — обычного варианта фонем *о* и *а* в этом положении; ср.: *пускар'éj, пупулáм, кумарú, у-пупад'jé, γовър'áт', с-кобокá*; здесь также слабый, редуцированный звук *ъ* легко лабиализируется при соответственном окружении согласных.

Примечание 1. Вообще всякое ослабление гласной и изменение ее в *ъ* делает возможным при благоприятных условиях дальнейшее изменение *ъ* в *о* или *у*. Ср. частые в ю-в-р говорах *кογо, тογо* или *кугo, тугo*, где *о* не представляет собой сохранения старого *о*, а *у* — изменения *о* в *у*: как *о*, так и *у* являются здесь непосредственными заменами редуцированного *ъ*, который появился в этих случаях в связи с слабоударяемостью местоимений.

Примечание 2. В отдельных случаях перед слогом с ударенным *а* в 1-м предударном слоге подвергается ослаблению гласный верхнего подъема *ы*, это вызывает его изменение в *ъ*, а последний при выше описанных благоприятных условиях может лабиализироваться. Отсюда возможное *у* вместо *ы*: *умувáлс'и, музукáнт*.

Модификации гласных фонем 1-го предударного слога после мягких согласных.

§ 55. В с-в-р говорах гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных реализуются весьма многообразно, однако, повидимому, не образуя — как это имеет место в акающих говорах — достаточно четко выраженных типов. Последнее объясняется, между прочим, тем, что в одном и том же говоре нередко в этом положении употребляются различные разновидности одних и тех же гласных фонем неверхнего подъема в зависимости от стиля речи, а также от воздействия одних говоров на другие, от влияния литературного языка и т. д.; например, неодинаковые разновидности фонемы произносятся в отчетливой речи

(особенно песенной) и беглой: одно и то же лицо может сказать *н'осу́* и *н'есу́* или *т'ану́* и *т'ену́* и т. д. Имеется, кроме того, много тонких переходных случаев, которые можно отнести к одной и другой разновидности фонемы, напр.: *н'осу́, н'ӧсу́, н'е°су́* (чуть лабиализованное переднее *е*), *н'есу́*; *т'ану́, т'ӓну́, т'е^а^ну́* (широкое переднее *е*), *т'ену́*. В значительной части с-в-р говоров существенное значение для реализации гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных в той или иной своей разновидности имеет качество следующей согласной — ее твердость или мягкость: одна и та же фонема в положении перед твердой или мягкой согласной может реализоваться в разных своих разновидностях; ср., например: *т'ану́* и *т'ен'й, р'ека́* и *нъ-р'ик'е́*.

Фонема *а* в интересующем нас положении реализуется в одних говорах в звуке *а*, в других — перед твердой согласной — в звуке *а*, перед мягкой — в звуке *е* (*а*||*е*), в третьих — в обоих положениях в звуке *е*: а) *загл'ану́ — загл'ан'й; пот'ану́ — пот'ан'й; п'атак — п'ат'й; вз'алас' — вз'ал'ис'*; б) *загл'ану́ — загл'ен'й; пот'ану́ — пот'ен'й; п'атак — п'ет'й; вз'алас' — вз'ел'ис'*; в) *загл'ену́ — загл'ен'й; пот'ену́ — пот'ен'й; п'етак — п'ет'й; вз'елас' — вз'ел'ис'*.

Фонемы *'о* || *е* (*с'ола — с'ел'скоj*) после мягких согласных в 1-м предударном слоге также реализуются неодинаково: в одних с-в-р говорах перед твердой согласной произносится *о*, а перед мягкой — *е* (*о* || *е*), в других — звук *е* произносится как перед твердой согласной, так и перед мягкой: а) *с'оло́ — в-с'ел'е́; в'осна́ — к-в'ес'н'е́; н'осу́ — н'ес'й; п'оку́ — п'ек'й;* б) *с'ело́ — в-с'ел'е́; в'есна́, к-в'ес'н'е́; н'есу́ — н'ес'й; п'еку́ — п'ек'й.*

В литературе предмета, хотя и гораздо реже, но все же отмечено *о* перед мягкой согласной: *б'ор'о́за, в-с'ол'е, к-в'ос'н'е́* и т. д. Однако для того, чтобы установить, какова территория распространения такого произношения, насколько широк круг случаев, захваченных им, каково его место в фонетической системе соответствующих говоров, требуется проведение тщательных наблюдений и наличие большого материала, которым пока мы не обладаем.

Неодинаково реализуется в 1-м предударном слоге после мягких согласных по с-в-р говорам и фонема *ê*. В большей части с-в-р говоров перед твердой согласной звучит *е*, а перед мягкой — *и* (*е* || *и*); в части говоров перед твердой согласной звучит *о*, а перед мягкой — *и* (*о* || *и*). Впрочем, при наличии перед твердой согласной как *е*, так и *о* в положении перед мягкой согласной может звучать не только *и*, но и *е*. Поэтому, видимо, могут быть также говоры с *е* как перед твердой, так и перед мягкой согласной, а также говоры с *о* || *е*: а) *р'ека́ — р'ик'е́, б'еда́ — б'ид'е́;* б) *р'ока́ — р'ик'е́; б'ода́ — б'ид'е́;* а также: *р'ека́, р'ек'е́; б'еда́, б'ед'е* или *р'ока́ — р'ек'е́; б'ода́ — б'ед'е́*.

Все эти модификации гласных фонем неверхнего подъема в разных с-в-р говорах в 1-м предударном слоге выступают в самых разных комбинациях. Если к этому еще принять во внимание, что, как указано выше, в одном и том же говоре и в одном и том же фонетическом положении нередко употребляются неодинаковые раз-

новидности той или иной фонемы, станет ясной вся затруднительность установления типов предударного вокализма после мягких согласных с-в-р говоров.

Примечание. Бóльшая часть исследователей с-в-р говоров изучала лишь отдельные явления и не во всех фонетических положениях (например, отмечала, что произносят *загл'ану́*, не указывая, какой звук произносят на месте *а* перед мягкими согласными). При этом не обращалось внимания на соотношения данного явления с другими явлениями, стоящими в этом же ряду (например, наблюдался, какой звук произносится в 1-м предударном слоге после мягких согласных на месте *а*, но не соотносилось это с тем, какой звук произносится в том же положении вместо других гласных неверхнего подъема). Это также затрудняет установление типов предударного вокализма с-в-р говоров. Возможно, что в результате дальнейших тщательных систематических изучений отдельных с-в-р говоров удастся более точно описать их системы.

Полное или частичное различие гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге.

§ 56. Ниже рассмотрим некоторые типы предударного вокализма после мягких согласных.

I. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема ***а*** — в звуке *а*; фонема ***е*** (*'о*) — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема ***ê*** — перед твердой согласной в звуке *е*, перед мягкой — в звуке *и* (или близком к *и* — $е^{и}$).

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге	Под ударением	В 1-м предударном слоге
а	*а*	*а*
о	*е* (*'о*)	*е*
е	*ê* (*е*)	*и*
перед твердой согласной		перед мягкой согласной

Как видно из таблицы, в такого рода говорах в предударном слоге различаются три фонемы как перед твердой, так и перед мягкой согласной. Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'ад́у* — *пр'ад'и́*; *загл'ану́* — *загл'а́н'и́*; *св'атój* — *ос'в'ат'и́т'*; *пот'ану́* — *пот'ан'и́*; *п'атáк* — *п'ат'и́*; б) *н'осу́* — *н'ес'и́*; *пр'ив'оду́* — *пр'ив'ед'и́*; *нап'оку́* — *нап'ек'и́*; *с'олó* — *в-с'ел'é*; *в'оснá* — *к-в'ес'н'é*; *пов'олá* — *пов'ел'и́*; *ун'ослá* — *ун'ес'л'и́*; в) *л'есóк* — *л'ис'и́стој*; *р'екá* — *в-р'ик'é*, *б'едá* — *в-б'ид'é*.

Однако значительно больше таких с-в-р говоров, в которых в 1-м предударном слоге после мягких согласных различается меньшее количество гласных фонем неверхнего подъема. Рассмотрим такие говоры.

II. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягкой согласной реализуются: фонема ***а*** — в звуке *а* перед твердой согласной и в

звуке *е* перед мягкой; фонема *е* (*'о*) — в звуке *о* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема *ê* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* (или близком к *и* — *е*^{и}) перед мягкой.

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

В такого рода говорах, как видно из таблицы, *а*, *е* (*'о*), *ê* (*е*) в 1-м предударном слоге различаются в положении перед твердой согласной; в положении же перед мягкой согласной фонема *а* выступает в своем варианте *е*, совпадая таким образом с *е* (*'о*), и им противопоставлена лишь фонема *ê*, выступающая в своем варианте *и* (или *е*^{и}). Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'адý — пр'ед'й; загл'анý — загл'ен'й; св'атój — осв'ет'ит'; пот'анý — пот'ен'й; п'атáк — п'ет'й;* б) *н'осý — н'ес'й; пр'ив'одý — пр'ив'ед'й; нап'окý — нап'ек'й; с'олó — в-с'ел'é; в'оснá — к-в'ес'н'é; пов'олá — пов'ел'й; ун'ослá — ун'ес'л'й;* в) *л'есóк — л'ис'йстој; р'екá — в-р'ик'é; б'едá — в-б'ид'é.*

III. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема *а* — перед твердой согласной в звуке *а*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема *е* (*'о*) — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *е*; фонема *ê* — перед твердой согласной в звуке *о*, перед мягкой — в звуке *и* (или *е*^{и}).

Этот тип может быть представлен в следующей таблице:

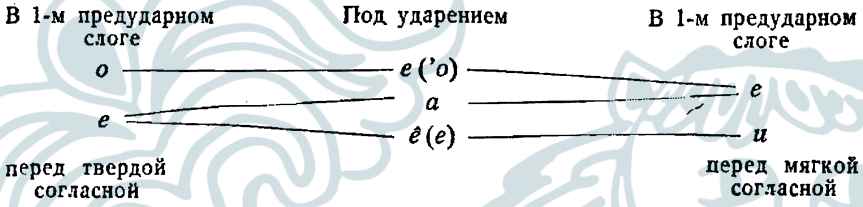

Как видно из таблицы, в таких говорах как перед твердой согласной, так и перед мягкой различаются только два звука, в одном из которых совпадают варианты двух гласных: перед твердой согласной *е* (*'о*) и *ê* совпадают в варианте *о*; перед мягкой согласной *а* и *е* (*'о*) совпадают в варианте *е*.

Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'адý — пр'ед'й; загл'анý — загл'ен'й; св'атój — осв'ет'ит'; пот'анý — пот'ен'й; п'атáк — п'ет'й;* б) *н'осý — н'ес'й; пр'ив'одý — пр'ив'ед'й; нап'окý — нап'ек'й; с'олó — в-с'ел'é; в'оснá — к-в'ес'н'é; пов'олá — пов'ел'й; ун'ослá — ун'ес'л'й;* в) *л'осóк — л'ис'йстој; р'окá — в-р'ик'é; б'одá — в-б'ид'é.*

В части говоров, в которых перед твердой согласной *е*(*'о*) и *ê* выступают в своем варианте *о* (*н'осý, р'окá*), на месте фонемы *а* может произноситься не только *а*, но и *е* (*пр'едý, загл'енý*), но это не меняет системы вокализма: и в этом случае *е* (*'о*) и *ê* совпадают в одном варианте, различаясь с вариантом фонемы *а*.

С другой стороны, система вокализма не будет той же, если перед мягкой согласной вместо *а* и *е* (*'о*) звучит гласный *е*, более или менее склонный к *и* (*е*^{и}), и такой же звук имеется в том же положении вместо фонемы *ê*; в этом случае перед мягкой согласной гласные фонемы неверхнего подъема, следовательно, не различаются, выступая в одном общем варианте *е*^{и} (*пот'е*^{и}*н'ú, н'е*^{и}*с'ú, в-р'е*^{и}*к'é*).

IV. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема ***а*** — в звуке *е*; фонема ***е*** (*'о*) — в звуке *о* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема *ê* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* перед мягкой. Этот тип может быть представлен в таблице:

Здесь мы видим совпадение *а* и *ê* перед твердой согласной и *а* и *е* (*'о*) перед мягкой согласной в одном общем варианте.

Иллюстрируем примерами такие говоры: а) *пр'едý — пр'ед'ú; загл'енý — загл'ен'ú; св'етój — ос'в'ет'ит'; пот'енý — пот'ен'ú; п'етáк — п'ет'ú;* б) *н'осý — н'ес'ú; пр'ив'одý — пр'ив'ед'ú; нап'окý — нап'ек'ú; с'олó — в-с'ел'е; в'оснá — к-в'ес'н'é; пов'олá — пов'ел'ú; ун'ослá — ун'ес'л'ú;* в) *л'есóк — л'ис'истój; р'екá — в-р'ик'é; б'едá — в-б'ид'é.*

V. Гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге реализуются: фонема ***а*** — в звуке *а* перед твердой согласной и в звуке *е* перед мягкой; фонема ***е*** (*'о*) — в звуке *е*; фонема *ê* — в звуке *е* перед твердой согласной и в звуке *и* перед мягкой.

Представим вокализм такого говора в таблице:

В таких говорах, как видно из таблицы, перед твердой согласной фонема *а* противопоставлена *е*(*'о*) и *ê*, которые выступают в общем

www.ruslang.ru

варианте *е*, а перед мягкой согласной *а* и *е* (*'о*), выступающие в общем варианте *е*, противопоставлены варианту фонемы *ê* — *и*.

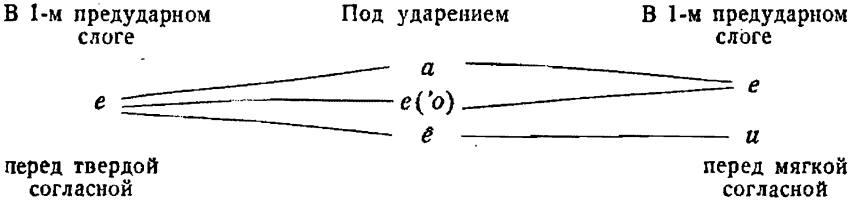
Иллюстрируем примерами такой говор: а) *пр'адý — пр'ед'и́; загл'анý — загл'ен'и́; св'атój — ос'в'ет'и́т'; пот'анý — пот'ен'и́; п'атáк — п'ет'и́; б) н'есý — н'ес'и́; пр'ив'едý — пр'ив'ед'и́; нап'екý — нап'ек'и́; с'елó — в-с'ел'é; в'еснá — к-в'ес'н'é; пов'елá — пов'ел'и́; ун'еслá — ун'ес'л'и́;* в) *л'есóк — л'ис'и́стоj; р'екá — в-р'ик'é; б'едá — в-б'ид'é.*

Еканье.

§ 57. Следует иметь в виду, что отсутствие „ёканья", т. е. произношение типа *н'есý* с *е* перед твердой согласной в предударном слоге, широко распространено во многих с-в-р говорах. С другой стороны, в этом же положении широко распространено произношение *е* вместо фонемы *а*. Если учесть возможность отсутствия ёканья в типе IV, т. е. произношение *н'есý* и т. д., как в типе V, а также возможность произношения звука *е* перед твердой согласной вместо *а* в говорах типа V, как это имеет место в типе IV, то нельзя не отметить возможность совпадения всех гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном их общем варианте *е* (в „еканье"). Таким образом, возможен еще следующий тип:

VI. Все гласные фонемы неверхнего подъема, т. е. *а, е* (*'о*), *ê* (*е*), после мягких согласных в 1-м предударном слоге перед твердой согласной реализуются в общем варианте *е*; перед мягкой согласной *а* и *е* (*'о*) выступают в варианте *е*, а фонема *ê* — в варианте *и*.

Такой говор может быть представлен в следующей таблице:

Иллюстрируем примерами еканье: а) *пр'едý — пр'ед'и́; загл'енý — загл'ен'и́; с'в'етój — ос'в'ет'и́т'; пот'енý — пот'ен'и́; п'ета́к — п'ет'и́;* б) *н'есý — н'ес'и́; пр'ив'едý — пр'ив'ед'и́; нап'екý — нап'ек'и́; с'елó — в-с'ел'é; в'еснá — к-в'ес'н'é; пов'елá — пов'ел'и́; ун'еслá — унес'л'и́;* в) *л'есóк — л'ис'и́стоj; река — в-р'ик'é, б'едá — в-б'ид'é.*

По отношению ко всем предшествующим типам, в которых вместо фонемы *ê* в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной произносится вариант *и*, надо иметь в виду еще следующее обстоятельство: вместо *и* по говорам может произноситься также звук *е*^{и} (т. е. ненапряженный гласный, средний по подъему языка между *и* и *е*). А так как такой же звук нередко произносится в том же положении и вместо *а* (*загл'ен'и́*) и *е* (*пон'ес'и́*), то, следовательно, совпадение всех гласных неверхнего подъема в одном общем вари-

анте *е* в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной распространено шире, чем перед твердой согласной.

§ 58. Надо иметь в виду, что различение гласных фонем неверхнего подъема — полное, т. е. всех этих фонем, или частичное, т. е. некоторых из них (типы I — V), свойственно с-в-р, т. е. окающим говорам.

Примечание. Правда, в научной литературе есть указания на то, что в некоторых акающих ср-в-р говорах в предударном слоге после мягких согласных фонема *а* отличается от *е* (*'о*) и *ê* тем, что на месте *а* произносится *а*, а на месте *е* (*'о*) и *ê* — звук *е* (т. е. по типу V), но не все эти указания заслуживают полного доверия: некоторые записи, указывающие на такое различение, можно заподозрить в сохранении *а* после мягких согласных (*я*) под влиянием орфографии (т. е. весьма возможно, что написания *загляну, загляни* или *загл'ану́, загл'ан'й* при написаниях *несу, неси, река, беда* по отношению к акающим говорам представляют собой сохранение орфографической нормы). Однако все же, видимо, существуют говоры, с-в-р по происхождению, утратившие оканье в собственном смысле слова, но еще частично сохраняющие различия между гласными неверхнего подъема после мягких согласных. Отдельные такие говоры отмечены на севере и северо-востоке Рязанской области.

Что касается „еканья", т. е. совпадения всех гласных неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном общем варианте *е*, то оно свойственно как с-в-р, т. е. окающим говорам, так и говорам акающим, главным образом ср-в-р. Таким образом, еканье (т. е. произношение *т'ену́, н'есу́, в-л'есу́*) — черта нейтральная по отношению к выделению основных наречий русского языка: оно может быть сопряжено — в положении после твердых согласных — как с оканьем (т. е. произношением *водá*, но *травá*), так и с аканьем (т. е. произношением *вадá, травá*).

Обзор типов предударного вокализма после мягких согласных, свойственных с-в-р говорам, мы выше закончили так называемым еканьем — системой, при которой гласные неверхнего подъема после мягких согласных в предударном слоге совпадают в одном общем варианте *е*. Еканье встречается как в окающих говорах, так и в акающих. Поэтому при выделении основных наречий русского языка эта система является в общем нейтральной.

Иканье.

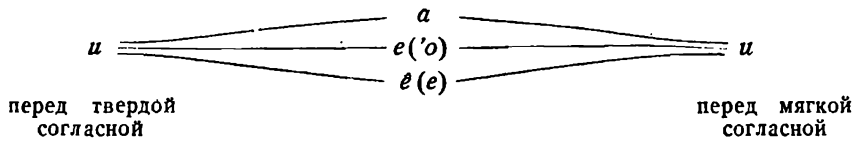
§ 59. Однако гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге могут совпадать не только в варианте *е*, но также и в варианте *и*. Такая реализация их носит название иканья. При иканье, как и при еканье, твердость и мягкость последующей согласной в общем не существенна: в обоих положениях произносится вариант *и*.

Примечания. 1. Качество этого варианта, впрочем, может быть не одинаковым. Наряду с „нормальным" *и* употребляются более открытые оттенки *и* (т. е. $и^{е}$). Во многих говорах перед твердой согласной произносятся более открытые оттенки *и* ($и^{е}$), а перед мягкой — более закрытые.

2. Надо иметь в виду, что нельзя провести четкую грань между иканьем и еканьем: если при иканье могут употребляться более открытые оттенки

и (т. е. $и^{е}$), а при еканье наряду с другими оттенками *е* также оттенки, более закрытые (т. е. $е^{и}$), то грань между $и^{е}$ и $е^{и}$ провести весьма трудно, и та или иная квалификация соответствующего звука во многом зависит от индивидуального восприятия наблюдателя.

Если передать систему иканья посредством такой же таблицы, как выше переданы другие типы предударного вокализма после мягких согласных, то таблица будет иметь следующий вид:

Приведем примеры на иканье: а) *нъпр'идý — нъпр'ид'и́; зъгл'инý — зъгл'ин'и́; св'итój — ас'в'ит'и́т'; път'инý — път'ин'и; п'итáк — п'ит'и́; б) н'исý — н'ис'и́; пр'ив'идý — пр'ив'ид'и́; нъп'икý — нъп'ик'и́; с'илó — в-с'ил'е́; в'иснá — в'ис'н'е́; пъв'илá — пъв'ил'и́; унислá — ун'исл'и́;* в) *л'исóк — л'ис'истój; р'икá — в-р'ик'е́; б'идá — в-б'ид'е́.*

Иканье распространено среди акающих говоров ср-в-р, а также в части таких говоров, которые принято относить к ю-в-р. Иканье характерно также для одной из разновидностей так называемого „московского" произношения, лежащего в основе произносительной системы литературного языка. Впрочем, наряду с *и* системе современного литературного языка в 1-м предударном слоге после мягких согласных в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема свойственно также произношение $и^{е}$ или $е^{и}$, т. е. звуков, средних между *и* и *е*, не совпадающих полностью с *и*.

Яканье.

§ 60. В акающих говорах все гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных, как и в других безударных, не различаются в произношении. Однако частные фонетические условия, в которых происходит это совпадение, весьма различны по говорам. Различно также качество общего варианта неразличающихся фонем.

В одних говорах все гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге вне зависимости от дальнейших, более частных фонетических условий совпадают в звуке *и* или *е* (это так называемые иканье или еканье), в других они совпадают всегда в *а* или в одних фонетических условиях в звуке *а*, в других в звуке *и* или *е*. Это так называемое яканье.

Таким образом, яканьем называется совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге либо постоянно в одном варианте *а*, либо в варианте *а* в чередовании с вариантом *и* или *е* в зависимости от разных более частных фонетических условий.

Существует несколько видов яканья. Выделение этих видов про-

изводится на основании того, совпадают ли гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в общем варианте *а* всегда, вне зависимости от дальнейших, более частных фонетических условий, или в зависимости от этих условий неразличающиеся фонемы совпадают то в варианте *а*, то в варианте *и* (или *е*). В последнем случае виды яканья выделяются в зависимости от того, каковы фонетические условия, в которых выступают варианты *а* или *и* (или *е*).

Основных видов яканья три: умеренное, диссимилятивное и сильное.

Умеренное яканье.

§ 61. Выше был рассмотрен предударный вокали́зм после мягких согласных с-в-р говоров. Среди всех видов яканья наиболее близко к нему по самому своему принципу яканье умеренное. Поэтому с него именно мы и начнем наш обзор.

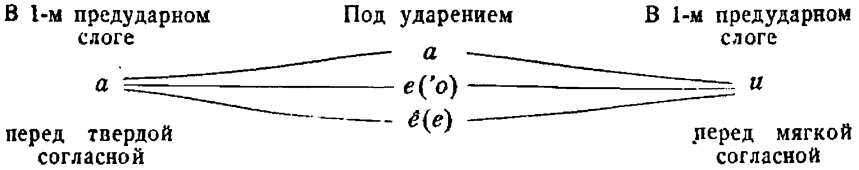
Умеренное яканье заключается в том, что наличие того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных (*а* или „не *а*“) зависит от твердости или мягкости последующей согласной: перед твердой согласной выступает вариант *а*, перед мягкой согласной — *и* (или *е*).

Примеры на умеренное яканье:

а) перед твердой согласной: *н'ас́у́, в'ад́у́, нъп'аќу́, пъс'ал́у́, с'ал́о́, з'арно́, зъ-с'астро́j, с'ало́м, з'арно́м, н'асла́, пр'ив'ала́, с'астра́, в'арста́, тр'и в'арсты́, у-с'астры́* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'ос, с'о́ла, сл'о́зы* и т. д. или — редко — *н'е́с, сл'е́зы* и т. д.); *нъ-р'аќу́, б'ад́у́, в-с'н'агу́, в-л'ас́у́, гн'ад́у́jу, зъ-р'ако́j, к-сл'апо́j, б'адо́j, л'асо́к, гн'адо́j* (мерин), *сл'апо́j* (старик), *р'ака́, б'ада́, из-гн'азда́, пъс'п'ава́т', цв'аты́, сл'апы́х* (ср. под ударением в тех же морфемах: *р'е́к* — род. п. мн. ч., *с'н'е́г, л'е́с* и т. д. или *л'ê̂с, л'ие̂с* и т. д.); *път'ану́, зъгл'ану́, р'абу́jу, п'атно́, пъпр'амо́j, п'атно́м, р'адно́м, пр'ала́* (ср. под ударением в тех же морфемах: *т'а́нут, пр'а́мо, пр'ал* и т. д.).

б) перед мягкой согласной — *н'ис'и́, ув'из'и́, пъв'ил'и́, пр'ин'ис'л'и́, в-с'ил'е́, ул'ит'ела, в'ил'е́л, н'ис'о́м, вид'о́м, д'ир'евн'а, в'ис'о́лj, з'ил'о́нъj, в'ил'у́, пъс'т'ил'у́, с'им'já, път'ир'а́л, д'ьр'ив'а́ннъj* (в предударном слоге находится гласная, которой в той же морфеме под ударением в большей части говоров соответствует *о*‖*е*, т. е. гласный *о* перед твердой согласной, чередующийся в положении перед мягкой согласной с гласным *е*: ср. *н'ис'и́, прин'ис'л'и́, нис'о́м — н'ос, н'ес'т'*; другие примеры: *в'оз — в'ес'т', пав'о́л, с'о́ла, с'е́л'скъj*); *пъб'ил'и́л'и, укр'ип'и́л, л'ис'н'и́к, къ-ст'ин'е́, к-р'ик'е́, цв'ит'от, см'ijу́тцъ, зм'ijу́, пъб'ил'у́, стр'ил'а́т', пъм'ин'а́л* (ср. под ударением в тех же морфемах: *б'е́лъj, л'е́с, ст'е́ны, цв'е́т* и т. д. или *б'ê̂лоj, б'ие̂лоj* и т. д.); *нъпр'ид'и́, нър'ид'и́лсъ, гл'ид'ела, нъпр'ид'о́м, п'ит'jу́, д'ис'ит'jу́* (ср. под ударением в тех же морфемах: *пр'ас'т', пр'а́жа, нар'а́д, взгл'ад, п'а́тъj, д'ес'а́тъj*).

Система умеренного яканья может быть представлена в следующей таблице:

Вариант „не *а*“ при умеренном яканье может быть весьма разнообразен по своему качеству: от *и* до *е*; некоторые наблюдатели отмечают здесь звуки средние между *и* и *е* — *е*^{ъ}. Таким образом, рядом с *в'ил'ёл, в'ил'ý, път'ир'ál, пъгл'ид'и, р'иб'ína* встречается *в'ел'ёл, в'ел'ý, път'ер'ál, пъгл'ед'и, р'еб'ína* или *в'е*^{ъ}*л'ёл, в'е*^{ъ}*л'ý, път'е*^{ъ}*р'ál, пъгл'е*^{ъ}*д'и, р'е*^{ъ}*б'ína*.

Выше была отмечена близость умеренного яканья к предударному вокализму после мягких согласных с-в-р говоров. В чем же эта близость? В системе умеренного яканья в предударном слоге после мягких согласных звуки *а* и „не *а*“ (*и* или *е*) чередуются в зависимости от того, тверда или мягка следующая согласная (*н'асý, н'ис'и, в'ил'ý*). Как было показано выше, на основе того же принципа — в зависимости от твердости или мягкости следующей согласной — могут чередоваться гласные предударного слога после мягких согласных в с-в-р говорах; и в этих последних наличие того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема может быть обусловлено твердостью или мягкостью следующей согласной; ср.: *н'осý — н'ес'и, т'анý — т'ен'и, б'едá* (или *б'одá*) — *в-б'ид'ё* и т. д. Таким образом, принцип умеренного яканья весьма близок к системе предударного вокализма после мягких согласных большей части с-в-р говоров.

§ 62. Умеренное яканье может иметь две разновидности в зависимости от того, какой вариант гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных произносится в 1-м предударном слоге перед твердыми шипящими согласными: дело в том, что шипящие в прошлом были мягкими согласными, а в дальнейшем они частью отвердели. Отсюда их двойственная „роль“ по отношению к гласным. В одних говорах они „ведут себя“ по отношению к предшествующей гласной, как мягкие согласные, и перед ними произносится вариант „не *а*“, в других — как твердые согласные, и перед ними произносится *а*. Например, как в с. Шехмино Рыбновского района Рязанской обл., так и в д. Криуши Солотчинского района той же области отмечено умеренное яканье. Но в первом перед шипящими произносится *и* (*м'ижá, л'ижáт', б'иж'áт'; из-м'ишкá, мишáт', м'ишóк, п'ишкóм*), а во втором — *а* (*м'ажá, л'ажáт', б'аж'áт'; из-м'ашкá, м'ашáт', м'ашóк, п'ашкóм*).

Можно думать, что первая разновидность умеренного яканья более старого происхождения по сравнению со второй, так как звук *и* (*е*) перед шипящими, видимо, появился тогда, когда шипящие еще были мягкими. Напротив, вторая разновидность яканья появилась

в говорах, уже имевших отвердевшие шипящие, и потому в них перед шипящими, как и перед другими твердыми согласными, в 1-м предударном слоге явилось *а*.

§ 63. При умеренном яканье отмечены некоторые аномалии. Так, например, обычно произносится *п'акл'ú, т'икл'ú, л'игл'ú, ст'ыр'игл'ú, зъпр'игл'ú*, а не *п'акл'ú* и т. д.; *нъ-ст'икл'é, в-в'идр'é*, а не *нъ-ст'акл'é, в-в'адрé; к-с'истр'é*, а не *к-с'астр'é*, как надо было ожидать перед твердыми согласными (*к, г, д, с*). Чем объясняется это отклонение от общего правила?

В приведенных примерах предударная гласная находится перед сочетанием согласных. Значительная часть сочетаний согласных в русском языке такова, что при мягкости второй согласной первая согласная также смягчается; ср.: *злой — з'л'ей, кóзла — к'óз'л'ик, сна — ва-с'н'é, осла — óс'л'ик, уздá — уз'д'éч'къ* и т. д. Однако рядом с такими сочетаниями есть и иные, в которых при мягкости второй согласной первая сохраняет свою твердость; ср.: *вытру — вытр'ú, адрá — нъ-адр'é, острыj — астр'éjъ, маглá — магл'ú, мóкла—мóкл'и* и т. д.

В приведенных выше примерах отклонений от системы умеренного яканья как раз имеются сочетания согласных второго рода.

При изучении звуковой системы языка всегда следует иметь в виду строение слова, его грамматические связи, т. к. многие звуковые особенности появляются нефонетическим путем благодаря воздействию одних грамматических форм на другие или данной грамматической формы одних слов на ту же форму других слов.

Надо думать, что указанные выше отклонения и появились в результате воздействия тожественных форм разных слов — одних, которые не имели сочетаний согласных или имели сочетание с мягкой согласной перед мягкой, на другие, имевшие твердую согласную перед мягкой, т. е. что *т'акл'ú, п'акл'ú* с *и* в предударном слоге появилось под влиянием *в'ил'ú, пл'ил'ú, пъдм'ил'ú, н'ис'л'ú, в'из'л'ú* и т. д.; *нъ-ст'икл'é, в-в'идр'é* появилось под влиянием *в-с'ил'é, нъ-вис'л'é, в-п'ир'é* (от „перо") и т. д.; *с'истр'é* появилось под влиянием *нъ-с'т'ин'е, в-р'ик'é, в-б'ид'é, в'ис'н'é* и т. д.

Примечание. Возможно и предположение, что некоторые из твердых согласных перед мягкими в прошлом были в какой-то мере мягкими — в частности задненебные *к, г*; ср.: *л'óхкъj — л'éхч'и* (звук *е* в сравнительной степени, не изменившийся в *о*, может быть, указывает на былую не полную твердость *х* перед мягкой *ч'*), и что таким образом формы типа *п'акл'ú* возникли фонетически закономерно. Однако у нас нет никаких указаний на мягкость в прошлом *д, т* перед *р* и др. Между тем не подлежит сомнению, что случаи типа *с'истр'é, в'идрé* такого же порядка, что и *с'т'икл'é*, и должны быть объяснены одинаково. Случай же *с'т'икл'é* ничем не отличается от *п'икл'ú, т'икл'ú* и также, вероятно, объясняется одинаково с последними. Характерно, что случаи отклонений обычно относятся к грамматическим формам, имеющим соответствующие образцы, которые могли воздействовать на появление случаев с отклонениями. Поэтому предложенное выше нефонетическое объяснение представляется более вероятным.

Диссимилятивное яканье.

§ 64. Диссимилятивное яканье заключается в том, что наличие в 1-м предударном слоге после мягких согласных одного из двух вариантов гласных фонем неверхнего подъема (*а* или „не *а*") зависит от качества гласной следующего, ударенного слога: если под ударением находятся гласные верхнего подъема — *и* (*ы*), *у* — то в предударном звучит *а*, если же под ударением — гласная нижнего подъема — *а*, то в предударном звучит „не *а*", а именно *и* или *е*.

Иллюстрируем диссимилятивное яканье примерами:

1. Под ударением гласные верхнего подъема:

у: *н'асу́, в'аду́, п'аку́, с'астру́, сл'азу́, пъднаму́ д'ан'к'у́, в'ал'у́, пъс'т'ал'у́, ас'ан'ју́* (ср. под ударением в тех же морфемах — *н'ос, н'ес'т'; п'ок, п'еч'; с'остры, с'естр'ин; п'ат' д'он, д'ен'* и т. д.);

р'аку́, ба'ду́, у-сн'ачу́, в-л'асу́, чн'адуја, сл'апуја, см'ајутца, зм'ају́ (ср. под ударением в тех же морфемах: *сн'ех, л'ес* или *сн'ех, л'ес* и др.);

път'ану́, зъчл'ану́, пр'ады́, р'абуја, пр'амуја, д'ис'ат'ју́, чл'ад'у́ (ср. под ударением в тех же морфемах: *т'а́нут', чл'а́ну, пр'а́ма, д'ис'а́тај* и др.).

и (ы): *н'ас'и́, в'ад'и́, н'ас'л'и́, в'ал'и́, п'акл'и́, л'ачл'и́* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'о́с, н'ес'т'; п'ок, п'еч'; л'ох, л'еч* и др.);

пъб'ал'и́л'и, укр'ап'и́л'и, п'аск'и́, л'ан'и́вај (ср. под ударением: *б'е́лај, кр'е́пкај* или *б'ѐлај, кр'ѐпкај* и т. д.);

нъпр'ад'и́, пъчл'ад'и́, нър'ад'и́лс'и, р'аб'и́на, д'ис'ат'и́ (ср. под ударением: *пр'а́жа, чл'а́нул, нар'а́д* и т. д.);

три в'арсты́, у-с'астры́ (ср. под ударением: *в'орст, с'о́стры, с'е́стр'ин);*

т'в'аты́, л'асны́х, с'л'апы́х, чн'ады́х (ср. под ударением: *т'в'ет, л'ес, асл'е́п* или *т'в'ѐт, л'ѐс, ас'л'ѐп* и др.);

р'ады́, пр'амы́х, с'в'аты́х, р'абы́х (ср. под ударением: *р'а́д, пр'а́ма* и др.).

2. Под ударением гласная нижнего подъема — ***а:*** *н'испа́, п'икла́, с'истра́, с'л'иза́, два д'ин'к'а́, у-с'ила́, л'ит'а́т', в'ил'а́т'* (ср. под ударением в тех же морфемах: *н'ос, н'ест'; п'ок; п'еч'; с'о́стры, с'е́стр'ин; с'л'о́зы, п'ат' д'он, д'ен'* и др.);

б'ида́, с'л'ипа́ја, р'ика́, с'м'ијата, м'ин'а́т', стр'ил'а́т' (ср. под ударением в тех же морфемах: *б'е́днај, сл'е́пн'ит', р'ек* или *б'ѐднај, сл'ѐпн'ит', р'ѐк* и др.);

пр'имаја, р'ибаја, пр'ила́, вз'ила́, чл'ид'а́т' (ср. под ударением в тех же морфемах: *пр'а́ма, пр'а́л, вз'а́л, чл'а́ну).*

Диссимилятивное яканье может быть представлено в следующей таблице:

В 1-м предударном слоге в той же морфеме	Под ударением фонема	В 1-м предударном слоге в той же морфеме
а	*а*	
	е('о)	*и(е)*
	е́(е)	
если под ударением гласные верхнего подъема (*у, и — ы*)		если под ударением гласная нижнего подъема (*а*)

§ 65. Однако диссимилятивное яканье имеет ряд разновидностей, которые выделяются в зависимости от того, какой из двух вариантов гласных фонем неверхнего подъема произносится после мягких согласных в 1-м предударном слоге, когда под ударением находятся гласные среднего подъема, а также средне-верхнего подъема, если последние в говоре имеются.

Какие же гласные среднего или средне-верхнего подъема могут быть под ударением? Таких гласных по русским говорам максимально четыре, но может быть и меньше — три и даже два, так как некоторые из них во многих говорах совпали друг с другом. Рассмотрим их с точки зрения говора, различающего все эти четыре фонемы.

Под ударением, как было указано выше (см. § 23), могут быть следующие гласные среднего или средне-верхнего подъема:

1. ***о́*** (или ***у͡о***) — закрытое *о* или дифтонг *у͡о*. Эта фонема сохраняется в части говоров на месте старого *о* под восходящим ударением. В остальных говорах она совпала с *о* („*о* открытым").

2. ***о*** — открытое *о*. В говорах, различающих *о* и *о́*, фонема *о* восходит к старому *ъ*, а также к *о* под нисходящим ударением.

3. ***е*** — *е* открытое. Эта фонема как *е* открытое под ударением перед твердой согласной произносится лишь в немногих говорах, не знающих изменения *е* в *о* (напр., *п'ат' в'ёрст, п'ат' д'ен, кл'ен, б'ер'ёза, в'ес'ёлој, ч'ер'ёмуха* и т. д.). Обычно на ее месте в русском языке находим *о* перед твердой согласной и *о* (точнее *ǒ*) или *е* перед мягкой. Например: *с'о́ла, в'ес'о́лој, б'ер'о́за; в'ес'о́л'ен'кој, на-б'ер'о́з'е, с'ёл'ској, в'ес'ёл'јо, н'ес'о́м, в'ед'о́м.* Впрочем, в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения во многих ю-в-р и некоторых с-в-р говорах звучит *е*, а не *о (н'ес'ём, п'ек'ём, пл'ет'ёш, в'ед'ёш).* Эти звуки восходят к старым *е* и *ь*.

4. ***ê*** — закрытое *е* или дифтонг *и͡е*. Эта фонема сохранилась в части русских говоров. В другой, значительной их части, вместо нее звучит *е* открытое. Ср.: *л'ês, хл'ên, в'ера* или *л'и͡ес, хл'и͡еп, в'и͡ера* в одних говорах, при *л'ес, хл'еп, в'ера* в других[1]. Эти звуки восходят к старому *ѣ*.

В одних русских говорах различаются все только что перечисленные четыре гласные фонемы среднего и верхне-среднего ряда, в других — три ввиду совпадения *о́* и *о* в одной фонеме, а именно *о*, *е* (*е* ‖ *о*) и *ê*; в третьих — только две ввиду совпадения в них *о́* и *о* и совпадения *е* частью с *о*, а частью с фонемой *ê*, в свою очередь изменившейся в *е* открытое.

Разновидности диссимилятивного яканья выделяются в зависимости от того, какой из двух вариантов гласных неверхнего подъема после мягких согласных произносится в 1-м предударном слоге, когда под ударением находятся гласные среднего или средне-верхнего подъема. Разновидности диссимилятивного яканья в своей основе зависят от того, различаются ли в том или ином говоре под ударением гласные верхне-среднего подъема в отличие от гласных среднего подъема, или они совпали в одной категории гласных среднего подъема.

Установлены следующие разновидности диссимилятивного яканья.

§ 66. Архаический тип диссимилятивного яканья. Архаический тип диссимилятивного яканья заключается в следующем: если под ударением находится *о́* или *ê*, то в 1-м предударном

[1] В части с-в-р говоров в соответствии с этой фонемой произносится также *и*.

слоге произносится *а*; если же под ударением — *о* или *е* (*'о*), то в 1-м предударном слоге произносится „не *а*“, т. е. *и* или *е*. Иначе говоря, в архаическом типе диссимилятивного яканья ударенные гласные *о̂* и *ê*, как более закрытые или даже начинающиеся с верхнего подъема (*у͡о*, *и͡е*), функционируют в отношении к гласной предударного слога как гласные верхнего подъема, а ударенные *о* и *е* (*'о*), как более открытые, функционируют как гласные нижнего подъема.

Иллюстрируем архаический тип диссимилятивного яканья примерами:

1. Под ударением *о̂*: *с'алô, в'аслô, з'арнô, зъ-с'астрô̂j; сл'азô̂j* (ср. в тех же морфемах под ударением: *с'о́лы, с'о́стры* и т. д. или — редко — *с'е́лы, з'е́рны* и т. д);

зъ-р'акô̂j, к-сл'апô̂j, г-γн'адô̂j (лошади), пъ-л'аснô̂j (дорог'е), зъ-с'т'анô̂j, γн'адô̂γа (ср. в тех же морфемах под ударением: *р'ек, сл'еп, л'ес* или *р'ê̂к, сл'ê̂п, л'ê̂с* и др.);

п'атнô, р'аднô, р'абô̂γа, св'атô̂γа, к-р'абô̂й (ср. в тех же морфемах под ударением: *п'атны*[1], *р'ап, св'ат*).

2. Под ударением *о*: *зъ-с'ило́м, в'исло́м, з'ирно́м*[2] (ср. в тех же морфемах под ударением: *с'о́лы, з'о́рны* или — редко — *с'е́лы, з'е́рны*); *сл'ипо́j, с'идо́j* (им. п. ед. ч. муж. р.)[3], *л'исо́к, п'исо́к* (ср. в тех же морфемах под ударением: *л'ес, сл'еп, с'ет* или *л'ê̂с, сл'ê̂п, с'ê̂т*, или *л'и͡ес* и т. д.);

п'итно́м, р'идно́м, р'ибо́j, св'ито́j, пр'имо́j (ср. под ударением в тех же морфемах: *п'а́тны, пр'а́ма* и т. д.).

3. Под ударением *ê*: *в-с'ал'ê̂, в-з'арн'ê̂, нъ-в'асл'ê̂, в'ал'ê̂ла, ул'ат'ếла* (ср. под ударением: *с'о́лы* или *с'е́лы* и т. д.);

нъ-с'т'ан'ê̂, нъ-р'ак'ê̂, в-γн'аз'дê̂ (ср. под ударением: *с'т'ếны*); *γл'ад'ếла* (ср. под ударением: *γл'а́ну*).

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'е́вн'а, в'ис'о́лаj, б'ир'о́за, з'ил'о́наj* или *в'ис'е́лаj, б'ир'е́за з'ил'е́наj; н'ис'о́м, в'ид'о́м, п'ик'о́м* или *н'ис'е́м, в'ид'е́м, п'ик'е́м* (ср. под ударением: *в'е́с'ьлъ, н'ос* и т. д.);

---

[1] В ю-в-р говорах под ударением может быть в этом слове и *'о(е)*: *п'о́тны* (или *п'е́тны*). Звук *о(е)* в этом случае появился на почве неразличения гласных неверхнего подъема в безударных слогах благодаря аналогии *с'алô: с'о́лы* (или *с'е́лы*) = *п'атнô: х*; *х* = *п'о́тны* (или *п'е́тны*).

[2] Звук *о* в окончании твор. п. ед. ч. *-ом* в русском языке, равно как и других восточнославянских, восходит к *ъ*. Об этом свидетельствуют как показания древних памятников (написание *-ѣмь*), так и данные украинского языка (*селом*, а не *селiм*, как было бы, если бы в новом закрытом слоге оказалось старое *о*) и русских говоров (различение *о̂* и *о* под ударением, а в некоторых ю-в-р говорах, также наличие при ударенных *о̂* или *о* в предударном слоге разных гласных: *с'алô* и *с'ило́м*).

[3] Звук *о* в окончании имен. п. ед. ч. муж. р. прилагательных (*-ой*) восходит к редуцированному *ы*, развивавшемуся в свою очередь из *ъ* в положении перед *и* или *i*. Ср. старославянское и др-р. *свѣтыи, слѣпыи* и их исходные формы *svetъ̆ĭ, slěpъ̆ĭ* (с сочетанием редуцированных — *ъ̆* в сильном положении и *ĭ* в слабом). В украинском и белорусском языке редуцированное *ъ̆* (*ы*) в сильном положении заменилось звуком *ы* полного образования. Ср. украинское *сліпи́й*, белорусское *сляпы́*.

т'в'ит'о́ или *т'в'ит'е́*, *т'в'ит'о́т'*, *т'в'ит'е́т'* (ср. под ударением *т'в'ет* или *т'в'ếт*);

нъпр'ид'о́м или *нъпр'ид'е́м* (ср. под ударением: *пр'а́жа*).

§ 67. Щигровский тип диссимилятивного яканья. Щигровский тип диссимилятивного яканья отличается от архаического тем, что наличие в нем под ударением *о́* или *о* не отражается на качестве гласного предударного слога: при наличии под ударением как *о́*, так и *о* в предударном слоге произносится *а*. Напротив, ударенные *е́*, с одной стороны, и *е* (*'о*), с другой, как и при архаическом типе дифференцируют гласный предударного слога: если под ударением находится *е́*, то в предударном выступает вариант *а*; если же под ударением — *е* (*'о*), то в предударном — „не *а*", т. е. *и* или *е*.

Итак, при Щигровском типе яканья в 1-м предударном слоге звучит *а*, если под ударением — *о́*, *о* и *е́*; если же под ударением находится *е* (*'о*), то в предударном слоге звучит „не *а*", т. е. *и* или *е*. Иначе говоря, в Щигровском типе диссимилятивного яканья не только *о́* и *е́*, но также и *о* действуют, как гласные верхнего подъема, а гласная *е* (*'о*) — как гласная нижнего подъема.

В говорах с Щигровским типом диссимилятивного яканья *о́* и *о* обычно не различаются, совпадая в одном звуке *о*. Не различаясь под ударением, они, естественно, не могут воздействовать на качество гласной предударного слога.

Однако, видимо, имеются и говоры, в которых ударенные *о́* и *о* различаются, хотя это и не отражается на качестве предударных гласных. Ср., например, в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской обл.[1]: *с'ало́*, *зъ-с'ало́м*; *в'асло́*, *зъ-в'асло́м*; *в'адро́*, *зъ-в'адро́м*; *к-сл'апо́j лошыд'и*, *сл'апо́j мужы́к* и т. д. — под ударением звучит то *о́*, то *о*, в то время как в предударном слоге неизменно выступает *а*.

Иллюстрируем примерами Щигровский тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *о́* (обычно *о* из *о́*): *с'ало́*, *в'асло́*, *з'арно́*, *зъ-с'астро́j*, *сл'азо́j*; *зъ-р'ако́j*, *к-сл'апо́j*, *г-γн'адо́j* (*лошъд'и*) и *пъ-л'асно́j* (*дароγ'и*), *зъ-ст'ано́j*, *γн'адо́γа*; *п'атно́*, *р'адно́*, *р'або́γа*, *св'ато́γа*, *к-р'або́j*.

2. Под ударением *о*: *зъ-с'ало́м*, *в'асло́м*, *з'арно́м*; *сл'апо́j*, *с'адо́j* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асо́к*, *п'асо́к*, *п'атно́м*, *р'адно́м*, *р'або́j*, *с'ато́j* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *е́*: *у-с'ал'е́*, *в-з'арн'е́*, *нъ-в'ас'л'е́*, *в'ал'е́ла*, *ул'ат'е́ла*; *нъ-ст'ан'е́*, *нъ-р'ак'е́*, *в-γн'аз'д'е́*; *γл'ад'е́ла* (или *у-с'ал'е́*, *в-зарн'е́* и т. д.).

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'е́вн'а*, *в'ис'о́лаj*, *б'ир'о́за*, *з'ил'о́наj* (или: *в'ис'е́лаj*, *б'ир'е́за*, *з'ил'е́наj*), *н'ис'о́м*, *в'ид'о́м*, *п'ик'о́м*, (или: *н'ис'е́м*, *в'ид'е́м*, *п'ик'е́м*); *т'в'ит'о́* (или *т'в'ит'е́*, *т'в'ит'о́т'*, *т'в'ит'е́т'*); *нъпр'ид'о́м* (или *нъпр'ид'е́м*).

[1] Правда, в Новоселках не диссимилятивное яканье Щигровского типа, а ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Но последнее сложилось на основе диссимилятивного яканья Щигровского типа (об этом см. ниже § 76) и в отношении приведенной особенности ничем не отличается от Щигровского типа.

В последующих типах диссимилятивного яканья не используются для различения гласного предударного слога различия ни ударенных *ô* и *о*, ни ударенных *ê* и *е* (*'о*). Эти гласные, все или частью, в одних из них функционируют по отношению к гласному 1-го предударного слога, как гласные верхнего подъема, в других — как гласные нижнего подъема.

В говорах с этими типами диссимилятивного яканья под ударением на месте *ô* и *о* обычно, видимо, звучит *о*, на месте *ê* под ударением перед твердой согласной — *е* („*е* открытое" — как в литературном языке), а на месте *е* звучит под ударением — перед твердой согласной *о*, а перед мягкой согласной — *е* или *ö*.

§ 68. Суджанский тип диссимилятивного яканья. В Суджанском типе диссимилятивного яканья ударенные *ô* и *о* по отношению к гласному предударного слога функционируют как гласные верхнего подъема, а ударенные *ê* и *е* (*'о*) как гласные нижнего подъема. Таким образом, при Суджанском типе диссимилятивного яканья в 1-м предударном звучит *а*, если под ударением находятся *ô* и *о*; если же под ударением — *ê* и *е* (*'о*), то в предударном слоге звучит „не *а*", т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем примерами Суджанский тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *ô* (произносится обычно *о*): *с'алó, в'аслó, з'арнó, зъ-с'астрój, сл'азój, зъ-р'акój, к-сл'апój, г-γн'адój* (*лошади*), *пъ-л'аснój* (*дороге*), *зъ-ст'анój, γн'адóγа; п'атнó, р'аднó, р'абóγа, св'атóγа, к-р'абój.*

2. Под ударением *о: зъ-с'алóм, в'аслóм, з'арнóм*; *сл'апоj, с'адój* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асóк, п'асóк; п'атнóм, р'аднóм, р'абój, св'атój* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ê* (перед твердой согласной обычно произносится *е* „открытое"): *в-с'ил'é, в-з'ирн'é, нъ-в'ил'é, в'ил'éла, ул'ит'éла; нъ-ст'ин'é, нъ-р'ик'é, в-γн'изд'é; γл'ид'éла.*

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'éвн'а, в'ис'óлaj, б'ир'óза, з'ил'óнaj* (или *в'ис'élaj, б'ир'éза, з'ил'énaj*), *н'ис'óм, в'ид'óм, п'ик'óм* (или *н'ис'éм, в'ид'éм, п'ик'éм*); *тв'ит'ét'; нъпр'ид'óм* (или *нъпр'ид'éм*).

§ 69. Донской тип диссимилятивного яканья. В Донском типе диссимилятивного яканья все гласные среднего или верхне-среднего подъема, если последние имеются, функционируют по отношению к предударному слогу как гласные нижнего подъема. Таким образом, при этом типе яканья при наличии под ударением гласных *ô, о, ê, е* (*'о*) или их замен в 1-м предударном слоге звучит „не *а*", т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем примерами Донской тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *ô* (произносится обычно *о*): *с'илó, в'слó, з'ирнó, зъ-с'истрój, сл'изój*; *зъ-р'икój, к-сл'ипój, г-γн'идój* (*лошади*), *пъ-л'иснój* (*дороге*), *зъ-ст'инój, γн'идóγа; п'итнó, р'иднó, р'ибóγа, св'итóγа, к-р'ибój.*

2. Под ударением *о: зъ-с'илóм, в'слóм, з'ирнóм; сл'ипój, с'идój* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'исóк, п'исóк, п'итнóм, р'иднóм, р'ибój, св'итój* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ê* (перед твердой согласной обычно произносится *е* открытое): *в-с'ил'é, в-з'ирн'é, нъ-в'ис'л'é, в'ил'éла, ул'ит'éла; нъ-ст'ин'é, нъ-р'ик'é, в-γн'изд'é, γл'ид'éла.*

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ир'éвн'а, в'ис'óлај, б'ир'óза, з'ил'óнај* (или *в'ис'élај, б'ир'éза, з'ил'énај*), *н'ис'óм, в'ид'óм, п'ик'óм* (или *н'ис'ém, в'ид'ém, п'ик'ém*), *т'в'ит'ét'; нъпр'ид'óм* (или *нъпр'ид'ém*).

§ 70. Жиздринский (или белорусский) тип диссимилятивного яканья. В Жиздринском типе диссимилятивного яканья все гласные среднего и верхне-среднего подъема, если последние имеются, функционируют по отношению к гласному предударного слога как гласные верхнего подъема. Таким образом, при этом типе яканья при наличии под ударением гласных *ó, о, ê* и *е* (*'о*) или их замен в 1-м предударном слоге звучит *а*.

Иллюстрируем примерами этот тип диссимилятивного яканья:

1. Под ударением *ô* (произносится обычно *о*): *с'алó, в'аслó, з'арнó, зъ-с'астрój, сл'азój; зъ-р'акój, к-сл'апój, г-γн'адój* (*лóшъди*), *пъ-л'аснój* (*дарóγ'и*), *зъ-ст'анój, γн'адоγа; п'атнó, р'адно, р'аббγа, св'атóγа, к-р'аббój.*

2. Под ударением *о*: *зъ-с'алóм, в'аслóм, з'арнóм; сл'апój, с'адój* (им. п. ед. ч. муж. р.), *л'асóк, п'асóк; п'атнóм, р'адиóм, р'аббój, с'в'атój* (им. п. ед. ч. муж. р.).

3. Под ударением *ê* (перед твердой согласной обычно произносится *е* открытое): *в-с'ал'é, в-з'арн'é, нъ-в'асл'é, в'ал'éла, ул'ат'éла.*

4. Под ударением *е* (*'о*): *д'ар'évн'а, в'ас'óлај, б'ар'óза, з'ал'óнај, н'ас'óм, в'ад'óм, п'ак'ом* (или *н'ас'ém, в'ад'ém, п'ак'ém*), *цв'ат'óт'* (или *цв'ат'ét'*), *нъпр'ад'ом* (или *нъпр'ад'ém*).

§ 71. Не входя в сложный и не до конца разрешенный вопрос об истории образования различных типов диссимилятивного яканья (это дело курса истории русского языка), необходимо все же сделать следующее замечание по вопросу о том, в каких отношениях находится реальная различаемость под ударением гласных верхне-среднего и среднего подъемов (*ó* и *о*, *ê* и *е*) и качество гласных на месте гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге.

Наличие в предударном слоге после мягких согласных того или иного варианта гласных фонем неверхнего подъема (*а* или „не *а*"), несомненно, обусловлено качеством гласной фонемы ударенного слога. Поэтому если в предударном слоге мы находили разные варианты гласных фонем неверхнего подъема, — можно быть уверенным, что и под ударением находились разные по качеству гласные фонемы. Например, известны образцовые записи песен, сделанные еще в 50-х годах XIX в. в б. Обоянском у. Курской губ. А. С. Машкиным. Эти записи были сделаны наблюдателем, не имевшим специальной лингвистической подготовки, и притом одними только орфографическими средствами. Именно на основе этих записей Л. Л. Васильевым был установлен архаический Обоянский тип диссимилятивного яканья. А. С. Машкин записывает: *пяро, рябро, сляпому*, но *пиром, рибром, слипой* (им. п. ед. ч. муж. р.), т. е. в предударном слоге мы находим разные варианты (то *а*, то *и*), хотя гласная под ударением везде наблюдателем обозначена через букву *о*. Последовательное проведение в предударном слоге звука *а* в тех случаях, когда ударенный гласный восходит к старому *о* под восходящим ударением (*пяро, рябро, сляпому*) и звука *и*, когда ударенный гласный восходит к старому *ъ* (*пиром, рибром, слипой*), позволяет думать, что в Обоянском говоре *ó* и *о* под ударением

различались не только в ту эпоху, когда возникло яканье, но, возможно, и тогда, когда А. С. Машкин производил свои наблюдения (т. е. в середине XIX в.). Иначе трудно было бы объяснить полную последовательность в употреблении *а* и *и* в предударном слоге. Это предположение подтверждается тем, что позднее (в том числе уже и в XX веке) в б. Курской губ. были отмечены говоры, различающие под ударением *о́* и *о*. К тому же надо иметь в виду, что А. С. Машкин, ограниченный в передаче звуковой стороны говора средствами обычной орфографии, не имел возможности различить на письме *о́* и *о*, если бы даже он обратил внимание на различение этих звуков. А последние он мог и не различить, не имея специальной подготовки а также ввиду того, что целью его было не фонетическое описание говора, а собирание песен, которые он записывал, передавая звуковые особенности говора в той мере, в какой позволяли средства орфографии.

Утрата различий между *о́* и *о*, несомненно, привела бы к тому, что в результате действия аналогии появилась бы непоследовательность и в употреблении *а* и *и* в предударном слоге (*и* могло бы появиться и в случаях перед ударенным *о* на месте былого *о́*, и, наоборот, *а* могло бы появиться перед слогом с ударенным *о* из старого *ъ* и из *о* под нисходящим ударением), а затем мог бы обобщиться один из вариантов (*а* или *и*) перед слогом с одной и той же гласной фонемой *о*, восходящей к *о́* и *о* или *ъ*. Между тем в Обоянском говоре различение вариантов *а* и *и* в предударном слоге проведено совершенно последовательно.

Итак, последовательное проведение в определенных категориях случаев в предударном слоге разных вариантов — то *а*, то *и*, свидетельствует о том, что и под ударением в этих случаях различались, а возможно, и различаются, разные гласные фонемы. Однако нельзя это утверждение перевернуть, т. е. сказать обратное, что если в определенных категориях случаев в предударном слоге выступает всегда один и тот же вариант (например, *а*), то, следовательно, и под ударением обязательно звучала и звучит одна и та же фонема. Правда, совпадение гласных фонем неверхнего подъема в предударном слоге в одном варианте может являться следствием совпадения некоторых гласных фонем под ударением: в говоре, не различающем под ударением *о́* и *о*, невозможно различение в предударном слоге *а* и *и*. Однако различение под ударением гласных среднего и верхне-среднего подъема может не отразиться на качестве варианта предударного слога. Напр., в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области под ударением последовательно различается *о́* и *о*, но в предударном слоге в обоих случаях выступает вариант ***а***: *с'а́лъ, зъ-с'а́лъм; в'а́слъ, зъ-в'аслъ́м; в'а́дръ, зъ-в'адръ́м; пъ-л'аснэ́j дарэ́'и, л'аснэ́j п'ан'о́к* и т. д.

Итак, различаемость гласных среднего и верхне-среднего подъема под ударением может не отразиться на качестве варианта предударного слога. Но, напротив, наличие в предударном слоге разных вариантов гласных неверхнего подъема (*а* и *и*) обязательно свидетельствует о различаемости, хотя бы в прошлом, под ударением соответствующих фонем, так как эти разные варианты обусловлены разными по качеству фонемами ударенного слога.

Сильное яканье.

§ 72. Сильным яка́ньем называется постоянное совпадение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге в одном общем варианте *а* вне зависимости от дальнейших частных фонетических условий. Таким образом, при сильном яканье для качества гласного предударного слога несущественна мягкость или твердость следующей согласной (как при умеренном яканье) или качество гласной фонемы ударенного слога (как при яканье диссимилятивном): вне зависимости от мягкости или твердости следующей согласной, при наличии под ударением

любой гласной фонемы, в предударном слоге всегда произносится один и тот же вариант гла́сных неверхнего подъема, а именно *а*.

Иллюстрируем примерами сильное яканье: *н'ас'ý, в'ад'ý, сл'аз'ý; в'ал'ý, пъс'т'ал'ý, ас'ан'jý; р'ак'ý, б'ад'ý; пъб'ал'ý, с'м'ijýтца; пр'ад'ý, звгл'ан'ý, път'ан'ý; зъ-п'ат'jý, д'ис'ат'jý;*

н'ас'и́, в'ад'и́, пр'ин'ас'л'и́, укр'ап'и́л'и, пъб'ал'и́л'и, л'ан'и́вvj, нъпр'ад'и́, пъгл'ад'и́, нър'ад'и́лс'и;

тр'и в'арсты́; цв'аты́, л'асны́х; р'абы́х;

с'ало́, з'арно́, зъ-с'астро́j; р'ако́j, к-сл'апо́j; п'атно́, р'адно́, р'або́ва; зъ-с'ало́м, з'арно́м; л'асо́к, сл'апо́j, п'атно́м, р'адно́м;

в'ал'е́л, в-с'ал'е́, в'ал'е́ла; нъ-ст'ан'е́, к-р'ак'е́, в-гн'аз'д'е́; гл'ад'е́ла;

д'ар'е́вн'а, пл'ат'е́н', в'ас'о́лъj, б'ар'о́за, з'ал'о́нъj, н'ас'о́м, в'ад'ом, п'ак'о́м (или: *н'ас'е́м, в'ад'е́м, п'ак'е́м*); *д'ат'ej, зв'ар'ej, нъпр'ад'о́м* (или: *нъпр'ад'е́м*);

н'асла́, пр'ив'ала́, в'арста́; с'а́м'ja, път'ар'а́л, д'ир'ав'а́̄naj, д'ас'а́taj; р'ака́, б'ада́, из-гн'азда́; с'м'ajа́тца, пъм'ан'а́л, стр'ал'а́т'; пр'ала́, гл'ад'а́т'.

Яканье, осложненное ассимилятивностью.

§ 73. Кроме изложенных выше основных видов яканья и их более частных типов, существуют еще более сложные разновидности яканья, представляющие собой один из разобранных выше типов яканья, на который как бы накладывается принцип ассимилятивности. Ассимилятивность заключается в зависимости гласного предударного слога — варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных — от качества гласной фонемы ударенной, причем зависимости именно ассимилятивной: если под ударением находится гласная *а*, то в предударном слоге в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает звук *а* (напр.: *н'асла́, с'астра́, р'ака́, р'абája, път'ар'а́л, стр'ал'а́т', м'ан'ат'*).

Ассимилятивность наслаивается на один из ранее разобранных типов предударного вокализма после мягких согласных, а именно на иканье, умеренное яканье, диссимилятивное яканье Щигровского типа или диссимилятивное яканье Суджанского типа.

В зависимости от того, какова основа, на которую наслаивается ассимилятивность, различают следующие типы яканья, осложненного ассимилятивностью.

§ 74. Яканье ассимилятивное. Основой ассимилятивного яканья является система иканья, на которое наслоилась ассимилятивность. При ассимилятивном яканье гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге выступают в своем варианте *а*, если под ударением находится фонема *а*; если же под ударением находится любая другая гласная фонема, то в предударном слоге выступает вариант „не *а*“ (*и* или его более открытые оттенки). Иллюстрируем ассимилятивное яканье примерами:

1. Под ударением *а*: *н'асла́, з'арна́, с'астра́; р'ака́, б'ада́, сл'апája; р'абája, пр'амája; път'ар'а́л, стр'ал'а́л, м'ан'а́т', гл'ад'а́т'.*

2. Под ударением остальные гласные: *с'ило́, з'ирно̀; р'ико́й, б'идо́й; п'итно́, р'идно́, к-сл'ипо́й;*

зъ-с'ило́м, в'исло́м, з'ирно́м; л'исо́к; п'итно́м; н'ису́, к-з'ирну́; р'ику́, б'иду́; р'ибу́ю; в'ил'у́; с'м'ию́тца, гл'ид'у́;

н'ис'и́; в'ид'и́; л'ин'и́въй, пъб'ил'и́т', пъгл'ид'и́; тр'и в'ирс'ты́; цв'иты́; р'ибы́х;

в-с'ил'е́, в-з'ирн'е́; н'ид'е́л'а, нъ-ст'ин'е́, гл'ид'е́ла; д'ир'е́вн'а, б'ир'о́за; нъпр'ид'о́м.

§ 75. Яканье ассимилятивно-умеренное. Основой ассимилятивно-умеренного яканья является умеренное яканье, на которое наслоилась ассимилятивность. Так как при умеренном яканье в предударном слоге перед твердой согласной вместо всех гласных фонем неверхнего подъема выступает вариант *а*, в том числе в тех случаях, когда под ударением находится *а* (напр., *н'асла́, б'ада́, р'абája*), то ассимилятивно-умеренное яканье отличается от умеренного только тем, что в указанном положении при наличии под ударением *а* — в предударном слоге выступает вариант *а* не только перед твердой согласной, но также и перед мягкой согласной: *т'ар'а́т', стр'ал'а́т', гл'ад'а́т'.*

Таким образом, при ассимилятивно-умеренном яканье гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если они находятся перед твердой согласной, а также — вне зависимости от твердости или мягкости следующей согласной — если под ударением находится гласная *а*. Те же гласные выступают в своем варианте *и* (или *е*), если они стоят перед мягкой согласной, а под ударением находится любая гласная, кроме *а*.

Иллюстрируем примерами ассимилятивно-умеренное яканье.

1. Перед твердой согласной, а также перед мягкой согласной, если под ударением находится *а*: *н'асу́, пъ-с'алу́, сл'азу́, р'аку́, б'аду́, гн'адую; пр'аду́, зъгл'ану́.*

три в'арсты́, у-с'астры́ ; цв'аты́; р'абы́х, пр'амы́х;

с'ало́, з'арно́, с'астро́й; зъ-р'ако́й, к-сл'апо́й; п'атно́, к-р'або́й;

с'ало́м, з'арно́м, р'або́й, пр'амо́й;

н'асла́, п'акла́, в'арста́; р'ака́, б'ада́, из-гн'азда́; р'абája, пр'ала́, п'атак;

с'ам'já, път'ар'а́л, д'ир'ав'а́нъй, д'ас'а́таj; с'м'ajа́тцъ, стр'ал'а́т', пъм'ан'а́л; гл'ад'а́т'.

2. Перед мягкой согласной, если под ударением — любая гласная, кроме *а*:

н'ис'и́, в'ид'и, пъв'из'л'и́; укр'ип'и́л'и, пъб'ил'и́л'и; нъпр'ид'и́, пъгл'ид'и;

в-с'ил'е́, в'ил'е́л, ул'ит'е́л; нъ-ст'ин'е́, нъ-р'ик'е́; гл'ид'е́ла;

д'ир'е́вн'а, в'ис'о́лъй, б'ир'о́за, пл'ит'е́н', н'ис'ом, в'ид'о́м; цв'ит'о́т; нъпр'ид'о́м.

§ 76. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа. Этот тип яканья называю Новоселковским по с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области, где он

употребляется. Основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья Новоселковского типа является Щигровский тип диссимилятивного яканья, на который наслоилась ассимилятивность. При этом типе яканья гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если под ударением находятся гласные *у, и (ы), о, о, ѐ* и их замены, а также *а*; если же под ударением находится *е (ʼо)*, то в предударном слоге выступает вариант „не *а*“, т. е. *и* или *е*.

Иллюстрируем этот тип яканья примерами:

1. Перед слогом с ударенными *у, и (ы), о, ѐ*, а также *а*: *н'асу́, в'аду́, п'аку́, сл'азу́; в'ал'у́, пъс'т'ал'у́, ас'ан'ју́; р'аку́, б'ауу́, б'аду́; пъб'ал'у́, см'ају́тца; пр'аду́, зъул'ану́, път'ану́; зъ-п'атју́, д'ис'атју́;*

н'ас'и́, в'ад'и́, пр'ин'асл'и́; укр'ап'и́л'и, пъб'ал'и́л, л'ан'и́въј; нъпр'ад'и́, пъул'ад'и́, нър'ад'и́лс'и;

три в'арсты́, сл'азы́; цв'аты́, л'асны́х; р'абы́х;

с'ало́, з'арно́, зъ-састро́ј; р'ако́ј, к-сл'апо́ј; п'атно́, р'адно́, р'або́въ (или *с'ало́, з'арно́* и т. д.);

зъ-с'ало́м, з'арно́м; л'асо́к, с'л'апо́ј; п'атно́м, р'адно́м;

в'ал'ѐл, в-с'ал'ѐ, л'ат'ѐла; нъ-с'т'ан'ѐ, нъ-р'ак'ѐ, в-ун'аз'д'ѐ, ул'ад'ѐла (или *в'ал'е́л* и т. д.);

н'асла́, пр'ив'ала́, в'арста́; с'ам'ја, път'ар'а́л, д'ир'ав'а́нај, д'ас'а́таj, р'ака́, б'ада́, из-ун'азда́; см'ајата, пъм'ан'а́л, стр'ал'а́т'; св'ата́ја, пр'ала́; ул'ад'а́т'.

2. Перед слогом с ударенным *е (ʼо)*: *д'ир'е́вн'а, пл'ит'е́н', в'ис'о́лај, б'ир'о́за, з'ил'о́нај* (или: *в'исе́лај, б'ир'е́зъ, з'ил'е́нај*), *н'ис'о́м, в'ид'о́м, п'ик'о́м* (или: *н'ис'е́м, в'ид'е́м, п'ик'е́м*); *д'ит'е́j, зв'ир'е́j; нъпр'ид'о́м* (или *нъпр'ид'е́м*).

§ 77. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Кидусовского типа. Этот тип яканья называю Кидусовским по с. Кидусово Спасского района Рязанской области, где он употребляется. Основой ассимилятивно-диссимилятивного яканья Кидусовского типа является Суджанский тип диссимилятивного яканья, на который наслоилась ассимилятивность. При этом типе яканья гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*, если под ударением находятся гласные *у, и (ы), о, о*, а также *а*; если же под ударением находятся *ѐ* и *е (ʼо)*, то в предударном слоге выступает вариант „не *а*“ (*и* или *е*).

Иллюстрируем этот тип яканья примерами:

1. Перед слогом с ударенными *у, и (ы), о, о*, а также *а*: *н'асу́, в'аду́, сл'азу́, в'ал'у́, пъс'т'ал'у́, ас'ан'ју́; р'аку́, б'аду́; пъб'ал'у́, с'м'ају́тца; пр'аду́, зъгл'ану́, път'ану́; зъ-п'атју́, д'ис'ат'ју́;*

н'ас'и, в'ад'и́, пр'ин'асл'и́; укр'ап'ил'и, пъб'ал'и́л, л'ан'и́ваj; нъпр'ад'и́, пъгл'ад'и́, нър'ад'и́лс'и;

тр'и в'арсты́, сл'азы́; цв'аты́, л'асны́х; р'абы́х;

с'ало́, з'арно́, зъ-с'астро́ј, р'ако́ј, к-сл'апо́ј, п'атно́, р'адно́, р'або́ва;

зъ-с'ало́м; з'арно́м; л'асо́к, сл'апо́ј, п'атно́м, р'адно́м;

н'асла́, пр'ив'ала́, в'арста́; с'ам'ја, път'ар'а́л, д'ир'ав'а́наj,

д'ас'áтај; р'акá, б'адá, из-гн'аздá; см'ајáтца; пъма'н'ál, стр'ал'ám'; св'атája, пр'алá; гл'ад'ám'.

2. Перед слогом с ударенными *é* и *е* (*'о*)[1]:

в'ил'él, в-с'ил'é, л'ит'éла; нъ-с'т'ин'é, нъ-р'и'кé, в-γн'из'д'é; γл'ид'éла;

д'ир'éвн'а, пл'ит'éн'; в'ис'élъј, б'ир'éза, з'ил'énъј (или *в'ис'ólъј, б'ир'óза, з'ил'óнъј*), *н'ис'ém, в'ид'ém, п'ик'ém* (или *н'ис'óм, в'ид'óм, п'ик'óм*); *д'ит'éј, зв'ир'éј; нъпр'ид'ém* (или *нъпр'ид'óм*).

§ 78. Разобрав различные разновидности яканья, осложненного ассимилятивностью, нетрудно прийти к выводу о том, что ассимилятивность в них представляет собой результат позднейшего процесса, наслоившийся на уже отстоявшуюся систему иканья, умеренного яканья или диссимилятивного яканья Щигровского или Суджанского типов. Такой вывод делается прежде всего благодаря тому, что ассимилятивность в этих разновидностях яканья легко выделяется: эти разновидности яканья минус ассимилятивность равны иканью, умеренному яканью или одному из только что названных типов диссимилятивного яканья, которые известны и без пласта ассимилятивности. С другой стороны, такой же вывод делается ввиду того, что эта ассимилятивность находится в прямом противоречии с перечисленными только что системами иканья и яканья.

В самом деле: система иканья заключается в том, что все гласные неверхнего подъема после мягких согласных в 1-м предударном слоге вне зависимости от дальнейших фонетических условий совпадают в своем общем варианте *и*. Между тем при ассимилятивном яканье те же фонемы предударного слога, если под ударением находится *а*, совпадают в варианте *а*.

Более ясно противоречие между ассимилятивностью и умеренным яканьем, сочетающимся в ассимилятивно-умеренном яканье.

Как известно, умеренное яканье заключается в том, что гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге перед твердой согласной совпадают в варианте *а*, а перед мягкой — в варианте *и*. Между тем при общем сохранении этого принципа (перед твердыми согласными звучит *а*), если под ударением находится *а*, то и в положении перед мягкими согласными гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге выступают в варианте *а*.

Особенно ярко противоречие между ассимилятивностью и основной системой яканья, на которую она наслоилась, в яканье ассимилятивно-диссимилятивном. Ведь сущность диссимилятивного яканья заключается в том, что при наличии под ударением гласных верхнего подъема в предударном слоге в качестве общего варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает звук *а*, а при наличии под ударением гласной нижнего подъема (т. е. *а*) в предударном звучит звук *и* (или *е*). Между тем при ассимилятивно-дис-

[1] В говорах, где на месте *é* под ударением перед твердой согласной произносится *е*, а *е* в том же положении не изменилось в *о*, звуки *é* и *е* совпали, напр.: *с'ел на лавку; круγóм мнóγа с'ел.* Так в Кидусове (об этом см. выше §§ 23, 24).

симилятивном яканье сохраняется только первая часть этой закономерности, в прямом противоречии со второй частью — в результате закономерности диаметрально противоположной — в 1-м предударном слоге появляется *а*, если имеется *а* в ударенном слоге. Поэтому о диссимилятивной основе этой разновидности яканья можно догадаться только по различению гласных предударного слога, когда под ударением находятся гласные фонемы среднего или верхнесреднего подъема (напр., *в'ис'ёлај*, но *в'ал'ёла*; так при ассимилятивно-диссимилятивном яканье Новоселковского типа; или: *с'алó*, *зъ-с'алóм*, но *в'ис'ёлај*, *в'ил'ёла*; так при ассимилятивно-диссимилятивном яканье Кидусовского типа).

Вот эти противоречия принципа ассимилятивности принципу диссимилятивности или принципу умеренного яканья, а также иканью и свидетельствуют о том, что ассимилятивность представляет собой позднейший слой, как бы наложившийся на уже отстоявшийся тип предударного вокализма после мягких согласных.

§ 79. Необходимо сделать одно очень важное замечание, касающееся системы диссимилятивного яканья архаического, Щигровского и Суджанского типов, а также ассимилятивно-диссимилятивного яканья обеих разновидностей, развившихся, как было показано выше, на основе Щигровского и Суджанского типов диссимилятивного яканья.

Как известно, при архаическом типе диссимилятивного яканья в предударном слоге произносится *а* при наличии под ударением *о̑*; если же под ударением находится *о*, а также *е* (*'о*), то в предударном слоге произносится *и* (или *е*).

Фонема *о̑*, как правило, произносится после твердых парных согласных и задненебных, т. е. после исконно твердых согласных. Она возникла на месте старого *о* под восходящим ударением (см. § 23, 24 и 65). Однако есть категория случаев, когда звук *о̑* (*у͡о*) нефонетически появлялся и после мягких согласных (а также шипящих, бывших ранее мягкими) на месте старого *е*: напр.: *хъра́шо̑* под влиянием *в'ис'алó̑*, *дит'о̑* под влиянием *с'алó̑*, *с-раб'н'о̑j* — под влиянием *ст'анó̑j*, *з'ат'jо̑в* по типу *сталó̑в* и т. д.

Такое *о̑* после мягких согласных и шипящих, восходящее к старому *е*, по отношению к гласным предударного слога функционирует так же, как и всякое другое *о̑*, т. е. восходящее к старому *о*: в предударном слоге гласные фонемы неверхнего подъема после мягких согласных выступают в своем варианте *а*. Например: *т'ър'ач'у͡о*, *св'ажу͡о*; *пл'ач'у͡о*, *б'ал'jу͡о*, *в'ид'ан'jу͡о*, *л'ид'ан'jу͡о*, *м'ид'в'ад'jу͡о*; *кл'ашн'у͡оjу*, *з'амл'уojу* (или *з'амл'у͡оj*), *пъд-м'ажу͡оjу*; *в'идм'ад'у͡ов*, *з'ат'jу͡о̑в*, *кн'аз'jу͡ов*, *хр'асцу͡ов*.

С приведенным материалом можно сравнить формы твор. п. ед. ч. муж. и ср. р. на *-ом* после мягкой согласной, где под ударением *-о* (*о* открытое), а в предударном слоге произносится *и* (*е*): *б'ил'jóм*, *м'ид'в'ид'óм*, *пл'ич'óм*, *в'ид'ин'jóм*. (Ср. в твердой разновидности склонения: *с'илóм*, *в'идрóм*, *ст'иклóм* и пр., также *о* открытое под ударением, и поэтому *и* в предударном слоге.)

С явлением аналогического происхождения мы сталкиваемся при ближайшем знакомстве с диссимилятивным явлением Щигровского и Суджанского типов и развившимися на их основе обоими типами ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Как известно, при этих типах яканья, если под ударением находится *о* (или же *о̑* и *о*), то в предударном слоге произносится *а*, если же под ударением *е* (*'о*), то в предударном звучит *и* (*е*). Таким образом, при наличии под ударением *о* после мягких согласных в предударном слоге в качестве общего варианта гласных фонем неверхнего подъема выступает „не *а*".

Однако от этого правила имеется одно отступление, которое нельзя считать исключением, так как оно характеризует самую систему этих типов яканья: если под ударением находится *о* после мягких согласных, входящее в состав именных форм, в частности падежных окончаний, а также уменьшительного суффикса *-ок*, то в предударном слоге произносится *а*.

Например: *в'ис'óльj, б'ар'óза, в'ид'óм, н'ис'óм*; но *пл'ач'ó, б'ал'jó, в'ид'ан'jó, ж'ид'в'ад'jó; з'амл'ójу, кл'ашн'ójу, зъ-м'ажój; м'ид'в'ад'óв', з'ат'jóв, кн'аз'jóв; гър'ач'ó, св'ажó; б'ал'jóм, с-м'ид'в'ад'óм, пл'ач'óм, в'ид'ан'jóм, jажóм; п'ан'óк, д'ан'óк, ч'ир'ajóк, м'ашóк, б'ир'ажóк, сн'ажóк.*

Возникает вопрос: почему последовательно произносится *в'ид'óм*, но *м'ид'в'ад'óм*. Почему при наличии под ударением одной и той же гласной, а именно *о* после мягкой согласной, в предударном слоге обычно произносится *и* (или *е*), но в определенной категории случаев последовательно произносится *а*.

Окончательный ответ на этот вопрос дадут данные говоров, не знающих изменения *е* в *о*, приводимые ниже. Пока же следует обратить внимание на то, что при ударенном *о* после мягких согласных в предударном слоге звук *а* произносится в таких формах, где имеется твердая разновидность тех же форм, т. е. где возможна грамматическая аналогия. В словах *пл'ач'ó, мид'в'ад'jó* звук *о* появляется под влиянием *с'алó*; в словах *з'амл'ójу, кл'ашн'ójу* — под влиянием *п'илójу, ст'анójу*; в словах *м'ид'в'ад'óв* — под влиянием *сталóв*; в словах *плач'óм, ми'д'в'ад'óм* — под влиянием *с'алóм, сталóм; п'ан'óк, б'ир'ажóк* — под влиянием *дамóк, вазóк, дубóк*. Отсюда естественное предположение, что ударенное *о* после мягких согласных в этих формах появилось нефонетически, в результате грамматической аналогии. Если это предположение правильно, то, следовательно, ударенное *о* после мягких согласных в случаях типа *н'ис'óм, в'ид'óм, б'ир'óза, в'ис'óльj*, с одной стороны, и *м'ид'в'ад'óм, б'ал'jó, п'ан'óк*, с другой стороны, имеют разное происхождение. Это дает возможность объяснить двойственность в предударном слоге (то *а*, то *и*) при наличии под ударением одной и той же гласной *о* после мягкой согласной тем, что ударенное *о* в этих двух категориях случаев появилось в р а з н о е в р е м я, и потому оно по-разному воздействовало на гласную предударного слога.

Говоры, не знающие изменения *е* в *о* и имеющие в то же время один из интересующих нас типов яканья, полностью подтверждают высказанные выше предположения. В этих говорах звук *о* после мягких согласных произносится только в именных формах, главным образом в падежных окончаниях и в уменьшительном суффиксе *-ок*, в остальных случаях произносится *е*: *фс'о, ап-ч'óм, нъ-твajóм, д'ит'ó, дупл'ó, кан'óм, радн'ój, зат'jóв, хърашó, кул'óк, акан'óк* (окунек), но *кл'éн, п'ат в'éрст, б'ер'éза, в'ес'éлaj, ч'ер'émуха, п'ат' д'éн, мнóга с'ел, кат'énак, каз'л'énак, н'ес'éш, в'ед'éш, п'ек'éш; н'ес'éт', в'ед'éт', п'екéт'; н'ес'éм, в'ед'éм, п'ек'éм.*

Если на основе ранее приведенного материала можно было лишь предполагать аналогическое происхождение ударенного *о* после мягких согласных и шипящих в именных формах и уменьшительном суффиксе *-ок*, то говоры, не знающие результатов изменения *е* в *о*, не оставляют в этом никакого сомнения и позволяют утверждать, что *о* в указанных выше формах появилось нефонетически, под влиянием соответствующих форм твердой разновидности: всюду, где есть возможность такой аналогии, мы находим *о*; если же такой возможности нет, то под ударением звучит *е*.

Далее можно утверждать, что говоры, знающие под ударением *о* после мягких согласных и шипящих только в указанных выше формах и сохраняющие *е* в остальных случаях, представляют собой в отношении этой черты более раннюю стадию развития, чем те говоры, в которых последовательно под ударением перед твердой согласной произносится *о*: говоры, не знающие изменения *е* в *о*, звук *о* под ударением после мягких согласных и шипящих получили в результате морфологической аналогии в ту эпоху, когда еще складывался существующий в них тип яканья или во всяком случае, когда последний еще представлял собой актуальную, действующую фонетическую закономерность. А так как в интересующих нас типах яканья при

наличии под ударением *о* в предударном слоге произносится *а*, то вновь появившееся *о* после мягких согласных и шипящих стало действовать по отношению к гласной предударного слога, как и всякое другое *о*, т. е. в предударном слоге появлялось *а*. Так появились *б'ал'jо́, б'а'л'jо́м, м'ид'в'ад'о́ф, п'ан'о́к* и пр. В остальных же случаях ударенное *е* сохранялось, и потому в предударном слоге произносилось *и* (или *е*). Такое произношение (*н'ес'ём, в'ед'ём, б'ер'éза, в'ес'éлаj*, но *м'ид'в'ад'о́м, м'ид'в'ад'о́ф, з'ам.л'о́j, м'ажо́j, д'ан'о́к*) сохранилось, например, в с. Кидусово Спасского района Рязанской области, в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области, в Вадском районе Пензенской обл. и др. В дальнейшем звук *о* после мягких согласных и шипящих под влиянием говоров, знавших изменение *е* в *о*, проник во многие ю-в-р. говоры с интересующими нас типами яканья. Однако это было уже в позднейшую эпоху, когда типы яканья закостенели, не представляли собой действующей фонетической закономерности. Поэтому появление *о* под ударением в этих случаях не отразилось как-либо на качестве гласной предударного слога: было *б'ир'éза, н'ис'ём;* стало *б'ир'о́за, н'ис'о́м.*

Итак, более раннюю ступень представляет произношение *б'ир'éза, в'ид'ём; м'ид'в'ад'о́м:* под ударением разные гласные, и в зависимости от этого различно качество гласных предударного слога. Более позднюю ступень представляет произношение *б'ир'о́за, в'ид'о́м*, но *м'ид'в'ад'о́м:* под ударением произносится одна и та же гласная, но в предударном — разные. Объясняется это тем, что *о* в первых двух случаях (*б'ир'о́за, в'ид'о́м*) появилось в позднейшую эпоху, когда тип яканья уже не представлял действующей фонетической закономерности. Впрочем, в глагольных формах архаические ю-в-р говоры знают обычно звук *е* (*н'ес'éш, н'ес'éт', н'ес'ём*), который в них и надо едва ли не считать общим для ю-в-р наречия, а широко распространенный теперь в этих формах звук *о*, видимо, появился в ю-в-р говорах под влиянием литературного языка или других говоров, знавших в них *о*. Что касается последней категории случаев (*м'ид'в'ад'о́м*), то звук *о* появился в них в более раннюю эпоху, и потому он оказал такое же воздействие на качество гласной предударного слога, как и всякое другое *о*: в предударном слоге произносится *а*.

§ 80. Из представленного выше материала видно, что определение типа яканья говора не легкое дело. Для этого не только нужно выделить и отдельно рассмотреть проклитики — отрицание, предлоги, а также приставки. Необходимо выделить вообще частичные слова и слова слабоударяемые, каковыми могут быть многие местоимения, некоторые числительные и другие слова. Необходимо, кроме того, выделить слова не исконные для диалекта, заимствованные, в частности из языка городского, литературного и т. д. Произношение гласных предударного слога в перечисленных выше категориях случаев может не соответствовать типу яканья.

Как и при описании других сторон фонетики диалекта, необходимо подбирать факты, относящиеся к одной и той же диалектной системе, т. е. к говору не только одного и того же населенного пункта, но также одного и того же по типу языка круга жителей; следует сопоставлять факты только в пределах одного и того же жанра. Наконец, даже в пределах всех этих ограничений необходимо отдельно учитывать материал, записанный от разных лиц, так как последние могут быть носителями разных говоров. Если не принимать во внимание различия в материале, записанном от разных лиц, нетрудно индивидуальные особенности речи отдельных лиц принять за общие — за различия в самих говорах как таковых.

Кроме всего этого, для определения типа яканья необходимо большое количество примеров. Прежде всего нужно, чтобы в предударном слоге были варианты разных гласных фонем неверхнего подъема (напр. *път'ану́*, *ф-сн'а̯у*, *пр'ив'азу́*; ср. под ударением: *т'а́нут'*, *с'н'ех*, *пр'ив'о́с*). Далее нужно, чтобы эти варианты разных гласных неверхнего подъема в примерах встречались бы как перед твердыми согласными, так и перед мягкими (так как на этом основано выделение умеренного яканья). Очень желательно также, чтобы они были также в примерах перед твердыми шипящими (так как на этом положении основано выделение разновидностей умеренного яканья). Наконец, нужно, чтобы эти варианты разных гласных неверхнего подъема находились бы перед слогом с разными ударенными гласными, не только теми, которые различаются в данном говоре, но с учетом тех, которые различаются хотя бы в каком-нибудь русском говоре, или — что практически то же самое — с учетом происхождения различающихся в данном говоре ударенных гласных. Для того, чтобы в собранном материале были представлены все эти многочисленные частные фонетические положения, нужны многие десятки примеров.

Во многих из имеющихся в научной литературе описаний русских говоров на яканье приводится 3 — 5 — 10 и больше примеров на одни и те же, наиболее часто встречающиеся слова и в наиболее часто встречающихся фонетических положениях. Ясно, что по такому материалу нельзя определить типа яканья. Например, сколько бы ни было приведено примеров типа *н'асу́* (например: *в'аду́*, *п'аку́*, *с'астру́* и т. д.) или типа *цв'аты́* (напр.: *в'арсты́*, *с'астры́* и т. д.), ничего нельзя сказать о характере яканья, так как в этих примерах звук *а* предударного слога находится одновременно как перед твердой согласной, так и перед слогом с ударенными гласными верхнего подъема. Поэтому звук *а* в них произносится и при умеренном яканье и при диссимилятивном, равно как и при основанных на них типах яканья ассимилятивно-умеренном и ассимилятивно-диссимилятивном, не говоря уже о сильном яканье. Другие типы примеров могут быть более выразительными для определения типа яканья. Например, примеры типа *н'исла́*, *вз'ила́*, *р'ика́*, *стр'ил'а́т'*, *път'ир'а́л*, вместе взятые, могут указывать только на иканье или диссимилятивное яканье; примеры типа *н'ас'и́*, *в'ад'и́*, *л'ан'и́вај* — могут указывать на яканье сильное или диссимилятивное и т. д., а также основанное на последнем яканье ассимилятивно-диссимилятивное. Однако ни один тип примеров не может оказаться достаточным для определения характера яканья. Если пример *път'ир'а́л* указывает или на иканье, или на умеренное, или на диссимилятивное яканье, то вопрос, каков же предударный вокализм говора, решается тем, с каким гласным в предударном слоге в других положениях сосуществует произношение *път'ир'а́л*: если рядом в том же говоре *н'ас'и́*, то, видимо, перед нами диссимилятивное яканье; если же произносится *н'ис'и́*, тогда, видимо, говор характеризуется иканьем или умеренным яканьем. Если, например, рядом с

път'ир'ál и *н'ис'и́* произносится *н'асу́, н'асла́,* то тип яканья можно определить как умеренный.

Тип яканья может быть определен с достаточной точностью только в том случае, если имеется большое количество примеров на варианты разных гласных фонем предударного слога в положении как перед твердыми и мягкими согласными, так и перед слогом с разными по качеству, а также по происхождению ударенными гласными, в возможно более разнообразных морфологических категориях.

§ 81. Представим все эти основные положения вариантов гласных фонем в 1-м предударном слоге после мягких согласных в одной общей схеме.

	В ударенном слоге	В предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и		
2.	у		
3.	ô		
4.	о		
5.	ê		
6.	е ('о)		
7.	а		
		а	б

Надо иметь в виду, что схема эта составлена с точки зрения говора, различающего под ударением максимальное количество гласных фонем. Во многих говорах часть этих гласных (*ô* и *ê*) не различается. В подавляющей части говоров вместо *е* под ударением перед твердой согласной произносится *о*.

Горизонтальные деления в таблице обозначены цифрами, вертикальные — буквами (а и б). Горизонтальные деления указывают на то, какая фонема находится под ударением. При этом в п. 1 имеется в виду не только ударенное *и*, но и гласный *ы*, являющийся вариацией фонемы *и*. Вертикальное деление (а и б) указывает на положение предударной гласной перед твердыми и мягкими согласными.

При пользовании таблицей надо иметь в виду, что примеры на одни положения часто встречаются и в большом количестве слов и форм, примеры на другие положения, напротив, встречаются редко и даже могут вовсе отсутствовать.

Так, например, сравнительно редко встречается положение 3б и 4б (перед мягкой согласной при ударенной *ô* или *о*). Ударенные *ô* и *о* восходят к старым *о* и *ъ*, поэтому перед ними согласные бывают твердые. В связи с этим предударные гласные при ударенных *ô* и *о* обычно оказываются перед твердой согласной. Лишь в редких случаях — при наличии между предударным гласным и ударенным сочетания согласных, в котором первая сохраняет мягкость — предударный гласный при наличии под ударением *ô* или *о* может оказаться перед мягкой согласной, например: *б'ел'мô, в'аз'мô, с'ер'γôj(у)* (тв. п. ед. ч.); случаи типа *п'ен'кóв* обычно звучат

в ю-в-р говорах с мягким *к'* после мягких согласных — *п'ен'к'о́в* (примеры на положение 3б); *б'ел'мо́м, в'аз'мо́м, с'-п'ен'к'о́м* (примеры на положение 4б).

При ударенной *ѣ* и ее заменах предударная гласная обычно находится перед мягкой согласной, так как перед *ѣ* парные твердые согласные, а также *к, г* (γ), *х* смягчаются; предшествующие ей согласные, если они имеются, во многих случаях смягчаются перед мягкой согласной (ср.: *к-в'ес'н'ѣ, на-в'ес'л'ѣ* и др.). Поэтому весьма обычно положение 5б, но значительно реже встречается положение 5а (перед твердой согласной при наличии под ударением *ѣ*). Последнее встречается в той мере, в какой представлены в русском языке случаи с такими сочетаниями согласных между гласными предударного и ударенного слогов, из которых первая согласная сохраняет свою твердость, находясь перед мягкой согласной. Например: *на-ст'екл'ѣ, в-в'едр'ѣ, к-с'естр'ѣ, на-п'еск'ѣ, т'елк'ѣ*, если имеются такие формы: *пот'емн'ѣло* и др.

По тем же причинам положение 6а (перед твердой согласной при наличии под ударением *е*||*'о*) можно считать практически почти не встречающимся: на это положение можно указать лишь единичные примеры вроде *л'агн'от, тр'ахн'от* (или *л'аγн'ет', тр'ахн'ет'* и др.), *јагн'онок*.

Положения 1б и 1а равно употребительны: ср. *в'ел'и́* и *ст'ены́*. Однако надо иметь в виду, что в положении 1б предударный гласный находится перед мягкой согласной, а под ударением обычно звучит фонема *и* в своем основном виде (*пр'ив'ел'и́, подм'ел'и́, н'ес'и́, в'ез'и́*), а в положении 1а предударный гласный находится перед твердой согласной, а в предударном звучит вариация фонемы *и* — звук *ы* (*с'т'ены́, с'еды́х, гн'еды́м, пр'амы́м*). Это объясняется тем, обстоятельством, что перед фонемой *и* мягкие и твердые парные согласные различаются.

Если между предударным гласным и гласным ударенного слога имеется сочетание согласных, предударный гласный в некоторых случаях может находиться перед твердою согласною при наличии под ударением фонемы *и* в своем основном виде, а также перед мягкой согласной при наличии под ударением звука *ы* как вариации фонемы *и*. То и другое возможно в той мере, в какой возможны в русском языке сочетания твердых согласных перед мягкими согласными и, напротив, мягких согласных перед твердыми согласными. Ср., например: *п'екл'и́, т'екл'и́, л'егл'и́*; *п'еск'и́, б'елк'и́, т'елк'и́* (предударный гласный перед твердой согласной при ударенной гласной *и*); особенно редко положение перед мягкой согласной при ударенном *ы* как варианте фонемы *и*: *т'ес'мы́, с'ер'пы́* (если представлена мягкость *р* и одновременно форма на *ы* в соответствующем падеже).

Итак, наиболее употребительны положения 1а, 1б, 2а, 2б, 3а, 4а, 5б, 6б, 7а, 7б.

Представим рассмотренные выше типы яканья в таблицах на основе представленной выше схемы.

Умеренное яканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед. тверд. согл.	перед. мягк. согл.
1.	и	*а*	*и*
2.	у	*а*	*и*
3.	о̂	*а*	*и*
4.	о	*а*	*и*
5.	ê		*и*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*а*	*и*
		а	*б*

Примечание. Для положения 6а не указано произношение предударной гласной ввиду практического отсутствия примеров на это положение. Положение 5а представлено примерами, хотя и сравнительно немногочисленными. Но произношение предударной гласной в этом положении в таблице не указано, так как при умеренном яканье здесь часто произносится, видимо, по нефонетическим причинам вместо ожидаемого *а* звук *и*: *к-с'истр'ê, нъ-в'идр'ê*. То же следует сказать относительно положения 1а, если под ударением произносится фонема *и* в своем основном виде: и здесь также при умеренном яканье обычно произносится *и* вместо ожидаемого *а*: *п'икл'й, л'игл'й* и т. д.

Продумайте эту и следующие таблицы. Сопоставьте друг с другом разные типы диссимилятивного яканья.

Сравните ассимилятивное яканье с иканьем; ассимилятивно-умеренное яканье с умеренным; ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа с диссимилятивным яканьем Щигровского типа; ассимилятивно-диссимилятивное яканье

Диссимилятивное яканье архаического типа

а) Обоянская разновидность

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед. мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*и*	*и*
5.	ê	*а*	*а*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*и*	*и*
		а	б

б) Задонская разновидность

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*е*	*е*
5.	ê	*а*	*а*
6.	е ('о)		*е*
7.	а	*е*	*е*
		а	б

Диссимилятивное яканье Щигровского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	ê	*а*	*а*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*и*	*и*
		а	б

Диссимилятивное яканье Суджанского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	ê	*и*	*и*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*и*	*и*
		а	б

Диссимилятивное яканье Донского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*и*	*и*
4.	о	*и*	*и*
5.	ê	*и*	*и*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*и*	*и*
		а	б

Диссимилятивное яканье Жиздринского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	ê	*а*	*а*
6.	е ('о)		*а*
7.	а	*и*	*и*
		а	б

Сильное яканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	е̂	*а*	*а*
6.	е ('о)		*а*
7.	а	*а*	*а*
		а	б

Ассимилятивное яканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*и*	*и*
2.	у	*и*	*и*
3.	о̂	*и*	*и*
4.	о	*и*	*и*
5.	е̂	*и*	*и*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*а*	*а*
		а	б

Ассимилятивно-умеренное яканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*и*
2.	у	*а*	*и*
3.	о̂	*а*	*и*
4.	о	*а*	*и*
5.	е̂		*и*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*а*	*а*
		а	б

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о̂	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	е̂	*а*	*а*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*а*	*а*
		а	б

Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Кидусовского типа

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*а*	*а*
3.	о́	*а*	*а*
4.	о	*а*	*а*
5.	е́	*и*	*а*
6.	е ('о)		*и*
7.	а	*а*	*а*
		а	б

Иканье

	в ударенном слоге	в предударном слоге	
		перед тверд. согл.	перед мягк. согл.
1.	и	*а*	*а*
2.	у	*и*	*а*
3.	о́	*а*	*и*
4.	о	*и*	
5.	е́	*и*	*и*
6.	е ('о)		*а*
7.	а	*и*	*а*
		а	б

Кидусовского типа с диссимилятивным яканьем Суджанского типа. Уясните себе различия между этими типами яканья.

Сопоставьте ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского и Кидусовского типов с сильным яканьем. Сопоставьте с сильным яканьем диссимилятивное яканье Жиздринского типа.

Выше была уже подчеркнута необходимость большого количества примеров для установления типа яканья. Иллюстрируем это еще несколькими фактами. Предположим в том или ином говоре ассимилятивно-умеренное яканье. Если случайно в записях не окажется примеров на положение 7б (перед мягкой согласной и при ударенной гласной *а* типа *ɣл'ад'а́т'*, *jад'а́т'*, *стр'ал'а́т'*), которые, кстати сказать, не очень часто встречаются, то яканье этого говора неправильно будет определено как умеренное, так как последнее отличается от ассимилятивно-умеренного яканья только различием в произношении предударной гласной в этом положении.

Другой случай. Предположим в том или ином говоре ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа. Предположим также, что сделано много записей по этому говору, но среди них случайно отсутствуют примеры на положение 6б (перед мягкой согласной при ударенной *е*: типа *д'ер'е́вн'а*, *н'ес'е́ш*, *в'ес'о́лај* или *в'ес'е́лај*). Этого будет достаточно, чтобы сделать неправильный вывод о сильном яканье в данном говоре, так как последнее отличается от ассимилятивно-диссимилятивного яканья Новоселковского типа иным произношением предударной гласной только в этом положении.

Нередко наблюдатели, не понимая, как важна точность в записях вообще и предударного вокализма якающих говоров в особенности, по общему, например, „якающему", впечатлению, записывают некоторые примеры по памяти: например, слыша и записывая *н'асу́*, *в'ад'у́*, *с'т'ир'аɣ'у́*, *н'ас'и́*, *в'ад'и́*, *ст'ир'аɣ'и́*, по памяти записывают *н'ас'о́ш*, *в'ад'о́ш*, *с'т'ир'аɣ'о́ш*, между тем как в говоре на самом деле произносится *н'ис'о́ш*, *в'ид'о́ш*, *ст'ир'иɣ'о́ш*. Таким образом исследователь впадает в заблуждение: он устанавливает,

например, сильное яканье там, где на самом деле яканье ассимилятивно-диссимилятивное или диссимилятивное.

§ 82. Кроме рассмотренных выше типов яканья, некоторые ученые различают еще яканье умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное. Эти типы яканья представляют собой объединение принципов диссимилятивного яканья и яканья умеренного. В одном из двух положений (перед твердой или мягкой согласной) сохраняется принцип диссимилятивности, а в другом — он уступает место принципу умеренного яканья.

Умеренно-диссимилятивное яканье заключается в том, что в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными принцип диссимилятивности сохраняется, а перед твердыми согласными действует принцип умеренного яканья. Иными словами, в 1-м предударном слоге перед мягкой согласной произносится *а*, если под ударением — гласные *и* (*ы*), *у*, (положение 1а), и произносится *и* (*е*), если под ударением — *а* (положение 1б); перед твердыми согласными вне зависимости от качества ударенного гласного произносится *а* (положение 2). Примеры: 1а — *н'ас'и́, в'ал'и́, ɣл'ад'и́, т'ас'мы́, в'ал'у́, см'ajу́с'*; 1б — *в'ил'а́т'*, *ɣл'ид'а́т'*, *път'ир'а́т'*, *стр'ил'а́т'*; 2 — *н'асу́, б'аɣу́, пр'ад'у́, т'в'ато́к, п'асо́к, т'в'аты́, с'ало́, в'асло́, в'ала́, н'асла́, пр'ала́, б'ада́* и т. д.

Диссимилятивно-умеренное яканье, напротив, заключается в том, что в первом предударном слоге принцип диссимилятивности сохраняется перед твердыми согласными, а перед мягкими согласными по норме умеренного яканья произносится *и (е)*. Таким образом, при диссимилятивно-умеренном яканье в 1-м предударном слоге перед мягкими согласными произносится *и (е)* вне зависимости от качества ударенной гласной (положение 1), а перед твердыми согласными произносится *а*, если под ударением — *и* (*ы*), *у* (положение 2а), и произносится *и (е)*, если под ударением — *а* (положение 2б). Примеры: 1 — *н'ис'и́, ɣл'ид'и́, т'ис'мы́, в'ил'у́, см'ijу́с'*, *в'ил'а́т'*, *ɣл'ид'а́т'*, *път'ир'а́т'*, *см'ijа́тца, н'ис'о́ш, д'ир'е́вн'а*; 2а — *н'асу́, б'аɣу́, пр'ад'у́*; 2б — *н'ила́, пр'ила́, б'ида́*.

Возможно, что эти типы яканья в положении, где сохраняется принцип диссимилятивности, различают более мелкие разновидности в зависимости от того, какой гласный произносится в 1-м предударном слоге, когда под ударением приходятся разные гласные среднего подъема (а также верхнесреднего, если они имеются), аналогично тому, как различаются типы диссимилятивного яканья архаического, Щигровского, Суджанского, Донского и Жиздринского. Однако для решения вопроса требуется больший материал, чем тот, которым мы обладаем.

Умеренно-диссимилятивное яканье и диссимилятивно-умеренное яканье по говорам проводятся, видимо, менее последовательно, чем остальные, описанные выше типы. Они носят явно смешанный характер и, вероятно, появились в процессе перехода от системы диссимилятивного яканья под влиянием ср-в-р говоров к яканью умеренному.

Модификации гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц*.

§ 83. Выше было показано, что гласные фонемы неверхнего подъема в 1-м предударном слоге реализуются по-разному в зависимости от того, находятся ли они после твердых согласных (твердых парных согласных, а также *к*, *г*, *х*; иначе — после исконно твердых согласных) или после мягких согласных. Кроме этих двух положений, следует различать еще положение после твердых шипящих и *ц*. Необходимость различать последнее положение объясняется следующим: как известно, шипящие в прошлом все были мягкими. В дальнейшем *ш* и *ж* отвердели почти во всех русских говорах; в части говоров отвердели, кроме того, долгие шипящие (см. ниже § 121). Фонема *ц*, в прошлом также мягкая, отвердела в значительной части говоров. Эта двойственность природы твердых щипящих и *ц*, в прошлом мяг-

ких, затем отвердевших, сказывается на качестве стоящих после них гласных.

Следует иметь в виду, что из числа гласных фонем неверхнего подъема в корнях слов после шипящих могут быть *а* и *е* || *о (жар, шест, сам-шост)* и не может быть *ё*, а после *ц* может быть главным образом *ё (цёлој, цённој)*, в немногих случаях *а (цар')*; это случаи, где сочетание *ца* не является исконным, ср. старое *цьсарь → цьсарь → цсарь → цар')* и не может быть *е* || *о*.

§ 84. В части окающих говоров гласные неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после шипящих и *ц*, как и после мягких согласных, могут различаться. Ср. *жона́, жолу́док, шопта́т', шостój, жолто́к* или *жена́, желу́док, шепта́т'* и т. д., но *жара́, шага́т'*; или *цена́, цела́*, но *дватцат'и́*. В других говорах, опять-таки так же как и после мягких согласных, они могут совпасть в общем варианте *е: шепта́т', жена́* и рядом *жера, шега́т'*.

Однако во многих с-в-р окающих говорах при наличии ёканья *(н'осу́, в'озла́)* в положении после шипящих вместо *е* || *о* нередко произносится *а*: *жала́т', жана́, жан'и́х, пшано́, пшан'и́ца, жал'ёзо*. При этом такое произношение не является новым для этих говоров, появившимся в результате проникновения аканья, а характеризует старое произношение и объясняется особыми фонетическими процессами, имевшими место после шипящих. В некоторых говорах *а* отмечено главным образом в положении перед мягкой согласной при *о* в положении перед твердой: *жан'и́х*, но *жона́, пшан'и́ца*, но *пшоно́*. Следует отметить, что произношение с *о (жона, жон'и́х)* представлено и в некоторых говорах, не знающих ёканья. При этом *о* перед мягкими согласными после шипящих представлено значительно чаще, чем после парных мягких *(б'ор'о́за, н'ос'и́)*. Особенно часто произношение с *а* встречается в слове *жала́т'*. Древность *а* в этом слове свидетельствуется письменными памятниками, не отражающими аканья: ср. *жалати* в Слове Серапиона, *жалаите* в Типографской псалтыри XIV в. Возможно, что *а* в этом случае восходит к ступени долготы *е* (ē).

Что касается положения после *ц*, то здесь выделяется в особенности слово *целую, целуй:* при отсутствии ёканья на месте *ё (=ъ)* в этом случае все же нередко произносится *о: цолу́ју, цолу́j*. Судьба предударного гласного в этом слове отлична и в акающих говорах. Достаточно сказать, что старомосковскому произношению (XIX — начала XX в.) при *цына́, цыпа́м'и, цыла́* (со звуком *ы* или близким к *ы* звуком $ы^{э}$) в этом слове было свойственно *а: цалу́ју, цалу́j*. Такое произношение свидетельствуется соответствующими написаниями в письменных памятниках вплоть до второй половины XIX в. Особая судьба предударной гласной, видимо, связана с ее положением перед твердой, велярной *л*, способствовавшей ее лабиализации. Возможно, имела известное значение также постоянная безударность соответствующей гласной (этимологически тожественный корень в *цёлој* семантически давно уже не связан с корнем в *целу́ју*).

§ 85. В ряде говоров с умеренным яканьем реализация гласных фонем неверхнего подъема после твердых шипящих и *ц* в 1-м предударном слоге не отличается от общей системы умеренного яканья, т. е. эти фонемы перед твердой согласной совпадают в одном общем варианте *а*, а перед мягкой согласной в *ы* или $ы^{э}$: *жана, жану*, но к *жын'ё, жын'и́х; р'ишато́*, но *в-р'ишыт'ё; шастој час*, но *шыс'т'и́ ч'асо́в; жа́ра*, но *пъ-жыр'ё; жала́ју, жыл'е́т', цана́*, но *пъ-цын'ё; цала́*, но *цыл'ёј; пъцалу́j, цыд'и́т', цын'и́т', в-цын'и́х*.

Однако во многих говорах с умеренным яканьем, в 1-м предударном слоге после шипящих и *ц* звук *а* произносится не только перед твердой согласной, но нередко также и перед мягкой: рядом с *жана́* произносится *г-жан'ё, жан'и́лс'и, жан'и́х*, рядом с *пъшано́ — пъшан'и́ца*, рядом с *ч'ижало́ — ч'ижал'ёj*, рядом с *цана́ — цан'и́т'; в-цан'и́х, пръцад'и́л, жал'е́т', ръжан'и́цу*. Подобное отклонение от системы умеренного яканья в разных говорах может иметь неодинаковое происхождение: в одних говорах оно, видимо, представляет собой остатки ранее имевшегося диссимилятивного яканья (едва ли случайно, что среди только что приведенных примеров

оказался лишь один случай с *а* в предударном слоге при ударенной *а*; в других говорах оно, напротив, может оказаться новообразованием, нарушающим старую систему умеренного яканья и появившимся в результате аналогического воздействия: *ч'ижал'éj* под влиянием *ч'ижалó* и т. д. Наконец, следует учитывать также индивидуальную судьбу отдельных слов: является ли то или иное слово своим, исконным для говора, или пришло из другого говора или из литературного языка. Все это могло оставить свои следы на звуковом оформлении соответствующего слова.

В говорах с умеренным яканьем в отношении произношения гласных после шипящих и *ц* в 1-м предударном слоге иногда встречается также отклонение другого рода: *ы* (или *ы*[9]) вместо *а* в положении перед твердой согласной, т. е. *жынá, шыптáт', жылáт'*. Это отклонение может иметь также разное происхождение. Во многих случаях оно, безусловно, является результатом влияния литературного произношения, а также близких к нему в этом отношении икающих говоров. Однако для отдельных говоров не исключено предположение о том, что случаи типа *жынá* заключают в себе остатки диссимилятивного яканья. Лишь реальная история соответствующих говоров в их основных ведущих чертах, а также история самих носителей этих говоров может помочь в разрешении этого и подобных вопросов.

§ 86. В говорах с разными типами диссимилятивного яканья в положении после твердых шипящих наблюдается одно характерное отклонение от типа яканья после мягких согласных: после *ш, ж* перед слогом с ударенным *а* в предударном слоге вместо *ы* или *е* (а часто также рядом с *ы* или *е*) появляется *а*: *жанá, жанáтaj, жалáит', шастája, чижалá; жарá, шагáт', н'и шатáiс'и*. Реже такое произношение отмечено и после *ц*: *цанá*.

Разные типы диссимилятивного яканья нередко имеют свои частные отклонения от соответствующих типов яканья после мягких согласных. Например, при Донском типе диссимилятивного яканья после *ш, ж* отмечено в 1-м предударном слоге при наличии под ударением гласных среднего подъема произношение звука *а* (вместо ожидаемого *ы* или *е*): *чижал'éj, жалт'ét', жалтóк;* или при Суджанском типе диссимилятивного яканья в некоторых случаях после *ш, ж* в 1-м предударном слоге отмечено произношение звука *а* при наличии под ударением звука *é (е)* или *е ('о)* вместо ожидаемого *ы* или *е*: *жан'é, ч'ижал'éj, шатр'é; ш̄ан'óнка*. Можно думать, что подобного рода отклонения во многих случаях обязаны своим появлением действию аналогии: произношение *жан'é* появилось под влиянием *жанý, жанój* и т. д.; *ч'ижал'éj* — под влиянием *ч'ижалó; шатр'é* — под влиянием *шáтрý, шатрóм; ш̄ан'óнка* (=щенёнка) — под влиянием *ш̄анóк* и т. д. Ср. несколько конкретных примеров: в д. Саломыково (б. Обоянский у. Курской губ.) при *шатре, к жане* отмечено *жалей* рядом с *жилей, ни жилеють, жилезнами*; в с. Карташовка (б. Малоархангельского у. Орловской губ.) рядом с *чижалей* отмечено *жилеть*; т. е. *и (ы)* употребляется обычно в тех случаях, где исключается возможность аналогии со стороны другой формы с той же основой, имеющей в предударном слоге *а* в соответствии с системой диссимилятивного яканья Суджанского типа. Характерное отклонение отмечено в с. Заломное (б. Суджанского у. Курской губ.): *ш̄анёнка* с *а* вместо *и (ы)*; однако рядом в том же говоре отмечено *лашыдёнка;* это делает вероятным объяснение произношения *ш̄ан'óнка* подравнением по образцу *ш̄анóк* (такого образца нет для слова *лъшыд'óнка*, и потому в нем звучит в соответствии с системой диссимилятивного яканья Суджанского типа *ы*).

Иного рода частное отклонение отмечено при диссимилятивном яканье Жиздринского типа: после твердых шипящих и *ц* перед мягкой согласной при наличии под ударением гласной среднего подъема иногда вместо *а* появляется *ы*: *жыл'ét', жыл'éju, цыл'éj*. Аналогия, возможная в последнем случае (ср. *цылá*), исключается в двух первых. Поэтому возможно предположение, не появилось ли *ы* в них под влиянием литературного языка и других говоров.

Следует отметить еще одно отклонение, касающееся нескольких существительных во множ. числе с мягкой основой: *лошадей, жердей, саженей.*

При определенных типах диссимилятивного яканья вместо ожидаемого *а* в этих случаях часто произносится *и (ы)*.

Отмеченные отклонения в весьма значительной степени расшатывают систему диссимилятивного яканья в положении после твердых шипящих и *ц*. Материалы многих говоров с диссимилятивным яканьем свидетельствуют о том, что после шипящих зависимость качества гласного 1-го предударного слога от качества ударенной гласной фактически может отсутствовать.

Принцип диссимилятивности после твердых шипящих и *ц* оказывается нарушенным, как и после исконно твердых согласных.

§ 87. При наличии в говоре сильного яканья — в соответствии с системой сильного яканья в 1-м предударном слоге после твердых шипящих и *ц* — может произноситься *а* вне зависимости от дальнейших условий (качества ударенной гласной или твердости-мягкости следующей согласной). Однако и при сильном яканье в положении после твердых шипящих и *ц* отмечены некоторые характерные отклонения.

При наличии под ударением *ѣ (е)*, главным образом в разных формах слова *жалеть*, в предударном слоге часто звучит *и (ы)*: *жыл'ѣ́т'*, *жыл'ёjу*, *жыл'ёит'*, *пъжыл'ёj* и т. д. Такое произношение отмечено, например, в б. Скопинском у. Рязанской обл., в б. Усть-Медведицком округе Донской обл., в б. Вышневолоцком и Новоторжском у.у. Тверской губ. Реже такое произношение отмечено в форме *целёй*: ср. *цыл'ej* (и рядом *ч'ижал'ёj*) в б. Хоперском округе Донской обл.

Другое отклонение заключается в том, что в некоторых говорах с сильным яканьем перед слогом с ударенным *и* в предударном слоге после *ц* произносится *ы* в слове *цедить*: *цыд'ил* (например, в б. Холмском у. Псковской губ., а также в б. Осташковском у. Тверской губ.).

Наконец, при сильном яканье отмечено также произношение формы *лошадей, жердей* с *ы* в предударном слоге *лъшыд'ёj, жырд'ёj*.

Эти отклонения могут иметь разное происхождение. Можно думать, что в говорах ю-в-р они свидетельствуют о том, что сильное яканье в них сменило ранее господствующую систему диссимилятивного или, непосредственно, ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Это тем более вероятно, что некоторым из указанных выше говоров вообще свойственно, возможно, не сильное яканье, а ассимилятивно-диссимилятивное.

§ 88. В икающих говорах также представлен ряд отклонений в реализации гласных фонем неверхнего подъема после шипящих и *ц*. В некоторых говорах при наличии иканья после шипящих в 1-м предударном слоге нередко произносится *а*; при этом в одних говорах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными (неясно, перед всеми ли ударенными гласными), в других только перед твердыми: *жалáт'*, *жалýдък*, *шастój*, но *жыл'ёт'*, *шыс'т'ú*; *цапáм'и*, *цапóчка*, но *в-цып'áх*. В последних, видимо, ранее представлено было умеренное яканье, заменившееся после мягких согласных иканьем и отчасти сохранившееся после шипящих и *ц*. В других говорах (например, в б. Медынском у. Калужской губ.) при наличии вообще иканья отмечено произношение *жал'ёзъ*, *пашан'úца*, которое, может быть, указывает на ранее имевшееся диссимилятивное яканье.

При наличии иканья часто произносится *а* в *цалýj*, *пъцалýjу*, *цалýjу* и других формах с этой основой (об этом слове см. выше в § 84).

В ряде говоров и в литературном языке, по крайней мере в его старых московских нормах, иканье или близкое к *и — ы* произношение господствовало также после твердых шипящих и *ц*: ср. *жына́ — жын'ё, шыстój — шыс'т'ú, жылáт', жылýдък*, рядом с *шыгáт' — шыг'и, шылýн — шыл'úт', жырá — пъ-жыр'ё, жыл'ёт', цына́ — ф-цын'ё, пръцыд'úл*. Однако в литературном языке, а может быть, также и в некоторых говорах отмечено вторичное стремление различать после шипящих *е* || *о* и *а*. Ср. произношение *жына — жын'ё, шыстój — шыс'т'ú, жылáт', жылýдък*, но *шагáт' — шаг'ú, шалýн — шал'úт', жарá — по-жар'ё*. В таких говорах это произношение представляет собой, видимо, восстановление этимологической глас-

ной под влиянием ударенной *а* в той же морфеме (ср.: *шаг, шáльс'т', жар*)[1]. Можно считать, что оно уже господствует в современном литературном языке. Такое произношение, по крайней мере в литературном языке, возобладало, видимо, не без влияния письма. Ср. старое московское произношение с *ы* не только в случаях подобно приведенным, но также и в собственных именах: *шыл'áпин, ушыкóф, жыркóф* (Шаляпин, Ушаков, Жарков) при обычном теперь *шал'áпин, ушакóф, жаркóф*. Характерно, что при *жар'ё, шаг'й* (ср. под ударением *жар, шаг*) литературному произношению и теперь свойственно *жыл'ёт'* (тот же корень с ударенной гласной в формах этого глагола отсутствует). Ср. то же в произношении заимствованных слов, широко усвоенных в устной речи, например, *жакет, жавель: жык'ёт, жыв'ёл'*.

§ 89. Кроме отмеченных выше случаев, дающих частые отклонения (*целую, жалеть, железо* и др.), следует отметить также формы числительных *шестьсот, шести, двадцати, тридцати*. Произношение предударного гласного в них может отклоняться от общего типа яканья. Это объясняется, вероятно, тем, что в *шестьсот* возможно побочное ударение на первом слоге (*шѐстьсóт*), другие случаи часто являются слабоударяемыми. В связи с этим возможно по говорам произношение *шысóт, шыс'т'й, двътцыт'й* с *ы* вместо ожидаемого *а*. Ср., между прочим, в литературном языке *двътцът'й* (или *двътцыт'й*) (т. е. *ъ* или *ы*-образный звук, а не *а*).

Модификация гласных фонем в предударных слогах (кроме 1-го предударного).

Положение после твердых согласных.

Гласные неверхнего подъема.

§ 90. В значительной части с-в-р говоров гласные неверхнего подъема *о* и *а* различаются в положении после твердых согласных не только в 1-м предударном слоге, но и в других безударных слогах[2]. Различение гласных фонем неверхнего подъема во всех безударных слогах может быть определено как полное оканье в отличие от оканья неполного, при котором гласные неверхнего подъема различаются только в 1-м предударном слоге, совпадая в одном общем варианте в других безударных слогах. Неполное оканье характерно, главным образом, для Владимирско-Поволжской группы с-в-р говоров в противоположность остальным, характеризующимся оканьем полным.

§ 91. Итак, при полном оканье гласные фонемы неверхнего подъема различаются во 2-м и 3-м предударных слогах. Например, произносится *трав'анój*, но *дров'анój; даровój*, но *дорогój; старовáт*, но *сторожá; пороскáзат'*, но *нарóсказат'*; произносят *стар'ик'й, малышá, застáвл'ёjут, нападáл'и, зап'исáл'и*, но *молодój, головá, бородá, пропадáл'и, проп'исáл'и, потолковáл'и, поговор'йл'и*.

При неполном оканье, равно как и при аканье, во 2-м и 3-м предударных слогах *о* и *а* совпадают в одном общем варианте, редуцированном *ъ*. Поэтому как в с-в-р Владимирско-Поволжских

[1] Такое произношение в других говорах может быть и старым; см. § 84.

[2] В звуке *о* во 2-м предударном слоге, как и в 1-м, совпадают фонемы *о* и *ó* (если последняя имеется в говоре).

говорах с неполным оканьем, так и в литературном языке, а также в значительной части ю-в-р говоров произносится: *стър'ка́м* (ср.: *стар*), *мълы́ш* (ср.: *мал*), *зъп'са́л'и* (ср.: *за́п'ис'*), *зъгул'а́л; зъпуст'и́л, нътп'са́л* (ср.: *на́тп'ис'*), *нъткус'и́л* и также *пъръсказа́л* (ср.: *рбсказн'и*), *пътп'са́л* (ср.: *по́тп'ис'*), *гълубо́к* (ср.: *гблуп'*).

Ср. также с-в-р говоры с неполным оканьем: *гълова́, стърона́, мълодо́j, пълоса́, стръjово́j* (лес), *въдово́с, гърода́, гъспода́, нъ-доро́г'е, пъ-пол'а́м;* в литературном языке: *гълава́, стърана́, бърада́, мълодо́j, пъласа́, стръjьво́j, въдаво́с, гърада́, гъспада́, нъ-даро́г'ь, пъ-пал'а́м;* в ю-в-р говорах *γълава́* (или *γалъва́, γалва́*), *стърана́* (или *старъна́, старна́*), *γъспада́* (или *γъспъда́, γъспуда́*), *нъ-даро́γ'ь, пъ-пал'а́м* (или *пъ-пъл'а́м*). Как видно из примеров, *ъ* вместо *о* и *а* звучит во 2-м предударном слоге как в с-в-р говорах с неполным оканьем, так и в литературном языке и в большей части ю-в-р говоров.

Звук *ъ* во 2-м предударном слоге при благоприятных условиях (например, если имеется 3-й предударный слог или по соседству с плавными согласными, а также в некоторых других условиях) в ю-в-р говорах может очень сильно редуцироваться вплоть до полного исчезновения (например: *с'ел нъ-прахо́т, дъ-плав'и́ны, пъγвар'и́м, с*ъ*харку́, ф-спашк'е́* (= в Сапожке), *пъснав'и́ли'* (= постановили); другие примеры см. выше § 36).

§ 92. Выше, при анализе диссимилятивного аканья (§ 54), отмечалось, что редуцированный *ъ* — звук слабый и довольно неопределенный, подверженный многообразным изменениям в своей артикуляции (например, лабиализации) в зависимости от соседних артикуляций.

Подобные изменения имеют место также и в с-в-р говорах с неполным оканьем, а также и в акающих говорах — по отношению к гласным 2-го предударного слога: в них также наблюдаются случаи лабиализации *ъ* (во 2-м предударном слоге) тогда, когда *ъ* находится по соседству с губными или задненебными согласными, а также если в следующем слоге (т. е. 1-м предударном) находится гласная *у*. В результате лабиализации *ъ* в описанных условиях произносится слабое, неэнергичное *у*. В следующих, например, случаях наблюдается рядом с *ъ* по говорам *у* (вместо *ъ*): *пъпола́м, пъм'орла́, пъ-дома́м, пъскор'е́j, пътуши́л, гълуб'е́j, лъскуто́к, пъгл'ед'и́, пъгоди́* (при аканье: *пъпала́м, пъпъла́м; пъм'ирла́, пъм'арла; пъ-дамам, пъдъма́м; пъскар'е́j*). И рядом: *пупола́м, пу-домам, пускор'е́j, путуши́л, гулуб'е́j, лускуто́к, пугл'ад'и́, пугод'и́* (при аканье: *пупалам, пупула́м; пум'ирла, пум'арла, пу-дъма́м, пускар'е́j*). Такое произношение встречается и при соседстве с другими согласными, например, *дурого́j, струна́, струва́т.* В некоторых случаях вместо *ъ* звучит не *у*, а *о*: *сторова́т, зоставл'а́ju.*

Таким образом, реализация фонем *о* и *а* во 2-м и 3-м предударных слогах после твердых согласных не дает оснований для противопоставления двух основных наречий русского языка — с-в-р и ю-в-р:

ъ как общий вариант гласных неверхнего подъема произносится в большей части ю-в-р говоров, в ср-в-р говорах и в значительной части Владимирско-Поволжских с-в-р говоров, имеющих неполное оканье. Все эти говоры, вместе взятые, противопоставляются остальным с-в-р говорам, различающим в этом положении *о* и *а*.

§ 93. В записях ю-в-р говоров нередко мы находим написания с *а* на месте фонем *о* и *а* во 2-м и 3-м предударных слогах: *γаспадá, маладój, малакó, γалубój, талакнó, паγавар'йл'и, напам'инáит'* и т. д. Некоторые наблюдатели звук 2-го и 3-го предударных слогов обозначают буквой *а* со знаком краткости (*ă*): *γăспадá, мăладój, нăвăрат'йл'и* и т. д., подчеркивая таким образом, что звук *а* в этих слогах отличается от звука *а* в 1-м предударном слоге.

Если принять такие записи как полностью соответствующие произношению, можно говорить о ю-в-р говорах с полным аканьем, т. е. таких говорах, в которых звук *а* как вариант гласных фонем неверхнего подъема произносится после твердых согласных не только в 1-м предударном слоге, но и в других безударных слогах. Такое произношение, безусловно, имеется в смешанных русско-украинских говорах.

Однако по отношению к говорам чисто ю-в-р имеется больше данных, свидетельствующих о том, что перед нами и здесь редуцированные гласные, лишь в более открытых оттенках (*ɑ*). См. сделанные выше (в главе о диссимилятивном аканье, §§ 50 и 54) замечания о неустойчивости артикуляции *ъ*, о ее более открытых оттенках, приближающихся к *а*, и более закрытых оттенках, приближающихся к *ы*. Ср. там же замечание о том, что нередко наблюдатель не замечает редукции гласного в 1-м предударном слоге при диссимилятивном аканье, так как очень часто в этом положении произносятся открытые оттенки редуцированного, которые он принимает за *а*, т. е. записывает *вада* вместо *вадá* или *въдá*.

Многим ю-в-р говорам свойственны более закрытые оттенки *ъ* (т. е. близкие к *ы*), которые говорящими отожествляются с *ы*. Это хорошо чувствуется в отчетливой речи, особенно в пении, где *ъ* может проясняться в *ы*: *рыбатáj, ныруб'йл, ырватá, пыл'уб'йл, прыл'ивáj, пыл'ивáj, пыл'ат'ёл, стыр'ик'й*. Особенно часто эти более закрытые оттенки редуцированного гласного произносятся в положении перед мягкой согласной (см. последние 4 примера). В некоторых Владимирско-Поволжских говорах с неполным оканьем в таких случаях, как *мълодój, стърона*, редуцированный звук проясняется в *а*: *малодój, старонá*.

Гласные верхнего подъема.

§ 94. Гласные верхнего подъема, как правило, в русском языке различаются во всех предударных слогах. После твердых согласных могут быть следующие гласные верхнего подъема: *ы* (вариант фонемы *и*) и *у*.

ы: выдава́т', вырубáт', сырова́то, мыловáр, дымова́ја (труба), *дымохóд;*

у: духота́, сухов'éj, душнова́то, суховáт, мухомóр, сухар'и́, кузн'ецы́, дурака́, гусака́.

Звуки *ы* и *у* в этих слогах — в соответствии с тем, как распределяется экспираторная сила, сравнительная полновесность разных слогов в большей части русских говоров — произносятся более или менее ослабленно, с неэнергичной и вялой артикуляцией.

При ослабленности артикуляции звука *ы* он в этом положении иногда весьма сближается, а то и отожествляется в некоторых говорах с *ъ*, т. е. произносится: *въдавáт'* вместо *выдавáт'* (ср.: *въдавóс*), *мълавáр* вместо *мыловáр* (ср.: *мъловáт*).

Более заметные изменения, в связи всё с той же ослабленностью гласных во 2-м предударном слоге, может претерпевать по говорам фонема *у*: в связи с ослабленностью и вялостью артикуляции она может утратить лабиализацию, т. е. измениться в *ъ* или редуцированное *ы: мъжык'и́, мыжык'и́* (ср.: *мужи́к*); *къз'н'ецы́, кыз'н'ецы́,* (ср.: *куз'н'éц*), *сънду́к'и́, сындук'и́* (ср.: *сундýк*), *съхар'и́* (ср.: *сухáр'*), *пъзыр'ок, пызыр'ок* (ср.: *пузы́р'*), *дъракá* (ср.: *дурáк*); *къшакá, кышакá* (ср.: *кушáк*), *гъсаки, гысаки* (ср.: *гусак*). Подобная делабиализация *у* во 2-м предударном слоге встречается, например, в ряде говоров Поволжья.

Положение в абсолютном начале слова.

§ 95. В начале слова, как известно, могут употребляться гласные *о, у, и.* Фонема *а* в начале слова фактически в говорах почти не употребляется, так как она встречается, главным образом, в книжных заимствованных словах (см. § 45).

Фонемы *и* и *у* абсолютного начала слова во всех русских говорах сохраняют свое качество: *им'ена́, игрока́, изб'ано́j, уз'елóк, уголóк, упуст'и́л, упрос'и́л, у ковó.*

Фонема *о* сохраняет свое качество в говорах с полным оканьем: *острова́, озорн'и́к, одновó, ос'ен'éс', огур'éц, огорóд, отошлá, оддахну́т', оддалá, об'ижат'* и т. д. В говорах с неполным оканьем также возможно сохранение *о* во 2-м предударном слоге абсолютного начала слова, но рядом с этим по говорам произносится и редуцированный гласный *ъ*: *ъстрова́, ъзорн'и́к, ъдновó, ътошлá; ътопр'и́, ът-т'еб'á, ъддалá* и т. д. В тех же говорах, а также в некоторых акающих представлена и лабиализация редуцированного, т. е. произношение *у* вместо звука *ъ*, который в свою очередь появился на месте *о: устрова́, удновó, утошлá, утопр'и́, ут-т'еб'á, уддалá* (а также *устрава́, уднавó, уташлá, утапр'и́*).

В некоторых окающих говорах, главным образом Владимирско-Поволжских, а также в некоторых говорах акающих, главным образом ср-в-р, в абсолютном начале слова во 2-м предударном слоге вместо *о* звучит гласный *и: истрова́, игур'éц, игорóд, ибухóм* (обухóм), *из'ара́* (озеро), *ис'ан'jý* (= осенью), *иблачóк* (облачко),

ид'ијáло, иташлá, иддахнýт', итобрáл'и, итлом'úла, итвар'úла, ибошјýт и т. д. Произношение типа *игорóд* отмечено также в некоторых с-в-р говорах северо-запада (например, в староладожском говоре на Волхове).

Однако в значительной части акающих говоров как ср-в-р, так и в ю-в-р в этом положении фонема *о* реализуется в варианте *а*: *астравá, агур'éц, агарóд, ас'ан'jý, аблачкá, ад'ијáла, аташлá, аддахнýт', аблам'úла, атвар'úла, абошјýт* и т. д.

Произношение *и* вместо *о* во 2-м предударном слоге абсолютного начала слова, видимо, черта продуктивная для ряда говоров, так как она нередко проводится в заимствованных из литературного языка словах с орфографическим *о* и *а*: *ип'ирáцыја, икушéрка, играномˊ.*

Положение после мягких согласных.

§ 96. В с-в-р говорах во 2-м предударном слоге после мягких согласных возможно различение гласных неверхнего подъема, например, произношение: *п'атакá, р'абовáтој; до-п'отровá дн'и; п'етухá* (или *п'итухá*). Однако чаще в этом положении встречается частичное или полное совпадение гласных фонем неверхнего подъема, а именно произношение: *п'атакá, рабовáтој* (или *петакá, ребовáтој*), но *до-п'отровá дн'и, п'отуха;* или *петакá, р'ебовáтој, до петрова дни,* но *п'итухá;* или, наконец, *п'етака, р'ебовáтой, до п'етровá дн'и, п'етухá* со звуком *е* во 2-м предударном слоге в качестве варианта всех гласных фонем неверхнего подъема. В этом положении наряду с *е* может произноситься также и *и*.

В акающих говорах, естественно, все гласные фонемы неверхнего подъема во 2-м предударном слоге совпадают в одном общем варианте — после мягких согласных в варианте, колеблющемся в своем качестве между *и* и *е*, часто в редуцированном звуке *ь*: *п'ьтакá, р'ьбавáт, дъ-п'ьтравá дн'и, п'ьтухá;* или: *п'итакá, дъ-п'итравá, дн'и, питухá;* другие примеры: *в'ит'арóк, б'ир'ажóк, в'ис'ал'úлс'и, п'ьр'ахóд'ит', п'ир'авóзут'*.

В диалектологических записях по ю-в-р говорам есть указания и на *а* в качестве варианта гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных во 2-м предударном слоге, т. е. на полное яканье: *нъ-в'ат'аркý, дъ-п'атравá дни, п'атухá, п'атакá* и т. д. Однако такие записи требуют проверки, а соответствующие явления — дальнейших непосредственных наблюдений.

Изменения сочетаний предударных гласных.

§ 97. Как известно, в словах исконно русских не бывает обычно сочетаний гласных, за исключением случаев на стыке приставки и корня (ср.: *научить, поиграть, заострить*). Правда, в современном литературном языке имеется немало слов с сочетаниями гласных, но это — слова иноязычного происхождения (например: *буржуазия, туалет, авиация, радио, какао* и т. д.). Подобные слова, попадая в говоры, развивали обычно между

гласными согласную *в*. Ср.: *рáдиво, какáва,* а также в именах *Ларивон, Радивон* и др.

Однако в пределах фонетического слова — на стыке предлога, кончающегося гласной, или отрицания *не* и следующего слова, начинающегося с гласной, сочетания гласных в русском языке широко распространены. (Например, *по-одному, за-избой, у островов, ни-одного, по-углам* и т. д.) Подобные сочетания гласных, а также сочетания на стыке приставки и корня (примеры см. выше), оказываясь в предударных слогах, по говорам могут претерпевать некоторые специфические изменения.

§ 98. Сочетания гласных предударных слогов могут сохраниться без особых изменений в некоторых с-в-р говорах с полным оканьем: *на-однóй, до-об'éда, по-островáм, за-одновó, на-углý, н'е-оддад'úм* и т. д. Однако в большей части с-в-р говоров, в особенности в говорах с неполным оканьем, а также во всех акающих говорах многие из таких сочетаний подвергаются существенным изменениям.

Изменения эти заключаются в следующем: если гласные сочетания одинаковы по своему качеству, то они стремятся лишь объединиться в одном слоге и далее могут стягиваться в один гласный звук большей длительности („долгий") и, наконец, в гласный звук нормальной длительности. Если же гласные сочетания различны по своему качеству, то один из них может ассимилироваться другому и затем они могут стягиваться в один слог. Ассимиляция происходит обычно в пользу более узкой (закрытой) гласной: ср., например, возможное произношение *нуглý, уднóво* вместо *на-углý, у-одновó.*

§ 99. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся сочетания гласных в предударных слогах. Сочетания *оо* и *ао* во 2-м и 1-м предударных слогах [1] по говорам могут произноситься: 1) без стяжения с различением *о* и *а* (в части с-в-р говоров с полным оканьем): *по-однóй, до-об'éда; на-однóй, за-однý, заорáл;* 2) с редукцией гласной 2-го предударного слога, но без стяжения: *пъ-однóй, дъ-об'éда, нъ-однóй, зъ-однý, зъорáл* (в окающих говорах) и *пъ-аднóй, дъ-аб'éда, нъ-аднóй, зъ-аднý, зъарáл* (в акающих говорах); 3) ассимиляцией гласных, но без стяжения: *пааднóй, дааб'éда, заадну́, заарáл,* (в акающих говорах) или *поодноj, дообéда, зоодну́, зоорáл* (в окающих говорах); в этом случае произносится как бы долгое *а* или долгое *о*, но с чуть заметными двумя экспираторными вершинами, т. е. с некоторым ослаблением экспирации в середине длительности гласного; 4) с ассимиляцией гласных и стяжением их в один долгий гласный звук: *пāднóй, дāб'éда, зāднý, зāрáл* (в акающих говорах) или *пōднóй, дōб'éда, зōднý, зōрáл* (в окающих говорах); 5) с ассимиляцией гласных и стяжением их в один гласный звук нормальной длительности: *паднóй, даб'éда, задну́, зарáл* (в акающих говорах) или *поднóй, доб'éда, зоднý, зорáл* (в окающих говорах).

Подобного рода изменения испытывают те же сочетания в 3-м и 2-м предударных слогах с тем отличием, что сохранение двух гласных и различение *о* и *а* в 3-м предударном слоге имеет место лишь в меньшей части с-в-р говоров с полным оканьем. Представим наиболее типичные разновидности произношения сочетаний *оо* и *ао* в 3-м и 2-м предударных слогах: 1) без стяжения с различением *о* и *а*: *по-одному́, по-островáм; за-одновó, на-островáх;* 2) с ассимиляцией гласных, но без стяжения: *пооднóму́, поостровáм, зооднóво, ноостровáх* (в окающих говорах) или *паастравáм, пааднáму́, заадновó, наастравáх* (в акающих говорах, в том числе возможно в литературном языке); 3) с ассимиляцией гласных и стяжением: в окающих говорах возможно — *поднóму́, постровáм, зоднóво, ностровáх;* как в окающих говорах, так и в акающих вместо этих сочетаний часто произносится редуцированный гласный *ъ: пъднóму́ (пъднáму́), пъстровáм (пъстравáм), зъднóво (зъднавó), нъстровáх (нъстравáх).*

---

[1] Сочетания *оо* и *ао* для говоров с неполным оканьем и для акающих говоров можно считать тожественными ввиду совпадения в них гласных *о* и *а* во 2-м предударном слоге.

Сочетания *оу, ау* во 2-м и 1-м предударных слогах по говорам произносятся: 1) без ассимиляции и стяжения с различением *о* и *а* во 2-м предударном слоге: *по-углáм, по-усáм; на-углý, на-усáх* (в части с-в-р говоров с полным аканьем); 2) без стяжения, но с редукцией и совпадением гласных *о* и *а* во 2-м предударном слоге: *пъ-углáм, пъ-усáм, нъ-углý, нъ-усáх* (такое произношение свойственно как окающим, так и акающим говорам, в том числе литературному языку); 3) с ассимиляцией двух гласных сочетания в один звук *у: пуглáм, пусáм, нуглý, нусáх* (распространено в акающих говорах, а также в части окающих).

Сочетания *оу, ау* в 3-м и 2-м предударном слогах еще реже сохраняются без изменения и, наоборот, чаще произносится на их месте гласный *у: пуговóру (пугавóру)*, (т. е. по уговору), *зуголкóм (зугалкóм)* (т. е. за уголком). В литературном языке и части говоров в этих сочетаниях произносится *ъу: зъ-угалкóм, пъ-угавóру*.

Сочетание *уо* в 3-м и 2-м предударных слогах в части говоров может сохраняться: *у-одновó, у-островóф;* или, как в литературном языке: *у-аднавó, у-астравóф*. Но нередко как в окающих, так и в акающих говорах мы находим на месте сочетания *уо* в этом положении гласный *у*, явившийся в результате ассимиляции и стяжения гласных: *удновó (уднавó), устровóф (устравóф)*.

Сочетания *ео* и *ио* также сохраняются в части говоров: *н'еоддад'úм, неоткрывáла, н'й-одномý*. В литературном языке и сходных с ним по этой черте говорах эти сочетания также произносятся без ассимиляции и стяжения: *н'ь-аддад'úм, н'ь-аткрывáла, н'ь-аднамý*. Однако в значительной части акающих, а также в части окающих говоров на месте сочетаний *ео* и *ио* в 3-м и 2-м предударных слогах мы находим в результате ассимиляции и стяжения звук *и: н'иддад'úм, н'иткрывáла, н'иб'ижáимс'и, н'иднамý*.

Сочетания *ои, аи* во 2-м и 1-м предударных слогах могут произноситься без ассимиляции гласных и стяжения с различением *о* и *а* во 2-м предударном слоге или с совпадением их в одном звуке *ъ: поигрáл, по-изб'ё; заигрáл, за-избój, за-игóлкоj;* или как в литературном языке: *пъиграл, пъ-изб'ё, зъиграл, зъ-избój, зъ-игóлкоj*[1]. Однако во многих говорах, особенно акающих, здесь возможна ассимиляция первой гласной второй *(пыиграл)* с последующим стяжением: *пыграл, пызбé, зыграл, зызбój, зыгóлкоj*.

Такое стяжение особенно часто встречается в тех случаях, когда сочетания *ои, аи* входят в состав 3-го и 2-го предударных слогов: *пым'енáм* (т. е. по именам).

§ 100. В русских говорах безударные сочетания гласных, из которых второй является гласным верхнего подъема (*у, и*), изменяются в сторону этого второго гласного; иными словами, в таких сочетаниях первый гласный ассимилируется второму, и, далее, в результате стяжения на месте сочетания может появиться один гласный верхнего подъема (*у, ы*). Ср.: *пуголкáм* вместо *по-уголкáм*; *пыграли, пыменáм* вместо *поиграли, по именáм*.

Те же сочетания в украинском и белорусском языках имеют тенденцию к иного рода изменению: менее звучный гласный верхнего подъема *(и, у)* после более звучных *(о, а)* в них становится неслоговым, например: *наўчил, зайграл* и т. д. В далеком прошлом такое изменение не было чуждым и русскому языку. Ср. в нем такие случаи, как *завтра* из *заутра*; *пойду, найду, пойму, поймать* из *поиду, наиду, поиму, поимать* и др.

Заударный вокализм.

§ 101. Заударный вокализм русского языка имеет свои существенные особенности. Они зависят от того, что заударные слоги представляют собой конец слова, а конец слова нередко состоит из

[1] Впрочем, здесь *ъ* под влиянием последующего *и* произносится при более высоком подъеме языка, т. е. близко к *ы*.

формальных элементов (флексий, суффиксов) и, кроме того, может являться одновременно и концом фразы или речевого такта, т. е. смысловых и интонационно-ритмических единиц языка.

Как известно, формальные элементы слова (флексии, отчасти суффиксы) подвержены различным изменениям „по аналогии", т. е. изменениям одних форм по образцу других. Поэтому произношение тех или иных гласных в заударных слогах нередко является результатом не только пережитых в прошлом фонетических процессов, но и морфологических изменений аналогического происхождения.

Однако качество гласной заударных слогов, кроме того, нередко объясняется положением их в конце смысловой и интонационно-ритмической единицы. Известно, что конец фразы или речевого такта в интонационно-синтаксическом отношении является особым, так сказать, сильным положением. В этом положении, хотя и неодинаково по разным говорам — в одних говорах в большей степени, в других в меньшей — происходит выделение интонацией, длительностью соответствующих конечных слогов фразы или речевого такта. Многие наблюдатели для разных говоров отмечают особого рода растянутость и певучесть конца фразы или речевого такта. А это ведет нередко к качественным изменениям гласных заударных слогов.

Таким образом, система заударного вокализма, как она сложилась в русском языке во всех его говорах, является результатом: 1) пережитых фонетических процессов; 2) морфологических новообразований (изменений по аналогии); 3) изменений в условиях конца смысловых и интонационно-ритмических единиц. Всё это сильно усложняет картину заударного вокализма русского языка, в особенности его говоров. Нужно отметить также, что гласные заударных слогов до сих пор еще почти совершенно не подвергались специальному изучению. Мы не обладаем еще и достаточным материалом, чтобы осветить многие специальные вопросы заударного вокализма.

Положение после твердых согласных.

§ 102. При полном оканье в заударных слогах после твердых согласных различаются *о, а, ы, у*. Ср.: *вы́нос, вы́пас, вы́пуск, вы́мыт; вы́носа, вы́паса, вы́пуска, вы́мыто; с'ёно, бес-с'ёна, к-с'ёну, ст'ёны* (им. п. мн. ч.); *по́л'о фспа́хано, з'емл'а́ фспа́хана, пол'а́ фспа́ханы; о́коло, сту́кала.*

Примечание. Однако даже при полном оканье в других слогах — в заударном неконечном слоге, как наиболее слабом, в результате редукции фонемы *о* и *а* могут иногда реализоваться в своем варианте *ъ*: *из го́ръда, вы́нъса, вы́пъса.*

§ 103. При неполном оканье обычно в заударных слогах фонемы *о* и *а* совпадают в одном общем варианте. То же всегда имеет место при аканье: в заударном неконечном слоге фонемы *о* и *а* совпадают в варианте *ъ*, в конечном же слоге — в варианте *ъ* или *а*.

В последнем положении употребление звука *ъ* или *а* фонетически не разграничено: в одном и том же положении, в одном и том же слове, в речи одного и того же лица возможно употребление как *ъ*, так и *а*. Если и имеется разграничение в употреблении этих вариантов, то это разграничение жанрово-стилистическое и интонационно-синтаксическое: *ъ* произносится в обычной, более беглой речи, не в конце фразы или речевого такта, а *а* — в более отчетливой речи, в „полном стиле", в конце фразы или речевого такта.

Примеры: 1) в заударном неконечном слоге: *из-го́ръда, ста́ръва, до́ръга, вы́пълъла; ду́мъла, вы́дъла, вы́тъскъла, jéхъла, пла́къла;* в заударном конечном слоге — а) закрытом: *го́рът* или *го́рат, вы́мъj* или *вы́мaj, со́рък* или *со́рак, дéвък* или *дéвак, ло́дък* или *ло́дак, за-са́дъм* или *за-са́дам, за-до́мъм* или *за-до́мам, за-коро́въj* или *за-коро́ваj, под-бер'о́зъj* или *под-б'ер'о́заj, вы́дъм* или *вы́дам.* Одинаково произносятся *с тараканом* и *к тараканам, с топориком* и *к топорикам* с гласным *ъ* или *а* во флексии; б) открытом: *с'éнъ, л'éтъ, д'éлъ* или *с'éна, л'éта, д'éла* — так звучит и имен. п., и род. п. ед. числа; *на́дъ* или *на́да; мо́жнъ* или *мо́жна; до́ръгъ* или *до́ръга; т'úхъ* или *т'úха; по́л'а спахънъ* или *спахъна; з'емл'á спáхънъ* или *спахъна; шáпкъ* или *шáпка, коро́въ* или *коро́ва, б'ер'о́зъ* или *бéр'оза; ста́ръвъ* или *ста́ръва, до́бръвъ* или *до́бръва, éтъвъ* или *éтъва.*

Примечание. Формы род. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных и местоимений могут иметь на конце *а* и при полном оканье, — в некоторых говорах может произноситься: *с'éно, до́рого, лáдно,* но *ста́рова, до́брова.* Гласный *а* в конце этих форм в говорах с полным оканьем, видимо, имеет морфологическое происхождение.

§ 104. В соответствии с окончанием твор. п. ед. ч. *-ой* в заударном слоге в ряде говоров ср-в-р и ю-в-р (например, в Псковской, Великолукской, Калининской областях и особенно широко в Московской, Калужской, северной части Рязанской и Тульской областях) произносится *-уй*. Особенно часто такое произношение встречается после задненебных и губных согласных: *с-пáлкуj, ло́шкуj, т'óткуj, бутúлкуj, чáшкуj, собáкуj, за-старýхуj, за-свáхуj, гр'еч'úхуj, э́туj доро́гуj, с-бáбуj, п'ер'ед-свáд'буj, за-коро́вуj.* После других согласных: *под-б'ер'о́зуj, за-мал'úнуj, с-рабóтуj*[1].

Такое произношение данного окончания в заударном слоге в соответствии с ударенным окончанием *-ой* встречается и в твор. п. ед. ч. жен. рода прилагательных: *со вся́куй, с редкуй (женщиной).*

Происхождение этих форм не вполне ясно. При решении вопроса необходимо учесть, во-первых, что в этих формах *-уй* произносится только при безударности окончаний и почти исключительно в ср-в-р говорах и ю-в-р, находящихся под ср-в-р влиянием. Поэтому появление *у* вместо *о* в них следует связать с безударным вокализмом акающих говоров. Во-вторых, нельзя не обратить внима-

[1] Окончание *-уй* проникает и в положение после шипящих, *ц* и мягких согласных: *с пря́жуj, ка́шуj, пти́цуj, за дерéвн'уj, куд'éл'уj, торгóвл'уj.*

ния на то, что *-уй* вместо *-ой* встречается особенно часто после задненебных и губных согласных. Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что форма твор. п. жен. рода ед. ч. существительных на *-а* и прилагательных рядом с односложным окончанием *-ой* имеет двусложный вариант окончания *-ою* (при этом второй старше первого и, видимо, более свойственен ю-в-р говорам, чем с-в-р) и что полновесность заударного *о*, находящегося в конечном слоге в первом случае и в неконечном слоге во втором, весьма различна: она сравнительно велика в конечном слоге, и, напротив, очень незначительна в неконечном.

Все это позволяет сделать следующее предположение о происхождении форм на *-уj*: эти формы возникли в акающих говорах и притом первоначально в двусложном варианте окончания (*-оjу*), где *о*, находясь в заударном неконечном слоге, подвергался особенно сильной редукции (*-оiу* → *-ъiу*). Как уже не раз отмечалось выше, редуцированный звук *ъ* весьма подвержен воздействию соседних артикуляций. В условиях заударного неконечного слога, как слога с минимальной полновесностью, вместо *ъ* после задненебных и губных согласных легко может появиться *у* (об этом см. §§ 54 и 92): *-ъiу* → *-уiу*.

Звук *у* вместо *ъ* в заударном неконечном слоге в некоторых говорах мог появиться под воздействием не только предшествующей губной или задненебной согласной, но также и последующей гласной *у*. Ср.: *с-па́лкуjу, перед сва́д'буjу, с-т'о́ткуjу съ-стару́хуjу што гъвари́т'*. Что *у* вместо *ъ* в заударном неконечном слоге в некоторых говорах может явиться также под дополнительным ассимилирующим влиянием последующего *у*, видно из таких примеров как *про́хър* (= Прохор), но *х-про́хуру, пън'т'ил'е́jмън*, но *х-пън'т'ил'е́jмуну* (примеры из б. Дмитровского у. Московской губ.).

Укреплению формы с *у* в других говорах могло содействовать неразличение форм вин. и твор. п. жен. р. ед. ч. прилагательных с безударными окончаниями во многих ср-в-р и ю-в-р говорах: произношение *-ъjу* как в соответствии с ударенным *-о́jу* (твор. п.), так и с ударенным *-у́jу* или *-у́jа* (вин. п.) в результате ослабления *у* в заударном неконечном слоге и утраты лабиализации (ср.: *ста́ръjу саба́ку* и *за ста́ръjу саба́къjу*).

Указанным путем появились формы *с-па́лкуjу, т'о́ткуjу, стару́хуjу, коро́вуjу* и т. д. Затем с переходом от двусложного варианта окончания к односложному появились формы *с па́лкуj, т'о́ткуj, стару́хуj, коро́вуj* и т. д. Формы с гласной *у*, появившись первоначально в положении после задненебных и губных, в дальнейшем могли распространиться на положение после любой согласной, в том числе и мягкой. Так появились формы *б'ер'о́зуj, н'ев'е́стуj, ко́жуj, пт'и́цуj, д'ер'е́вн'уj, торго́вл'уj*.

§ 105. В связи с ослаблением заударных слогов по говорам в них могут подвергаться качественной редукции фонемы верхнего подъёма — *ы* (после твёрдых согласных *и* отсутствует) и *у*.

В результате такой редукции вместо *ы* появляется *ъ*. Ср.: *ва́мъла,*

вы́ръла, вы́бъла и рядом *вы́мъл, вы́ръл, вы́бъл, пр'ишо́л-бъ* вместо *вы́мыла, вы́рыла, вы́была, вы́мыл, вы́рыл, вы́был, пр'ишо́л-бы.* Возможно, что качественная редукция *ы* первоначально возникла в заударном неконечном слоге (в случаях типа *вы́мъла*), наиболее слабом и неполновесном, а потом была перенесена на заударный конечный слог (на случаи типа *вы́мъл*), более полновесный сравнительно с первым.

В заударном конечном слоге, видимо, в результате продления и прояснения *ъ* в условиях интонационно-ритмической концовки вместо *ъ* появляется *а*: *вы́мал, вы́рал, вы́бал, не́бал, пр'ишо́л-ба.*

Такое произношение характерно для ряда ю-в-р и ср-в-р говоров (например, в Московской и Рязанской областях) и известно также некоторым с-в-р говорам (например, Владимирской области).

§ 106. Также в связи с ослаблением заударных слогов по говорам происходит в этих случаях утрата лабиализации и качественная редукция гласной *у*, т. е. изменение ее в *ъ*. Например, некоторым ю-в-р и ср-в-р говорам, а также отдельным с-в-р говорам, находящимся под воздействием первых, свойственно произношение *вы́ръпка* вместо *вы́рупка, вы́лъп'ил* вместо *вы́луп'ил, вы́пъст'ил* вместо *вы́пуст'ил* и др. Многим ю-в-р говорам и некоторым ср-в-р известно произношение *о́кън', о́кън'и, го́лъп', го́лъб'и, о́мът, о́мъта, пролъп* (прорубь), *за́мъш* (=замуж), *за́мъжам* вместо *о́кун', о́кун'и, го́луп', го́луб'и, о́мут, о́мута, про́луп', за́муш, за́мужем.* В тех же говорах и в заударном конечном слоге, видимо, в результате продления и прояснения звука *ъ* в условиях интонационно-ритмической концовки вместо *ъ* может появляться и *а*: *о́кан', го́лап, о́мат, про́лап, за́маш.* Описанное явление широко известно, например, по говорам Рязанской области, а также Московской, Калужской и др.

Сюда относится, видимо, также изменение *у* в *ъ* в заударном неконечном слоге, как более слабом сравнительно с конечным, в окончании вин. п. ед. ч. женского рода прилагательных: характерный для ю-в-р говоров, а также части ср-в-р: *уju → ъju: кра́снъju ко́хту, у-ста́ръju хату, до́бръju, у́мнъju, хи́тръju.* В эмоциональной речи и при продлении (например, в пении) в тех же говорах *ъ* легко проясняется в звуки, близкие к *а*, т. е. *кра́снаju, ста́раju, до́браju*[1].

Положение после мягких согласных и шипящих.

§ 107. Особенно сложна картина заударного вокализма в положении после мягких согласных и шипящих. Эта сложность объясняется тем, что рядом с фонетическими процессами и специфическими явлениями, связанными с интонационно-ритмическим и синтаксическим членением речи, здесь особенно большое значение имел фактор морфологический — влияние твердой разновидности ряда форм на мягкую. При этом действие всех этих факторов в разных говорах

[1] Аналогичные изменения имеют место и в мягкой разновидности прилагательных: например, *с'и́н'иju* или реже *с'и́н'аju* вместо *с'и́н'уju.*

проходило не всегда в одинаковой степени и в одинаковом направлении. О многих деталях заударного вокализма мы не можем судить за отсутствием надежного материала. Для более полной характеристики заударного вокализма после мягких согласных недостаточно иметь известное количество фонетически более или менее точных записей — для этого необходимо, чтобы записи охватывали бы все этимологически различные гласные и во всех возможных морфологических категориях. Таких материалов у нас почти нет.

§ 108. В с-в-р говорах возможно различение гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных и шипящих — *ê, о, а:* 1) ***ê*** — *вы́л'ез* или *вы́л'из* (ср.: *л'ézу*), *на́-ст'ену* или *на́-ст'ину* (ср.: *ст'éны*), *зáсв'етло* или *зáсв'итло* (ср.: *св'éтлой*), *на-робо́т'е* или *на-робот'и* (ср.: *на-ст'ен'é*)[1]; 2) ***о*** — *вы́н'ос* (ср.: *н'ос*), *вы́в'ол* (ср.: *в'ол*), *вы́т'осал* (ср.: *т'ос*), *вы́шол* (ср.: *шол*), *вы́жог* (ср.: *жог*); *вы́н'ес'ош, вы́н'ес'от, вы́н'ес'ом; бу́д'ош, бу́д'от, буд'ом; ста́н'ош, ста́н'от, стан'ом: па́шош, па́шот, па́шом* (ср.: *н'ес'о́ш, н'ес'от, н'ес'о́м*), *мо́р'о, по́л'о, го́р'о* (ср.: *зв'ер'jо́, м'едв'ед'jо́*); *за-ка́мн'ом, по́л'ом, зас'а́м'ом, с-му́жом* (ср.: *за-кон'о́м*); *кам'ён'jов, зу́б'jов* (ср. *крajо́в*), *зад'ер'éвн'oj, за-ка́пл'oj, за-ко́жoj* (ср.: *з'емл'о́j*); 3) ***а*** — *вы́т'анул* (ср.: *т'а́нут*), *вы́гл'анул* (ср.: *гл'а́нул*) или *вы́т'енул, вы́гл'енул, с-мо́р'а, по́л'а, го́р'а* (ср.: *зв'ер'jа́*); *к-жи́тел'ам, л'ист'jам* (ср.: *уч'ит'ел'а́м*); *о-жы́т'ел'ах, в-л'ист'jах, в-ту́ч'ах* (ср.: *об-уч'ит'ел'ах*).

§ 109. Однако многим с-в-р говорам с неполным оканьем, а также части ср-в-р говоров свойственно неполное различение гласных неверхнего подъема после мягких согласных и шипящих в заударном конечном слоге ввиду совпадения в этом положении фонем *о* и *а* в одном общем варианте *а* или *ъ*: 1) ***о*** — *вы́н'ас* или *вы́н'ъс* (ср.: *н'ос*), *вы́в'ал* или *вы́в'ъл* (ср.: *в'ол*), *вы́шал* или *вы́шъл* (ср.: *шол*); *стáн'аш, стáн'ат, стáн'ам* или *стáн'ъш, стáн'ът, стáн'ъм; бу́д'аш, бу́д'ат, бу́д'ам* или *буд'ъш, бу́д'ът, буд'ъм; па́шаш, па́шат, па́шам* или *па́шъш, па́шът, па́шъм* (ср.: *н'ес'о́ш, н'ес'от, н'ес'о́м*); *по́л'а, мо́р'а, го́р'а* или *пол'ъ, мор'ъ, гор'ъ* (ср.: *зв'ер'jо́*); *за-ка́мн'ам, по́л'ам, с-му́жам, за́мужам* или *за-ка́мн'ъм, по́л'ъм, с-му́жъм* (ср.: *за-кон'о́м*); *зу́б'jав, кам'ён'jав* (ср. *крajо́в*); *за-д'ер'éвн'aj, за-ко́жaj* или *за-д'ер'евн'ъj, за-ко́жъj* (ср.: *з'емл'о́j*); 2) ***а*** — *смо́р'а, с-по́л'а, без-го́р'а* или *с-мо́р'ъ, с-по́л'ъ, без-гор'ъ* (ср.: *зв'ер'jа*); *к-жи́т'ел'ам, к-л'ист'jам* или *к-жи́т'ел'ъм, к-л'ист'jъм* (ср.: *к-уч'ит'ел'а́м*); *о-жы́т'ел'ах, л'ис'т'jах, ту́чах* или *о-жы́т'ел'ъх, л'ист'jъх, ту́ч'ъх* (ср.: *об уч'ит'ел'ах*).

Характерно, что в говорах, где вообще в заударном слоге после мягких и шипящих вместо *о* может звучать *а* или *ъ*, в корнях слов и в глагольных окончаниях наряду с *а* и *ъ* может звучать также *ь* или вообще *и*-образный звук (после шипящих — близкий к *ы*: *вы́н'ьс, вы́в'ьл; ста́н'ьш, ста́н'ьт, ста́н'ьм, па́шыш, па́шыт, па́шым*).

---

[1] Здесь имеются в виду говоры, не изменившие *ê* в *и* во всех положениях.

Это сближает данные говоры с системой русского литературного языка в его старом московском произношении[1]. Последнее широко известно во многих ср-в-р говорах, а в несколько ином виде — также и во многих ю-в-р говорах. Опишем эти отношения.

§ 110. Литературному языку в его старо-московском варианте и в сходной с ним в этом отношении части ср-в-р говоров свойственно следующее произношение: фонема *ѣ* в заударном слоге после мягких согласных реализуется в варианте *ь* (или *и*); фонемы *о* и *а* в том же положении не в падежных окончаниях также реализуются в варианте *ь*:

1) *ѣ: выл'ъз* (ср.: *л'ёзу*), *зáсв'ьтлъ* (ср.: *св'ётлъj*), *нá-ст'ьну* (ср.: *ст'ёны*), *гул'ál ф-пóл'ь, в-аткрытъм мóр'ь, нъ-рабóт'ь* (в конечном открытом слоге вместо *ѣ* возможно было также *и: ф-пóл'и, мóр'и, нъ-рабóт'и*); 2) *о: вúн'ьс* (ср.: *н'ос*), *зáт'ьмнъ* (ср.: *т'ёмнъj*); *вúн'ьс'ьш, вúн'ьс'ьт, вúн'ьс'ьм; бýд'ьш, буд'ьт, буд'ьм; стáн'ьш, стáн'ьт, стáн'ьм, плáч'ьш, плáч'ьт, плáч'ьм* или *бýд'иш, стáн'иш, плáч'иш* (ср.: *н'ес'ёш, н'ес'ёт, н'ес'ём*); *л'áжьш, л'áжьм, л'áжьт* или *л'áжыш, л'áжым, л'áжыт* (ср.: *зъпр'ъжёш, зъпр'ъжёт, зъпр'ъжём*); *бóл'ьн, бл'éд'ьн* (ср.: *с'ил'ён*); 3) *а: вúт'ьнул* (ср.: *т'áнут*), *вúгл'ьнул* (ср.: *взгл'áнут*) *нá-п'ьт'* (ср. *п'ат'*).

Однако в падежных окончаниях, особенно последовательно у существительных, фонемы *о* и *а* в заударном слоге после мягких согласных и шипящих совпадают в варианте *ъ* (а не *ь*, как в прочих случаях!); 1) *о: з-з'áт'ъм, с-т'éст'ъм, кáмн'ъм, пóл'ъм, гóр'ъм, зач'ájъм, зъ-сарájъм, с-плáч'ъм, с-мýжъм* (ср.: *с-кан'ём*); *сарájъф, брáт'jъф, крúл'jъф, прýт'jъф* (ср.: *крajóф*); *пóл'ъ, мóр'ъ, гóр'ъ, плáт'jъ, кýшн'jъ* (им.п. ед. ч.), причем в конечном открытом слоге возможно было также и *а: пóл'а, мóр'а, гóр'а, плáт'jа, кýшн'jа* (ср.: *кап'jó, зв'ер'jó*); 2) *а: а-брáт'jъх, в-л'úст'jъх, на-зýб'jъх, ф-сарájъх, в-бáн'ъх, а-д'ет'ъх* (ср.: *ф-крajáх нъ-лъшъд'áх*); *бáн'ъм, дúн'ъм, зýб'jъм, сарájъм* (ср.: *крajáм*); *пéр'jъ, д'ер'éв'jъ, калóс'jъ*.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных случаях рядом с безударной флексией имеется ударенная флексия (см. выше в скобках) и, кроме того, та же флексия имеется в твердой разновидности соответствующих форм как с ударенной гласной, так и безударной. Ср.: *з-з'áт'ъм — кан'ём* и *брáтъм — сталём; сарájъф — крajóф* и *стол'икъф — сталóф; плáт'jъ — кап'jó* и *д'éлъ — с'елó; ф-сарájъх — крajáх* и *ф-с'ólъх — д'елáх* и т. д.

В некоторых формах рядом с *ъ* произносится и *ь*. Сюда относятся формы твор. п. ед. ч. женского рода имен на *-а* и твор. п. мн. ч.: *капл'ъj* и *капл'ьj, за-бан'ъj* и *бан'ьj, за-д'ьр'éвн'ъj* и *д'ьр'евн'ьj, за-туч'ъj* и *туч'ьj, куч'ъj* и *куч'ьj* (ср.: *з'емл'ój*); *за-бáн'ъм'и* и *бáн'ьми, тýч'ъм'и* и *туч'ьм'и, зýб'jъм'и* и *зýб'jьм'и* (ср.: *д'ьр'ьвн'áм'и*). Можно думать, что более первоначальным здесь является *ъ* и что *ь* появляется вместо *ъ* в результате воздействия последующей

[1] В современном литературном произношении эти нормы нарушаются под влиянием правописания: *ь* появляется и в других случаях, например *кáмн'ьм*.

мягкой согласной (*м'*) и предшествующей мягкой согласной или *j* (*ĭ*). Что именно *ъ* является основным в форме твор. п. мн. ч. видно из случаев, в которых окончание следует после сочетания „гласная + *j*" основы: *сарáйъм'и, г'ьрóйъм'и, пъпугáйъм'и;* если бы в окончании было *ь* после *j*, то сочетание *jь* в положении после гласной могло бы произноситься как *и* (ср. *знáим* вм. *знá'jьм*) — *сарáим'и, г'ьрóим'и,* что является явным диалектизмом.

Колебание в произношении с *ъ* и *ь* отмечается также в формах род. и дат., а также предл. п.п. ед. ч. мужского и среднего рода: *с'úн'ъвъ* и *с'ún'ьвъ, гар'áч'ъвъ* и *гар'áч'ьвъ; с'ún'ъму* и *с'ún'ьму, гар'áч'ъму* и *гар'áч'ьму; в-с'ún'ъм, гар'áч'ъм, на-пр'éжн'ъм м'éс'т'ь, ф-тр'ét'jъм ч'ьсý,* а также *в-с'ún'ьм, в-гар'áч'ьм.* Следует отметить, что для прилагательных мягкой разновидности отсутствуют формы с ударением на окончании. Можно заметить также, что *ь* в предл. п. встречается реже, чем в род. и дат. п.п.: рядом с произношением *в пр'éжн'ъм* нередко произносят *пр'éжн'ьвъ, пр'éжн'ьму*. Надо думать, что это объясняется тем, что интересующая нас гласная в этих формах находится в разных заударных слогах: в предл. п.— в конечном закрытом слоге, а в род. и дат. п.п. в неконечном открытом. Заударный неконечный слог принадлежит к числу самых ослабленных в слове, и в этих условиях произносится *ь*. Напротив, заударный конечный слог более полновесен, в связи с чем в нем возможно произношение *ъ*.

Из приведенного выше материала выясняется следующая характерная особенность в произношении гласных заударных слогов после мягких согласных и шипящих: в падежных окончаниях при наличии в данной морфеме ударенных *о* и *а* в заударном слоге может произноситься *ъ* (иногда рядом с *ь*); в то же время в личных окончаниях глаголов при наличии в данной морфеме ударенного *о* в заударном слоге обычно произносится *ь* (и даже *и*). Таким образом в соответствии с одной и той же ударенной гласной *о* в падежных и личных окончаниях произносятся разные звуки — в первых *ъ*, во вторых *ь*. Ср.: *м'ьд'в'éд'ъм*, но *jéд'ьм; с-плáч'ъм* (существительное), но *плáч'ьм* (глагол), *за-рójъм (пч'ол),* но *зарójьм* или *зарóим (в-маг'úлу), с-пъпугájъм,* но *пъпугájьм* или *пъпугáим (jьвó), кáмн'ъм,* но *стáн'ьм.*

§ 111. Отмеченная особенность свойственна многим ср-в-р говорам, а также литературному языку в его старом московском варианте. Еще более ярко она представлена во многих ю-в-р говорах. Например, в ряде говоров Рязанской области в соответствии с ударенным *о* в падежных окончаниях, кроме *ъ*, часто произносится *а*, а в глагольных окончаниях вместо *ь* обычно звучит *и*: *з'-з'át'ам, з-гóр'ам, с-т'éс'т'ам, за-кáмн'ам, шол пóл'ам, за-ч'ájам, с-плáч'ам, зъ-сарájам, с-мýжам, кáмн'аф, с'в'ид'ét'ьл'аф, сарájаф нéту, ис-прýт'jаф, д'ир'éв'jаф; пóл'а, кýшън'jа* (им. п. ед. ч.); *за-бáн'aj, кý'ч'aj, зъ-д'ир'éвн'aj, з-д'áд'aj, с-вáр'aj; на пр'éжн'ам, м'éс'т'и, в-гар'áч'ам, ф-с'ún'ам плáт'ju, ф-тр'étjам часу, л'étн'aj д'ен', пр'éжн'aj муж, д'ев'úч'aj стыд;* но: *стáн'иш, стáн'им, бýд'иш,*

бу́д'им, л'éз'иш, л'éз'им, плáч'иш, плáч'им, л'áжыш, л'áжым и т. д. Таким образом, в остальном созвучные падежные и глагольные формы в таких говорах произносятся особенно контрастно: *с-м'идв'éд'ам*[1], но *jéд'им, с-плáч'ам*, но *плáч'им, за-рójам*, но *зарóим*.

Можно указать на произношение *нéч'им* (ср. под ударением в твор. п. *ч'ем*) при *н'é-нъ-ч'ам* (ср.: под ударением в предл. п. *на-ч'óм*), отмеченное в ряде ю-в-р говоров (например, в Рязанской области).

§ 112. Несомненно, что указанная двойственность в произношении заударных гласных после мягких согласных в соответствии с одной и той же ударенной гласной имеет глубокие исторические корни. Однако для решения вопроса о ее происхождении мы не располагаем пока достаточным материалом. Поэтому приходится ограничиться лишь некоторыми предположениями.

Прежде всего можно заметить, что *ъ* в заударных слогах после мягких согласных произносится в тех формах, которые имеют твердые варианты (существительные, прилагательные), а *ь* — в таких формах, где отсутствует различение твердых и мягких вариантов. Отсюда естественно сделать вывод о том, что *ъ* в именных окончаниях появляется благодаря воздействию форм твердой разновидности. Итак, под влиянием *селóм — дéлъм* появляется *кон'óм*, а затем в заударном слоге *з'áт'ъм* (по говорам и *з'áт'ам*, как *дéлам*); под влиянием *бол'нóм — стáръм* появляется *прéжн'ъм* (по говорам и *пр'éжн'ам*, как *стáрам*). В тех же формах, где нет образца для аналогического воздействия, там в заударном слоге в соответствии с ударенным *о* является *ь*: *стáн'ьщ, стáн'ьм* и т. д.

Сделанное предположение объясняет появление звука *ъ* или *а* в формах типа *з'áт'ам*, но оставляет открытым вопрос о том, почему этот звук не мог появиться в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения в соответствии с тем же ударенным *о*. Априори можно предположить, что ударенное *о* в падежных и личных окончаниях появилось неодновременно. Это предположение находит себе подтверждение в фактах русских говоров: сохранение *е* в окончании глаголов 1-го спряжения (*несéшь, ведéшь, плетéшь* и т. д.) — черта, широко распространенная для ю-в-р говоров и исконная для них (формы *несёшь, ведёшь* в большей их части появились, видимо, под влиянием литературного языка), и, кроме того, встречается в с-в-р говорах. Напротив, формы типа *кон'éм* (не *кон'óм*) неизвестны. Следовательно, можно думать, что звук *о* аналогического происхождения в окончания мягкой разновидности склонения проник раньше, чем в глагольные окончания: в ту эпоху, когда заударные гласные подверглись редукции, в соответствии с *о* появлялся *ъ (кан'óм — з'áт'ъм)*, а в соответствии с *е — ь (нес'éм — стáн'ьм)*. После этого в глаголь-

[1] Ударение на основе в этом слове редко употребляется в ю-в-р говорах и, видимо, вызвано влиянием литературного языка: обычно произносят *медведя́, медведю́, медведём*.

ных окончаниях также появлялся *о*, но это уже могло не отразиться на судьбе заударной гласной, так как это имело место после появления в заударном слоге редуцированного гласного *ъ*[1].

§ 113. В некоторых говорах на юго-востоке Московской области и в северной части Рязанской области отмечено произношение *е* и даже *а* на месте *и* в конечном закрытом слоге. Чаще всего такое произношение встречается в личных формах глаголов 2-го спряжения и в образованиях на *-ик*.

Примеры в личных формах: *ку́п'ем, пастáв'ем, нъмалóт'ем, запло́т'ем, ув'ид'ем; ку́п'еш, нóс'еш, вóз'еш, хóд'еш, пакóрм'еш* и т. д. В 3-м л. ед. ч. одни из этих говоров имеют *т* твердое (*хóд'ет, ку́п'ет, пастáв'ет*), другие — *т* мягкое *(хóд'ет', ку́п'ет')*. В тех же говорах и в тех же формах отмечено также *а*: *нóс'аш, ви́д'аш; нóс'ам, вóз'ам, д'éржам; хóд'ат, нóс'ат* (это форма 3 л. ед. ч.!); особенно часто *а* отмечено в форме 3 л. ед. ч. при мягком *т: л'у́б'ат', ку́п'ат', вывóд'ат', крáс'ат'* и т. д. Надо отметить, что формы 3-го л. ед. ч. на *-ат* и *-ат'* не совпадают с формами 3 л. мн. ч., т. к. последние имеют окончание *-ут* или *-ут' (нóс'ут, вóз'ут* или *нóс'ут', вóз'ут')*. С другой стороны, при ударении на основе формы глаголов 2-го спряжения совпадают с формами глаголов 1-го спряжения. Ср.: *т'áн'еш, jéд'еш; т'áн'ем, jéд'ем; т'áн'ет, jéд'ет* или *т'áн'ет', jед'ет'*, а также *т'áн'аш, т'áн'ам, т'áн'ат* или *т'áн'ат'* (при 3 л. мн. ч. *т'áнут* или *т'áнут'*).

Примеры существительных на *-ик*: *дóм'ек, снóп'ек, фу́нт'ек, мáл'ч'ек, дóжж'ек, двóрн'ек, плóтн'ек, извóщ'ек*, реже *прáз'н'ак, разбói̯н'ак*. В тех же говорах нередко произносится *-ик: д'ев'и́шн'ик, павói̯н'ик* и т. д.

Характерно, что глагольные образования на *-ил* в этих говорах обычно сохраняют *и: брóс'ил, jéзд'ил, къраýл'ил, постáв'ил*, а не *брóс'ал, jéз'д'ал, къраýл'ал, пастáв'ал*, как это обычно для рязанских и многих других говоров. Приведенные выше примеры записаны в Коломенском и Егорьевском районах Московской области, причем формы 3 л. глаголов с твердым *т* относятся к Егорьевскому району. Независимо от представленного выше материала во многих говорах *е* или *а* вместо *и* произносится в словах *бáр'ен (бáр'ан), м'éр'ен (м'éр'ан)*.

Отсутствие достаточного материала не позволяет решить вопрос о том, имеет ли описанное явление фонетическое или морфологическое происхождение.

Весьма сложная картина заударного вокализма представлена в говоре с. Уляхино Курловского района Владимирской области (акающий говор с яканьем, близким к сильному, *г* взрывным, 3 л. глаголов на *-т*). Здесь, также в конечном закрытом слоге представлено *е* или *а* вместо *и* и притом более последовательно, в большем количестве примеров: в глагольных окончаниях — *вóз'еш, станóв'еш, насы́п'еш; в'и́д'аш, прóс'аш; насу́шам, слу́жам, брóс'ам; л'у́б'ат, накóрм'ат, хвáт'ат, прóс'ат* (3 л. ед. ч.); в существительных на *-ик* — *нóс'ак, тáз'ак, прáз'н'ак, чái̯н'ак, агур'éшн'ак, уч'éбн'ак;* в глагольных формах на *-ил* — *брóс'ал, выл'ал, астáв'ал*; в словах *бáр'ан, м'éр'ан;* в других случаях — *р'éдк'ех, jéт'ах* (= этих).

При *-ат* в 3 л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения те же глаголы в 3 л. мн. ч. имеют обычно *-ут: прóс'ут, сýшут, стрói̯ут*. В окончании *-ут* глаголов как 2-го так и 1-го спряжения вместо гласной *у* нередко произносится *уо, уа* и даже просто *о: прóс'уот, прóс'уат, прóс'от; кóс'уот, кóс'уат, кóс'от; малóт'уот, кýп'от, гóн'от* (2-е спряжение); *пáшуот, пáшуат, пáшот; они вы́ткот, мóгот, плáцот* (=плачут), *вы́завот* (1-е спряжение).

---

[1] Высказанное предположение вполне подтверждается тем, как реагируют гласные предударного слога при некоторых видах диссимилятивного яканья на ударенное *о* в падежных окончаниях и *о* или *е* в глагольных личных формах: *м'идв'ад'óм*, но *в'ид'ом* или *в'идéм*. Подробнее об этом см. выше § 79.

В том же говоре *а* (а также *е* или *е͡а*) вместо *и* произносится в конечном открытом слоге: во мн. ч. глаголов прош. вр.— *бы́л'а, jе́л'а, пахáл'а, нас'áл'а, ткáл'а, прáл'а*; *гул'áл'е, жы́л'е, пл'асáл'е, пр'áл'е; сказáл'е͡а, бы́л'е͡а, играл'е͡а, брáл'е͡а*; в имен.— вин. п.п. существительных на *-и бу́лк'а, скáск'а, карто́шк'е͡а, прибау́тк'а, дéн'г'е͡а, д'éт'е͡а* (= дети), *на сáн'а, нá рук'а*; ср. также *по́-тр'а* (= по три). В том же положении *а* произносится также на месте *ѣ* (*ѣ*): *нъ-дарóг'а, ф-пасу́д'а, на-ры́нк'е͡а.*

КОНСОНАНТИЗМ.

Состав согласных фонем.

Общие замечания.

§ 114. Как известно, в русском литературном языке 34 согласных фонемы.

Эти фонемы в определенных условиях видоизменяются в своем фонетическом качестве, образуя закономерные ряды своих модификаций — вариаций и вариантов. Важнейшей особенностью системы согласных русского языка является параллельность изменений отдельных групп согласных в тожественных условиях, что приводит к наличию соотносительных рядов фонем. Система согласных фонем русского языка характеризуется наличием двух рядов соотносительных фонем, различающихся и совпадающих в пределах каждого из этих рядов в тожественных фонетических условиях. Один из этих рядов образуется согласными глухими и звонкими, другой — согласными твердыми и мягкими.

Система согласных фонем русского литературного языка может быть представлена в следующей таблице:

[	*п*	—	*б*	]	[	*ф*	—	*в*	]	[	*т*	—	*д*	]	[	*с*	—	*з*	]
[	*п'*	—	*б'*	]	[	*ф'*	—	*в'*	]	[	*т'*	—	*д'*	]	[	*с'*	—	*з'*	]

[	*м*	]	[	*л*	]	[	*н*	]	[	*р*	]	[*ш* — *ж*]	[*ш̄'* — *ж̄'*]	[*к* — *г*]	[*х*]	[*ч'*]	[*ц*]	[*j*]
[	*м'*	]	[	*л'*	]	[	*н'*	]	[	*р'*	]							

Примечание. Таблица эта будет разъяснена ниже по мере изложения системы консонантизма.

§ 115. Системы согласных фонем разных говоров могут отличаться друг от друга — 1) количеством фонем; 2) качеством той или иной соответственной в разных говорах фонемы [1]; 3) качеством вариаций и, в особенности, вариантов согласных фонем и условиями, в которых эти вариации и варианты выступают.

---

[1] Соответственными мы называем такие фонемы, которые в разных говорах закономерно употребляются в одних и тех же словах и формах. Например *г* и *γ*: *гос'т'* и *γос'т'*, *дугá* и *дуγá*.

Подвижные элементы в составе согласных фонем русского языка.

§ 116. Литературный язык обладает максимальным количеством известных в русском языке согласных фонем. Многие говоры не отличаются в этом отношении от литературного языка. Колебания в составе согласных фонем по говорам зависят от того — 1) различаются или не различаются фонемы *ц* и *ч'*; 2) имеются или нет фонемы *ф* и *ф'*; 3) имеются ли в качестве особых фонем долгие шипящие. Рассмотрим каждую из этих особенностей в отдельности.

§ 117. Фонемы *ц* и *ч'*. В литературном языке и ю-в-р наречии[1], а также в значительной части ср-в-р говоров и части с-в-р говоров различаются фонемы *ц* и *ч'*. Ср., например, в литературном языке *ч'а́сть, ч'и́сть, п'ьтач'о́к, н'ьч'ьво́, ку́ч'ъ, ту́ч'ъ, п'еч'*, но *ку́р'ицъ, це́лъj, це́ны*. Этим говорам обычно свойственно мягкое небно-зубное *ч'* и твердое зубное или альвеолярное *ц*. Каждая из этих фонем вполне противопоставлена другим согласным фонемам. Ср.: *ч'ас — вас, нас, бас, фас, пас, гас; цел — б'ел, м'ел, с'ел, т'ел*. Однако друг другу *ц* и *ч* слабо противопоставлены.

Это объясняется происхождением аффрикаты *ц* и *ч*, которые некогда были позиционными вариантами фонемы *к*, образовавшимися из *к* в разные эпохи и в разных условиях[2]. Звуки *ц* и *ч* и до сих пор недостаточно противопоставлены друг другу и редко служат единственным различительным признаком слов и морфем: такие случаи, как *цех* и *ч'ех*, *ца́кать* и *ч'а́кать*, единичны и объясняются заимствованием из других языков или принадлежностью к эмоциональной лексике и к специальной лексике.

В соответствии с фонемами *ц* и *ч* указанных выше говоров в значительной части с-в-р говоров употребляется одна фонема, обычно *ц*, в некоторых говорах — *ч*. Неразличение фонем *ц* и *ч* при их совпадении в одной фонеме *ц* носит название цоканья. Более редко встречающееся совпадение *ц* и *ч* в одной фонеме *ч* называется чоканьем. Например, при цоканье произносят не только *ку́р'ица, це́лоj*, но и *ца́сто, ци́сто, молци́й, п'етацо́к, ницозо́, ку́ца, ту́ца, п'ец*. При чоканье произносят не только *часто, чи́сто, молчи́й, п'етачо́к, п'еч*, но и *ку́рича, че́лоj, чена́*.

Следует иметь в виду, что цокающие говоры, как и чокающие, не различающие двух аффрикат, равно противопоставляются нецокающим говорам, различающим две аффрикаты. Последние имеют на одну согласную фонему больше, чем в остальном сходные с ними цокающие говоры.

Таким образом в функциональном отношении цоканье и чоканье не отличаются друг от друга. Отличие касается лишь звукового

---

[1] В отдельных говорах на ю-в-р территории представлено цоканье или следы его.

[2] Звук *ч'* в русском языке может быть и другого происхождения — из *tj*, например *св'еч'а́*.

качества фонемы, в которой совпадают фонемы *ц* и *ч* других говоров.

Более подробные сведения о качестве *ц* и *ч* по русским говорам см. ниже в § 125.

§ 118. Фонемы *в* и *ф*. В большей части с-в-р и ср-в-р говоров, а также в части ю-в-р говоров различаются как особые фонемы губные фрикативные звонкие (*в*, *в'*) и глухие (*ф*, *ф'*). Произносятся, с одной стороны, *ваш*, *вы́пил*, *трава́*, *совы́*, *го́лову*, *в'йдно* и т. д., с другой стороны, *фабрика*, *фы́ркат*, *фу*, *фона́р'*, *фунт*, *фома́*, *фил'и́п*, *ф'о́дор* и т. д. Однако противопоставленность фонем *в* и *ф* друг другу очень небольшая: редко эти звуки являются единственным различительным признаком слов и морфем (как, например, *вон* и *фон*, *вас* и *фас*, *в'инт'и́т'* и *ф'инт'и́т'* в литературном языке). Это объясняется тем, что искони фонема *ф* не была свойственна славянским языкам, в том числе и русскому. Она появилась в части русских говоров в позднейшее время в составе слов, заимствованных из других языков, или в словах эмоционального значения (ср. *фу* из *т'фу*, которое в свою очередь восходит к особому диффузному звуку, воспроизводящему удаление из полости рта постороннего предмета). В древнейших заимствованиях иноязычное *ф* передавалось через *п* (ср. украинское *Пилип*, *Ничипір*, *Опанас* — в именах греческого происхождения *Филипп*, *Никифор*, *Афанасий*). Такая замена, между прочим, представлена в некоторых русских говорах Поволжья и Заволжья, граничащих с другими языками (например, марийским, удмуртским), а также в русской речи представителей этих языков: *С'ерап'има*, *Пил'и́п*, *панáр'*. Позднéе звук *ф* иноязычных слов в части русских говоров сохранялся, а в другой части заменялся звуками *хв*, *хф*, *х*. Ср. современные ю-в-р: *хвунт*, *хфунт* или *хунт*; *съраxва́н*, *съраха́н*; *хва́бр'ика*, *хфа́бр'ика*, *ха́бр'ика*; *хвана́р'*, *хана́р'*, *хва́ртуч'ик*, *грах Талсто́j*, *торх*, *нъ-тархў рабо́тъл'и*, *хлак (флаг)*; в собственных именах — *Хвама́*, *Хама́*, *М'итрахва́н*, *М'итрахан*, *Хв'о́дар*, *Хв'ил'и́п*, *Хро́л*, *Ахр'ём*, *Хв'адо́с'ja*, *Хавро́н'ja* (Февронья). Можно отметить также характерное для ю-в-р говоров слово *ко́хта* (= кофта) со звуком *х* перед глухой согласной.

Различная передача иноязычного *ф* в русских говорах, видимо, связана с разным качеством соответствующей звонкой согласной фонемы *в*: в одних говорах звук *в* был губно-зубного образования (*в*), в других — губно-губного (*w*). Когда после падения глухих звонкие согласные, оказавшись перед глухими, а также на конце слова, оглушались, то в говорах, имевших губно-зубное *в* в результате оглушения *в* появлялся звук *ф*, как позиционный вариант фонемы *в*, обусловленный положением перед глухой согласной или на конце слова: *коро́ва* — *коро́фка* — *коро́ф*, *трава́* — *тра́фка* — *траф* (ср. др.-р. *корова* — *коровъка* — *коровъ*). В говорах же, имевших губно-губное *w*, в положении перед согласной и на конце слова звучало *w* или *ў*: *корowа* — *корowка* — *корow*.

Первые говоры легко могли усвоить фонему *ф* заимствованных

слов в независимом положении, т. е. перед гласными и сонорными, так как они имели губно-зубное *в*, а после падения глухих, кроме того, развили — правда, только в определенных позиционных условиях — и соответствующий, также губно-зубной, глухой звук (*ф*). В таких говорах укрепилось произношение *фа́ртук*, *фона́р'*, *фунт*, *францу́с*, *то́рф* и т. д.

Говоры же, не знавшие губно-зубной *в*, а имевшие в соответствии с ней *w* губно-губного образования или *ў* (*у* неслоговое), не могли освоить звука *ф*, так как губно-зубная артикуляция им вообще была чужда. Передача же этого чуждого говору звука через оглушенное губно-губное *w* (*ф*) или безголосое *ў* (*ў*) была невозможна ввиду очень малой акустической выразительности (слабой слышимости) этих звуков без голоса. Учитывая двухфокусность артикуляций *w*, *ў* (губная артикуляция + заднеязычная), замену иноязычного *ф* через *х*, *хф*, *хв* можно понять как результат усиления заднеязычной артикуляции, увеличивающей акустическую выразительнось звука. Следует при этом иметь в виду, что сочетания *хф* и *хв* по говорам иногда являются не обычными сочетаниями задненебного и губно-зубного согласных, а представляют собою сложную, трудно расчленимую артикуляцию, второй элемент которой имеет губно-губной характер (*хф*, *хw*). Именно такое образование, вероятно, и представляет старую замену иноязычной фонемы *ф* в соответствующих говорах.

Итак, одни говоры различают две пары губных фрикативных фонем — *в*, *в'* и *ф*, *ф'*, другие — только одну из них, а именно звонкую, так как вместо второй (*ф*,*ф'*) имеют *х*, *хв* или *хф*. Последние, таким образом, имеют на две фонемы меньше, чем в остальном сходные с ними говоры, различающие звонкие и глухие губные фрикативные согласные.

§ 119. Выше было указано, что фонема *ф*, имеющаяся в части русских говоров, употребляется в них лишь в словах иноязычного происхождения. Однако некоторые из таких говоров (например, с-в-р говоры на северо-западе Европейской части СССР) развивают, кроме того, звук *ф* на месте старого сочетания *хв*, что довольно заметно расширяет сферу употребления фонемы *ф*. Таким говорам свойственно произношение: *фа́стат'*, *фата́т'*, *фал'и́т'*, *фос*, *фо́ja*, *фо́рос* вместо *хва́стат'*, *хвата́т'*, *хвал'и́т'*, *хвост*, *хво́ja*, *хво́рост*. Предполагают, что к таким словам с исконным *хв* относится также слово *ф'и́л'ин*, видимо, заимствованное в литературном языке из говоров, в которых сочетание *хв* изменилось в *ф*.

В некоторых говорах появление *ф* вместо исконного *хв* объясняется их приспособлением к системе литературного языка: таким говорам искони было свойственно *хв* как на месте исконного сочетания *хв*, так и на месте фонемы *ф* других говоров. Усваивая под влиянием литературного языка звук *ф*, представители этих говоров нередко употребляют его не только на месте фонемы *ф*, но также и на месте сочетания *хв*, так как в их родных говорах они не различаются.

Вне зависимости от замены *хв* на *ф* и значительно шире известна в русских говорах замена сочетания *кв* звуком *ф* в нескольких новых заимствованных словах: *ф'ита́нцыjа* вместо „квитанция“ и, в особенности, *фа'т'е́ра* вместо „квартира“.

Следует отметить также возможность развития *ф* на месте *х* (ср. *футор* вм. *хутор*).

§ 120. Вопрос о долгих согласных в русском языке. Русскому языку вообще несвойственна категория „долгих“ согласных фонем, противопоставленных „кратким“, так как первые почти исключительно употребляются на стыке морфем и поэтому представляют собой сочетания фонем. Например, долгое *ш* в слове *ш̄ыт'* является при сочетании фонемы *с* приставки с фонемой *ш* корня. Приставка *с*, сочетаясь с глаголом *шыт'*, привносит известное добавочное значение и делает его глаголом совершенного вида совершенно так же, как в тех случаях, когда она сочетается с *л'ит'*, *п'ит'*, *в'ит'* и другими. Отношения между *шыт'* и *ш̄ыт'* таковы же, как отношения между *л'ит'* и *сл'ит'*, *б'ит'* и *зб'ит'*, *в'ит'* и *св'ит'*. Они могут быть выражены пропорцией: *шыт':ш̄ыт'=л'ит':сл'ит=б'ит':зб'ит'* и т. д. Точно так же звук *т* с долгим затвором в слове *ата́ш̄'ит'* представляет собой сочетание двух фонем *т*, одна из которых заканчивает собою приставку, а другой начинается непроизводный глагол (ср. *зата́ш̄'ит'*, и *та́ш̄'ит'*). И здесь также: *таш'ит':ата́ш̄'ит'=в'ес'т'и:атв'ес'т'и=н'ес'т'и:атн'ес'т'и*.

Встречаясь только на стыке морфем, такие звуки, как *ш̄*, *т̄*, могут быть определены как долгие только с точки зрения физиолого-акустической, т. е. при изучении звуков речи вне их отношения к значению, к смысловой стороне языка.

С точки же зрения учения о системе фонем, т. е. при изучении звуков речи как различителей значения, долгие согласные русского языка следует квалифицировать как двойные согласные, т. е. как сочетания фонем.

Долгие согласные не на стыке морфем в русском языке встречаются, главным образом, в словах иноязычного западноевропейского происхождения, следовательно, в значительной мере в литературном языке.

Ср. такие слова, как *ва́н̄ъ*, *бо́н̄ъ*, *ка́с̄ъ*, *ма́с̄ъ*, *тра́с̄ъ*, *га́м̄ъ*, *э́м̄ъ* (Эмма), *э́л̄ъ* (Элла), *э̄ла́дъ* (Эллада). В словах исконно русских долгие согласные не на стыке фонем встречаются в совершенно единичных случаях (например, *с̄у́да*, *с̄о́ра*). Но и эти случаи в прошлом или представляли стык морфем или имели между согласными исчезнувший гласный (напр., *ъ* или *ь*). Несвойственность русскому языку долгих согласных не на стыке морфем сказывается, между прочим, в том, что слова иноязычного происхождения в живой литературной речи и, конечно, в говорах — в той мере, в какой такого рода слова попадают в говоры — обычно утрачивают долготу. Например, слова *профессор, атака, оппозиция, профессия, дифференциация, металлический, коммунист* обычно произносятся без

долгой согласной (*праф'éсър, атáкъ, апаз'úцыіъ, праф'éсиіъ* и т. д.), сохраняя лишь в орфографии (и то не во всех словах) двойное написание. В литературном языке лишь лица, обладающие особым „книжным" произношением, основанным на письме, произносят в подобных словах долгий согласный звук (*проф'эср, атáка* и т. д.).

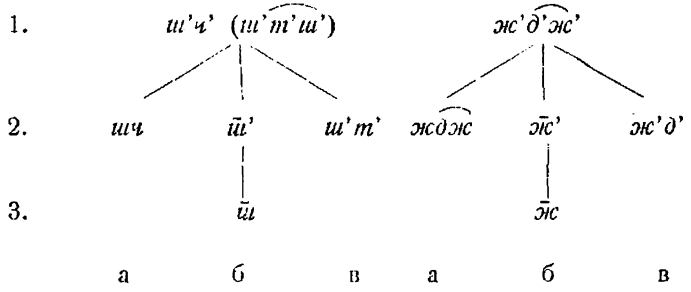
§ 121. Долгие шипящие. В одном случае для русского литературного языка и сходных с ним в этом отношении говоров вопрос о долготе согласных решается иначе. Речь идет о долгих шипящих, которые в отличие от других согласных часто встречаются и не на стыке морфем, а в пределах одной морфемы, причем в этом случае они отличаются своим качеством от долгих шипящих на стыке морфем. Поэтому долгота их является признаком отдельной фонемы: ср. долгие шипящие в корневой морфеме: *ш̄'у́ка, паш̄'áда, ш̄'у́, л'ьш̄'и́, т'о́ш̄'а, jéж̄'у, жуж̄'и́т, во́ж̄'и, дро́ж̄'и, в'иж̄'áт', др'ьб'ьж̄'áт', до́ж̄'ик.* В таких говорах на стыке морфем употребляются долгие шипящие твердые. Последние, встречаясь на стыке морфем членимы и потому представляют собой двойные согласные, т. е. сочетания фонем (например: *ш̄ы́т', ижáр'ит'*; ср.: *шыт', жáр'ит'*), в то время как долгие мягкие согласные, встречающиеся в пределах корневой морфемы, нечленимы и представляют собой особые отдельные фонемы. Однако и в этом случае долгие шипящие фонемы не противопоставлены кратким, потому что первые мягки, а вторые „краткие" тверды (ср. например: *ш̄'ит* и *ш̄ыт*), и, таким образом, они отличаются друг от друга в двух отношениях — мягкостью или твердостью и долготой или отсутствием ее.

Итак, в литературном языке и сходных с ним в этом отношении говорах имеются особые долгие мягкие шипящие фонемы (*ш̄'у́ка, jéж̄'у*). Они выделяются как отдельные фонемы, потому что шипящие как сочетания фонем всегда тверды (ср. *ишáпк'и, жен̄о́j*, т. е. *из шапки, с женой*).

Однако в соответствии с долгими мягкими шипящими (*ш̄', ж̄'*) литературного языка и части русских говоров в других русских говорах мы находим иные, весьма разнообразные звуки, являющиеся в результате разных процессов или разных стадий одного и того же процесса, которому подверглись единые исходные звукосочетания. Такими исходными звукосочетаниями являются *ш'ч'* (*ш'т'ш'*) и *ж'д'ж'* (мягкие сочетания с аффрикатой во второй части), которые и сейчас употребляются в ряде говоров. В результате ослабления, а затем и утраты взрыва по говорам появляется *ш̄', ж̄'*; долгая фрикативная шипящая имеет тенденцию к отвердению и по говорам отвердевает (звучит *ш̄, ж̄*). Таково главное направление изменения и его основные стадии, широко представленные по русским говорам. Но есть и побочные направления, менее распространенные по говорам: 1) в аффрикате исходных сочетаний — *ш'ч'* (*ш'т'ш'*), *ж'д'ж'* — ослабляется конечный фрикативный элемент, который в отдельных говорах может и вовсе утратиться; в результате возникают сочетания *ш'т', ж'д'*. Такие сочетания свойственны, например, некоторым

говорам Вологодской области; 2) исходные сочетания *ш'ч'*, *ж'д'͡ж'* отвердевают, появляются *шч*, *ждж*. Отвердение долгих шипящих при сохранении взрывного элемента свойственно, например, белорусскому языку и некоторым русским говорам, граничащим с белорусскими. Оно известно также в отдельных других русских говорах (например, олонецких, вологодских).

Указанные выше различия в произношении долгих шипящих как результаты описанных фонетических процессов могут быть представлены в следующих схемах:

Приведем примеры на произношение долгих шипящих по разным русским говорам:

1б. *ш'ч'у́ка, ишш'ч'ý, пуш'ч'а́і, л'еш'ч'а́; 2б. ш̄'у́ка, ишш̄'ý, пуш̄'а́і, л'еш̄'а́; 3б. ш̄у́ка, ишш̄ý, пуш̄а́і, л'еш̄а́; 2а. ш̄чу́ка, ишчý, пушчаі, л'ешча́; 2в. шт'у́ка ишт'ý, пушт'а́і, л'ешт'а́;*

1б. *јеж'д'͡ж'у, во́ж'д'͡ж'и, дро́ж'д'͡ж'и, до́ж'д'͡ж'ик; 2б. јéж̄'у, во́ж̄'и, дро́ж̄'и до́ж̄'ик; 3б. јéж̄у, во́жы, дро́жы, до́жык; 2а. јéжджу, во́жджы, дро́жджы, до́жджык; 2в. јéжд'у, во́жд'и, дро́жд'и, до́жд'ик.*

Кроме указанных основных разновидностей произношения долгих шипящих, в говорах с шепелявым произношением шипящих или их заменой свистящими встречается произношение *с'ц'*, *с̄'* вместо глухой и *з̄'* вместо звонкой: *с'ц'у́ка, ис'ц'ý; с̄'у́ка, ис̄'ý; во́з̄'и, дро́з̄'и.*

Таковы основные различия в произношении долгих шипящих по русским говорам.

В чисто теоретическом плане изменения долгих шипящих — глухой и звонкой — протекают, как это видно уже из приведенных схем, совершенно параллельно. Однако практически (если иметь в виду конкретную реализацию долгих шипящих по отдельным говорам) полного параллелизма здесь нет: дело в том, что взрыв при звонких согласных вообще слабее, чем при глухих (например, слова *папа* и *баба* отличаются не только глухостью или звонкостью согласных, но также и более сильным взрывом глухих и более слабым взрывом звонких). В связи с этим ослабление и утрата взрыва легче и раньше начинается у звонких долгих шипящих, чем у глухих. Поэтому звонкие долгие шипящие могут

„обгонять“ в своем изменении глухие: нередко в том или ином говоре глухая звучит, как *ш'ч'*, а звонкая уже как *ж'* (*ш'ч'ука*, но *jéж'у*); или глухая звучит, как *ш'*, а звонкая — с отвердением как *ж* (*ш'ука*, но *jéжу*); такое произношение, между прочим, широко проникло в современный литературный язык, хотя и не может считаться орфоэпическим.

Различная реализация по говорам долгих шипящих находится в разных отношениях к двойным шипящим, т. е. к сочетаниям фонем на стыке морфем. В одних говорах те и другие не совпадают в своем качестве; в них, следовательно, безусловно, имеются особые долгие шипящие фонемы. В других говорах они совпадают; поэтому в них — категория долгих шипящих фонем может не быть достаточно резко выражена.

Итак, если на стыке морфем (как в литературном языке) долгие шипящие звучат твердо (*шыл*, *ижáр'ил*), а не на стыке мягко (*ш'ýка*, *вóж'и*), то в говоре имеются особые долгие мягкие шипящие фонемы. Если в говоре произносится *ж'д'ж'* или *ждж* (*jеж'д'ж'у*, *вож'д'ж'и*, *дрóж'д'ж'и* или *jéждж у*, *вóждж ы*, *дрóждж ы*), то *жд'ж'* и *ждж* надо также признать особой отдельной фонемой: ее нельзя принять за сочетание фонем, так как вторая ее часть (*д'ж'*, *дж*) отсутствует в русском языке как отдельная фонема. Напротив, если в говоре не на стыке морфем произносятся долгие твердые шипящие (*шýка*, *jéжу*), не отличающиеся от соответствующего сочетания фонем на стыке морфем (*шыл*, *ижáр'ил*), то имеется много оснований для вывода о том, что в таком говоре отсутствуют долгие шипящие как отдельные фонемы. То же можно сказать о говоре, в котором не на стыке морфем произносится *ш'ч'* (*ш'ч'ýка*) и в котором имеется мягкая фонема *ч'*, причем на стыке морфем при сочетаниях фонем *с* + *ч'* или *з* + *ч'* также звучит *ш'ч'* (*ш'ч'úс'т'ит'*, *иш'-ч'ác'т'и*): в таком говоре всякое *ш'ч'* можно квалифицировать как сочетание фонем. Сказанное полностью может быть отнесено к говору с *шч* не на стыке морфем и с фонемой *ч* твердой (*чы́сто*, *молчы́*): в таком говоре *шч* не на стыке морфем и сочетания фонем *с* + *ч* или *з* + *ч* на стыке морфем также произносятся одинаково: *шчýка*, *ишчы́*; *шчы́шчу*, *иш-чáiн'ика* и, следовательно, отсутствует долгая шипящая как отдельная фонема.

Итак, состав согласных фонем русских говоров может быть неодинаков в зависимости от того, имеет ли тот или иной говор долгие шипящие согласные фонемы (две или одну) или они отсутствуют.

Следует иметь в виду, что вопрос о наличии или отсутствии долгих шипящих как особых фонем очень затруднен тем, что в пределах одного и того же говора их произношение часто очень неустойчиво: например, может быть очень различной степень мягкости: их произносят мягко и полумягко или полумягко и твердо, а также без взрывного элемента (например: *ш'*) и с взрывным элементом (например: *ш'ч'*). Поэтому практически удобнее всего рас-

сматривать долгие шипящие согласные не на стыке морфем как особую категорию фонем по отношению ко всем говорам.

§ 122. В произношении долгих шипящих, как и многих других фонетических черт, обращает на себя внимание судьба отдельных слов. Например, слово «щи», как и любое другое слово с долгой шипящей глухой, может произноситься как *ш'ч'и, ш̄'и, ш̄ы, шт'и, шчы, с'ц'и* и т. д. Однако во многих говорах это слово произносится с сочеганием *шт' (шт'и, шт'ец)*, хотя во всех других случаях произносится что-нибудь другое (*ш, ш'ч'* и т. д.). Следует отметить также слово «еще»: здесь также долгая глухая шипящая может произноситься самым разнообразным образом; но в некоторых говорах наблюдается своеобразное исключение: произношение в этом слове *шт: jешто́* (видимо, под влиянием *што*). Весьма своеобразно и слово «что»: наряду с обычным *што* это слово произносится как *ш'то, ш'ч'о, шчо, ш̄'о, ш̄о, чо, цо* и т. д. (см. карту П. Я. Черных на стр. 302). Различные произношения этого слова имеют разные фонетические и морфологические объяснения.

В слове *визжать* вместо долгой шипящей звонкой в отдельных говорах произносится глухая: *виж̄'а́т', вижа́т'* и рядом по говорам: *в'иш̄'а́т', в'иш̄а́т'*.

§ 123. Как видно из предыдущего, в русском письме отсутствуют единые знаки для долгих шипящих фонем. Долгая шипящая глухая обозначается буквой *щ (щука)*, а также произносится на месте сочетаний *сч, зч* не на стыке ясно членимых приставок и корней *(счастье, разносчик, извозчик)*. Долгая шипящая звонкая обозначается сочетанием *жж (вожжи, дрожжи)*, сочетанием *зж* не на стыке приставки и корня *(езжу, визжать)*, а в слове «дождь» и производных от него—сочетанием *жд (дождик, дождей* и т. д.). Последний корень в литературном произношении звучит с *ж̄' (до́ж̄'ик)*, по говорам с *ж̄* (ср. ю-в-р: *даж̄о́к, дъжачо́к), ж'д'ж' (дож'д'ж'а́)* и т. д. Правописание этого корня с *жд* объясняется как написание книжного, церковнославянского происхождения. Лица с книжным произношением под влиянием правописания обычно произносят *до́жд'ик, дажд'а́* и т. д.

§ 124. Различия в составе согласных фонем по говорам. Из предыдущего явствует, что различия в составе согласных фонем по говорам могут иметь место в следующих пределах: одни говоры различают *ц* и *ч*, другие не различают, имеют вместо них одну фонему, т. е. характеризуются цоканьем или чоканьем (отметим неразличение *ц* и *ч* буквой ***а***); одни говоры имеют фонемы *ф* и *ф'*, в других они отсутствуют: вместо них употребляют *хв, хф, х* (отметим отсутствие *ф* и *ф'* буквой ***б***); одни говоры имеют особые долгие шипящие фонемы, другие их не имеют (отметим отсутствие долгих шипящих фонем буквой ***с***).

Говоры, различающие *ц* и *ч*, имеющие фонемы *ф* и *ф'* и долгие шипящие, обладают 34 согласными фонемами — максимальным количеством согласных фонем, известным в русских говорах. Таков состав согласных фонем литературного языка и ряда говоров. Говоры цокающие (***а***), имеющие *ф* и *ф'* и долгие шипящие, имеют в своем составе 33 согласных фонемы: 34 — ***а*** = 33. Таковы многие с-в-р говоры. Говоры, различающие *ц* и *ч* и имеющие долгие шипящие фонемы, но не знающие фонем *ф* и *ф'* (***б***), имеют в своем составе 32 согласных фонемы: 34 — ***б*** = 32. Такова часть ю-в-р говоров. Столько же фонем имеют говоры, различающие *ц* и *ч*, имеющие фонемы *ф* и *ф'*, но не знающие долгих шипящих как особых фонем (***с***): 34 — ***с*** = 32. Говоры, цокающие (***а***) и не знающие долгих шипящих

как особых фонем (*c*), но знающие фонемы *ф* и *ф'*, имеют в своем составе 31 фонему: 34 — *a* — *c* = 31. Таковы многие с-в-р говоры. 30 согласных фонем имеют говоры, различающие *ц* и *ч*, но не имеющие в своем составе *ф* и *ф'* и долгих шипящих как особых фонем: 34 — *b* — *c* = 30. Таковы многие ю-в-р говоры. Наконец, говоры цокающие (*a*), не знающие фонем *ф* и *ф'* (*b*) и долгих шипящих как особых фонем (*c*), имеют 29 согласных фонем: 34 — *a* — *b* — *c* = 29. Таковы, например, некоторые говоры на север и северо-запад от г. Рязани.

Таким образом количество согласных фонем по русским говорам колеблется от 34 до 29.

Качество отдельных согласных фонем.

§ 125. Качество *ц* и *ч*. Говоры, различающие *ц* и *ч*, обычно имеют твердое зубное *ц* — со взрывом, производящимся передней частью языка у верхних зубов, и мягкое небно-зубное *ч* — со взрывом, производящимся кончиком языка у зубной части неба. Такое произношение свойственно литературному языку и значительной части всех нецокающих говоров. Лишь в небольшой части говоров, граничащих с белорусским языком, фонема произносится твердо: *молчы́, чы́сто, ко́нчыл, ча́сто, учы́т', учу́*. Кроме того, твердое *ч* известно и в отдельных с-в-р говорах и вообще в говорах *ч* в прошлом цокающих, но усваивающих в настоящее время различение *ц* и *ч* под влиянием литературного языка.

Некоторым нецокающим говорам, главным образом ю-в-р, свойственно ослабление взрыва аффрикаты *ч*, т. е. произношение *ᶜ'ш'*, и далее полная утрата взрыва, т. е. произношение *ш'* вместо *ч'*: *ᶜ'ш'удно́, ᶜ'ша́ста, н'иᶜ'ш'аго́, ᶜ'ш'и́ста, ᶜ'ш'итыр'о́х* или *ш'удно́, ш'а́ста, н'иш'аго́, ш'и́стаj, ш'итыр'о́х*.

В некоторых говорах ослабление взрыва и возможная утрата его испытывается аффрикатой *ц*: *ц*→*ᵗc*→*c*. Например, произносится: *у́л'иса, ку́р'иса, дъ-канса́, jajcó, сар', с'е́рса, ате́с, к-в'ансу́*. Такое произношение известно в части ю-в-р говоров, между прочим, в некоторых говорах Тульской, Орловской и Курской областей.

Качество фонемы *ц* при цоканье может быть весьма различно: в значительной части нашего Севера, например в Карело-Финской ССР, в Архангельской, Вологодской, Кировской областях, в Коми АССР, произносится мягкое *ц* (*ц'*) или *ц* мягкое шепелявое (*ц''*). Такое цоканье может быть названо мягким цоканьем.

При мягком *ц* кончик языка опущен и взрыв происходит между довольно значительной поверхностью передней части языка и верхними зубами: *ц'а́сто, ц'у́до, пла́ц'от, помолц'и́, ку́р'иц'а, ц'ejбк*. Неопытный наблюдатель, ранее незнакомый с этой фонемой, нередко отожествляет мягкое *ц* с мягким *т* литературного языка. Эти звуки, действительно, близки по образованию: они тожественны по месту образования и отличаются, видимо, лишь фрикативным элементом, достаточно выраженным у мягкого *ц* и могущим отсутствовать у

мягкого *т*. Близость этого диалектного звука с мягким *т* литературного языка особенно велика, потому что мягкое *т* в этом последнем нередко произносится со слабым фрикативным элементом (*т'$^{с'}$о́т'$^{с'}$а, т'$^{с'}$и́хъ*).

При мягком шепелявом *ц* (*ц''*) кончик языка приподнят и смыкается с альвеолами, и взрыв происходит, таким образом, между кончиком языка и альвеолами. Шепелявое мягкое *ц* акустически производит впечатление звука среднего между *ц* и *ч*. Многие наблюдатели поэтому обозначают его знаком *ц^{ч}* или *ч^{ц}*: *ц''а́сто, запла́ц''у, ц''угу́н, пла́ц''от, ц''и́сто; кун'и́ц''а, куп'е́ц''*.

Фонема *ц* при цоканье может быть и твердой (твердое цоканье). Твердое *ц* известно, например, в цокающей части новгородских говоров, в цокающих ср-в-р и мещерских говорах Рязанской области: *ца́сто, ци́сто, помолцы́, до́цка; ку́р'ица, куп'е́ц, купцы́*. В тех же говорах отмечается иногда полумягкое *ц* (*ц̓*): *ц̓а́сто, ц̓и́сто, помолц̓ы́, до́ц̓ка; ку́р'иц̓а, купе́ц̓, куп'ц̓ы́*.

При неразличении *ц* и *ч* та фонема, в которой совпадают *ц* и *ч*, может звучать не только как *ц*, но и (правда, значительно реже), как *ч* (чоканье). Чоканье известно, например, в части говоров б. Вятской губернии. Примеры чоканья: *ча́сто, чи́сто, до́чка; ку́р'ича, офча́, куп'е́ч, купча́, чена́*. Звук *ч* при чоканье может быть как мягким, так и твердым.

§ 126. Следует иметь в виду, что цоканье, являясь весьма резкой диалектной особенностью, не свойственной литературному языку, по говорам уже давно под влиянием последнего начало утрачиваться. Процесс утраты цоканья особенно усилился в наше время благодаря воздействию школы, печати, радио, а также благодаря непосредственному воздействию языка города. Следует иметь в виду, что если в свое время при образовании цоканья переход от различения *ц* и *ч* к употреблению одного звука на их месте, вероятно, не представлял особых затруднений для говорящих (это, между прочим, явилось одним из благоприятствующих условий для образования и распространения цоканья), то, напротив, переход от цоканья к различению *ц* и *ч* представляет для говорящих весьма трудный, болезненно протекающий процесс. Трудность этого процесса объясняется тем, что говорящие на цокающем диалекте не находят в своем родном говоре указаний на то, в каких случаях и категориях следует употреблять *ц* и в каких *ч*. Благодаря этому при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* может иметь место стадия беспорядочной мены *ц* и *ч*, т. е. употребление *ц* вместо *ч* и, наоборот, *ч* вместо *ц*, например: *ца́сто, п'атацо́к, молца́т'*, но *офча́, ку́р'ича, продавчу́*. Конечно, рядом с таким неправильным употреблением *ч* и *ц* говорящий иной раз употребит *ч* и *ц* правильно, в соответствии с тем, как они употребляются в говорах, различающих эти фонемы.

Но надо иметь в виду, что неопытный наблюдатель обычно отмечает в своих записях лишь те факты, которые обращают на себя внимание своим несоответствием языку наблюдателя, т. е. обычно несоответствием литературному языку. Поэтому случаи правильного употребления *ц* и *ч* он обычно

не записывает, а записывает лишь случаи употребления *ц* вместо *ч* и *ч* вместо *ц*. Если не учесть этой особенности многих записей, произведенных наблюдателями, не имеющими достаточной лингвистической подготовки, то на основе непосредственного анализа их записей можно сделать совершенно неправильный вывод о том, что в том или ином говоре фонемы *ч* и *ц* различаются, но употребляются как раз наоборот, вопреки этимологии, вопреки их употреблению в литературном языке и других говорах, различающих этимологическое *ц* и *ч*. Записи с *ц* вместо *ч* и с *ч* вместо *ц* свидетельствуют лишь о беспорядочной мене звуков *ц* и *ч*, один из которых только недавно усвоен говором под влиянием литературного языка и сходных с ним по этой черте говоров. Пройдет еще некоторое время и *ц* и *ч* в таком говоре „станут на свои места", т. е. будут употребляться в соответствии с говорами, различающими *ц* и *ч*.

При переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* возможна не только беспорядочная мена *ц* и *ч*, но и своеобразное различение аффрикат. Так, например, при твердом цоканье может появиться звук *ц'*, который употребляется вместо *ч*, например: *до-конца́*, но *конц'а́т'*. В таком говоре, следовательно, раньше усваивается мягкость, а не „шипящая" дорсальная артикуляция. При твердом же цоканье может появиться звук *ч* твердый, который употребляется на месте *ч*: *канцы́*, но *ко́нчыл*. В этом случае, напротив, раньше усваивается артикуляция шипящей согласной, но сохраняется твердость, присущая своему исконному звуку *ц*. Можно быть уверенным, что следующей стадией развития аффрикат будет замена мягкой свистящей аффрикаты *ц* или твердой шипящей *ч* — мягкой шипящей аффрикатой *ч*.

При мягком цоканье сравнительно легко может появиться мягкое *ч'*, которое может правильно употребляться на месте *ч*, но свое исконное мягкое *ц'* нередко держится довольно стойко, произносят: *ч'а́сто, ч'йсто, молч'и́*, но *у́л'иц'а, до-кон'ц'а́, с'ёр'ц'о, сóн'ц'о, продавц'а́*. В дальнейшем мягкое *ц* заменяется твердым.

Следует иметь в виду, что при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* отсутствующий звук (обычно *ч*) усваивается раньше всего вместе со словами городскими, такими, как *рабочий, кочегар, ткач, читатель, чувствовать* и т. д. В употреблении аффрикат, как и во многих других явлениях, следует обращать внимание на элементы двуязычия, так как носители диалекта обычно хотя бы частично владеют и общелитературным языком: с городскими людьми они нередко говорят, употребляя наряду с *ц* и звук *ч*, в то время как в разговоре между односельчанами цоканье выдерживают более последовательно. Нередко, начиная разговор с городскими людьми, местный житель различает *ц* и *ч*, но затем, особенно в эмоциональной речи, увлекаясь, он переходит на родное ему цоканье.

§ 127. В говорах с мягким цоканьем мягкое *ц* или *ц* шепелявое произносится также на месте сочетаний *т* + *с* и *д* + *с* перед согласной на стыке корня и суффикса: *по-бра́ц'к'и, в'а́ц'кой, вологоц'коj; гороц'кój* или: *по-бра́ц"к'и; в'а́ц"коj; вологоц"коj, гороц"кдj* (по-братски, вятский, вологодский, городской). В этих же говорах мягкое *ц* или *ц* шепелявое, но с долгим затвором произносится перед гласной в возвратных глаголах на стыке форм

на *т* или *т'* и возвратной частицы *-ся*, а также в числительных от 11 до 20 и 30: *оставáщ'а, уц'úщ'а, см'ијáщ'а; úц'ищ'а, см'ијщ'а; соб'ирájущ'а; дв'онáщ'ет'; п'етнáщ'ет', двáщ'ет', тр'úщ'ет'*. Такое *щ'* может сохраняться и в говорах, где цоканья уже нет.

В чокающих говорах во всех приведенных категориях случаев возможно *ч* с долгим затвором перед гласной: *в'áч'кой, вологóч'кој; оставá'ч̄а, с'м'ијó'ч̄а, дв'онá'ч̄ет', двá'ч̄ет'*.

В говорах, различающих *ц* и *ч*, в этих категориях случаев произносится соответственно *ц* или *ц* с долгим затвором. Ср. в литературном языке: *в'áцкъј, вълагóцкъј; оставáц̄а, см'ијóц̄ъ; д'вьнáц̄ът', двáц̄ът'*.

§ 128. В говорах, утративших цоканье, могут остаться отдельные реликты, указывающие на то, что в прошлом цоканье им было свойственно. Например, имеются говоры (новгородские), различающие *ц* и *ч*, но употребляющие причастные формы; *ушóтцы, пришóтцы* вместо *ушóтчи, пришóтчи;* ср. др.-р.: *ушьдъши;* в дальнейшем: *ушедши → ушотши → ушотчи (ушóч̄и)*. Многим из таких говоров когда-то было свойственно цоканье, и тогда формы *пришотцы, ушотцы* не противоречили всей языковой системе. В дальнейшем цоканье было изжито, но в этих формах сохранился звук *ц*. Сохранение *ц* в указанных случаях объясняется, вероятно, тем, что они находились в составе диалектных форм, отсутствовавших в литературном языке. Поэтому влияние последнего не могло их затронуть. В других говорах, не имеющих и не имевших ранее цоканья, подобные формы с *ц* могли быть усвоены из цокающих или ранее цокавших говоров.

Или имеются говоры, различающие *ц* и *ч* и при этом употребляющие формы *пшон'áсној, молóсној* (пшеничный, молочный), *ясная каша* и др. Как известно, в древности в этих случаях было сочетание *чьн (пъшеничьныи, молочьныи)*.

Звук *с* из *ч* вообще получиться не может, но он легко мог получиться из *ц*: аффриката *ч*, оказавшаяся после падения глухих перед *н*, имела тенденцию к утрате затвора, а затем отвердению перед согласной: *ч'ьн→ч'н→ш'н→шн*. Этот процесс легко понять, если иметь в виду, что аффриката *ч* состоит из элементов *т'* и *ш'* (*т̂ш'*). Отсюда старые литературные формы: *пшен'áшнъј, малóшнъј*. Так же и во многих диалектах. В цокающих говорах до изменения сочетания *чн* в *шн* звук *ч* в этих случаях, как и во всех других, заменился звуком *ц*; получилось сочетание *цн*, которое после утраты взрыва и отвердения дало *сн: ц'ьн→ц'н→с'н* (или *цн*) → *сн*. Так образовались формы *пшон'áсној, молóсној, јáсној*, которые употребляются как в цокающих говорах, так и в говорах, различающих *ц* и *ч*. Если эти формы в нецокающих говорах не заимствованы из цокающих говоров, то они могут служить указанием на то, что цоканье в прошлом было свойственно данному говору.

§ 129. Реликты цоканья, нередко сохраняясь в топонимике — в названиях населенных пунктов, рек, урочищ и т. д., — также служат указанием на наличие в прошлом цоканья. Так, например, на значительной территории русских говоров распространены названия населенных пунктов на *-ичи (Городковичи, Дубровичи, Бобровичи, Сухиничи, Батеничи* и др.). Такие названия в отдельных случаях могли быть и на территории цокающих говоров. При цоканье они звучат с *ц* — *(-ици)* и далее при твердом цоканье с твердым *ц -ицы (Дубровицы* и т. д.). Названия на *-ицы* осознаются при отсутствии цоканья как множественное число от образований с суффиксом *-ица*, но по сути дела иногда являются лишь реликтами цоканья и исторически имеют совсем другой суффикс *(-ич-)*.

§ 130. Так как говорам, не знающим цоканья, свойственно как *ц*, так и *ч*, то при заимствовании ими какого-нибудь слова из цокающего говора *ц* может сохраняться. Так, например, предполагают, что литературное *цапля* представляет собою *ц* на месте этимологического *ч*, т. е. звучит в цокающем оформлении (как какое-нибудь с-в-р *цасто, цисто*). Об этом свидетельствуют ю-в-р говоры, различающие *ц* и *ч* и знающие это слово со звуком *ч*, а не *ц: ч'áпл'а*.

Иначе, видимо, объясняются слова *цепь* и *чепь*, известные в нецокающих говорах как с *ц*, так и с *ч*. Звуки *ц* и *ч* употреблены в них в обоих случаях этимологически правильно [1]. Об этом свидетельствует, между прочим, наличие слова *чепь* со звуком *ч* в ю-в-р говорах: при различении *ч* и *ц* старый этимологический звук должен сохраниться.

Особую судьбу имеет по говорам звук *ц* в слове *цвет* и производных. В литературном языке и многих говорах, имеющих вообще твердое *ц*, в этом слове может произноситься мягкое *ц* (*ц'*) в результате уподобления следующему мягкому *в* (*в'*): *ц'в'ет, зац'в'ól*. С этим связаны и дальнейшие изменения в произношении аффрикаты в этом слове по говорам — ослабление и утрата в ней взрывного или фрикативного элементов: *ц'в'* → $^{т'}$ *с'в'* → *с'в* или *ц'в'* → *т'$^{с'}$в'* → *т'в'*. Ср. обычные в ю-в-р говорах, *как т'в'ét т'в'ит'óт'; т'в'ат'ýт'* или *с'в'ет зъс'в'ит'óт', с'в'аты́, с'в'ятóч'ик*.

§ 131. Качество *ш* и *ж*. Шипящие *ш* и *ж* тверды почти во всех говорах русского языка: *шыл, шырóкоj, шаг, шýба, шол; жыл, жыр, живój, жар, жук, жóлтоj*. Лишь в единичных говорах кое-где (например, в Кировской и Ивановской областях) имеются мягкие *ш* и *ж*. При этом в одних говорах шипящие вообще тверды, но в определенных условиях они смягчаются (см. ниже § 166). В других говорах шипящие *ш, ж* постоянно мягки: *ж'ар, ж'ук, нош', нож'á, нож'ý, нóж'ик, на-нож'é, ж'ил, ж'ар; ш'аг, ш'ум, ш'олк, пиш'ý, п'иш'и́, ш'ил, в-ш'алаш'é, ш'ест*.

Отдельным говорам свойственны шепелявые *ш, ж* (*ш''*, *ж''*), т. е. звуки как бы средние между *ш'*, *ж'*, и *с'*, *з'*, и даже замена шипящих *ш, ж* свистящими *с, з*: *ж''ená, ж''árко, ж''ил, нóж''ик, нож''á; ш''ум, ш''аг, ш''олк, пиш''ý, п'иш''и́, ш''ил, ш''ест* или же *зенá* или *з'енá, кóза* или *кóз'а, нóзык* или *нóз'ик; сýба* или *с'ýба, писý* или *пис'ý, сест* или *с'ест*.

Замена шипящих (*ш, ж*) свистящими (*с, з*) наблюдается при смешении диалектов русского языка с другими языками. Она встречается в русских говорах Сибири, а также кое-где в Европейской части СССР. Однако мы не обладаем достаточными и доброкачественными источниками, чтобы судить о степени распространенности данного явления, о том, последовательно ли оно проведено или захватывает лишь определенные случаи, а также о качестве свистящих, заменивших собою шипящие, и о том, происходит ли действительное и полное совпадение шипящих и свистящих или же имеет место лишь сближение этих звуков и совпадение их лишь в определенных условиях или случаях.

§ 132. Качество *с', з'*. Мягкие свистящие фонемы *с, з* (*с'ýла, с'ém', с'éно, с'óла, гýс'у, с'áду, з'има́, з'емл'á, з'óрна, кн'áз'у, з'áбну*) в отдельных говорах произносятся шепеляво, т. е. как очень мягкие звуки, акустически производящие впечатление звуков как бы средних между мягкими свистящими (*с', з'*) и мягкими шипящими (*ш', ж'*). В русской диалектологической литературе подобные звуки нередко обозначаются знаками *с'$^{ш'}$, з'$^{ж'}$* (в настоящей книге для них принято обозначение *с'', з''*). Приведем примеры: *с''ýла, с''ém, с''éно, с''óла, гус''у, с''áду, з''има, з''емл'á, з''óрна, кн'áз''у, з''áбну*.

[1] Как известно, звук *ц* мог получиться из *к* перед *ě* из дифтонга *oi*, а звук *ч* из того же *к* перед *е* (ср. др.-р. *цѣпь* и *чепь*).

В таких говорах шепелявые *с, з* обычно произносятся и перед теми мягкими согласными, перед которыми *с, з* вообще смягчаются. Например, произносят: *с''в'ém, с''в'ин'já, н'е с''м'éj, пус''т'и́, з''м'ejá, з''в'ер', гвóз''д'и.*

Говоры с шепелявыми *с'', з''* сохранились кое-где в Псковском крае (в прошлом они были там значительно более широко распространены). Подобные говоры известны и во многих других местах: в северных районах Рязанской области, в Поветлужье и Вятском крае, в Сибири и других местах. Весьма возможно, что шепелявые свистящие представляют собой реликт иноязычной подосновы русского языка на этих территориях.

§ 133. Качество *т', д'*. Мягкие согласные фонемы *т', д'* во многих русских говорах произносятся с более или менее заметным фрикативным свистящим элементом: *т'$^{с'}$, д'$^{з'}$*. Такое произношение *т', д'* с слабым фрикативным элементом свойственно и литературному языку, причем фрикативный элемент более заметен в устах младшего поколения. Поэтому произношение *т'$^{с'}$и́хъ, ат'$^{с'}$éц, т'$^{с'}$óткъ, ид'$^{з'}$й, д'$^{з'}$ён', д'$^{з'}$áд'$^{з'}$ъ*, при условии если фрикативный элемент будет достаточно слабым, собственно, не является диалектным. По говорам фрикативный элемент может быть и более сильным, впрочем, редко доходя до той степени, которая наблюдается при белорусском „цеканье" и „дзеканье", т. е. произношении вместо мягких *т', д'* мягких аффрикат *ц'* и *д͡з'* (ср. в белорусском: *ц'и́ха, ац'éц, ц'óтка, ид͡з'и, д͡з'ен', д͡з'áд͡з'а*). Элементы цеканья и дзеканья отмечены в некоторых говорах Псковских, Калининских, в части так называемых мещерских говоров Московской и Рязанской областей и в других местах.

Кое-где (например, в северных районах Рязанской области, а также некоторых из Псковских говоров) отмечены такие говоры, в которых мягкие *т', д'* произносятся с фрикативным шипящим элементом: *т'$^{ш'}$и́ха, ат'$^{ш'}$éц, т'$^{ш'}$óтка, ид'$^{ж'}$й, д'$^{ж'}$ен', д'$^{ж'}$áд'$^{ж'}$а*.

Произношение мягких *т', д'* без фрикативного элемента свойственно многим с-в-р говорам. Возможно, что это связано вообще с меньшей степенью палатализации согласных, свойственной значительной части этих говоров.

§ 134. Качество *в*. Значительной части русских говоров свойственно губно-зубное *в*. Однако в некоторых говорах (главным образом ю-в-р) эта фонема имеет губно-губное образование (*ẇ*): нижняя губа артикулирует по отношению к верхней. Губно-губное *в* (*ẇ*) произносится главным образом перед гласными непереднего ряда: *карóẇа, св'акрóẇа, ẇóс'им, трaẇá, ълaẇá, ẇы́рыл*. Перед гласными переднего ряда в тех же говорах чаще произносится губно-зубное *в*, хотя возможно и губно-губное *ẇ*: *в'и́д'ит'; в'ерх*, но и *ẇ'ерх*.

§ 135. Качество фонемы *г*. В с-в-р наречии фонема *г* имеет взрывное образование, так же как и в литературном языке. В значительной части тех говоров, которые принято относить к

ср-в-р также произносится взрывное *г*. Напротив, ю-в-р наречию свойственно фрикативное образование этой фонемы (γ). Ср. с-в-р и литературное: *гос'т'*, *гус'*, *дугá*, *гром*, *глýпоj* при ю-в-р: *γос'т'*, *γус'*, *дуγá*, *γром*, *γлупój*.

В части русских говоров Карело-Финской ССР между гласными в результате ослабления взрыва вместо *г* произносится фрикативный звук γ: *ноγá*, *дуγá*, *нá-γолову*.

В литературном языке фрикативное *г* (γ) в соответствии со старыми нормами произносилось в ряде слов церковно-книжного происхождения: *бог*, *господь*, *благо*, и производных от них: *з-бóγъм*, *γóспъд'и*, *блъγъдар'ý* и т. д. Однако, за последнее время такое произношение почти исчезло, сохранившись отчасти лишь в языке старшего поколения. Те же слова могут произноситься с фрикативным γ нередко и в с-в-р говорах. Впрочем, такое произношение за последнее время сильно убывает. Такое произношение звука *г* в литературном языке и с-в-р говорах объясняется влиянием языка церкви, в котором фрикативное γ было усвоено, в свою очередь, благодаря южнорусскому, позднéе украинскому влиянию. В с-в-р говорах γ произносится нередко также в слове иноязычного происхождения *боγáтыр'* (богатырь).

Особого замечания требуют отдельные слова. Таковы слова: *корогóд — короγóд — хоровóд* и *погóст — поγóст — повóст*. В значительной части с-в-р говоров эти слова известны с звуком *в* между гласными, в ю-в-р говорах — с γ. Это позволяет предположить, что данные слова в с-в-р говорах являются заимствованными из ю-в-р: звук γ между гласными ослаблялся и затем утрачивался, после чего между гласными развивался вторичный *в*: *оγо → оо → ово*. Такое предположение тем более вероятно, что второе, ударенное, *о* имело восходящую интонацию и по общему правилу должно было измениться в *о̂* (*у͡о*), которое не после согласных выделяло перед собой особую губную фрикативную артикуляцию (ср.: *вóтчим* при *от'éц*).

Так же как в словах *хоровод*, *повост*, объясняется, видимо, звук *г*, γ или *в* в окончании *-ого* (*-его*).

Диалектные различия в этом окончании прежде всего касаются согласной фонемы *г* — в одних говорах, γ — в других, *в* — в третьих. Кроме того, имеются говоры, в которых это окончание произносится без согласной между гласными.

Во многих говорах Северной и Олонецкой групп при общем взрывном характере *г* в этой форме также звучит *г*: *худóго*, *злóго*, *дóброго*, *с'úн'ого*. В говорах тех же групп представлено и γ в этой форме: *худóγо*, *злóγо*, *дóброγо*, *с'ún'оγо*. Следует иметь в виду, что в части говоров Олонецкой группы (например, в Карело-Финской ССР), как было указано выше, между гласными вообще вместо *г* известно γ: по отношению к таким говорам качество фонемы *г* вообще соответствует тому звуку, который произносится в данном окончании. Наконец, в говорах названных групп отмечено и произношение этой формы без согласной между гласными: *злóо*, *дóброо*, *стáроо*. Звуки *г* и γ в этом окончании отмечены в отдельных говорах Западной (Новгородской) группы.

В с-в-р говорах Восточной и Владимирско-Поволжской группы, а также в ср-в-р говорах и в литературном языке в этом окончании употребляется фонема *в*: *злово, доброво, син'ово* (с *о* или *а* на конце).

В наиболее архаических ю-в-р говорах в соответствии с фрикативным образованием *г* (γ) и в этой форме произносится γ: *злóγа, худóγа, добръγа, с'ин'ьγа*. Форму с γ надо считать, видимо, общей для всех ю-в-р говоров в прошлом. Однако позднее, по ю-в-р говорам под влиянием литературного языка широко распространилось произношение в этом окончании *в: сл'апóва, стáръва, с'ин'ьва*.

Естественно, что фонема *в* в этой форме под влиянием литературного языка сейчас широко проникает и в с-в-р говоры, имевшие ранее (и частично еще сохраняющие) в ней фонему *г* или γ.

Любопытно отметить, что не всегда имеется точное соответствие в произношении форм на *-ого* (*-его*) прилагательных и местоимений. Так, например, известны ю-в-р говоры, имеющие фонему *в* у прилагательных и сохраняющие фонему γ у местоимений (*jaγó*, но *з'ьл'анóва*). Подобные несоответствия отмечены и в с-в-р говорах.

В отдельных словах (главным образом эмоционального значения) по говорам возможно отклонение в произношении *г* от общей нормы. Например, на северо-западе при взрывном вообще *г* произносится и *γáмкат'*, *γýкат'*; в ряде говоров при взрывном *г* произносится γ (или даже фарингальное h) в междометии аγá (*ahá*). Напротив, при вообще фрикативном *г* (γ) или даже h нередко в этом междометии произносится взрывное *г*: *агá*.

§ 136. Качество фонемы *л*. Русскому языку во всех его говорах свойственны две фонемы *л* — твердая и мягкая. Ср.: *лáвка* и *л'áмка, на-колý* и *кол'ý, в-м'елý* и *м'ел'ý, вóлны* и *вóл'ны* и т. д. Однако качество твердой фонемы *л* перед гласной неодинаково по говорам. В значительной части русских говоров и в литературном языке — это звук очень твердый, велярный: в его образовании принимает участие задняя часть спинки языка, которая поднимается по направлению к мягкому небу (такой звук в транскрипции латинским алфавитом обычно обозначается буквой *l* с перечеркиванием: *ł*). Ср. в литературном языке: *пр'ишлá, далá, ход'ила, пришлó, калóт', балóть; палýч'ит, к-сталý, сталы́*[1].

Однако на севере Европейской части СССР, в особенности в части говоров Вологодской, Кировской и других областей, а также по русским говорам Сибири распространено произношение так называемого „среднего", „европейского" *л* (обозначаем его через *l*) вместо *л* перед гласными. Это звук того типа, который свойственен западноевропейским языкам, например немецкому и французскому, почему и называют его „европейским". Другое название этого звука („среднее") объясняется его акустическим впечатлением: это звук как бы средний между нашим обычным твердым *л* и мягким *л'* — более мягкий, чем *л*, и более твердый, чем *л'*. Физиологически „сред-

[1] В связи с описанным качеством *l* находится возможное изменение его по говорам в *ў* перед согласной и в конце слова (см. об этом ниже §§ 76—180).

нее" *l* отличается от твердого главным образом произношением при плоской спинке языка, отсутствием поднятия ее задней части к мягкому небу, характерного для твердого *л*. Отличие „среднего" *l* от мягкого *л'* лежит в другом: мягкое *л*, как и другие мягкие согласные, образуется при дополнительной „йотовой" артикуляции (т. е. при поднятии средней части спинки языка к соответствующей части неба), которая отсутствует или бывает лишь слегка намечена при образовании „среднего" *l*. Приведем примеры: *пр'ишлá, далá, ход'úла, шы́ла; пришлóс', колóм', молот'úт', бэлóто; полýц'ит, лук, пожáлуйт'о к столý; столы́, лы́ко.*

Среднее *l* особенно упорно сохраняется в языке женской части населения, в некоторых местах исключительно характеризуя язык женщин.

Кроме указанной выше территории на севере, „среднее" *l* или близкое к нему образование встречается в единичных ю-в-р говорах.

§ 137. Образование звука *р*. Образование звука *р* не представляет особого разнообразия по русским говорам. Можно только отметить наличие в некоторых говорах — в Позолжье, по говорам Сибири, в отдельных ю-в-р говорах — особого „раскатистого" *р*. Как известно, звук *р* образуется путем вибрации, дрожания кончика языка, который то смыкается, то размыкается с зубной частью неба. Количество вибраций (т. е. „раскатов") может быть различным, например: перед гласной, в начале слога, раскатов бывает больше, чем после гласной перед согласной, в конце слога (ср.: *ры́ба* и *го́рка*). В указанных выше говорах перед гласными произносится раскатистое *р* (реже и *р'*): произносят как бы: *рры́ба, хорро́ш, горрá, ррукá, з-горры́, борро́тка.* Можно предполагать, что такое произношение является остатком иноязычной подосновы русских говоров соответствующих территорий.

Согласные глухие и звонкие.

Соотносительный ряд глухих и звонких согласных.

§ 138. Соотносительный ряд согласных фонем, глухих и звонких по русским говорам включает в себя до 11 пар фонем. В каждую такую пару входят фонемы, отличающиеся друг от друга только глухостью или звонкостью, т. е. отсутствием или наличием голоса. Литературный язык обладает всеми 11 парами: $п : б = п' : б' = ф : в = ф' : в' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = \overline{ш}' : \overline{ж}' = к : г$. Остальные 12 согласных фонем литературного языка (*м, м', н, н', л, л', р, р', j, х, ц, ч'*) не образуют соотносительных пар по глухости и звонкости, являясь в этом отношении внепарными.

Из предыдущего известно (см. § 118), что значительная часть ю-в-р говоров не имеет фонем *ф* и *ф'*. В таких говорах, следовательно, фонемы *в* и *в'* относятся к внепарным, а соотносительных пар глухих и звонких фонем не 11, а только 9. Из предыдущего известно также (см. § 121), что в части русских говоров могут

отсутствовать долгие шипящие (обе или одна) как особые, отдельные фонемы. В таких говорах, следовательно, не 11 пар глухих и звонких фонем, как в литературном языке, а 10. Такие говоры имеются как на ю-в-р территории, так и на с-в-р. Имеются и такие говоры, в которых одновременно отсутствуют как фонемы *ф* и *ф'*, так и долгие шипящие как особые, отдельные фонемы. В таких говорах, следовательно, *в* и *в'* относятся к числу внепарных фонем, а парных фонем по глухости и звонкости оказывается всего 8.

Наконец, из предыдущего известно (см. § 135), что фонема *г* в одних говорах имеет взрывное образование (*г*), в других фрикативное (γ). В говорах с *г* взрывным фонема *г* образует пару с соответствующей глухой *к*, а фонема *х* остается вне пары по глухости и звонкости. В говорах же с *г* фрикативным (γ) фонема γ образует пару с соответствующей глухой *х*, а внепарной остается *к* (подробнее об этом см. ниже в § 143).

§ 139. Укажем основные различия русских говоров по количеству соотносительных парных глухих и звонких согласных фонем.

1. Говоры, имеющие *ф*, *ф'*, долгие шипящие как особые фонемы и *г* взрывное: $п : б = п' : б' = ф : в = ф' : в' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = \overline{ш'} : \overline{ж'} = к : г$.

2. Говоры, имеющие *ф*, *ф'*, долгие шипящие как особые фонемы и *г* фрикативное (γ): $п : б = п' : б' = ф : в = ф' : в' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = \overline{ш'} : \overline{ж'} = х : γ$.

3. Говоры, имеющие *ф*, *ф'*, *г* взрывное, но не знающие долгих шипящих как особых фонем: $п : б = п' : б' = ф : в = ф' : в' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = к : г$.

4. Говоры, имеющие *ф*, *ф'*, *г* фрикативное (γ), но не знающие долгих шипящих как особых фонем: $п : б = п' : б' = ф : в = ф' : в' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = х : γ$.

5. Говоры, не имеющие *ф*, *ф'*, имеющие *г* фрикативное (γ) и долгие шипящие как особые фонемы: $п : б = п' : б' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = \overline{ш'} : \overline{ж'} = х : γ$.

6. Говоры, не имеющие *ф*, *ф'* и долгих шипящих как особых фонем и обладающие *г* фрикативным (γ): $п : б = п' : б' = т : д = т' : д' = с : з = с' : з' = ш : ж = х : γ$.

Во всех русских говорах внепарными по глухости и звонкости являются следующие фонемы: *м*, *м'*, *н*, *н'*, *л*, *л'*, *р*, *р'*, *j*, *ц*, *ч*. Фонема *х* является внепарной, если в говоре *г* имеет взрывное образование. Фонема *к*, напротив, является внепарной, если в говоре *г* имеет фрикативное образование. Фонемы *в*, *в'* являются внепарными в говорах, в которых отсутствуют соответствующие глухие фонемы *ф*, *ф'*.

Сильное положение глухих и звонких согласных.

§ 140. Сильным положением для глухих и звонких согласных фонем, т. е. таким положением, в котором они остаются неизменны и выступают в своем основном виде, является положение перед гласными, сонорными (*м*, *м'*, *н*, *н'*, *л*, *л'*, *р*, *р'*), а также *в*, *в'* и *j*. Перед этими звуками глухость и звонкость согласных не обусловлена, различается. Иными словами, перед ними может произноситься

как глухая согласная, так и звонкая. Например, перед гласными: *пáшн'а* и *бáшн'а, п'ил* и *б'ил, тоскá* и *доскá, т'ен'* и *д'ен'; сад* и *зад, нá-с'ем'* и *нá-з'ем', шал'* и *жал'*; перед сонорными, *в — в'* и *j*: *вос'м'й* и *воз'м'й, пис'мó* и *в'аз'мó, н'е-с'м'éj* и *з'м'ej, попос'н'éje* и *попóз'н'éje* (попостнее и попозднее), *с'л'ит'* и *з'л'ит', ср'éзал* и *зр'éлoj; отм'ét'ил* и *подм'ét'ил, отн'óс* и *подн'óс, тл'а* и *дл'а, на-в'етрý* и *к-в'едрý, плох* и *блох, прóс'иш* и *брóс'иш, шрам* и *жрат', с'в'ер'* и *з'в'ер', сват* и *зват', тв'ер'* и *дв'ер', пjу* и *бjу, шjу* и *ружjу, шjом* и *ружjóм* и т. д. В говорах, различающих *ф* и *в*: *ф'ин'т'ít'* и *в'ин'т'ít'; ф'éршал* (= фельдшер) и *в'ешал*; в говорах, имеющих пару *к — г*: *кóлос* и *гóлос, корá* и *горá, икрá* и *игрá*; в говорах, имеющих пару *х — γ*: *хóлод* и *γóлод, хам* и *γам* (= гам), *хвóс'т'ик* и *γвóз'д'ик, хр'ип* и *γр'ип* (= гриб), *хл'еб* и *γл'еб* (= Глеб).

Модификации глухих и звонких согласных в слабом положении.

§ 141. В других положениях парные глухие и звонкие согласные не различаются, так как одна из фонем, входящих в каждую пару, изменяется, совпадая с другой фонемой той же пары в одном звуке. Такие положения, следовательно, являются слабыми для глухих и звонких согласных. К слабым положениям для глухих и звонких согласных относится: 1) положение в конце слова; 2) положение перед парной глухой или звонкой согласной (кроме *в, в'*).

Звонкие согласные фонемы на конце слова.

§ 142. В подавляющей части русских говоров звонкие парные согласные на конце слова оглушаются, совпадая в одном общем варианте. Ср., например: *снoп* и *боп* (ср. в сильном положении: *снопы́, бобы́*), *глуп и груп* (ср. в сильном положении: *глупoj, грубoj*); *рос* и *морóс* (ср. в сильном положении: *росла, морóзы*); *прут* (= прут и пруд; ср. в сильном положении: *прýт'ик* и *прýд'ик*); *молот* (= молот и молод; ср. в сильном положении: *мóлота, молодój*); *грош* и *рош* (ср. в сильном положении: *грошéй, ржи*); *дош'* и *л'еш'* (или по говорам: *дош* и *л'еш, дош'ч'* и *л'еш'ч'* и т. д.); ср. в сильном положении: *дóж'ик* и *л'еш'и́* (или по говорам: *дóжык* и *л'ешы́, дóждж'ик и л'ешчи́ и т. д.*). Особого рассмотрения требуют фонемы задненебные и губные.

§ 143. В говорах с *г* взрывным, как было указано выше, имеется пара *к — г*, причем *х* является внепарной фонемой. В говорах с *г* фрикативным (γ) имеется пара *х — γ*, причем внепарной остается *к*. Это можно пояснить на примере следующих трех слов, имеющих на конце соответственно фонемы *к, г* (γ), *х*: *мок, мог, мох*. В говорах с *г* взрывным первые два слова звучат одинаково: *мок* (*мок под дождем, не мок прийти*), но *мóкл'и, могл'и́*; третье слово — по-иному: *мох* (*растет мох*); в говорах с γ, напротив, второе и

третье слово звучат одинаково: *мох (растет мох, не мох прийти)*, но *мóхом* (или *мхом*), *моγл'и́*, а первое слово звучит иначе: *мок (мок под дождем)*.

Итак, в говорах с *г* взрывным на конце слова в результате оглушения произносится звук *к*, в котором совпадают фонемы *г* и *к*: *сапóк, п'ирóк, с'н'ёк, д'ён'ок, крук, рок* (= рог), *сток* (= стог), *вдрук, лук* (= луг), *плук, дук* (род. п. мн. ч. от „дуга"), *продрóк, ч'етв'ёрк, вокрýк, т'ел'ёк* (род. п. мн. ч. от „телега") и т. д. Напротив, в говорах с фрикативным *г* — на конце слова, также в результате оглушения произносится звук *х*, в котором совпадают фонемы *γ* и *х*: *сапóх, п'ирóх, с'н'ех, д'ён'ах', крух, рох, стох, вдрух, лух, плух, дух* (род. п. мн. ч. от *дуγá*), *продрóх, ч'етв'ёрх, т'ел'ёх* и т. д.

Сказанное можно пояснить такой схемой:

мок под дождем	*к*	*мок под дождем*
не мок прийти	*г — γ*	*не мох прийти*
растет мох	*х*	*растет мох*

Выше было отмечено наличие в говорах с *г* взрывным нескольких слов главным образом церковно-книжного происхождения, произносящихся с *γ*. Естественно, что если в таких словах звук *γ* оказывается на конце слова, то, оглушаясь, он произносится как *х*: *бóγа, бóγу* и *бох; блáγо, блáγа* и *блах*. В этих словах звук *х* на конце слова вместо *γ*, таким образом, может произноситься не только в говорах, имеющих фрикативное *г* (*γ*), но также и в говорах с *г* взрывным.

В отдельных с-в-р говорах (главным образом в Архангельской, Вологодской, Молотовской областях, а также в Забайкалье) в результате ослабления на конце слова артикуляции *г* в соответствии с *г* взрывным в этом положении произносится *х*: *ночл'éга*, но *ночл'ёх; рогá*, но *рох; т'ел'éга*, но *т'ел'ёх; вокрýх; шагáт', но шах*[1].

В этих говорах, следовательно, *г* и *х* образуют пару, оставляя вне пары *к*.

Такое же соотношение отмечено в ряде ср-в-р говоров (например, Коломенского и Озерского районов Московской обл.); при взрывном образовании *г* на конце слова произносится *х: съпагá — сапóх, п'ирагá — п'ирóх; с'н'ега — с'н'ех, дъ-чьтв'ергá — читв'ёрх, шыгáт' — шах* и т. д. Однако в этих говорах *х* на конце слова имеет другое происхождение, отличное от только что указанного внешне сходного факта отдельных с-в-р говоров: по всей видимости, этим говорам некогда было свойственно *γ* (*наγá, дуγá, γром* и т. д.), которое закономерно на конце слова оглушалось в *х (нох, дух)*; позднéе под влиянием городского языка или других ср-в-р говоров они усвоили в сильном положении *г* взрывное *(нагá, дугá, гром)*, но в слабом положении сохранили еще свое старое оглушенное *γ*,

[1] В этом последнем случае во многих с-в-р говорах звук *х* обобщается и для положения перед гласной; произносится не только *шах*, но и *шáхом, шахáт'* и т. д.

т. е. *х*. Такое произношение, между прочим, упорно сохраняется у уроженцев, например, Рязани, Тулы, Курска и иных городов на территории говоров с γ фрикативным, хотя в других отношениях эти лица вполне владеют системой литературного языка.

Наконец, в отдельных ср-в-р говорах (в юго-западном Подмосковье) при фрикативном вообще образовании *г (нагá, дугá, сапагá, гóс'т'и* и т. д.) на конце слова при оглушении звучит *к (нок, дук, сапок* и т. д.). Весьма возможно, что такие говоры ранее имели взрывное образование *г* и, следовательно, пару *г — к* и затем только под влиянием ю-в-р говоров в сильном положении усвоили γ *(нагá, сапагá)*, сохранив старое произношение на конце слова *(нок, сапóк)*.

Впрочем, вопрос о том, что́ является исконным и что́ усвоено под влиянием других говоров, решается неодинаково для разных говоров: здесь большое значение имеет учет других языковых явлений в их развитии, а также история самих носителей соответствующего говора.

Таким образом, кроме основных пар *г — к* и γ — *х*, образующих единство как с функциональной, так и исторической точек зрения (*к* и *х* в таких говорах являются результатом оглушения физиологически соответствующих парных звонких), с функциональной точки зрения по говорам возможно объединение в одну пару *г — х*, а также γ — *к*, где *х* и *к* не являются результатом оглушения соответствующей звонкой фонемы *г* и γ, а появились на почве смешения диалектов, имеющих разное образование задненебной звонкой согласной фонемы — взрывное или фрикативное *(г* или γ*)*.

§ 144. В говорах, имеющих парные по глухости и звонкости фонемы *в, в'*[1], эти фонемы обычно реализуются в конце слова в своем глухом варианте *ф, ф'*. Иными словами, фонемы *в, в'*, как и другие звонкие согласные фонемы, на конце слова оглушаются, совпадая с соответствующими глухими. Такое произношение характерно для значительной части с-в-р говоров, для части (восточной) ю-в-р говоров, а также для литературного языка: *роф* (ср. *рва*), *кроф* (ср. *кр óва*), *корóф* (ср. *корóва*), *голóф* (ср. *головá*), *здорóф* (ср. *здорóвой*), *кл'уф* (ср. *кл'ýва*); *кроф'* или *кроф* (ср. *крóв'и*), *л'убóф'* или *л'убóф* (ср. *л'убв'й*).

Однако в части говоров, имеющих парные фонемы *в, в'*, а также в говорах с фонемами *в, в'*, внепарными по глухости и звонкости[2], губно-зубного или губно-губного образования, на конце слова эти фонемы реализуются в своих особых вариациях, не теряющих голоса: в губно-губном *в* (*w*) или — чаще — в *у* неслоговом (*ў*). Такое произношение типично для значительной части ю-в-р говоров, а также некоторых говоров с-в-р: *роw* или *роў, кроw* или *кроў, корów* или *корóў, голów* или *голóў, здорów* или *здорóў, кроw', кроw, кроў* или *кроў; л'убów', л'убów, л'убóў* или *л'убóў, зготów'; зго-*

[1] Т. е. в таких говорах, в которых рядам с *в, в'* имеются соответствующие глухие фонемы *ф, ф'*.

[2] Т. е. в таких говорах, в которых отсутствуют глухие фонемы *ф, ф'*.

тów, зготóў или *зготóў*. Можно думать, что вариации *w*, *ў* первоначально употреблялись только в говорах, не знающих глухих фонем *ф*, *ф'*, причем внепарные фонемы *в*, *в'* в них, видимо, ранее имели губно-губное образование (*w*, *w'*). Звук *ў* (или *w*) на месте *в* является вариантом фонемы *в*, если в том же говоре и в тех же условиях он произносится на месте фонемы *л*: ср. *пáўка* (род. п. мн. ч. *пáлок*) и *пáўка* (уменьш. от Павел).

Описанное произношение свойственно также украинскому и белорусскому языкам.

§ 145. В некоторых ю-в-р говорах, а также отдельных ср-в-р и даже с-в-р говорах на конце слова фонема *в* реализуется в варианте *х*: *корóва*, но *корóх; головá*, но *голóх*. В этих же говорах отмечается иногда губно-губное образование *в* перед гласной: *корówа, головá*. Можно думать, что *х* на конце слова вместо *в* могло явиться в говорах, имевших первоначально губно-губное *в* (*w*): появление *х* связано с тем, что в результате оглушения *w* образуется звук, обладающий весьма малой акустической выразительностью (φ); а так как губно-губное *w* обладает двумя артикуляционными фокусами — губным и заднеязычным, то появление *х* можно считать вызванным усилением последнего, повышающим акустическую выразительность этого звука.

Среди говоров, в которых фонемы *в*, *в'* на конце слова в результате оглушения выступают в своих глухих вариантах (*ф*, *ф'*), встречаются такие, в которых рядом с *голóф, кроф, слоф, траф, óстроф* и т. д. в формах род. п. мн. ч. на *-ов* употребляется *х*: *столóх, домóх, дворóх, городóх, б'ер'егóх, островóх* и т. д. Такие говоры имеются, например, в Рязанской области. В первом из приведенных выше рядов слов на конце представлена фонема *в*; это видно из того, что она звучит в своем основном виде в сильном положении (см. § 140): *головá, головнój, корóва, травá, слóво, островá, островнój* и т. д. Что касается форм род. п. мн. ч. на *-ох*, то в этой морфеме конечная фонема не может быть поставлена в сильное положение. Однако первоначальность в ней фонемы *в* явствует не только из этимологии и истории языка, но и из других говоров, в которых произносится *-оw* (*-оў*) или *-оф*: *столów, дворów, домów, островów* или *столóф, дворóф, домóф, островóф* и т. д.

Можно думать, что формы на *-ох* появились первоначально в говорах, имевших губно-губное образование фонемы *в* (*w*), т. е. что первоначально *домóх* появилось рядом с *корóх*. Позднéе было усвоено губно-зубное *в* (*в*). В тех случаях, когда в одной и той же морфеме фонема *в* могла быть как в сильном, так и в слабом положении (например, *корова — коров*), под влиянием сильного положения с губно-зубным *в* — в слабом положении появляется тот же звук в оглушенном виде (т. е. *ф*), который заменил собой звук *х* (*корóх*). В тех же случаях, когда такого чередования сильного и слабого положения в одной и той же морфеме не было, звук *х* мог остаться без замены: *столóх, дворóх*. С точки зрения современных отношений можно считать, что в таких говорах формы род. п. мн. ч. на *-ох* имеют на конце фонему *х*, так как закономерным вариантом фонемы *в* в данном положении в этих говорах является звук *ф*.

§ 146. В некоторых с-в-р говорах звонкие согласные на конце слова не оглушаются или, что, видимо, вернее, оглушаются не в полной мере и таким образом не совпадают с соответствующими глухими фонемами. Произносят, например, *хлеб, склад, город, мороз, сторож, пирог, снег* с звонкими или полузвонкими согласными в корне. Такие говоры отмечены, например, в Костромском районе Костромской обл., в Поветлужье и в некоторых других местах.

Звонкие согласные перед глухими.

§ 147. В русском языке как литературном, так и в говорах звонкие согласные перед глухими оглушаются, совпадая с соответствующими глухими в одном глухом варианте. Если два слова отличаются друг от друга только одной глухой или звонкой фонемой, то при совпадении этих фонем в одном варианте совпадают и сами эти слова. Ср. *душка* — уменьшительные от „дуга" с *ш* на месте *ж* (*дужка*, ср. *дужек*) и от *душа* (*душка, душонка*).

Только фонемы *в, в'* перед согласными по отдельным говорам имеют свои особые изменения. Поэтому они будут рассмотрены особо (см. ниже § 148).

Примеры на оглушение звонких согласных перед глухими: *бапка* (ср. *баба*), *шýпка* (ср. *шýба*), *хр'ептá* (ср. *хребет*), *гр'áтки* (ср. *гр'áдок*), *гáткој* (ср. *гáдок, гáд'ен'кој*), *ýској* (ср. *ýзок*), *глáски* (ср. *глазá*), *скáска* (ср. *скáзочка*), *в'ес'т'й* (ср. *в'ézý*), *л'ес'т'* (ср. *л'ézу*), *кн'йшка* (ср. *кн'йжек*), *сторóшка* (ср. *сторожы́л*), *л'áкт'е* или *л'ахт'е* (ср. *л'á'гу, л'á'γу*)[1], *нóкти* или *нóхти* (ср. *ногот'*), *кóкти* или *кóхти* (ср. *кóгот'*), *д'óкт'а* или *д'охт'а* (ср. *д'óгот'*)[2].

В приведенных примерах оглушению подвергалась конечная звонкая согласная корня перед глухой согласной суффикса. Такому же изменению подвергается парная звонкая согласная приставки или предлога перед глухой согласной корня или следующего за предлогом слова. Например: *опт'анýт', спт'есáт'* (ср. *облóжыт, обр'ézат'*), *потп'исáт', потт'анýт', потшы́л, потсад'ил* (ср. *подр'ézал, поднос'ил*), *пот-крышой, пот-кровáт'ју* (ср. *под-лáвкој*), *нат-пóлкој* (ср. *над-лáвкој*), *б'ес-платкá* (ср. *без-рубáх'и*), *ис-корыта* (ср. *излохáн'и*), *роскажы́, роспашы́* (ср. *розлом'й, розмоч'й, розвоз'й*).

§ 148. Фонема *в* перед согласными. В значительной части говоров, имеющих парную по глухости и звонкости фонему *в*, эта фонема перед глухими согласными выступает в варианте *ф*, сохраняя свое качество (*в*) перед остальными согласными. Ср. *головá — голóфка — головнóј; корóва — корóфка — бескоровнój; фпус'т'ил — вложы́л, вд'елал; ф-солóм'е, ф-с'ен'е, ф-трав'é, ф-шáпке — в-ног'é, в-рук'é, в-мáсл'е, в-л'есý, в-дóм'е.*

---

[1] Если не употребляется форма *л'áшт'е* при *л'áжу*.

[2] О наличии *к* или *х* в последних трех случаях см. ниже § 171. Литературному языку свойственно *кóхти* со звуком *х* при *к* в других словах.

Однако для части говоров, имеющих парную по глухости и звонкости фонему *в*, а также для говоров с внепарной фонемой *в* (*ŵ*) характерны иные изменения этой фонемы перед согласной. Прежде всего выделяется положение в начале слова и не в начале слова.

В этих говорах фонема *в* (*ŵ*) не в начале слова перед всякой согласной реализуется в своей вариации *ŵ* или *ў*: перед глухими — *лáшка* или *лáўка*, *канáшка* или *канáўка*, *д'éшка* или *деўка*, *корóшка* или *корóўка*, *л'ешшá* или *л'еўшá*, *зáштра (зáштр'а)* или *зáўтра*, *ашсá* или *аўсá* (от „овёс"); перед звонкими — *прáшда* или *прáўда*, *кр'íшда* или *кр'íўда*; перед сонорными — *отпрашл'ál* или *отпраўл'ál* (ср. *отпрáв'ит'*), *лóшл'а* или *лóўл'а* (ср. *лов'ит'*), *рóшно* или *рóўно* (ср. *не рав'óн час*), *д'ер'éшн'а* или *д'ер'éўн'а* (ср. *д'ер'ев'énскоj*), *дашнó* или *даўнó*.

В тех же говорах фонема *в* (*ŵ*) в начале слова перед согласной реализуется в гласной *у*, совпадая таким образом с фонемой *у*. Например: перед глухой согласной: *пошóл у-пóл'о*, *упал у-колóд'ез'*, *положúл у-шáпку*, *у-час об'ернýс'*, *вес' у-т'еб'é* (=в тебя), *ус'иудá*, *уч'ерáс'*, *утóрн'ик*, *ус'а*, *у-травý*, *успахал*, *у-Курск*, *ушéj* (род. мн. от „вошь"); перед звонкими: *уjéхал у-д'ер'éшн'у*, *пошóл у-бол'н'íцу*, *лежáл у-бал'н'íце*, *уjéхал у-гóрод*, *уз'ál*, *удовá*; перед сонорными: *пошóл у-л'ес*, *у-мóр'а* (=в море), *умéс'т'е* (=вместе), *узл'ет'él* (=взлетел), *уjéхал у-Москву*, *у-Р'азáн'*, *у-Л'ívны*, *у-м'ен'é* (=в меня), *унýк*, *ур'éм'а*.

Гласная *у* вместо *в* произносится обычно или в абсолютном начале, т. е. после паузы, или в положении после согласной, например: *пр'ишóл у-д'ер'évн'у*, *он уз'ál*. В положении после гласной обычно произносится *ў*: *пр'ишлá ў-д'ер'évн'у*, *ана ўз'алá*.

Такое изменение создает почву для совпадения предлогов-приставок *в* и *у*: литературные формы *упус'т'ít'* и *фпус'т'ít'*, *унос'ít'* и *внос'ít'*, *у-м'ен'á*, *у-т'еб'á* и *в-м'ен'á*, *ф-т'еб'á*, *у-брáта* и *в-брáта*, *у-мор'а* и *в-мор'е* и т. д. в таких говорах не различаются, произносясь в обеих конструкциях одинаково: *упус'т'ít'*, *унос'ит'*, *у-м'ен'é*, *у-т'еб'é*, *у-брата*, *у-мóр'а* и т. д.

Естественно, что если в таких говорах под влиянием литературного языка или других говоров начинается тяга к различению этих предлогов-приставок, то последнее — за неимением в самом говоре критериев для различения того или иного предлога-приставки (*у* или *в*) — дается нелегко: этот процесс часто сопровождается неправильным употреблением *в* вместо *у* и наоборот: *вн'ос ис шкóлы* и *ун'óс у-шкóлу*; *спрос'ил в-м'ен'é* (=у меня), *в-брата нету* и *в'éс' у-м'ен'é* (=в меня), *в'ес' у-брáта* (=в брата).

Относительно слоговости начального *у* вместо *в* надо сделать следующее замечание: гласный звук *у* слоговой произносится в абсолютном начале и после согласных предшествующего самостоятельного слова: *унук*, *удовá*; *пошол у лес*, *он уз'ál*, *уздýмал*; после гласной предшествующего слога звук *у* может примыкать к этой гласной, закрывая собою слог, и быть таким образом неслоговым:

она́-ў|дова́; пошла́-ў|л'ёс, она-ў|з'ила́. Ср.: *у-ха́ту-ў-твайу́; а т'еб'е́ -ўс'о́-н'е́ту.*

§ 149. В отдельных говорах, имеющих или имевших ранее фонему *в* губно-губного образования, перед глухой согласной в связи с оглушением *ŵ* произносится *х* (образование этого звука на месте подвергшейся оглушению фонемы *ŵ*, т. е. на месте *ф*, было объяснено выше; см. § 145): *тра́хка, д'е́хка, ла́хка, кана́хка, коро́хка.*

Во многих русских говорах губные согласные, в том числе и фонема *в* (*ŵ*), перед мягкими задненебными смягчаются. Ср., например, в старом московском произношении: *ла́фка — из ла́ф'к'и, тра́фка — тра́ф'к'и, каро́фка — каро́ф'к'и, д'е́фка — д'е́ф'к'и* (рядом с *ша́пка — ша́п'к'и, шу́пка — шу́п'к'и, н'е́мка — н'е́м'к'и).*

В говорах, имеющих на месте *в* (*ŵ*) перед глухой согласной *х*, в случае смягчения этой глухой согласной смягчается и *х*, вместо которого звучит *х'*; однако надо иметь в виду, что звук *х* в этом положении при сильной палатализации степени очень близок к *j* (*i̯*), а по говорам даже не отличается от *j* (*i̯*). Поэтому при наличии по говорам *тра́фка — тра́ф'к'и* или *тра́ўка — тра́ўк'и* в иных говорах, имеющих *х* вместо *в* (*ŵ*), мы находим: *тра́хка — тра́х'к'и* или *тра́i̯ки, д'е́хка — д'е́х'к'и* или *д'е́i̯к'и, ла́хка — ла́х'к'и* или *ла́i̯к'и.* Такое произношение отмечено в некоторых говорах северных районов Рязанской области.

§ 150. В связи с описанными выше особенностями реализации фонемы *в* (*ŵ*) в начале слова перед согласной — по говорам имели место некоторые аналогические процессы: например, появляется форма *ув'е́с'* вместо *в'ес'* под влиянием форм женского и среднего родов, косвенных падежей и множ. числа (ср.: *ус'а́, ус'о́; ус'аго́, ус'ама́; ус'е́, ус'е́х*). Появляются формы *ува-ўс'е́х, ува-двор* и др. как бы с удвоением предлога, видимо, под влиянием форм: *у-по́л'о, у-л'ёс* и т. д. Сюда, может быть, можно было бы прибавить случаи вроде *ув-о́з'еро, ув-огно́н', ув-ос'ен'; ув-од'и́н' рас, ув-ов'ос, ув-у́гол,* и т. д., если соответствующие слова в этом же говоре начинаются с гласных, а не с *в* (т. е. если произносятся: *о́з'еро, ог'о́н', ов'о́с, од'и́н,* а не *во́з'еро, вогон', вов'ос* и т. д.). Однако такое произношение часто слышится в говорах, в которых эти слова начинаются с протетического *в* (*ŵ*). При наличии *во́з'еро, вагон', вастро́х, вако́шко, вав'ос* и т. д. сочетания типа *у-во́з'еро, у-вагон', у-вастро́х, у-вако́шко, у-вав'ос* членятся таким образом, что к предлогу относится только *у*.

§ 151. В говорах, имеющих в положении после гласных перед согласными губно-губное *в* (*ŵ*) или *ў*, звуки *ŵ, ў* всегда замыкают собой слог, так что предшествующий слог оказывается закрытым и слогораздел проходит между *ŵ* (или *ў*) и следующей согласной: *ла́ŵ|ка* или *ла́ў|ка, тра́ŵ|ка* или *тра́ў|ка, гало́ŵка* или *гало́ў|ка, даŵ|но́* или *даў|но́, пра́ŵ|да* или *пра́ў|да, остаŵ|л'а́т'* или *остаў|л'а́т'* и т. д.

Напротив, в говорах, имеющих в том же положении губно-зубные звуки — *в* (перед звонкими и сонорными) и *ф* (перед глухими), — эти звуки начинают собой слог. Таким образом, предшествующий слог в таких говорах оказывается открытым: слогораздел проходит перед сочетанием согласных, начинающихся с *в* (*ф*), а последующий слог начинается этим сочетанием: *ла́|фка, тра́|фка, голо́|фка, да|вно́, пра́|вда, оста|вл'а́т'.*

§ 152. Под влиянием литературного языка и многих говоров говоры, имеющие на конце слова и перед глухой *ŵ* или *ў*, нередко заменяют эти звуки звуком *ф*: вместо *коро́ў, гало́ў, тра́ўка, гало́ўка* появляется *коро́ф, голо́ф, тра́фка, голо́фка.* Надо иметь в виду, что если этими говорами не

освоена фонема *ф* в самостоятельном употреблении, а в соответствии с нею произносят *хв*, *х* и т. д. (*хвонáр'*, *хлáк* и т. д.), то звук *ф* в таких случаях, как *трáфка*, *голóф*, является не вариантом фонемы *в*, а лишь её вариацией, так как изменение фонемы *в* в *ф* не совпадает с изменением какой-либо другой фонемы.

Глухие согласные перед звонкими.

§ 153. Глухие парные согласные перед звонкими парными (кроме *в*, *в'*) озвончаются, совпадая со звонкими фонемами в одном общем звонком варианте. Ср., например *коз'бá* и *р'ез'бá* при *кос'úт'* и *р'éзат'*: фонемы *с'* и *з'* перед звонкой согласной *б* совпадают в звуке *з'*. Или: *молод'бá* и *ход'бá* при *молот'úт'* и *ход'úт'*. Здесь также глухая и звонкая фонемы (*т'* и *д'*) перед звонкой (*б*) совпадают в общем звонком варианте (*д'*). Другие примеры: *кáг-же* (ср.: *кáк-это*), *тáг-же* (ср.: *тáк-ли*), *тóд-же* (ср.: *тóт-ли*).

Примеры на озвончение глухой согласной приставки перед звонкими парными согласными: *з-брáтом*, *з-горы́*, *з-д'ér'ева*, *з-з'имы́* (ср.: *с-атцóм*, *с-р'аб'úны*, *с-л'éта*); *збрóс'ил*, *здав'úл*, *згор'éл* (ср.: *ср'éзал*, *слом'úл*, *свар'úл*); *одбрóс'ил*, *оддав'úл*, *одгор'éл* (ср.: *отр'éзал*, *отлом'úл*, *отвар'úл*). В этих примерах звонкие согласные в конце предлогов и приставок являются вариантами глухих фонем, так как в сильном положении, где глухие и звонкие фонемы различаются и выступают поэтому в своем основном виде, в конце этих же приставок и предлогов произносятся глухие согласные.

В говорах, имеющих *г* взрывное, фонема *к* перед звонкими парными согласными, озвончаясь, совпадает с фонемой *г*, выступает в своем звонком варианте *г*: *г-з'им'é*, *г-жене́*, *г-бол'н'úце*, *г-д'ér'еву*, *г-гóроду*[1] (ср.: *к-лáвк'е*, *к-лóд'ке*, *к-óз'еру*).

Глухие внепарные согласные озвончаются в том же положении, в каком озвончаются глухие парные, т. е. перед звонкими парными. Например: *лéд͡ж'-бы* (лечь бы), *дóд͡ж'-бы* (дочь бы), *от'éд͡з-бы* (отец бы); в говорах с *г* взрывным, где *х* является внепарной: *засóɣ-бы* (засох бы), *двýɣ-бы* (двух бы). Звонкие согласные *д͡ж'*, *д͡з*, *ɣ* в приведенных примерах являются вариациями фонем *ч'*, *ц*, *х*, ввиду отсутствия в системе языка соответствующих звонких фонем.

§ 154. Следует сделать одно замечание о говорах с *г* фрикативным (*ɣ*), где фонема *к* является внепарной. В таких говорах фонема *к*, озвончаясь перед звонкой парной согласной, выступает в своей вариации *г*, например: *г-з'им'é*, *г-з'емл'é*, *г-жене́*, *г-жен'ихý*, *г-жóрнову*; *г-ɣóроду*, *г-ɣор'é*, *г-ɣос'т'у*. Звук *г* в таких говорах является вариацией фонемы *к* (а не ее вариантом), ввиду отсутствия в них соответствующей звонкой взрывной фонемы *г*. Впрочем, известны и случаи произнесения *ɣ* вместо предлога *к* в таких говорах: *ɣ-жен'é*, *ɣ-ɣóроду*.

Процесс озвончения согласных представлен в русском языке более узко, чем процесс оглушения звонких, который количественно значительно преобладает над первым. Случаи озвончения глухих представлены лишь в сравнительно ограниченных категориях.

---

[1] Если в последних трех примерах в результате диссимиляции не произносится *ɣ*: *ɣ-больнице*, *ɣ-дереву*, *ɣ-городу* (об этом см. ниже, § 171).

Сонорные согласные и их место в системе согласных.

§ 155. Среди согласных, образуемых с помощью голоса и шума, выделяется группа сонорных. Сонорные фонемы характеризуются преобладанием голоса над шумом и внепарностью по глухости и звонкости (т. е. отсутствием соответствующей парной глухой фонемы). Кроме того, они характеризуются тем, что перед ними различаются глухие и звонкие согласные и, наконец, тем, что при сочетаниях с последующими шумными согласными они отходят к предыдущему слогу, образуя таким образом закрытый слог.

§ 156. Обыкновенно к сонорным в русском языке относят фонемы *р, р', л, л', м, м', н, н'*; но к ним следует отнести также фонему *j* (*і*), которая функционально ничем не отличается от перечисленных выше согласных: 1) у всех этих согласных, как и у *j*, отсутствует глухая пара; 2) перед ними, как и перед *j*, различаются глухие и звонкие согласные (ср.: *кро́м'е* и *гром, с'л'ит'* и *з'л'ит', отм'ённој* и *надм'ённој, кнут* и *гнут* и рядом *п'ју* и *б'ју, шјом* и *ружјо́м, колоc'ја* и *полоз'ја*; 3) при сочетании с последующими шумными согласными они, как и *j*, замыкают собой предшествующий слог, делая его закрытым (*кур | ка́, мал | ч'и, ла́м | па, звон | ко* и рядом *бој | ца́, чај | ку́, пај | ка́*).

§ 157. Неодинаково положение губных фрикативных звонких в системе согласных разных говоров. В говорах, где фонемы *в, в'* являются парными по глухости и звонкости (т. е. где имеются соответствующие глухие фонемы *ф, ф'*), эти фонемы перед согласными произносятся, как звуки губно-зубного образования *в* или *ф* (*пра́вда, ла́фка*), и в отношении слогоделения отходят к следующему слогу, благодаря чему предшествующий слог оказывается открытым (*пра́|вда, ла́|фка*); по отношению к таким говорам можно считать, что фонемы *в, в'* относятся к шумным согласным. Однако с сонорными эти фонемы роднятся тем, что перед ними различаются глухие и звонкие согласные. Ср.: *твойх* и *двойх, твар'* и *два, сват* и *зван, св'ол* и *изв'о́л* и т. д. Если в говорах, подобных только что охарактеризованным, фонемы *в, в'* занимают как бы промежуточное положение между категориями сонорных и шумных согласных, то в других говорах они полностью относятся к сонорным. Таковы говоры, в которых фонемы *в, в'* являются внепарными по глухости и звонкости (т. е. где отсутствуют соответствующие глухие фонемы *ф, ф'*) и в которых эти фонемы перед согласными произносятся как *ў* или *ŵ* и при сочетании с последующими шумными согласными отходят к предшествующему слогу, образуя закрытый слог (*пра́ў|да, ла́ў|ка, тра́ў|ка* или *пра́ŵ|да, ла́ŵ|ка тра́ŵ|ка*).

Таким образом, фонемы *в, в'* в одних говорах полностью относятся к сонорным, в других в большей или меньшей степени приближаются к ним, входя, в основном, в категорию шумных согласных. Но во всех русских говорах перед *в, в'*, как и перед сонорными, глухие и звонкие различаются. Эти противоречия в отношении места фонем *в, в'* в системе согласных русских говоров объясняются развитием этих согласных из гласного звука *ў*. А как известно, сонорные звуки являются промежуточными между гласными и шумными согласными. Более старые отношения, видимо, сохранены теми говорами, в которых *в, в'* еще полностью относятся к категории сонорных согласных.

Согласные твердые и мягкие.

Соотносительный ряд твердых и мягких согласных.

§ 158. Соотносительный ряд согласных фонем, твердых и мягких, в русском языке включает в себя до 12 пар фонем. Фонемы, входящие в каждую из этих пар, по своему образованию отличаются

друг от друга отсутствием или наличием дополнительной, „йотовой" артикуляции. Эти пары следующие: *п* : *п'* = *б* : *б'* = *ф* : *ф'* = *в* : *в'* = = *м* : *м'* = *т* : *т'* = *д* : *д'* = *с* : *с'* = *з* : *з'* = *л* : *л'* = *н* : *н'* : = *р* : *р'*. Литературный язык и значительная часть русских говоров имеют все эти 12 пар твердых и мягких фонем. Другая часть русских говоров, в которых отсутствуют губные фрикативные глухие фонемы (*ф*, *ф'*), обладает лишь 11 парами таких фонем. Остальные возможные 10 согласных фонем (*щ*, *ж*, *ш̄'*, *ж̄'*, *х*, *j*, *ц*, *ч'*, *г*, *к*) соотносительных пар по твердости и мягкости не образуют. Одни из них по говорам являются твердыми, другие мягкими, но все они по твердости и мягкости внепарны, так как в системе согласных каждого из русских говоров отсутствуют соответствующие твердые, если они мягки, и соответствующие мягкие, если они тверды.

В сильном положении твердые и мягкие парные согласные различаются, т. е. выступают в своем основном виде и служат для различения значений. В слабом положении они могут совпасть в одном общем варианте.

Сильное положение для твердых и мягких согласных.

§ 159. Сильным положением для твердых и мягких парных согласных — всех или части — по русским говорам является положение на конце слова, перед рядом гласных фонем (*а*, *о*, *у*, *и*, частично *э*), перед задненебными и твердыми губными.

1. Во всех русских говорах парные язычные твердые и мягкие согласные фонемы различаются на конце слова. Ср.: *брат и брат'*, *вз'ат* и *вз'ат'*, *пуст* и *пус'т'*, *сл'ес* (слез) и *сл'ес'* (слезь), *одбро́с* и *одбро́с'*, *м'ел* и *м'ел'*, *стал* и *стал'*, *вон* и *вон'*, *кон* и *кон'*, *жар и жар'*, *уда́р* и *уда́р'*.

Парные твердые и мягкие губные согласные на конце слова различаются лишь в части русских говоров а также в литературном языке; ср.: *цеп* и *цеп'*, *сруп* (сруб) и *вглуп'* (вглубь), *с'јем* и *с'ем'*, *упр'а́м* и *впр'ам'*, *кроф* (кров) и *кроф'* (кровь), *гото́ф* и *гото́ф'*, а также *го́луп'* (голубь), *руп'* (рубль), *сып'*, *на́-з'ем'*, *на́-с'ем'*, *л'убо́ф'* (любовь), *оста́ф'* (оставь), *морко́ф'*[1] и т. д. Однако широко известны и такие русские говоры, в которых на конце слова твердые и мягкие губные не различаются. В таких говорах на конце слова произносятся губные только твердые: *цеп* как вместо *цеп*, так и вместо *цеп'*; *готоф* (или *гото́w*, *гото́ў*) как вместо *готов*, так и вместо *готов'*; *кроф* (или *кроw*, *кроў*) как вместо *кров* так и вместо *кров'*; *сруп* и *вглуп*, *с'јем* и *с'ем*, *упр'а́м* и *впр'ам*, а также *го́луп*, *руп*, *сып*, *на́-з'ем*, *на́-с'ем*, *л'убо́ф* (или *л'убо́w*, *л'убоў*), *оста́в* (или *оста́w*, *оста́ў*), *морко́ф* (или *морко́w*, *морко́ў*)[1] и т. д. Такое произношение широко известно среди говоров Вологодской группы, в Новгородских говорах и ряде других.

---

[1] Если не употребляется известная по некоторым русским говорам форма *морква́*.

Таким образом, для язычных твердых и мягких парных согласных конец слова является сильным положением во всех русских говорах. Для губных же твердых и мягких согласных конец слова является сильным положением в одних говорах (где твердые и мягкие губные различаются) и слабым — в других (где они не различаются, совпадая в твердых).

2. Во всех русских говорах парные твердые и мягкие согласные различаются перед гласными *а, о, у, и,* частично *о̂.*

Перед *а*: *мал* и *м'ал, вал* и *в'ал, пáл'цы* и *п'áл'цы, стáнут* и *ст'áнут, птáшка* и *т'áжко, судá* и *суд'á, к-сáду* и *с'áду, оз'áб* и *зáпад, рад* и *р'ад* (ряд), *глад'* и *гл'ад'* (глядь), *онá* и *кон'á.*

Перед *о*: *вол* и *в'ол, мол* и *м'ол, пост* и *п'ос, ворс* и *в'орст, стóпка* и *ст'óпка, дом* и *ид'ом, тóлка* и *т'óлка, взор* и *з'óрна, ров* и *р'ов, гроб* и *гр'об, нос* и *н'ос, лóва* и *л'óва* (Лёва).

В говорах, не знающих результата изменения *е* в *о*, звук *о* после мягких согласных употребляется только в некоторых падежных окончаниях и в уменьшительном суффиксе *-ок* (см. выше § 24). Поэтому различение твердых и мягких согласных перед *о* в таких говорах ограничено только падежными окончаниями и названным суффиксом: *п'илój — з'ем'л'ój, столóм — дупл'óм, шарóм — фонар'óм, уголóк — угол'óк, братóк — з'ат'óк, кусóк — гус'óк.* В других случаях после мягких согласных произносится *е*, после твердых *о*; ср.: *поднóс* и *подн'éс, вол* и *в'ел, пр'ив'éл, тóнок* и *кот'énок* и т. д.

Перед *у*: *колý* (дат. п. ед. ч.) и *кол'ý, п'илý* (вин. п. ед. ч.) и *п'ил'ý, к- столý* и *ст'ел'ý, жáру* и *жáр'у, злу* и *зл'у, т'еплý* и *ут'епл'ý, лук* и *л'ук, блуд* и *бл'уд, стук* и *т'ук, срýбу* и *гóлуб'у, сл'éду* и *м'едв'éд'у.*

Перед *и*: *забы́л* и *заб'ил, мы́шка* и *м'ишка* (Мишка), *вы́дано* и *в'идано, ты́на* и *т'ина, сыт* и *с'ито, з-горы́* и *гор'и, вады́* и *вад'и, платы́* и *плат'и, п'илы́* и *з'емл'и, в-ыно́м* (в ином) и *в'ино́м, с-ы́вой* (с ивой) и *с'ивой.* Так как в последней группе примеров имеется одна и та же гласная фонема, а именно *и*, причем *ы* является вариацией фонемы *и*, обусловленной положением после твердой согласной (об этом см. выше § 27), то, следовательно, приведенные слова отличаются друг от друга согласной фонемой — твердой или мягкой.

В немногих говорах (например, у так наз. „терюхан" — Дальне-Константиновский р-н Горьковской области) парные твердые и мягкие губные не различаются перед фонемой *и*, так как твердые губные перед *и* смягчаются, совпадая с мягкими губными в одном общем варианте; например, произносят: *сноп, снопá, снопý,* но *сноп'á; клоп, клопá, клопý,* но *клоп'и; боп, бобá, бобý,* но *боб'и; м'и б'или* (мы были), *в'и заб'ил'и* (вы забыли), *б'истро* (быстро), *м'ило* (мыло), *п'ил'но* (пыльно), *коп'ито* (копыто), *б'ик* (бык).

Перед *о̂* (*уо*). В говорах, имеющих особую фонему *о̂* (*уо*), эта фонема закономерно употребляется после твердых парных согласных, а также *к, г, х* (см. выше § 23). Однако под влиянием некоторых именных форм твердой разновидности с *о̂* (*уо*) эта фонема может проникнуть в соответствующие формы мягкой разновидности. В связи

с этим по говорам, хотя и в немногих случаях, перед гласной *о̂(уо)*, относящейся к флексии, твердые и мягкие согласные могут различаться; ср.: *п'илу̂ой* и *з'емл'у̂ой, конопл'у̂ой; гору̂ой* и *зор'у̂ой; с'елу̂о* и *дупл'у̂о, п'ору̂о, нутр'у̂о.*

3. Во всех русских говорах парные твердые и мягкие согласные язычные различаются перед губными и задненебными; ср.: *изба́* и *р'ез'ба́, смогу́* и *пис'мо́*[1], *т'ес'ма́; изму́ч'ил* и *ваз'му́*[2], *в'а́з'ма, в'аз'мо́; ма́нка* (крупа) и *ма́н'ка, ба́нка* и *ба́н'ка, ва́рка* и *вар'ка, го́рка,* и *го́р'ка, ко́лка* и *ко́л'ка, р'е́тко* и *р'е́т'ка, во́лга* и *о́л'га.*

Примечание. По говорам встречается мягкость задненебных после мягких согласных (*ба́н'к'а, ма́н'к'а* и т. д.; об этом см. подробнее ниже, §§ 167 и 168). Следует иметь в виду, что в таких говорах мягкость задненебных обусловлена мягкостью предшествующей согласной, но никак не наоборот. Перед мягкой задненебной предшествующая согласная различается по твердости и мягкости; ср.: *ба́нк'и* и *ба́н'к'и, ма́нк'и* и *ма́н'к'и, р'е́тк'и* и *р'е́т'к'и* и т. д.

По говорам произносится мягкое *р* перед задненебными и губными в сочетаниях, восходящих к старому сочетанию *tьrt: ч'етв'ёр'г в'ер'х, з'ёр'кало, цёр'ков', м'ёр'кн'от, д'ёр'гат', коч'ер'га́, п'ёр'вой с'ер'п, в'ёр'ба,* и др.

Мягкость звука *р* в этих случаях первоначально была обусловлена положением после определенной гласной переднего ряда перед губными или задненебными согласными. В одних говорах эта обусловленность сохраняется, в других она утрачена.

Однако в значительной части русских говоров, а также в литературном языке в настоящее время в приведенных выше случаях произносится твердое *р: ч'етв'ёрг, в'ерх, з'ёркало, п'ёрвой, с'ерп, в'ёрба* и т. д. Впрочем, литературному языку еще недавно было свойственно и мягкое *р*. В словах *в'ер'х, в'ер'хо́м, цёр'ков', ч'ьтв'ёр'г* (т. е. перед задненёбными) мягкое *р* можно встретить еще и в настоящее время. В слове *п'ёр'вой* мягкое *р* произносил, например, Л. Н. Толстой (это зафиксировано в записи на граммофонную пластинку речи Л. Н. Толстого). Для более раннего времени можно припомнить надпись, высеченную на памятнике Петру Первому в Ленинграде: *Петру перьвому Екатерина вторая.*

Фонемы *л* и *л'* различаются не только перед губными и задненебными, но также и перед другими согласными, в том числе мягкими. Ср.: *полз'и́* и *пол'з'ит'ел'но, волна́* и *вол'на́, по́лно* и *бо́л'но, полн'е́је* и *бол'н'е́је; пото́лше* (потолще) и *бо́л'ше, малч'и́* и *мал'ч'и́шк'и* и т. д. Таким образом, для фонем *л* и *л'* положение перед любой согласной является сильным.

Примечание. В некоторых с-в-р говорах вместо мягкого *л'* перед *н, ш* произносится твердое *л* (например, *болшо́й, колоко́лна, болно́й* и т. д.).

---

[1] По говорам представлена и твердость *с* перед *м: п'исмо́.*

[2] По говорам представлена и твердость *з* перед *м* и *м': возму́, возм'и́.*

Однако и в таких говорах фонемы *л* и *л'* перед *н* и *ш* нередко различаются, так как вместо твердого *л* в этом положении часто произносится *ў* (*потóўше*, *пóўно*). Об этом см. ниже §§ 176—179.

Твердые и мягкие парные губные согласные перед согласными не различаются. Даже перед губными и задненебными, перед которыми другие парные согласные различаются по твердости и мягкости, губные согласные не различают твердости и мягкости. В русском языке нет противопоставления сочетаний типа *бв* и *б'в*, *мб* и *м'б*, *пк* и *п'к*, *мк* и *м'к* и т. д. внутри слова: перед твердыми губными и задненебными произносятся только твердые же губные.

Степень противоположности парных твердых и мягких согласных.

§ 160. Противопоставленность твердых и мягких согласных друг другу неодинакова для разных согласных и в разных положениях, как неодинакова и по разным говорам. Учитывая то и другое, можно считать наиболее резко противопоставленными друг другу согласные язычные сонорные *н — н'*, *л — л'*, *р — р'*; слабее противопоставлены остальные язычные *т — т'*, *д — д'*, *с — с'*, *з — з'*; еще слабее противопоставлены друг другу губные *п — п'*, *б — б'*, *м — м'*, *в — в'* и, в особенности, *ф — ф'*.

Важнейшим положением, которое позволяет выделить твердые и мягкие согласные как особые фонемы, является конец слова, так как перед гласной твердость или мягкость согласной может зависеть от последующей гласной. Между тем на конце слова во всех русских говорах различаются только первые две группы твердых и мягких согласных. Губные на конце слова различаются по твердости и мягкости только в части говоров. Выделяя в слове *пыл'* мягкую согласную фонему *л'*, мы эту же фонему узнаем в словах *л'а̀мка*, *л'у̀к л'ак*, считая более передний характер *а̀*, *у̀* обусловленным их положением после мягкой согласной. Точно так же выделяя фонему *л* в слове *мыл*, мы ту же фонему узнаем в *ла́вка*, *лук*, *лы́ко*, считая более заднее образование звука *ы* обусловленным положением его после твердой согласной, так как в начале слова не после согласной произносится только *и*. Именно таким образом мы различаем *л* и *л'* в качестве разных фонем, объединяя *а* и *а̀*, *у* и *у̀*, *и* и *ы* как вариации одной и той же фонемы.

Точно так же в слове *с'ем'* (с мягкою *м'*) выделяется фонема *м'*, которая наличествует в слове *м'а̀л*, а в слове *сам* — фонема *м*, которая имеется в словах *мак*, *мост* и т. д.

Иначе обстоит с твердыми и мягкими губными в говорах, в которых они на конце слова не различаются, — в которых на конце слова произносятся только твердые губные (*л'убóф* или *л'убóш*, *с'ем рас*, *сып*). Слова *мот* и *м'от* (мёд) или *па́л'цы* и *п'а́л'цы* с физиолого-акустической точки зрения отличаются друг от друга в двух отношениях: твердостью или мягкостью согласных (*м* или *м'*, *п* или *п'*) и качеством последующей гласной (*о* или *о̀*, *а* или *а̀*). Не имея возможности по отношению к таким говорам выделить мягкость и твердость губных на конце слова, мы сталкиваемся с серьезным затруднением при решении вопроса о том, какое из этих двух различий является основным, обусловливающим, и какое, напротив, второстепенным, зависимым, обусловленным. В самом деле: как установить, что в словах *мот* и *м'от* (мёд), *па́льцы* и *п'а́л'цы* — разные согласные фонемы (*м* и *м'*, *п* и *п'*) и одна и та же гласная фонема (*о* в первой паре слов, *а* — во второй), выступающая в разных своих вариациях, обусловленных твердостью или мягкостью предшествующей согласной (*о* или *о̀*, *а* или *а̀*), если саму эту мягкость и твердость согласной мы не можем изолировать от следующей гласной (в говорах, не знающих мягких губных на конце слова)?

Если не учитывать в должной мере всей системы языка, то из анализа подобных примеров не трудно сделать и обратный вывод о том, что в них — разные гласные фонемы и одна и та же согласная фонема в ее твердой и мягкой разновидности, обусловленной качеством гласной. В этих примерах по отношению к говорам, не различающим на конце слова мягкости и твердости губных, четче выделяются целые слоги как „твердые" или „мягкие" (*мо* и *м'о*, *па* и *п'а*), чем отдельные фонемы. Однако, учитывая всю систему согласных таких говоров, где имеются рядом сочетания *ро — р'о*, *ра — р'а*, *ло — л'о*, *ла — л'а*, *то — т'о*, *та — т'а* и т. д., в которых твердые и мягкие согласные фонемы выделяются, так как они различаются на конце слова, в сочетаниях с губными (*мо — м'о*, *па — п'а* и т. д.) мы также выделяем твердость и мягкость согласных как фонемообразующую категорию, хотя и с гораздо меньшей отчетливостью. К такому же выводу мы приходим, имея в виду, что в части русских говоров и в литературном языке твердые и мягкие губные различаются на конце слов и потому противопоставляются друг другу с достаточной определенностью.

Таким образом, в говорах, не различающих твердость и мягкость губных на конце слова, противопоставленность этих фонем друг другу выражена значительно слабее, чем в говорах, различающих их.

§ 161. Неодинаково также противопоставление отдельных групп твердых и мягких согласных перед разными гласными. Это имеет свое историческое объяснение: парные мягкие согласные имеют разное происхождение — одни из них (так называемые исконно смягченные согласные) восходят к доисторическим сочетаниям с *j* (таковы *н'*, *л'*, *р'* из *nj*, *lj*, *rj*)[1]; другие (так называемые согласные вторичного смягчения) восходят к старым несмягченным согласным, которые позднее в говорах восточных славян в положении перед гласными переднего ряда смягчились, причем *н'*, *л'*, *р'* этого происхождения совпали с *н'*, *л'*, *р'* из сочетаний с *j* (таковыми могут быть все парные мягкие согласные). Наконец, любые мягкие парные согласные могут явиться на стыке с гласными окончаний в результате морфологических процессов (например, влияния одних типов склонения на другие. Ср.: *зв'ер'ám*, *гвоз'д'ám*, *голуб'ám*, *зв'ér'у*, *гóлуб'у*, *гвозд'óм* и т. д.).

Твердые и мягкие *н*, *л*, *р* в достаточной мере противопоставлены друг другу перед всеми гласными, перед которыми твердые и мягкие согласные вообще различаются. Слова и формы с сочетаниями *ны — н'а*, *на — н'а*, *но — н'о*, *ну — н'у*; *лы — л'и*, *ла — л'а*, *ло — л'о*, *лу — л'у*; *ры — р'и*, *ра — р'а*, *ро — р'о*, *ру — р'у* широко представлены в русском языке. Это объясняется тем, что мягкие *н'*, *л'*, *р'* восходят ко всем трем указанным выше источникам.

Твердость и мягкость остальных согласных перед фонемой *и* представлена также достаточно широко (ср. слова и формы с сочетаниями *ты — т'и*, *ды — д'и*, *сы — с'и*, *зы — з'и*, *пы — п'и*, *бы — б'и*, *мы — м'и*, *вы — в'и*); однако перед другими гласными она представлена несколько менее широко. Это связано, вероятно, с тем, что фонетически мягкие губные всегда, а мягкие зубные в значительной части случаев[2] восходят лишь к одному источнику: это так называемые согласные вторичного смягчения, которые образовались из несмягченных согласных в положении перед гласными переднего образования. Например, слоги *т'о*, *д'о*, *с'о*, *з'о*, *п'о*, *б'о*, *м'о*, *в'о* обычно восходят к несмягченным согласным + *е* или *ь* в сильном положении (ср.: ***т'омноj***, ***ид'óм***, ***с'óла***, ***з'óрна***, ***п'óк***, ***б'óдра***, ***м'ол***, ***в'ол***), слоги *т'а*, *д'а*, *с'а*, *з'а*, *п'а*, *б'а*, *м'а*, *в'а* восходят обычно к сочетаниям несмягченных согласных и гласной *е* носовое (***т'áга***, ***гл'ад'áт***, ***с'áду***, ***з'áбну***, ***п'áтоj***, ***л'уб'á***, ***м'ал***, ***в'ал***). Позднее появляются такие же сочетания на стыках с гласными падежных

---

[1] А также — в ограниченном количестве случаев — *с'* и *з'* из *ch*, *g* в результате одного из процессов палатализации задненебных, например, в словах *в'ес'*, *кн'аз'*.

[2] Звуки *с'*, *з'* в немногих сравнительно случаях являются исконно смягченными и восходят к *ch*, *g* в определенных фонетических условиях.

окончаний в результате морфологических процессов — влияния одних типов склонения на другие, например: *гвозд'о́м, гвозд'а́м, голуб'а́м, голуб'а́х, лошад'а́м, в цеп'а́х;* по говорам: *гус'о́м, гус'а́м, медвед'о́м, медвед'а́х* и т. д.

Наконец, еще более слабо противопоставление твердости и мягкости этих согласных перед *у*. Это объясняется тем, что сочетания мягких согласных (кроме *н'*, *л'*, *р'*) с *у* не могут быть фонетического происхождения: они обычно являются на стыках с гласными падежных окончаний в результате морфологических процессов (*гвозд'ý, гóлуб'у, м'едв'éд'у;* по говорам: *гл'ад'ý, молóт'у, прóс'у, вóз'у, кýп'у, л'ýб'у* и т. д.). В немногих словах в середине слова эти мягкие согласные перед *у* являются в словах заимствованных, в словах эмоциональных, а также в отдельных словах неясного происхождения (например: *т'ук, т'ýкнут, ст'ýхат', т'ýр'а, з'ýка; с'т'ýд'ен'* рядом со *стýд'ен'* и др.) [1].

Особенно слабо противопоставление фонем *ф* и *ф'* (в говорах, где таковые имеются). Это объясняется их иноязычным происхождением: едва ли можно в русском языке подобрать два таких слова, которые бы отличались друг от друга только твердостью или мягкостью *ф*, так как мягкость *ф* перед *о, а, у*, т. е. слоги *ф'о, ф'а, ф'у* почти не представлены в нем.

§ 162. Наконец, неодинаково также противопоставление разных групп твердых и мягких парных согласных перед губными и задненебными. Как было указано выше, в этом положении по твердости и мягкости различаются язычные согласные, но не различаются губные (ср. *бáнка* и *бáн'ка*, но только *гупка:* сочетания *п'к* внутри слова нет в русском языке). Это также выделяет категорию губных согласных, в которой твёрдость и мягкость менее противопоставлены, чем у согласных язычных.

Таким образом, противопоставленность разных групп твердых и мягких согласных перед разными гласными, а также перед задненебными и губными согласными в разных говорах неодинакова.

Твердые и мягкие парные согласные в слабом положении.

§ 163. В других положениях твердые и мягкие согласные не различаются, совпадая друг с другом в одном варианте. Эти положения поэтому являются слабыми. К слабым положениям для всех парных твердых и мягких согласных относится положение перед гласными фонемами переднего ряда неверхнего подъема (*ê, е*). Для определенных групп парных твердых и мягких согласных слабым положением является также положение перед определенными согласными.

В этих положениях твердые согласные обычно смягчаются, совпадая с соответствующими мягкими.

Твердые и мягкие парные согласные перед гласными *ê, е.*

§ 164. Твердые согласные перед *ê* и ее соответствиями по говорам, а также перед фонемой *е* в той мере, в какой она представлена без изменения в *о*, смягчаются, совпадая с соответствующей мягкой. Ср., например: *рáна — бáн'а, рáны — бáн'и, рáну — бáн'у,* но *в-рáн'е — бáн'е* (в обоих случаях с *н'*). Или *д'éло — пóл'о,*

[1] В литературном языке, где заимствованных слов значительно больше, — больше и противопоставленность этих твердых и мягких согласных перед *у*, так как там больше случаев с мягкими парными согласными перед этой гласной. Ср.: мягкие губные перед *у*: *б'уст, б'увáр, б'урó, б'уджéт, п'урé, п'уп'úтр, д'ушéс* и т. д.

д'éла — пóл'а, д'éлу — пóл'у, но *в-д'éл'е, в-пóл'е* (в обоих случаях с *л'*).

Иллюстрируем это примерами.

1. Твердые парные согласные смягчаются перед фонемой *ê* и ее соответствиями в других говорах: *вода́, на-вод'é, гора́ — на-гор'é, ст'ена́ — на-ст'ен'é, стол — на-стол'é, сноп — в-сноп'é, с'оло́ — в-с'ел'é*; ср. также: *д'éло, в'éра, м'éра, с'éно, с'ел, п'ел, р'éзат'*.

2. Твердые парные согласные смягчаются перед *е*, не изменившимся в *о*. Звук *е*, не изменившийся в *о*, представлен в литературном языке и большей части говоров обычно перед мягкой согласной. Довольно широко известно по говорам (особенно ю-в-р) *е* в личных окончаниях глаголов как перед мягкою согласной, так и перед твердою (отвердевшею или исконно твердою). Ср. по говорам: *н'есý — н'ес'éш, н'ес'éт, н'ес'éм, в'едý — в'éд'еш, в'езý — в'éз'еш, гр'ебý — гр'еб'éш*; примеры с *е* в корнях: *с'éл'скоj* (при *с'óла*), *в'ес'éл'jо* (при *в'ес'óлоj*), *б'ер'éз'н'ик* (при *бер'óза*), *д'ен'* (при *п'ат' д'óн*), *д'ер'е-в'jа* (при *д'ер'óв*), *н'ес'т'* (при *н'ос*).

В говорах, не знающих изменения *е* в *о*, широко представлено *е* с предшествующей мягкой парной согласной в положении перед твердой согласной: *пр'ин'éс, пр'ив'éз, п'ат' в'éрст, б'ер'éза, кл'ен, в'ес'éлоj, кот'énок*.

Однако — в результате позднейшего отвердения согласной перед *е* — в отдельных говорах перед *е* произносится твердая согласная: *в'еду — в'едэ́ш, н'есу — н'есэ́ш, гр'ебу́ — гр'ебэ́ш, дэн'* (при *п'ат' д'óн*), *в'есэ́л'jо* (при *в'ес'óлоj*), *дэ́р'ево, дэ́н'ги, дэ́с'ат', отэ́ц*. Среди говоров, не знающих изменения *е* в *о* (например, в б. Михайловском у. Рязанской обл.), встречаются такие, в которых гласная *е* с предшествующей твердой согласной произносится также перед твердой согласной: *пр'инэ́с, привэ́л, п'ат' вэ́рст, б'ерэ́за, в'есэ́лоj, котэ́нок*.

Твердые и мягкие парные согласные перед согласными.

§ 165. По говорам отдельные группы согласных не различаются по твердости и мягкости перед определенными группами согласных.

1. Во многих говорах твердые и мягкие парные зубные согласные (кроме *л*) не различаются перед зубными: перед твердыми произносятся твердые зубные (*т, д, с, з, н*), а перед мягкими — мягкие (*т', д', с', з', н'*); ср.: *расту́ — рос'т'óт, простój — прóс'т'ен'коj, узда — уз'д'éч'ка, з'в'ездá — вы́з'в'ез'д'ило, росла́ — рос'л'и́, н'ес-ла́ — н'ес'л'и́, в'езла́ — в'ез'л'и́, злоj — з'л'ит', сосна́ — на сос'н'é, ве'сна́ — к-в'ес'н'é, гр'áзноj — гр'аз'н'éje, в'и́нт — в'ин'т'ик*, а также *рас'с'éл'ис', з'-з'емл'и́, от'т'ану́л, од'д'éлал*.

2. Во многих говорах парные твердые и мягкие зубные согласные не различаются перед губными: перед твердыми губными произносятся твердые зубные (*т, д, с, з, н*), а перед мягкими губными — мягкие зубные (*т', д', с', з', н'*); ср.: *два — д'в'е, плотвá — плот'в'и́ца, ботвá — в-бот'в'é, проспáл — н'е-прос'п'и́, изба — из'б'óнка, канвá — на-кан'в'é*, а также *т'в'ер', т'в'óрдоj, в'ét'в'и,*

д'в'ер', *м'ед'в'éд'*, *с'п'инá*, *с'п'éлоj*, *с'м'éлоj*, *з'в'ездá*, *кон'ф'éта* (*кон'х'в'éта*), *с'п'исáт'*, *с'м'ép'ит'*, *з'б'éгат'*, *с'в'ép'ит'*.

3. Парные твердые и мягкие губные по говорам не различаются перед губными: твердые губные произносятся перед твердыми, мягкие — перед мягкими; ср.: *лáмпа — в-лáм'п'е*, *бóмба — бом'б'ит'*, *в-мáс'л'е*, *в'-м'ир'е*, *в'б'ит*, *ф'п'ер'óд*, *в'м'éс'т'е*[1], *об'в'ол*.

4. Фонемы *р* и *р'* по говорам не различаются перед зубными и губными: перед твердыми может произноситься твердое *р*, а перед мягкими — мягкое *р*; ср.: *порты́ — пор'т'áнка*, *гóрдоj — гор'д'ит-ца*, *испóр'т'ил*, *кар'т'ина*, *кор'з'ина*, *шер'с'т'*, *с'м'ер'т'*, *кóр'н'и*; *корм — кор'м'ит'*, *кормá — на-кор'м'é*, *сорвý — сор'в'и́*, *кар'п'ет'*, *горбáтоj — згóр'б'илса*, *скор'б'ет'*.

5. Твердые и мягкие парные согласные не различаются перед *j* (*i*). Твердые парные согласные язычные (т. е. все, кроме губных) в большей или меньшей степени смягчаются перед *j* во всех русских говорах. Поэтому перед *j* произносятся обычно только мягкие язычные согласные[2]: *брат — брáт'jа*, *кóлос — колóс'jа*, *пóлоз — полóз'jа*, *из'-jамы*, *с'-jáковом*, *з'ат'já*, *д'ад'jа*, *л'ис'т'jа*, *из'jáн*, *л'jу*, *м'ед'в'ед'jó*, *з'в'ер'jó*. Во многих говорах парные твердые губные также в большей или меньшей степени смягчаются перед *j*, в связи с чем перед *j* произносятся губные только мягкие. Однако в других говорах губные перед *j* сохраняют твердость. Таким образом, одним говорам свойственно произношение: *б'jу*, *п'jу*, *в'jу*, *вороб'já*, *мурав'já*, *солов'já*, *тр'ап'jó*, *с'ем'já*, *п'jáноj*, а другим: *бjу*, *пjу*, *вjу*, *воробjá*, *муравjá*, *соловjá*, *тр'апjó*, *с'емjá*, *пjáноj*.

Зубные и губные перед зубными, губными и *j* часто встречаются на стыке приставки и корня, а также предлога и следующего слова. По говорам их мягкость перед мягкими зубными и губными на стыке указанных морфем может иметь бóльшие или меньшие ограничения. В одном и том же говоре может произноситься, например, *м'ед'в'éд'*, но *подв'éс'ил*, *т'в'óрдоj*, но *отв'óртывать'*, *л'уд'м'ила*, но *подм'ол*, *вороб'já*, но *обjéхал*.

6. В некоторых говорах губные согласные смягчаются перед мягкими задненебными; ср.: *шáпка — шáп'к'и*, *щýпка — щýп'к'и*, *бáпка — бáп'к'и*, *дубóк*, *дупкá — дуп'к'и́*, *тр'апка — тр'áп'к'и*, *тóпкоj — тóп'к'их*, *рóпкоj — рóп'к'их*, *лóмкоj — лóм'к'их*, *н'éмка — н'éм'к'и*, *лáфка — лáф'к'и*, *д'éфка — д'éф'к'и*, *трáфка — трáф'к'и*. Если звонкая губная фрикативная фонема перед согласной имеет губно-губное образование (*w* или *ў*), то в положении перед мягким задненебным может произноситься в результате передвижки артикуляции вперед *w'* или *j* (*i̯*). Если та же фонема перед глухой согласной реализуется в звуке *х*, то перед мягким задненебным может произноситься *х'*: *трáwка*, *трáўка — трáw'к'и*, *трájк'и*; *д'éwка*, *д'é-*

---

[1] Если не произносится *уп'ер'од*, *ум'éс'т'е*.

[2] Если на месте мягкой согласной и *j* не образуется двойная согласная: *с'в'ӣн'á*, *брā̄т'а*, *колдо̄'а*, *воскр'ес'ē̄н'о* и др. Такое произношение известно, например, по говорам Вологодской, Кировской и Костромской областей.

ўка — д'éш'к'и, д'éјки; канáшка, канáўка — канáш'к'и, канáјк'и; тráхка — тráх'к'и, д'éхка — д'éх'к'и.

Как видно из примеров, смягчение губных перед задненебными представлено почти исключительно перед *к*. В единичных случаях можно отметить также смягчение губной перед *г: с'óмга — с'óм'г'и.*

Смягчение губных перед задненебными представляло собой, между прочим, одну из характерных черт старого московского произношения. Однако оно почти утрачено, и можно считать, что современному литературному языку оно уже не свойственно.

7. Фонемы *н* и *н'* не различаются перед *ч'*, *ц'* и *ш'*, так как перед этими фонемами произносятся только *н'*: *н'áн'ч'ит'*, *кóн'ч'ит'*, *стакáн'ч'ик*, *бр'ев'éн'ч'атоj*; при цоканье с мягкой *ц'*: *н'áн'ц'ит'*; *кóн'ц'ит'*, *стакáн'ц'ик*, *бр'ев'éн'ц'атоj*; *до-кон'ц'á*, *полот'éн'ц'о*. При цоканье с твердой *ц* предшествующая зубная носовая фонема произносится в одних говорах мягко (*кóн'цык*, *стакáн'цык*), в других — твердо (*кóнцык*, *стакáнцык*). Наличие мягкости *н* перед твердой *ц* (вместо *ч*), возможно, указывает на сравнительно позднее отвердение такого *ц*.

Перед фонемой *ц* (если она произносится твердо) обычно произносится только твердое *н* (*концá*, *гонцá*, *с'енцá*, *полот'éнца*). Но отмечены отдельные говоры, в которых перед твердою фонемой *ц* произносится мягкое *н*: *кон'цá*, *гон'цá*, *с'ен'цá*, *полот'éн'ца*. Перед фонемой *ц* (если она произносится твердо) также обыкновенно произносится твердое *р* (*огурцá*, *корцá*, *стáрца*), но имеются говоры с мягким *р* перед *ц*: *огур'цá*, *кор'ца*, *стáр'ца*.

В с -в -р говорах с мягкою *ц* (*ц'*) перед нею произносятся мягкие *н* и *р*: *кон'ц'á*, *с'ин'ц'á*, *огур'ц'á*, *стáр'ц'а*.

Как известно, звук *ц* в прошлом был мягок. Между *н* или *р* и последующей *ц* находился звук *ь*, который в одних положениях изменялся в *е*, в других исчезал. Перед *ь* согласные произносились мягко. Сохранившаяся по говорам мягкость *н* и *р* перед твердою *ц* является следом былой мягкости *ц* (*ц* уже отвердело, а *н* и *р* еще не ассимилировались ему), а также того, что они находились перед *ь*.

Перед фонемой *ш* в определенных категориях случаев обыкновенно произносится мягкое *н* (*тóн'ше*, *м'éн'ше*), но по говорам представлено и твердое *н*: *тóнше*, *м'éнше*.

Перед фонемой *ш'* произносится мягкое *н*: *жéн'ш'ина*, *д'ер'ев'éн'ш'ина*, *под'óн'ш'ик* [1]. Если в соответствии с фонемой *ш'* по говорам произносится *ш*, то перед такой твердою согласной в одних говорах произносится мягкое *н'* (*жéн'шына*, *д'ер'ев'éн'шына*), в других твердое *н* (*жéншына*, *д'ер'ев'éншына*).

Степень мягкости согласных перед мягкими согласными неодинакова для разных групп согласных и для разных говоров; в одних случаях она незначительна, так что наблюдатель колеблется, следует ли отнести данные согласные к категории мягких или твердых со-

[1] Фонема *ш'* после согласной имеет тенденцию к утрате долготы: *жéн'ш'ина*, *д'ер'евéн'ш'ина*.

гласных, в других она вполне выражена, и мягкость согласной не вызывает сомнения. Вообще в современном русском языке отмечается тенденция к отвердению согласных перед мягкими согласными; например произношение *дв'е, л'удм'ила, сл'ива,* в особенности *кóрт'ит', кóрн'и, корз'ина* вместо более старых *д'в'е, л'уд'м'ила, с'л'ива.* Эта тенденция особенно сильна, когда сочетание согласных относится к разным морфемам — приставке и корню или предлогу и следующему слову.

Относительно говоров, которым свойственна сильная степень мягкости согласных перед мягкими согласными, надо сделать следующее замечание: в некоторых из таких говоров мягкие *с, з* произносятся шепеляво (*с''*, *з''*), как звуки акустически средние между мягкими свистящими и шипящими (между *с'* и *ш'*, *з'* и *ж'*); или мягкие *т'* и *д'* произносятся с более или менее заметным фрикативным (обычно свистящим) элементом: *т'^{с}*, *д'^{з}*. В таких говорах эти шепелявые звуки *с''*, *з''* или мягкие *т'*, *д'* с фрикативным элементом (*т'^{с}*, *д'^{з}*) произносятся обычно также и перед мягкими согласными: *расту́ — рос''т'óт, узда́ — уз''д'éч'ка, росла́ — рос''л'и́, сосна́ — на сос''н'é, с''т'ена́, з''д'éс', с''в'ин'já, с''п'ина́, з''б'éгал, с''м'éло; в'ét'^{с}в'и, т'^{с}в'óрдой, д'^{з}в'е, м'ед'^{з}в'éд'*. В некоторых говорах мягкие *т* и *д* имеют фрикативный элемент шипящий: *т'^{ш}в'óрдо, д'^{ж}в'е.*

Согласные фонемы внепарные по твердости — мягкости.

§ 166. Ш и п я щ и е и *ц*. Внепарные по твердости и мягкости согласные *ч, ц, ш̄', ж̄'* и их соответствия по говорам в каждом данном говоре или тверды, или мягки (о качестве этих фонем см. выше §§ 121,125,131). Внепарные по твердости и мягкости фонемы *ш, ж* в подавляющей части русских говоров во всех положениях звучат, как твердые согласные, и лишь в немногих говорах они мягки (см. выше § 131). В некоторых говорах (например, в Вятской области) фонемы *ш, ж* вообще тверды, но они приобретают позиционную мягкость перед *и, ê, е: нош, ножá, ножý, на ножáх,* но *на нож'é; п'ишý,* но *п'иш'и́; ж'ён'ш̄'ина, ш'ес'т', ж'ил, ш'ил, ж'ир.* Довольно широко известно смягчение *ш, ж* перед мягкой *н*: *сапóж'н'ик, пирóж'н'ик, пр'éж'н'ej, в'éш'н'ej, страш'н'еje,* но *сапóжноj, стрáшноj.* Такое произношение не чуждо и литературному произношению (например, в его ленинградском варианте), но не может считаться орфоэпическим.

§ 167. З а д н е н е б н ы е. Внепарные задненебные согласные *к, г* (γ), *х* в определенных условиях могут смягчаться, выступая в своих мягких вариациях *к'*, *г'* (γ'), *х'* и некоторых других, качество которых описано ниже.

Задненебные согласные *к, г* (γ), *х*, так же как и парные твердые согласные, смягчаются перед *ê* и ее соответствиями по говорам, а также перед *е* в той мере, в какой эта последняя фонема может употребляться после задненебных: *рукá — рук'é(ê), ногá — ног'é*

(или: *ноγá — ноγ'é*), *сохá — сох'é* (ср.: *водá — вод'é, ст'енá — ст'ен'é*), *кусóк — кускé, пирóг* (или *пирóх*) — *пирог'é* (или *п'ироγ'é*), *плук — плýг'е* (или *плух — плγ'е*), *слух — слýх'е*. Случаи с *к, г* (γ) перед *е* находим, например, в говорах, сохранивших звук *е* без замены его звуком *о*, в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения: *п'ек'éш, волок'éш, т'ек'éш, запр'ег'éш* (или *запр'еγ'éш*), *б'ер'ег'éш* (или *б'ер'еγ'éш*), *стр'иг'éш* (или *стр'иγ'éш*).

Задненебные *к, г* (γ), *х*, кроме того, смягчаются еще перед фонемой *и*: *рука — рук'и́, нога́ — ног'и́* (или *ноγá — ноγ'и́*), *сохá — сох'и́, кусóк — кускú, п'ирóк* (или *п'ирóх*) — *п'ирог'и́* (или *п'ироγ'и́*), *слух — слýх'и*. Таким образом, в противоположность парным твердым согласным, в зависимости от которых следующая за ними фонема *и* изменяется, выступая в своей вариации *ы*, задненебные *к, г* (γ), *х* сами подвергаются изменению: смягчаются в положении перед *и* и выступают в своих мягких вариациях — *к', г'* (γ'), *х'*. Ср.: *ст'енá — ст'ены́* (род. п. ед. ч.), но *рукá — рук'и́*; или *стол — столы́* (им. п. мн. ч.), но *п'ирóк* (или *п'ирóх*) — *пирог'и́* (или *п'ироγ'и́*).

В указанных выше положениях фонемы *к, г* (γ), *х* выступают в своих мягких вариациях во всех говорах русского языка. Кроме этих положений, есть еще одно, в котором мягкие вариации задненебных согласных выступают только в части говоров,— это положение после мягких согласных.

В значительной части ю-в-р говоров, а также в части с-в-р и ср-в-р говоров фонема *к* после парных мягких согласных (*н', р', л', т', д', с', з'*) и *j* смягчается, выступая в своей вариации *к'*: *вáн'к'а, п'ен'к'óм, вáр'к'у, пос'т'ел'к'у, п'ét'к'а, р'ét'к'а, вáс'к'а, гус'к'óм, чайк'ý, дáj-к'а, давáj-к'а* (или *давáj-к'о*), *стá'н'-к'а* (или *стáн'-к'о*), *мáл'ин'к'ija, мáл'ин'к'iju, мáл'ин'к'aj* (маленькая, маленькую, маленький). В части говоров смягчение *к* распространяется также на положение после *ч*: с *к'* употребляются не только примеры подобные выше приведенным, но также *дóч'к'а, д'éвоч'к'а, бóч'к'а, кýч'к'у, суч'к'á, суч'к'óв, за дóч'к'aj* (или *за дóч'к'oj*), *струч'к'ám'и*. Наконец, в немногих говорах фонема *к* выступает в своей мягкой вариации *к'* также после *ш, ж*. Это, возможно, говоры, в которых *ш, ж* произносятся или в недавнем прошлом произносились мягко: *рубáшк'а, старýшк'а, пирошк'á* (*пирожка*), *подрýшк'а*, (*подружка*), *окóшк'а, лукóшк'а, кадýшк'а, бáт'ушк'а, дáр'jушк'а, з'áт'ушк'а*.

Другие задненебные — *г* (γ) и *х* — также могут смягчаться после мягких согласных. Но в то время как случаев с *к* после мягких согласных много (сюда относятся многие слова с уменьшительным суффиксом *к*, прилагательные с суффиксами *-ен'к* (*-он'к*), формы повелительного наклонения с частицей *-ко* (*-ка*) и некоторые другие),— случаев с *г* (γ) и *х* после мягких согласных в русском языке очень немного: это прежде всего несколько слов, в которых *г* (γ), *х* по говорам оказывается после *р'* (*четв'ép'г, кочер'гá, д'ép'гать'; в'ep'x*), и еще некоторые единичные примеры (*ден'гáм, -áм'и, -áх, ól'га,*

ол'ха). Например: *ч'етв'ер'г'á* (или *ч'етв'ер'γ'á*), *ч'етв'ер'г'óм* (или *ч'етв'ер'γ'óм*), *коч'ер'г'á* (или *коч'ер'γ'á*), *д'ép'г'ат'* (или *д'ép'γ'ат'*), *д'ен'г'ám'и* (или *д'енγ'ám'и*)[1], *д'ен'г'ám* (или *ден'γ'ам*), *Ол'г'а* (или *Олγ'а*)[2], *нав'ер'х'ý*, *в'ер'х'óм*, *ол'х'а*.

§ 168. Возможность во многих говорах сочетаний *ка — к'а*, *ку — к'у*, *ко — к'о* может привести к выводу о том, что в этих говорах перед рядом гласных различаются *к* и *к'*, представляя собой две разные фонемы. Но такой вывод был бы неверен: ведь в них представлены сочетания: а) твердой согласной + *к* (например, *нк*); б) мягкой согласной + *к'* (например, *н'к'*); при последовательном проведении этого явления отсутствует сочетание мягкой согласной + *к* (например, *н'к*); но имеется — и это особенно важно — сочетание твердой согласной + к' (*нк'*). Таким образом, в соответствующих говорах произносят: *бáнка* и *бáн'к'а* (после мягкой не может быть *к*) — звуки *к* и *к'* в одном и том же положении, т. е. после одной и той же согласной и перед одной и той же гласной не различаются. Мягкость *к* позиционна: зависит от мягкости предшествующей согласной. Звуки *к* и *к'* возможны только в р а з н ы х положениях, в которых они замещают друг друга, являясь разновидностями одной фонемы. Звук *к'* является вариацией фонемы *к*, обусловленной положением после мягкой согласной. Напротив, звуки *н* и *н'*, как и другие парные твердые и мягкие согласные, перед одной и той же согласной *к'* различаются как две разные фонемы; их твердость или мягкость не зависит от качества звука *к'* и служит для различения слов; ср.: *в-бáнк'е* и *в-бáн'к'е*, *из-мáнк'и* и *у-мáн'к'и*, *в-тáнк'е* и *к-тáн'к'е*, *о-вáрк'е* и *к-вáр'к'е*, *скáск'и* и *у-вáс'к'и*, *р'étки* и *р'ét'к'и* и т. д. В дальнейшем, когда под влиянием литературного языка проникает произношение твердого *к* после мягкого согласного, описанные отношения нарушаются.

В литературе предмета есть указания на то, что звук *к'*, фонетически закономерный в положении после мягких согласных, в отдельных говорах отмечен также в некоторых словах и в положении после твердых парных согласных: *трáвк'а*, *корóвк'у*, *jázotk'a*, *кваск'ý*, *куск'óм*[3]. Таким образом, звук *к'* отрывается от позиционных условий, в которых он возник. Однако такие факты случайны и единичны. Слоги *ка — к'а*, *ку — к'у*, *ко — к'о* в таких говорах также не могут дифференцировать слова, различать их значения. Поэтому звуки *к* и *к'* благодаря таким случаям все же не становятся двумя разными фонемами.

Нельзя не отметить и другие процессы, приводящие к различению твердых и мягких задненебных как особых фонем: говоры, знающие под ударением *е* в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (*п'ек'ém*, *толк'ém*, *т'ек'ém*, *волок'ém*, *б'ер'ег'ém*, *запр'ег'ém*, *стр'иг'ém*), под влиянием других говоров, имеющие звук *о* в этих формах, приобретают в них *о*. Появляются формы: *п'ек'óм*, *толк'óм*, *т'ек'óм*, *волок'óм*, *б'ер'ег'óм*, *запр'егóм*, *стр'иг'óм*, в которых звуки *к'*, *г'* (*γ'*) произносятся перед *о*. Но так как перед *о* произносятся также соответствующие твердые согласные *к*, *г* (*γ*) (ср. *кот*, *год* и др.), то оказывается, что перед *о* звуки *к* и *к'*, *г* (*γ*) и *г'* (*γ'*) различаются, т. е. что твердость и мягкость задненебных не обусловлена фонетическим положением, самостоятельна, иначе говоря, образует разные фонемы.

Однако и в этом случае противопоставленность *к — к'*, *г* (*γ*) — *г'* (*γ'*) весьма невелика, значительно меньше, чем в других парах твердых и мягких

---

[1] Форма *дéнг'им'и* (*д'éн'γ'им'и*) с ударением на 1-м слоге сюда не относится, так как в ней может быть окончание *-ими*; ср.: *ýтк'им'и*, *старýх'им'и*, а также *брáт'jим'и*, *крьí'jими*. А как известно (см. выше § 167), задненёбные перед *и* смягчаются.

[2] Имя „Ольга" по говорам произносится также *ól'ja*. О произношении *j* вместо *γ'* см. ниже § 170.

[3] В слове *сахарк'ý* звук *к'* может быть фонетического происхождения, если учесть, что соответствующее непроизводное слово по говорам широко известно с мягкою *р* на конце: *сáхар'*, *сáхар'у* и т. д.

согласных, так как всё же твердые и мягкие задненебные не различаются перед *и*, *а*, *у*, а также, что особенно важно, на конце слова. В самом деле: имеются сочетания *к'и*, *г'и* (*γ'и*), но отсутствуют сочетания *кы*, *гы* (*γы*) в пределах слова (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *б'ил — был*, *т'ына — тына*), имеются сочетания *ка*, *га* (*γа*), но отсутствуют независимые сочетания *к'а*, *г'а* (*γ'а*)[1] (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *мал — м'ал*, *к-саду — с'аду*); имеются сочетания *ку*, *гу* (*γу*), но отсутствуют независимые сочетания *к'у*, *г'у* (*γ'у*). На конце слова произносятся только твердые задненебные (ср. в других парах твердых и мягких согласных: *брат — брат'*, *шест — шес'т'*, *стан — стан'*).

Примечание. В литературе предмета отмечены отдельные случаи употребления мягких задненебных на конце слова. Это прежде всего в звательной форме без окончания от уменьшительных имен, имеющих в тех же говорах на конце *-к'а* (*ван'к'! п'ет'к'! вас'к'! с'ен'к'!*), в слове *ч'етв'ер'к'* (видимо, при *четв'ер'г'а*, *четвер'г'у*) и еще в нескольких не вполне достоверных случаях.

§ 169. В ряде говоров вместо *к'*, *г'* произносятся звуки *т'*, *д'*: *рука́ — рут'и́ — рут'е́*, *мука́ — мут'и́ — мут'е́*, *р'ека́ — р'ет'и́ — р'ет'е́*; *в-р'еч'т'е*, *вас'т'а*, *ван'т'а*, *доч'т'а*, *т'и́нул*, *т'ис'е́л'*, *т'и́слој*, *т'ир'п'и́ч'*, *т'и́но* (кино). Звук *д'* как взрывный может произноситься вместо мягкого *г'* в говорах, в которых эта фонема имеет взрывное образование: *нога́ — но́д'и — нод'е́*, *сапога́ — сапод'и́*, *д'ен'гам — д'ен'д'и*. Ввиду недостаточного количества достоверных материалов трудно судить, совпадают ли изменения фонем *к*, *г* — звуки *к'*, *г'* — с фонемами *т'*, *д'*, образуя таким образом варианты, или звуки *т'*, *д'* вместо *к'*, *г'* сохраняют свое особое, несколько отличное от фонем *т'*, *д'* образование, представляя таким образом лишь вариации фонем *к'*, *г'*. Для ряда говоров во всяком случае можно утверждать последнее.

Физиологически изменение *к'*, *г'* в *т'*, *д'* объясняется сильным палатализирующим влиянием последующей гласной переднего ряда (или предыдущей мягкой согласной) и в связи с этим — передвижкой места артикуляции далеко вперед — близко к месту образования *т'*, *д'*. В зависимости от степени передвижки артикуляции вперед могут образоваться заднепалатальные *т'*, *д'*, отличные от фонем *т'*, *д'* (отметим первые знаками *т'*[к'], *д'*[г']) или переднепалатальные *т,'* *д'*, совпадающие с фонемами *т'*, *д'*. Таким образом, например, слова *к'и́ну* (глагол) и *т'и́ну* (вин. п. ед. ч.) в одних из говоров, знающих описанный процесс, различаются (произносятся *т'*[к']*и́ну* и *т'и́ну*), в других совпадают (в обоих случаях произносится *т'и́ну*)[2].

Описанный процесс, видимо, возник на территории говоров с взрывным *г*; ср. изменение *г'* в взрывный звук *д'*. В связи с тем, что палатализирующая сила гласных переднего ряда в ю-в-р говорах вообще, видимо, сильнее, чем в с-в-р, можно думать, что описанный процесс возник на путях смешения двух основных наречий русского языка как результат приспособления к ю-в-р произноше-

[1] Разве кроме *к'ахта*.

[2] В результате описанного процесса появилось *т'* в *Овдот'ја* (ср. книжное *Евдокия*). В связи с этим процессом по говорам появляется и *к'* вместо *т'*.: *к'ијатр* вместо „театр", *к'ести* вместо *тесто* и др.

нию. С таким предположением хорошо согласуются и данные о территории распространения этого явления: звуки *т'*, *д'* вместо *к'*, *г'* встречаются, главным образом, в ср-в-р говорах, звук *т'* вместо *к'* встречается, кроме того, в Тульской группе говоров — ю-в-р по происхождению, но заключающих в себе и ряд других ср-в-р особенностей.

§ 170. В связи с большей палатализирующей силой гласных переднего ряда в ю-в-р говорах фонема γ в положении перед гласными переднего ряда может произноситься не только как γ', но даже и как *j*, что объясняется максимальным приспособлением артикуляции согласной к артикуляции последующей передней гласной — сильной передвижной артикуляции вперед. Наряду с *γ'úр'а, γ'úб'ел', γ'úпкај, γ'итáра, паγ'úп, маγ'úла, γ'ерój* по ю-в-р говорам известно произношение: *júр'а, júб'ел', júпкај, jитáра, пајúп, мајúла, јерój*. То, что этот звук говорящими отожествляется с *j*, видно из того, что перед *j* вместо γ', как и перед фонемой *j*, по говорам не происходит озвончения согласной. Отмечены случаи: *с'-júр'aj* (ср. в других говорах: *з-γ'úр'aj, з-г'úр'ьj*), *с'jинул* (ср. в других говорах: *зγ'úнул, зг'úнул*), *с'-јерójам* (ср. в других говорах: *з-γ'ерójам, з-герójъм*). Отожествление *j* на месте γ' с фонемой *j* явствует также из анализа орфографических ошибок школьников. Например, у учеников начальной школы в с. Новоселки Рыбновского района Рязанской области обнаружены следующие написания: с одной стороны, *воробги, братги* (им. п. мн. ч.), *гих, гим* (их, им); с другой — *Турьенев* (Тургенев), *иря* (гиря), *моила* (могила). Буква *г* на месте *j* и, наоборот, обозначение *j* на месте γ' (*Турьенев;* сюда относятся и написания без согласной буквы: *иря, моила*, так как звук *j* перед *и* на письме может не обозначаться; ср. написания *их, бои* при возможном произношении *jих, баjú*; ср. также написание *гих* вм. *их*) не могут быть истолкованы иначе, как совпадением звука γ' с фонемой *j*.

Надо отметить, что слова иноязычного происхождения перед гласной переднего ряда нередко имеют *j* вместо *г'* и в говорах с *г* взрывным. При *г* взрывном широко представлен по русским говорам звук *j*, например, в словах: *јенарáл, јерман'с'ка вojнá, јерáн', јерój, јимнáз'иа* и некоторых других. Такое произношение известно во многих с-в-р говорах и не связано, таким образом, с качеством фонемы *г*. В указанных условиях и старые заимствования с *г* приобрели в русском языке *j* вне зависимости от качества фонемы *г*. Ср.: *янтарь*, в литературном произношении *jьнтáр'* и литовское gentãras.

Взрывные и фрикативные согласные.

§ 171. Взрывная задненебная фонема *к* перед взрывными согласными в значительной части русских говоров в результате диссимиляции изменяется в соответствующий фрикативный звук (*х*), причем перед звонкой согласной одновременно имеет место ассимиляция по участию голоса, в связи с чем звучит соответствующий звонкий звук (γ). Иначе говоря, на месте фонемы *к* перед взрывными

согласными произносится: *х* (перед глухой согласной) и *γ* (перед звонкой).

Описанный процесс можно понять и как следствие ослабления первого элемента сочетания, в результате которого он теряет затвор.

Примеры: перед *т, п, к* — *та́х-то* (ср.: *так-ли*), *х-тому́* (ср.: *к-н'ему*), *х-т'алку́, хто́, до́хтор, тра́хт, прадухты, трахт'ёр; х-попу́, х-по́л'у, х-п'етру́, х-п'ер'ево́зу, х-пра́з'н'ику; х-ко́му, х-каро́вам, х-куз'н'ецу́, х-ко́шкам;* перед *д, б* и *г* взрывным [1]: *γ-до́му, γ-д'ёр'еву, γ-д'е́лу, γ-бе́ду, н'е-γ-добру́, γ-доч'ер'а́м, γ-ба́б'е, γ-ба́ушк'е, γ ба'л'ни́це; γ-го́роду, γ-гор'ё, γ-гос'т'а́м.*

Процесс диссимиляции взрывной согласной *к* по способу образования отмечается также перед аффрикатами *(ц, ч)*, образование которых также включает взрывный элемент: *х-цыга́ну, х-ч'ему́, х-чо́рту.*

В говорах, в которых вместо *х* представлено *ф* (см. § 119), звук *х*, появляющийся на месте фонемы *к* перед взрывной согласной, также может замениться звуками *ф* (перед глухой согласной) и *в* (перед согласной звонкой): *ф-па́влу* (вместо к Павлу), *в-д'ёр'езу* (вместо к дереву).

В некоторых говорах на северо-западе Европейской части СССР начальное сочетание *кк* на стыке предлога и следующего слова, начинающегося с *к* изменяется в *тк: т-кому́, т-коро́ве, т-кору́ту, т-кон'у́, т-куз'н'ецу́.* Такое произношение, видимо, объясняется невыразительностью *к* с долгим затвором в абсолютном начале на стыке предлога и следующего слова и в связи с этим изменением места затвора в первой части сочетания *кк* передвижкой его вперед, в зону *т*. В дальнейшем *т* в качестве предлога (вместо *к*) может в результате обобщения появиться и перед другими согласными: *т-хоз'а́ину, т-па́сар'у, т-по́л'у, д-быку́.*

Взрывная задненебная звонкая фонема *г* перед взрывными согласными в значительной части говоров в результате диссимиляции по способу образования изменяется в соответствующий фрикативный звук, причем перед глухой согласной одновременно происходит ассимиляция по участию голоса, в результате чего звучит соответствующий глухой звук *(х)*: *л'о́хко* (ср. *л'его́н'ко*), *д'охт'а* (ср. *д'о́гот'*), *кохт'и* (ср. *ко́гот'*), *но́хт'и* (ср. *но́гот'*). Сюда можно отнести также случай *м'а́хкој* (ср. *м'а́гок*), хотя форма с *г* в этом слове вторична: перед нами первоначальное сочетание *кк* (ср. *м'а́к'иш, м'ак'и́на*), а не *гк*.

В части с-в-р говоров, имеющих *г* взрывное, диссимиляции в сочетании *гк* не происходит — произносят: *л'о́ккој, м'а́ккој.*

В говорах с *г* фрикативным, естественно, произносится *л'о́хкој, д'о́хт'а* и т. д., причем *х* объясняется лишь оглушением *γ* в положении перед глухой согласной: диссимиляция здесь отсутствует. Ср. в таких говорах: *м'а́γон'къј, д'о́γът'.*

Не исключено, что в некоторых говорах с *г* взрывным и *х* вместо *г* перед взрывными согласными (*л'охкој* и др.) звук *х* появился не в результате диссимиляции *г* и *к* по способу образования, а на

[1] В говорах с *г* фрикативным не может быть диссимиляции. Поэтому взрывная согласная *к* в них может лишь озвончаться перед *γ*, как и перед другими фрикативными, в *г*: *г-γо́ръду, г-γар'ё, г-γас'т'а́м* (ср. в тех же говорах: *г-з'им'е, г-жен'ё*). Впрочем, известно и произношение *γ-γо́ръду* и т. д.

почве смешения диалектов, один из которых имел *г* фрикативное (γ), а другой — взрывное. Возможна, в частности, исконность для некоторых из таких говоров фрикативного *г* (γ) и в соответствии с ним глухого *х* перед глухими и вторичность взрывного *г* в сильном положении перед гласными, заимствованного из говоров с *г* взрывным. Иными словами, случаи типа *л'огок — л'охкой* могут объясняться в некоторых говорах так же, как случаи типа *нога — нох* и др. (см. выше § 143).

К описанному процессу непосредственное отношение имеет произношение слов *где, когда, тогда.* В слове *где г* образовалось в историческое время после падения глухой в результате озвончения *к* перед звонкой согласной *д* (*къде → кде → где*); в словах *тогда, когда* звук *г* относится к более давнему, доисторическому периоду. В значительной части русских говоров, в том числе в говорах, имеющих *г* взрывное, в этих словах произносится — в результате диссимиляции по способу образования — γ: *γд'е*[1], *когда, тогда (когды, тогды).* В некоторых с-в-р говорах (на северо-востоке Европейской части СССР, а также в Сибири) звук γ в этих словах (не в начале слова) заменялся билабиальным образованием (*w*): *кожда, тожда (кожды, тожды*), последнее в тех же говорах могло замениться велярным *л*: *колда, толда (колды, толды).*

Надо иметь в виду, что в словах *где, когда, тогда* и производных от них звук γ имеет позиционный характер и как таковой он широко известен также в говорах с *г* взрывным.

Во многих говорах и в разговорном стиле литературного языка слова *когда, тогда* произносятся без согласного перед *д* (*кадá, тадá*), что непосредственно объясняется, видимо, утратой ранее имевшегося γ.

Губные и задненебные согласные.

§ 172. Губная звонкая фрикативная согласная *(в)* перед губной в отдельных русских говорах в результате диссимиляции изменяется в задненебную фрикативную (γ); при этом перед губной глухой согласной одновременно происходит и оглушение — ассимиляция по наличию или отсутствию голоса, в результате чего произносится *х*: *γ-Москв'é, γ-м'ёл'н'ице, γ-м'ешк'é, γ-мojéj, γ-мор'е; γ-бол'н'ицу, γ-бáн'у; γ-барáк'е, γ-бакý, γ-б'ёлом; х-пос'ól'ке, х-п'áт'н'ицу, х-подвáл'е, х-пól'е, х-пъшан'é; γ-ведр'é, γ-вод'é, γ-в'óдро, γ-вól'у.* В некоторых говорах, знающих γ (*х*) вместо *в* перед *м, б, п,* звук *в* перед *в* сохраняется: *в-ведр'é, в-вод'é* и т. д.

Описанное явление отмечено, между прочим, у „терюхан" в Дальне-Константиновском районе Горьковской области и у рязанской

[1] Начальное γ в этом слове может быть весьма ослаблено, а по говорам в беглой речи может отсутствовать (*д'е*). Во многих ю-в-р говорах это слово произносится с начальным *и* (перед γ) неясного происхождения: *и'γд'é.* Возможно, что форма *иγд'é* получилась в результате контаминации форм *γд'е* и известной по говорам и показаниям письменных памятников *ид'é.*

„мещеры" (например, в д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области). Это дает возможность предполагать, что оно явилось на почве языкового смешения, возможно, — перехода на русский язык иноязычного населения.

Изменение *в* перед губными в *γ (х)*, вероятно, связано с двухфокусностью артикуляции *в* — губной и языковой (задней): с ослаблением в результате диссимиляции губной артикуляции усиливается языковая — появляется *γ (х)* вместо *в*.

§ 173. В говорах, знающих описанное явление, в системе языка *γ (х)* вместо *в* может занимать различное место в зависимости от того, каково качество фонемы *г*, а также от того, свойственна ли данному говору диссимиляция взрывных задненебных перед взрывными. Если говору свойственно *г* фрикативное (γ), то фонема *в*, изменяясь в *γ (х)*, вообще совпадает с фонемой *γ* в одном общем варианте. Однако реально такого совпадения нет ввиду отсутствия в русском языке сочетаний *гм, гб, гп*. Впрочем, совпадение фонем *в* и *γ* возможно перед *в*; ср. *γ-воду* (в воду) и *γвос'т'* (гвоздь). В говорах, знающих диссимиляцию задненебных взрывных перед взрывными, совпадение фонем *в* и *к*, *г* в одном варианте — обычное явление перед взрывными губными *б, п;* ср.: *γ-бара́к'е* (в бараке) и *γ-бара́ку* (к бараку), *γ-бал'н'а́цу* (в больницу) и *γ-бал'н'а́це* (к больнице), *γ-бан'е* (в бане и к бане), *х-по́л'е* (в поле) и *х-по́л'у* (к полю), *х-пост'ёл'и* (в постели и к постели).

В говорах с *г* взрывным и не знающих диссимиляции задненебных взрывных перед взрывными звук *γ* вместо *в* представляет собой вариацию фонемы *в;* ср. в таких говорах: *γ-бал'нице* (в больнице) и *г-бол'нице* (к больнице). Звук *х* вместо *в* в таких говорах можно считать вариантом фонемы *в;* ср.: *х-подва́л, х-по́л'е* (при *к-подва́лу, к-по́л'у*), так как теоретически здесь возможно совпадение фонемы *в*, выступающей в варианте *х* с фонемой *х*. Но реального совпадения нет ввиду отсутствия в русском языке сочетания фонем *хп*.

Неносовые (чистые) и носовые согласные.

§ 174. Особого замечания требует судьба сочетания зубных и губных взрывных согласных *(т, д; п, б)* с последующей одинаковой по месту образования (т. е. также зубной или губной) носовой согласной *(н* или *м)*. Указанные сочетания представлены, например, в словах *полотно, одно, обман* и др. Сочетания *тн, пм* во всех русских говорах, а также сочетания *дн, бм* в говорах, сохранивших их, произносятся при помощи одной объединенной артикуляции, так как звуки *т, д* и *н* или *п, б* и *м* одинаковы по месту образования, то при произношении их происходит не два смыкания и размыкания органов речи, нужных для раздельного произношения каждого из звуков сочетания, а одно: органы речи смыкаются в начале произношения первого звука и размыкаются в конце произношения. Например, при произношении слова *обман* нижняя губа смыкается с верхней в начальный момент артикуляции *б* и размыкается в конечный момент артикуляции *м*. Наличие одного смыкания и размыкания (взрыва) при произнесении сочетания *бм* каждый может легко заметить, наблюдая движения нижней губы говорящих (или наблюдая свою собственную артикуляцию в зеркале). Точно так же при произнесении слов *плотный* или *ладно* кончик языка смыкается

с верхними зубами в начальный момент артикуляции *т* или *д* и размыкается в конечный момент артикуляции *н*. Увидеть наличие одного смыкания и одного размыкания (взрыва) при произнесении этих сочетаний несколько труднее, но заметить его все-таки можно (как и для сочетания *бм*), наблюдая свои мускульные ощущения.

Надо иметь в виду, что артикуляции языка при произнесении *т, д,* с одной стороны, и *н,* с другой, не отличаются друг от друга: в обоих случаях кончик языка смыкается с верхними зубами. Точно так же не отличается губная артикуляция при произнесении *п, б,* с одной стороны, и *м,* с другой: в обоих случаях нижняя губа смыкается с верхней. Звуки *т, д* и *н,* равно как и звуки *п, б* и *м,* в своем образовании отличаются друг от друга положением небной занавески: при произнесении *т, д,* а также *п, б* небная занавеска поднята и прижата к зеву, а при произнесении носовых *н, м* она опущена, благодаря чему между небной занавеской и стенкой зева имеется свободный проход для воздуха. Поэтому при произнесении *т, д,* а также *п, б* воздух проходит только в момент взрыва, размыкания через рот, при произнесении же *н, м* воздух, кроме того, все время проходит через нос. В этом именно отличие между артикуляциями *д* и *н, б* и *м*: если к артикуляции *д* (или *б*) добавить опущение небной занавески, то образуется *н* (или соответственно *м*). Напротив, если, произнося *н* (или *м*), поднять небную занавеску и прижать ее к зеву, то образуется *д* (или соответственно *б*). Звуки *т* и *п* отличаются соответственно от *н* и *м*, кроме того, отсутствием голоса.

Таким образом, сочетания *тн, дн* и *пм, бм* образуются одной общей артикуляцией — зубной при *тн, дн* и губной при *пм, бм*. Переход от чистой (неносовой) согласной к носовой осуществляется изменением положения небной занавески: в начале описанной общей артикуляции небная занавеска приподнята и прижата к стенке зева, а в середине ее она опускается, открывая таким образом доступ воздуха в полость носа. Так именно произносятся указанные сочетания, например, в словах (общность зубной или губной артикуляции для двух фонем отметим знаком ‿): *пло́тноj, пла́тноj, си́тноj, с'и́тноj, полотно́, п'атно́; одна́ко, ла́дно, хо́лодно, родно́j, два д'н'а́, в'и́дно, сты́дно; обма́н, обм'ён, обма́зат', обм'ёр'ит.*

Сочетания глухих *т, п* с тожественными по месту образования носовыми *н* или *м* дальнейших изменений в русском языке не претерпели: им мешало то, что *т* и *н* или *п* и *м* отличаются в своем образовании друг от друга не в одном, а в двух отношениях — не только положением небной занавески, но также и отсутствием голоса при *т, п* и наличием его при *н, м*. Сочетания же звонких согласных *д, б* с тожественными по месту образования носовыми *н* или *м,* отличающиеся в своем образовании только положением небной занавески, по говорам пережили дальнейшее изменение. При произнесении сочетаний *дн* и *бм* в процессе приспособления артикуляции первой согласной ко второй небная занавеска по говорам стала опускаться раньше, чем это было нужно для произнесения *н*

или *м*. А так как при образовании *д* и *н* или *б* и *м* не было других отличий, кроме положения небной занавески, приподнятой при *д*, *б* и опущенной при *н*, *м*, то более раннее опущение небной занавески привело к полному отожествлению, ассимиляции первой согласной второй. Так образовалось характерное для многих с-в-р говоров произношение: *онна́ко, ла́нно, онна́, онному́, ронно́j, рон'н'а́, в'и́нно, об'и́нно, м'е́нноj, холо́нноj, л'у́нно, тр'и н'н'и* (= три дни); *омма́н, оммо́кла, омм'е́р'ил, омма́зал, ом'м'ел'е́ла, ом'м'ен'а́л.*

По отношению к говорам, знающим описанный процесс, звуки *н* и *м* в указанных случаях являются вариантами фонем *д* и *б* в положении перед *н* и *м*; ср.: *од'и́н — онна́; хо́лод, хо́лода — холо́нноj, д'ен' — тр'и н'н'и, л'у́д'и — л'у́нно; обн'о́с, обр'е́зал, обloма́л, обду́мал, опт'еса́л, опсад'и́л — оммануи́л, омма́зал, омм'ен'а́л* и т. д.

Описанная черта представляет собой резкую диалектную особенность, хорошо осознаваемую передовыми в языковом отношении группами населения соответствующих территорий, а также представителями говоров, не знающих этой черты. В результате этого сложилась поговорка: *м'е́нноj кофш упа́л на-нно́, и об'и́нно, и доса́нно, ну, да ла́нно: фс'о онно́.*

Утрата этой диалектной черты под влиянием литературного языка сопряжена с некоторыми трудностями. Дело в том, что литературному языку равно свойственны как сочетания *дн*, так и сочетание *нн* (ср.: *не видно* и *невинно*), в то время как в соответствующих говорах на месте обоих сочетаний звучит *нн*. Поэтому в процессе приспособления к системе литературного языка представители таких говоров не имеют в своем языке критериев для правильного употребления *дн* и *нн*. В связи с этим иногда появляется сочетание *дн* и там, где его нет в литературном языке: *Адна* вместо *Анна*, *беспремедно* вместо *беспременно*, *дли́дно* вместо *дли́нно*. В сочетании *бм* такого явления не наблюдается, так как оно обычно встречается на стыке одной и той же приставки *об* и корня, и потому фонема *б* выделяется значительно ярче.

§ 175. По с-в-р говорам распространено изменение сочетания *мн* в *вн* (первоначально, видимо, в *шн*). Такое изменение является результатом пережитой диссимиляции — утраты смыкания губ и поднятия небной занавески при произношении первого звука сочетания перед звуком *н*, произносящимся с помощью смыкания и при опущенной небной занавеске: *вного, гувно* (вместо гумно), *н'е по́вн'у, т'евнота́, т'овно.*

По с-в-р говорам широко представлен и обратный процесс ассимиляции в сочетании *вн*. В этом случае образование первого звука сочетания приобретает смыкание и носовой характер (благодаря опущению небной занавески) под влиянием артикуляции последующего звука *н*. В результате вместо сочетания *вн* произносится *мн*: *мнук, дамно́,* (но *да́в'е*), *д'ер'е́мн'а* (но *д'ер'ев'енскоj*), *ро́мно* (но *н'е ров'о́н ча́с*), *п'етро́мна.*

Возможно, что эти два противоположные явления — произношение *вн* вместо *мн* и, наоборот, *мн* вместо *вн* — связаны друг с дру-

гом и одно из них появилось на почве другого в результате стремления к правильному произношению — различению *м* и *в* перед *н*.

Обе эти особенности широко распространены по с-в-р говорам, известны также и в ср-в-р говорах, но встречаются в ограниченном круге лексики, видимо, не охватывая все подходящие случаи. Иными словами, описанные явления лексикализовались, т. е. прикрепились к отдельным словам, причем разные слова с *мн* вместо *вн* и, наоборот, *вн* вместо *мн* имеют весьма различное распространение по говорам. Особенно широко известно произношение *мнук*, а также *гувно* (вместо *гумно*), заходящее частично и на ю-в-р территорию.

В результате диссимиляции по с-в-р говорам представлено изменение сочетания *пт* в *мт*, *пч* в *мч* (первый звук сочетания приобретает голос и носовое образование в отличие от второго): *мт'ица, мтáха, мч'елá*. Такое произношение известно по говорам бывших Новгородской, Олонецкой, Костромской, Вологодской губерний.

В результате диссимиляции же, притом не регрессивной, как в других случаях, а прогрессивной, сочетание *мн'* изменяется в *мл'* во многих с-в-р говорах: *не упóмл'у, пóмл'иш*. Впрочем, здесь речь идет едва ли не об одном этом слове.

Возможно, диссимиляцией двух губных носовых, разделенных друг от друга гласной, объясняется встречающееся во многих с-в-р говорах *нимо* вместо *мимо, гумага* вместо *бумага*.

Быть может, диссимиляция имела место и в произношении по говорам *гл'а* вместо *для*.

Модификации фонемы *л* и *л'*.

§ 176. Как было указано выше, в русском языке среди других парных по мягкости и твердости фонем имеются фонемы *л'* и *л* (ср.: *пол'á* и *столá*). Последняя в части говоров северо-востока Европейской части СССР и в отдельных ю-в-р говорах перед гласной непереднего ряда звучит, как „среднее", „европейское" *l*: *dalá, сказáла, м'úloj, lántu, lы́ко, столы́, к-столý, máclo, c'eló* (см. выше § 136).

В тех же говорах, особенно часто на северо-востоке Европейской части СССР, фонема *л (l)* в положении перед согласной и на конце слова изменяется в своем качестве, выступая в звуке *w* или *ў*: *dalá* (или *далá*), но *даў* (или *даw*), *сказáлá — сказáў, былá — быў, пошлá — пошóў, ход'úla — ход'иў, п'ulá — п'иў, в'úд'ela — в'úд'еў, у-столá — стоў, пáўка, шоўк, поўк, воўк, доўго, моўц'áт', моўв'ит'*; сочетание *лв (лw)*, изменяясь в *ўв (ўw)*, может в дальнейшем измениться в *в* (*w*): *мóв'ит, мóв'иў* (молвил) рядом с *мóў в'ил*. Звук *ў* (*w*) вместо *л* на конце слова и перед согласной встречается также в сравнительно немногих ю-в-р говорах.

В некоторых говорах фонема *л* перед гласною также изменилась в билабиальное образование: *сказáwa, свар'úwa, шwa* (шла), *wóшади, wóшка* (ложка), *сwомáw* (сломал) и т. д.

Следует иметь в виду, что в *w* или *ў* может измениться *л* твердое, но никак не „среднее" „европейское": русское *л* твердое имеет

велярное образование, т. е. в его образовании активное участие принимает задняя часть спинки языка, поднимающаяся к мягкому небу. Таким образом, артикуляция твердого *л* близка к артикуляциям *ў* и *w*, для которых также характерно поднятие задней части спинки языка. Эта близость увеличивается еще потому, что велярные согласные склонны к лабиализации, а лабиализация или губная артикуляция свойственны звукам *ў* и *w*. Одной из важнейших характерных особенностей образования *л* является смыкание кончика языка с передними зубами (при опущенных боках языка). Если почему-либо этого смыкания не будет, то образуются звуки типа *ў* (или *w*). „Среднее" *l* само по себе не может измениться в *ў* или *w*, так как при его образовании задняя часть спинки языка индифферентна, не принимает участия в артикуляции.

Отсюда можно сделать вывод о том, что первоначально произошло изменение в определенных условиях твердого *л* в *ў*, *w*, а затем уже твердое *л* в тех положениях, в которых оно не изменялось в *ў*, *w*, заменилось „средним" *l*.

§ 177. Для тех же говоров, которым свойственно „среднее" *l*, а также *ў* (*w*) на месте *л* перед согласной и на конце слова, характерно изменение мягкой *л* в твердое велярное *л* в положении перед твердыми *н, ш: бо́лно* (ср.: *бо́л'он*), *с'и́лно* (ср.: *с'и́л'он*), *во́лно, остално́j, колоко́лна, болшо́j, до́лше*. В некоторых говорах отмечено твердое *л* вместо мягкого также перед некоторыми другими согласными, например: *па́лц'ом* (ср.: *пал'ец*), *по́лза, палто́*.

§ 178. Отвердение *л* перед твердой согласной относится ко времени более позднему, чем изменение *л* в *ў* (*w*) перед согласной: в то время, когда отвердело *л* перед твердыми согласными, закономерность изменения *л* в *w* (*ў*) уже прекратила свое действие. Именно поэтому сейчас в одних и тех же говорах можем найти, например, слова *воўна́* и *волна́:* первое происходит из *волна́*, а второе из *вол'на́*.

Кроме того, изменение *л'* в *л* перед твердой согласной было после того, как твердое *л* перед гласной заменилось „средним" *l*: поэтому вновь появившееся твердое *л* (*болно́j*) не заменилось „средним" *l*.

В целом хронология различных изменений *л* и *л'* может быть представлена в следующем виде:

1. *волк, дал; дала, была; бол'но, бол'ше*
2. *воўк, даў; дала, была; бол'но, бол'ше*
3. *воўк, даў; дала, была; бол'но, бол'ше*
4. *воўк, даў; дала, была; болно, болше*

Все эти стадии изменений *л* и *л'* представлены в современных русских говорах.

Примечание. По говорам, имеющим *ў* вместо *л* перед согласной и на конце слова и *л* вместо *л'* перед твердыми *н, ш*, можно встретить в отдельных случаях в этих положениях *l*: *пошо́l, сказа́l, бо́lко, болшо́j*. Звук *l* в этих положениях является, безусловно, вторичным: он появился на путях утраты описанных диалектных черт едва ли не под влиянием литературного языка.

§ 179. В говорах, в которых фонема *л* имеет „среднее" образование (*l*) звук *ў* как разновидность фонемы *l* (*пáўка — пálоц'ка, быў — былa, даў — dalá*) можно считать вариацией фонемы *l*, если фонема *в* перед согласной и на конце слова реализуется не в звуке *ў* (или *w*): если, например, произносится *трáфка, дроф*. Так обстоит дело в большей части тех с-в-р говоров, которые имеют фонему *l* и звук *ў* (*w*) как ее разновидность. Однако в некоторых с-в-р и ю-в-р говорах рядом со звуком *ў* (*w*) как разновидностью фонемы *л* (*l*) тот же звук представлен в качестве разновидности фонемы *в*, т. е. произносят: *пáўка, лáўка* и рядом: *пáлочка*, но *лáвочка: драў, траў* и рядом: *драла* и *трава*. В таких говорах звук *ў* (*w*) является вариантом фонемы *л* (*l*).

Звук *л* вместо *л'* перед твердой согласной является вариацией мягкой фонемы *л'*, если твердая фонема *л* в этом положении реализуется в своей разновидности *ў* (*w*); ср.: *с'ил'óн — сáл'нoj* и *пóлон — пóўнoj*. Однако имеются говоры, в которых *л'* и *л* совпадают перед некоторыми согласными: произносится *вол'óн — вóлнoj* и *пóлон — пóлнoj*. В этом случае *л* может явиться вариантом фонемы *л'*.

§ 180. „Среднее" *l* вместо *л* твердого в с-в-р говорах представляет собой, видимо, один из остатков иноязычной подосновы соответствующих говоров, вероятно, подосновы финской. Таково же, быть может, происхождение *ў* (*w*) вместо *л* в некоторых же говорах северо-востока Европейской части СССР. Среднее *l* и теперь характеризует многие языки финно-угорской группы, а также русскую речь соответствующих народов. Звук *ў* (*w*) вместо *л* перед согласной и в конце слова произносится, например, во многих говорах комийского языка.

Что касается аналогичных явлений в ю-в-р говорах, то они имеют другое происхождение: среднее *l* встречается лишь в немногих ю-в-р говорах. Если не иметь в виду отдельных говоров переселенцев с севера, то среднее *l* в ю-в-р говорах встречается, главным образом, в языке детей и женщин. Возможно, что оно появилось и без иноязычного воздействия, может быть, имела значение здесь эмоционально-экспрессивная сторона языка. Звук *ў* (*w*) вместо *л* встречается на западе ю-в-р территории, в районах, пограничных с территорией белорусского языка. В белорусском же языке *ў* вместо *л* является одной из его общих характерных особенностей. В связи с этим *ў* вместо *л* в пограничных ю-в-р говорах следует связать генетически с образованием той же черты в белорусском языке.

§ 181. В русских говорах Нижней Колымы, а также в отдельных случаях в немногих говорах на севере Европейской части СССР представлено так называемое „сладкоязычие", т. е. употребление *j* вместо *л, л'*, а также вместо *р, р':гojовá* (голова), *jубjý* (люблю), *ход'úja* (ходила), *хojошó* (хорошо), *jéзат'* (резать). „Сладкоязычие" свойственно, главным образом, говору женщин, в особенности старух, а также детей. Мужчины избегают его. Но эта черта ранее была свойственна и им. Это видно из того, что, приобщаясь к русскому литературному языку, они нередко употребляют *л* или *р* вместо *j*, например: говорят *воловáт'* вместо *вojовáт', отчáланнoj* вместо *отчájанноj*.

„Сладкоязычие", безусловно, представляет собой черту иноязычного говорения и образовалось на почве перехода от местных языков к русскому.

Исторические напластования в лексике традиционных говоров.

§ 182. В диалектологической литературе накопилось весьма много материалов по лексике русских говоров. Имеется „Опыт областного словаря великорусского языка", правда, весьма устаревший (1852 г.), и „Дополнения" к нему, большое количество областных слов помещено Далем в его „Толковом словаре", имеется, наконец, ряд словарей по отдельным местным говорам. Кроме того, почти в каждом описании диалекта или ответе на ту или иную программу прилагается словарик, большего или меньшего объема, — такие словарики в целом также дают довольно значительный материал. Однако, несмотря на все обилие материала, лексика русских говоров до сих пор остается самой неразработанной областью диалектологии. У нас нет исследований о лексике отдельных говоров или о той или иной отрасли лексики. Едва ли не единственной относящейся сюда большой работой является „Исследование о лексике русских говоров" Ф. П. Филина (1936 г.), посвященное сельскохозяйственной терминологии.

Ввиду отсутствия должной опоры в предшествующих исследованиях, в настоящее время не представляется возможным дать в общем курсе цельный очерк лексики, и потому ниже мы ограничимся лишь краткой характеристикой диалектной лексики.

Как и все в языке, развитие и состав лексики обусловлены общественно-экономическими условиями развития соответствующего народа. Больше того, поскольку лексика непосредственно отражает общественные и экономические условия, характер производства, техники и культуры народа, постольку эта обусловленность в лексике наблюдается более ярко и непосредственно, чем в других сторонах языка: вместе с изменением общественно-экономических условий, организации производства, уровня техники, культуры меняется и словарь — появляются новые слова, отражающие новые предметы и понятия, старые слова или исчезают, или меняют свое значение, приспособляясь к новым общественно-экономическим условиям.

§ 183. Словарь традиционных русских говоров (о лексике, относящейся к советскому периоду нашей истории, к новым

условиям развития советской деревни в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма, см. ниже главу „Языковые процессы современной деревни") представляет собой результат длинного исторического пути от эпохи родового строя до наших дней. В нем в той или иной мере отразились разные этапы этого пути. Одни слова возникли и развились в сравнительно недавние времена — в эпоху царизма, другие относятся к разным периодам эпохи феодализма, третьи ведут свое начало от еще более ранней эпохи родового строя. Конечно, чем в более раннюю эпоху возникло то или иное слово или группа слов, тем в большей степени это слово или группа слов могли измениться как в своем внешнем звуковом виде, так и — что особенно важно — в своем значении. Поэтому нередко лишь при помощи научного анализа то или иное слово можно отнести к определенному историческому периоду.

Так, например, известная группа слов восходит еще к эпохе родового строя. Сюда относится, например, терминология родства и притом не только такие общеупотребительные слова, как *жена, отец, род* и др., но и выходящие из употребления типа *сноха, шурин, тесть, деверь, свекровь, золовка* и др. Характерно, что некоторые из этих слов, по говорам изменившие свою форму, в других говорах, в силу косности быта в прошлом, напротив, сохранились в своей старейшей форме. Ср. ю-в-р — рязанское, подмосковное (Коломенское) и др. — *свекрй*; ср. *зóлва* в б. Иркутской губ., *зóлвица* в б. Тверской губ. (при др.-р. *зълва*, старосл. *злъва; зълвица* — нормальное для др.-р. языка уменьшительное образование в старейшей форме — с суффиксом *-иц-* от существительных женск. р. на *-а*; образования на *-ък-* относятся к более позднему времени. Ср.: *девица* и *девка, горица* и *горка, книжица* и *книжка*).

К этому же периоду, вероятно, относятся слова, обозначающие сельское общество, общину и определенных лиц в ней — *мир* (*всем **миром** просили, на **миру** и смерть красна, полно **миру** около лавки*, т.е. народу), *опчина*, а также *опчество* (с *ч* при церковнославянском *щ*[1]); ср. слово того же корня *оптом* (из *обьлъть*) с изменившимся значением „целиком, все сразу, гуртом". Сюда, возможно, относятся и такие слова, как *толокá* — „общественная уборка хлеба или сена, принадлежащего одному хозяину, при помощи соседей, родных и знакомых", а отсюда и более общее значение вообще „помощи" (в б. Курской, Псковской, Смоленской, Тверской губ.); *скоп* — „собрание людей, сходка (в б. Новг. губ.), *скопка* — с тем же значением (в б. Арханг., Новг. губ.), ср. выражение *скопом, всем скопом пошли* в значении „все вместе, сообща, толпой"; *сойма* — „сходка" (в б. Калужск., Нижегор. губ.); слово это представляет сочетание предлога-приставки *съ* (в более древнем виде *сън*) и корня *-им-*, *-ьм-* (ср.

[1]) Впрочем, слово *опчество* укрепилось в крестьянском языке не без влияния литературного языка, в котором оно является церковнославянизмом: ср. *щ* вм. *ч* и *е* на месте слабого *ь*, причем последняя особенность отразилась и в говорах.

imati, vьz-ьmǫ); при старосл. *съньмь*, соответствующее в русском литературном языке слово *сонм* (вместо *сн'ом*) — *сонма*, ср. другие случаи с наличием или отсутствием звука *н* на конце приставки: *сымать* и *снимать*, *сойдет* и церковнославянское *снидет* и т. д.; ср. польское *sejm* — „сейм".

Многие из относящихся к этому давнему периоду слов частично или даже полностью утратили свое старое значение, связанное с родовым строем, и теперь только путем научного анализа могут быть возведены к этой эпохе. Таковы, например, слова *выть, соха, кол, кулига, обжа* и др., отношение которых к названиям общины установлено Ф. П. Филиным в названном выше исследовании.

Сравнительный анализ всех значений, которые имеет слово *выть* по разным говорам, а также их сопоставление с значением слова *выть*, зафиксированным в древнерусских памятниках, позволил установить основные этапы в развитии значений этого слова — от названия первобытной общины, далее, „части сельской общины, группы домохозяев, объединенной общим владением земли", к названиям земельной площади — „общей полосы нескольких домохозяев", „пая или надела в лугах", устанавливаемого на время сенокоса, при барщинном хозяйстве — „общества крестьян, отбывающего барщину", „части земельного надела", просто „пая" или „части", просто „пашни", „двора", определенной площади земли, т. е. единицы измерения; далее, от названий площади к временным значениям — „отрезка времени", „рабочего времени от завтрака до обеда, от обеда до ужина", отсюда к значениям „обед", „ужин"; далее, „количество пищи, съедаемой за обедом", наконец, „аппетит". (Ср.: *у него большая выть*, т. е. он много ест, *у меня нет выти*, т. е. не хочу есть).

Аналогичный путь развития прошло слово *соха* — от названия „небольшой общины вместе с принадлежащей ей землей" (ср. тихвинское и соликамское *посóха* — „артель или группа проезжих или рабочих") к определенной мере земли (неодинаковой в разных местах и в разное время). Рядом с этим *соха* — земледельческое орудие, это значение развивается из значений „кол", „дубина", „палка" (ср. *соха* — палка, „жердь" в современных говорах, а также *по-сох, по-сош-ок*). Отзвук значения *сохи* как названия общины, коллектива сохранился в выражении *мелкая сошка* — человек, занимающий незначительное положение в обществе.

Слово *кол* также первоначально служило названием общины, коллектива, далее — „группы домохозяев, получающих при переделе один общий участок земли", наконец — „меры земли" и вообще „земельного угодия". Подобно *сохе* слово *кол* также, вероятно, обозначало и примитивное земледельческое орудие, вытесненное позднее другими терминами. Пережитком старого значения слова *кол* как земельного участка является выражение *ни кола, ни двора*.

Примерно так же развивались значения таких слов, как *кулига, обжа*.

Патриархальный быт, восходящий к весьма давней эпохе, характеризуют такие слова, как *дым* в значении „очаг", „дом", „семья"

(Влад., Ворон., Ряз., на севере Европ. части СССР, в Сибири), *гнездо* в значении „семья" (*были на сварьбе три гнезда из Бебрюхова* — Горьк. обл.), *семе́йно* — „многолюдно" (*о́х-ы-с'еме́йно бы́ло на собра́н'ии — фс'е́ пошл'и́*; Волог. обл.).

Отзвуки дохристианского мировоззрения сохраняет слово *домовина* в значении „гроб" (*домовина*, в отличие от нынешнего гроба, выдалбливалась из целого ствола; такая *домовина* у некоторых старообрядцев была в употреблении еще в начале XX в.).

К эвфемизмам, основанным на запрете (табу) имен богов, духов и пр. и восходящим к отдаленным временам мифологических верований, относятся такие общераспространенные названия, как *хозяин* вместо *домовой* и *леший* (ср. у П. Бажова: *„Хозяйка медной горы"*), *зверь, Потапыч, лесник, мохнач* и т. д. и даже просто *он* (в охотничьей среде) вместо *медведь*. Сюда относится и бранное слово *тот-то* (о чорте), употребляемое, например, в Орловской и Тульской областях: *тот-то тебе́ подхвати́*.

В эпоху господства феодальных отношений рядом с переосмыслением старых слов, восходящих к предшествующей эпохе, появляются новые слова, возникшие в связи с новыми общественно-экономическими отношениями. Таковы слова *десятина, осьмина, полосьминник, сотня, полсотни, пятина, четверуха* и др. Слово *десятина* первоначально обозначало, вероятно, долю, которую получал феодал от коллектива крестьян. В связи с такого рода значениями многие из этих слов употребляются затем для обозначения крестьянского коллектива, общины эпохи феодализма, а также для обозначения площади земли, сначала менее определенной, позднее — отстоявшейся.

Заметный пласт в словаре традиционного говора составляют слова, проникшие из языка церковного. При этом основная часть церковно-религиозной терминологии на наших глазах утрачивается вместе с утратой церковно-религиозного мышления, отходом от религии, вместе с культурным и политическим ростом. Однако часть слов, не имевших специфически культового характера и проникших в язык деревни очень давно, укрепилась в ней и даже вытеснила свои исконные соответствия. Так, например, в русских говорах в соответствии с общенациональной нормой слова *время, сладкий, вред, храбрый, срам, враг* и др. почти повсеместно употребляются в церковнославянской огласовке и в значительной мере вытеснили исконно русские *веремя, солодкий, веред, хоробрый, сором, ворог*. Последние сохранились лишь кое-где и не ото всех слов, причем иногда лишь в том или ином специальном значении; ср.: *веред* — чирей, болячка, прыщ — *не почешешь, так и веред не вскочит*, т. е. без причины ничего не бывает; слово *хоробрый* кое-где сохранилось по с-в-р говорам, а широко — лишь в языке фольклора; *сором* и производные сохранились во многих с-в-р говорах, но значительно шире в них, как и в других говорах, употребляется *срам (страм)*; слово *ворог* известно по говорам как в общем, так и в специальных значениях (например, „знахарь", „колдун"), но гораздо шире бытует в языке фольклора.

В традиционных говорах еще до недавнего времени нередко держались названия церковных праздников, утратившие свое церковно-религиозное значение и употребляющиеся для обозначения времени года, месяца, особенно часто для обозначения времени тех или иных сельскохозяйственных работ. Ср.: *до рожества, с паски, к успенью, до Петрова дни* или просто *до Петра, к Петру, до Кузьмы, с Миколы вешнего, после Троицы* и т. д.

Некоторые церковные слова утратили свое культовое значение и употребляются в различных общих и частных значениях, лишенных церковно-религиозного налета. Таково, например, слово *палестина, палестинка* (первоначально „земля обетованная", Палестина), приобретшая нарицательное значение — „родины", „родных мест", „хорошего, желанного места" и т. д. Ср. выражения: *в родных палестинах, в вашей палестине*; *там такая палестина;* ср. слово *палестинка* у М. Пришвина в сказке-были „Кладовая солнца", объясненное самим автором, как „отменно приятное местечко в лесу": *„есть* ***палестинка*** *в лесу... вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На этой* ***палестинке*** *еще никто не бывал".*

Точно так же слово *иордáнь (ердáнь, ярдáнь)* — первоначально собственное имя (евангельское название реки), через нарицательное значение „место на реке, где производится водосвятие в некоторые церковные праздники", затем приобрело по говорам общее значение, не имеющее церковно-религиозного оттенка „проруби" (б. Вят., Твер. губ.), а также „род колодца у болота, откуда течет вода" (б. Твер. губ.).

На почве старообрядческой среды церковнославянское слово *еретик* по говорам приобрело бранное значение и употребляется как ругательство: *Еретик ты этакой. Попадись ты мне* (Горьк. обл.).

Крепостнические отношения отразились в терминах *оброк, барщина, недоимки, исполу* („из половины"; например, давать помещику половину урожая; позднее — *снять землю исполу, взять корову исполу,* т. е. кормить корову и пользоваться молоком, но отдавать телят владельцу) и т. д.

Царизм оставил слова *некрут, исправник, становой, урядник, губерния, уезд* и др. Бóльшую часть таких слов можно считать уже утраченной в языке современной деревни (некоторые из них известны лишь глубоким старикам).

Основные стороны лексики традиционных диалектов.

§ 184. Традиционный словарь говора в той мере, в какой он сохранился к началу XX в. и отчасти — пережиточно — до нашего времени, отражает отсталую, в течение веков слабо развивавшуюся технику мелкого индивидуального сельского хозяйства и соответствующий этому хозяйству уклад жизни, быт и мировоззрение. В традиционном диалекте были представлены такие стороны или сферы словаря, как словарь полеводства, животноводства, огородничества, садоводства, средств передвижения, хозяйственных и жилых построек,

словарь разного рода промыслов — уголь, деготь, смола, лесной промысел, сплав, выделка ложек, лаптей, рогожи, валенок, плотничество, плетение кружев, выделка пряжи и ткачество, охота, рыбная ловля и т. д., словарь домашнего хозяйства, посуды, утвари, стряпни, одежды, наконец, бытовой словарь непредметного значения и т. д.

Не только теперь, но и раньше в каждом отдельном говоре неравномерно были представлены отдельные из перечисленных выше сторон словаря. Это зависело от характера экономики данного края и уровня его общественно-экономического развития. Например, в озерном крае северо-запада, где рыбная ловля имеет важное хозяйственное значение в жизни крестьян, естественно, богато развит соответствующий специальный словарь, который может почти отсутствовать в районах, где отсутствуют большие водоемы и рыбные угодия. Точно так же в диалектах населения богатого лесами севера, где развит лесной промысел, сплав, охота, имеющая промысловое значение, естественно, развита и соответствующая специальная лексика, отсутствующая в говорах юга — степной полосы, бедной лесами. Однако в каждом говоре широко были представлены те стороны лексики, которые отражали существенные стороны экономики и бытового уклада населения данной местности.

Таким образом, богатство диалекта специальной лексикой, соответствующей хозяйственному укладу данной местности, является одной из характерных особенностей диалектной лексики.

§ 185. Далее, для лексики традиционных диалектов характерно наличие большого количества слов, обозначающих видовые понятия, при отсутствии нередко соответствующего слова, обозначающего обобщающее родовое понятие. Так, например, в соответствии с словом литературного языка *сноп* в некоторых говорах мы найдем большое количество слов, обозначающих разновидности снопов, среди них также и слово *сноп*, но не найдем обобщающего названия для „снопа вообще". Ср.: *старновка* — „обмолоченные по первому разу цепами снопы", *кубач* — „большой сноп соломы", *голова* — „тяжелый сноп, который кладется сверху крестца", *горстка* — „небольшой сноп", и т. д. В этом ряду и слово *сноп* обозначает лишь один из видов соответствующего предмета, а именно „связанная необмолоченная охапка ржи".

Для обозначения различного вида стогов имеется большое количество слов, но отсутствует общее название, их объединяющее. Ср.: *копна* — „52 снопа озимых или яровых"; *скирд* — „стог необмолоченного хлеба", *стог* — „большая копна обмолоченной соломы (или сена)", *одонья* — то же, что и скирд, *кладушка* — то же, что и одонья; *омёт* — то же, что стог, *бабка* — „10 снопов льна, приставленных друг к другу", и т. д.

Для обозначения различных видов изгороди употребляются слова *городьба, загородка, плетень, частокол, слеги* или *слежки, тын* и др.

Для языка крестьян, в хозяйстве которых земледелие имеет основное значение, характерно наличие ряда слов, обозначающих

названия земли, почвы: *гнила* — „глина", *суглинок, белозобина* — „почва, белая снизу, суглинок", *песчаница, мочи́вище* — „необрабатываемые, заболоченные лужи в поле", *каменка* — „груда камней в поле", *белуга* — „светлосерые супески", и др. Характерна также богатая терминология угодий. Относящиеся сюда слова обозначают угодия по-разному: по их отношению к обработке земли (*целыжень* — „непаханное поле, целина", *чищеник* — „раскорчеванное место", *ветча* или *ветша* — „необработанный, отдыхающий участок поля", *залежь* — „брошенная, отдыхающая земля", *орка* — „пашня", *суки́* — „подсека, вырубленное и выжженное место в лесу"), по характеру растительности или по использованию угодья (*гороховище* — „где пахали раньше под горох" и соответственно *гречневище, овсище, клеверище, льнище, ржанище, яровище* (после овса), *клюковошник* — „место, где растет клюква", *прутняг* — „место, заросшее кустарником", и соответственно *ивняг, сосняг* и т. д.), по рельефу местности (*кряжевина* — „возвышение", *сопка, уревы* — „обрывы, овраги"), по характеру и величине угодия (*заклюка* — „изогнутый участок земли", *рёлка* — „узенькое угодие, мыс на озере", *на́волок* — низменный мыс, полуостров).

Для рыбацкого языка характерно, например, обозначение разных видов дна: *креж* — „яма на дне", *мякоть* — „дно на озере", *нальё* — „каменистое дно", и т. д.

Для крестьянских диалектов, в особенности лесных районов, характерны многочисленные названия леса в его разных видах, например: *бор* — „хвойный лес", *сузём* или *сузёмок* — „густой, непроходимый лес, удаленный от жилья", *лядина* — „густой лес", *шелеп, шелепок* — „лесок, рощица", *дровяник* — „нестроевой лес, годный на дрова", *сосняк, ельняк, ивняк, олешняк, вересняк, березняк, осинник* и т. д. (или *сосняг, ельняг, ельник* и т. д.), *дубро́ва* (в б. Курск. губ. — „дубовый и вообще лиственный лес"; на Колыме — „лиственная поросль, мелкий ивняк"), *урема* (в Тат. АССР, Чкаловск. обл., на Урале, в Сибири — „поемный лес и кустарник по берегу реки"), *урман* (в Сибири — „дремучий лес"), *тайга* (Сибирь), *кондовый лес* (б. Вят., Пермск. губ., Сибирь) и т. д. При этом характерно, что слово *лес* в говорах далеко не всегда употребляется в общем значении, объединяющем частные значения указанных только что слов. Слово *лес* в некоторых говорах, например, обозначает „дубовое дерево" (б. Воронеж. губ.) или „засека, заповедный лес" (Ряз., Тульск. губ.). Во многих говорах слово *лес* обозначает „строительный материал", понятие же „пространство, заросшее деревьями" обозначается множеством слов с видовым значением в зависимости от породы леса, возраста, хозяйственного употребления и т. д.

Весьма богато по говорам представлены названия сельскохозяйственных животных по возрасту, полу, хозяйственному использованию. Ср., например, названия лошади по возрасту — *сосун (сосунок), стригун, лоньшак, третьяк, борноволок* („лошадь двух лет"), *баронка* („лошадь по третьему году") и т. д., названия крупного рогатого скота — *слеток* („однолетний теленок"), *ососок* („молодой теленок или поросенок"),

поводник („годовалый бычок"), *первак* („корова, отелившаяся в первый раз"), *переходница* („нестельная корова"), *мякинник* („двухгодовалый теленок") и т. д.

Таким образом, крестьянские говоры отличаются богатством лексики, относящейся к специальным отраслям хозяйства, экономики, быта. Каждая деталь, имеющая то или иное значение в хозяйстве, обозначается определенным словом. В этом смысле диалект сближается с специальными и профессиональными языками, для которых также характерна детализация специальных сфер лексики (ср., например, словарь железнодорожников, шахтеров, текстильщиков, врачей и т. д.). Однако существенной особенностью словаря традиционных диалектов является нередкое отсутствие или во всяком случае слабое развитие обобщающей лексики, обозначающей родовые понятия, при богатстве лексики, обозначающей видовые понятия.

Нетерминологическая диалектная лексика.

§ 186. Много своеобразного имеется по русским говорам также в нетерминологической лексике бытового характера, сохранившей немало архаизмов, известных частью по памятникам древнерусского языка. Так, например, в ряде с-в-р говоров сохранились наречия *вдругорядь (пошла́ я к не́му́* ***вдруго́рять****, а о́н ба́ют ф по́ле́ ушо́тчи), ви́норядь (****вы́норядь*** *не приду́), посе́сь* („до сих пор": *так* ***посе́сь*** *и жывут), сейгод (****сейго́т*** *хлеп-от был хорошой), сегогоду (****сегбго́ду*** *было мало рыбы)* или просто *се́году, се́сьгот, се́лето, се́ночи* (или *се́йночи*) и т. д.[1], *назадь* (образовано от предлога *на* и существительного основ на *i—задь*; ср. в литер. языке: *сзади, позади*), *начасу́* („тотчас, скоро": *начасу́ сбегаю*; *начасу́ ходит* — беременная в последние дни перед родами; б. Арх. губ.) и т. д.

Характерны наречия-предлоги вроде следующих: *аба́пола* (подле, близ, ю-в-р.: *его дом* ***оба́пола*** *школы,* ***оба́пола*** *мъjавó двара́ он ы жывё); поздоле (поздоль* — „вдоль"): ***поздоль*** *улицы прошли* (Волог. обл.); существительное-предлог — *край (крей, кри)* в значении „на краю", „около", „подле": ***край*** *села живем,* ***край*** *нашево двора* (Яросл.), ***кри*** *озера* (Ряз.). Архаизмом, почти не сохранившимся в русских говорах, является предлог *перез* в значении „через": *перез реку, перез лес* (б. Влад. губ.), *перез день* (б. Твер. губ.)[2].

Любопытны относительные слова: *пока — пота, покамест — потамест,* а также наречия: *пока, пота, пося, посяместа,* сохранившиеся в отдельных говорах (и притом не только во временном

---

[1] Наречные образования *сейгод, се́сьгод* и *се́году* (из *сегогоду*) в говорах аналогичны образованиям *сейчас* (вин. п.; ср.: *сию минуту*) и *сегодня* (род. п.). *Сесь* представляет собой удвоение старого местоимения *сь* (им.-вин. п. ед. ч. муж. р.): *сьсь* → *с'ес'* подобно *тот* из *тътъ; сей* (ср. по говорам параллельное образование *той* вм. *тот*) представляет собой распространение местоимения *сь* (или *тъ*) местоимением *и* (старое *jь*).

[2] Ср. польск. *przez*, чешск. *přes* — „через" (напр., чешск. *přes hory* — „через горы").

значении, но кое-где и в более старом пространственном значении). Ср. в застывшем выражении-пословице: *пока бьют, пота и кричи;* в обычной речи: *покамест не спросит, потамест молчи*; *пося не слышал* (до этого времени), *пося режь* (до этого места).

В русских говорах нередко сохранялись слова, известные только по письменным памятникам и отсутствующие в литературном языке. Так, например, в отдельных говорах еще в XIX в. сохранялись некоторые слова, знакомые нам по „Слову о полку Игореве": *комонь, кикать* или *кыкать* (в песенном языке), *шоломя, туга: воротите вы* ***комоней*** (свадебная песня, б. Арх. губ.), ***кичет*** *лебедь белая* (в песне; б. Арх. губ.), *а лебедушка* ***кыкати;*** *лебедь* ***кычет*** (в песне; б. Иркутск. губ.); *шоломя* — „возвышенность, холм" (б. Арх. губ.); *туга* — „тоска" (б. Иркутск. губ.).

В курских и воронежских говорах сохранялось старинное слово *бóрошно* в значении — „ржаная мука" или „вообще мука" (ср. старослав. неполногласную форму этого слова: *брашьно*). В значительной части с-в-р говоров сохранилось слово *долонь* без перестановки согласных *д* и *л* в значении „ладони руки", а также в значении „гладкого места для тока" (ср. старослав. неполногласную форму: *длань*). По с-в-р же говорам известно слово *живот* в значении рабочего скота, в особенности лошадей, — вообще имущества, богатства, жизни. В тех же говорах (а частично и в рязанских) сохранилось слово *зобать, позобать* в значении есть, в особенности что-нибудь мелкое, например ягоды, горох, толокно; „есть, подбирая прямо губами с ладони", и т. д.: ***позобал*** *ягод*; *что ты* ***зоблешь;*** ***позобли*** *еще* (ср. в старосл. языке: *і придошѧ пътицѧ небесьскыѧ і* ***позобашѧ*** *ѧ*, т. е. семена). В с-в-р говорах широко известно слово *имать* в значении „ловить", как несоверш. вид к *поимать* (ср. литер.: *поймать*): *пошóл ф пóлё* ***имáть*** *коня́.* Интересно слово *дор* — „вновь расчищенное от леса место" (Арх., Волог. обл.): *на* ***дору*** *выстроился* (корень *дор* вместе с *дер* и *др* (др.-рус. *дьр*) образуют одну группу с чередующимися гласными: *дор — деру — драть* из *дьрати*). Слово *дор* весьма часто употребляется в качестве названия населенного пункта (вероятно, образовавшегося на расчищенном от леса месте); ср.: дер. *Дор* Бронницкого р. Моск. обл. и другие.

В ряде случаев слово, сохранившееся в диалекте, помогает осмыслить образованное от него слово, имеющееся в литературном языке, поставить его в определенный словообразовательный ряд. Например, слово *брезжит* — „рассветает" — в литературном языке не мотивировано, не объясняется из соответствующего непроизводного слова. Между тем последнее представлено в говорах и хорошо объясняет соответствующее слово литературного языка. Ср. *брезг* — „рассвет" (б. Симб. губ.): *приéхал* ***на брезгу,*** *выехали на работу* ***с брезгом.*** В говорах б. Новг. и Твер. губ. отмечено слово *лыбить* — „улыбаться", „усмехаться" (говорят о младенце), объясняющее слово литературного языка *улыбаться*. В костромских говорах отмечено слово ***печный*** — „заботливый", объясняющее слово литературного языка ***беспечный*** (с приставкой *без*, имеющей значение отрицания; ср.: *без-*

радостный, безвольный и др.). Сибирский фольклор сохранил непроизводное слово *вен*, от которого образованы уменьшительные по происхождению слова *венец, венок*: *Кому мой* ***вен*** *достанется* (свадебная песня).

§ 187. По говорам некоторые понятия передаются различными словами. Понятие „много" передается словами *много, людно, богато, дивно*: *у н'ав'о* ***мнóγа*** *ов'éц паслóс'* (Ряз.), *у н'их в д'ер'éвн'е* ***л'ýно*** *собак; комаров* ***л'ýно*** (Вологод. обл.), *поросят-то* ***людно*** *же у вас* (б. Арх. губ.), *рыбы* ***людно*** *в озере, дров* ***людно*** *заготовили на зиму* (Костр. обл.), *там камаря* ***багато*** (б. Воронеж., Орл. губ.); *юрта хорошая, только блох* ***дивно***. Сколько тебе годов? *А уж* ***дивно*** (Сибирь).

Понятие „очень" передается словами *очень, дюже (дуже), шибко, больно, гораздо (горазд), прытко, порато, пылко, добрé* и др. Ср.: ***дюже*** *устал* (ю-в-р), ***горазд*** *хорошо, старик был* ***горазд*** *умный* (Арх., Новг., Пск. обл.); ***шибко*** *болен,* ***нешибко*** *далеко живут* (Костр., Молот. обл.), уж ***больно*** *он сердит;* ***прытко*** *болен,* ***прытко*** *умен* (Моск., Горьковск. обл.), ***порато*** *мелко, не* ***порато*** *давно, как ушол* (Арх., Вологод. обл., Карело-Финская ССР), ***пылко*** *холодно* (б. Вологод. губ.), ***добрé*** *хорошо* (Волог., Яросл., Тверск. Орл., Тамб. и др.).

Наряду со словом *второй* в том же значении употребляется слово *другой (****другой*** *год мальчику; семого десятка* ***другой*** *ли третей год пошол, как живу на свете).* Наряду со словом *здесь* и производными (*здесека, здека, здесетко* и др.) употребляется слово *тут, туто (тута)* с производными (*тутока, тутокатки, туточка, тутоди).* Ср. объединение обоих слов в одном наречии *тýтозде* (б. Вятск. губ.) в значении „кое-где по близости".

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие русских диалектов.

§ 188. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эру в языковом развитии всех народов Советского Союза, в том числе русского. Открылись неограниченные возможности экономического, политического и культурного роста крестьянства и вместе с тем его широкого языкового развития.

Однако языковое развитие крестьянства не было прямолинейно и просто: оно было обусловлено сложными социально-политическими и экономическими процессами, пережитыми нашей деревней с 1917 г.

Трудящиеся СССР — рабочие, крестьяне, интеллигенция — глубоко изменились за годы социалистического строительства. Появился новый тип свободного от всякой эксплоатации крестьянства, которого еще не знала история человечества. В вышедшем в 1938 г. „Кратком курсе истории ВКП(б)" о происшедших в жизни СССР великих изменениях говорилось: „Таким образом, стираются классовые грани между трудящимися СССР, исчезает старая классовая исключительность. Падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства общества" [1].

Годы второй и третьей пятилетки, годы, предшествующие началу Великой Отечественной войны, наряду с громадными успехами во всех областях социалистического строительства, роста промышленности и культуры, характеризовались расцветом колхозного строя в деревне, мощным развитием крупного машинизированного коллективного сельского хозяйства, ростом культуры многомиллионных крестьянских масс.

Это явилось, как известно, одной из важнейших предпосылок нашей победы в Великой Отечественной войне. Колхозное крестьянство полностью выполнило свой долг перед страной и бесперебойно снабжало хлебом советский народ и армию. Все помнят, что

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 329.

по почину тамбовских колхозников и колхозниц в стране развернулось широкое движение по сбору средств в фонд Советской Армии. „Советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилизации всех сил народа на отпор врагу в военное время“ [1].

И по окончании войны колхозное крестьянство не покладая рук трудится, залечивая нанесенные войной раны, стремясь к дальнейшему подъему социалистического хозяйства. Крупнейшее значение в деле дальнейшего развития колхозной деревни имел февральский пленум ЦК ВКП (б) 1947 г., принявший развернутое постановление „О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период“.

Большое значение имел также указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении передовикам сельского хозяйства звания Героя Социалистического Труда и о награждении их орденами и медалями. В 1947—1948 гг. тысячи лучших колхозников, отличников социалистического сельского хозяйства были награждены правительством.

Ведя крестьянство к коммунизму, партия и правительство всегда подчеркивали необходимость коренного поднятия культурно-политического и образовательного уровня крестьянских масс. Еще VIII съезд партии (март 1919 г.) принял развернутое постановление „О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне“. В этом постановлении указывалось, что для развития деревни „политическая темнота, общая невежественность и низкий уровень сельскохозяйственных знаний в деревне являются серьезным препятствием и в то же время осуждают беднейшее и среднее крестьянство на нищету и косность“. Поэтому „коммунистическая партия не может не отнестись с самым серьезным вниманием к просвещению деревни“. Постановление предусматривало мероприятия по коммунистической пропаганде, общему образованию и агрикультурному образованию в деревне [2]. В резолюции XIII съезда партии было записано: „Товарищ Ленин многократно говорил в последних своих речах о том, что теперь дальнейшее продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного подъема деревни. Политпросветработа в деревне теперь наиболее насущная с точки зрения победы коммунизма“ [3]. В том же постановлении говорилось о важности задачи выдвижения крестьянки в общественную жизнь села [4]. Можно привести и много других указаний партии и правительства о необходимости решительного повышения политического и общеобразовательного уровня сельского населения. Приведем высказывание товарища Сталина из доклада на XVIII съезде

[1] И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 120.
[2] ВКП (б) в резолюциях, ч. I, стр. 309.
[3] Там же, стр. 596.
[4] Там же, стр. 594.

партии: „Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем“ [1].

С тех пор политический, культурный и общеобразовательный уровень советского крестьянства значительно повысился. В последние же годы большое значение имело в этом отношении возвращение в деревню по окончании Великой Отечественной войны демобилизованных солдат и офицеров Советской Армии. Значительно выросшие в политическом, культурном и общеобразовательном отношении, приобретшие большой жизненный опыт и нередко получившие в армии специальность, которую они с успехом применяют в колхозном сельском хозяйстве, они в большинстве своем являются передовиками сельского хозяйства в борьбе за высокий урожай.

Исторический путь, пройденный нашей деревней, начиная с 1917 г. до наших дней, естественно не мог не сказаться в её языковом развитии. Борьба за установление и упрочение советской власти, ожесточенная классовая борьба в деревне, принимавшая в разные годы различные формы, ликвидация капиталистических элементов и, прежде всего, последнего эксплоататорского класса СССР — кулачества; революция в сельском хозяйстве — переход от мелкого отсталого единоличного хозяйства к крупному, передовому механизированному коллективному хозяйству, к новым социалистическим отношениям, исключающим эксплоатацию; окончательное укрепление колхозного строя; культурный и политический рост сельского населения — все это ярко отразилось в языке крестьянства.

С обострением классовой борьбы усиливалось социально-классовое расслоение языка. Нередко одни и те же слова в устах представителей разных групп сельского населения приобретали разную эмоциональную окраску. Вместе с индустриализацией и коллективизацией, вместе с политическим и культурным ростом сельского населения усиливаются процессы сближения диалектов с литературным языком. Все более суживается круг носителей традиционных местных диалектов, причем и последние начинают поддаваться значительному влиянию со стороны литературного языка. Местные диалекты испытывают сильные изменения во всех своих сторонах — в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике. Но естественно, что исторический путь, пройденный крестьянством за советский период, полнее и непосредственнее сказывается в лексике.

Лексика.

§ 189. Появление новых слов, соответствующих новым понятиям и предметам, проникающим в деревню в связи с новыми хозяйственными и общественными отношениями, является одним из основных процессов в развитии языка советской деревни.

Уже с первых дней советской власти в деревне появляются новые слова — названия органов советской власти, в особенности

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 609.

местной (например, *сельсовет, вик, исполком, волисполком, губисполком, Совнарком, ВЦИК, ВЧК, трибунал*), постановлений правительства *(декреты)*, партийных и общественных организаций (например, *партия, ЦК, уком, губком, ячейка, комсомол)*, лиц по принадлежности к ним *(партийный, большевик, коммунист, комсомолец, комиссар)*. Политика партии в деревне в годы военного коммунизма вызывает к жизни такие слова, как *продразвёрстка, продотряд, продкомиссар, комбед* и др. Приобретают особое значение слова, обозначающие классовую дифференциацию сельского населения (*беднота, бедняк, батрак, беднейшее крестьянство, середняк, кулак, кулачество* и др.). Появляются слова, отражающие отрицательную оценку классового врага, ненависть к нему (например, *кулачьё, контра, буржуй, беляки, белячьё*, т. е. белогвардейцы). В деревне постепенно укрепляются слова, обозначающие новые формы общественных отношений (например, *товарищ, гражданин, делегат, делегатка, собрание, митинг, оратор*), крепнущий союз с рабочим классом *(смычка, шефы, шефство, кооперация)*, культурный рост крестьянства *(ликпункт, ликбез, школа взрослых, газета, селькор* и др.). Период нэпа отразился в появлении в языке деревни, например, таких слов, как *нэп, нэпман, нэпач, продналог, гужналог, единый сельхозналог, частник, спекулянт;* политика ограничения кулака — в таких словах, как *лишенец, твердозаданец.*

Развитие колхозного строительства, переход к сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества как класса вызывает к жизни в деревне много слов (например, *сплошная коллективизация, коллектив, коллективизировать, обобществить, обобществление, колхоз, ликвидация кулачества как класса, раскулачить, раскулаченный*). В эту эпоху окончательно укрепляется в языке деревни основной словарь нашей колхозной деревни, словарь, относящийся к новым общественным отношениям, новым формам организации труда, новой технике сельского хозяйства, новому быту.

Как видно из приведенных выше примеров, не все новые слова, появившиеся в разные годы, в разных исторических условиях, сохранились до сих пор в языке колхозного крестьянства. С изменением исторических условий, с ростом советской деревни часть новых слов, выполнив свою роль, исчезала из языка вместе с исчезновением из жизни соответствующих явлений, понятий, предметов (ср., например, такие слова, как *вик*, т. е. волостной исполнительный, комитет; *комбед* — комитет бедноты и т. д.).

Однако многие слова сохранялись, так как продолжали служить для обозначения соответствующих явлений действительности, понятий, предметов.

В развитии языка советской деревни ведущее значение имел и имеет язык городской, литературный, язык рабочего класса и советской интеллигенции. Однако рядом с этим, в особенности в первые годы после Октябрьской социалистической революции, имели место некоторые частные процессы, отрицательные по своему ха-

рактеру и в значительной своей части уже утратившиеся. Так, например, в годы нэпа в язык крестьянства проникали слова из блатного языка (например, *буза, лафа, шамать, шпана* и т. д.), а также слова из языка городского мещанства и мелкой буржуазии (например, в двадцатых годах в языке сельской молодежи ряда районов нами было отмечено слово *барышня* вместо *девушка: В ячейку входят я, брат, потом еще одна* ***барышня****. У нас в ячейке три* ***барышни*** и др.).

Вместе с ликвидацией капиталистических элементов в городе и деревне резко уменьшилась возможность таких воздействий на язык крестьянства. Поэтому в последующие годы сталинских пятилеток эти языковые особенности не только не получили развития, но по большей части утратились.

Итак, словарь современной колхозной деревни в основном установился уже в годы сплошной коллективизации. В него вошла часть слов, образовавшаяся ранее. С другой стороны, он продолжал пополняться и позднее, по мере организационного и хозяйственного укрепления колхозов, а также продолжает расти и развиваться теперь вместе с политическим, хозяйственным и культурным ростом колхозного крестьянства. При характеристике языка советской деревни нашего времени следует иметь в виду, что колхозное крестьянство резко отличается от крестьянства царской России: основная масса колхозного крестьянства не только элементарно грамотна, культурна, но и имеет начальное или неполное среднее образование. Многие сотни тысяч крестьян имеют специальное образование или окончили среднюю школу. Это относится не только к молодежи, которая выросла в колхозах в годы сталинских пятилеток, но также и в значительной мере к среднему поколению (30 и 40-летним), детство или юность которых прошла в советский период. В числе молодых передовиков сельского хозяйства, получивших высокое звание Героя Социалистического Труда, большинство имеет хорошую общеобразовательную подготовку, основательные знания агротехники, полученные на курсах или путем самообразования. „В моем звене, — рассказывает Герой Социалистического Труда М. Озерный, — все девушки — комсомолки, и все они имеют среднее образование. Еще в школе они изучали физику, химию, естествознание, и это им сейчас пригодилось. Образование помогает им быстрее освоить агротехнику и стать настоящими мастерами земли".

Значительно повысился политический и общеобразовательный уровень также и пожилых людей — активных колхозников. Вот как рассуждает, например, отец Паши Ангелиной, старый колхозник, бывший батрак, о не удовлетворившем его докладчике из города:

„Товарищи из областного центра ошибочно считают, что деревня нынче принимает с удовольствием любого лектора. Деревня нынче не та стала. Нашим мужичкам подавай хорошего лектора. Выросли, слава тебе господи. Научились... Чай, должен был знать лектор, что выступает не перед школьниками. Полтора часа гово-

рил, а ни одной живой мысли. А ведь сколько народу собралось послушать доклад о международном положении! Не прав я, а? Тошно было его слушать. Без души говорил"[1].

Повышение политического уровня и общеобразовательной подготовки основных масс колхозного крестьянства не могло не вызвать значительного языкового развития, решительных и принципиальных отличий языка советской деревни от языка крестьянства в царской России.

Здесь в полной мере применимы слова тов. А. А. Жданова: „Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны"[2].

Богатство языка колхозного крестьянства не дает возможности сколько-нибудь полно охарактеризовать его лексику, поэтому приходится ограничиться лишь немногочисленными примерами из различных областей лексики, тем более, что язык современного колхозного крестьянства еще не подвергался систематическому изучению.

В языке советской деревни широко развит словарь, относящийся к советской и партийной жизни. Сюда относятся названия органов советской власти — местной и центральной (например, *советская власть, Совет, сельсовет, райсовет, исполком, райзо, министерство, Совет Министров, Верховный Совет*); представителей советской власти *(председатель сельсовета, председатель исполкома, депутат облисполкома* и т. д.); партийных организаций *(партком, райком, обком, ЦК, партийное бюро, партактив, партийная организация, партия большевиков);* лиц по принадлежности к партии, а также по занимаемым в ней выборным должностям (например, *коммунист, большевик, партиец, член партии, кандидат партии, секретарь парткома, парторг, инструктор*).

Большой круг слов относится к колхозу, его организационной структуре, управлению, колхозным предприятиям, организации труда в колхозе. К структуре колхоза относятся, например, слова *колхоз, сельскохозяйственная артель, устав артели, Сталинский артельный устав, артельное хозяйство, артельные фонды, правление колхоза, бригада, звено.* Виды бригад: *бригады полеводческие, огородные, тракторные* и др. Колхозный труд специализирован. Должностные лица колхоза и МТС и разные специальности обозначаются, например, словами: *председатель правления, член правления,*

---

[1] П. Ангелина, Люди колхозных полей. „Октябрь", 1948, № 6, стр. 137.

[2] Доклад товарища Жданова о журналах „Звезда" и „Ленинград", Госполитиздат, 1946, стр. 36.

счетовод, учётчик, плановик, бригадир, звеньевой, полевод, овощевод, огородник, животновод, коневод, конюх, овцевод, доярка, телятница, свинарка, скотница, зав. фермой, агроном, зоотехник, землемер, землеустроитель, тракторист, комбайнер, водитель, механик, прицепщик, заправщик, сеяльщик, директор МТС, заместитель директора по политчасти, дирекция МТС. Колхоз — сложное предприятие, в состав которого входит ряд хозяйственных единиц, которые обозначаются словами: *МТФ* (молочно-товарная ферма), *птицеферма, свиноферма, конезавод, ветпункт, ветлечебница, случной пункт, колхозная кузница, хата-лаборатория* и т. д.

К планированию и организации колхозного труда относятся такие слова и выражения, как *пятилетний план колхоза, промфинплан, сверх плана сдали государству, планировать, мы сполна рассчитались с государством, трудодень, начислить трудодни, списать трудодни, дополнительное начисление трудодней, полноценный трудодень, расходование трудодней, учет работы, нормы выработки, выполнил две нормы по пахоте, бригада выполнила три годовых нормы, сдельщина, индивидуальная и мелкогрупповая сдельщина, семенной фонд, контрактация, правильно расставить рабочую силу* и др. В связи с борьбой с нарушениями устава сельскохозяйственной артели характерно употребление таких слов и оборотов: *необходимо строжайшее соблюдение артельного устава; надо ликвидировать работу скопом и внедрить в практику мелкогрупповую и индивидуальную сдельщину; прекратить расхищение трудодней, разбазаривание трудодней; ликвидировать текучесть состава бригад, изжить штурмовщину, компанейщину, работать ритмично, по плану, бороться с обезличкой, выйти из прорыва, бороться с рвачами, лодырями, дармоедами.*

Колхозное строительство неразрывно связано с новыми формами общественной и политической жизни, которые вызвали к жизни в деревне, например, такие слова: *заседание, собрание, общее собрание, митинг, конференция, слёт, комиссия, пленум, президиум, организация, постановление, резолюция, доклад, выступление, дискуссия, реплика, высказываться, оратор, докладчик, председатель, секретарь, актив, активист* и т. д. В связи с социалистическим соревнованием употребляются слова: *соревнование, ударничество, стахановское движение, встречный план, вызов, вызвать на соревнование, принять вызов, социалистические обязательства, красная доска, чёрная доска, ударник, отличник, стахановец, пятисотница, передовик, знатный полевод, опытник.* Активное участие колхозного крестьянства в государственной жизни страны, в выборных органах Советского государства привело к употреблению в деревне таких слов, как *Сталинская Конституция, выборы, перевыборы, избирательная кампания, кандидат в депутаты, депутат, делегат, агитатор, избирательная комиссия, участок, округ, избирательный список, бюллетень, предвыборное собрание, выдвижение кандидатов, выработали наказ депутату, голос, подсчет голосов, право голоса* и т. д.

Колхозное производство в значительной мере механизировано и основано на передовой агротехнике. С этим связано развитие соответствующего богатого словаря. Длинный ряд слов употребляется для обозначения сельскохозяйственных машин и их частей, например: *машина, трактор, гусеничный трактор, комбайн, самоходный комбайн, лобогрейка, сноповязалка, зерноуловитель, конные грабли, молотилка, сложная* (а также *полусложная*) *молотилка, льнотеребилка, картофелекопалка, дисковая сеялка, веялка, сортировка, триер, культиватор, агрегат, прицепной инвентарь*; части машин: *мотор, подшипник, стартер, поршневые кольца, цилиндр, картер, запальные свечи, гусеницы, шины, хедер* (комбайна), *запасные части, деталь, диск культиватора, руль (десять лет работаю за рулем трактора)*; с уходом за машинами связаны такие слова, как *ремонт машин, текущий ремонт, технический осмотр, исправность машины, сборка машины, сменили деталь, чертеж, инструмент, регулировали молотилку* и т. д. Механизация сельскохозяйственного труда вызвала к жизни целый ряд специальностей по обслуживанию машин, которые были ранее неизвестны в деревне (некоторые из названий этих специальностей см. выше).

С передовой агротехникой связаны такие широко известные в колхозной деревне слова, как *агротехника, агротехминимум, агротехнические мероприятия, селекция, яровизация, протравленные семена, кондиционные семена, морозостойкие семена, засухостойчивое растение, опытный участок, экспериментировать, опытник, мичуринец, многополье, севооборот, многопольные травы, травосеяние, люцерна;* минеральные удобрения — *азот, фосфор, суперфосфат; подкормка, снегозадержание, лесонасаждение, полезащитные полосы, качество пахоты, весновспашка, зяблевая вспашка, взмет зяби, подъем паров; сельскохозяйственные культуры, яровые культуры, технические культуры, землеустройство, осушительные работы, мелиорация, полив, дождевание, элеватор, зернохранилище, овощехранилище* и т. д. С передовой агротехникой связано также употребление таких слов и выражений, как *вести бой за влагу, посеять в лучшие агротехнические сроки, заложить основы будущего урожая, добиться сталинского урожая, заделать семена на нужной глубине, свято выполнять агротехнические правила, вести сельскохозяйственные работы комплексно, строго по графику.* С колхозным животноводством связано употребление ряда слов — для обозначения должностных лиц, соответствующих специалистов и хозяйственных единиц (см. выше), продукции животноводства (например, *продуктивность скота, прирост живого веса, настриг шерсти, надой молока, выращивание молодняка*), кормов (например, *сочные корма, грубые корма, концентрированные корма, силос, кормовая база, кормовые ресурсы, прифермские участки*) и т. д. В колхозной деревне, как и во всей стране, широко употребляются меры метрической системы *(гектар, га, тонна, центнер, килограмм, грамм, литр, метр, километр).*

Вместе с политическим и хозяйственным ростом колхозного крестьянства, вместе с внедрением в сельскохозяйственную практику передовой агротехники рос и его общий культурный уровень. Это сказалось в развитии соответствующего словаря. В словаре колхозника имеется много слов, обозначающих разного типа общеобразовательные учреждения (например, *курсы, краткосрочные курсы, школа* — старой деревне больше свойственно было слово *училище, ШКМ* (школа крестьянской молодежи), *семилетка, десятилетка, техникум, педучилище*), культурные учреждения *(изба-читальня, дом культуры, клуб, избач, культурник)*, кружки *(политкружок, кружок по истории партии, драмкружок, литкружок, хоровой кружок* и др.), учреждения для детей дошкольного возраста *(ясли, детские ясли, детская площадка, консультация)*, медицинские учреждения *(амбулатория, больница, поликлиника, дом отдыха, санаторий* и др.); слов, относящихся к спорту *(стадион, матч, состязание, футбол, волейбол, шахматы, спорт* и т. д.), предметам культурного обихода *(радио, радиоприемник, громкоговоритель, антенна, электричество, выключатель, штепсель, розетка, шнур, проводка, фотоаппарат, патефон, пластинка)*, слов, относящихся к новому семейному быту (например, *расписаться* вместо *венчаться, они уже были в загсе*, т. е. оформили брак).

В языке колхозного актива широко употребляются слова и обороты, относящиеся к организационной и административной деятельности (например, *наведу справку, выдал справку, послал отношение в рик, надо это согласовать с председателем, надо ввести его в комиссию, я отвожу его кандидатуру, я очень загружен, узкое место в нашем хозяйстве, надо во-время спустить план в бригады и звенья* и т. д.).

Широкое употребление получил в языке деревни многочисленный слой общей лексики литературного языка, перечислить которую нет никакой возможности (например, *факт, фактический, конкретный, политический, культурный, серьезный, авансировать, инициатива, масса, преодолеть, метод, реальный, реализовать*). Семантика речи колхозного актива уже вплотную подошла к семантике речи рабочего класса и интеллигенции. Вот несколько примеров речи колхозных активистов: *вырастили сталинский урожай колхозники беззаветно трудились, надо воспитывать любовь к общему добру, коллективный честный труд принес богатый урожай, знатная трактористка, не опозорить честь нашего звена график у нас был напряженный, но борьбу за урожай мы выиграли; надо систематически делиться опытом с другими бригадами, мы применяем новую методику, приходится экспериментировать, у нас много опытников-мичуринцев, надо реализовать план полностью.*

§ 190. Усвоение новых слов не является таким простым процессом, как это может показаться с первого взгляда. Оно связано прежде всего с усвоением нового понятия, с освоением новой техники, новых форм советской общественности и новым советски

бытовым укладом, иными словами, оно зависит от роста производительных сил, от развития мышления, от роста культуры. Новые слова на первых порах понимались не всегда точно, а иногда даже и неверно. Новые слова раньше входят в пассивный словарь (т. е. узнаются в чужой речи или в чтении), а потом уже появляются в активном словаре говорящего.

Например, для б. Ярославской губ. в 1925 г. отмечено такое определение слова *гражданин: гражданин — по-нонешнему зовут так.* Однако уже через несколько лет (в 1929—1930 гг.) тот же наблюдатель отметил, что в тех же деревнях слово *гражданин* понимают не только как обращение, но и как название *равноправных людей в государстве.* С введением метрических мер крестьянское население не везде сразу усвоило реальное содержание новых мер. Это отразилось, между прочим, в „Поднятой целине" М. Шолохова (реплики крестьян во время производственного совещания):

— Вы про хлеб гутарьте, сколько к и л о в на эту га надо.

— Ты нам к и л а м и голову не морочь! Мерой али пудом вешай!

Однако уже в скором времени в деревне прекрасно разбирались в отношениях кило к фунту, гектара к десятине и т. д.

§ 191. В процессе первоначального усвоения нового слова наблюдатели иногда отмечали смешение разных слов, близких по звучанию, например: *дистанция* и *инстанция, элементы* и *алименты, страховать* и *штрафовать.*

Некоторые из новых слов в процессе освоения могут приобрести более широкое значение. Такое значение отмечено, например, для слов *вредил, вредительство, ликвидировать как класс* в 1930—1931 гг.[1]: *тот, кто имел эксплоатацию чужого труда, тот* ***вредил; вредительство*** *полное!* — восклицает председатель колхоза, говоря о недостатках и необходимости борьбы за повышение урожайности; *девять хозяйств, которые раскулачены,* ***ликвидированы как класс,*** *придется взять* и ***ликвидировать тебя как класс*** (реплика на собрании). Такое значение зафиксировано, между прочим, в романе М. Шолохова „Поднятая целина", действие которого относится к 1930 г.

— Собрание бедноты постановило тебя, гражданин Фрол Дамасков, выселить из дома, конфисковать все имущество и скот.

— Это почему же такое?

— У н и ч т о ж а е м тебя к а к кулацкий к л а с с.

В ряде случаев вновь усваиваемые словосочетания лексикализировались, употребляясь как определенные устойчивые сочетания. Приведем некоторые примеры, также относящиеся к 1931 г. (Псковский район): ***На сегодняшний день*** *у нас уже много активистов; вот, товарищи, громадная задача стоит перед нами* ***на сегодняшний день,*** *мы должны* ***играть громадную фигуру*** *— лен сеять, сейчас* ***основная фигура*** *— коллективизация, по ночам*

[1] Здесь и ниже привожу ряд слов и выражений, записанных в 1931 г., д. Мелехово, Псковского района.

сидели разрешали разные ***основные вопросы*** (ср. определение *разные*, ослабляющее значение определяемого *основные вопросы*), *хлебозаготовки выполнены* ***полностью на сто процентов***, *когда мы возьмемся* ***как один обем рукам*** — *мы все повернем, надо* ***всем как один обем рукам*** *взяться* — *починить дороги.* В этих примерах, взятых из речи местного крестьянина, председателя сельсовета, определяющее значение имеют не недостатки в построении фраз, не употребление диалектных форм (*обем рукам* вместо *обеими руками*) и тем более не звуковое оформление, которое быстро меняется, а значение фраз в целом, свидетельствующее о высокой сознательности колхозного актива уже в первые годы широкого колхозного строительства.

Ср. с этим отрывок из записок Паши Ангелиной: „Пять дней и пять ночей не отдыхал и не ложился спать старик Степан Иванович Николаев. Он возил на государственные склады хлеб нового урожая. Шли шестые сутки. Председатель колхоза прислал ему замену.

— Предлагаю тебе отдохнуть, Степан Иванович, — писал Коссе.

— Отдохни час — другой, легче станет...

— *Легче не станет*, — ответил Степан Иванович. — *Сперва с государством рассчитаемся,* ***апосля*** *и отдохну*“[1].

В этой реплике, как и в предыдущих примерах, важно не употребление диалектизма (*апосля*), а высокий уровень политической сознательности, чувство долга перед Советским государством, характерные для передового колхозного крестьянства.

Некоторые словосочетания, расширяя свое значение и лексикализируясь, постепенно приближаются к свойствам формальных слов — предлогов и союзов. Таковы, например, слова *насчет, на сей счет* и некоторые другие: ***насчет*** *прогулов — этого у нас нет, ревизия* ***на сей счет*** *есть; есть обязательное постановление,* ***с таким расчетом, чтоб*** *и за прошлый год контрактацию выдать, есть постановление рика,* ***плюс к этому*** *мы должны сегодня решить.*

Усвоение новых слов нередко бывает связано с рядом морфологических и фонетических процессов. Так, например, нередко отмечалось склонение существительных на *-о* иноязычного происхождения, а также новых сложносокращенных слов: *пальтá, пальтý; в горпé, из сельпá.* Иногда появляется окончание *-а* и переход в женский род слов мужского рода, оканчивающихся на два согласных звука обычно с *м* или *р* на конце: *механизма, кадра, метра, литра* (ср. более старое заимствование: *тигра*).

В новых словах в той или иной степени могут отразиться фонетические черты говора. Так, например, нередко отражается яканье *вр'ад'йт'ьл', кьл'акт'йф, д'ажýрнаj.* При этом яканье может появиться и в соответствии с звуком *и* литературного языка: (точнее со звуком *и*, не проверяемым в той же морфеме ударенным

[1] П. Ангелина, Люди колхозных полей. „Октябрь“, 1948, № 6, стр. 123.

положением): *арт'ал'ёр'иа, бр'агáда, р'асýнак, пъп'арóсы* (Псковский район, 1931 г.). Носители традиционных с-в-р говоров иногда даже новые слова произносят с цоканьем, например: *роскýлáц'ил'и, ц'йстка апарáту* (Поветлужье, 1932 г.). В говорах, знающих *и* вместо звука *о* абсолютного начала во 2-м предударном слоге, иногда *и* произносится и в новых словах: *икад'éмiju кóнчыл; ип'арáцыju надъ з'д'éлът'* (Псковский район, 1931 г.). В говорах, не знающих фонемы *ф*, вместо нее и в новых словах нередко произносят *хв* или *х*: *хвакт, хвóнды, път'ехóн, рабóтыл'и па-ɣ'рáхв'iку* (Рязанская область, 1940 г.), *хр'йцы* (Курская область, 1946 г.) и т. д.

Сочетания согласных в новых словах нередко подвергаются тем же изменениям, как и в своих исконных словах: например, сочетание *кт* в результате диссимиляции изменяется в *хт* — *трахтор, дилехтор, карахтер, контрахтация,* сочетание губной носовой *м* с другими губными также в результате диссимиляция изменяется в сочетание зубной носовой *(н)* с губными, т. е. *мп* → *нп, мб* → *нб, мв* → *нв: ланпа, канпания, бонба, конбайн, транвай.*

В новых словах, особенно иноязычного происхождения, нередко бывают сочетания звуков, не свойственные своим, исконно диалектным словам. В таких сочетаниях отмечаются различные изменения, например при наличии в разных слогах слова двух *р* нередко одно из них заменяется звуком *л;* ср.: *лаболатория, секлетарь, дилектор, левольвер, колидор, лекорд, леригия, легистрировать.* При наличии в слове *н* и *м* или *р* и *л* иногда отмечается перестановка этих звуков; ср.: *агромон* вместо *агроном*[1], *рал'óк* вместо *лар'óк* (в этом случае характерно, что меняется местами основная артикуляция *р* и *л* — дрожащая и плавная; дополнительная же артикуляция — твердость и мягкость — остается на местах, т. е. модель слова в отношении твердости и мягкости остается без изменения). Ср. также: *Рал'ивóн* вместо *Лар'иóн.*

При наличии сочетаний гласных — между ними нередко образуется *в;* ср.: *радиво, какаво.* Отмечаются и другие случаи искажения звукового состава новых слов, а также неправильные ударения (например: *прóцент, прéзидиум, прéдметы, пéриод, пóртфель, кúно, килóметр).* Впрочем, наряду с этим явлением именно с новыми словами нередко проникает и новое звуковое оформление, соответствующее литературному языку (об этом см. ниже в этой главе § 194).

Однако все эти отклонения от литературного языка являются преходящими и быстро устраняются по мере общего культурного роста населения. Наблюдатели не раз отмечали, что одно и то же лицо, допускавшее искажения в произношении новых слов, через несколько лет в основном уже произносило их правильно, в соответствии с нормами литературного языка.

---

[1] Ср. также давно известное *ярманка* (в том числе в литературном языке XVIII в. и начала XIX в.) при современном литературном *ярмарка.*

§ 192. Кроме появления в деревне громадного количества новых слов, соответствующих новым формам экономики, культуры и быта — этого основного языкового процесса, — для развития языка советского крестьянства весьма характерна утрата старых слов, оказавшихся ненужными в новых условиях. „Вытеснение лексических диалектизмов, — пишет исследователь лексики русских говоров Ф. П. Филин, — происходит везде одинаково: местное слово сначала выходит из употребления у культурно-передовых колхозников, потом и вовсе переходит в разряд „пассивного лексического запаса“ [1].

Не все старые слова выходят из употребления одновременно. Известное время старое слово и в большей или меньшей степени соответствующее новое слово сосуществуют. При этом они могут сосуществовать не только в языке разных лиц, но даже и в языке одного и того же лица в одно и то же время. Так, например, довольно долго сохранялись слова: *волость, уезд, губерния*[2] рядом со словами *сельсовет, район, область.* При этом, хотя не было обычно территориального совпадения между волостью и сельсоветом, уездом и районом, губернией и областью, диалектологи отмечали иногда употребление старых слов вместо слов, обозначающих новые административные деления.

В связи с проникновением в деревню метрической системы в крестьянском языке появляются слова *метр, кило, гектар, литр* и др., но рядом долго еще сохранялись слова *аршин, фунт, десятина, бутылка, кружка* и т. д.

По мере усвоения новых терминов метрической системы и тех реальных понятий, которые ими обозначаются, — мер, старые слова постепенно переходят в пассивный словарь, а затем и вовсе утрачиваются.

Некоторые внешние соответствия между старыми и новыми словами в первый период освоения нового слова устанавливались и в терминологии общественной, ср., например: *сходка* и *собрание, староста* и *председатель* и др. Однако старые слова в этих парах в связи с развитием новых форм общественной жизни быстро уступили место новым.

Некоторые старые слова бытового характера также сменяются соответствующими новыми: *раньше про крестьян говорили* ***серый народ, а теперь мы учимся, несознательных у нас мало*** (из речи пожилого крестьянина Рязанской области в 1939 г.), *я была раньше как лесной пенёк, а теперь* ***сознательная*** *стала* (из речи пожилой женщины Рязанской области, 1940 г.). Слово *баба* в деревенском быту заменяется словом *женщина.* Н. П. Гринкова отмечает, что когда один из колхозников на собрании употребил слово *бабы,* председатель поправил: ***женщины; прошу не выражаться.***

---

[1] Ф. П. Филин, Новое в лексике колхозной деревни. „Литературный критик“, 1936, № 3.

[2] В советский период в течение ряда лет сохранялось старое административное деление на губернии, уезды и волости.

Среди старых слов в первую очередь вытесняются слова, обозначающие вышедшие из обихода предметы и понятия[1]. Так, например, по наблюдениям Н. П. Гринковой, в воронежской деревне знают еще слово *понёва*. „Старшая часть населения, старухи и пожилые женщины, для которых изготовление одежды, ее украшение было живым бытовым фактом, еще сохраняют эту детализацию названий“[2]: для них не существует „понёвы вообще“, а существует понева определенного типа: *понёва с белью, понёва колодою, красная понёва, понёва со столбами, понёва-белгородка* и т. д. Естественно, что молодежь, не носящая понёвы, не занимающаяся ее изготовлением, не знает всех этих слов. Можно быть уверенным, что с уходом из жизни нынешнего старшего поколения забудется не только вся эта специальная терминология, но и само слово *понёва* в связи с отсутствием в жизни соответствующего предмета.

Утрачивается терминология, связанная со старыми отсталыми формами мелкого индивидуального сельского хозяйства. В связи с коллективизацией утеряли свою актуальность такие слова, как *полоса, чересполосица, межа* и др. В связи с переходом сельского хозяйства на новую технику утрачиваются, например, слова, обозначающие части *сохи*, не применяющейся в современном хозяйстве: *рассохи, конопные подвои;* слова, обозначающие части *цепа*: *держак* или *держалень, тяпинка, капица* (молотильный цеп) и др.

§ 193. Кроме появления новых слов и утраты старых, отмечено приспособление старых слов к новым условиям, приобретение старыми словами нового значения. Это относится прежде всего к словам нетерминологического характера.

Ср., например, такое употребление слов: *наша **святая** обязанность — добиться высокого урожая; нужно **беззаветно** трудиться на полях; **знатные** люди нашего колхоза; не посрамим **чести** нашего краснознаменного колхоза; наш колхоз выполнил **первую заповедь** — полностью рассчитался с государством.* В слова *святая, беззаветно, знатный, честь, первая заповедь* вкладываются качественно новые значения, которых они не имели раньше.

Новые явления в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

§ 194. Однако процесс нивелировки диалекта охватывает не только лексику, но и все другие стороны языка: утрачиваются все те языковые особенности, которые не соответствуют нормам литературного языка. Одни из них утрачиваются легко и безболезненно, другие держатся крепче, а иные с трудом поддаются воздействию со стороны литературного языка. Так, например, фрикативное *г* (γ), свойственное всему нашему югу, держится весьма крепко, в то время как мягкое *т* (*т'*) в 3-м л. глаголов заменяется твердым *т* сравни-

[1] См. Н. П. Гринкова, Воронежские диалекты, Л. 1947, гл. V, стр. 183. Ниже проводятся некоторые примеры из этой работы.

[2] Там же, стр. 184.

тельно легко (кроме некоторых случаев, когда форма 3-го л. употребляется в качестве вводного слова, в которых *т'* упорно сохраняется: *так, значить, он не придет? можеть, можеть быть*). На севере цоканье, хотя и не так легко, уступает место различению *ц* и *ч*, но элементы оканья в первом предударном слоге держатся более крепко.

В области синтаксиса, например, конструкции типа *у него уехано в город; он ушотчи; косить трава; живут не разделивши* заменяются соответственно конструкциями *он уехал в город; он ушел; косить траву; живут не разделившись*. В области морфологии, например, формы типа *пекчи, пекóм* или *пекём, несть, плесть* заменяются формами *печь, печём, нести, плести*; формы типа *у сестре, на горы, у мене, со старым друзьям* сменяются формами *у сестры, на горе, у меня, со старыми друзьями* и т. д. В области фонетики яканье и ёканье сменяется еканьем и иканьем (*уш он чиво стал говорить* — слышал Н. М. Каринский в качестве похвалы жениху, ставшему икать, еще в начале XX в. в подмосковной деревне), в с-в-р говорах развивается редукция безударных гласных (кроме гласных первого предударного слога), утрачиваются гласные *ǒ* и *ê*, заменяясь соответственно гласными *о* и *е*, утрачивается цоканье, заменяясь правильным различением *ц* и *ч*, появляется звук *ф* вместо диалектного *х* или *хв*.

При этом новые черты не сразу выступают как цельные синтаксические, морфологические или фонетические явления, а усваиваются прежде всего в определенных, заимствованных из города сочетаниях, фразеологических оборотах, словах. Далее они проникают в слова, общие как диалекту, так и литературному языку. Напротив, дольше всего сохраняется старое произношение в таких из своих исконных слов и оборотов, которые чужды литературному языку. Так, например, известно, что слово *солдат*, появившееся в крестьянском языке из административно-военного языка очень давно, многими с-в-р говорами было усвоено в акающей огласовке. А. А. Шахматов, отметивший в 1912—1913 гг. фонему *ǒ* в селе Лека (Коробовский район Московской области), в качестве исключения привел слово *вол* с *о* (а не *ǒ*), в связи с тем, что в подмосковной деревне вол в качестве рабочего скота неизвестен, и это слово, следовательно, было усвоено из городского языка. Известно, что *ч* в цокающих говорах прежде всего появляется в словах, которые появились из города, с завода, из литературного языка и т. д. (ср., например, *рабóчиj* во многих цокающих говорах). Затем усвоенная черта может постепенно переноситься на свои исконные слова и обороты и, наконец, стать общей чертой языковой системы.

§ 195. Процесс перехода от диалектной речи к литературной сопряжен на определенных его этапах с своеобразным двуязычием, т. е. наличием в языке одного и того же лица в одно и то же время как диалектной, так и общелитературной разновидности того или иного соответствующего явления. При этом в одних словах, при одной ситуации речи употребляется диалектная форма, а в дру-

гих словах или при других условиях — общелитературная. Последняя, например, нередко употребляется местными жителями при разговоре с приезжими, городскими людьми. Отмечены и обратные случаи: местный житель, проживший в городе и усвоивший основы литературного языка, приехав в деревню, при разговоре с односельчанами переходит снова на систему диалекта: в противном случае такие лица нередко подвергались насмешкам. Между прочим, наблюдатель казачьих говоров б. Терской области для конца XIX в. указывал, что школьники лишь в школе употребляли слово *здесь*, а дома говорили только *тут*, рискуя иначе подвергнуться насмешкам. Конечно, это явление в советскую эпоху имеет чем далее, тем все меньшее значение, но все же при обзоре языковых процессов современной деревни нельзя его совсем обойти.

На почве взаимодействия литературной и диалектной разновидности соответствующего явления возникают новые особенности, не свойственные ни литературному языку, ни данному диалекту ранее.

Например, значительной части с-в-р говоров свойственна форма тв. п. мн. ч. на *-ам*, совпадающая с формой дат. п. мн. ч. (ср.: *жали серпам* и *привыкли к серпам*), в то время как в литературном языке эти формы различаются (ср.: *жали серпами*, но *привыкли к серпам*). В результате влияния литературного языка на диалекты, раньше чем диалектная особенность окончательно утратится, нередко появляются новые формы, отсутствующие в литературном языке и неизвестные ранее также и диалектам: говорящий на диалекте усваивает форму на *-ми*, но так как системе диалекта несвойственно различение форм тв. и дат. п. мн. ч., то он эту форму иногда употребляет и вместо дат. п. Так, рядом с *косили серпами* появляется *привыкли к серпами, пришли к вами, не подходи к лошадями* и т. д.

Приведем несколько примеров из области фонетики. В результате влияния литературного языка на цокающий говор звук *ч* может проникнуть в диалект. Но говорящий на нем вообще не различает *ц* и *ч*. Поэтому вновь усвоенный звук он может употребить не только в соответствии с *ч* литературного языка, но и в соответствии с *ц*. Так появляется ранее не свойственное диалекту и отсутствующее в литературном языке нерегулярное и безразличное произношение *ч* вместо *ц* и *ц* вместо *ч* (например, *овча, курича; цасто, цисто*).

Как известно, во многих с-в-р говорах сочетание *дн* изменилось в *н̄*. В результате этого *н̄* произносится как на месте *дн*, так и на месте *нн* (ср.: *винная лавка* и *она винная из себя*). В результате влияния литературного языка говором может быть усвоено сочетание *дн*. Но так как в говоре *н̄* произносится и на месте *дн*, и на месте *нн*, то вновь усвоенное сочетание *дн* может быть употреблено не только правильно (например, *медный*), но и неправильно — на месте сочетания *нн* (например, *обмедный фонд, напремедно* — оба примера записаны в Псковском районе в 1931 г.).

Русским говорам Колымы, как известно, свойственно „сладко-

язычие", т. е. произношение вместо *л*, а нередко также и вместо *р* перед гласными звука *j*: *гojовá* вместо *головá*, *ход'ийа* вместо *ход'ила*; *дójого* вместо *дóрого* и т. д. В таких говорах, следовательно, произносится *стája* как вместо *стая*, так и вместо *стала*, произносится *вojовáт'* как вместо *воевать*, так и вместо *воровать*. При усвоении норм литературного языка этими говорами усваиваются звуки *л* и *р* перед гласными. Но так как в системе говора *л* (или *р*) и *j* не различаются, то вновь усвоенный звук употребляется не только правильно (в соответствии с литературным *л* или *р*), но иногда также и неправильно — в соответствии с литературным *j*; появляется произношение *боловóй* вместо *боевой*, *воловáть* вместо *воевать*.

---

§ 196. К сожалению, развитие языка крестьянства советского периода изучено очень недостаточно. Многое упущено лингвистами, так как языковые процессы, имевшие место в деревне в этот период, нередко протекали весьма быстро. Вновь появляющиеся языковые явления, в связи с быстро изменяющимися в условиях роста советской деревни общественно-экономическими условиями, нередко утрачивались, уступая место еще более новым языковым особенностям, отвечающим изменившейся действительности.

Однако упущенное отчасти можно возместить путем изучения языка произведений советской литературы, изображающих жизнь нашей деревни с 1917 г. до наших дней. Правдиво изображая жизнь, наши лучшие писатели чутко прислушивались и к языку нашей деревни. Ещё у Л. Сейфуллиной в „Виринее" при изображении жизни деревни в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции отмечено: „*Сходы* стали *митингами* называть, а *мир товарищами*, а то *граждане*. Слова новые по новости звонки выходили, как звякали: *инструкции, резолюции*... Разъяснителей из города *ораторами* звать стали". Сравнение языка действующих лиц — крестьян — произведений, относящихся к разным историческим периодам жизни Советского государства, позволяет нам установить специфические языковые явления каждого периода, а также воочию убеждает в том, какой громадный путь проделало наше колхозное крестьянство в своем языковом развитии за годы советской власти.

Необработанная речь многих сельских активистов эпохи военного коммунизма, доставшаяся в наследство от царизма и широко отраженная в советской литературе, и, с другой стороны, почти безупречный литературный язык сельского активиста послевоенных лет, например Сергея Тутаринова („Кавалер Золотой Звезды" С. Бабаевского), свидетельствуют о происшедшем скачке в языковом развитии советской деревни, о переходе из старого качественного состояния в новое.

Весьма поучительно сравнение языка персонажей „Поднятой целины" М. Шолохова, действие которой относится к 1930 г., и только что названного романа С. Бабаевского. Сельские активисты,

изображенные М. Шолоховым, — Нагульнов и Разметнов — широко пользуются советским общественно-политическим и производственным словарем, но не всегда в правильном значении, нередко искажают новые слова в фонетическом или грамматическом отношении; кроме того, в их речи много диалектизмов. В противоположность этому сельский активист послевоенного периода председатель станичного Совета Савва Остроухов (из романа С. Бабаевского) вполне владеет основными нормами литературного языка. Он свободно пользуется жанром публичной речи общественно-политического и производственного характера. Вот отрывок из его речи на собрании, посвященном послевоенному пятилетнему плану станицы:

„Есть еще одна доходная отрасль — рыба! — сказал Савва. — Водоем готовый. Значит, ворошиловцам запланируем зеркального карпа. Но главное — планирование действительно должно пойти по линии нового строительства. Мы с Сергеем Тимофеевичем в уме уже прикидывали: предстоит большая стройка! По самым малым подсчетам потребуется три конюшни — по одной каждому колхозу, три коровника, кошары, свинарники, птичники и еще двенадцать полеводческих станов с зернохранилищами при них! А если к этому прибавить нужды самой станицы, скажем: клуб, избу-читальню, родильный дом, детские ясли, школу-десятилетку, дом агротехника и животноводства? Кроме всего прочего, на первом месте в плане поставлена электростанция! Можем ли сократить строительство? Нет, не можем! Но поднять такую стройку нелегко, если учесть недостаток в строительном материале, особенно в лесе. Допустим, мы построим свой кирпичный завод, заимеем кирпич. Часть построек будет саманная. Тут можно выйти из положения. А лес? Где возьмем столько леса? Мы с Сергеем Тимофеевичем подсчитали: потребуется не много не мало шестнадцать вагонов леса! Вот тут и надо найти выход..."

Как видно из этого примера, оформление речи С. Остроухова почти безукоризненно (можно упрекнуть оратора лишь в употреблении слова *заимеем* вместо *будем иметь*).

Различия в языке героев М. Шолохова и С. Бабаевского не могут быть отнесены целиком к различию в стиле этих писателей, их творческого метода, а отражают прежде всего качественные изменения в самой действительности.

Изучение языка советской литературы, в частности произведений, посвященных советской деревне, представляет собой важную задачу науки о русском языке.

Ф. Энгельс в „Анти-Дюринге" писал: „Уже первое большое разделение труда, отделение города от деревни, приговорило сельское население к тысячелетиям долгого отупения", „оно уничтожило основу духовного развития"[1] сельского населения. Язык крестьян

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 297.

царской России соответствовал их отсталой экономике, примитивным формам сельского хозяйства, традиционному быту. Октябрьская социалистическая революция разбудила творческие силы советского народа. Развитие колхозного строя, тесно связанное с механизацией и электрификацией сельскохозяйственного труда, вместе с тем было серьезным шагом на пути превращения сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального. Значительно выросла общеобразовательная и специальная подготовка крестьянских масс, выросли многочисленные местные кадры разнообразных специалистов сельского хозяйства. Растет общественная и политическая активность колхозного крестьянства. Представители деревенского актива как посланцы народа участвуют в работе не только местных, но и центральных органов власти. Дочь бывшего батрака — знатная трактористка Герой Социалистического Труда Паша Ангелина и многие другие являются депутатами Верховного Совета СССР. Вместе с нею можно сказать: „Где, в какой другой стране, кроме моей родной, возможно, чтобы рядовая крестьянка участвовала в парламенте и наравне с вождями решала судьбу своего государства? Другой такой страны нет!“ [1].

Естественно, что в этих условиях ведущим в развитии языка советской деревни является литературный язык. Новые явления проникают в язык деревни из города, с завода и фабрики, из языка рабочего класса и советской интеллигенции. Громадное значение в языковом развитии деревни имели и имеют доклады и речи вождей нашей партии, руководителей правительства, решения партии, правительственные указы. Все эти документы читаются и изучаются многомиллионным крестьянским активом, и язык их оказывает мощное воздействие на языковое развитие колхозного актива, а через него и на язык всего крестьянства.

Качественно новым в языковом развитии советской деревни является то, что новые слова относятся к сферам общественно-политической, производственной, агротехнической и общекультурной лексики, которые объединяют язык колхозного крестьянства с литературным языком, с языком рабочего класса и интеллигенции. Качественно новым в языковом развитии советской деревни является также то, что в силу характера социалистического строя с его плановым началом, с его коллективными формами труда и крупным, самым передовым в мире коллективным сельским хозяйством, индустриализованным и все более и более электрифицируемым,—языковые явления современности отличаются всеобщностью, они охватывают всю страну, а не одни какие-нибудь местные говоры в отличие от других. В СССР давно уже нет „медвежьих углов“, которыми славилась царская Россия. Передовые люди колхозов и совхозов, мастера разных отраслей социалистического сельского хозяйства выросли во всех краях нашей великой страны. Вокруг них группи-

[1] П. Ангелина, Люди колхозных полей, „Октябрь“, 1948, № 6, стр. 104.

руется многомиллионный сельский актив. Вот что, например, пишет писатель Всеволод Иванов об одном из передовиков сельского хозяйства — председателе колхоза „Заря" Ачитского района Свердловской области — А. П. Тернове: „Прежде чем привести какие-либо слова А. П. Тернова, я должен кое-что пояснить. Тернов, окончивший лишь всего сельскую школу, говорит превосходным современным языком, как может говорить московский профессор"[1]. Эти передовики вместе со всем громадным сельским активом не только сами все больше и больше переходят на нормы литературного языка, но вместе с тем оказывают мощное воздействие в том же направлении на языковое развитие всего колхозного крестьянства. В связи с этим социальный круг носителей традиционных диалектов все более и более суживается. Во многих деревнях уже теперь о традиционных говорах можно судить почти только по наблюдениям над языком отдельных неграмотных старух, так как язык таких деревень в целом уже в значительной степени приближается к литературному языку. Самый традиционный говор также уже поддается значительному воздействию литературного языка. Мы являемся свидетелями интереснейших языковых процессов, которые заслуживают самого тщательного изучения.

---

[1] Литературная газета, № 54 (2369), 1947.

ГРУППИРОВКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Схождения и расхождения между современными восточнославянскими языками и их диалектами.

§ 197. Современные восточнославянские языки в своем происхождении теснейшим образом связаны друг с другом. Это сказывается, между прочим, в том, что русский, украинский и белорусский языки и до сих пор весьма близки друг к другу по своей грамматической структуре, фонетическим особенностям, а также обладают большим общим словарным фондом. Однако между ними есть и существенные отличия. Если выделить черты различий между русским и украинским языками и сопоставить их с особенностями белорусского языка, то окажется, что при помощи одних из этих различительных черт русский язык противополагается как украинскому, так и белорусскому языкам, в то время как другими чертами русский язык, объединяясь с белорусским, противопоставляется только украинскому языку. Кроме того, есть и такие черты, на основе которых одно из двух основных наречий русского языка (ю-в-р или с-в-р) объединяется с другим восточнославянским языком (белорусским или украинским), противопоставляясь другому русскому наречию и третьему восточнославянскому языку. Имеются и такие черты, которые характеризуют, например, белорусский и украинский языки и вместе с тем те или иные русские говоры, противопоставляясь остальной части русских говоров.

Черты схождений и расхождений между современными восточнославянскими языками оказались бы еще более многообразными, если их рассмотреть также с точки зрения украинского и белорусского языков.

Изучение взаимоотношений, существующих между современными восточнославянскими языками и их диалектами, дает важнейший материал для восстановления процесса их формирования.

§ 198. Однако при пользовании данными соотношений между современными диалектами и близко родственными языками для установления их истории надо иметь в виду, что черты диалектных схождений и расхождений сами по себе для истории этих диалектов или языков мало говорят без учета данных истории языка, территориального распределения диалектных черт, исторической географии, истории самих носителей этих диалектов или

языков на данной территории. Надо иметь в виду, что хотя диалектология и дает важные данные для истории языка и истории, но сами диалектологические факты исторически интерпретируются на основе данных истории языка и истории.

1. Черты сходства двух диалектов с точки зрения истории языка могут представлять собой новообразование или сохранение старого. Естественно, что только первые могут достаточно выразительно свидетельствовать об общности происхождения соответствующих диалектов, так как черты старого могут сохраниться в разных диалектах независимо друг от друга.

Например, фрикативное образование *г* (γ) является новообразованием по сравнению с *г* взрывным. Гортанное образование этой фонемы (*h*) является результатом дальнейшего изменения γ (иначе — *h* непосредственно получилось из γ). Поэтому наличие в ю-в-р наречии γ и в украинском и белорусском языках *h* может быть принято в качестве свидетельства о том, что древние восточнославянские диалекты, на основе которых впоследствии образовались ю-в-р наречие, с одной стороны, и украинский и белорусский языки, с другой, в какую-то весьма отдаленную эпоху были ближе между собой (благодаря чему во всех них *г* изменялось в γ), чем по отношению к говорам, которые впоследствии положили начало с-в-р наречию (сохранившему взрывное образование *г* без изменения).

Однако дальнейшее изменение γ в *h* охватило не все говоры, а лишь те, на основе которых впоследствии образовались украинский и белорусский диалекты: в говорах, к которым восходит ю-в-р наречие, сохранилась более старая стадия — γ. Это свидетельствует о продолжении и усилении генетической близости между говорами, положившими начало украинскому и белорусскому языкам (все они пережили общее новообразование — изменение γ в *h*), и в то же время об ослаблении их связей с говорами, к которым восходит ю-в-р наречие (последние сохранили γ). Ослабление одних связей, видимо, находилось в зависимости от усиления других, а именно связей между говорами, к которым восходят нынешние ю-в-р и с-в-р наречия. Об усилении связей между ними свидетельствует целый ряд новообразований, пережитых как теми, так и другими и представляющих собою общие черты русского языка в отличие от украинского и белорусского.

Другой пример: аканье является чертой новой по сравнению с оканьем. Поэтому наличие аканья в ю-в-р наречии, с одной стороны, и в белорусском языке, с другой, может свидетельствовать о генетической близости соответствующих древних восточнославянских диалектов в определенную эпоху их развития. Напротив, наличие оканья в с-в-р наречии и в украинском языке не дает само по себе оснований для утверждения об общности происхождения соответствующих древних диалектов, так как оканье представляет собою сохранение старины, а последнее могло иметь место в разных говорах независимо друг от друга.

2. Далее, даже в том случае, если черты сходства двух диалектов с точки зрения истории языка представляют новообразование, они в разных диалектах не всегда имеют одинаковое происхождение. В одних случаях можно говорить об общности происхождения в полном смысле слова, в других случаях — и едва ли не чаще — языковая черта-новообразование, появившись на определенной, ограниченной территории, впоследствии благодаря причинам социально-экономического и культурно-исторического порядка распространялась на более обширной территории. Именно так, вероятно, в процессе дальнейшего территориального расширения появилось аканье в белорусском языке. Наконец, одинаковые новообразования в разных диалектах могли появиться и независимо друг от друга. Это могло иметь место благодаря общности языковой системы, унаследованной от более ранней эпохи, а также и по другим причинам, например благодаря иноязычному воздействию или межъязыковому смешению. Например, одной из типичных общих особенностей украинского и белорусского языков является изменение многих согласных в сочетании с *j* в двойные согласные (белор.: *свіння*, *вяселля*, укр.: *весілля*). Однако оказывается, что та же черта имеется в некоторых

с-в-р говорах на северо-востоке Европейской части СССР — Вологодской, Костромской, Кировской и др. областях (ср., напр., ветлужское: *с'в'ин'á*, *воскре'сéн'о*, *брáт'а*, *колóс'а* и т. д.). Принимая во внимание территориальную разобщенность, отсутствие связей между населением соответствующих территорий не только сейчас, но и в прошлом, можно думать, что указанная черта в с-в-р говорах появилась независимо от той же особенности в украинском и белорусском языках. Наличие аналогичных особенностей в финских языках северо-востока Европейской части СССР (например, в коми) позволяет думать, что двойные сочетания вместо сочетания согласных с *j* в с-в-р говорах могли явиться пережитками иноязычной системы или образоваться в процессе межъязыкового смешения.

3. Мы только что видели, что для решения вопроса о том, как появились черты сходства между диалектами, необходимо учитывать географическое распространение соответствующих диалектов, их территориальную смежность или разобщенность и притом не только в настоящее время, но и в прошлом. Естественно, что общие языковые черты не могли появиться при полной территориальной разобщенности теперь и в прошлом.

4. Наконец, надо иметь в виду, что даже при территориальной смежности не всегда могут появиться новые общие языковые черты. В условиях прошлого, в особенности феодального прошлого, к которому относятся многие черты современных диалектов, смежные территории нередко в социально-экономическом и политическом отношении могли быть разобщены (например, если в течение длительного времени проходила граница между разными феодальными государственными образованиями). Естественно, что на таких смежных, но экономически, политически и культурно разобщенных территориях новые черты сходства появиться не могли, а, напротив, могли появиться лишь всё новые черты диалектных отличий.

Учитывая все это, при рассмотрении черт сходства и различий между современными восточнославянскими языками нельзя не прийти к выводу о том, что современные восточнославянские языки и диалекты образовались в результате ряда перегруппировок древних восточнославянских диалектов, в результате сложных процессов смешения и объединения отдельных их частей в одни периоды и, напротив, разъединения и разобщения — в другие, сложных взаимодействий с соседними языками иных систем, что соотношения между восточнославянскими диалектами не раз менялись, пока не установились современные русский, украинский и белорусский языки в их диалектах.

§ 199. Основными чертами, которыми русский язык отличается как от украинского, так и от белорусского, являются следующие.

1. Русскому языку свойственно задненебное образование звонкой фонемы *г*, правда, не одинаковое по говорам в отношении способа образования — взрывное (*г*) в с-в-р наречии, а также в литературном языке и значительной части ср-в-р говоров и фрикативное (*γ*) в ю-в-р наречии: *гус'*, *дугá* или *γус'*, *дуγá*. В противоположность этому в украинском и белорусском языках произносится гортанное придыхание, точнее фарингальный звук (*h*): *hус'*, *дуhá*.

2. Среди русских говоров — как с-в-р, так и ю-в-р — имеются такие, в которых различается фонема *ô* (*o͡o*) в отличие от *о*. Фонема *ô* образовалась в результате изменения старого *о* под ударением при восходящей интонации. Такое изменение в прошлом, видимо, было свойственно, если не всем говорам русского языка, то во всяком случае значительной их части в отличие от украинского и белорусского языков, где на месте старого *о* под ударением вне зависимости от интонации развился звук *о*. В дальнейшем бóльшая часть рус-

ских говоров утратила *о̂*, вместо которого в ней звучит *о*. Ср. по русским говорам: *во̂л'а*, с-в-р: *с'оло̂*, *воро̂на*; ю-в-р: *с'ало̂*, *варо̂на* при укр.: *во́л'а*, *сэло́*, *воро́на* и белор.: *во́л'а*, *с'ало́*, *варо́на*.

Впрочем, в юго-западных белорусских говорах, в которых употребляются дифтонги *и̯е* и *у̯о*, дифтонг *у̯о*, между прочим, встречается и на месте старого ударенного *о* под восходящей интонацией: *ваду̯ону*, *саду̯ока*, *сыру̯оґа*, *ваду̯оју*. Однако чаще *у̯о* употребляется в новых закрытых слогах (*ку̯он'*, *ваду̯он*, *саду̯ок* и т. д.). Поэтому происхождение *у̯о* в первой группе случаев нельзя считать ясным.

3. В русском языке на месте сочетаний *ыj*, *иj* (из старых редуцированных *ы*, *и* перед *j̑* (*j*) или *и*) звучит *оj*, *ej*, в то время как в белорусском и украинском языках сохранились старые сочетания. Ср. русск.: *мо́ју*, *ро́ју*; *мој*, *роj*; *п'ej*, *б'ej*, *л'ej*, *ше́ја*; *сл'епо́j*, *злоj*; белор.: *мы́ју*, *ры́ју*; *мыj*, *рыj*, *пиj*, *б'иj*, *л'иj*, *шы́ја*; *сл'апы́(j)*, *злы(j)*; укр. (в большей части украинских говоров *ы* и *и* совпали в одном звуке — *и*, не смягчающем предшествующую согласную): *мију*, *рију*; *миj*, *риj*; *пиj*, *биj*, *лиj*; *ши́ја*; *сл'ипи́j*, *злиj*.

4. В русском языке сочетания *ро*, *р'е* (*р'о*), *ло*, *л'е* (*л'о*) на месте старых *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* произносятся не только в закрытых слогах (где в прошлом *ъ*, *ь* были в сильном положении, так как находились перед слогом с слабыми *ъ* или *ь*, в дальнейшем утратившимися), но и в открытых слогах (где *ъ*, *ь* были в слабом положении). Ср. русск.: *дров*, *кров*, *блох*; белор.: *дроў*, *кроў*, *блох*, *сл'оз*; укр.: *дрow*, *крow*, *блох*; но при русск. *дрова́*, *крова́вој*, *крошы́т'*, *блоха́*, *глота́т'*, *сл'еза́*, *кр'ес'т'и́т'*, *гр'ем'ет'*; в белор.: *дрыва́*, *крыв'и́*, *крышы́ц'*, *блыха́*, *hлытац'*, *крыс'ц'и́ц'*, *hрым'е́ц'*; в укр.: *дрива́*, *кривавij*, *криши́ти*, *блиха́*, *hлита́т'*, *кристи́т'*, *hрим'и́т'*. В карп. русск. говорах звучат сочетания с гласным перед плавным: *дырва́*, *кырва́вый*.

5. В русском языке сохраняется начальное безударное *и* (обычно из старого *ь* в слабом положении), в то время как в украинском и белорусском языках звук *и* такого происхождения утратился или редуцировался, а в положении после гласной изменился в *j̑*: ср. в русск.: *игра́*, *игóлка*, *им'е́т'*, *из-воды́*; *н'е иду́т* (или *н'ь-иду́т*), *заигра́т'* (или: *зъигра́т'*), в укр.: *hра́ти*, *hо́лка*, *м'и́ти*, *му* (1-е л. ед. ч. = *иму*), *маju* (= *имаju*), *нейде́*, *з-води́*; в белор.: *hра́ju*, *hо́лка*, *м'ец'* (= *иметь*), *ма́ju*, *з-вады́*, *н'айду́ц'*, *зajhра́ц'*.

6. Безударное начальное *у* в русском языке вообще сохраняется, в то время как в украинском и белорусском такое *у* подвергается редукции (*ў*), а после гласной предшествующего слога произносится как *ў* (*у* неслоговое); ср. при русск.: *у-сы́на*, *ув'и́д'ел*, *ум'е́т'*, *науч'и́т'*, *н'е-ум'е́ју*; в укр.: *ўм'и́ју*, *ўчити*, *ўмерла*; *не-ўм'ију*, *наўчити*, *на ўкраjин'и* (пишется *не вмію*, *навчити*, *на Вкраїні*: буква *в* перед согласной обозначает в украинском письме *ў*); в белор.: *ў сына*, *ўв'и́д'з'аў*, *ўм'о́р*; *наўчы́ц'*, *н'а ўм'е́ју* [1].

[1] Знаком *ў* обозначается редуцированное *у*.

7. Многим сочетаниям согласных с *j* русского языка в белорусском и украинском языках соответствуют двойные согласные. Это объясняется тем, что эти сочетания, появившиеся после падения слабых редуцированных, в русском языке вообще сохранялись, в то время как в украинском и белорусском сочетания „согласная + *j*" подверглись изменению в двойную согласную. Такому изменению в сочетании с *j* подвергались в украинском зубные и небнозубные согласные (т. е. *т, д, с, з, л, н*), кроме *р*. Двойные согласные такого происхождения вообще мягки, кроме шипящих, которые отвердели в белорусском языке, а также в значительной части украинских говоров, но в части последних сохранили мягкость. В белорусском языке по говорам отвердело также и *р* из нового *рj*. Ср. в русск.: *жит'jо́, суд'jа́, полоз'jа́, с'в'ин'jа́, в'ес'ел'jо, п'ер'jа, но́ч'jу* и т. д. при укр.: *жи́т'а, су́д'а, коло́с'а, полоз'а, вес'и́л'а, н'и́чу, зб'и́жа, роск'ишу* и т. д. и белор.: *жиц'о, судд'з'а, св'ин'а, калос'а, палоз'а, в'ас'ел'а, но́чу, збожа*; *п'е́ра* или *п'е́р'а*.

В некоторых белорусских говорах описанный процесс охватил также сочетания губных с *j*, которые также изменились в двойные согласные: *ры́б'а* при более обычной форме *ры́бja*.

В части украинских говоров двойные согласные из сочетаний согласных с *j* утратили долготу: *жи́т'а, вес'и́л'а* и т. д.

Описанная черта представляет собой одну из характерных особенностей украинского и белорусского языков в отличие от русского.

Однако нельзя не отметить, что кое-где и по русским говорам (главным образом, на северо-востоке Европейской части СССР, а также в Сибири) встречаются такие, в которых также совершился аналогичный процесс. Например, в Поветлужье можно услышать: *воскр'ес'е́н'о, св'ин'а́, бес-пла́т'а, ба́д'а, нал'у́, в'ес'ел'о* и т. д. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что этот процесс в русских говорах появился вне связи с соответствующим процессом украинского и белорусского языков. В русском языке это явление известно, главным образом, в окраинных говорах по соседству с нерусскими народами (например, коми), в языках которых имеются аналогичные явления. Поэтому возможно, что двойные согласные в подобного рода русских говорах появились на почве межъязыкового смешения, в частности в результате перехода в разное время на русский язык представителей местных языков.

8. По русским говорам широко представлено смягчение *к* в положении после мягкой парной согласной, *j* (*ј*), в части говоров также после *ч'*: *угол'к'а́, ва́н'к'а, чаjк'у́, де́воч'к'а*. Эта особенность свойственна почти всему ю-в-р наречию, а также многим с-в-р говорам Восточной и Владимирско-Поволжской групп [1]. В противоположность этому данная черта не свойственна не только украинскому языку,

[1] Карту этого явления (сост. Д. К. Зеленин) см. на стр. 300.

но и белорусскому языку, который сближается с ю-в-р наречием по такой важной черте, как аканье. В связи с этим наличие смягчения *к* после мягкой согласной может быть принято как свидетельство принадлежности соответствующего говора к русскому языку.

9. В русском языке отсутствует придыхание перед начальными гласными: *арбуз, это.* В противоположность этому по украинским и белорусским говорам развито придыхание: *hа́рбус, hето.*

10. В русском языке вообще утратилась старая звательная форма (лишь кое-где по говорам имеются остатки ее), сохранившаяся в украинском и белорусском языках. Ср. в укр.: *чолові́че, ді́ду, синку́, дру́же, ма́мо, жі́нко;* в белор.: *человéче* или *человéку, вóлче* или *вóлку, брáте, мýжу, кóню.* В связи с этим в русском языке появились новые звательные формы от имен на *-а*, без окончания: *ван', пет', ман', ба́бушк, стару́х* и т. д.

11. В русском языке отсутствует старое чередование задненебных *к, г, х* с свистящими *ц, з, с* при образовании форм дат. и местн. п. ед. ч. существительных на *-а*, а также местн. п. ед. ч. существительных муж. р. без окончания в им. п. — задненебные твердые *к, г, х* в них чередуются перед *е* (*ê*) с задненебными мягкими *к', г', х'*. Ср.: *рукá — рук'é, ногá — ног'é, сохá — сох'é, батрáк — о батрак'é, пирóг — о пирог'é, слух — о слýх'е.* В украинском и белорусском языках чередование *к* || *ц, г* || *з, х* || *с* сохранилось в формах дат. и местн. п. ед. ч. женск. рода, также в форме местн. п. ед. ч. мужск. рода, если она не заменилась формой на *-у* (или *-ови*). Ср. белор.: *руцé, наз'é, сас'é, на-лаўце, на-дарóз'е, на-парóз'е;* укр.: *руц'и́, на-дорóз'и, на-ноз'и́, в-луз'и, в-кожус'и, на-пороз'и, на-бéрез'и* (ср. рядом *-у*: *у-м'ишкý, на-роб'и́тникови* или *на-роб'и́тнику*).

12. Русскому языку свойственна форма им. п. мн. ч. на *-á* от существительных мужск. рода, а по говорам также от существительных женск. рода. Ср. русск.: *городá, домá, берегá, лесá, глазá, учителя́;* в ю-в-р говорах, кроме того: *старостá, деревня́, лошадя́, пустошá, зеленя́, матеря́* и т. д. Белорусскому и украинскому языкам вообще эти формы не свойственны [1]. Ср., напр., в белор.: *гарады́, домы́, берягú, лясы́, глазы́* и т. д.

13. В русском языке формы вин. п. мн. ч. от названий животных сходны с род. п. Ср.: *пасти волов, лошадей, доить коров, есть раков.* Напротив, в украинском и белорусском языках образование вин. п. мн. ч. от названий животных сходно с им. п. Ср. в укр.: *пасти воли, доити корови, їсти раки;* в белор.: *даиць каровы, есць раки* [2].

14. В русском языке при числительных, обозначающих 2, 3, 4, существительные мужск. рода употребляются в род. п. ед. ч., в то время как в украинском и белорусском языках — в им. п. мн. ч. Ср. в русском: *два дома, три стола, четыре двора;* но в белор.: *два домы,*

---

[1] В укр. языке формы на *-а* от имен сущ. мужск. рода встречаются от отдельных немногих слов.

[2] Впрочем, в некоторых говорах украинского языка от названий встречаются формы вин. п. также и сходные с род. п.: *пасти волів* и т. д.

тры столы, четыре дворы; в укр.: *два доми, три столи, четыри двори.*

Существительные женск. и ср. родов при этих числительных в русском языке также употребляются в род. п. ед. ч. Ср. в русск.: *две руки, три сестры, два ведра.* Что касается белорусского и украинского языков, то при числительных 2, 3, 4 существительные жен. и ср. родов употребляются по говорам различно. Ср. в белор.: *дзве руце, тры сястре, четыры сяле* или *дзве руки, тры сястры, чатыры сястры, два сялы* и т. д., в укр.: *дві руці, три сестрі, чотыре відрі* или *дві руки, три сестри, чотыре (два) відра.*

15. Числительные, обозначающие числа от 5 до 20 и 30, образуют косвенные падежи в русском языке по единственному числу, а в белорусском и украинском языках обычно по множественному числу. Ср. в русск.: *пяти, пятью, пятнадцати, пятнадцатью* и др., но в белор.: *пяцёх, пяцём, пяцьма*; в укр.: *п'ятьох, п'ятьох, п'ятьма́* или *пятьома́; сімох, сімом, сьома́* или *сімома́.*

16. Глаголы с основой на задненебные *к, г* в русском языке сохраняют *к, г* в формах повелительного наклонения, в то время как в белорусском и украинском языках вместо задненебных в этой форме выступают шипящие *ч, ж.* Ср. в русск.: *пеки, помоги, беги;* но в белор.: *пячы, памажы, бежы*; в укр.: *печи, поможи, біжи.*

§ 200. Основными чертами, которыми русский язык, объединяясь с белорусским, отличается от украинского языка, являются следующие.

1. В русском языке, а также в белорусском (кроме юго-западных говоров) отсутствует чередование небеглых гласных *о* и *е* при формообразовании и словообразовании с гласной *и* или другими гласными, связанное с положением небеглых *о* и *е* в открытом или закрытом слоге. Ср. в русском: *носа — нос, ноч'и — ноч', соли — сол', слово — слов, росла — рос, кон'а — кон', печ'и — печ', ос'ен'и — ос'ен', с'ола — с'ол, н'есла (н'осла) — н'ос.* В украинском языке, напротив, в указанных морфологических и фонетических условиях происходит чередование гласных *о, е* с иными гласными — в литературном украинском языке и в значительной части говоров с гласной *и*, смягчающей предшествующую гласную, в полесско-украинских с дифтонгами *i͡o* и *i͡e*; по говорам представлены и другие гласные, которые чередуются с *о* и *е*. Примеры: *носа — н'ис, ночи — н'ич, н'и͡чу, соли — с'ил', слово — сл'ив, росла — р'ис, кон'а — к'ин', печи — п'ич, осени — ос'ин', село — с'ил, с'ил'с'ких, несла — н'ис, вол'а — в'ил'них, робота — роб'и́тник, стоjати — ст'и́ц, бojу́с'а — б'и́ц'а*; или: *носа — ну͡ос, соли — су͡ол', слово — слу͡ов, росла — ру͡ос, кон'а — ку͡он', печи — пи͡еч, село — с'у͡ол, несла — н'у͡ос, стоjа́ти — сту͡оц* и т. д. Эта особенность украинского языка объясняется удлинением и дальнейшими изменениями гласных *о* и *е* в слогах, находившихся перед слогами, в которых утратились слабые редуцированные *ъ, ь* (ср. в др.-р.: *носъ, печь, роботьникъ* и т. д.). Подобный процесс не был пережит в говорах, на основе которых образовался русский язык: это отсутствует также в бóльшей части белорусских говоров.

Надо отметить, что частные условия, в которых встречается эта особенность, неодинаковы по украинским говорам (например, в одних из них чередование гласных *о, е* с иными гласными встречается почти исключительно в ударенном слоге, в других — как в ударенном, так и в безударных слогах). Кроме того, чередование *о, е* с иными гласными не представляет в настоящее время живого фонетического явления. Поэтому имеет место большое количество разного рода исключений (напр.: *к'инец* вм. *конец, н'игот'* вм. *ногот'* по образцу *к'инц'а, н'игт'а; вод, меж*—род. п. мн. ч. по образцу других форм и т. д.).

В юго-западных белорусских говорах вместо *о, е* встречаются дифтонги *уо, ие* во многих случаях в тех же условиях, что и в украинском языке. Ср.: *соли—с͡уол', н'есла—н'͡уос, печи—п'͡иеч.*

2. Значительная часть русских говоров и белорусский язык характеризуются наличием под ударением после мягкой согласной перед твердой звука *о* вместо *е*: *с'ола, в'ес'олој, з'ел'оноj, ов'ос, п'ос* (по с-в-р говорам *о* встречается и в безударных слогах: *с'оло, н'осу, буд'от, пол'ом*). Перед твердыми шипящими в большей части русских говоров также представлено *о*, а в меньшей их части и в белорусском языке—*е*; русск.: *д'ошово, од'ожа, л'ожа, л'еп'ошка;* русск. диалектное: *д'ешово, од'ежа, л'ежа, л'еп'ешка*; белор.: *д͡з'ешава, ад'з'ежа, л'ежа, л'ап'ешка.*

В соответствии с гласной *о* в положении после мягкой согласной перед твердой[1] в украинском языке произносится *е* с предшествующей твердой согласной: *села, веселиț, зелениț, овес* и т. д. (произносится: *сэ́ла, вэсэ́лиț* и т. д.).

Лишь в отдельных случаях в украинском языке представлена под ударением перед твердой согласной гласная *о* с предшествующей мягкостью: *л'он, с'омиț, сл'ози, л'оду, тр'ох* и др. По говорам *о* после мягкой согласной представлено в падежных окончаниях, напр.: *к-н'ому, в-н'оно, с'оно*, в других говорах: *к-нему, в-нено, сено*; рядом с литературными формами: *коне́м, земле́ju* по говорам встречаются формы: *кон'о́м, земл'о́jу*'[2]. Гласная *о* после мягких согласных в окончаниях объясняется аналогией со стороны твердой разновидности склонения (ср.: *тому, кому, тоно, коно; столом, жоною*). Различными аналогиями объясняются и случаи не в окончаниях (напр., *л'он*, возможно, по образцу *л'на, л'ну*; *л'оду* по образцу *л'ид, л'͡уод* и т. д.).

В сравнительно небольшой части русских говоров (главным образом, ю-в-р) в указанном положении представлена гласная *е* без изменения в *о* с предшествующей мягкостью: *с'ела, в'ес'елој, зе'л'е-*

---

[1] Кроме тех случаев, когда в украинском вместо *о* и *е* в новых закрытых слогах (т. е. перед слогом с утратившимся слабым редуцированным) представлены иные гласные; например: *н'ис, н'͡уос* и др. (рус. *н'ос*) *и с'ил, с'͡уол* и др. (русск. *с'ол*), см. выше п. 1.

[2] Мягкость согласных и последующее *о* в украинском правописании обозначаются буквой *ь* после согласной + буква *о: льон, льоду, к ньому* и т. д.

ноj, ов'éс, л'éн, сл'éзы, кл'ен и т. д.; однако и в этих говорах звучит *о* в некоторых формах: *з'емл'ój, гвозд'óм, п'ен'óк.* (Подробнее о таких говорах см. ниже § 212.)

3. В русском и белорусском языках перед *е* все согласные (кроме *ш, ж, ц*) произносятся мягко, в то время как в украинском они звучат твердо. Ср. русск.: *д'ен', з'емл'и, в'еч'ер, ст'еп'и;* ю-в-р: *м'ен'е,* белор.: *д'з'ен', з'емл'и, в'ечар, ст'еп'и, м'ен'е;* но в укр.: *ден', земли, веч'ир, степи, мене, несу, веду, осени, передати* (произносится: *дэн', стэпи, мэнэ* и т. д.). Ср. в укр.: *пóл'а, пóл'у,* но *поле, полем* (произносится *пóлэ, пóлэм*), *кин', кон'у,* но *конем* (=*конэм*), *земл'а, земл'у,* но *землéjу* (=*зэмлэjу*).

4. В русском и белорусском языках перед фонемой *и*, которая выступает в двух своих разновидностях — *и* и *ы*, различаются мягкие и твердые согласные: после мягких произносится *и*, после твердых — *ы*. В украинском языке в соответствующих случаях звучит всегда звук *и*, менее переднего образования, чем в русском и белорусском (т. е. как звук как бы средний между *и* и *ы*), перед которым произносятся твердые согласные [1]. Ср. в русск. и белор.: *был'и* и *б'ил'и, мыло* и *м'ило*, в то время как в украинском только *били*, которое обозначает как „были", так и „били"; только *мило,* которое означает как „мыло", так и „мило". Другие примеры: русск.: *сын, закры́то, но́вых, сы́тоj; с'ила, т'ихо, ход'ит';* белор.: *сын, закрыты, новых, сыты; с'ила, ц'их'а, хад'з'иц'* [2]; но в укр.: *син, закрити, нових, сити; сила, тихо, ходити.*

5. Звук *ц* в русском и белорусском языках произносится всегда одинаково в отношении твердости или мягкости: в белорусском всегда твердо; также твердо произносится *ц* в русском литературном языке и в нецокающих (т. е. различающих фонемы *ц* и *ч*) говорах [3]. В противоположность этому в украинском языке *ц* вообще звучит мягко, но в положении перед *е* и *и* — твердо. Ср. русск.: *конец, конца, концом; девица, девицу, девиц, девицей;* белор.: *канец, канца, канцом, д'ав'ица, д'ав'ицу, д'ав'иц, д'ав'ицej,* но в укр.: *конец', к'инц'а, к'инц'у, но концем; д'ивиц'а, дивиц'у, дивиц'*, но *д'ивицéjу; улиц'а, улиц', но улицей.*

6. В русском (кроме отдельных говоров) и белорусском языках звонкие согласные на конце слова оглушаются. В противоположность этому в украинском языке звонкие согласные на конце слова сохраняются полностью или частично (т. е. звучат полузвонкие): *хлiб холод, мороз* и т. д.

---

[1] В украинском языке имеется фонема *и* с мягкостью предшествующей согласной, но она соответствует иным фонемам русского и белорусского языков. Ср. укр.: *л'ис, д'ид, н'ис, сл'ив* и русск.: *л'ес, д'ед, н'ос, нос, слов.*

[2] В белорусском языке *ц'* и *д'з'* звучит вместо мягких *т'* и *д'* (так наз. цеканье и дзеканье).

[3] В значительной части русских цокающих говоров фонема *ц*, употребляющаяся как вместо *ц*, так и вместо *ч*, произносится мягко — но так же во всех положениях.

7. В русском и белорусском языках стабилизовалось место возвратной частицы (*-ся, -сь*), которая употребляется после глагола и слилась с глаголом в одно слово. В противоположность этому в украинском языке возвратная частица может занимать разное место в предложении и не слилась с глаголом в одно слово.

§ 201. Кроме черт, которыми русский язык отличается от украинского и белорусского или вместе с белорусским от украинского, имеются еще черты, которыми русский язык отличается от украинского, а белорусский язык занимает как бы промежуточное место: одни его говоры в отношении этих черт сходятся с русским языком, другие с украинским. Укажем несколько таких черт:

1. В русском языке нет форм дат. п. ед. ч. существительных мужск. р. на *-ови* (*-еви*), в то время как в украинском языке они широко употребительны. Ср. в русск.: *работнику, учителю, коню,* но в укр.: *робітникові, учителеві, коневі.*

В части юго-западных белорусских говоров, как и в украинском, употребляются формы на *-ови* (*работникови, канёви*), а остальным белорусским говорам свойственны, как и русскому языку, форма на *-у* (*работнику, каню*).

2. В русском языке отсутствуют формы им. п. мн. ч. существительных на *-е* (на месте старого *ѣ*), которые употребительны в украинском[1]. Ср. в русск.: *квашни́, зе́мли, ключи́, ко́ни;* но в укр.: *квашні, землі, ключі, коні, ковалі.* В юго-западных белорусских говорах сохранились, как и в украинском языке, формы, кончающиеся на старое *ѣ*: *кане́, зямлѐ, квашне́, гасце́* и т. д. В противоположность этому остальным белорусским говорам свойственны формы, сходные с русским языком: *кони, земли, квашни, госци.*

3. В русском языке формы 1-го л. мн. ч. глаголов кончаются на *-м*, а в украинском языке обычно на *-мо* (по говорам на *-ме*). Ср. русск.: *идём, несём, любим;* укр.: *идемо, робимо, бачимо* и т. д. В юго-западных белорусских говорах, как и в украинском, встречаются формы на *-мо* (*идземо, несемо*), но в остальных употребляются, как и в русском языке, формы на *-м* (*идзем, несем*).

4. В русском языке в значении 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения употребляется форма 1-го л. мн. ч. будущего времени: *пойдём* (*пойдёмте*), *понесём* (*понесёмте*). В 2-м л. мн. ч. повелительного наклонения в русском языке всегда употребляется окончание *-ите* с гласной *и* — *понесите, пойдите, скажите.* В украинском языке глаголы 1-го спряжения сохранили старые формы 1-го и 2-го л. мн. ч. на *-ім, -іть* (восходящие к древнерусским формам на *-ѣмъ, -ѣте*), которые распространились также и на глаголы 2-го спряжения. Ср. в русск.: *понеси, понесём, понесите; приходи, приходите;* в укр.: *неси, несім(о), несіть; ходи, ходім (о), ходіть.* Ту же форму, имеющую в своем составе гласную, восходящую к старому

[1] Вместо старого *ѣ* в значительной части украинских говоров и литературном языке произносится звук *и*, смягчающий предшествующую согласную (пишется *і*).

ѣ, имеют юго-западные белорусские говоры: *нясú, нясéм, нясéця; хвали, хвалéм, хвалéця;* однако в других белорусских говорах употребляются формы, сходные с русскими: *няси, прынясем, хвали, хвалим, хвалиця.*

На основе приведенного выше материала нетрудно сделать вывод о том, что белорусский язык занимает как бы промежуточное положение между русским языком и украинским, сближаясь по одним чертам с русским языком, а по другим — с украинским. Особенно близки к последнему юго-западные белорусские говоры.

Весьма важно сходство белорусского языка с ю-в-р наречием (а также ср-в-р говорами) по такой существенной черте, как аканье. При этом характерно, что аканье и яканье восточно-белорусских говоров (диссимилятивное) приближается к соответствующим чертам соседних ю-в-р говоров в отличие от остальных белорусских говоров.

Северновеликорусское наречие.

Общие черты северновеликорусского наречия.

§ 202. С-в-р наречию в целом, в отличие от ю-в-р, свойственны следующие черты:

1. Различение фонем *о* и *а* после твердых парных и задненебных согласных в безударных слогах, во всяком случае в 1-м предударном слоге, т. е. оканье (ср.: *полоскáть* и *поласкáть*, *дровá* и *трáвá*). В других безударных слогах по с-в-р говорам *о* и *а* могут совпадать в редуцированном звуке (ср., например, *мълодъj* и *мълováто, зъгорóдъм* и *к-ъгорóдъм*). Впрочем, в значительной части с-в-р говоров фонемы *о* и *а* после указанных согласных различаются и в других безударных слогах. Ср.: *молодój, головá*, но — *маловáто*; *огорóдом* (тв. п. ед. ч.) и *к-огорóдам* (дат. п. мн. ч.).

2. Полное или частичное различение гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге после мягких согласных или их совпадение в одном общем варианте *е* (при еканье). Ср. при полном различении этих фонем: *т'анý, н'осý, в-л'есý;* при частичном их различении: *т'анý — н'осý, р'окá; т'анý — н'есý, р'екá; т'енý, р'екá — н'осу; т'енý — н'осý, р'ока;* при их совпадении (еканье): *т'енý, н'есý, р'екá* [1]. Это явление вместе с указанным в п. 1, как известно, носит название оканья в широком смысле [2].

3. Взрывное образование задненебной звонкой согласной фонемы — *г: гром, гну, гус'; горá, ногá.* (О возможном фрикативном образовании *ее* в некоторых Олонецких говорах см. ниже § 205.)

---

[1] Следует иметь в виду, что еканье встречается и в ср-в-р, акающих говорах.

[2] Следует иметь в виду, что термин ёканье характеризует лишь произношение фонемы *о* после мягких согласных в безударных слогах, для некоторых говоров также произношение фонемы *ê* (*е*) в тех же положениях, а не всю систему реализации в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъема после мягких согласных. Поэтому этот термин не соотносителен терминам: оканье, аканье, иканье, еканье.

4. Возможная утрата интервокального *j* (*i*) с последующей ассимиляцией и стяжением некоторых групп гласных: *зна́эт, зна́ат, знат; быва́эт, быва́ат, быва́т; ум'е́эт; ум'е́т; посп'е́эт, посп'е́т; мбэт, мот; торгу́эт, вою́эт; робо́тут, ду́мут; бол'шо́ с'оло́, бол'ша́ д'ер'е́вн'а, на-бол'шу́ доро́гу; ста́ра изба́, ста́ро пла́т'jо, ф-ста́ру и́збу.*

5. Форма род.-вин. падежей возвратного и личных местоимений на *-а*: *с'еб'а́, м'ен'а́, т'еб'а́.*

6. Форма 3-го л. ед. и мн. ч. глаголов на *-т*: *н'ес'о́т, в'ед'о́т, про́с'ит, сп'ит, н'есу́т, в'еду́т, про́с'ат, сп'ат.* (О возможности мягкого *-т* в 3-м л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения в некоторых Олонецких говорах см. ниже § 205.)

Кроме черт, общих для всего с-в-р наречия, следует отметить черты, свойственные большей части с-в-р говоров. С-в-р говоры, не имеющие этих черт, в одних случаях утратили их в позднейшее время под влиянием литературного языка и других говоров, а в иных случаях, видимо, и никогда не имели этих черт.

Черты, свойственные большей части с-в-р говоров, следующие:

7. Изменение *а* в *е* под ударением между мягкими согласными: *гр'ес'* (но *гр'азноj*), *вз'ет'* (но *вз'ал*), *з'ет', оставл'ет'.*

8. Совпадение звуков *ц* и *ч* в одном звуке: в звуке *ц* мягком (*ц'*), или *ц* твердом, или *ц* мягком шепелявом, акустически среднем между *ц'* и *ч'* (*ц''*), или в небольшой части говоров — в *ч*: *хоц'у́, п'ец', ц'а́сто, у́л'иц'а, куп'е́ц'; хоцу́, п'ец, ца́сто, у́л'ица, куп'е́ц; хоц''у́, п'ец'', ц''а́сто, у́л'иц''а, куп'е́ц''; хочу́, п'е́ч, ча́сто, у́л'ича, куп'е́ч.* В части с-в-р говоров встречаются оба звука *ц* и *ч*, но они употребляются не всегда этимологически правильно: нередко *ц* вм. *ч.* и наоборот. Например: *хоцу́, п'ец, ца́сто,* но *у́л'ича, куп'е́ч.* Эти говоры также в прошлом были цокающие. Однако некоторые с-в-р говоры этимологически правильно различают фонемы *ц* и *ч*. Одни из них безусловно в прошлом имели цоканье, утратив его в позднейшую эпоху, другие — в частности, многие так называемые залесские говоры на территории бывш. Ярославской, Владимирской и Костромской губ. — его, видимо, никогда не имели.

9. Наличие фонемы *ф: сарафа́н, фа́ртук, Митрофа́н, фунт, Фрол, торф.*

10. Изменение сочетания *дн* в *н̄: о́н̄о́, о́н̄а́, в'и́н̄о, ла́н̄о, холо́н̄ой.*

11. Изменение сочетания *бм* в *м̄: о́м̄а́н, о́м̄'ер'ил, о́м̄ы́л, о́м̄а́зал.*

12. Изменение сочетания *вн* в *мн: мнук, дамно́, ромно, д'ер'е́мн'а.*

13. Мягкость *с* в суффиксах *-ск-, -ств-* [1]: *же́н'с'коj, д'ер'ев'е́н'с'коj, ру́с'коj, в'етлу́с'коj* (ветлужской), *в'а́т'с'кой* или *в'а́ц'коj* (вятский),

[1] Эта черта, фонетическая в своем происхождении, с точки зрения системы современных с-в-р говоров, является не фонетической, а скорее словообразовательной, так как она характеризует лишь состав фонем определенных суффиксов. Однако она дается рядом с фонетическими особенностями ввиду отсутствия здесь специального отдела словообразования.

горот'с'кój или *гороц'кój* (городской); *богáс'во* (богатство), *ср'ес'в á* (средства), *балос'вó* (баловство).

14. Формы тв. п. мн. ч. на *-м*, совпадающие таким образом с дат. п. мн. ч.: *своúм глазáм в'ид'ел, вы́шл'и ф-пóл'о с-с'ер'пáм, з-грабл'áм;* ср. выражение: *сáм с усáм.* Части с-в-р говоров (главным образом, на северо-западе) свойственна форма тв. п. мн. ч. на *-ма* и *-мы: с хорóшыма роб'атáмы, покры́то п'ескáмы, с ýмныма луд'áма.* Известны также формы на *-м'а*, главным образом у местоимений: *им'á, т'ем'á, вс'ем'á* (ср. в литературном языке: *двум'á, тр'ем'á*). Следует отметить, что формы на *-м'á, -ма* по говорам встречаются и в значении дат. п. мн. ч.

15. Формы инфинитива на *-чú* (*-цú*) от глаголов с основой на *к, г: п'еч'ú, ст'ер'еч'ú, моч'ú, б'ер'еч'ú, запр'еч'ú.* Широко известны также формы инфинитива на *-чú* с предшествующим вторичным *к: п'екч'ú, ст'ер'екч'ú, мокч'ú, б'ер'екч'ú, запр'екч'ú.* Формы инфинитива на *-стú: пл'ест'ú, н'ест'ú, рост'ú.*

16. Особенности ударения: а) сохранение подвижного ударения в склонении существительных женск. р. на *-á*: перенос ударения на основу в вин. п. ед. ч. в таких словах, как: *рукá — рýку, ногá — нóгу, горá — гóру, водá — вóду, овцá — óвцу, земля́ — зéмлю, борона́ — бóрону, сторона́ — стóрону;* б) перенос ударения на предлог в таких случаях, как: *нá дом, нá воз, нá берег, пóд носом, зá ногу, нá голову, нá пять, нá десять, нá сто рублей, срубили пóд корень;* в) ударение на личном окончании у глаголов типа: *курúшь — куря́т, косúшь — кося́т, пилúшь — пиля́т, варúшь — варя́т, катúшь — катя́т, дарúшь — даря́т;* г) ударение на конечном слоге во 2-м л. мн. ч. глаголов наст. и буд. вр.: *куда вы ид'ит'é* (или *идит'ó*), *пр'ив'ед'ит'é* (или *пр'ив'ед'ит'ó*), *куп'ит'é* (или *куп'ит'ó*), *воз'м'ит'é* (или *воз'м'ит'ó*).

17. Употребление так называемой постпозитивной частицы, выступающей в формах *-от, -та, -то, -ту, -ти* (или *-те*): *дóм-от у-м'ен'а хорóшој; мужúк-от мój уjéхал; избá-та згор'éла; с'олóто болшóо; женý-ту дамнó похорон'ил; úзбы-т'е нóвыjо постá-в'ил'и; рýк'и-т'и бол'áт; по-л'осáм-т'и фс'о хóд'ит.*

Группировка северновеликорусских говоров.

§ 203. По наличию или отсутствию тех или иных характерных особенностей в с-в-р наречии выделяется пять групп говоров: 1) Северная (иначе: Поморская или Архангельская); 2) Олонецкая; 3) Восточная (иначе: Вологодско-Вятская); 4) Западная (иначе: Западно-Новгородская); 5) Владимирско-Поволжская. Наиболее сильно отличаются от других с-в-р групп говоры Владимирско-Поволжской группы: все остальные с-в-р говоры заметно ближе друг к другу, чем к говорам Владимирско-Поволжским. Среди остальных с-в-р групп более заметно отличаются друг от друга группы северная и восточная. Олонецкая группа говоров в основе своей, видимо, относится к северной, но испытала некоторое влия-

ние со стороны говоров восточной группы. То же можно сказать и о говорах западной группы, но часть их (часть новгородских говоров) испытала, кроме того, еще влияние московского говора или с-в-р говоров центральных областей (бывш. Ярославской губ.).

Указанные группы говоров мы можем выделить лишь в самых общих чертах: с одной стороны, мы не обладаем достаточным материалом, чтобы установить сколько-нибудь точно границы распространения отдельных языковых особенностей на обширной территории с-в-р наречия. С другой стороны, с-в-р говоры почти на всем протяжении своей исторической жизни были тесно связаны друг с другом, и это сказалось на значительной их близости между собой. Даже на основании уже имеющегося материала можно утверждать, что пределы распространения каждого отдельного языкового явления редко совпадают друг с другом. В связи с этим, как правило, говоры на с-в-р территории характеризуются лишь постепенным, мало заметным на ограниченной территории переходом от одного типа говоров к другому. Поэтому можно думать, что четких границ между отдельными группами говоров в пределах с-в-р наречия, в сущности, нет. А это равносильно тому, что ставится под сомнение самое выделение большей части этих групп.

Деление с-в-р наречия на указанные выше пять диалектных групп было предложено авторами „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе" (1915). Как видно из только что сказанного, это деление является в значительной мере условным. Но поскольку до составления Атласа русского языка оно не может быть заменено более или менее точным описанием соответствующих изоглосс на с-в-р территории, приходится в рабочем порядке пользоваться старой, явно не удовлетворяющей классификацией, которая, однако, хотя и в самых общих чертах, указывает на характерный комплекс черт говоров отдельных зон с-в-р территории.

Авторы „Опыта" деление с-в-р наречия на более мелкие диалектные группы производили на основе учета различий в судьбе старого *ѣ* (см. „Опыт", стр. 19). Однако этот принцип нельзя признать удачным даже с точки зрения того материала, который был известен уже в начале XX столетия. Материал, собранный в последующие почти четыре десятилетия, еще больше подчеркнул неудачность взятого в основу классификации с-в-р говоров критерия. Подробнее об этой классификации см. ниже в § 208.

§ 204. Северная группа. Северная группа говоров с-в-р наречия характеризуется следующими особенностями:

1. Фонема *ê* под ударением произносится в одних говорах этой группы, как *е*, перед твердой согласной и, как *ê*, перед мягкой (*с'ено — ф-с'ên'е, с'ел — с'ên'и*), в других говорах — как *ê* в положении перед твердыми и мягкими согласными (*с'ênо—ф-с'ên'е, с'êл—с'êл'и, л'êто, в'êра*). Однако на месте конечного *ê* в большей части говоров группы отмечена фонема *и*: *на-стол'и́, на-двор'и́, мн'и́-ка* (мне), *гд'и*.

2. Фонема *о́* отсутствует или не отмечена в говорах этой группы — вместо нее отмечено *о*: *стол, двор, вóл'а, ворóна, сторóнка*.

3. Фонема *ê* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится, как *е*: *р'ека́, л'еса́, сл'епóй, с'ену́, бéда́, п'ету́х, дв'енáт'ц'ет'*.

4. Фонема *о* после мягких согласных в 1-м предударном слоге перед твердой согласной в части говоров или в некоторых случаях сохраняет свою лабиализацию (произносится слабо лабиализованный переднего образования звук *ӧ*), в других говорах или случаях утрачивает лабиализацию (произносится *е*): *н'осу́, т'опло́, д'оржа́т', с'оло́, в'осна́, н'осла́* или *н'есу́, т'епло́, д'ержа́т', с'ело́, в'есна́, н'есла́.*

5. Фонема *в* на конце слова и перед глухой согласной произносится без голоса, как *ф*; перед другими согласными произносится *в*: *коро́ф, коро́фка; траф, тра́фка; дроф; пра́вда, давно́.*

6. Фонема *л* (твердая) сохраняет свое качество на конце слова и перед согласными: *дал, сказа́л, волк, па́лка, полно.*

7. Фонема *к* после мягких согласных и *j* не смягчается: *ва́н'ка, бо́р'ка, ц'аі̯ку́, д'евоц'ка.*

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. р. местоимений и прилагательных произносится окончание *-ого* или *-оγо* с *г* взрывным или фрикативным между гласными: *пр'амо́го, ста́рого, с'и́н'ого, того́, кого́, ц'ого́*, или *пр'амо́γо, ста́роγо, с'и́н'оγо, тоγо́, коγо́, ц'оγо́.* В некоторых говорах этой группы то же окончание произносится как *-оо*, без согласной между гласными: *ста́роо, с'и́н'оо, тоо́, коо́.*

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на задненебные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. имеют обычно мягкие задненебные: *п'ек'о́ш, п'ек'о́т, т'ек'о́т; п'ек'о́м, волок'о́м; п'ек'ит'е́, волок'ит'е́; запр'ег'о́ш; б'ер'ег'о́ш; запр'ег'о́т, б'ер'ег'о́т; запр'ег'о́м, б'ер'ег'о́м; запр'ег'ит'е́, б'ер'ег'ите́.*

10. В форме 2-го л. мн. ч. глаголов произносится *-т'е́*, а не *-т'о́: по̯и̯д'ит'е́, пр'ин'ес'ит'е́, сп'ит'е́.*

§ 205. Олонецкая группа. Олонецкая группа с-в-р наречия весьма близка к Северной. Укажем отличительные черты этой группы.

1. Фонема *ê* под ударением перед твердыми согласными произносится как *е* закрытое (*ê*); та же фонема перед мягкими согласными в одних говорах сохраняется как очень закрытое *е* (*ê*), в других изменяется в *и*: *с'ê но — ф-с'ê н'е, д'ê ло — в-д'ê л'е, с'ê л — с'ê л'и, м'ê с'ец', в'ê т'ор*; или: *с'ê но — ф-с'и́н'е, д'ê ло — в-д'и́л'е, с'ê л — с'и́л'и, м'и́с'ец', в'и́т'ор.*

Особенности, отмеченные выше в п. п. 2 — 5, а также 7 — 10 для Северной группы говоров, свойственны и Олонецкой группе.

6. В части говоров Олонецкой группы фонема *л* твердое на конце слова и перед согласной произносится, как *ў*: *была́ — бы̆ў, пришла́ — пришо́ў, па́лоцка — па́ўка, воўк, по́ўной.*

Эти черты отличий Олонецкой группы говоров от Северной в то же время являются чертами, сближающими первые с Восточной группой с-в-р наречия (см. ниже § 207).

Олонецкая группа говоров характеризуется еще следующими особенностями:

1) В части говоров этой группы задненебная звонкая согласная фонема в положении между гласными имеет фрикативное образование (γ): *ноγа́, дороγа, поγод'и́.*

2) В части говоров этой группы в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения под ударением сохраняется звук *е* (без замены его звуком *о*): *пр'ин'ес'éш, пас'éш, в'ед'éш; пр'ин'ес'ém, пас'ém, в'ед'ém; п'ек'éш, запр'ег'éш; п'ек'ém, запр'ег'ém; п'ек'ém, запр'ег'ém.*

3) В части говоров этой группы на конце формы 3-го л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения произносится *т'* (таким образом, *т'* произносится в составе окончания *-ут'*): *пр'ин'есу́т', в'еду́т', пасу́т', п'еку́т', запр'агу́т'*, но *кр'иц'а́т, кур'а́т, про́с'ат, во́з'ат; н'ес'ém, в'ед'ém, п'ек'ém* (или *н'ес'о́т, в'ед'о́т, пек'о́т*), *про́с'ит, ку́р'ит.*

В говорах этой группы отмечена также форма 3-го л. глаголов без *т*.

4) В части говоров этой группы употребляется *ф* вместо *хв*: *фа́л'ит, фата́т', фос* (хвост,) *фо́ja.*

§ 206. З а п а д н а я г р у п п а. Западная группа с-в-р наречия в своей основе также близка к Северной группе, но некоторыми чертами (напр., звук в *в* окончании *-ого*) сходится с Восточною. Кроме того, многие говоры этой группы испытали в прошлом влияние московского говора или с-в-р говоров центра (главным образом бывшей Ярославской губ.). В связи с этим последним влиянием многие говоры этой группы утратили цоканье.

Укажем основные особенности говоров этой группы:

На месте фонемы *ê* под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными произносится *и*: *с'и́но, ф-с'и́н'е; д'и́ло, в-д'и́л'е; с'и́л на-ла́фку, с'и́л'и на-ла́фку; ри́зат', б'и́лој, т'и́сто, хл'ип.* Эта черта представляет собой самый характерный признак говоров западной группы, хотя она вообще не чужда и отдельным говорам других групп (например, Восточной). В части говоров Западной группы фонема *ê* сохраняет свое образование закрытого (местами очень закрытого *е*) под ударением как перед твердыми, так и перед мягкими согласными: *с'ếно, ф-с'ếн'е, хл'ếп, хл'ếб'ец, р'ếзат', б'ếлој, в'êт'ор, м'ếс'ец.*

Бо́льшая часть остальных черт в говорах Западной группы такая же, как в говорах Северной группы. Существенное отличие заключается лишь в произношении окончания *-ого* (пункт 8): Западной группе говоров свойственно произношение в этом окончании звука *в (-ово): слепо́во, ста́рово, тово́.* Однако в некоторых архаических говорах бывш. Новгородского уезда сохранилось произношение этого окончания с *г* или *γ*: *-ого, -оγо.*

Из других особенностей говоров Западной группы отметим следующие:

1) В большей части говоров этой группы фонемы *ц* и *ч* различаются: *овца́ — ча́сто, конца́ — конча́т'*. В части говоров *ч* твердое. Твердость *ч*, а также наличие некоторых реликтов цоканья (например, формы деепричастия типа *ушо́тцы*) свидетельствуют о том, что нецокающие говоры Новгородской группы восходят к цокающим. Известно, что цоканье для новгородских говоров засвидетельствовано памятниками письменности, начиная с XI в. Утрата цоканья в них произошла под влиянием московского говора и нецокающих с-в-р областей, прилегающих к Москве. При этом здесь имело место,

видимо, не только языковое влияние, но и обновление населения выходцами из названных областей.

2) Вместо мягких губных на конце слова в говорах Западной группы произносится твердая губная, в связи с чем мягкость и твердость губных на конце слова не различается: *с'ем*, *цеп* (в значении „цепь"), *вглу́п* (вглубь) *фпр'а́м* (впрямь), *кроф* (кровь), *л'убо́ф*, *поста́ф* (поставь). Однако эта черта встречается и в других с-в-р говорах, а также ср-р-в и ю-в-р.

§ 207. Восточная группа. Восточная группа с-в-р наречия характеризуется следующими особенностями:

1. Фонема *ê* под ударением перед твердой согласной произносится, как *ê* (*е* закрытое), или — реже — как дифтонг *ие̂*, а перед мягкими согласными, как *и*: *с'ếно* или *с'ие̂́но* — *в-с'и́н'е*, *д'ếло* или *д'ие̂́ло* — *в-д'и́л'е*, *в'ếтра* или *в'ие̂́тра* — *в'и́т'ор*, *б'ếлој* или *б'ие̂́лој* — *б'и́л'ен'кој*, *хл'ếп* или *хл'ие̂́п* — *хл'и́бец'*, *л'ếс* или *л'ие̂́с*, *н'ếт* или *н'ие̂́т*, *с'ếрој*, или *с'ие̂́рој*, *м'и́с'ец'*, *в'и́н'ик*, *з'д'ис'*. Дифтонг *ие̂* отмечен в некоторых говорах также и перед мягкой согласной: *м'ие̂́с'ец'*, *в'ие̂́т'ор*.

2. В части говоров Восточной группы отмечено различение фонем *о̂* (или *у̂о*) и *о*: *во̂л'а* (или *ву̂ол'а*) — *по́л'о*, *высо́к* (или *высу̂ок*) — *носо́к*, *ко̂т* (или *ку̂от*) — *год*.

3. Фонема *ê* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной во многих говорах этой группы произносится, как *о*: *р'ока́*, *л'оса́*, *сл'опо́j*, *с'оку́*, *б'ода́*, *п'оту́х*, *дв'она́т'ц'ет'*.

4. Фонема *о* после мягкой согласной в 1-м предударном слоге перед твердой согласной обычно произносится, как *о*: *н'осу́*, *в'оду́*, *с'остра́*, *в'осноj*, *с'оло́*, *п'оро́*, *пр'ин'осла́*, *пр'ив'ола́*.

5. Фонема *в* на конце слова и перед согласной в части говоров этой группы произносится, как *ў* (или *ѡ*): *коро́ў*; *коро́ўка*; *траў*, *тра́ўка*, *дроў*; *пра́ўда*; *отпра́ўл'у*.

6. Фонема *л* твердое на конце слова и перед согласными во многих говорах этой группы произносится, как *ў* (или *ѡ*): *даў*, *сказа́ў*, *воўк*, *па́ўка*, *по́ўноj*.

7. В довольно значительной части Восточной группы фонема *к* после мягкой согласной и *j* смягчается: *ва́н'к'а*, *бо́р'к'а*, *ц'аĭк'у́*.

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. рода местоимений и прилагательных произносится окончание *-ово* со звуком *в* между гласными: *сл'опо́во*, *ста́рово*, *с'и́н'ово*, *тово́*, *ково́*, *ц'ово́*. При безударности конечной гласной отмечена также форма *-ова* с гласной *а* на конце: *сл'опо́ва*, *ста́рова*, *с'и́н'ова*, *э́това*.

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на задненебные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. могут иметь твердые задненебные согласные: *п'еко́ш*, *волоко́ш*; *п'еко́т*, *волоко́т*; *п'еко́м*, *волоко́м*; *запр'его́ш*, *б'ер'его́ш*; *запр'его́т*, *б'ер'его́т*; *запр'его́м*, *б'ер'его́м*.

10. В форме 2-го л. мн. ч. глаголов произносится *-т'о́*, но не *-т'е́*: *пойд'ит'о́*, *пр'ин'ес'ит'о́*, *с'п'ит'о́*.

Кроме того, характерной особенностью многих говоров Восточной группы является „среднее" *l* вместо твердой *л* в положении перед гласной (*былá*, *далá*, *плы́л'и*, *полуц'úла*), а также формы будущего

времени с вспомогательным глаголом *иму: имý нос'и́т', им'о́ш нос'и́т'* и т. д.

Достаточно сопоставить только что перечисленные для с-в-р говоров Восточной группы десять пунктов с соответствующими десятью пунктами, указанными выше для говоров Северной группы, чтобы было достаточно обосновано положение о том, что среди рассмотренных четырех групп говоров с-в-р наречия более резко отличаются друг от друга говоры Северной и Восточной групп.

Однако все четыре рассмотренные выше группы с-в-р говоров, вместе взятые, в еще большей степени противопоставлены пятой — Владимирско-Поволжской.

§ 208. Владимирско-Поволжская группа. В говорах этой группы прежде всего нередко отсутствует ряд характерных черт, свойственных большей части остальных с-в-р говоров:

а) Звук *а* между мягкими согласными обычно сохраняется: *з'ат', вз'а́л'и, гр'ас'* (ср. в других с-в-р говорах: *з'ет', вз'ет', гр'ес'*).

б) Обычно сохраняется также звук *а* после мягкой согласной в 1-м предударном слоге перед твердой согласной (*зъгл'аңý, п'атáк, зът'аңýл, р'абój*); тот же звук перед мягкой согласной в одних говорах этой группы сохраняется (*зъгл'ан'и́, п'ат'и́, зът'ан'и́*), в других — изменяется в *е* (*зъгл'ен'и́, п'ет'и́, зът'ен'и́*).

в) Значительной части говоров этой группы свойственно неполное оканье, т. е. различение фонем *о* и *а* после твердых согласных лишь в 1-м предударном слоге при их совпадении в одном общем варианте *ъ* или *а* в других безударных слогах: *мълодój — мóлът — молóжа; гърода́ — гóрът; пъ-дома́м — на-дъм; стър'ик'и́ — стáръj; дъровоj — дáръм, скóръ, т'и́хъ* или *скóра, тиха; д'éлъ, с'éнъ* или *д'éла, с'éна* как в им., так и род. падежах ед. ч.

г) В довольно значительной части говоров группы (в бóльшей части относящихся к этой группе говоров бывших Ярославской, Костромской и Владимирской губерний) отсутствует цоканье, т. е. фонемы *ц* и *ч* различаются.

д) Звук *с* в суффиксах *-ск-,-ств-* произносится твердо: *жéнскъj, д'ер'ев'énскъj, бълóствó* или *бълофсвó*.

е) Сочетание *дн* сохраняется: *одна́, ла́дно, в'и́дно*.

ж) Отсутствуют некоторые типично с-в-р особенности в ударении: например, отсутствует форма 2-го л. мн. ч. наст. и буд. времени с ударением на конечной гласной окончания: *с'п'и́т'о* (или *сп'и́т'а, сп'и́те*), *кýп'ит'о* (или *кýп'ит'а, кýп'ит'е*), *прив'ед'óт'а* (*пр'ив'ед'óте*); ср. в других с-в-р говорах: *с'п'ит'é* (или *с'п'ит'ó*), *пр'ив'ед'ит'é* (или *пр'ив'ед'ит'ó*).

Укажем особенности Владимирско-Поволжских говоров по тем же 10 пунктам, которые были рассмотрены для других групп с-в-р говоров.

1. В значительной части говоров этой группы на месте фонемы *ê*, как и в литературном языке, под ударением перед твердой согласной произносится *е*, перед мягкой согласной — *ê*: *с'ел — с'êл'и, д'éлъ — в-д'êл'е, в'етра — в'êт'ор* (или *в'êт'ар*).

Однако принятое, в общем, мнение о том, что *е* открытое под ударением перед твердой согласной является общей заменой *ѣ* во всех говорах Владимирско-Поволжской группы, не подтверждается полностью диалектологическими материалами, собранными в течение последних лет: наряду с такой заменой фонемы *ѣ* — в разных пунктах территории этой группы обнаружены говоры, имеющие *ѣ* (*с'ѣл, д'ѣлъ, в'ѣтра*); отмечены также говоры, имеющие на месте *ѣ* под ударением перед мягкой согласной звук *и* (*пов'ир'ил, в'ит'ар*).

2. Фонема *о* в большей части говоров этой группы отсутствует или не отмечена собирателями. Однако принятое, в общем, мнение о том, что фонема *о* отсутствует во всех говорах Владимирско-Поволжской группы, не подтверждается материалом: известны говоры (напр., во Владимирской, Костромской и Горьковской обл.), различающие *о* и *о*.

3. На месте фонемы *ѣ* в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится *о*: *р'ока́, б'ода́, дв'онáтцът', п'отýх, в-л'осý*.

4. Фонема *о* после мягких согласных в 1-м предударном слоге перед твердой согласной произносится, как *о*: *н'осý, пъв'озý, сл'оза́, в'осна́, с'оло́, с'остра́*.

5. Фонема *в* на конце слова и перед глухой согласной произносится без голоса, как *ф*: *коро́ф, коро́фка; ла́фка, кана́фка, дроф*.

6. Фонема *л* (твердая) сохраняет свое качество на конце слова и перед гласной: *был, знал, волк, па́лка*.

7. Фонема *к* после мягких согласных и *j* смягчается в части говоров: в одних говорах этой группы произносят *ва́н'к'а, чаi̯к'ý*, в других — *ва́н'ка, чаi̯кý*.

8. В род. п. ед. ч. мужск. и ср. р. произносится окончание *-ово* или *-ова* (последнее при ударении не на последнем слоге) с звуком *в* между гласными: *сл'опо́во* или *сл'опо́ва, ста́рово* или *ста́рова, тово́, ково́*.

9. Глаголы 1-го спряжения с основой на задненебные согласные перед окончаниями 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. могут иметь твердые задненебные: *п'еко́ш, ст'ер'его́т, с'еко́м*.

10. О гласной фонеме конечного ударенного слога в форме 2-го л. мн. ч. глаголов не приходится говорить, так как Владимирско-Поволжские говоры имеют в этой форме ударение не на конечном слоге (см. выше п. «ж»).

Таким образом, многие говоры Владимирско-Поволжской группы не разделяют ряда характерных особенностей с-в-р наречия, примыкая в отношении их к говорам ср-в-р, в частности московскому, а через них и к ю-в-р наречию. Таковы особенности, перечисленные выше в пунктах «а — ж». Это нельзя считать случайностью, принимая во внимание территориальную близость этих говоров к ю-в-р, рязанским, а также к Москве и территории ср-в-р говоров. Московское княжество входило в прошлом в состав Ростовско-Суздальской земли и в дальнейшем было теснейшим образом связано с северо-восточной Русью, центром которой была основная территория современных говоров Владимирско-Поволжских говоров.

В словарном отношении говоры Владимирско-Поволжской группы также заметно отличаются от других групп с-в-р наречия: в них отсутствуют некоторые слова, свойственные другим с-в-р говорам (напр., *баскоj, лон'ис'*). Можно отметить для Владимирско-Поволжской группы говоров преимущественное употребление слов *бороновать* (не *волочить*), *лошадь* (не *конь*), *пахать* (не *орать*), *зола* (не *попел*), *пахарь* (не *ратай*). Эти лексические особенности также сближают Владимирско-Поволжские говоры с ср-в-р и ю-в-р говорами, а во многих случаях также с литературным языком.

По ряду других своих особенностей многие говоры Владимирско-Поволжской группы сходятся с говорами Восточной группы. Ср. п. 2 (*р'ока́, п'отӯх*), п. 3 (*н'осӯ, сл'оза́*), п. 8 (окончания *-ово, -ова*), п. 9 (формы типа *п'еко́т, ст'е'р'его́т*). Сюда, может быть, можно отнести и п. 2 (возможность различения в части говоров фонем *о́* и *о*). Однако Владимирско-Поволжские говоры не разделяют вместе с Восточными особенности, указанные в п. 5 и 6 (в них произносится *коро́ф, коро́фка*, а не *коро́ӯ, коро́ӯка*, а также *был, па́лка*, а не *быӯ, па́ӯка*, как это может быть в говорах Восточной группы): *ӯ* на месте *в* и *л* — специфические особенности части говоров Восточной группы.

Сообщенный в этом разделе материал подтверждает высказанное нами выше (см. § 203) положение о том, что различия в судьбе старого *ѣ* не могут служить критерием для выделения основных типов с-в-р говоров. В самом деле, под ударением перед твердой согласной *е́* на месте *ѣ* может быть в говорах любой из пяти групп (*с'н'е́к, с'е́но*), в том числе и во Владимирско-Поволжских: наблюдения последних лет, вопреки данным „Опыта", все время открывают на территории этой группы говоры с *е́*. Звук *и* на месте *ѣ* под ударением перед твердой согласной считается не без оснований характерной чертой говоров Западной группы (новгородских). Однако такое произношение известно рядом с *е́* в довольно значительном числе говоров Восточной группы (вологодских, кировских, костромских и др.). Произношение *е* (*е* открытого) в этом положении известно во многих (но не во всех!) говорах Владимирско-Поволжских, в части Поморских, но оно же известно и во всех других группах как черта, в настоящее время широко проникающая под влиянием литературного языка.

Поэтому, в соответствии с выше изложенным, можно считать значительно более обоснованным выделение по целому комплексу черт говоров Владимирско-Поволжских среди остальных с-в-р. Что касается до дальнейшего деления этих последних, то окончательный ответ на этот вопрос дадут карты диалектологического атласа русского языка, которые покажут распределение важнейших изоглосс на интересующей нас территории.

§ 209. Лексические отличия с-в-р и ю-в-р наречий. Помимо отличий фонетических и грамматических, с-в-р и ю-в-р говоры отличаются друг от друга также рядом соотносительных лексических элементов. Таковы, например, с-в-р *квашня* и ю-в-р *дежа*, с-в-р *орать* и ю-в-р *пахать* и т. д. Приведем несколько таких соотносительных элементов русской диалектной лексики (первый пример каждой пары с-в-р, второй — ю-в-р): *изба — хата, квашня — дежа, ковш — корец, ухват — рогач, емки; кринка (крынка) — махотка; петух — кочет, волк — бирюк, векша — белка, конь* (реже *комонь*) *— лошадь, орать — пахать, бороновать, воло-*

чить — скородить, песни ***петь*** *— песни* ***играть****, брезговать — гребовать, гутарить (гуторить) — баять* (при нейтральном, т. е. свойственном говорам как с-в-р, так и ю-в-р наречия *говорить*), *бодать, бости* (о корове) — *брухать* (известно по говорам также *пырять* и др.), *звать — гаркать, смеяться — грохотать, прыгать — сигать, тропинка, стопинка — стёжка, волосы — виски*. Части с-в-р говоров свойственно слово *ратай* при *пахарь* в остальных русских говорах, а также *попел* при *зола* — в остальных. Значительная часть с-в-р говоров знает слово *баской* в значении „хороший", „красивый", *лони* или *лонись* в значении „в прошлом году", *оболочка* в значении „одежда", *оболокаться* в значении „одеваться" и др. неизвестные в ю-в-р говорах.

Границы распространения по русским говорам отдельных слов и их групп весьма мало изучены. При этом надо иметь в виду, что лексические элементы особенно легко могут заимствоваться из одного говора в другой. Поэтому границы распространения отдельных типично с-в-р или ю-в-р слов могут не совпадать с теми границами между основными двумя наречиями русского языка, которые устанавливаются на основании изучения фонетических и грамматических особенностей.

Так, например, Владимирско-Поволжская группа говоров с-в-р наречия выделяется среди других с-в-р говоров именно отсутствием ряда типичных с-в-р слов и схождением этих говоров в данном отношении с территориально-примыкающими ср-в-р и ю-в-р говорами: Владимирско-Поволжским говорам свойственны, например, слова *лошадь* (а не *конь*), *пахать* (а не *орать*), *зола* (а не *попел*) и т. д. В эти говоры заходят такие типично ю-в-р слова, как *кочет, дежа* и др. В них отсутствуют такие слова, как *баской, лонись*, широко употребляемые в других с-в-р говорах.

Экономические, политические и культурные взаимоотношения между носителями с-в-р и ю-в-р говоров на разных территориях и в разное время были неодинаковы. Поэтому естественно, что в определенных условиях слова, первоначально специфически с-в-р, могли проникать в ю-в-р говоры и наоборот. Характерно, что ср-в-р говоры не имеют своих специфических лексических элементов, а характеризуются смешанной лексикой, состоящей из элементов с-в-р и ю-в-р, нередко наличием лексических дублетов (типа: *петух — кочет*), употребляемых либо безразлично, либо с теми или иными ограничениями, относящимися к вещественному значению слова, или его стилистическому употреблению (например, вообще *волосы*, но *виски* — „волосы на затылке"; или: вообще *лошадь*, но в языке фольклора *конь* и т. д.).

При изучении соотносительных элементов диалектной лексики следует иметь в виду, что русский литературный язык представляет собой весьма сложное образование, в которое вошли, между прочим, лексические элементы как с-в-р, так и ю-в-р. Поэтому часто одно из двух соотносительных слов, первоначально характеризовавшее то или другое основное наречие русского языка, входит в состав лите-

ратурного языка, а другое сохраняется лишь в пределах данного наречия.

Ср., например: *петух* и *кочет* или *орать* и *пахать*; литературному языку свойственно первоначально с-в-р *петух* и первоначально ю-в-р *пахать*. Естественно, что в дальнейшей эволюции русских говоров первоначально диалектное слово, попавшее в состав литературного языка, имеет шансы вытеснить из употребления соответствующее слово другого наречия. Поэтому с-в-р по происхождению слово *петух* может появиться в ю-в-р говорах рядом со словом *кочет*, а потом и вытеснить собой слово *кочет*, то же можно сказать о слове *волк* по отношению к ю-в-р *бирюк*. Слово *пахать* может появиться в с-в-р говорах рядом со словом *орать*, а затем и вытеснить собой последнее. Между тем, как известно, на севере первоначально вместо *пахать* употреблялось слово *орать* (слово *пахать* в них имело значение „мести", например ***пахать пол***). С течением времени слово *орать* уступает свое место слову *пахать*, свойственному ю-в-р говорам и укрепившемуся в литературном языке. Однако до того, как оно совсем исчезнет, оно может сохраниться в специальном значении, например, отражающем более старую технику обработки земли (ср. отмеченное по говорам ***орать*** *сохой*, но ***пахать*** *плугом*).

При движении слов из одного диалекта в другой большое значение имеет то, каков удельный вес той отрасли хозяйства или быта, к которой относится данное слово. Например, земледелие нашего южновеликорусского и украинского юга имеет ведущее значение для всей страны, поэтому элементы соответствующей ю-в-р и украинской лексики имеют тенденцию проникать не только далеко на север, в с-в-р говоры, но также и в литературный язык. Ср., например: *хаты-лаборатории*, которые имеются и в таких местах, где вообще не употребительно слово *хата*, а вместо нее употребляется слово *изба*. Иногда ***хата-лаборатория*** в одной и той же деревне уживается рядом с ***избой-читальней***.

При изучении соотносительной диалектной лексики надо также иметь в виду, что отдельные члены соотносительного лексического ряда могут иметь не вполне одинаковое значение, а если речь идет о словах предметного значения — употребляется в качестве названий разных предметов (хотя и сходных по своей функции). Ср., например, слова: *крынка (кринка)* и *махотка*; или слова, обозначающие виды изгороди: *плетень, огород, городьба, тын, забор* и др.

Лексические отличия имеются не только между с-в-р и ю-в-р наречиями в целом, но также и между отдельными группами говоров в пределах того или иного наречия. Так, например, рядом своеобразных слов выделяется Новгородский и Олонецкий северо-запад, к которому примыкает также Псковщина в отличие от Вологодского и Кировского северо-востока и Ярославского и Владимирско-Поволжского края. Выделяется также южновеликорусский запад (калужские, брянские, смоленские говоры) рядом совпадений с бело-

русским языком, а также юг (курские, воронежские, донские говоры) совпадениями с украинским языком.

Выделяются также сибирские говоры (ср., например: *лопоть* в значении „одежда", *однако* — „вероятно", „пожалуй", *ну* — „да", „конечно" и т. д.).

При указании на лексические отличия русских говоров между собой нельзя не отметить таких слов, как *второй* и *другой, здесь* и *тут; навоз, назём, гной, сор* (последние два слова в значении „навоз" — типично с-в-р, где употребляются, видимо, на более или менее ограниченной территории). По говорам представлено большое количество слов, обозначающих понятие „очень": *очень, дюже (дуже), шибко, больно, прытко, пылко, гораздо (горазд), порато* и т. д. Среди этих слов *дюже* выделяется как типично ю-в-р; *добре* — так же, как ю-в-р, но употребляется и в с-в-р и ср-в-р говорах; *порато* — как типично с-в-р, употребляющееся, главным образом, на северо-западе; *гораздо* — у́же — как новгородское, псковское.

Однако лексические взаимоотношения между разными русскими говорами до сих пор еще изучены весьма слабо, поэтому мы ограничимся здесь лишь сделанными выше замечаниями.

Южновеликорусское наречие.

Общие черты южновеликорусского наречия.

§ 210. Ю-в-р наречию в целом, в отличие от с-в-р, свойственны следующие черты.

1. Неразличение фонем *о* и *а* после твердых парных согласных и задненебных в безударных слогах, т. е. аканье в собственном смысле. Применительно к 1-му предударному слогу значительной части ю-в-р говоров свойственно аканье недиссимилятивное, а части говоров—диссимилятивное аканье.

2. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в безударных слогах после мягких согласных, т. е. вместе с чертой 1 — аканье в широком смысле. Применительно к 1-му предударному слогу ю-в-р говорам свойственны разные типы яканья, а также иканье. Последнее представлено большей частью островками (напр., по городам и крупным селам), характеризует в значительной мере „мещанские" говоры и появилось, видимо, в результате московского влияния.

3. Фрикативное образование задненебной звонкой фонемы γ: *γром, γну, γус', γара́* (или *гъра́*), *наγа́* (или *нъγа́*).

4. Отсутствие стяжения гласных по утрате интервокального *j* (*j*): *зна́ит'* или *зна́ja* (ср. с-в-р: *знат, зна́эт*), *ум'е́ит'* или *ум'е́ja* (ср. с-в-р: *ум'ет, ум'е́эт* при возможном *ум'и́jот*), *тарγу́ит'*, или *тарγу́ja* (ср. с-в-р *торгу́эт*), *рабо́тъjут'* (ср. с-в-р *робо́тут*); *бал'ша́ja* (или *бъл'ша́ja*) *даро́γа* (ср. с-в-р: *бол'ша́ доро́га*), *нъ-бал'шу́ja даро́γу* (ср. с-в-р: *на-бол'шу́ доро́гу*), *на-ста́ръju даро́γу* (ср. с-в-р: *на-ста́ру доро́гу*), *ста́ръja плат'ja* (ср. с-в-р: *ста́ро пла́т'jo*).

5. Формы род.-вин. падежей возвратного и личных местоимений на *-е*: *себе, мене, тебе.*

6. Формы 3 л. ед. и мн. ч. глаголов на *-т'*: *н'ес'ёт', в'ед'ёт'* (или *нес'о́т', в'ед'о́т'*), *про́с'ит', сп'ит', н'асу́т', в'аду́т', сп'ат', про́с'ут'*, а также широкое распространение форм 3 л. без *т'*.

Кроме того, ю-в-р наречию свойственны следующие фонетические и морфологические черты, встречающиеся в той или иной мере также и в части с-в-р говоров.

7. Сохранение вообще *а* между мягкими согласными: *γр'ас', з'ат', вз'ат', аставл'а́т'* (или *астъвл'ат'*), *стр'ил'а́т'*. Впрочем, в отдельных говорах известно *е* вместо *а* под ударением между мягкими согласными.

8. Различение звуков *ц* и *ч* — при твердости *ц* и мягкости *ч*: *д'ав'и́ца, куп'ец; хач'у́, п'еч', ч'а́ста.*

9. Отсутствие фонемы *ф* и наличие вместо нее сочетаний *хф, хв* или звука *х*: *сърахфа́н, хва́ртук, митрахва́н, хву́нт, хро́л, торх.*

10. Сохранение сочетания *дн*: *а͡дно́, ла́͡дна.*

11. Сохранение сочетания *бм*: *а͡бма́н, а͡бмы́л.*

12. Отсутствие изменения сочетания *вн* в *мн: унук* (или *внук*), *давно́* (или *даўно́*), *д'ер'е́вн'а* (или *д'ер'е́ўн'а*)[1].

13. Твердость *с* в суффиксах *-ск, -ств*: *же́нскај, д'ер'ев'е́нскај, γърацко́j, баγа́цтва* (или *бъγа́цтва*), *бластво́.*

14. Различение дат. и тв. падежей множ. числа при формах на *-м* в дат. п. и на *-ми* в тв. п.: *свои́м'и γлаза́м'и, жа́л'и с'ерпа́м'и, ход'и́л'и зъ-γрабл'ам'и* (при дат. п.: *н'и пав'е́р'ил свои́м γлаза́м* и т. д.).

15. Формы инфинитива на *-ч'* от глаголов с основой на *к, г*: *п'еч', с'т'ер'е́ч', памо́ч', б'ер'е́ч', запр'е́ч'*, а также формы инфинитива на *-т'* от глаголов с основой на другие согласные: *н'ес'т', рос'т', пл'ес'т', в'ес'т', м'ес'т', скр'ес'т'* и т. д.

16. Особенности ударения: а) неподвижное ударение в склонении существительных на *-а́*: в вин. п. ед. ч. ударение падает на окончание в таких словах, как *рука́ — руку́, нога́ — ногу́, гора́ — гору́, вода́ — воду́, земля́ — землю́, борона́ — борону́, сторона́ — сторону́*; б) не переносится ударение с существительного на предлог в таких случаях, как *на до́м, на во́з, на бе́рег, под но́сом, за ногу́, на голову́, на пя́ть, на де́сять, на сто́ рублей, срубили под ко́рень*; в) ударение на основе в личных формах глаголов типа *ку́ришь — ку́рють, ко́сишь — ко́сють, пи́лишь — пи́лють, ва́ришь* (*во́ришь*) *— ва́рють* (*во́рють*), *ка́тишь* (*ко́тишь*) *— ка́тють* (*ко́тють*), *да́ришь* (*до́ришь*) *— да́рють* (*до́рють*); г) ударение не на конечном слоге в форме 2 л. мн. ч. глаголов наст. и буд. вр.: *куда вы идёте* (*иде́те*), *приведёте, (приведе́те), возьмёте* (*возьме́те*), *ку́пите.*

---

[1] Впрочем, по ю-в-р говорам в отдельных словах встречается *мн* вместо *вн* (например, *дамно*).

17. Отсутствие типично с-в-р употребления изменяющейся постпозитивной частицы.

Кроме перечисленных выше черт ю-в-р наречия, соотносительных с соответствующими чертами с-в-р наречия, отметим еще следующие характерные ю-в-р особенности:

а) Смягчение *к* после мягких парных согласных и *j* (*ĭ*), а по говорам также после *ч'*: *ва́н'к'а, ꙋус'к'ом, ч'ајк'ý; бóч'к'а.* Эта черта, между прочим, отличает значительную часть ю-в-р говоров от белорусских, где она не встречается.

б) Твердое произношение долгих шипящих: *ш̄ýка, даж̄á.*

в) Формы предл. п. ед. ч. на *-у* от слов муж. р. с неподвижным ударением, а также от слов сред. р.: *на концý, при отцý, на стóлику, у пóлю (= в поле).*

г) Формы тв. п. ед. ч. от существительных жен. рода на согласную с окончанием *-уј* (или *-јуј*) при ударении на основе: *с-мáт'ьр'уј* (или: *с-мáт'ьр'јуј*), *ýтај óс'ьн'уј* (или: *óс'ьн'јуј*); *нóч'уј* (или: *нóч'јуј*), *за-лóшъд'уј* и т. д. Наряду с этой формой ю-в-р говорам свойственны также формы на *-ај (-аj)*: *с-мáт'ьр'аj, óс'ьн'аj, нóч'аj* (по образцу *за-д'ер'éвн'аj*).

д) Формы им. п. мн. ч. на *-а* не только от существительных ср. и муж. р., но и от существительных жен. р.: *д'ер'евн'á, лъшад'á, плъш̄ад'á, ст'еп'á* и *ст'епá, з'ел'ен'á.*

е) Формы вин. п. ед. ч. жен. р. прилагательных на *-ýја* при ударении на первом слоге окончания и на *-ају* (*-ъ́ју*) при ударении на основе: *плахýја, сл'апýја, худýја, пр'амýја; стáрају (стáръ́ју), дóбрају (дóбръ́ју)*; после мягких согласных вместо *-ъ́ју* звучит *-ьју* или *-ују*: *с'ин'ају кóхту* или чаще *с'ин'ују, мáл'ьнк'ију д'éвъч'к'у.*

ж) Формы род.-вин. п. жен. р. ед. ч. местоимений с гласной *е* на конце: *јеје́, таје́, съмаје́, ўс'еје́, аднаје́* в тех говорах, где вместо них не представлены формы на *-ју: јајý, тајý, ўс'ајý* и т. д.

з) Гласная *é* в окончаниях 2 и 3 л. ед. ч. и 1 и 2 л. мн. ч. глаголов 1-го спряжения при ударении на окончании: *н'ес'éш, н'ес'éт', н'ес'éм, н'ес'éт'е*; *в'ед'éш, в'ед'éт', в'ед'éм, в'ед'éт'е; п'ек'éш, п'ек'éт', п'ек'éм, п'ек'éт'е.*

Широко встречающиеся сейчас формы с *о (н'ес'óш, н'ес'от', н'ес'óм, н'ес'оте)*, видимо, появились в более позднее время под влиянием литературного языка и сходных с ним по этой черте говоров.

и) Неразличение личных окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений при ударении на основе: *кóл'иш* и *п'ýл'иш*; *кóл'ит'* и *п'ýл'ит'*; *кóл'им* и *п'ýл'им*; *кóл'ит'а* и *п'ýл'ит'а*; *кóл'ут'* и *п'ýл'ут'*. Ср. типичные с-в-р формы: *кóл'ош, кóл'от, кóл'ом* и *мóл'иш, мол'ит, мол'им; буд'ош, буд'от* (от *быть*) и *бýд'иш, бýд'ит* (от *будить*) [1].

[1] Впрочем, по с-в-р говорам, в особенности Владимирско-Поволжским, представлено и совпадение личных окончаний глаголов 1-го и 2-го спряжений при ударении на основе.

Группировка южновеликорусских говоров.

§ 211. Группировка ю-в-р говоров сопряжена с еще бо́льшими трудностями, чем группировка говоров с-в-р. Причины этих трудностей отчасти те же, которые указаны выше для с-в-р говоров (см. § 203), но в еще большей степени заключаются в особенно неоднородном и сложном социальном составе населения ю-в-р территории, которая в значительной своей части была колонизована в позднее время (в XVI—XVII вв. и позднее). В связи с этим в противоположность с-в-р территории с ее, в общем, более однородным составом говоров и характерным для многих мест почти незаметным постепенным изменением диалектного типа, ю-в-р территория в отношении своих диалектных типов весьма чересполосна: нередко на очень ограниченной территории существуют весьма отличные друг от друга говоры: иногда отличаются говоры не только соседних селений, но даже и разных концов одного и того же селения. Поэтому для того, чтобы представить себе территориальное распределение отдельных языковых черт и на основе этого попытаться установить территории отдельных диалектных типов, необходимо сплошное обследование говоров всей ю-в-р территории при определенной и при том весьма густой сети обследуемых пунктов. Такая работа пока не была проделана. Поэтому мы лишены возможности более или менее точно выделить основные группы ю-в-р говоров и их территории и ниже ограничимся, главным образом, лишь указанием таких языковых явлений, которыми отличаются разные ю-в-р говоры друг от друга с указанием их преимущественного территориального приурочения в тех случаях, где для этого имеются достаточные данные.

§ 212. Ю-в-р говоры отличаются друг от друга следующими главнейшими особенностями:

1. Характером аканья в узком смысле слова. Часть ю-в-р говоров (главным образом, на западе ю-в-р территории) характеризуется диссимилятивным аканьем, произношением *въда́, тръва́*, но *вады́, травы́* и т. д. В другой, преобладающей части ю-в-р говоров — аканье недиссимилятивное: *вада́, трава́, вады́, травы́* и т. д.

2. Характером яканья. Наиболее характерным для ю-в-р наречия типом яканья является диссимилятивное яканье в его разных разновидностях. Этот тип яканья распространен на западе и юге и юго-востоке ю-в-р территории. На востоке ю-в-р территории распространены ассимилятивно-диссимилятивное и сильное яканье. В северной части ю-в-р территории распространено умеренное яканье.

3. Наличием или отсутствием особой фонемы *о̑* (*о͡у*) в отличие от *о*. Значительная часть ю-в-р говоров не различает *о̑* (*о͡у*) и *о*. Но говоры, имеющие фонему *о̑*, в отличие от *о*, встречаются в разных частях ю-в-р территории; они отсутствуют в западной части ю-в-р территории, примыкающей к пределам белорусского языка.

4. Наличием или отсутствием фонемы *ê* (*ие*). В значительной части ю-в-р говоров вместо *ê* под ударением перед твердой согласной произносится *е* (*е* открытое): *л'ес, л'éта, с'éна.* Но в разных частях ю-в-р территории встречаются говоры, имеющие фонему *ê* (*ие*): *л'êс* (*л'иес*), *л'êта* (*л'иета*) и т. д. Всегда *е* вместо *ê* представлено в западной части ю-в-р территории.

5. Наличием или отсутствием под ударением *о* после мягких согласных перед твердой согласной (кроме некоторых формальных морфем, где всюду произносится *о*: *з'амл'ój, б'ал'jó, аɣан'óк* и т. д., см. выше § 24). В значительной части ю-в-р говоров произносится *о*: *н'ос, пр'ив'ól, в'орст, л'он, зел'óнaj, кат'онак* и т. д. Однако в части ю-в-р говоров (напр., в ряде говоров Рязанской области, а также отдельных говорах Пензенской, Тамбовской, Тульской областей) произносится *е*: *н'ес, пр'ив'éл, в'ерст, л'ен, зел'énaj, кат'énак* и т. д.

6. Качеством фонемы *в* перед согласной и на конце слова: на юге и западе ю-в-р территории фонема *в* на конце слова и перед согласной (не в начале слова) звучит как *ў* (или *w*); та же фонема в начале слова перед согласной звучит как *у*: *лáўка, карóўка, карóу, даўнó*; *унўк, ус'á.* На севере и востоке ю-в-р территории фонема *в* перед глухими согласными обычно произносится как *ф*, а перед остальными звуками как *в*: *лáфка — лáвъчка, карóфка — карóва, давнó; внўк, фс'ó.* Впрочем и здесь встречаются говоры с пережиточным *ў* (*w*) и *у* вместо *в*.

7. Твердым или мягким произношением губных согласных в конце слова и перед *j*: *с'ем, сып, руп* (= рубль), *кроў (кроф)* или *с'ем', сып', руп', кроф'*; *пjу, бjу, дубjó, сълавjý* или *п'jу, б'jу, дуб'jó, сълав'jý.* В большей части ю-в-р говоров губные в этом положении произносятся мягко, но в части ю-в-р говоров, главным образом на западе, они произносятся твердо.

8. Различным произношением согласных перед *е*. В подавляющем большинстве ю-в-р говоров перед *е* произносятся мягкие парные согласные. Однако есть немногие говоры (например, в бывших Рязанской, Тульской и Калужской губерниях) с твердыми согласными перед *е*: *атэ́ц, дэн', дэн'ɣ'и, дэрэ́вн'а* или *д'ерэ́вн'а.*

9. Качеством *ц*. В части ю-в-р говоров, в результате ослабления и дальнейшей утраты затвора вместо твердой *ц* произносится твердое *с*: *jajсó, кýр'иса, ýл'иса, кан'éс, с'éрса.* Говоры с *с* вместо *ц* не занимают сплошной территории, но на общность их происхождения указывают и некоторые другие особенности, свойственные им, в отличие от соседних говоров без *с* вместо *ц*, а также некоторые особенности в материальной культуре носителей этих говоров.

10. Качеством *ч'*. Во многих ю-в-р говорах затвор при произнесении аффрикаты *ч'* имеет тенденцию к ослаблению и даже полной утрате. В связи с этим по ю-в-р говорам нередко вместо *ч'* произносится *т' ш'* или *ш'*: *п'éш'ка, хаш'ý, зъплаш'ý, ш'йстaj, ш'áста.*

11. Качеством мягкой *к*. Вместо мягкой *к'* в некоторых говорах — главным образом Тульской группы — произносится *т'*: *рýт'и, ван'т'а, т'ис'ел'*. Этой чертой, как и некоторыми другими, говоры Тульской группы сближаются с соседними ср-в-р говорами, под влиянием которых, надо думать, она и появилась в Тульских говорах.

12. Наличием или отсутствием форм вин. п. ед. ч. женского рода местоимений типа *jajý, tajý, аднajý*.

13. Наличием или отсутствием чередования согласных и подвижного ударения в личных формах глаголов 2-го спряжения: при *хажý — хóд'иш, мълач'ý — малóт'иш, прашý — прóс'иш, вожý — вóз'иш, л'убл'ý — л'ýб'иш, кармл'ý — кóр'м'иш, спл'у — сп'иш* значительной части ю-в-р говоров свойственны формы без чередования согласных (*сп'у — сп'иш*) с сохранением подвижного ударения (*хад'ý — хóд'иш, мълат'ý — малóт'иш, прас'ý — прóс'иш, ваз'ý — вóз'иш, л'уб'ý — л'ýб'иш, карм'ý — кóрм'иш*) или с неподвижным ударением на основе (*хóд'у — хóд'иш, малóт'у — малóт'иш, прóс'у — прóс'иш, вóз'у — вóз'иш, л'ýб'у — л'ýб'иш, кóрм'у — кóрм'иш*).

14. Наличием или отсутствием чередования *к, г* с шипящими (*ч, ж*) в личных формах глаголов 1-го спряжения. В некоторых ю-в-р говорах это чередование сохраняется, вероятно, под влиянием ср-в-р говоров и в особенности литературного языка. Однако в значительной части ю-в-р говоров этого чередования нет: вместо *к*, *γ* в формах 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. перед *е* (или *о*) произносятся мягкие задненебные *к'*, *γ'*: *п'акý — п'ек'éш, п'ек'éт', п'ек'éм, п'ек'éт'а; п'ирс'акý — п'ирс'ек'éш, ст'ир'аγý — ст'ир'еγ'éш, зъпр'аγý — зъпр'еγ'éш*; а также *п'ек'óш, п'ек'óт', п'ек'óм, п'ек'óт'а* и т.д.

Рассмотренные особенности вместе с указанием на преимущественные территории их употребления позволяют в ю-в-р наречии условно выделить следующие три группы говоров: 1. Ю ж н у ю (Курско-Орловскую); 2. В о с т о ч н у ю (Рязанскую); 3. С е в е р н у ю (Тульскую).

§ 213. Ю ж н а я г р у п п а. Южная группа характеризуется: а) преобладанием диссимилятивного яканья в его различных разновидностях, большей частью с высокой артикуляцией гласной 1-го предударного слога в тех положениях, где звучит „не *-а*“ (*н'исла́, н'ис'ét'*, а не *н'есла́, н'ес'ét'*). Части говоров на востоке территории этой группы (в б. Воронежской губ.) свойственна более низкая артикуляция гласной в этих положениях (*н'есла́, н'ес'ét'*); б) наличием вместо *в* в конце слога *ў* (*ŭ*), а в начале слова перед согласной также *у* (*дроў, тра́ўка, унýк*). К этой группе примыкают также говоры крайнего юга ю-в-р территории — среднего и нижнего течения Дона и Северного Кавказа.

В части говоров этой группы (главным образом, на западе ее территории) представлено также диссимилятивное аканье. Но пределы его распространения все еще нельзя считать окончательно установленными[1].

---

[1] Карту диссимилятивного аканья (сост. И. Г. Голанов) и дополнительные замечания о территории его употребления см. на стр. 301 и 303.

§ 214. Восточная группа. Восточная группа характеризуется: а) преобладанием сильного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья преимущественно с низкой артикуляцией гласной 1-го предударного слога в тех положениях, где звучит „не-*а*“ (*н'ес'ёт'*, *в'ед'ёт'*); б) наличием по большей части вместо *в* звука *ф* на конце слова и перед глухой согласной при сохранении звука *в* перед остальными согласными (*дроф*, *трáфка*, *давнó*, *внук*). Впрочем, в отдельных говорах этой группы встречается и *ў* (*ѡ*), *у* (*трáўка*, *унýк*).

§ 215. Северная группа. Северная группа характеризуется: а) преобладанием умеренного яканья с высокой артикуляцией безударной гласной 1-го предударного слога перед мягкой согласной (*стр'ил'áт'*, *в'ид'óш*); б) двойственностью реализации фонемы *в*: на севере территории этой группы, как обычно и в Восточной группе, произносится *ф* и *в* (*дроф*, *трáфка*; *давнó*, *внук*), на юге — преобладает *ў* (*ѡ*) и *у* (*дроў*, *трáўка*, *даўнó*, *унýк*).

Говоры Северной группы весьма неоднородны в своем составе: все они в большей или меньшей степени заключают в себе черты, объединяющие их с ср-в-р говорами, в частности с московским. Такие черты особенно сгущаются на севере территории этой группы, пограничной с ср-в-р говорами, и заметно уменьшаются к югу. Помимо того, что в говорах этой группы обычно произносятся *в* в окончании *-ого* (не γ!) и *о* в личных окончаниях глаголов 1-го спряжения (не *е*!): *н'ис'óш*, *н'ис'óм* (эти особенности в настоящее время широко известны и другим ю-в-р говорам) — по крайней мере в части говоров Северной группы отсутствуют такие особенности, как смягчение задненебных после мягких согласных (*ван'ка*), формы на *-ýja* (*с'л'епýjу*), формы 3-го л. ед. ч. глаголов без *т'* (*нис'óт'*), употребляются слова *бороновать* (вместо ю-в-р *скородить*), *ухват* (вместо ю-в-р *рогач*) и т. д.

Средневеликорусские говоры.

§ 216. Между двумя основными с исторической точки зрения наречиями русского языка — с-в-р и ю-в-р, а также между с-в-р наречием и белорусским языком узкой полосой от Псковского озера на юго-запад через Москву по направлению к Поволжью до обоих берегов р. Суры и далее далеко на юг тянутся говоры, в которых совмещаются некоторые из специфических черт с-в-р с чертами ю-в-р (или белорусскими). Эти говоры, смешанные по своему происхождению, образовались в результате скрещения с-в-р и ю-в-р (или белорусских) говоров и носят название средневеликорусских. Типичным ср-в-р говором является, между прочим, московский, в котором такие с-в-р черты, как *г* взрывное и твёрдое *т* в 3-м л. глагола, сочетаются с аканьем — чертой ю-в-р происхождения.

Как указано было выше, ср-в-р говоры занимают длинную, но большей частью узкую полосу между территорией с-в-р и ю-в-р

(или белорусских) говоров. Таким образом, название „средневеликорусский" объясняется как географическим положением территории распространения соответствующих говоров, так и самым их строем, занимающим промежуточное, среднее положение между строем с-в-р и ю-в-р (или белорусских) говоров. Впрочем, и вне основной полосы ср-в-р говоров имеются некоторые „острова" ср-в-р (акающих) говоров среди окающих с-в-р говоров. Самый большой „остров" ср-в-р говоров в Костромской области между гг. Буем и Галичем (на юге) и севернее г. Солигалича (на севере).

Вторичность ср-в-р говоров, их более позднее образование сравнительно с говорами с-в-р и ю-в-р — вне всякого сомнения. Это свидетельствуется как историей средней полосы России и ее северо-восточного Ростовско-Суздальского ядра, так и данными чисто языковыми: ср-в-р говоры, как правило, не имеют своих специфических и исконных языковых особенностей, а представляют собой обычно комбинацию таких языковых особенностей, одни из которых являются по происхождению с-в-р, другие ю-в-р. Некоторые же языковые особенности, в которых можно усмотреть специфические ср-в-р особенности при ближайшем рассмотрении оказываются возникшими на почве взаимодействия соответствующих черт с-в-р и ю-в-р наречий или появились в результате воздействия литературного языка, влияние которого было более сильным на значительной части ср-в-р территории, в особенности вокруг г. Москвы. Иными словами, специфически ср-в-р особенности оказываются позднего происхождения.

Ср-в-р говоры образовались в разное время — в течение ряда столетий, на разных территориях, в разных общественно-экономических, политических и культурных условиях и потому, естественно, разными путями.

Одни из них — первичные, образовались путем смешения самого населения, говорившего на разных диалектах. С течением времени один из ср-в-р говоров, именно московский, приобрел ведущее значение в языковом развитии страны. Это повело к сильному влиянию московского говора, а через него в большей или меньшей степени и вообще ср-в-р говоров, как на с-в-р так и на ю-в-р. Так стали формироваться ср-в-р говоры вторичного происхождения с с-в-р основой и ю-в-р наслоением а также с ю-в-р основой и с-в-р наслоением.

В связи с позднейшими колонизационными движениями населения (XVI — XVII вв. и в более позднее время) ср-в-р говоры появляются на местах новой колонизации (например, в Пензенской и Саратовской областях), а также образуются в это позднейшее время на этих территориях из с-в-р и ю-в-р элементов. Вместе с этим надо иметь в виду, что процесс образования вторичных ср-в-р говоров не закончился: и до сих пор под влиянием литературного языка, а также говоров, лишенных важнейших особенностей с-в-р или ю-в-р (т. е. ср-в-р говоров), как ю-в-р, так и с-в-р

говоры утрачивают ряд своих специфических особенностей, приобретая все более и более ср-в-р облик[1].

Общей чертой всех ср-в-р говоров является аканье. Первый предударный слог после твердых согласных характеризуется аканьем недиссимилятивным (*вадá, вады́; старá, стар'úк*). Вокализм 1-го предударного слога после мягких согласных представляет значительное разнообразие: в ср-в-р говорах известно яканье умеренное, ассимилятивно-умеренное, сильное, известно также еканье и иканье, в редких случаях представлено яканье ассимилятивное. Таким образом, для ср-в-р говоров характерны типы яканья вторичного происхождения, образовавшиеся в результате взаимодействия безударного вокализма ю-в-р и с-в-р говоров, и, напротив, в них отсутствует яканье диссимилятивное (во всех его разновидностях), наиболее архаическое и исконное среди других типов яканья и характерное для ю-в-р говоров.

В некоторых ср-в-р говорах вторичного происхождения, усвоивших аканье недавно, отмечено различение или неполное совпадение гласных *а, ѣ* и *е-о* в 1-м предударном слоге после мягких согласных; например: *т'ану́*, но *н'есу́, р'ека́* (в Костромской обл., в северных районах Московской и Рязанской областей) или *в'есна́, н'есу́*, но *р'ика́, б'ида́* (в б. Ардатовском у. Нижегородской губ.).

Для многих ср-в-р говоров характерно произношение *т', д'* вместо *к', г'* (*т'ислый, рут'и; ан'д'ел, нод'и*). Впрочем, произношение *т'* вместо *к'* известно и в части Тульской группы говоров (в Коломенском, Зарайском районах Московской обл., в Тульской обл.), которые принято относить к ю-в-р наречию[2]. Но, как известно, эта группа говоров и по другим своим чертам (напр., умеренному яканью) сближается с ср-в-р говорами. Черта эта, вызванная особенно сильным смягчением согласных *к', г'*, т. е. значительной передвижкой артикуляции вперед, видимо, как и другие специфические ср-в-р явления, объясняется взаимодействием между ю-в-р и с-в-р говорами: дело в том, что многим ю-в-р говорам свойственна значительно бóльшая степень смягчения, чем с-в-р. В результате взаимодействия говоров с разной степенью смягчения согласных появляется произношение *т', д'* вместо *к', г'* (подробнее об этом и смежных явлениях см. § 169 и 170).

§ 217. В „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе" ср-в-р говоры разделены на две группы: А и Б. Первая занимает северо-западный участок полосы ср-в-р говоров (кроме

---

[1] Иную точку зрения на образование ср-в-р говоров см. в „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе..." под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, 1915 г., стр. 32—47. Проблема образования ср-в-р говоров в связи с образованием русского языка вообще подробнее освещена мною в специальной статье „Вопросы образования русского языка в его говорах" (см. „Вестник Московского университета", 1947, № 9).

[2] Произношения *д'* вместо *г'* в ю-в-р говорах быть не может ввиду фрикативного образования *г*, т. е. ввиду наличия вместо *г* звука *γ*.

ряда северных районов), вторая — остальную часть этой полосы. Территория говоров группы А согласно этой карте тянется от Пскова на севере к Осташкову, Ржеву и Зубцову (Калин. обл.) на востоке и юго-востоке. Эту группу ср-в-р говоров условно можно назвать Псковской. Они образовались, видимо, путем смешения с-в-р говоров Новгородского типа с говорами белорусскими. В них отмечаются, например, такие с-в-р черты, как стяжение гласных после утраты интервокального *j* (*така́, хороша́ же́ншына, знаш, знам, де́лаш*), изменение сочетания *дн* в двойное *н* (*ла́нно, анна́*), форма дат. п. мн. ч. на *-м* (*за грибам, с вам*) или такая особенность новгородского диалекта, как употребление деепричастия в роли сказуемого (*он* ***уехатчи***, *корова была* ***телифши***, *он* ***ушовши*** и т. д.). Вместе с тем в некоторых из них встречается ряд форм, сближающих данные говоры с белорусским языком. Сюда относится, например, употребление формы *злый, худый, мыю, крыю, шыя*, дзеканье и цеканье, т. е. произношение мягких аффикат *д͡з'*, *ц'* вместо *т'*, *д'* (*д͡з'е́ци, ид͡з'и́ц'а, д͡з'е́н'г'и, ц'и́ха*); *ў* или *в* вместо *у* в определенных условиях (*ўрожа́j* или *врожа́j, наўчы́ц'* вместо *научить*), форма им. п. мн. ч. *городы, лесы, береги* при *города́, леса́, берега́*, ударение типа *спа́ла, бы́ла, пи́ла, нико́го, нико́му, ничо́го* и др. Некоторые особенности этих говоров могли бы появиться как из ю-в-р, так и из белорусских говоров. Сюда относится помимо аканья и яканья (по преимуществу сильного) *ў* вместо *в* (*д'ер'е́ўн'а, двароў*) и мягкое *т* в 3-м л. глаголов или формы без *т* (*несе́ть, несе́*), ударение типа *на воду́, под гору́*.

В части псковских говоров (в бывш. Новоржевском, Холмском и Опочецком уездах Псковской губ. и в некоторых других местах) отмечено произношение шепелявых звуков, близких к мягким *ш'*, *ж'* вместо мягких свистящих *с'*, *з'*: ***ш'е́на, ш'и́льный, ш'в'ет*** вм. *сено, сильный, свет; бо́ж'им,* ***ж'емл'а́, ж'ел'о́ный*** вм. *озимь, земля, зелёный*. Эта черта протягивает нити от современных псковских говоров к говорам древнего Пскова, насколько они известны нам по показаниям письменных памятников.

Говоры группы Б на северо-западе от г. Порхова до г. Зубцова тянутся параллельно говорам группы А, севернее последних и далее занимают остальную ср-в-р территорию. Эти говоры образовались в результате взаимодействия с-в-р и ю-в-р говоров.

В ср-в-р говорах группы Б черты с-в-р происхождения, например, такие, как стяжение гласных после утраты интервокального *j* (*быва́т, знат, рабо́тут*), вообще убывают с севера на юг. В отдельных говорах этой группы встречается и *е* вместо *а* под ударением между мягкими согласными (*грезь, взеть*).

Среди говоров, которые обычно относят к ср-в-р группы Б, заметно выделяются говоры юго-западной части ср-в-р территории, а также „мещерской" части Рязанской области и сходные с ними говоры Тамбовской и Пензенской областей: часть из них имеет мягкое *т'* в 3-м л. глаголов, а мещерские говоры, кроме того, могут

иметь и *г* фрикативное (γ), многие из них имеют также *ў* и *у* вместо *в* (например, *д'еўка, карóў, унýк*) и ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Не может быть сомнения в том, что ю-в-р элемент по крайней мере в части этих говоров очень велик и во многих случаях является для них исконным.

Авторы „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе" ср-в-р говоры группы Б делят на две подгруппы (западную и восточную), границу между которыми условно проводят через Москву с северо-запада на юго-восток. Четкой границы, основанной на комплексе языковых черт, здесь, видимо, нет. Но замечено, что одни черты убывают по направлению к востоку, другие, напротив, по направлению к западу. Например, только в западной части подгруппы отмечено двойное *н* вместо *дн (лан̄ъ)*, а также твердые губные на конце слова вместо мягких *(гóлуп)*; напротив, только в восточной подгруппе отмечено *у* вместо звука *о* абсолютного начала слова во 2-м предударном слоге *(утапр'и́)*, *ў* вместо *в (траўка)*, смягчение *к* после мягких согласных и *j (Ва́н'к'а)* и др. Эти различия объясняются тем, что ю-в-р и с-в-р говоры, из смешения которых образовались данные ср-в-р говоры, не были одинаковыми, а заключали в себе заметные диалектные отличия. Так, например, нельзя не обратить внимания на то, что встречающееся в западной подгруппе двойное *н* вместо *дн* является характерной чертой с-в-р говоров запада (т. е. Новгородских), а *у* вместо *о* в определенных условиях встречающееся в восточной подгруппе, напротив, характерно для с-в-р к востоку от них (т. е. для Владимирско-Поволжских).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ.

Непосредственные наблюдения лингвиста.

Территориальная и социальная дифференциация диалектов.

§ 218. Как известно, диалектология является прежде всего наукой о местных разновидностях языка. Поэтому территориальная дифференциация диалектов сама собой разумеется: на разных территориях звучат разные диалекты, бытуют разные диалектные особенности. Но, кроме дифференциации территориальной, обусловленной исторически (см. §§ 11—15), первостепенное значение имеет дифференциация социально-классовая.

При проведении наблюдений над говором необходимо иметь в виду часто встречающуюся неоднородность говора деревни, его социальную дифференциацию. Эта дифференциация имеет глубокие исторические корни. Диалекты как таковые восходят к феодальному и дофеодальному прошлому. Уже в эпоху капитализма, не говоря — применительно к нашей стране — об эпохе социализма, диалекты являются категорией пережиточной: они уже не вызываются к жизни существующими общественно-экономическими условиями, а, напротив, продолжают существовать, несмотря на новые условия, которые вызывают к жизни процессы их постепенного разложения, деформации, нивелировки, приближения к нормам литературного языка. (См. Введение, §§ 11—16.)

При этом влияние литературного языка обычно распространяется неравномерно на говоры разных территорий и разных социальных групп местного населения в пределах одной территории. Оно распространяется прежде всего по основным, важным для экономики страны путям сообщения: по большим трактам, водным путям, позднее — железным дорогам. Диалектологи не раз отмечали, что на территориях, прилегающих к основным путям сообщения, распространены говоры, претерпевшие в большей степени влияние литературного языка и потому менее цельные и архаичные, чем на территориях, находящихся в стороне от этих путей, где часто сохраняются более архаичные говоры, не испытавшие или в меньшей степени испытавшие это влияние. Чем теснее экономические и культурные связи данной местности с административным, экономическим

и культурным центром, тем сильнее обычно влияние языка центра на соответствующие говоры.

Однако направление экономического и культурного тяготения отдельных территорий в истории данного края или страны обычно не раз менялось; следовательно, и направление языкового развития в разное время было неодинаковым. Последнее не могло не сказаться на территориальном распределении диалектных особенностей.

Разные диалектные особенности нередко охватывают разные территории и могут указывать этим на разные этапы в экономической, политической и культурной жизни населения данной территории в прошлом.

Влияние литературного языка может быть неравномерным не только по отношению к разным территориям, но также и по отношению к разным социальным группам населения одной и той же территории, одного населенного пункта. Капиталистическая деревня в социально-классовом отношении была весьма дифференцирована. Кулаки, торговцы, середняки, бедняки, батраки в различных конкретно-исторических и экономических условиях были в разных отношениях к городу: одни группы были более тесно связаны с определенными группами городского населения, другие — менее, третьи вовсе не были связаны. Поэтому одни социальные группы сельского населения быстрее приспособлялись к языку города и перенимали многие из норм литературного языка, другие медленнее. Большое значение в этом отношении имело отходничество, развитие отхожих промыслов. Известны села, в которых значительная часть мужского населения работала в одной из столиц или крупном местном центре (например, губернском городе) извозчиками, официантами в ресторанах, дворниками, мелкими торговцами-разносчиками, сезонными рабочими (плотниками, каменщиками) и т. д. Менее развито было отходничество женского населения. Но все же немало женщин работало в городах в качестве „прислуги", а также в прачечных, гостиницах, ресторанах и т. д. Естественно, что длительное пребывание в городе не могло не наложить своего отпечатка на язык выходцев из деревни, оно способствовало нивелировке наиболее ярких диалектных особенностей, усвоению в большей или меньшей степени общегородских норм языка.

Если связи с городом были непостоянны и охватывали лишь отдельных, единичных представителей данного говора, то последние по возвращении в свою деревню под влиянием господствующей в устах местного населения диалектной речи с течением времени могли полностью или частично забыть городские новшества и вернуться к системе своего родного диалекта. Нередко этому способствовало и то, что городская речь бывалых людей вызывала среди местного населения острые насмешки, и последние, чтобы не подвергаться им, предпочитали говорить у себя в деревне и со своими односельчанами на местном диалекте. На этой почве создавалось известное двуязычие: бывалые люди обычно владеют как местным говором, так

и в известной степени нормами литературного языка, которыми пользуются, например, при разговоре с городскими людьми.

Однако, если связи с городом постоянны, имеют место в течение длительного периода, охватывают более или менее широкие круги местного населения, то, возвращаясь в деревню, бывалые люди нередко сохраняют значительную часть городских черт своего языка и сами становятся в известной степени проводниками городского влияния на язык местных жителей.

Одним из путей влияния литературного языка на диалекты являлась служба в армии. Этот фактор имеет особенно большое значение в наше время в связи с той громадной воспитательной и образовательной работой, которая ведется с бойцами в Советской Армии.

Следует иметь в виду, что до Великой Октябрьской социалистической революции городское влияние на диалект разных социально-классовых групп крестьянства было неоднородно: оно исходило в одних случаях от городских мещанских кругов, мелкой буржуазии, в других случаях — от пролетариата. Однако эта неоднородность сказывалась главным образом в лексике и семантике и была меньше в фонетике и морфологии, где узко диалектные черты вообще имели тенденцию заменяться соответствующими городскими особенностями, близкими или тожественными нормам литературного языка.

Известное значение для языкового развития капиталистической деревни имела школа. Однако ее значение, неодинаковое для разных территорий, в целом было ограниченным вследствие малочисленности школ в деревне, слабого охвата ими сельской молодежи и неграмотности значительной части населения. К тому же влияние школы впоследствии нередко нейтрализовалось: например, если бывший школьник в дальнейшем оставался полностью связанным со своей деревней, жил там и работал, то он мог опять вернуться в основном к диалектной речи.

Следует иметь в виду, кроме того, что наряду с так называемой земской школой в селах существовали и церковно-приходские школы, через которые помимо воздействия литературного языка шло также влияние специфически церковного языка. Вообще при учете разного рода воздействий на крестьянские диалекты капиталистической эпохи нельзя забывать о влиянии церкви, языка церковной литературы. Степень этого влияния была весьма разнообразной в разных местных условиях. Например, оно могло быть заметнее в районах больших монастырей, где население в прошлом экономически тяготело к монастырю, а значительная часть его принадлежала монастырям (так называемые монастырские крестьяне). Оно было заметно также у старообрядцев вследствие значительного распространения среди них церковной грамотности и чтения религиозной литературы. Оно было значительно меньше и непосредственно мало заметно в других случаях.

Наконец, диалектологи часто отмечают дифференциацию языка половую, т. е. различия в языке мужчин и женщин. Можно не

сомневаться, что эта дифференциация является не половой в собственном смысле, т. е. биологической, а социальной, обусловленной общественно-экономическими условиями, которые были в прошлом неодинаковыми для мужской и женской части населения.

Как это видно из предыдущего, мужская часть населения в значительно большей степени была связана с городом, вообще с деятельностью за пределами родной деревни, чем женская: отходничество, уход на заработки, торговля и пр. — все это охватывало главным образом мужское население. В школе училось также значительно большее количество мальчиков по сравнению с девочками. Напротив, женское население в подавляющей своей части было тесно связано с деревней. Значительная часть женщин безвыездно жила и работала в родной деревне, многие из них нигде не бывали дальше своего уездного города. Этим объясняются многие отличия языка женщин от языка мужчин. Во многих местах первый отличается от второго наличием ряда таких диалектных особенностей, которые отсутствуют в языке мужчин, в этом отношении сближающемся с городским языком. Так, например, на северо-востоке Европейской части СССР нередко *л* „среднее", или европейское *л* (*l*), вместо твердого произносят только женщины; во многих местах цоканье также являлось особенностью языка женского населения, в то время как мужчины большей частью различали *ц* и *ч*. Вообще говор женщин в большей степени сохранял типичные особенности традиционного диалекта.

При изучении языка деревни надо иметь в виду еще одно обстоятельство: взрослое женское население данной деревни (замужние женщины) весьма часто по происхождению было из других деревень, близких или более отдаленных. Поэтому говор замужних женщин может отражать особенности языка не только данной деревни, но и той, откуда они происходят, откуда они „взяты". Так как браки с девушками из других деревень имели место на протяжении многих поколений, то нельзя не учитывать, что этот фактор, мог иметь известное значение в языковом развитии деревни.

Таким образом, язык деревни в эпоху капитализма нельзя представлять себе как нечто однородное. Напротив, он был весьма дифференцирован и многообразен у различных социально-классовых групп населения.

§ 219. Языковая дифференциация деревни принимает новые формы после Великой Октябрьской социалистической революции. Связи с городом значительно увеличиваются, приобретая совершенно новое качество. В связи с индустриализацией нашей страны деревня за годы сталинских пятилеток выделила немалую долю своего населения для работы в городской промышленности и транспорте. Индустриализируется и местный край: на местах создаются новые заводы и фабрики, вокруг которых объединяются как приезжие из города кадровые рабочие и интеллигенция, так и местное население и приезжие из других сельских местностей. Коллективизация сельского хозяйства тесно

связана и с механизацией крестьянского труда: появляются МТС, хозяйство оснащается тракторами, комбайнами и другими машинами. Реконструируется энергетическая база: многие деревни получают электрический ток не только для освещения, но также и для производственных нужд. При этом деревня получает энергию не только от крупных районных и областных электростанций, но также от создаваемых на месте мелких электростанций, сельских и колхозных. Резко усиливается политико-воспитательная и образовательная работа в деревне, сильно увеличивается сеть школ, создаются избы-читальни, клубы, сеть кинопередвижек, развивается районная печать; для деревни издаются миллионные тиражи популярной литературы по общественно-политическим, агрономическим, техническим вопросам, а также художественной и научно-популярной литературы. Большое количество центральных изданий также поступает в деревню. Все это ведет к сплошной грамотности молодого и среднего поколения сельского населения.

Раскрепощение женщины, создание для женщин равных с мужчинами условий участия в общественно-политической и хозяйственной деятельности приобщает к культуре и женскую часть сельского населения, ранее значительно более отсталую по сравнению с мужским населением.

Мы являемся свидетелями того, как стирается противоположность между городом и деревней. Этому содействовала прежде всего коллективизация сельского хозяйства и его индустриализация, благодаря которой создается многочисленная сельская интеллигенция (агрономы, трактористы, шоферы, монтеры, механики, врачи, учителя и т. д.), этому способствует и усиленный обмен населением между городом и деревней.

Указанные процессы не могли не вызвать нивелировки диалектов, не могли не способствовать овладению колхозным крестьянством важнейшими чертами литературного языка. Однако литературный язык проникает в деревню неравномерно на огромной территории распространения русского языка: в одни районы он проникает в большей мере, в другие — в меньшей, и в пределах одной и той же местности одни группы населения в большей степени приобщаются к нормам литературного языка, чем другие.

Благодаря этому в языковом отношении современная деревня характеризуется весьма глубокой языковой дифференциацией, большой пестротой. Неопытному наблюдателю может показаться, что в говоре отсутствуют какие бы то ни было закономерности. Однако это впечатление в значительной мере рассеется, если учитывать, что в современной деревне на одной и той же территории по существу уживается несколько языковых типов, свойственных разным группам населения. Выделяется, с одной стороны, традиционный тип говора — язык той части населения, которая в наименьшей степени испытала воздействие литературного языка. Этот тип свойственен главным образом старшему поколению, в особенности женщинам, нередко безвыездно жившим в своей деревне. С другой стороны, легко выделяется также

говор передовых сельских кругов: молодежи, комсомольцев, активистов, местной интеллигенции, который приближается к нормам литературного языка или сходен с ними. Между этими крайними типами говоров существуют, конечно, типы переходные, границы которых весьма зыбки и трудно поддаются определению.

Отмеченные типы говоров, сосуществующие на одной территории, не отличаются устойчивостью во времени: на протяжении последнего времени, в особенности за последние 15—20 лет, в связи с коллективизацией и осуществлением сталинских пятилеток, по мере культурного роста колхозного крестьянства совершились большие сдвиги и в языке — переход от системы традиционного говора к говору передовых групп сельского населения. В наше время все более и более сужается круг носителей традиционного диалекта. При этом сами традиционные диалекты начинают также сильно поддаваться нивелирующему воздействию литературного языка. Взаимодействие между народным языком и языком литературным определяет пути дальнейшего обогащения и развития того и другого.

Жанрово-стилистическая дифференциация диалектов.

§ 220. При производстве наблюдений над говором диалектолог должен помнить не только о территориальной и социальной дифференциации диалектов, но также и о дифференциации жанрово-стилистической. На одной и той же территории, в устах носителей одного и того же типа говора, т. е. одной и той же социальной группы, возможно употребление не одного, а двух (или нескольких) диалектных разновидностей одного языкового явления: одна из этих разновидностей употребляется в обиходно-бытовой речи, другая в языке фольклорном. В особенности отличается в этом отношении язык песенный, где большое значение приобретает фактор музыкально-мелодический.

§ 221. Язык старинных песен и былин нередко заключает в себе такие архаизмы, которые давно утрачены в обыденном языке данной местности, а с другой стороны, в нем могут отражаться также черты говора той местности, откуда занесена песня: как известно, фольклорное произведение, зародившееся в одной местности, нередко быстро продвигалось в другие местности, часто охватывая большую территорию. Песни и частушки нового происхождения, идущие из города или зарождающиеся у передовых групп населения деревни, часто в сильной степени отражают городской язык и не всегда соответствуют говору, господствующему в данной деревне в данное время.

В качестве иллюстрации того пути, который может быть пройден фольклорным произведением, укажем на старую пословицу: *дело не волк, в лес не убежит.* Оказывается, что эта пословица по говорам бытовала еще в следующих разновидностях: *дело не медведь, в лес не убежит; дело не медведь, в лес не уйдёт; дело не медведь, в лес не уйдёть*

и, наконец: *дело не медведь, в лес не уйдеть* (с *е* в глагольном окончании). Анализ звукового и лексического состава пословицы не оставляет сомнения в том, что пословица эта зародилась в южновеликорусской языковой среде с мягким *т* (*т'*) и звуком *е* в глагольном окончании, благодаря чему составляющие ее две части рифмовались. Рифма, как обруч, стягивала в одно целое лексический состав пословицы. В дальнейшем усвоение *о* вместо *е* в окончании (*уйдёть*) или усвоение *о* вместо *е* рядом с твердым *т* (*уйдёт*) привело к разрушению рифмы. После этого данный лексический состав оказался уже необязательным: слово *уйдёт* могло замениться тем или иным синонимом (появилось *убежит*), а слово *медведь* — другим словом из того же предметного ряда (*волк*). Появилась пословица с нарушенной первоначальной формой.

Отмечено, что пословица: *сам с усам* — употребляется не только в говорах, которым во множественном числе свойственно совпадение форм дат. и твор. падежей (хотя в говорах, различающих эти формы, она легко принимает новый и притом не нарушающий рифму вид, находящийся в согласии с их морфологической системой, благодаря употреблению подлежащего во множ. числе: *сами с усами*). Пословица *у голодной куме все хлеб на уме* с формой род. п. ед. ч. *куме* употребляется шире, чем только в диалектах, имеющих эту форму в обыденном языке.

Пословицы *поделом вору и мука* или *ласковое теля двух маток сосет; кто кого смога, тот того в рога* и многие другие, более или менее широко употребляющиеся в литературном языке или по говорам, могут свидетельствовать о сохранении в жанре пословиц архаизмов (*поделом, теля, смога*), давно исчезнувших из обыденного языка.

Морфологический и фонетический состав песенного языка нередко определяется ритмико-мелодической структурой песни или ста́рины. Иллюстрируем это несколькими наблюдениями, сделанными нами в Карело-Финской ССР (с. Семеновское на Водле, 1937 г.). Некоторые грамматические формы, употребляющиеся, например, в северновеликорусской ста́рине, обусловлены в ней ее ритмом и мелодией. Таково нередко употребление стяженных или нестяженных форм прилагательных и глаголов. Как известно, для ритмико-мелодического строя русской народной песни, в особенности ста́рины, характерны дактилические окончания стиха, или — что то же — музыкальной фразы. В связи с этим формы прилагательных на *-ыи* (*-ии*) или *-ы* (*-и*), *-ыих* (*-ших*) или *-ых* (*-их*), *-ыим* (*-шим*) или *-ым* (*-им*) и т. д. употребляются в зависимости от места ударения: если ударение находится на слоге, находящемся непосредственно перед окончанием, то употребляется двусложное окончание с сочетанием *ыи* (*ии*); если же ударение падает на второй слог от конца, то употребляется односложное окончание с *ы*(*и*). Таким образом, в обоих случаях обеспечивается дактилическое окончание. Ср. характерные концовки в ста́ринах: с одной стороны — *люди до́брыи, да калёныи, перехо́жыи, горы лю́тыи, да шолко́выи; на широ́киих, була́тныих;*

а́другом ми́лыим; с другой стороны — *да дога́дливы; черни́госьки; да кали́носым.* Характерно, что при наличии двусложного окончания *-ыма* (*-има*) сочетание *ыи* (*ии*) употребляется только в том случае, если ударение падает на первый слог окончания; если же ударение падает на слог непосредственно перед окончанием, то употребляются формы с *ы*(*и*), так как и без растяжения *ы* (*и*) в *ыи* (*ии*) обеспечено дактилическое окончание; ср.: *со родны́има, да слепы́има,* но *со вели́кима, во́стрыма, со широ́кима, да пога́ныма, за желе́зныма* и т. д.[1]

В таких же соотношениях находятся нестяженные и стяженные формы прилагательных на *-аја* и *-а*, *-ојо* и *-о*, *-ују* и *-у*: на конце стиха двусложное окончание употребляется при наличии ударения непосредственно перед окончанием (ср.: *саблю во́струю, да вели́кую, в чужеда́льную*); если же ударение находится на втором слоге от окончания, то употребляется односложное, стяженное окончание, так как последнее обеспечивает дактилическое окончание (ср.: *белока́менну, саблю во́стреньку, в окошецько кося́щато*).

Так же объясняется нередко употребление в былинах на конце стиха нестяженных и стяженных личных форм глаголов: употребляются рядом с формами *да робо́та́јот* и *не ве́да́јот* формы *переска́ивать, повыта́скивать, да посту́кивать*; при наличии ударения непосредственно перед сочетаниями, которые могут стягиваться в один слог, стяжения не наблюдается; если же ударение находится на втором слоге от этого сочетания, ближе к началу слова, то употребляется стяженная форма; благодаря этому в обоих случаях получается ритмико-мелодическое тожество — дактилические окончания.

В песенном языке место ударения очень часто не совпадает с ударением в обыденной речи: оно может быть, собственно, на любом слоге в зависимости от требований ритмо-мелодии: *шо́лковой — шолко́вой — шелково́й*; *лазу́ревой — лазуре́вой, жо́на — жона́* и т. д.; ср.: *как во зе́леном, зелёном, зелено́м саду́; стре́лил и стрели́л*; в конце стиха *не́ можно, о́познал* и т. д.

В песенном языке могут быть и отличия в произношении отдельных звуков, не свойственные обыденной речи. Так, при отсутствии в говоре ёканья или очень слабом ёканье (когда произносится переднее слегка лабиализованное *е* — *ӧ*: *пр'ин'ӧсу́, п'ӧкла́*) в пении, в особенности когда гласная протягивается по требованию мелодии, нередко произносится вполне отчетливое и более заднее *о*. Например:

в обыденной речи:	в пении:
б'ер'ежо́ц'ка или *б'ер'ӧжо́ц'ка*	*б'ер'ожо́ц'ка*
ноц'ева́т' или *ноц'ӧва́т'*	*ноц'оза́т'*

[1] Впрочем, имеются говоры, в которых формы с *ыи* (*ии*) произносятся в обычной речи.

В тех же условиях безударное *е* перед мягкими согласными в обычной речи может произноситься как *е* склонное к *и* (звук средний между *е* и *и*), а в пении как открытое, широкое *е*:

в обыденной речи:	в пении:
с'т'е̝р'о́к	*с'т'ер'о́к*
ре̝тиво́jо	*р'ет'иво́jо*

Как известно, во многих северновеликорусских говорах вместо ударенного *а* между мягкими согласными, а также вместо безударного *а* после мягкой согласной может произноситься *е*. Однако в пении при протягивании гласных нередко звучит *а*. Например:

в обыденной речи:	в пении:
кн'ес'	*кн'ас'*
р'еб'и́на	*р'аб'и́на,*
зат'ену́ла	*зат'ану́ла.*

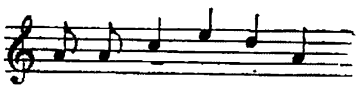
Иногда при пении произносятся „лишние" гласные, отсутствующие в обыденной речи, например: *розъбо́j̣н'ищ'ка, сына м'ён'ешова, п'ер'евў за́ставу.*

Например, поется в конце фразы:

ро- зъ- бой- н'и-ц'ка

или:

п'е-р'е- ву за-ста-ву

сы- на м'е-н'е-шо- во

Если в первом примере (*розъбо́jниц'ка*) „лишний" слог требуется чтобы обеспечить каждый из основных (по $^1/_4$) звуков мелодии, то этого нельзя сказать о двух других: в них количество слогов совпадает с количеством основных звуков мелодии. Однако благодаря особой манере пения некоторые закрытые слоги, на которые, как и на любые другие слоги, приходится звук в $^1/_4$, делятся на две восьмые и соответственно произносится „вторичный" слог после согласной *п'ер'е* вместо *п'ер'*, *м'ен'е* вместо *м'ен'*.

Часто в пении отмечается „лишний" *j* в начале слова перед гласной (в особенности после паузы или после гласной предыдущего слога): *на jу́л'ице* (Ряз. обл.); *jон jиз за́мку jуб'ижа́л* (б. Шацкий у. Тамб. губ.).

Все это указывает на то, какая требуется осторожность при пользовании песенным материалом для диалектологических целей.

В то же время нельзя не отметить, что изучение языка фольклора вообще и песенного языка в частности, почти еще не начатое, имеет большое научное значение.

Языковая система диалекта и литературного языка в их соотношениях.

§ 222. Понятие диалекта как одной из форм языка предполагает наличие в диалектах известной системы, в том числе системы фонетической. Однако понятие фонетической системы имеет разное содержание в зависимости от того, применяется ли оно к диалекту или литературному языку, а также к диалектам и литературным языкам разных эпох.

Необходимо иметь в виду принципиальную нормированность литературного языка в противоположность диалекту. Литературный язык всегда, хотя бы в потенции, имеет свои нормы, свою орфоэпию. Поэтому из двух языковых вариантов в систему литературного языка входит только один как „правильный", в противоположность другим — „неправильным", находящимся за пределами его. (Практически это может быть не всегда так, ввиду того что литературные языки могут быть на разных ступенях своего развития, в том числе на более ранних, когда они не успели еще выработать достаточно четких норм.)

В противоположность литературному языку диалект, даже в тех случаях, когда он обладает достаточно цельной системой, именно в принципе не нормирован. Однако идея нормы не вполне чужда диалекту, особенно при определенных конкретно исторических условиях. Языковая норма складывается обычно из признания одних языковых черт „своими", а соответственных других — „чужими", и, в особенности, из признания первых „правильными", а вторых „неправильными". Правда, носители крестьянских диалектов в XIX—XX вв. обычно считают свой диалект „неправильным" по сравнению с городским языком „образованных" кругов, с которым они в той или иной мере всегда бывают знакомы. Однако признание одних диалектных черт за „свои", а других, соответственных им за „чужие" весьма развито среди носителей диалектов, причем черты своего диалекта нередко (хотя и далеко не всегда) признаются за „правильные" по сравнению с соответственными чертами чужих диалектов.

Нередко отмечались замечания крестьян о правильности их говора по сравнению с окружающими: *наша̀ пъɣавóрка сáмъја пр̀áв'ил'ньја; нáшо нар'иц'јо ц'áстојо, н'е как у в'áц'к'их.* А это уже свидетельствует о наличии хотя бы в зародыше нормы. О ней свидетельствует большое количество поговорок, пословиц, дразнилок, применявшихся к представителям других диалектов. Ср., например: *у нас в-р'азáн'и ɣр'ибы́ з-ɣлазáм'и — јих јад'áт', а аны́ ɣл'ад'áт'* — так говорили о рязанцах; или: *болóго в Волод'úм'ир'е — стокáн исп'úт', голова̀ бол'úт* — говорили акальщики об окальщиках- „володимерцах"; *с -Масквы́, с -пасáда, с -авашнóва р'áда* — не оставались в долгу окальщики: так они имитировали акальщиков, растягивая предударные гласные, при этом часто в связи с речью своих односельчан, побывавших в городах и усвоивших аканье.

Можно думать, что языковая норма в большей степени была присуща диалектам эпохи феодализма с их относительной замкнутостью, охватом в принципе всего населения данной территории; все это делало, вероятно, более острым реакцию на явления чужого говора. Другое дело крестьянские диалекты, начиная с эпохи капитализма, когда они становятся категорией пережиточной, деградирующей, когда начинаются в той или иной степени процессы распада диалекта благодаря смешению с другими диалектами и, в особенности, благодаря нивелирующему воздействию литературного языка.

§ 223. Выше было уже указано на социальную и жанрово-стилистическую дифференциацию языка современной деревни. Если диалектолог уподобится фонографу, который фиксирует все, что звучит у микрофона, и будет записывать в деревне без разбора все, что услышит, то, естественно, он не установит никакой системы. Умелый отбор — это один из важнейших принципов работы. Нередко в одном и том же населенном пункте можно записать факты, по существу, относящиеся к разным диалектам. Ведь в пределах одного населенного пункта может наличествовать, по существу, несколько систем, свойственных разным группам местного населения. Одна из этих систем обычно более устойчива, другие менее. Это объясняется тем, что сейчас нет таких территорий, говоры которых не испытывали бы в той или иной мере влияния со стороны литературного языка или со стороны тех или иных соседних диалектов, более близких к системе литературного языка. Поэтому требуется строгая паспортизация всего материала, возможно более подробные и точные сведения о каждом из объектов наблюдений. Только наличие таких сведений позволит установить динамику изучаемого говора, его развитие за последние десятилетия.

Далее, не только в данном населенном пункте, но даже в пределах одной категории объектов, например в языке носителей традиционного диалекта, нередко можно отметить двойственность или противоречивость, если не учитывать явлений, обусловленных жанрово-стилистическими особенностями. Здесь выделяется, например, группа явлений аллегровых, свойственных беглой, неотчетливой речи.

Сюда относятся, например, такие формы, как *хош*, *хо́тца* вместо *хочешь*, *хочется*, *сма-ка* вместо *смотри-ка*, *ской много лить-то* (*скоꙗ* вместо *сколько*), *ме чал* („мне чаялось"), *пра* вместо *право*, *прā слō* вместо *право слово* (Рязанская, Тульская области), *хо́ба* или *ху́ба* вместо *хоть бы* (или *хуть бы*), *дыть* вместо *да ведь* (Курская область); *ато́няш* или *ато́ня* вместо *а то нешто* (Рязанская, Тульская, Курская области); *кубыть* („как будто", на Дону и во многих других местах). Аллегровые явления имеют место не только в ю-в-р говорах, где при аканье и редукции безударных гласных происходят особенно сильные изменения безударного вокализма, но также и в с-в-р говорах. Ср., например: *ли-ко* вместо *гляди-ко* (б. Вятская губерния). К аллегровым явлениям восходит,

вероятно, также пропуск некоторых согласных между гласными (например, *похой, погляй, лóшаи* вместо *походи, погляди, лóшади*: *т'ejé, cajé* вместо *тебе, сабе* и др.), утрата интервокального *j* и дальнейшие процессы ассимиляции и стяжения гласных (*знаэт, знат* вместо *знает, работат* вместо *работает, работут* вместо *работают, думат* вместо *думает, думут* вместо *думают*) и некоторые другие явления.

С другой стороны, выделяются явления, свойственные различным жанрам народной поэзии, в особенности песенному языку. Следовательно, чтобы установить систему диалекта, надо не только умело выбрать объект наблюдения, но и дифференцировать разные жанры речи и не смешивать материала, записанного хотя и от одного и того же лица, но относящегося к разным жанрам языка, например к обиходно-бытовой речи и песенному языку. Основным объектом диалектологического изучения должны быть явления стилистически и жанрово нейтральные, т. е. факты обычной, „нормальной", обиходно-бытовой речи. Лишь на этом фоне возможно изучение аллегровых явлений, явлений традиционного народного поэтического языка, общественных выступлений (речи на собраниях) и других форм стилистически и жанрово обусловленной речи.

Необходимо еще иметь в виду взаимодействие между разными стилями и жанрами языка. Некоторые явления, первоначально характеризующие определенный стиль или жанр речи, затем могут расшириться в своем употреблении и попасть в „нормальный", стилистически и жанрово нейтральный язык (таковы, например, формы *хош, хотца, пра* вместо *хочешь, хочется, право* во многих говорах; редукция до нуля во 2-м предударном слоге в некоторых говорах; возможно, таково же происхождение стяженных форм в с-в-р говорах и др.).

Если учесть всё это и собирать материал в пределах одной территории, одной определенной социальной группы населения, одного жанра, то окажется возможным установление системы говора в той мере, в какой он сохранился ко времени наблюдений. Конечно, и в этом случае наблюдатель часто отмечает отклонения от системы, касающиеся отдельных слов или форм, но они свидетельствуют не об отсутствии системы, а прежде всего о тенденциях развития диалекта.

Такие отклонения нередко характеризуют речь даже тех из местных жителей, которые вообще в наибольшей степени сохранили старый традиционный говор. Но они обычно легко выделяются из общей системы: например, при цоканье — в некоторых словах (например, новых, усвоенных из города) могут произносить *ц*; при оканье — в отдельных словах могут произносить безударное *а* (опять-таки в более или менее новых, городских по происхождению словах), при наличии особой фонемы *о́* — в некоторых словах, неисконных для говора, может произноситься вместо нее фонема *о* (например, в селе Лека Моск. обл. в слове *вол* произносится *о* вместо ожидаемого *о́*; это связано с тем, что жители Московской области не

знают волов как рабочий скот, и это слово, таким образом, для них является заимствованным) и т. д.

Во всех этих и подобных случаях нетрудно установить, что́ относится к системе традиционного диалекта и что́ является отклонением от нее, характеризующим современное состояние диалекта в его реальном бытовании.

Выбор объектов наблюдения.

§ 224. Выбор объектов наблюдения зависит от той цели, которую ставит диалектолог, описывая говор. Если он ставит перед собой исторические задачи — вскрыть прошлое говора, собрать материал для истории языка, то он должен прежде всего описать язык тех групп местного населения, которые в наибольшей степени сохранили старый традиционный диалект. То же относится в значительной мере к лицам, изучающим местные диалекты, чтобы собрать материал для диалектологического атласа русского языка.

Дело в том, что направление языковой эволюции современной деревни для всей территории русского языка одно: в сторону полного отожествления диалектов с литературным языком. Поэтому конечный этап процесса в общем един для всей территории русского языка. Отлично же для каждой территории исходное положение: тот пережиточный традиционный говор, который мог сохраниться в той или иной мере у более или менее широкого круга местного населения. Отсюда вывод: традиционные говоры разных территорий отличаются друг от друга значительно сильнее, чем говоры передовых социальных групп тех же территорий, которые (говоры) в принципе должны быть тожественны, и если они не совсем тожественны, то только потому, что мы застали их на разных этапах их пути по направлению к литературному языку.

Говоры передовых групп населения тех или иных территорий отличаются друг от друга лишь непреодоленными особенностями своих местных традиционных говоров или такими особенностями, которые появляются в результате взаимодействия местных диалектных особенностей с соответствующими особенностями литературного языка. Поэтому, если бы мы имели лингвистическую карту говоров передовых групп населения на более или менее обширной территории, мы в ней нашли бы значительно меньше диалектных отличий, чем в карте традиционных говоров той же территории. Промежуточные (между традиционным и передовым) типы говоров обычно бывают мало отстоявшимися. Кроме всего сказанного, надо иметь в виду, что процессы нивелировки говора в современных условиях протекают весьма бурно и быстро.

Для исследователей, ставящих своей задачей изучение истории данного языка и его диалектов, объектом наблюдений должны быть прежде всего носители традиционного говора. Это относится также и к тем, кто работает над диалектологическим атласом, поскольку одной из основных задач последнего является историческое изучение

языка. Однако, даже собирая материал для атласа, нужно производить наблюдения также над языком передовых групп населения — молодёжи, сельского актива. Эти наблюдения помогут установить, какие из диалектных явлений еще живут, употребляясь в языке передовых групп населения и переходя на новые слова, и какие, напротив, отмирают, сохраняясь лишь в устах носителей традиционного говора. Иными словами — эти наблюдения содействуют тому, чтобы диалектолог составил себе объективное представление о системе говора в том виде, как он реально бытует в момент описания. Естественно, что эти наблюдения не могут не внести существенных коррективов в карты атласа; они также используются в комментариях к ним.

Однако описание диалекта может ставить и другие задачи, не связанные с изучением происхождения и далекого прошлого русских говоров. Диалектолог может поставить своей целью описать язык современной деревни во всей сложности его социальной и жанрово-стилистической дифференциации, схватить те языковые процессы, которые переживает она в наши дни. В этом случае он должен в избранном им для наблюдений населенном пункте изучить язык возможно большего количества лиц, относящихся к разным группам местного населения — отсталых и передовых, старых и молодых, женщин и мужчин, разных специальностей и профессий и т. д. Далее, в пределах языка одной и той же группы населения он должен изучить разные стили и жанры языка — обиходно-бытовую речь, речь на собраниях, фольклорный язык в тех его жанрах (частушки, сказки, песни, былины и пр.), которые бытуют в местных условиях. При этом все собранные материалы должны быть строго распределены по лицам, группам населения, стилю и жанру. Такое распределение даст возможность исследователю установить основную с исторической точки зрения традиционную систему говора и на ее фоне выделить ряд переходных типов, в большей или меньшей степени приближающихся к системе литературного языка. Оно даст возможность сделать выводы о языковых процессах, переживаемых диалектом в настоящее время и в данном месте, о динамике его развития за последние десятилетия.

Условия работы диалектолога в деревне.

§ 225. Основным способом изучения диалектов являются непосредственные наблюдения над устной речью носителей диалектов, наблюдения, производящиеся специалистом-диалектологом и фиксируемые им в диалектологических записях.

Работа диалектолога в деревне — дело очень трудное и ответственное. От него требуется много такта и осторожности. Вызвать к себе доверие, установить дружеские отношения с населением, такова первая задача по приезде в деревню. Без разрешения этой задачи нельзя надеяться на успех. Эта задача достигается в разных конкретных условиях разными путями.

Применительно к условиям нашей колхозной деревни лучше всего по приезде в район установить связь с райисполкомом, районным отделом народного образования, представителями местной общественности. Желательно получить от исполкома указание сельским организациям и администрации школ о содействии диалектологу, или экспедиции, если работу ведет группа лиц. На месте необходимо прежде всего установить контакт с сельскими советскими и общественными организациями, со школой. При помощи сельского актива устанавливаются более широкие связи с местными жителями, из среды которых в дальнейшем будут выбраны объекты для наблюдений.

То обстоятельство, что диалектолог будет, так сказать, рекомендован населению местными — районными и сельскими — советскими и общественными организациями, безусловно будет содействовать установлению необходимых связей между местным населением и приезжими. Однако этого недостаточно: диалектологи должны проявить и сами немало усилий, чтобы расширить и укрепить эти связи. Прежде всего они не должны отгораживаться от общественной и производственной жизни деревни, колхоза. Прочесть свежую газету, разъяснить последние постановления партии и правительства, провести беседу по политическим вопросам, например по вопросам международной политики, дать советы местным учителям; молодежи, участвующей в экспедиции, принять иной раз хотя бы некоторое, но непосредственное участие в колхозном труде, написать письмо старухе или дать ей совет о том, как ей оформить получение пенсии и т. д. и т. п., — таковы возможные формы участия диалектологов в местной жизни. Конечно, не надо думать, что каждый из диалектологов должен участвовать во всех перечисленных видах работы, но он должен в известной мере войти в местную жизнь, в местные интересы, так как только в этом случае он приобретет в наибольшей степени доверие и авторитет среди населения, без чего его диалектологическая работа не будет иметь полного успеха. Степень участия диалектологов в местной общественной и хозяйственной жизни может быть различной в зависимости от времени их пребывания в данном месте: в случаях более длительного пребывания (например, когда собирается материал для монографии) это участие может быть более глубоким и разносторонним, чем тогда, когда работа ведется всего в течение нескольких дней.

§ 226. Приехав на место, диалектолог не должен стремиться тут же как можно больше записать. Напротив, он должен некоторое время лишь прислушиваться к говору, получить общее представление о нем, в известной мере „войти" в него, почувствовать его систему, так как только после этого он сможет выбрать для наблюдения типичные объекты, только после этого будет гарантия, что он не наблюдает язык случайных лиц с нетипичным говором.

Длительность этого предварительного периода может быть различной в зависимости от целей, которые ставит диалектолог: если он предпринял монографическое описание одного диалекта, которое

требует длительного пребывания в деревне и, возможно, неоднократного приезда туда, то, естественно, предварительный период должен быть более длительным. В этом случае и задачи этого периода могут быть более глубокие — усвоить практически местный говор, не только „войти" в него и почувствовать его, но и научиться свободно говорить на нем, хотя бы на первых порах в сфере фонетики и морфологии.

Предварительное практическое изучение говора имеет весьма большое значение: оно поможет, во-первых, при составлении всестороннего исчерпывающего описания говора изучить систему говора, так сказать, „изнутри", а не глазами постороннего наблюдателя, который не может заметить всех тонкостей; во-вторых, хотя бы частичное пользование диалектом в общении с объектом наблюдения будет содействовать большему контакту между диалектологом и объектом его наблюдений, будет содействовать тому, чтобы последний не подлаживался под городскую литературную речь, а говорил бы в полной мере на местном диалекте.

В других случаях, когда диалектолог ставит своей задачей составить лишь краткое описание говора, например, на основе составления ответов на вопросы диалектологической „Программы", и пребывание его в данной деревне ограничено несколькими днями, то период предварительных наблюдений по необходимости будет кратким и цели его будут более скромными: главным образом — обеспечить выбор типичных объектов наблюдений.

§ 227. Практически важным вопросом является вопрос о том, как должен информировать диалектолог местное население о целях своей работы. Решение этого вопроса во многом зависит от конкретных условий работы, поэтому оно может быть принято диалектологом лишь на месте. Конечно, местное население, в особенности когда будут уже налажены отношения диалектолога с ним, не может не знать, что его язык является объектом наблюдения. Но лучше всё же начать беседы в более общей форме, но зато более понятной и доходчивой. Опыт многих диалектологов говорит, что понятнее всего для местного населения, когда диалектолог говорит, что он приехал изучать историю местного края, данной деревни, что он собирает сведения о старых обычаях и преданиях, изучает хозяйство, быт, сельскохозяйственное производство и промыслы, а также язык.

Поэтому целесообразно для наблюдений над языком вести беседы на краеведческие, производственные и бытовые темы. Интерес к этим вопросам со стороны горожан вполне понятен для местного населения. Можно рекомендовать, например, такие темы, как история села, описание данной местности, окружающие села, районный центр, города, пути сообщения; сельскохозяйственные орудия, полевые работы, животноводство и вообще текущая производственная жизнь колхоза; обработка льна и тканье полотна, другие ремесла, если они имеются в данной местности (выделка рогожи, деревянных ложек, гончарное и бочарное

производства и т. д.); рыбная ловля и охота (для тех местностей, где они имеют промысловое значение), лесной промысел и сплав; описание построек (дома, усадьбы, хозяйственных построек), домашней утвари и посуды, стряпни, старинных обрядов, например похоронного и свадебного, и т. д. Одни из этих тем годятся для бесед главным образом с мужчинами, другие — с женщинами; одни — больше для разговора с пожилыми людьми, другие также и для бесед с молодежью. Наконец, разные темы для разных мест имеют неодинаковое значение. Надо суметь выбрать для данной местности, данного времени и данного лица наиболее интересные для живой беседы темы.

§ 228. Опыт многих показал, что диалектологическую работу удобнее всего вести вдвоем: один, главным образом, поддерживает разговор, другой ведет записи. Однако нередко приходится прибегать и к более крупным группам. Нужно, чтобы в каждой группе находился один более или менее опытный наблюдатель. А так как на каждого „новичка" не всегда в местных условиях может найтись один уже имеющий хотя бы некоторый опыт работник, то при первоначальном вовлечении в диалектологическую работу студентов приходится прибегать к бóльшим группам, с тем чтобы приобретшие известный опыт студенты уже в следующем году приняли на себя роль руководителя группы.

При производстве диалектологических наблюдений надо стараться меньше говорить самому наблюдателю. Его задача лишь поддерживать беседу, задавать вопросы, направлять ее по нужному руслу, во-время менять тему, если беседа иссякает. Это достигается, большей частью, короткими репликами. Во время этой беседы диалектолог ведет записи. Надо стремиться записывать связную речь, но не в ущерб точности. Поэтому нередко приходится ограничиваться записью и отдельных фраз, частей фраз, словосочетаний и даже отдельных слов.

Диалектолог должен максимально проникнуться местными интересами и даже у́же — интересами и жизнью тех лиц, язык которых подвергается наблюдению. Только в этом случае можно достигнуть полного успеха. Для этого диалектолог должен проявить много такта в общении с местными жителями, в беседах с ними, в своем образе жизни и т. д.

Если наблюдатель владеет местным диалектом (благодаря предшествующему изучению его или благодаря своему местному происхождению), то весьма целесообразно в беседе при производстве записей пользоваться им: это будет содействовать установлению контакта и доверия, сближению с местным населением, а также тому, чтобы объект наблюдения не приспосабливал свою речь к языку городского жителя, не пытался говорить „по-образованному", а пользовался бы в полной мере местной речью. Многие диалектологи отмечают, что в разговоре с посторонними, приехавшими из города, местные жители пытаются говорить иначе, чем между собой. Нередко отмечали, что местный житель в общении с приезжими из

города, начав свою речь языком более или менее близким к городскому, затем, — если тема разговора близка ему и захватывает его за живое, — увлекаясь, постепенно переходит к чистому диалекту (например, в начале он акал, различал *ц* и *ч*, а потом начинает все больше окать, употреблять *ц* вместо *ч* и т. д.).

Итак, диалектолог должен больше слушать, чем говорить сам. Еще лучше, если создаются условия, при которых диалектолог может только вести наблюдения, не принимая участия в разговоре. Это имеет место при беседе местных жителей между собой, на собраниях и т. д. В этом случае в наибольшей степени гарантируется отсутствие влияния на речь местных жителей со стороны приезжего — диалектолога. Особенно удобно вести наблюдения при разговоре местных жителей между собой в тех случаях, когда диалектолог останавливается в семье, представители которой могут служить объектами наблюдения. Живя вместе с ними, прислушиваясь к их разговору между собой, диалектолог может получить особенно достоверный материал.

Срок пребывания диалектолога на месте определяется теми задачами, которые он ставит: для детального монографического описания необходимо длительное изучение говора на месте, нередко требуется неоднократный приезд в то же место; описание говора по программе, например по программе Института русского языка, требует от двух-трех диалектологов 4—6 дней (в зависимости от степени подготовки и наличия опыта). Выше уже было указано, какое большое значение имеет первоначальный предварительный период ознакомления с говором, когда диалектолог делает наблюдения, но еще не фиксирует их в записи. Одна из главных задач этого предварительного периода — выбрать типичные объекты наблюдения.

§ 229. Язык скольких местных жителей должен наблюдаться? Ответ на этот вопрос будет также различным в зависимости от целей изучения. При монографическом описании говора требуется наблюдение над языком возможно большего количества лиц и при том относящихся к самым разным группам местного населения — активистов, передовиков и рядовых колхозников, старых, молодых и детей, мужчин и женщин и т. д. При собирании материала по программе Института русского языка для диалектологического атласа требуется описание традиционного местного говора, который в большей степени обыкновенно сохраняется в устах старшего поколения, в особенности женщин, в устах тех групп населения, которые не связаны по своей работе с поездками в город. Однако дополнительный материал должен быть собран и от других групп населения, в том числе молодежи, сельского актива и т. д. Таким образом, и в этом случае количество лиц, язык которых подвергается наблюдению, не должно быть очень маленьким. Нельзя описывать говор данного села, даже по программе, на основании наблюдений над языком одного лица, так как в этом случае не будет уверенности в том, что собранный материал действительно характеризует говор села, а не индивидуальные особенности речи данного лица. Количество

объектов наблюдения зависит от величины населенного пункта: одно дело — какой-нибудь починок на севере в 5—10 дворов, другое дело — большое село в центральных областях и на юге, имеющее нередко 500—1000 и больше дворов.

Естественно, что во втором случае нужно произвести наблюдения над языком большего количества лиц, чем в первом случае, чтобы убедиться в однородности говора данного населенного пункта и типичности избранных объектов. Но даже и для небольших населенных пунктов количество объектов наблюдения не должно быть меньше 3—4, так как только в этом случае можно быть более или менее уверенным в типичности собранного материала.

Надо иметь в виду, что иногда говор одного населенного пункта, в особенности большого, бывает неоднороден: в разных „концах" одного села распространены разные диалектные особенности. Такие случаи, например, отмечены в с. Горы Озерского р. Московской области (по наблюдениям Л. Н. Булатовой), в с. Долгинино Солотчинского р. Рязанской обл. (по наблюдениям Г. А. Касвин), в с. Кануевка Городищенского района Пензенской обл. (по наблюдениям А. Н. Гвоздева) и др. Это объясняется обычно исторической неоднородностью местного населения — тем, что одна часть населения, например, — потомки „однодворцев", а другая — помещичьих крестьян; одна часть — потомки дворовых местного помещика, другая — помещичьих, государственных или монастырских крестьян и т. д. Естественно, что если диалектолог обнаружит два говора в одном селе, он их должен изучить раздельно, наблюдая для каждого из них говор достаточного количества лиц.

Собирание общих сведений о селе.

§ 230. Из сказанного выше уже ясно, какое большое значение для диалектологических изучений имеет получение общих сведений о селе и его населении.

Необходимо записать точное название данного населенного пункта с указанием сельсовета, района, области. Если населенный пункт имеет несколько названий, то надо привести все в орфографическом написании и фонетической транскрипции, обязательно с указанием ударения. Весьма полезно отметить расстояние до ближайшей ж.-д. станции, пристани, города, до районного центра, с указанием направления (например, на юг, на северо-запад и т. д.). Все это поможет легче найти соответствующую точку на карте.

Иногда местное название населенного пункта расходится с официальным, указанным на карте. В этом случае обязательно надо записать оба: официальное название поможет найти данный пункт на карте, а местное — может иной раз дать те или иные важные сведения (например о том, откуда пришло в данную местность население, к какой группе крестьянства оно принадлежало ранее, и т. д.).

Следует указать, какие культурные учреждения существуют

в данном селе и как давно они существуют; какие промыслы — на месте или отхожие — развиты или были развиты в прошлом; куда уходит или уходило раньше население на заработки, и т. д.

Очень важно из бесед со стариками получить все возможные сведения по истории данного населенного пункта и его населения: как давно он существует, откуда пришло сюда местное население, к какой социальной группе относилось местное население в прошлом: к однодзорцам, государственным, помещичьим крестьянам, и т. д. Обязательно следует узнать, не имеет ли местное население каких-либо названий (например, саяны, цуканы, щекуны, литва, баляки, паны, мещера и т. д.).

Все это поможет лучше осмыслить собранные языковые факты, выяснить пути развития данного говора за последнее время, иной раз за целое столетие и больше.

Следует поинтересоваться, нет ли местных архивов (административных, церковных) в данном пункте или районном центре, и, если есть, познакомиться с ними: архивные материалы могут также пролить свет на вопросы истории данного населенного пункта и его населения, а также послужить дополнительным источником наблюдений над языком (многие местные документы могли быть писаны местным жителем и потому отразить те или иные местные языковые особенности).

Само собой разумеется, что все материалы по диалектологии должны быть снабжены указаниями о том, кто и когда собирал их.

Паспортизация диалектического материала.

§ 231. Производя диалектологические записи, всегда нужно указывать, от кого сделана запись: фамилия, имя, отчество. О лицах, от которых производятся записи, должны быть собраны следующие данные: возраст, пол, степень грамотности и образования, род работы, профессия или специальность. Весьма желательно выяснить, бывало ли данное лицо на стороне, в городах и каких именно, как долго жило в них и чем там занималось.

По возможности не должно быть анонимного материала: перед каждой записью в книжке нужно сделать пометку, указывающую, от кого велась запись. Если один и тот же наблюдатель записывает речь двух лиц, то это удобнее делать на развороте книжки, с тем чтобы записи от одного лица заносились на левую сторону, а от другого — на правую. Если наблюдателей двое, то удобнее каждому из них записывать речь одного из говорящих.

Порой случается сделать записи от какого-нибудь неизвестного наблюдателю жителя деревни при случайно сложившихся обстоятельствах. Если речь такого лица соответствует типу говора данной местности, то записанный от такого лица материал может быть использован при описании говора, но обязательно с указанием на то, что он записан от неизвестного лица.

При дальнейшей работе над собранным материалом последний должен обрабатываться отдельно для каждого лица, от которого были сделаны записи. Отличия в языке отдельных объектов нередко объясняются их биографией (степенью грамотности; тем, жили они в городах или нет, и т. д.). Четкое разграничение материалов, собранных от разных лиц, поможет исследователю отделить типичное от случайного для данного говора. Лишь в том случае, если по обработке материала окажется, что в материалах, записанных от разных лиц, нет существенных различий, последние могут быть объединены в последующем описании говора.

Отсутствие четкой паспортизации материала не даст возможности исследователю установить систему говора и отклонения от нее; среди последних — черты старые и новые, отживающие и зарождающиеся.

Проведение наблюдений над говором.

§ 232. Диалектологические записи должны делаться на основе наблюдений над обычной непринужденной речью местных жителей. Записываются отрезки речи такой величины, которую удается наблюдателю передать в достаточно точной фонетической записи.

Как было указано выше, лица, язык которых подвергается наблюдениям, как правило, во всяком случае в момент производства наблюдений, не точно представляют себе цели наблюдателя. Они скорее полагают, что последний интересуется бытом, тем или иным промыслом, обычаями, чем собственно языком, т. е. скорее содержанием беседы, чем её формой. И в области языка они больше знают об интересе наблюдателя к названиям тех или иных чисто местных предметов и вещей, связанных с различными сторонами местного быта и хозяйства, чем об изучении им произношения и форм, т. е. строя языка. Желая получить материал наиболее типичный для обыденной разговорной речи местных жителей, диалектолог не должен подсказывать предполагаемые им формы или слова: его задача — непосредственно услышать в речи своих объектов нужные факты. Отсюда важное правило — по возможности не ставить прямых вопросов: „произносят ли у вас так-то?“ или „употребляют ли у вас такое-то слово или форму?“ и т. д. Такие вопросы приводят к стереотипным ответам „да“ или „нет“, „говорят“ или „не говорят“, и притом — к ответам не всегда верным, так как объекты наблюдений иногда, в особенности после длительной беседы с диалектологом, утомившись, часто отвечают невпопад или дают ответ, который, как им кажется, более устраивает диалектолога или, наконец, дают ответ более соответствующий их представлению о городском языке „образованных“ людей.

Итак, основной материал должен собираться не путем опроса, а путем наблюдений над свободной диалогической и отчасти монологической речью местных жителей. Но это не значит, что метод опроса абсолютно не может применяться.

§ 233. Метод опроса может применяться, прежде всего, при сборе материала по лексике в той части, когда речь идет о названии различных предметов и вещей сельского обихода при непосредственном ознакомлении с этими предметами и вещами. Вопросы: „что это такое?" и „как это называется?" вполне законны в таких случаях и даже необходимы. Но даже в отделе лексики, когда наблюдатель-диалектолог хочет выяснить, употребляется или нет то или иное слово и каково его значение, метод прямого опроса будет малопродуктивным и малонадежным. Можно, конечно, спросить: „употребляется ли у вас слово *виски*?". Но ответ как положительный, так и отрицательный не может служить доказательством наличия или отсутствия в говоре данного слова. Тем более мало дозерия будет и ответу на вопрос типа: „что означает у вас слово *мост — сени? пол? лавка?*" Что касается нетерминологической лексики (ср., например, слова, обозначающие понятие *очень*), то её вообще почти невозможно вызвать путем прямого опроса, а можно лишь услышать в речи наблюдаемых лиц.

§ 234. При наблюдениях над другими сторонами говора — фонетикой, морфологией, синтаксисом, метод прямых вопросов при собирании основного материала вообще не должен применяться. Однако это не значит, что он абсолютно не может применяться при известных условиях. Все дело в такте диалектолога, в чувстве меры, в умении вести беседу, ставить наводящие вопросы. Когда основной материал уже собран, когда у диалектолога установились особенно близкие, основанные на полном взаимном доверии отношения с некоторыми из объектов наблюдения, в особенности, если обнаружились среди них лица, обладающие врожденным чутьем языка (такие лица нередко попадаются среди местных жителей), — то можно кое-какие оставшиеся неясными или не вполне ясными пункты выяснить путем разного рода вопросов.

Прежде всего надо иметь в виду, что не только в лексике, но также и фонетике и морфологии мы имеем дело часто с отдельными словами или ограниченными группами слов (ср., например, мягкое или твердое *р* в словах *первый, серп, верба, четверг, верх* и еще немногих; произношение *держим, дёржим* или *доржим* в одном слове; разное произношение долгой звонкой шипящей в ограниченном круге слов *вожжи, дрожжи, визжать, дождик* и еще нескольких; формы *дашь* или *даси, ешь* или *еси* в двух-трех словах; *печешь, пекёшь* или *пекошь* в ряде глаголов I-го спряжения с основой на *к, г* и т. д.). В свободной беседе эти слова могут долго не попасться. Здесь может существенно помочь метод тематических бесед и наводящих вопросов. Если вы хотите узнать, как образуются многие формы и инфинитив от *пеку*, то заведите беседу о печении хлеба. Некоторые из форм этого глагола сразу попадутся, других все же не окажется. Здесь будет уместно приступить к наводящим вопросам: — А что ты делаешь, бабушка? — спрашиваете вы, видя, как женщина печет хлеб. *А хл'ибец'-от п'оку́, ба́т'ушко.* — А тетка Орина что сейчас делает? — *А хто ejo знат, ба́т'ушко.* — А она что же

покупает хлеб-от? — *А н'ет, бат'ушко; у нас пекóново-то не бывáт хл'ебу-ту; и она п'екóт* (Записано в Поветлужье в 1928 г.). Таким образом вам удается вызвать формы *п'екóново, п'екóт;* таким же образом, продолжив беседу, можно вызвать формы *п'екцй* или *пект'й.* Если хотите узнать формы глагола *запрягу,* заведите беседу о лошади и работе с ней, и вам удастся услышать нужные формы этого глагола.

Однако тематическая беседа и наводящие вопросы не всегда приводят к цели, так как за говорящим всегда сохраняется свобода выбора слов-синонимов и построения фразы, а последним определяется и форма слова, не всегда совпадающая с той, которая нужна диалектологу. В этом случае диалектолог должен подобрать вопрос так, чтобы в ответе на него обязательно было употреблено нужное слово и в требуемой форме. Трудность здесь заключается в том, что диалектолог не должен употребить эту форму, чтобы тем самым не повлиять на речь отвечающего. Сначала придумывание таких вопросов требует много времени, раздумий, изобретательности, но с течением времени у наблюдателя вырабатываются штампы, которыми он с успехом пользуется в каждом новом пункте.

Иногда бывает так, что в ответе на вопрос одного из собеседников употребляется нужное слово, но не в той форме, которая требуется, или вместо него употребляется местоимение. В таком случае другой собеседник-диалектолог, как бы не расслышав, переспрашивает, строя вопрос так, чтобы в ответе обязательно появилась нужная форма.

§ 235. Нередко попадаются такие люди, часто даже старые, неграмотные, но с изумительно развитым чутьем языка, которые, не имея понятия о грамматике, быстро догадываются, что́ от них требуется, и бойко „склоняют" и „спрягают", вставляя нужное слово в предложение-трафарет, которое предлагается наблюдателем: вышла из... *тово дóму;* живу в... *т'ем дому́*; жила у... *с'естр'é*; поехала к... *с'естр'é;* она купила ситцу, я завтра тоже...*кýп'у;* наши соседи тоже ситцу...*кýпють*; они сегодня намолотили много, а я завтра еще больше...*намалóт'у*, и т. д.

Следует иметь в виду, что „склонять" и „спрягать" нужно не только при наблюдениях над морфологией, но также при собирании сведений по фонетике. Вот вы услышали фразу: *с'алд ф-п'ят'й в'ирстáх,* и хотите получить другие падежные формы, чтобы установить тип яканья. Методом вопросов-трафаретов вы получаете: откуда пришел председатель? — *Ис-с'ила́*; а где он живет, председатель-то? — *А ф-с'ал'é.* — Мы подъехали к ...*с'алý*; поле начинается за...*с'илóм.* Таким образом выясняется диссимилятивное яканье архаического типа. Такие же данные можно получить, заставив проспрягать глагол *везти*: я завтра дрова ... *пр'ив'азý;* он дрова завтра...*пр'ив'ез'ét'*; они завтра дрова... *пр'ив'азýт';* я вчера дрова... ...*пр'ив'изла́.*

Основное правило в собирании недостающего материала путем наводящих вопросов и вопросов-штампов, трафаретов заключается

в том, чтобы не произносить нужной, искомой формы, а пользоваться только теми формами данного слова, которые ранее были отмечены в речи данного лица и записаны.

§ 236. В этой окончательной стадии работы можно вести уже вполне откровенные беседы о языке, узнать отношение своих собеседников к тому или иному произносительному варианту, форме или слову. Вы можете услышать где-нибудь, что *н'ас'ém'*, *в'ад'ém'* они не скажут, а говорят: *н'ес'ém'*, *в'ед'ет'*, да и то только старухи, а люди помоложе да пограмотнее скажут: *н'ис'óт'*, *в'ид'óт'*. В другом месте вам объяснят, что говорят *с'острá*, *с'острý*, но *к-с'остр'é* не скажут, а обязательно говорят *к-с'естрé*. Вам дадут подробные разъяснения о значениях тех или иных слов. Народный опыт велик и богат, но нужно уметь открыть эти богатства, суметь ими воспользоваться. А для этого от диалектолога требуется много умения.

§ 237. Фонетический и морфологический материал можно записать во время беседы на любую тему. Основной материал по этим разделам можно собрать путем свободной беседы. Однако ряд вопросов потребует более специальной тематической беседы, наводящих вопросов, фраз-трафаретов. Материал по лексике можно собрать частично путем прямой постановки вопросов. Однако и здесь наиболее ценным окажется материал, полученный из сплошной записи свободной речи, где нужное слово употреблено в естественных условиях, в типичном контексте. Иными словами, лексический материал в значительной мере извлекается из тех же записей, которые послужили для собирания сведений по фонетике и морфологии.

Едва ли не наиболее трудным разделом для наблюдений является синтаксис. Трудность здесь объясняется, прежде всего, тем, что синтаксические наблюдения требуют записи связных текстов или хотя бы целых фраз, в то время как для фонетики и морфологии часто бывает достаточно записи отдельных словосочетаний и слов, что дается значительно легче, чем запись связной речи. Описание синтаксической системы трудно еще потому, что последняя может быть выявлена лишь на основании очень большого количества записей, проведенных в течение длительного времени. Нужно записать весьма большое количество связанных текстов и фраз, чтобы встретились все основные, характерные для говора синтаксические конструкции. Между тем диалектологу редко приходится быть очень долго на одном месте.

В заключение дадим несколько более общих и частных советов.

§ 238. При первых записях наблюдатель вносит в свою книжку все, что он успевает записать фонетически. В дальнейшем, по мере предварительной обработки материала, когда выясняется, что на одни явления материал уже получен в виде большого количества примеров, на другие — материал имеется, но мало примеров, а для ряда явлений он вовсе отсутствует, — наблюдатель специализирует свои записи, уделяя преимущественное внимание таким явлениям, по которым мало или вовсе нет материала. Материал должен соби-

раться до тех пор, пока не будут отмечены все нужные явления или даны ответы на все вопросы программы, если работа ведется по программе. Отсутствие ответа по некоторым вопросам может привести в дальнейшем к невозможности составить многие карты атласа (если материал собирается для атласа).

§ 239. Диалектологические записи нередко разнятся в зависимости от того, собирается ли материал для фонетики, морфологии, синтаксиса или лексики.

Материал, собираемый для фонетики, всегда может быть использован и для морфологии: ведь и для фонетики нужен хотя бы минимальный контекст, и поэтому чаще всего записываются короткие фразы или отрезки фраз. Даже запись отдельных слов обычно также может послужить материалом для морфологии, так как форма их большей частью бывает ясна сама по себе. В тех же случаях, когда форма слова, записанного отдельно, неясна, при нем надо сделать грамматическую помету (например, указать падеж, род и т. д.). Однако рекомендовать запись отдельных слов не следует. С другой стороны, богатый материал для морфологии можно извлечь из записей, сделанных для изучения синтаксиса. Таким образом, многие сведения для морфологии могут быть извлечены из материалов, собранных для фонетики или синтаксиса. Однако раздел морфологии безусловно потребует также производства специальных наблюдений. В записях по морфологии интересующая наблюдателя форма должна быть дана в контексте и обязательно снабжена ударением. Записи для морфологии должны производиться фонетически.

Прямая постановка вопросов, в которых бы фигурировало интересующее наблюдателя слово, при собирании материала по фонетике и морфологии, как было уже сказано, не может быть рекомендована. Только в том случае, когда к концу обследования выясняется невозможность собрать материалы по некоторым явлениям, опытный диалектолог может позволить себе попытку в косвенной форме подвести наблюдаемое лицо к употреблению нужной формы.

§ 240. Записи, которые послужат материалом для описания синтаксиса, должны представлять собой точную и полную передачу звеньев связной речи, но ни в коем случае не быть переложением их применительно к собственным языковым навыкам и нормам наблюдателя. Само собой разумеется, что при записях для синтаксиса нельзя пропускать или вставлять что-нибудь, менять порядок слов или их форму и т. п. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что невозможно точно и полно записывать оживленный рассказ или быстро протекающий диалог. Поэтому при записях по синтаксису надо, не обязательно стремясь к точной транскрипции (в этом случае записи не используются для фонетики), записать возможно более законченные фразы и более крупные отрезки речи. Такие записи целесообразно вести одновременно нескольким лицам. Сверка записей тотчас по их окончании поможет избежать неполноты или неточности индивидуальной фиксации.

§ 241. Лексические материалы по первой части раздела лексики программы Института русского языка АН СССР — „Как у вас называется" — собираются, главным образом, путем прямой постановки вопросов обследуемому лицу. При этом желательно давать краткие описания предметов или производственных процессов, с которыми связано то или иное слово, а также по возможности записать тот контекст, в котором было употреблено интересующее наблюдателя слово. Желательно этот материал в необходимых случаях сопроводить зарисовками, например, сельскохозяйственных орудий и их частей, предметов утвари, одежды, построек и их частей и т. д. В некоторых случаях целесообразно составить план (например, двора, распределения помещений в избе и т. д). В случае, если тот или иной предмет называется не одним, а двумя (или несколькими) словами, необходимо привести эти слова и указать, какое из них местные жители считают исконным, более старым для их местности, и какое, напротив, более новым.

§ 242. Неопытный наблюдатель часто записывает лишь то, что резко отклоняется от нормы его языка, обычно от норм литературного языка, не отмечая в своих записях те черты говора, которыми последний сходится с литературным языком.

Так, например, при наличии колебаний в говоре он записывает случаи цоканья, точнее — употребления звука *ц* вместо *ч*, и проходит мимо случаев с этимологически правильным *ч*; записывает слова с γ, но проходит мимо случаев с *г*. Знакомящийся с таким материалом может подумать, что перед ним говоры с цоканьем, фрикативным *г* (γ), в то время как на самом деле это могут быть говоры, сохранившие лишь остатки этих явлений.

Еще больше недоразумений окажется в тех случаях, когда языковое явление представляет сложную систему реализации ряда фонем в определенных фонетических условиях, хотя и в разных, но всегда совпадающих между собой вариантах. Таково, например, яканье. Представим себе, что наблюдатель записал случаи *јавó, јамý*, но пропустил такие случаи, как *н'ислá, н'исý, н'ис'и́* и другие подобные, как не заключающие в себе ничего интересного, не отличающиеся, в общем, от соответствующих форм литературного языка. Знакомясь с таким материалом, можно подумать, что перед нами якающий говор, что может оказаться неправильным. Местоимение, как известно, представляет собою такую категорию, в которой часто наблюдаются отклонения от общих произносительных норм. В частности, известны последовательно икающие говоры (например, в юго-западном Подмосковье), в которых, однако, произносится *јавó, јамý*. Такой именно говор, видимо, и встретился наблюдателю. Другой пример: наблюдая говор с одним из типов яканья, неопытный наблюдатель нередко записывает лишь случаи с *а* в предударном слоге, пропуская, напротив, случаи с *и* (или *е*). В его записях находим, например, *в'асны́, н'ас'ý, пр'ив'аз'и́*, но как произносят, например, слова *весна, деревня, летела* и т. д., остается неизвестным. Поэтому остается неизвестным и тип яканья.

Возможно, что он не записал этих слов, так как они произносятся „правильно", тогда, следовательно, в говоре — диссимилятивное яканье; но, возможно, его наблюдения лишь ограничились записанными словами, т. е. другие слова с другим положением предударных гласных ему не встретились. Как известно, для того, чтобы установить тип яканья, требуется записать примеры на весьма большое количество положений (перед твердой и мягкой согласной; перед разными ударенными гласными), вне зависимости от того, произносится ли в том или ином положении звук, сходный с литературным языком или отличный от него. Но для того, чтобы записать примеры на все нужные положения, наблюдатель заранее и хорошо должен быть знаком со структурой яканья, его возможными типами и разновидностями, со всеми потенциальными фонетическими условиями, с типичными исключениями и т. д. Без этих предварительных сведений обычно получается дефектный материал.

Напомним, что ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа отличается от сильного только тем, что при ударенном *е*('*о*) в предударном звучит „не-*а*" (*н'ес'е́ш, д'ер'е́вн'а*). Если наблюдатель слова с этим положением предударной гласной не записал, ввиду их совпадения с соответствующими формами литературного языка или потому, что они ему не попались, то, интерпретируя такие записи, нельзя определить тип яканья; можно лишь сказать, что говору свойственно или сильное, или ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа. Однако так как последнее до недавнего времени считалось редким, то на основе таких дефектных материалов обычно определяли сильное яканье. Между тем широкие обследования рязанских и других говоров за последние годы свидетельствуют о том, что ассимилятивно-диссимилятивное яканье в них распространено довольно широко.

§ 243. В еще большей мере надо предостеречь наблюдателя от того, чтобы он записывал какие бы то ни было языковые явления не в момент произнесения, а спустя известное время, по памяти и по общему впечатлению от говора. Это абсолютно недопустимо. Представьте себе, что наблюдатель записал случаи *н'асла́, с'ало́, с'алу́, с'ало́м, ф-с'ал'е́, стр'ал'а́т', γл'ад'у́, н'ас'и́* и т. д. Говор безусловно якающий, причем *а* в 1-м предударном слоге произносится во многих положениях как перед твердым, так и перед мягким согласным, при наличии под ударением самых разных гласных. И вот на основании этого общего „якающего" впечатления по памяти наблюдатель дополнит свой материал случаями вроде *н'ас'о́ш, б'ар'о́м, пл'ат'е́н'* и т. д., в то время как если бы он записал эти слова непосредственно на слух, в момент произнесения, то он услышал бы *н'ес'о́ш, б'е'р'е́м, пл'ет'е́н'*. В этом случае уже не только нельзя будет точно определить тип яканья, но будет сделан заведомо неправильный вывод о сильном яканье, в то время как в говоре представлено яканье ассимилятивно-диссимилятивное.

§ 244. Следует отметить, что значительная часть фонетических явлений наблюдается без труда лицами, имеющими средний слух.

Необходима только известная предварительная подготовка по фонетике и знакомство с фонетическими явлениями русского языка в его говорах, чтобы будущий диалектолог научился слушать то, что обычно он, слыша, так сказать, пропускал мимо ушей. Как искусствоведы „открывают глаза" на картину, учат видеть картину, так должны быть „открыты уши" будущего диалектолога, он должен научиться слушать, фиксировать внимание на существенном для фонетики, которое для обычного нелингвистического слуха нередко может казаться несущественным.

Однако есть и такие явления, для наблюдения которых требуется более изощренный слух и более серьезная фонетическая подготовка. Так, например, известные затруднения бывают с наблюдением звука *ê* под ударением перед твердой согласной, а также звука *ô*. Дело в том, что степень закрытости этих звуков бывает неодинаковой по говорам: в одних говорах она меньше, в других — больше, хотя и всегда отличается от *е* и *о*. Наблюдатель, привыкший к системе литературного языка, где под ударением перед твердой согласной представлены *е* (открытое) и *и* и неизвестно *ê*, при слабой закрытости слышит обычное *е* (открытое), а при сильной закрытости на месте *ê* воспринимает *и*. Отсюда записи *л'éто, в'éра, б'éлоj, с'ел* в первом случае и *л'йто, в'йра, б'йлоj, с'ил* — во втором. Сказанное относится также к различению *о* и *ô*. Многие наблюдатели не слышат его сразу. Достаточно сказать, что академик А. А. Шахматов не мог услышать этот звук в с. Лека, пока на него не указал местный житель Гришкин, язык которого подвергался Шахматовым наблюдению. Оказывается, что то, чего не замечал академик А. А. Шахматов, привыкший к системе литературного языка, четко различал крестьянин Гришкин, так как в его языке эти звуки представляли особые фонемы.

При слабой закрытости *о* наблюдатель нередко не отличает *ô* от *о* и соответствующие слова записывает с *о*; напротив, при сильной закрытости он на месте *ô* слышит *у* и записывает, например, *валýга, лýфцы* (название деревни Ловцы), *карýка, карýф* и т. д.

Чтобы научиться различать эти звуки, надо прежде всего знать, в каких словах и морфемах они могут встретиться, и специально прислушиваться к ним. Очень важно научиться самому произносить эти звуки, что требует определенной фонетической тренировки и не всегда дается легко.

Подобного рода трудности встречаются и при наблюдениях над консонантизмом. Нелегко наблюдается, например, степень мягкости согласных, в особенности перед мягкими согласными (например, *с'в'ém, раз'н'óс, м'éд'в'éд'*), наличие у мягких *с'*, *з'* шепелеватого оттенка (*с'ш'в'ет, з'ш'м'ejá*), наличие фрикации у мягких *т'*, *д'*, а также степень фрикации и качество фрикативного элемента (например, *д'з'в'е, д'з'в'е, д'з'в'е, д'ж'в'е, д'ж'в'е* и т. д.), качество аффрикаты, в которой при цоканье совпадают фонемы *ц* и *ч* (твердость — мягкость, соотношения между взрывным и фрикативным элементом,

возможность шепелеватого произношения и т. д.). Особо следует отметить, что при мягком цоканье неопытный наблюдатель *ц'* может принять за *т'* и записать *т'aj*, *т'ас'* вместо *ц'aj*, *ц'ас*. Это может объясняться тем, что в системе литературного языка, которым обычно владеет наблюдатель, нет мягкого *ц*, и ближайшим к нему звуком является мягкое *т* (*т'*), которое кстати и в литературном языке может произноситься с легким свистящим фрикативным элементом (*т'*$^{с'}$). Здесь, как и в других случаях, неопытный наблюдатель неизвестное ему может заменить известным.

§ 245. Другого рода ошибки характерны для наблюдателя — местного жителя или вообще лица, полностью или частично говорящего на диалекте. Такие наблюдатели нередко не замечают очень типичных и легко наблюдаемых посторонними явлений, например, не замечают качества отдельных фонем: фрикативный, а не взрывный характер *г* (γ), особое „среднее" образование *л* (*l*), утрату интервокального *j* в глаголах, например, *знáэт*, *собирáэт* и т. д. Один студент-филолог, коми по национальности, с хорошей лингвистической подготовкой, долгое время не мог заметить шепелеватый характер мягких *с'* и *з'* в своем произношении, а также вообще в русском произношении как комийцев, так и русских на территории Коми АССР (*с'*$^{ш'}$*в'ёт*, *рáз'*$^{ж'}$*в'е* и т. д.).

Поэтому диалектологические записи весьма полезно снабжать не только указанием на то, кто записывал, но и на то, откуда он происходит, в каком отношении он находится к данному месту, как долго там жил и пр.

§ 246. Из сказанного выше видно, что ответственность диалектолога за его работу на месте чрезвычайно велика. В то время как работа исследователя письменного памятника может проверяться и контролироваться другим исследователем, последующими поколениями, так как письменный памятник доступен для обозрения и исследования многих, — устная речь доступна наблюдению лишь в момент произнесения, когда осуществляется акт речи. Поэтому диалектологические записи почти не могут быть проверены и проконтролированы другим лицом позднее, не в том месте, где произведена запись. Даже в том случае, если удастся произвести вторичные наблюдения над языком того же лица и встретить уже записанные факты, и в этом случае нельзя отожествить факты старой и новой записи: при новом наблюдении, в другое время, при другой ситуации, через известный промежуток времени могло иметь место произношение, отличное от того, что было отмечено в старой записи.

Итак, особая ответственность ложится на диалектолога: его нельзя проверить, и потому он должен быть чрезвычайно осторожен, чтобы не ввести в заблуждение других, не вызвать в науке ложных выводов, не соответствующих действительному положению вещей.

Имеются два рода недостатков в записях: диалектолог не все заметил, что есть в говоре, и он отметил то, чего нет в говоре.

Недостатки первого рода в известной степени неизбежны и понятны: они зависят от степени его подготовки, которая должна непрерывно совершенствоваться, от количества времени, в течение которого производились наблюдения. Недостатки же второго рода нетерпимы и могут принести большой ущерб науке: диалектолог должен фиксировать в своей записи лишь то, в чем он абсолютно уверен. Всё, в чем он не уверен, что вызывает сомнения, он должен еще и еще проверять, делиться сомнениями с товарищами по работе, совместно с ними производить наблюдения и лишь по окончательном выяснении вопроса фиксировать в записях. Если же вопрос не удается окончательно выяснить, то рядом с соответствующими записями необходимо изложить все сомнения наблюдателя.

Большое будущее в изучении живой речи принадлежит звукозаписи, которая для того, чтобы быть фонетически записанной при помощи транскрипции, может быть воспроизведена сколько угодно раз. Только в этом случае фонетическая запись связной речи и притом в абсолютно точной форме — в смысле порядка слов, пауз, интонации и пр. — будет полностью обеспечена, и наблюдения диалектолога станут доступны проверке и контролю, как и наблюдения над языком письменного памятника.

Фонетическая транскрипция.

§ 247. Диалектологические записи вообще должны вестись фонетически. Это совершенно необходимо при записи материалов для фонетики и морфологии. Что касается материала по лексике, то желательно его записывать и орфографически, и фонетически, чтобы не было сомнений в фонематическом составе слова. Так, например, если будет записано *ка́т'ц'а*, то мы не сразу догадаемся, что это *кадца* — слово, родственное словам *кадь*, *кадка*, *кадочка* и т. д. В других случаях желательно дать разные формы слова, чтобы полностью обнаружить его фонематический состав. Например, слово *хр'епту́к* может иметь на конце фонему *г* или *к*; то же относится к конечной согласной суффикса в словах *мал'йн'ик*, *ивн'ак*. Поэтому рядом с этими словами в им. п. ед. ч. следует записать формы косвенных падежей — *малйн'ика* или *мал'йн'ига? ивн'ака́* или *ивн'ага́?*

Для наблюдений над синтаксисом нужна запись связных текстов и целых фраз. Записать связные тексты фонетически — дело трудное, а для начинающего и невозможное. Поэтому записи материала для синтаксиса можно производить и орфографически, но тогда его нельзя использовать для фонетики и лишь частично можно использовать для морфологии. Некоторые применяют такой прием: в основном записывают обычной орфографией, но некоторые слова или части слов подчеркивают; подчеркнутые места используют не только для синтаксиса, но также и для фонетики. В идеале же, конечно, всякая диалектологическая запись, в том числе и для синтаксиса, должна быть сделана фонетически.

§ 248. Существуют разные системы фонетической транскрипции. Различны их алфавиты, диакритические и иные дополнительные знаки, различна степень детализации в обозначении звуков речи. В русской науке применительно к изучению звуковой стороны русского языка в его говорах наиболее распространена транскрипция, принятая Академией наук СССР при собирании материалов для диалектологического атласа русского языка. Она принята в настоящей книге (с некоторыми добавлениями в необходимых случаях) и рекомендуется в практической работе по русской диалектологии.

Эта транскрипция строится на основе русского алфавита с привлечением немногих букв латинского и греческого алфавитов, а также нескольких диакритических знаков. Вот ее краткое описание.

§ 249. Обозначение гласных. Для обозначения гласных звуков употребляются следующие знаки:

и ê е а о ô у ь ъ ы i͡е u͡о

Замечания к отдельным знакам:

1. Знак *ê* служит для обозначения так называемого „закрытого" или „узкого" *е*, отличающегося от *е* „открытого" или „широкого" (обозначаемого знаком *е*) несколько более высоким поднятием спинки языка и большей напряженностью языкового тела. Например, *л'êто, с'êно, н'êт, гд'ê* в ряде русских говоров. Особенно важно отмечать наличие звука *е* „закрытого" в тех говорах, в которых его употребление не обусловлено, как, например, в русском литературном языке, положением перед мягким согласным (ср.: *кл'êт'*, при *л'étъ, нъ-стал'é*), в которых, иными словами, *ê* произносится перед твердым согласным и на конце слова, образуя особую фонему.

После шипящих и *ц*, если они тверды, артикуляция *е* заметно отодвигается назад (ср.: *шест* и *тесто*). Отодвижка артикуляции назад может обозначаться знаком *э* (*шэст, жэст*). При этом звук *э*, как и *е*, имеет две основные разновидности — более открытую (*э*) и более закрытую (*э̂*). Последняя, как и для *е*, обусловлена мягкостью последующего согласного (*шэ̂с'т', жэ̂с'т'*). Однако употребление знаков *э* и *э̂* не является необходимым, так как наличие *э* (т. е. более заднего оттенка *е*) целиком обусловлено твердостью предшествующего согласного и характеризует все русские говоры в той мере, в какой представлены в них предшествующие твердые согласные, ввиду чего эта черта не является особенно существенной при изучении русских говоров.

2. Знак *ô* служит для обозначения так называемого „закрытого" или „узкого" *о*, отличающегося от *о* „открытого" или „широкого" (обозначаемого знаком *о*) несколько более высоким поднятием спинки языка, большей степенью лабиализации, большей напряженностью языкового тела. Ср., например, в ряде вологодских, части ветлужских, рязанских, в лекинском и других говорах *пôл'о*, но *вôл'а, сырôj* (им. п. ед. ч. м. р.), но *сырôj* (косвенные падежи ед. ч. ж. р.) и др. При наличии в го-

воре различения *о* и *ô* это различение должно быть проведено в записях диалектологических материалов.

3. Знаки *ие̂* и *йо̂* употребляются для обозначения соответствующих написанию дифтонгов. Они могут быть различны по своему качеству, по тому, какая их часть является слоговой, но употребляются они обычно в тех же условиях, что и *ê* и *ô*, часто даже наряду с *ê* и *ô* в тех же самых говорах.

4. Знаки *ь* и *ъ* употребляются для обозначения весьма различных разновидностей редуцированных гласных.

При помощи знака *ь* обозначаются редуцированные гласные переднего образования довольно высокого (верхне-среднего) подъема; при помощи знака *ъ* — редуцированные гласные среднего (в определенных условиях и по говорам также заднего) образования среднего подъема или приближающегося к нему. Редуцированные гласные обоих указанных типов характеризуются ненапряженностью языкового тела и даже особой его ослабленностью.

По степени поднятия языка звуки типа *ь* находятся между *е* и *и*; но они резко отличаются от *ê* указанной только что ненапряженностью, ослабленностью языкового тела. Степень редукции звуков типа *ь* может быть различной в пределах одного и того же говора в зависимости от разных фонетических условий, а также неодинакова по разным говорам.

Редуцированные звуки, обозначаемые буквой *ъ*, могут быть довольно разнообразны по качеству даже в пределах одного и того же говора: от звуков, приближающихся по степени поднятия языка к *ы*, до звуков, близких к *а*; звуки типа *ъ* отличаются от *ы* также ненапряженностью, ослабленностью языкового тела, его укладом, близким к нейтральному.

Редуцированные звуки типа *ь* и типа *ъ* отличаются друг от друга, таким образом, как местом подъема языка (передним образованием первого и средним или среднезадним второго), так и степенью поднятия спинки языка (верхне-среднего подъема при звуках типа *ь* и среднего при звуках типа *ъ* с возможностью как более пониженного, так и более повышенного образования). При этом второе отличие, видимо, является более существенным: степень подъема спинки языка при *ъ* может быть разной (в том числе в определенных условиях по говорам и верхне-средней): степень же подъема спинки языка при *ь* обязательно достаточно высокая (звуки *ь* верхне-среднего подъема). Можно указать, например, на то, что в русском литературном языке именно степенью подъема спинки языка, главным образом, отличаются *ь* и *ъ* после твердых шипящих. Ср.: *лу́жъ*, *гру́шъ* и *в-лу́жь*, *на-гру́шь* (после твердых шипящих *ь* произносится с некоторой отодвижкой назад; ср. отодвижку артикуляции *е* под ударением в тех же условиях: *шэст* и *т'е́сто*).

Высшая степень редукции *ь* и *ъ* может быть обозначена знаками *ь*, *ъ*, меньшими по размеру, выше строки: *п'ьр'ьп'иса́л'и*, *пъмъла́д'ел*.

5. Передвижка артикуляции непередних гласных вперед обычно обозначается в зависимости от степени ее одной или двумя точ-

ками над соответствующей буквой — *а, ӓ, ӓ; о, ӧ, ӧ; у, ӱ, ӱ* (ср. в литературном языке: *п'ӓтъj, п'ӓт', п'ӧс, п'ӧс'ик, л'ӱбъ, л'ӱб'ит*; в северновеликорусских говорах: *н'ӧсла́, пр'ив'ӧзу́* или *н'ӧсла́, пр'ив'ӧзу́, дв'ӧна́т'ц'ет'*; в южновеликорусских говорах: *пр'ин'ӓсу́, пр'ив'ӓду́, пр'ин'ӓс'й, в'ӓл'у́* и т. д.).

Передвижка артикуляции непередних гласных вперед не имеет первостепенного значения в русском языке: ни в одном русском говоре более передние или задние типы *а, о* или *у* не различаются в одних и тех же условиях и потому не образуют самостоятельных фонем; эти оттенки гласных по отношению друг к другу не играют заметной роли и как отличительные признаки отдельных русских говоров. Кроме того, различение степени передвижки вперед артикуляции не представляется легким делом тем более, что она может быть различной в говоре одних и тех же лиц, но в разных стилях (беглая обиходная речь, отчетливая речь, песенный язык и т. д.). Поэтому в записях, делающихся по крайней мере для атласа русского языка, достаточно указаний на тип *а, о* или *у* вообще, а не в отличие от *ӓ, ӓ, ӧ, ӧ, ӱ, ӱ* и т. д.

6. Долгота гласных обозначается горизонтальной черточкой над буквой: *а̄, о̄*.

7. Ударение обозначается знаком акута (ˊ) над соответствующей буквой: *а́, о́*. Побочное (слабое) ударение при записи фраз и связных текстов обозначается знаком грависа (ˋ). Ср. с-в-р.: *jому̀ н'е бу́д'от сорока́-то л'и́т* или ю-в-р: *jамӯ н'а бу́д'ит' съраа́-тъ л'е́т*.

§ 250. Обозначение согласных. Для обозначения согласных звуков употребляются следующие знаки:

п, б, м, ф, в, ў или *w*
т, д, ц, z, н, с, з, л, l
ч, ž, ш, ж, р
й или *j*
к, г, х, γ
h

Замечания к отдельным знакам:

1. Знак *ў* употребляется для обозначения билабиального *в* (*w*), а также „*ў* неслогового“ (*ў* или *у̯*). Различия между этими двумя звуками не всегда может схватить даже опытный наблюдатель. В ряде говоров произносятся оба эти звука, причем употребление того или другого звука связано с индивидуальными особенностями речи и ее эмоциональной стороной. Для истории русского языка и диалектологии весьма важно определение губно-зубного или губно-губного характера данной фонемы. Различение же в последнем случае более тесного сближения губ без заметного вытягивания их вперед и округления при менее активной работе языка (*w*) или менее тесного сближения губ при сильно вытянутых вперед и округленных губах и при более энергичном поднятии задней части спинки языка (*ў*) менее существенно, а главное, трудно уловимо. Ввиду

этого при собирании материалов, по крайней мере для атласа русского языка, можно отказаться от различения *ў* и *ꙋ*, обозначая буквой *ў* или *ꙋ* как „*у* неслоговое", так и билабиальное *в*. Предпочтение дается знаку *ў* как букве русского алфавита. Однако в непосредственных записях на месте практичнее пользоваться знаком *ꙋ*, весьма удобным в скорописи, так как он не требует отрыва руки для диакритического знака неслоговости. Следует иметь в виду, что при обработке материалов, собранных для атласа, записи, употребляющие *ў* и *ꙋ*, не будут отделены друг от друга, а напротив, будут объединены и в целом противопоставлены записям, употребляющим в тех же условиях *в* (или различные замены звука *в*).

2. Знак *й* служит для обозначения как „*и* неслогового", так и йота (*j*). Различение этих звуков на практике изучения русского языка и его говоров весьма трудно. С другой стороны, оно не имеет большого значения для группировки русских говоров. Поэтому при собирании материалов, по крайней мере для атласа, достаточен один знак для обоих звуков. В качестве такого знака может быть принят *й* или *j*. Однако при произведении записей на месте практичнее пользование знаком *j*, весьма удобным в скорописи, так как эта буква, очень несложная по начертанию, в скорописи может писаться без точки сверху, т. е. без отрыва руки. Отсутствие диакритического знака в этом случае не поведет ни к каким недоразумениям. Необходимо иметь в виду, что при обработке материалов, собранных для атласа, записи, употребляющие знаки *й* и *j*, не будут отделены друг от друга, а будут рассмотрены вместе. Звук „*и* неслоговое" в отличие от *j* может обозначаться также знаком *i*.

3. Знак *l* служит для обозначения так называемого „среднего", „европейского" *л*, представленного в ряде русских говоров, в особенности на севере, главным образом в соответствии с твердым *л* русского литературного языка перед гласными: *ход'úla, dalá, lы́ko, molokó*.

4. Знак γ служит для обозначения задненебного фрикативного образования *г*, широко представленного в южновеликорусских говорах, а также в некоторых категориях случаев и в других говорах: *γóрат, наγá, стáръγа*.

5. Знак *h* служит для обозначения фарингального „придыхательного" образования *г* (обычно не совсем точно называемого гортанным), типичного для украинского и белорусского языков. Ср.: белорусские *haná, hará* или *ныhá, hырá;* украинские *hoнá, hорá*.

6. При записи образцов русских говоров весьма важно обозначение мягкости согласных. Это связано прежде всего с тем, что твердость и мягкость согласных в русском языке вообще создают различные, самостоятельные фонемы, которые должны быть так или иначе обозначены в любом виде письма (в том числе в практическом письме). Это связано, далее, с тем, что некоторые из таких фонем не различаются в определенных положениях в некоторых говорах. Таковы губные на конце слова: при *с'ем'* и *с'jем, цеп'* и

цеп, кроф' и *кроф*; по говорам встречается произношение *с'ем, с'jем*, а также *цеп, кроф*, в которых совпадают приведенные омонимические для данных говоров слова. Это связано, наконец, с тем, что даже и в тех случаях, когда твердость — мягкость тех или иных согласных не различается, тем не менее качество соответствующей согласной фонемы в отношении наличия или отсутствия поднятия средней части спинки языка к соответствующей части неба оказывается весьма существенным при группировке русских говоров. Ср., например, твердость или мягкость шипящих, качество *ч* и *ц* при их различении, или одной аффрикаты — обычно *ц* — при так называемом цоканье, т. е. их неразличении; ср. также мягкость *к* после мягких согласных: *ва́н'к'а* и др.

Ввиду всего сказанного, в фонетических записях русских говоров мягкость согласных должна быть последовательно обозначена.

Очень важно обозначать в записях мягкость согласных перед мягкими согласными, так как в обычном письме она остается большей частью не обозначенной: например, в таких случаях, как *раз'д'е́л'ит* или *разд'е́л'ит, пас'м'е́л* или *пасм'е́л, д'в'ер'* или *дв'ер', ат'м'е́т'ил* или *атм'е́т'ил, ша́п'к'и* или *ша́пк'и* и т. д.

7. Мягкие шелелявые фрикативные звуки небно-зубные по месту, к которому артикулирует кончик языка, и акустически близкие к шипящим, произносимые в соответствии с мягкими *с'*, *з'* (по говорам могут быть также на месте *ш*, *ж*), а также мягкая шелелявая аффриката, акустически средняя между *ц* и *ч*, передаются буквами *с*, *з*, *ц*, с двойным обозначением мягкости: *с''*, *з''*, *ц''* (последнее нередко обозначается в диалектологической литературе как *ц*^{ч} или *чч*): *з''има́, с''е́но, с''в'ин'ја́, з''м'ej, з''а́рко, с''у́ба.*

8. Сильный фрикативный элемент при произношении мягкого *д* (дзеканье, т. е. произношение свистящей аффрикаты *д'з'*) может обозначаться буквой *ѕ*: напр. *ѕ'е́ц'и* (*д'з'ец'и*), *ѕ'е́ла* (*д'з'е́ла*, т. е. дело), *иѕи́ц'а* (*ид'з'и́ц'а*, т. е. идите). В скорописи эта буква может писаться без перечеркивания. Соответствующая шипящая аффриката может обозначаться буквой *ž*: *хоžу* (т. е. *ходжу*). В тех же звуковых значениях могут употребляться сочетания *дз* и *дж*.

9. Долгота согласных может обозначаться двойным написанием: *ссо́ръ, ззад'и, дл'инна́, ввал'и́лсъ, гул'л'и́вej*. Так же может обозначаться долгий затвор взрывных: *аддат', аттаскат', о́п-пъл, к-каму́, г-го́ръду* (если не произносится *х-каму́, γ-го́ръду* или как-нибудь иначе). Долгий затвор аффрикат обозначается написанием буквы *т* с последующей буквой аффрикаты *ц* или *ч*: *два́тцът', уч'и́тцъ* (по говорам: *дват'ц'ет', уц'и́т'ц'а), в'ьт'ч'ина́, пат'ч'ис'т'ит'*. Подобное обозначение аффрикат с долгим затвором правильнее, чем обозначение их при помощи двойного написания (*цц, чч*), так как долгота в них относится, собственно, к затвору, а не к моменту взрыва, размыкания и тем менее к его фрикативному элементу. Кроме того, такие написания удобнее, так как они ближе к обычному орфографическому письму (сравните *отца, ситцу*

и т. д.). Обозначение долгих согласных двумя буквами (в особенности при отсутствии мягкости) удобно тем, что не требует отрыва руки, а также удобно при наборе (не требует горизонтальной черточки над буквой).

Однако в лингвистической литературе долгота согласной обычно обозначается горизонтальной черточкой над буквой: *с̄о́ръ, з̄а́д'а, ма́н̄ъ, в̄'ол* и т. д.

10. Слогово́й характер согласных обозначается кружком под буквой: *кл̥дава́ja, зо́л̥та, н'е́н̥ч'ам* (не на чем), *высáв̥выит'*.

§ 251. Запись связной речи. Кроме указанных выше знаков для отдельных звуков, при записи связной речи употребляются следующие приемы.

Знаки препинания не ставятся (кроме вопросительного и восклицательного знаков).

Для отделения фраз и вообще относительно законченных в интонационном и смысловом отношениях единиц речи употребляются две вертикальные черты ||. В конце фраз с вопросительной или восклицательной интонацией ставится вопросительный или восклицательный знак.

Для отделения частей фразы, произносящихся без паузы и отделенных от других таких же частей фразы небольшими паузами, (так называемыми речевыми тактами) употребляется одна вертикальная черта |. Таким образом, одна вертикальная черта является знаком небольшой паузы, которой отделяются друг от друга „речевые такты", а две параллельные вертикальные черты являются знаком более длительной паузы, отделяющей друг от друга фразы, а также знаком абсолютного конца речи.

Все слова как самостоятельные, так и служебные пишутся раздельно в соответствии с обычными нормами орфографического письма. Самостоятельное слово вместе с служебным словом или частицей, объединенные общим ударением, могут в транскрипции писаться через дефис: *зъ-гарó j, на́-гълъву, когда-тъ-в'ът', н'ь-зна́л'и.* Слитное написание слов возможно только в тех случаях, когда в результате фонетических процессов на стыке слова затруднено словоделение: ср., например, по говорам *пъднаму́*, т. е. по одному; *уднаво́*, т. е. у одного; *н'иддава́ит'*, т. е. не отдавает (не отдает); *ниткаво́*, т. е. ни от кого, и т. д.

Побочное ударение для слов слабо ударяемых обозначается знаком грависа (`) в отличие от нормального ударения, вообще (например, в отдельно взятом слове) обозначаемого знаком акута (').

ОБРАЗЦЫ ЗАПИСИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ.

1. В литературном произношении (из Короленко): *высо́к'ии ста-л'е́т̂н'ии со́сны | с кра́сным'и магу́ч'им'и ствала́м'и | стаjа́л'и хму́-рьjу ра́т'jу | пло́тнъ самкну́фшыс' в̄'ьрху́ | з'ьл'о́ным'и в'ьрша́нъм'и || вн'изу́ бы́лъ т'йхъ | па́хлъ смало́j ||*

2. Запись говора с. Семеновского на р. Водле (Пудожский район, Карело-Финская ССР, 1937 г.):

У попá былá жонá | н'е софс'ём важнá | а у кр'ес'áн'ина ивáна óц'ен' хорошá || рóстом обноков'ёнаja | толшчинój облажёнаja | б'ил'ен'ка рум'áн'ен'ка | óц'ен' попý мрáв'илас' || стáл пóп к н'ёj похáжывать' | с' н'ёj стáл погýл'ивать' || ётоj жёншчины мáло прихóд'ит'ц'а с попóм позабавл'áт'ц'а || фс'ó мýж жыв'ёт круг дóму || стáла жёншчина хворáт' || вот мужыц'кý и говор'ит || ивáнушко | мн'ё да н'ездорóв'ит'ц'а || ja ны́н'ц'о вáн'ушко понаслýшалас' у сус'óдок своúх | кабы сход'ил бы вáн'ушко | в р'им'с'кojo ц'áр'с'во по пóснojo мáсло || говор'ил'и сус'óтки мн'ё | óц'ен' помогájo || от ётого мáс'л'иц'а фс'а бóл' прохóд'ит || дóлго мужыц'ок-от одб'ивáлса | потóм склáл да пошóл в р'им'с'кojo ц'áр'с'во по пóснojo мáсло.

§ 252. Возможные упрощения в транскрипции. В условиях быстрой записи на месте при непосредственных наблюдениях над говором возможны некоторые облегчения в транскрипции. Они касаются, главным образом, двух явлений: сочетаний мягких согласных с последующими гласными и сочетаний *j* („йот" или „*и* неслоговой") с последующими гласными:

а) Сочетание мягкого согласного с последующим гласным *а* или *у* может обозначаться буквой соответствующего согласного и одной из букв гласных — *я*, *ю*. Таким образом, вместо *з'áбну*, *с'áду*, *т'áнут*, *л'áгу*, *р'ат*, *зав'ál*, *м'ал*, *п'ат'* можно писать *зя́бну*, *ся́ду*, *тя́нут*, *ля́гу*, *рят*, *завя́л*, *мял*, *пят'*. Вместо *р'ýмкъ*, *л'ýтъj*, *н'ýхът'* или диалектных *прóс'у*, *л'ýб'у*, *γл'ад'ý* можно писать *рю́мкъ*, *лю́тъj*, *ню́хът'*, *прóсю*, *лю́бю*, *γля́дю*. Сочетание мягкого согласного с последующим гласным *е* можно обозначать буквой соответствующего согласного и буквой *е*, но тогда твердость согласного перед *е* должна обозначаться буквой *э* (т. е. вместо *у т'еб'é* можно писать *у тебé*, но тогда при твердости согласного нужно писать *у тэбэ́*). Таким образом, в облегченной транскрипции написания *вот ётът* и *с ётим* обозначают *вот' ётът*, *с' ёт'им*, а твердое произношение согласного перед *е* обозначается буквой *э: вот э́тът*, *с э́т'им*.

Сочетание мягкого согласного с последующим *о* не допускает никакого упрощения, так как наше письмо без двух точек над *е* двусмысленно (может обозначать как *о*, так и *е*), ставить же две точки над буквой не легче, чем обозначать мягкость. Таким образом, слова *нёс*, *вёл*, *лён* (при наличии *о* в произношении) надо обязательно транскрибировать как *н'ос*, *в'ол*, *л'он*. Необходимо твердо помнить, что написания *нес*, *вел*, *лен* в транскрипции указывают только на гласный *е* (*н'ес*, *в'ел*, *л'ен*).

Сказанное распространяется на шипящие и *ц*, если они произносятся мягко. Сочетание мягких шипящих или *ц* с последующим гласным *а* или *у* можно передать буквой согласного звука с последующей буквой *я* или *ю*. Ср. транскрипции следующих слов в лите-

ратурном произношении: *ця́с'тъ, чю́дъ, чюгу́н,* в северновеликорусском произношении: *ця́сто, у́л'ица, цюгу́н.*

б) Сочетание звуков *j* (йот) или „*и* неслоговой" с последующим гласным *а* или *у* в начале слов и после гласных можно обозначать соответственно буквой *я* или *ю*. Таким образом, вместо *ja, ја́кър', ја́снъ, јук* (юг), *јула́* при транскрибировании можно писать *я: я́кър', я́снъ, юк, юла́*. Точно так же вместо *маја́, стаја́л, баја́лсъ, мају́, стају́, нъ крају́* можно писать *мая́, стая́л, бая́лсъ, маю́, стаю́, нъ краю́*. Для обозначения сочетания *j* или „*и* неслоговой" с последующим гласным *о* нельзя пользоваться этим приемом облегчения транскрипций, так как буква *е* без двух точек сверху двусмысленна (может обозначать как *о*, так и *е*), а написание двух точек не легче написания *јо*. Поэтому слова *ёлка, ёмкий, моё, твоё, вдвоём* должны транскрибироваться всегда строго фонетически: *јо́лкъ, јо́мкъј, мајо́, твајо́, вдвајо́м.*

Буквы *я, ю* после согласных для обозначения сочетания *ja, jу* не должны употребляться. Поэтому слова *чья, соловья, чью, пью, лью, соловью* применительно к литературному произношению должны передаваться в транскрипции: *ч'ја, сълав'ја́; ч'ју, п'ју, л'ју, сълав'ју́.*

Обработка диалектологического материала.

§ 253. Обработку записей, разнесение материала по определенным фонетическим, грамматическим, лексическим рубрикам обязательно нужно делать на месте, ежедневно, по мере накопления материала. Это даст возможность наблюдателю все время знать, по каким вопросам у него имеется достаточно материала, по каким — мало или он вовсе отсутствует, и в соответствии с этим устремлять свое внимание на собирание недостающих сведений. Отсутствие первичной обработки на месте и обработка материала спустя более или менее длительный срок после производства наблюдений, уже по возвращении из экспедиции, нередко ведут к невозможности расшифровать некоторые записи, сделанные карандашом в записной книжке, т. е. влекут за собой потерю части собранного материала.

Еще больший недостаток такой обработки заключается в том, что в тех случаях, когда к обработке приступают впервые только по приезде из экспедиции, сплошь и рядом оказывается, что материал собран неравномерно: по одним вопросам его имеется очень много, тогда как по другим вопросам его вовсе нет или очень мало. Если бы это было известно собирателю на месте, во время производства наблюдений, то не так уж трудно было бы собрать недостающие сведения путем дополнительных специальных наблюдений. При обработке же материала после экспедиции недостающие сведения уже нельзя восполнить: для этого потребовалась бы вторичная поездка на место, что далеко не всегда возможно.

§ 254. Следует иметь в виду, что произведенная запись, в особенности если это запись фразы, может быть использована при описании разных явлений и сторон диалекта.

Например, фраза: *lон'с'кój-от гóт хл'йб'ец' урод'йў с'а* дает материал для ряда вопросов фонетики („среднее" *л* вместо твердого, мягкость сочетания *н'с'* и оканье в слове *lон'с'кój*; звук *и* вместо *ъ* и мягкое *ц'* в слове *хл'йб'ец'*, оканье и *ў* вместо *л* в слове *урод'йў с'а*), морфологии (возвратная форма на *-с'а* после *ў*), словообразования (уменьшительно-ласкательный суффикс в слове *хл'йб'ец'*), синтаксиса (постпозитивная частица: *lон'с'кój-от*), наконец, лексики (*lон'с'кój гот* в значении „прошлый год"). Поэтому надо записывать в достаточно точной фонетической транскрипции побольше хотя бы отдельных, но соответствующих реальному произношению по строю (звучанию, формам, порядку слов и т. д.) фраз: такие записи дадут обильный материал для описания всех сторон говора.

§ 255. Для обработки собранного материала на каждое явление заводится большая карточка или лист. Если описание ведется по программе, то карточка заводится на каждый вопрос программы. Наверху ее справа указывается название населенного пункта, слева — номер вопроса программы. Затем на такую карточку выносятся все записанные наблюдателем примеры, относящиеся к данному вопросу программы. Если вопрос делится на части, отмеченные буквами или выделенные абзацами, то эти деления должны быть произведены при выписке на карточку примеров. В конце каждой группы примеров, записанных от одного лица, в скобках указывается номер, под которым записаны в списке данные об этом лице. Если примеры записаны от неизвестных лиц, то вместо номера ставится знак *х* („икс").

Приведем образцы ответа на вопрос № 5 программы Института русского языка.

5. *с. Новоселки*

а) *в'ал'ý, пъс'т'ал'ý, пъб'ал'ў* (2), *пъс'м'ајýс', д'ар'ýγа* (3), *пъс'т'ал'ý, з'м'ајý, нъ-с'ам'јў* (5);

б) *пр'ин'ас'и́, пр'ив'ад'и́* (1), *пр'ин'ас'и́, пр'ив'аз'л'и́, в'ал'и́т', нъп'ак'и́* (2), *пъс'ал'и́л'ис', пр'ив'ал'и́, укр'ап'и́л'и* (3), *пъс'т'ал'и́ла, ув'ал'и́, пъб'ал'и́л'и* (5), *ун'ас'л'и́, з-д'ат'м'и́* (*х*);

в) *ул'ат'ếла, ф-с'ал'ế*; но: *н'ид'ếл'а* (1), *пъб'ал'ếла, к-с'т'ан'ế* (3), *у-с'астр'ế, в-б'ад'ế, пъс'ад'ếла* (5);

г) *д'ир'éвн'а, в'ис'éлај, б'ир'éза* (1), *б'ир'éска, в'ир'éвка, пл'ит'éн'* (3);

пр'ин'ис'ém, ув'ед'ém', уб'ер'éш (1), *нъп'ик'ém, пр'ив'ез'ém'* (2), *нъпл'ит'ém, нъб'ер'ет'* (3);

д'ан'óк, п'ан'óк (1), *д'ан'óк* (3), *п'ан'óк* (4), *м'ид'в'ад'óм, з'в'ар'јóм* (1), *з-з'амл'ój* (2), *м'идв'ад'óв, з'амл'óју* (5), *зъ-м'идв'ад'óм* (*х*);

д) *с'ам'ја, път'ар'ál, пъм'ан'ál* (1), *пъс'м'ајáлс'и* (2), *н'и-път'ар'áj, пъстр'ал'ál'и* (3), *д'ас'áтај* (5), *с'ам'já, д'ир'ав'áнъја, јад'át'* (*х*).

Если материал собирался коллективно, то и обработка проводится коллективно. При этом тот или иной языковой факт (слово, словосочетание или фраза), повторенный много раз лицом, говор которого подвергался наблюдению, записывается и при обработке заносится на карточку-лист столько раз, сколько он был произнесен.

Напротив, однажды произнесенный языковой факт, хотя и записанный несколькими наблюдателями, при обработке следует фиксировать один раз, чтобы не создавалось впечатление его большей употребляемости. Карточки-листы по мере накопления в них материала должны просматриваться наблюдателями, чтобы выделять вопросы, по которым нет или недостаточно материала. По этим вопросам затем проводятся дополнительные наблюдения до тех пор, пока не будут собраны все необходимые сведения.

Карточки-листы должны быть одного формата. Если материала по данному вопросу много, и он не умещается на одну карточку, то заводят вторую (или третью) под тем же номером программы, но с надписью „вторая" или „третья". На карточках-листах с левой стороны следует оставлять поля шириной не менее чем в 2 сантиметра, чтобы по окончании работы материалы по каждому населенному пункту могли быть сшиты в тетрадь.

Если то или иное явление не последовательно в своем употреблении, то необходимо материал сопровождать краткими пометами, вроде „реже", „чаще", в „единичных случаях", „у молодежи", „только у старух" и т. д.

Анкетный метод и описание диалекта по чужим записям.

Приемы критического использования анкетных данных и чужих записей.

§ 256. Следует иметь в виду, что диалектологу приходится изучать говоры не только путем непосредственных наблюдений над ними, но также и путем изучения материалов, собранных обычно неспециалистами в виде ответов на разного рода анкеты и программы, а также путем изучения чужих записей и описаний диалектов.

Чужая запись и анкетный материал требуют к себе такого же критического отношения, как и любой письменный памятник, привлекаемый для изучения как источник живой устной речи. В нем могут быть ошибки разного происхождения, часть которых была рассмотрена выше при описании приемов наблюдений над говорами. Так, например, наблюдатель — местный житель, видимо, сам хотя бы частично являющийся носителем диалекта, часто не замечает фрикативного характера звука *г*, так как для него буква *г* является вполне „естественным" знаком для звука γ. Из Рязанской области в Институт русского языка прислано большое количество ответов на „Краткую программу для собирания сведений о народных говорах русского языка" и только в 2—3 из них указано произношение звука γ между тем как значительная часть ответов, безусловно, относится к говорам с *г* фрикативным. Ошибки постороннего наблюдателя, владеющего литературным языком, обычно носят другой характер: он, напротив, отмечает все чисто диалектное, отличающееся от системы литературного языка, не замечая черты сходные или тожественные с этой последней. Ясно, что такой материал дает одностороннее и неполное представление о системе диалекта.

§ 257. Иногда в ответах на вопросы анкеты, составленных неподготовленными наблюдателями, сказывается более или менее сильное влияние орфографии.

В тех случаях, когда та или иная языковая черта является общей для всего русского языка во всех его говорах, орфографическое написание, не отразившее это явление, не является большой помехой для интерпретации записи. Таково, например, написание *ножкими* с буквой *ж* перед глухой согласной: оно не может нас смутить, так как мы знаем, что фонема *ж* перед глухой согласной во всех русских говорах реализуется в варианте *ш* [1]. Другое дело, когда речь идет о явлениях не общих всему русскому: в этих случаях орфографическое написание может оказаться ближе к одному из произносительных вариантов, чем к другому, и тем самым может иногда привести интерпретатора чужих записей к неправильному выводу. Так, например, написание *травка* само по себе уже двусмысленно — буква *в* может быть сохранена, так как она соответствует орфографической норме; но может быть она соответствует произношению, и наблюдатель, употребив ее, хотел отметить отсутствие оглушения, произношение не *тра́фка*, а *тра́шка*. Приведем несколько других образцов записей, которые могут быть приняты за орфографические. Например, наряду с фактами последовательного оканья в 1-м предударном слоге неопытный наблюдатель под влиянием орфографии может записать *рабо́та, рассказ* и т. д. с буквой *а*; или для говора, не знающего редукции гласной заударного слога, рядом с *коро́вой, бер'о́зой, к ста́рой, на ста́рой* он может записать *ста́рый, до́брый, м'и́лый* в им. п. ед. ч., отличая, таким образом, на письме эту форму от форм косвенных падежей женск. рода. Что это — усвоение соответствующих звуков в безударных слогах под влиянием орфографии или просто орфографические написания? При наличии еканья неопытный наблюдатель рядом с написаниями типа *несла, веду, стена, сестра* и т. д., соответствующими произношению, может под влиянием орфографии записать *т'ану́т', вз'ала́, п'атак*, несмотря на то, что в этих словах произносится *е*: *т'енут, вз'ела́, п'етак*. Подобного рода ошибки могут ввести в заблуждение лиц, пользующихся чужими записями, так как не всегда легко отделить написания, вызванные орфографией, от написаний фонетических, т. е. соответствующих произношению.

Для записей некоторых наблюдателей, внешне и механически усвоивших основы фонетической транскрипции, характерны „обратные" ложно-фонетические записи типа *праўда, ў дому, усатьба*. Ошибочность такого рода написаний обычно выявляется легко, но записи лиц, у которых встречаются такого рода написания, сами по себе, конечно, не внушают доверия.

[1] Впрочем, не исключено, что в отдельных пограничных смешанных ю-в-р — украинских говорах может произноситься *ножка*, так как по говорам украинского языка представлено сохранение звонких согласных перед глухими.

§ 258. Таким образом, при встрече с сомнительным написанием необходимо его подвергнуть „перекрестной" проверке: необходимо прежде всего выяснить отношение наблюдателя к местному говору и отношение сомнительного написания к орфографической норме. Далее необходимо сопоставить показания данного написания с совокупностью других языковых особенностей данного говора. Например, наблюдатель указывает на произношение *гус'*; но у нас возникли сомнения; мы узнаем, что наблюдатель — местный уроженец, который, может быть, и сам произносит γ и потому не замечает его и не умеет фиксировать в записи; сопоставляя с другими особенностями данного говора, мы находим, что на конце слова вместо *г* произносится *х*. Это последнее обстоятельство, не доказывая обязательно фрикативного образования *г* в самостоятельном положении, все же скорее свидетельствует именно об этом; но далее оказывается, что данному говору свойственен такой комплекс южновеликорусских особенностей, как мягкое *т* в 3 л. глаголов, формы род.-вин. п. *мене, тебе*, формы типа *плахýja, такýja* и т. д. Все это утверждает нас в предположении о наличии γ в данном говоре. Наконец, имеется последнее средство проверки — обращение к территориально соседним говорам, к говорам ближайших мест. Предположим, что в нашем случае оказывается, что повсюду вокруг говора данного населенного пункта господствует γ. Все это вместе взятое может заставить нас отвергнуть написание *гус'* как орфографическое и считать, что в данном пункте произносится γ.

§ 259. При встрече с двойственностью показаний в диалектологических записях следует иметь в виду всё то, что говорилось выше в разделе „Проведение наблюдений над говором": двойственность в произношении или формах (например, произношение *н'осý* и *н'есу, п'атáк* и *п'етáк, дýмат* и *дýмajот, стáрых* и *стáрыих* и т. д.) может иметь самое различное происхождение. Если это не мнимая двойственность (например, сохранение орфографического написания в одном случае и фонетическая запись в другом), то она может объясняться неправильным выбором объектов (например, характеризовать речь разных лиц, относящихся к разным группам местного населения, или выходцев из разных мест), неразличением разных стилей и жанров языка (например, тем, что в записи подряд даны явления аллегрового порядка, факты обычной речи, песенного языка и т. д.). Критическое использование данных чужих записей требует самого строгого учета всех возможных причин двойственности в их показаниях. Только после этого двойственность в фактах языка может быть в полной мере отнесена к языковой системе диалекта в его современном состоянии.

Обзор важнейших программ.

§ 260. Из предыдущего видно, что ведение наблюдений над говорами — дело весьма нелегкое, требующее от наблюдателя как известной научной подготовки, так и много такта и умения в под-

ходе к местному населению. Для того, чтобы оказать помощь наблюдателю, различные научные организации и отдельные лица уже давно стали выпускать специальные программы наблюдений и анкеты. (Можно указать, например, на анкету И. И. Срезневского, относящуюся еще к середине XIX в.) Одни из этих программ имели общий характер и охватывали все стороны языка, другие — специальный и предназначались для собирания материала по одному определенному разделу, например, лексике или даже части лексики (например, „Программа по собиранию названий животных"). Далее, одни программы были рассчитаны на собирание материала по любому говору русского языка, другие предназначались лишь для определенной области, края.

Из многочисленных диалектологических программ за последние 50 лет наибольшее значение имели, а отчасти и имеют до сих пор, две большие академические программы (1896 г.), две программы Московской диалектологической комиссии (1909, 1911 гг.) и „Вопросник" Института языка и мышления имени акад. Марра (1936 г.). В настоящее время диалектологи пользуются „Программой" Института русского языка (1945 г.), а также „Краткой программой" того же Института (1946 г.).

§ 261. Большая академическая программа[1] была издана в двух частях, двумя отдельными книгами. Первая часть была предназначена „для собирания особенностей северновеликорусского наречия", вторая — „для собирания особенностей южновеликорусского наречия".

Обе части этой программы построены по одному общему плану, многие вопросы в обеих программах совпадают, но часть вопросов специализирована применительно к двум основным наречиям русского языка. Эти программы заключают в себе следующие отделы: гласные, согласные, ударение, склонение имен, глагол, синтаксические особенности, словарь. Главное достоинство большой академической программы — её полнота, обилие фактического материала в каждом из перечисленных разделов, а также и то, что в ней предусматриваются не только основные закономерные явления фонетики и грамматики, но также и многие частности и детали, касающиеся произношения отдельных слов или образования форм отдельных слов. Особенно ценна детальная разработка ударения, то, что не упущены основные явления синтаксиса, разработана лексика. В этом смысле большая академическая программа и до сих пор сохраняет свое значение. Однако в теоретическом отношении она весьма устарела: в ней не разграничены факты прошлого и настоящего, фонетика, с одной стороны, и морфология и лексика — с другой; общие явления часто даны вперемежку с отдельными част-

[1] Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей северновеликорусского наречия. СПБ 1896. II. Программа для собирания особенностей южновеликорусского наречия. СПБ 1896. Издание отделения русского языка и словесности Академии наук.

ными и единичными фактами, недостаточно учитываются фонетические положения, в которых произносится тот или иной звук. Иллюстрируем это несколькими примерами. Например, по разделу фонетики, в вопросе § 17 северновеликорусской программы спрашивается — „нет ли таких слов, где вместо *ы* произносят *о*". Как видим, в заголовке не определяется положение, в котором эту замену предлагается наблюдать. И, действительно, в примерах даны случаи с *о* вместо *ы* как в безударных слогах, так и под ударением, а также с *а* вместо *у*, с *о* вместо *у*. Случаи эти имеют совершенно разное происхождение и должны быть квалифицированы в одних случаях как факты, действительно фонетические (например, *пазаха, палаба* вместо *пазуха, палуба* с *а* или *ъ* вместо *у* в результате делабиализации звука *у* и, возможно, его редукции в заударном неконечном слоге), в других — как факты морфологические, но возникшие на почве фонетики (например, *белою руку* вместо *белую руку* — здесь в результате полной или частичной делабиализации *у* в заударном неконечном слоге появляется *а* или *ъ* и таким образом происходит совпадение в женском роде формы вин. п. с формою твор. п.), в-третьих — как факты лексические (например, *рохлый* или *рухлый* вместо *рыхлый*; как известно, наличие *о, у* или *ы* под ударением в этом и подобных случаях не имеет никакого отношения к фонетике современного русского языка и объясняется чередованием гласных *ы, у* и *о* из *ъ*, восходящим к далекой доисторической древности). В вопросе § 22 спрашивается о том, не произносится ли *я* вместо *ѣ*, но дающиеся примеры не имеют ничего общего между собой: в самом деле *'а* вместо *ѣ* в *сясть* имеет морфологическое происхождение — оно появилось ввиду обобщения основы настоящего времени (ср.: *сяду*), а *'а* в *видял* появилось в результате фонетического изменения гласной в заударном слоге. В вопросе § 13 спрашивается о произношении *и* вместо *е*, причем примеры даются как под ударением (*динь* вместо *день*), так и в безударных слогах (*рибята* вместо *ребята, дайти* вместо *дайте* и т. д.). Ясно, что эти две категории случаев не имеют ничего общего как в отношении происхождения, так и по своему месту в фонетической системе говора.

§ 262. Программа Московской диалектологической комиссии [1] (МДК) была издана также в двух выпусках: первый был предназначен для собирания материала по южновеликорусским говорам, второй — по северновеликорусским и средневеликорусским. Эта программа по объему значительно меньше большой академической. Наиболее подробно в ней разработана фонетика, меньше — морфология, совсем мало предусмотрено сведений по синтаксису и лексике. По сравнению с большой академической программой в программе Московской диалектологической комиссии нет такого разнообразия частных языковых фактов, касающихся произ-

[1] См.: „Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка". I. Южновеликорусские говоры; II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. 1909 и 1911.

ношения отдельных слов или образования от них тех или иных форм. Но в последней значительно строже подобран материал по фонетике и отчасти по морфологии: в ней даются лишь основные и существенные для фонетической и морфологической системы русского языка явления, по которым проходят наиболее важные диалектные различия между русскими говорами. Наиболее сильная сторона этой программы — раздел фонетики. В ней более строго отграничены явления фонетики от морфологии и — что особенно важно — в ней фонетические особенности даются с учетом тех условий, позиций, в которых они проявляются. Так, например, в этой программе какое-нибудь *взеть* вместо *взять* и *гледи* вместо *гляди*, *взела* вместо *взяла* не дается нерасчлененно, вместе, как в большой академической. Дело в том, что хотя во всех этих примерах отмечается *е* вместо *я* (точнее *е* вм. *'а*), но эта замена осуществляется в них в разных фонетических условиях и имеет разные объяснения: в первом случае изменение *а* в *е* имеет место в ударенном слоге между мягкими согласными; это одна из типичных черт многих с-в-р говоров. В двух других случаях то же изменение связано с положением в безударном слоге и притом не обязательно перед мягкой согласной (ср. *взела* рядом с *гледи*). Такое изменение характерно не только для многих вообще окающих, т. е. с-в-р говоров, но также и для части говоров акающих. Наконец, в некоторых говорах изменение безударного *а* в *е* обусловлено положением только перед мягкой или только перед твердой согласной (т. е. произносится *гледи*, но *взяла* или *взела*, но *гляди*), и этого тоже нельзя не учитывать. Все это и учитывается в программе МДК.

Большим шагом вперед в этой программе явилась разработка явлений предударного вокализма, дающая возможность собрать наиболее точный материал для установления типов аканья и яканья. Здесь предусмотрены все основные положения гласной 1-го предударного слога: положение после твердой или мягкой согласной, в последнем случае — перед твердой или мягкой, положение перед слогом с разными ударенными гласными.

Однако существенными недостатками программ МДК является слабая разработка в них вопросов синтаксиса и лексики. Впрочем, во втором издании программы была сделана попытка восполнить этот пробел путем добавления соответствующего материала [1].

Программа МДК и Большая академическая сходятся в том отношении, что каждая из них не предназначена для собирания материала по любому русскому говору: один из выпусков той и другой предусматривает собирание материала по южновеликорусским говорам, другой — по северновеликорусским. Что касается программы МДК, то ее второй выпуск имеет в виду северновеликорусские и средневеликорусские говоры, т. е. одновременно и окающие и акающие. Наблюдателю акающего говора предлагается пропустить

[1] См.: I. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры. Ярославль 1926.

часть вопросов, предназначенных для окающих говоров и, наоборот, наблюдатель окающего говора должен пропустить часть вопросов, предназначенных для акающего говора.

Как разделение программы на два выпуска, так и выделение в программе вопросов, предназначенных только для определенного типа говоров, нельзя считать целесообразным, в особенности, если ставится цель — установить границы диалектных различий[1]. Ведь подобное разграничение уже предусматривает деление русского языка на ю-в-р, с-в-р и ср-в-р говоры, между тем установление их — это задача, которая должна быть разрешена после сбора материалов по программе. Разграничение акающих и окающих говоров, установление их границы является одной из важнейших задач, которая может быть решена только п о с л е изучения собранных по программе материалов. Между тем при делении программы на два выпуска, посылая последнюю на место, надо уже заранее знать, какой там говор — окающий или акающий (а по программе МДК для акающего говора, кроме того, надо знать, является ли он южновеликорусским или средневеликорусским).

Наконец, надо иметь в виду, что кроме говоров акающих и окающих в промежуточной полосе имеются говоры, совмещающие в себе в той или иной степени принципы аканья и оканья, причем изучение их представляется весьма важным.

Программа МДК отличается от Большой академической большей целенаправленностью. В то время как последняя не имеет точной целевой установки — она адресована ко всем желающим с тою или иною целью производить наблюдение над говорами, — программа МДК имеет вполне определенную цель: это программа собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. Именно с учетом этой цели подбирался материал, вошедший в нее. Как известно, эта программа сослужила большую службу: на основе ответов на нее, наряду с привлечением данных печатных источников, была составлена известная диалектологическая карта русского языка МДК.

§ 263. В о п р о с н и к И Я М. Следующей программой, оказавшей серьезное влияние на развитие изучения русских народных говоров является „Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка" Института языка и мышления имени акад. Марра. „Вопросник" этот был выпущен в 1936 г. и в последующие годы

[1] Это было осознано составителями Большой академической программы, которые в последующем издании объединили два выпуска своей программы в одной брошюре. См.: Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей великорусских говоров. Издание ОРЯС АН, СПБ. 1900. В предисловии к этой программе, составленном В. И. Чернышевым, читаем: „Настоящая программа... представляет свод из двух прежних программ, составленных отдельно для северно- и южновеликорусских говоров. Ввиду того, что многие говоры соединяют черты северновеликорусские с южновеликорусскими, представлялось удобным соединить вопросы двух программ в одной, так как иначе пришлось бы составить особую программу для смешанных говоров".

вышел в ряде изданий. Основная особенность „Вопросника" ИЯМ — детальная разработка раздела лексики, значение которой вообще недооценивалось в прежних программах. Этот раздел занимает в нем большое место (ему посвящено около 100 вопросов); последнее подчеркивается и тем, что он не заканчивает собою вопросника, как это принято в других программах, а им вопросник начинается. „Вопросник" ИЯМ охватывает также основные явления синтаксиса. То и другое представляют собой весьма положительные черты. Слабой стороной „Вопросника" ИЯМ оказалась разработка вопросов фонетики. Раздел фонетики в нем представляет собой несистематический перечень разных особенностей, важных и второстепенных, не всегда с должным учетом фонетических условий, в которых выступает то или иное явление. Некоторые важные явления пропущены, другие даны без нужного расчленения. Вообще, в разделе фонетики не учтен весьма положительный опыт „Программы" МДК по систематизации фонетического материала и выявлению основных фонетических явлений. В этом отношении „Вопросник" ИЯМ ближе к Большой академической программе, но без ее широкого охвата многочисленных частных конкретных фактов. Сбор материалов по „Вопроснику" не обеспечивает установление типов предударного вокализма, разных замен старого *ѣ* и некоторых других явлений.

Значение „Вопросника" ИЯМ определяется тем, что на его основе впервые было начато массовое собирание материала для атласа русского языка. За несколько предвоенных лет было проведено большое количество экспедиций, изучены по „Вопроснику" говоры нескольких сот населенных пунктов. Этот опыт дал возможность Институту русского языка Академии наук СССР, учтя как достоинства, так и недостатки „Вопросника", составить новую окончательную программу, по которой ведется массовое собирание диалектологического материала с 1945 г.

§ 264. Программа ИРЯЗ. „Программа собирания сведений, для составления диалектологического атласа русского языка", утвержденная Институтом русского языка Академии наук СССР, была издана в 1945 г.[1]. По этой программе в настоящее время ведут свою работу десятки вузов, сотни студентов. Хорошее знакомство с программой, ее построением — необходимая предпосылка успешной работы. Поэтому ниже приводим краткую характеристику этой программы.

Основные принципы, на которых построена „Программа" ИРЯЗ, заключаются в следующем:

1. Атлас русского языка — часть атласа языков народов СССР. Ввиду того, что атлас русского языка должен составить часть атласа языков народов СССР, то и настоящая

[1] Издание Ярославского государственного педагогического института. В 1946 г. та же программа вышла в изданиях Вологодского педагогического института и Московского Государственного университета. В 1947 г. она выпущена издательством Академии Наук СССР. Далее эта программа называется „Программой" ИРЯЗ.

программа является одной из серии программ, посвященных диалектам отдельных языков. Естественно, что отдельные программы и, следовательно, более или менее частные атласы должны быть связаны друг с другом. Поэтому в настоящей программе предусмотрены явления, которые объединяют русский язык с соседними славянскими и неславянскими языками, или которыми они противопоставляются друг другу.

В отношении близко родственных украинского и белорусского языков, для установления границ языковых явлений, существующих между ними и русским языком, собиратели материала для атласа русского языка должны будут дойти до территории украинского и белорусского языков. Именно поэтому в вопросе о качестве звука *г* предусмотрено не только заднеязычное произношение этой фонемы (*г*, *γ*), но и придыхательное, или фарингальное (*h*), включены пункты о соотносительных сочетаниях *ый — ой, ий — ей* определенного происхождения *(злый — злой, шия — шея)*, о двойных согласных в соответствии с сочетанием „согласный + *j*", о звательной форме и ряд других во всех разделах программы. Подобные вопросы должны показать связи между украинским и белорусским языками, с одной стороны, и русским — с другой. Вопрос о качестве согласных (их твердости или мягкости) перед *е* и *и* осветит связи украинского и русского языков. Вопросы о так называемых „дзеканье" и „цеканье", о различении двух *р* (мягкого и твердого) или наличии лишь одной фонемы *р* (твердой) свяжут русскую и белорусскую диалектологию.

Вопросы о „среднем" *л* (*l*), о количестве и качестве аффрикат, о мене свистящих и шипящих (не только аффрикат, но и фрикативных звуков), о шепелявых звуках, о „дзеканье" и „цеканье" для некоторых областей (не на западе), о заменах звука *х*, о произношении согласных перед *е* и *и*, о двойных согласных для некоторых областей на северо-востоке в соответствии с сочетаниями „согласный + *j*" литературного языка и некоторые другие (например, об изменении *в* перед губными в γ или *х*: *γ-больницу, х-пятницу*) покажут связи между русским языком и соседними неславянскими (мордовским, марийским, удмуртским, коми и др.). Подобные вопросы имеются не только в фонетике, но и в других разделах программы.

2. Объем программы обусловлен ее задачей служить для собирания не вообще диалектологических материалов, а материалов именно для атласа. При знакомстве с настоящей программой надо иметь в виду, что она не стремится охватить все явления говоров с таким расчетом, чтобы из ответов на вопросы программы составилось исчерпывающее описание говора. Такая программа могла бы существовать, и ее составление было бы желательно, так как она принесла бы большую помощь изучающим русские говоры, в особенности начинающим. Но это совершенно другая задача, не связанная непосредственно с работой по составлению атласа русского языка.

„Программа" ИРЯЗ целиком ориентирована на атлас. Поэтому в нее включаются только такие языковые явления, по отношению к которым предполагается, что они реализуются различно на различной территории, и которые поэтому дадут изоглоссу на картах атласа. Такие вопросы существенны при группировке, классификации русских говоров и при выяснении вопросов их генезиса. Этим объясняются детальная разработка одних вопросов (например, в фонетике — о вокализме 1-го предударного слога, в морфологии — о форме 3-го лица настоящего времени глаголов) и отсутствие в программе других.

Таким образом, программа строится на учете наших предварительных знаний о русских говорах. Такое ее построение обусловлено тем, что сама идея лингвистического атласа предполагает предварительное знание основных фактов данного языка. Невозможно, например, составление атласа говоров совершенно неизвестного (например, вновь открытого) языка: по отношению к такому языку возможно только предварительное монографическое изучение его отдельных говоров. Лишь после этого,— когда неизвестный язык в результате предварительного изучения станет известным во всех основных чертах своего строя и в многообразии своих типичных диалектов,— можно приступить к работам по составлению диалектологического атласа данного языка. Такой подход не навязывает составителю атласа то или иное решение стоящих перед ним вопросов. Но неизвестными при составлении атласа являются не самые факты языка (они в принципе должны быть известны заранее), а лишь их территориальное распределение. Задачей атласа и является выяснение территориального распределения уже известных в основном языковых фактов.

Такова принципиальная постановка вопроса. Однако это не значит, что на практике собиратели материалов для атласа не могут встретиться с теми или иными новыми фактами. Поэтому нередко вопросы формулируются так, что, перечисляя ряд диалектных вариантов, указывается на возможность и иных, не предусмотренных вариантов (ср. частые концовки вопросов: „или как-нибудь иначе"). Во многих случаях перечень диалектных вариантов заканчивается многоточием, как бы приглашающим собирателя отметить и не предусмотренные программой варианты, если таковые имеются. Несмотря на наличие подобных формулировок, все же необходимо по отношению ко всем вопросам программы обратить внимание собирателя на то, что, кроме диалектных вариантов, предусмотренных программой, в говоре могут существовать и иные варианты, отсутствующие в ней; в этих случаях в своих ответах на вопросы программы он должен привести те варианты, которые имеются в говоре, не считаясь с тем, предусмотрены они или не предусмотрены программой.

3. Программа предназначена для собирания сведений по любому русскому говору. Основная задача настоящей программы — предусмотреть важнейшие диалектные различия применительно ко всем говорам русского языка как северновелико-

русским, так и южновеликорусским. Кроме того, необходимо особенно тщательно учесть явления говоров промежуточной полосы, отделяющей два основных наречия русского языка, — полосы, которая характеризуется особенно сложными процессами междиалектного смешения и которая имеет особое значение в образовании русского национального языка.

При этом в настоящей программе не выделены особые группы вопросов, предназначенные только для отдельных типов говоров. Нет, например, вопросов только для окающих или только для акающих говоров: это объясняется тем, что, кроме окающих или акающих говоров, в пограничной полосе имеются говоры, в которых безударные гласные различаются в одних условиях и совпадают в других, т. е. в которых сосуществуют в той или иной мере принципы оканья и аканья. Ср., например, подмосковные говоры Шатурского района, где произносится *вадá, нагá,* но *водú, ногú, водé, ногé, водóй, ногóй* и т. д., т. е. *о* и *а* предударного слога совпадают при наличии под ударением *а* и различаются при других ударенных гласных (по наблюдениям 1929 г.); ср. также совмещение в первом предударном слоге яканья (т. е. неразличения безударных гласных верхнего подъема после мягких согласных) с оканьем (т. е. различением их после твердых согласных) и другие разнообразные сочетания элементов аканья и оканья в говорах с так называемой намечающейся переходностью. Таким образом, вопрос о том, является ли данный говор акающим или окающим, так же как и другие вопросы, касающиеся той или иной квалификации отдельных говоров, не предрешается заранее: он должен быть решен в результате изучения говора, а не до изучения.

Сказанным определяется основной принцип построения настоящей программы: вопросы в ней разработаны таким образом, что каждый из них адресован ко всем русским говорам. С этим связаны многие особенности её: так как для разных говоров существенны разные фонетические положения, а программа предназначена для всех русских говоров, то естественно, что в ней учитываются все положения, которые существенны хотя бы для некоторых (иногда даже не очень многочисленных) говоров. Это несколько увеличило объем программы, но зато, надо думать, облегчит собирание материала, обеспечит необходимую полноту и — что особенно важно — облегчит обработку материала для составления карт атласа.

4. Количество примеров в вопросах программы. На каждое явление в вопросах программы дается обыкновенно довольно большое количество примеров. Эти примеры (в разделах фонетики и морфологии) подбираются таким образом, чтобы они по возможности относились к общему лексическому фонду русского языка и к числу широко распространенных слов. Обилие примеров поможет собирателю ориентироваться в языковом материале, поможет ему в поисках материала.

Наблюдатель должен стараться найти в говоре все предусмотренные в программе примеры. Больше того, весьма важно, чтобы он

кроме них привел на данное явление ряд своих примеров (в особенности местных слов), не предусмотренных программой.

Чем больше будет собрано на каждое явление примеров, тем надежнее будут выводы.

Предположим, составители ответов на программу сообщили, что в обследованных ими говорах произносится: в одних *пять* (или *опять*), в других *петь* (или *опеть*). Если подобных сообщений будет много, из многих мест, то можно составить карту на звуковой вид данного слова. Это будет полезная карта. Но для атласа важны не только такого рода карты отдельных единичных фактов, но и карты цельных, более общих, в данном случае звуковых явлений: как произносятся в тех говорах, где представлен звуковой вид *петь, опеть* слова *грязь, взять, мяли, стреляли, оставляли, днями* (если не употребляется форма *дням, днямы* и др.) и т. д. Если то или иное произношение гласного в подобных случаях проведено последовательно (т. е. вместо всякого *а* между мягкими согласными под ударением произносится *е* в любых морфологических категориях), то мы в праве сделать вывод о фонетическом характере данного явления.

Но давно уже известно, что имеются говоры, в которых *е* произносится в одном или нескольких единичных случаях *(петь, опеть, мечик, племенник* и др.) при звуке *а* в остальных случаях. Имеются также ограничения, обусловленные морфологическим строением слова. Таким образом, возможны говоры, которым свойственно *петь*, но *зять*, или *петь, зеть*, но *взяли, мяли;* или *петь, зеть, взели, мели*, но *днями* (или *сидять*) и т. д., т. е. пределы распространения употребления *е* вместо *а* могут быть неодинаковы для отдельных слов или категорий слов и форм. Такие говоры с разной степенью последовательности в проведении данного явления обычно встречаются территориально между говорами, знающими данное явление как фонетическое (т. е. его последовательно проводящими), и говорами, его вовсе не знающими.

В этом и подобных случаях необходимо будет наряду с картой данного явления составить ряд карт для отдельных, наиболее часто употребляющихся слов с этим явлением. Несовпадение между пределами распространения явления как фонетической (или грамматической) черты и отдельных единичных фактов-слов с признаками этого явления, отмеченное на картах атласа, даст весьма важный материал для истории соответствующих говоров в связи с историей заселения края, путей его колонизации, сменой культурно-экономических центров в нем.

5. О построении вопросов программы. Выше уже было отмечено, что любой вопрос программы предназначен для каждого русского говора. Но так как для разных русских говоров существенны разные фонетические положения или разные грамматические формы, то вопросы программы должны стремиться предусмотреть все эти фонетические положения или все эти грамматические формы.

Поясним это на одном примере. Возьмем такой важный для русской диалектологии вопрос, как гласные 1-го предударного слога. Здесь прежде всего существенно различение положения после твердых согласных и после мягких согласных (ср. аканье в узком смысле слова и яканье). Далее, для многих южновеликорусских говоров существенно качество ударенного гласного (диссимилятивное аканье и яканье). С другой стороны, для северновеликорусских говоров, а также для многих средневеликорусских существенно положение предударного гласного (после мягких согласных) перед твердым или мягким согласным: ср. говоры с умеренным яканьем, а также северновеликорусские говоры, где *нёсу́, нёсла́*, но *неси́*, а также возможно *тяну́*, но *тени́* (при *пять, грясь*).

При этом для всех акающих (якающих) говоров, как правило, несущественно различение разных предударных гласных неверхнего подъема, так как все они (замены старых *ъ, е* и *'а*) в тожественных условиях совпадают в одних и тех же звуках (ср., например, *в лясу́, нясу́, тяну́* или *в лису́, нису́, тину́*). Но их приходится в программе различать, так как в северновеликорусских говорах эти гласные могут полностью или частично различаться. Ср. полное различение трех гласных при произношении в *лесу́, нёсу́, тяну́*. Однако наряду с произношением *в лесу́* в северновеликорусских говорах возможно произношение *в лёсу́*, наряду с *нёсу́* возможно *несу́*, наряду с *тяну́* возможно *тену́*. Поэтому возможно совпадение двух гласных при различении их с третьим (например, *в лёсу́, нёсу́*, но *тяну́*, или *в лесу́, тену*, но *нёсу* и т. д.). Но возможно в северновеликорусских говорах и совпадение всех трех гласных: *в лесу́, несу́, тену́*.

Наконец, приходится учитывать еще одно фонетическое условие: положение после шипящего согласного или перед шипящим согласным. И вот почему: как видно из предыдущего, мягкость или твердость согласных имеет то или другое влияние на качество предыдущего или последующего гласного во всех русских говорах. Положение же шипящих в этом отношении своеобразно: шипящие, в прошлом все мягкие, в дальнейшем в значительной своей части отвердели. Отсюда их двойственная „роль" в отношении к гласным: в одних говорах они „ведут себя" как мягкие согласные, в других — как твердые. Например, при умеренном яканье, т. е. при *нясу, ниси*, произносится *мижа, пишком, в мишке* в говоре с. Шехмина Рыбновского района Рязанской области; ср. с этим говор с. Криуши Солотчинского района, Рязанской области, где при *нясу, ниси* говорят *мяжа, смяшал, убяжал, мяшок* и т. д.[1]

Поэтому, формулируя вопросы о гласных предударного слога таким образом, чтобы по ним можно было собирать материалы всех говоров русского языка, приходится различать такие положения: 1) положение после твердых, мягких или шипящих согласных; 2) положение перед твердым, мягким или шипящим согласным;

[1] По наблюдениям 1940 г.

3) положение перед слогом с различными ударенными гласными (например, перед ударенными *и, ы, у*, с одной стороны, и *а* — с другой; перед ударенными *о, е* разного качества и происхождения); 4) кроме того, приходится давать в вопросах раздельно слова и формы с разными по происхождению предударными (*ѣ, е, 'а*), так как последние полностью или частично могут различаться в северновеликорусских говорах.

Кроме фонетических условий, приходится учитывать еще морфологическую сторону слова и давать на многие фонетические явления примеры, в которых это явление имеет место в корнях, в суффиксах и префиксах, во флексиях именных и глагольных. Учет морфологических условий, в которых встречено звуковое явление, весьма важен для решения вопроса о генезисе явления, о его фонетическом или морфологическом происхождении. Так, например, при умеренном яканье встречаются говоры, где произносят *п'икли́, ут'икл'и́*, несмотря на твердость *к*, видимо, по образцу *в'ил'и́, нис'л'и́, в'из'л'и́* и т. д.; произносят *в в'идре́*, несмотря на твердость *д*, видимо, по образцу *на-с'т'ин'е́, к-вис'н'е́* и т. д. (с. Кузьминское Рыбновского района Рязанской области).

В ряде говоров с некоторыми типами диссимилятивного или ассимилятивно-диссимилятивного яканья при наличии под ударением гласных из *е* (и *ь*) в предударном звучит *и* (*е*),: *бире́за, висе́лый, нисе́м, виде́м* и т. д. (или с гласным *е* под ударением: *бире́за, нисе́м* и т. д.), но перед слогом с тем же ударенным гласным, представляющим собой именную флексию, в предударном звучит *а*: *зямлёй, бяльём, видяньём, мидвядьём* и т. д. (такое произношение отмечено, например в с. Кидусове Спасского района, Рязанской обл.). Изучение этой двойственности — *видём,* но *мидвядём* — в связи с соответствующими явлениями других русских говоров позволит вскрыть целый ряд весьма сложных как фонетических, так и морфологических процессов, имевших место в истории развития соответствующих говоров.

Другой пример. Известно, какое большое значение имеет для истории русского языка история звука *ѣ*. Поэтому соответствующие вопросы в программе должны быть тщательно разработаны. Прежде всего надо отделить вопросы о *ѣ* в ударенном и безударных слогах. Наиболее важное значение имеет судьба звука *ѣ* под ударением, так как в безударных слогах замены *ѣ* в южновеликорусских и средневеликорусских говорах совпадают с заменами других гласных неверхнего подъема. Некоторое значение имеет безударное *ѣ* в северновеликорусских говорах, но и в них имеют место специфические явления безударного вокализма (например, *рёка, бёгу*; см. выше).

Ударенное *ѣ* следует дифференцировать следующим образом:
1) перед твердым согласным
2) перед мягким согласным
} главным образом в корнях.

В положении перед мягким согласным следует, в свою очередь, различать: а) случаи, когда имеется чередование положения перед

мягким с положением перед твердым согласным (*t'êt'* || *t'êt*); ср. обычное, например, вологодское: *на-с'и́н'е — с'ếно*; б) случаи, где такого чередования нет: *м'и́с'ец'*, *з'д'ис'*.

3) На конце слова. Здесь необходима дифференциация морфологическая: следует, например, учитывать употребление звука *ѣ* в формах склонения (*на-стол'ế, на-стол'ê, на-стол'и́*; *к-жен'ế, к-женê, к-жен'и́* и т. д.) и в других случаях (например, в слове *где*)[1]. При *к-жен'и́* может быть *сéно*, так как форма *к-жен'и́* может иметь звук *и* нефонетическим путем.

Только при тщательной дифференциации фонетических условий с учетом морфологической структуры слова и достаточном количестве примеров — как это делается в вопросах программы — можно получить доброкачественный материал, отвечающий современным научным требованиям. Вопросы других разделов программы тоже построены таким образом, чтобы охватить по возможности явления всех русских говоров.

Таким образом, при составлении „Программы" ИРЯЗ была сделана попытка учесть лучшие стороны предшествующих программ. В разработке вопросов фонетики, в тщательном разграничении фонетических условий „Программа" ИРЯЗ продолжает принципы программы МДК; учитывая конкретные частные факты, она следует Большой академической программе; разделы лексики и синтаксиса в значительной мере повторяют „Вопросник" ИЯМ. Это не значит, конечно, что „Программа" ИРЯЗ свободна от отдельных частных недостатков, но, будучи утверждена Институтом русского языка Академии наук СССР, она должна действовать, по крайней мере, до тех пор, пока не будет составлен диалектологический атлас русского языка.

„Программа" ИРЯЗ еще в одном отношении представляет серьезный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Как мы видели, Большая академическая программа была адресована ко всем лицам, желающим производить наблюдения над говорами. Целевая установка программы МДК и „Вопросника" ИЯМ уже была более точная: они обращались к тем, кто собирал сведения о говорах русского языка для составления диалектологической карты русского языка (программа МДК) или диалектологического атласа русского языка („Вопросник" ИЯМ). Однако материал для диалектологической карты или атласа может собираться разными по подготовке лицами: специалистами-диалектологами, аспирантами и студентами, специализирующимися в области истории русского языка, с одной стороны,

---

[1] Старославянский, а также ряд новых славянских языков указывают на то, что слово *где*, как и выше приведенное *здесь*, имело звук *е* (*къ-де сь-де-сь*). Однако русские говоры свидетельствуют о наличии звука *ѣ*. Последний очень рано (с XIII в.) отразился и в древнерусских письменных памятниках. На *ѣ* указывает, между прочим, и сербский язык. Вне зависимости от того, представляют ли формы *къдѣ, сьдѣ* старые варианты наряду с *къде, сьде* или появились в результате позднейшего новообразования, можно считать, что тот или иной гласный в этих словах в русских говорах является непосредственной заменой звука *ѣ*.

и, например, студентами-заочниками всех факультетов, учащимися педучилищ, сельскими учителями, с другой. Названные выше две программы имели в виду как тех, так и других: на основе их проводились диалектологические экспедиции специалистов, в то же время они рассылались на места представителям широких кругов сельской интеллигенции для составления анкетным путем ответов на вопросы.

В противоположность этому, целевая установка „Программы" ИРЯЗ определяется более точно: программа адресована лишь к специалистам (в том числе к аспирантам и студентам, специализирующимся в области русского языка) и может быть использована для изучения говоров прямым методом, путем экспедиций. Этим определяется объем программы, требование последовательного применения фонетической транскрипции и т. д.

§ 265. Краткая программа ИРЯЗ. Однако чтобы привлечь к собиранию сведений о русских говорах более широкие круги местной сельской интеллигенции и прежде всего сельское учительство, Институтом русского языка была создана специальная „Краткая программа"[1]. Таким образом, „Краткая программа" предназначена для собирания диалектологического материала не прямым методом, путем экспедиций, а косвенным, анкетным методом, путем широкой рассылки на места представителям местной интеллигенции.

Краткая программа обходится почти без фонетической транскрипции. Составление ответов на ее вопросы не требует особой специальной подготовки. В связи с тем, что она предназначена для весьма широкого круга лиц, неспециалистов, в ней сужен охват языковых явлений: оставлены явления наиболее важные и, по возможности, не представляющие больших трудностей для составителей ответов.

Иллюстративный материал (примеры) краткой программы имеет свои существенные особенности по сравнению с полной: в разделах фонетики и морфологии оставлена лишь общерусская лексика, и притом слова наиболее употребительные. В фонетике — везде, где возможно, примеры даются в „начальной форме" (им. п. ед. ч., инфинитив) или в других формах, но действительно общеупотребительных; избегаются формы диалектные, могущие отсутствовать в ряде говоров. Это дает возможность устранения всякого рода оговорок и примечаний, которых по необходимости требует большая программа. Например, для выяснения произношения гласных предударного слога избегается в качестве примера форма *у сестрй*, так как по говорам представлена также форма *у сестрé*, равно как не дается форма *на семью*, так как в некоторых говорах представлена форма вин. п. ед. ч. с ударением на 1-м слоге: *на сéмью*. Все это заметно облег-

[1] См. „Краткая программа для собирания сведений о народных говорах русского языка", изд. Академии наук СССР, 1946. Программа эта была издана первоначально для рассылки в пределах территории, картографируемой в VI томе атласа русского языка; в 1947 г. она была переиздана Куйбышевским педагогическим институтом для X тома атласа русского языка.

чает составление ответов на вопросы „Краткой программы". Таким образом, „Краткая программа" в основном является извлечением из полной, методически переработанным, упрощенным, облегченным.

„Краткая программа" должна помочь получить с мест массовый дополнительный материал. Ценность этого материала — прежде всего в его массовости. В ряде случаев он позволит установить более точно пределы распространения того или иного языкового явления. Материалы, собранные по краткой и полной программам, будут служить также для взаимного контроля, поскольку из многих мест будут получены ответы как на полную, так и на краткую программы. Быть может, некоторые ответы на краткую программу важностью своих данных побудят к снаряжению особой экспедиции в соответствующие пункты.

Таким образом, обе действующие в настоящее время программы Института русского языка, как полная, так и краткая, имеют целью собрать материал для атласа русского языка. Поэтому они построены на одинаковых теоретических принципах. Но предназначены они для разного круга лиц и для работы разными методами: полная имеет в виду специалистов и изучение говоров путем экспедиций, краткая предназначена для распространения среди местных жителей (прежде всего учительства) и имеет в виду анкетный метод работы — составление ими ответов на вопросы. В связи с этим они резко отличаются как по своему объему, так и по характеру методической разработки.

§ 266. В заключение краткого обзора диалектологических программ необходимо сделать еще одно замечание. Выше мы не раз пользовались терминами „прямой" и „косвенный", или „анкетный" методы, имея в виду под первым непосредственные наблюдения специалиста путем выезда на место, а под вторым — составление ответов на вопросы программы местным жителем — неспециалистом, но обладающим достаточной общеобразовательной подготовкой. Надо иметь в виду всю условность этого разграничения. Ведь в обоих случаях предполагается так или иначе производство непосредственных наблюдений над говором. Следовательно, такое противопоставление в основном опирается на то, какой круг наблюдателей, составителей ответов на вопросы программы, принимать за специалистов, а какой — за неспециалистов. Из этого ясно, насколько условно разграничение прямого и анкетного методов, хотя оно и важно практически. Из прошлого русской диалектологии известно, что иногда анкетным методом получались данные первостепенной научной важности (ср., например, ответ на программу МДК сельского учителя Тоньшина о говоре с. Новоселки Рыбновского р., Рязанской области [1]) и, напротив, экспедиции специалистов не всегда давали достаточно полноценные результаты.

---

[1] См. „Труды Московской диалектологической комиссии", вып. 3, 1914.

Лингвистическая география.

Общие сведения.

§ 267. Задачи диалектологии усложнялись и видоизменялись вместе с ростом языкознания как науки. Первоначально диалект мыслился как географически замкнутое языковое единство с точно очерченными границами. Самое происхождение диалектов во всех случаях объяснялось как результат распадения некогда существовавшего языкового единства. Мало учитывалось взаимодействие между диалектами, влияние одного диалекта на другой, смешение диалектов и языков, которые имели место с самых отдаленных эпох, принимая в разных исторических условиях разные конкретные формы. Такова была точка зрения младограмматиков, основанная на антинаучной теории праязыка.

Однако уже в конце XIX в. по мере накопления фактического материала выяснилось, что представление о диалекте как замкнутой в себе, географически точно очерченной единице не соответствует действительности. Оказалось, что границы распространения отдельных диалектных черт весьма часто не совпадают друг с другом. Отсюда некоторые ученые сделали далеко идущий и в основе своей неверный вывод о том, что диалектов как таковых вообще не существует, а есть лишь отдельные языковые явления, каждое из которых имеет свои границы. Однако на базе указанных выше конкретных наблюдений возникла лингвистическая география, оказавшая большое влияние на развитие истории языка как науки.

§ 268. Лингвистическая география имеет дело с отдельным языковым явлением (фонетическим, морфологическим, синтаксическим, лексическим) или отдельным конкретным языковым фактом. Она устанавливает границы территориального распространения каждого явления или частного языкового факта. Эти границы, нанесенные на карту, носят наззание изоглосс. Термин „изоглосса" греческого происхождения (ср. греческие ἴσος — равный и γλῶσσα — речь, язык). Изоглоссой называется линия на географической карте, соединяющая крайние пункты распространения отдельного языкового явления[1]. Так как разновидности данного языкового явления часто не имеют сплошной границы, а на части территории взаимно проникают, то изоглосса не всегда действительно является линией, а нередко представляет собой условные знаки (разного цвета или разных фигур) или просто написания картографируемого явления, покрывающие всю карту и указывающие территорию распространения той или иной разновидности языкового явления и зону их взаимного проникновения.

При нанесении на карту изоглосс разных языковых явлений территория того или иного языка оказывается пересеченной множе-

---

[1] Ср. географические термины „изотера" (греческое θέρος — лето), „изотерма" (греческое θέρμη — жар), „изохимена" (греческое χεῖμα — зима), обозначающие линии на географической карте, соединяющие места с одинаковой температурой лета (изотера), с одинаковой средней температурой (изотерма), с одинаковой температурой зимы (изохимена).

ством линий, проходящих в разных направлениях, часто пересекающих друг друга, так как границы распространения (изоглоссы) разных языковых явлений редко совпадают между собой. Однако не совпадая полностью, нередко целые группы изоглосс проходят близко друг к другу, образуя своего рода пучок изоглосс. Между такими пучками изоглосс выделяются центральные области, обычно тяготеющие или тяготевшие в прошлом к определенному культурно-экономическому центру. Наличие таких центральных областей дает возможность говорить не только об отдельных диалектных языковых чертах, но и о диалектах как об определенном типе языка, характеризующемся своеобразной языковой системой.

§ 269. Неодинаковая территория, на которой бытуют разные диалектные явления, свидетельствует о различных культурных и социально-экономических связях населения в прошлом. Как правило, наличие на данной территории в течение более или менее длительного времени экономических, политических и культурных связей между населением является причиной появления на ней о б щ и х языковых черт, — напротив, отсутствие таких связей между населением разных частей данной территории ведет к появлению на них р а з н ы х диалектных черт. Поэтому данные о территориальном распределении языковых явлений приобретают весьма важное значение при историческом изучении языков и диалектов. Они сопоставляются с данными историческими, археологическими, этнографическими в их географическом распределении. Оказывается, что границы одних диалектных явлений совпадают полностью или частично с территорией того или иного государства позднего средневековья, границы других явлений — с территориями земель и княжеств эпохи феодальной раздробленности, а границы третьих явлений, быть может, в известной мере соответствуют еще племенным объединениям родового общества. Само собой разумеется, что данные лингвистической географии должны контролироваться данными истории языка и изучаться в тесной связи с последними: диалектное явление может быть различно интерпретировано в зависимости от того, является ли оно архаизмом или новообразованием; история языка нередко дает весьма важные сведения об относительной хронологии данного явления сравнительно с другими, она нередко указывает на время появления данной диалектной черты или хотя бы на время, не позднее или не ранее которого данная черта могла появиться (см. об этом выше § 199).

Исторические данные помогают лингвистам уяснить происхождение соответствующих языковых явлений и диалектов. С другой стороны, сами историки для древнейших эпох обладают часто очень скудными источниками. Поэтому данные о древнейших диалектных чертах, добываемые лингвистической географией и историей языка, приобретают в известной степени характер исторического источника, используемого историками при установлении этнических отношений этих эпох.

Таким образом, территориальное распределение диалектных черт

является как бы пространственной проекцией пройденного языком и диалектами исторического пути. Задача заключается в том, чтобы правильно „прочесть" и интерпретировать данные лингвистической географии. Это достигается путем перекрестного изучения данных лингвистической географии, истории языка и истории в широком смысле слова.

§ 270. Начиная с последней четверти XIX в., развертывается разработка вопросов лингвистической географии на Западе.

В 1876 г. немецкий ученый проф. Г. Венкер приступил к собиранию материала для составления лингвистического атласа немецкого языка. Для этой цели он составил и распространил специальную анкету, состоящую из 40 предложений, с просьбой перевести их с литературного языка на местные диалекты.

Полученные ответы в количестве до 45 000, составленные школьными учителями, и послужили материалом для немецкого атласа, состоящего из 1500 рукописных карт отдельных языковых явлений. После смерти Венкера (в 1911 г.) работа была продолжена его сотрудниками во главе с Вреде. Часть этих карт была впоследствии издана[1].

Приблизительно в то же время труды французского ученого Жильерона положили начало развитию лингвистической географии во Франции[2]. В противоположность немецкому атласу, материал которого собирался анкетным путем, французский атлас основан на материале, собранном прямым методом. Жильерон также составил анкету или, как более принято у нас называть, программу, содержащую до 2000 слов и выражений, которые предназначались для перевода на местные диалекты. Но этот „перевод" был сделан не тысячами неподготовленных местных учителей, а одним лицом и при том специалистом — сотрудником Жильерона Эдмоном. Эдмон в течение четырех лет (1897—1901) лично посетил 638 населенных пунктов и собрал там необходимый материал. Это, несомненно, способствовало значительно более высокому качеству записей, а также единству в методах собирания материала.

Из лингвистических атласов более позднего времени можно указать на итальянский, румынский, американский и некоторые другие. Они строятся в основном на тех же принципах, что и лингвистический атлас Франции.

Лингвистическая география, выросшая в условиях борьбы с младограмматическим учением о языке, в общем явилась определенным шагом вперед в развитии науки. Однако она не вышла за рамки старой буржуазной науки о языке и прекрасно ужилась с традиционным компаративизмом младограмматиков [3].

---

[1] См. Wrede F., Deutscher Sprachatlas auf Grund des von Georg Wenker gegründeten Reichs, Marburg 1926.

[2] См. J. Gillieron et E. Edmont, Atlas linguistique de la France, Paris 1900—1912.

[3] Обзор взаимоотношений между учением младограмматиков и лингвистической географией, а также критику западноевропейской лингвистиче-

Основной порок западноевропейской лингвистической географии заключается в том, что она по существу отказалась от исследования вопросов генетического порядка, придав решающее значение изучению лишь территориального распространения языковых фактов, т. е. превратив лингвистический атлас из средства исторического изучения языков в самоцель. При этом историческое объяснение языковых явлений она строит на буржуазном абстрактном социологизме, ничего общего не имеющем с марксистско-ленинским учением об обществе. При помощи метода изоглосс современные диалекты обычно возводятся к тем или иным эпохам классового общества, чаще всего к различным периодам эпохи феодализма. Однако только применение марксистско-ленинского метода даст возможность исследователю сделать выводы относительно диалектов более древних эпох, в частности родового строя, вскрыть социальную обусловленность языков и диалектов, зависимость языковых явлений от общественно-экономического базиса. Вопрос о проникновении в более древние эпохи доклассового общества стоит на очереди. Нельзя не отметить здесь, что Ф. Энгельс в своем замечательном исследовании „Франкский диалект", на десятилетия предвосхитив достижения лингвистической науки, установил племенной франкский диалект. В противоположность данным современной ему диалектологии, в целях возможно более глубокого исторического анализа Ф. Энгельс отказался от группировки диалектов по наличию или отсутствию так называемого верхненемецкого передвижения согласных, так как оно представляет собою явление позднейшее, наслоившееся на старые племенные диалектные границы. Сняв этот позднейший пласт, Ф. Энгельс вскрыл основы племенного франкского диалекта, который, несмотря на некоторые свои частные отличия, восходящие к еще более отдаленному прошлому, характеризуется рядом общих черт.

Совершенно неприемлемым для советского языкознания является и самое понимание представителями западноевропейской лингвистической географии диалектного различия (диалектной черты). Под диалектным различием они, в особенности во французском атласе, имеют обычно в виду не то или иное явление как определенное звено или элемент языковой системы, а скорее конкретный единичный факт-слово. Составители французского атласа отрицают существование границ фонетических или морфологических явлений: для них реально существуют лишь отдельные слова, жизнь которых (говоря словами составителей — их „путешествия", „столкновения", „борьбу", „победу", „гибель") они и изучают. Варианты фонетические и морфологические показаны на картах французского атласа, так как слова даны в фонетической транскрипции, но они не выделяются среди вариантов лекси-

---

ской географии см. в статье проф. С. Д. Кацнельсона „Лингвистическая география и история языка" („Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка", вып. 4, изд. Акад. наук СССР, 1948).

ческих: на одной и той же карте даются слова разных корней, а также фонетические и морфологические варианты каждого из них. Таким образом, качественно различные явления, отражающие различные элементы в строе языка, на картах обычно не выделяются.

В немецком атласе в большей степени дифференцируются отдельные стороны языка, в частности фонетика и морфология от лексики. В нем, в отличие от французского атласа, имеются карты фонетические и морфологические. Однако в этих картах все же рассматриваются фонетические и морфологические особенности данных слов, а не соответствующие явления как элементы языковой системы.

Таким образом, для обоих атласов, в особенности французского, характерно внимание не к строю языка как таковому (фонетическому, морфологическому, синтаксическому), а к отдельному слову, его звуковому оформлению, его форме, значениям, к синонимике. Для Жильерона особенно характерно пренебрежительное отношение к фонетике. Исходя из того, что фонетические закономерности обычно не выдерживаются последовательно, что отдельные слова с признаками данного фонетического явления могут заходить далеко в глубь территории, диалектам которой не свойственна данная фонетическая черта, делались поспешные выводы об отсутствии фонетических закономерностей, а отсюда — и об отсутствии диалектов. Подобные выводы делались также на основе наблюдений над грамматическими явлениями, так как иногда та или иная грамматическая форма или синтаксическая конструкция оказывается прикрепленной к определенным словам и тоже создает, таким образом, своеобразное исключение в морфологической и синтаксической системе диалекта. Такого рода выводы, по существу, приводили к отказу от изучения закономерностей языкового развития, так как последнее не покрывается изучением распространения отдельных слов даже при условии учета различий в их звуковом оформлении и формах, изучением разных значений и т. д.: все это лишь частные проявления более общих языковых закономерностей, изучение которых настоятельно необходимо. Таким образом несомненен разрыв между буржуазной лингвистической географией и изучением строя языка в том понимании, которое давно уже выдвинуто советским языкознанием.

Исключительное внимание ко всякого рода отклонениям от системы, к „исключениям", важное значение которых, вне всякого сомнения, заслонило у представителей буржуазной лингвистической географии необходимость изучения строя языка в его развитии. Язык в своем территориальном распространении им представляется зыбким конгломератом исключений и отклонений, где господствует случайное, а не закономерное. Отрицание необходимости, преклонение перед случайностью, бессилие в установлении закономерностей развития изучаемых явлений — все эти органические пороки буржуазной науки в полной мере относятся к представителям западноевропейской лингвистической географии. Последние не поняли, что в качестве

исключений в данном диалекте служат обычно такие факты, которые в другом диалекте являются закономерными. А так как отдельные диалекты не образуют замкнутую в себе систему, а входят в состав более общей системы того или иного языка, то, следовательно, в масштабе этого языка и самые исключения закономерны.

Западноевропейская лингвистическая география оказалась совершенно несостоятельной при изучении строя языков в его развитии, т. е. при постановке проблем стадиально-типологического порядка.

Итак, западноевропейская лингвистическая география, как правило, пренебрегает вопросами строя языка, уделяя основное внимание слову как единичному факту. Подобная точка зрения явилась как реакция против учения младограмматиков с его „слепыми" фонетическими законами, не знающими исключений. Но как младограмматики, так и представители западноевропейской лингвистической географии в равной мере оказались чужды понятию о строе языка как определенной развивающейся системе, целостном орудии общения. При этом точка зрения последних не может быть оправдана материалом романских и германских языков, диалекты которых, как известно, находятся между собою в иных, значительно более далеких отношениях, чем диалекты русского языка, так как во всех случаях изучение строя языка является одной из важнейших задач языкознания. Изучение особенностей строя языка в территориальном распределении (наряду с изучением единичных фактов-слов) тем более необходимо по отношению к таким языкам, как русский, диалекты которого отличаются чрезвычайной близостью друг к другу. Указанная точка зрения, при которой возводятся в общую теорию наблюдения над некоторыми явлениями немногих языков, антиисторична по своему существу, так как отрицает многообразие исторических путей сложения диалектов и национальных языков и потому многообразие их связей и взаимоотношений в настоящее время.

Исходя из понятия диалектного различия лишь как частного единичного факта-слова и основываясь на идеалистических буржуазных лингвистических концепциях, представители западноевропейской лингвистической географии, по существу, отказались от изучения социальной обусловленности языка, его строя с точки зрения стадиально-типологической, от изучения общих закономерностей происхождения и развития языков и диалектов. Эти кардинальные вопросы лингвистической науки поставлены лишь советским языкознанием, новым учением о языке.

Поэтому западноевропейские опыты лингвистической географии не могут служить образцом при составлении диалектологического атласа русского языка.

Диалектологический атлас русского языка должен строиться на основе методологии марксизма-ленинизма, достижений советского языкознания, исходя из специфики материала русского языка и его говоров.

О работах по лингвистической географии русского языка.

§ 271. Русское языкознание до сих пор не имеет своего лингвистического атласа. Это связано как с пренебрежительным отношением царского правительства к развитию русской науки в дореволюционной России, так и с обширностью территории русского языка, которая не идет ни в какое сравнение с территорией любого другого европейского языка. Но идея лингвистической географии зародилась в России очень рано. Еще в начале 50-х годов XIX в., когда в Западной Европе не была начата разработка лингвистической географии, акад. И. И. Срезневский в своих „Замечаниях о материалах для географии русского языка" говорил о „первой и насущной потребности этой новой науки — составлении языковой карты"[1]. Вопрос о диалектологической карте русского языка ставился и позднее. Акад. В. И. Ламанский считал составление такой карты „великой насущной нуждой русской науки, литературы и образованности". Сторонником лингвистической географии у нас является также акад. А. И. Соболевский[2].

Однако отсутствие достаточного количества подготовленных кадров при обширности территории и при нежелании царского правительства отпустить необходимые средства не дали возможности в досоветский период практически поставить вопрос о создании диалектологического атласа русского языка. Появлялись отдельные частные карты говоров ограниченной территории, например карта Лукояновского уезда Нижегородской губернии[3], „Диалектологическая карта Калужской губернии"[4], а также работы, посвященные отдельным явлениям — смягчению задненебных после мягких согласных, диссимилятивному аканью и т. д.[5].

§ 272. Изучение территориального распределения русских говоров в целом началось после организации в 1903 г. по инициативе группы молодых московских ученых, поддержанной академиком А. А. Шахматовым, Московской диалектологической комиссии. Основной задачей этой комиссии являлось составление диалектологической карты русского языка. Составители карты разработали специальную диалектологическую программу и разослали ее на места[6].

---

[1] См. „Вестник Русского географического общества", 1851 г., ч. I, кн. 1—2, СПБ 1851.

[2] См. его разбор „Опыта диалектологической карты русского языка..." в „Журнале министерства народного просвещения", 1915 г., июнь, а также его проект лингвистического атласа русского языка, сохранившийся в архиве Академии наук СССР. Об этом проекте см. у Р. Гельгардта „Очерки из истории языкознания. К критике лингвистической концепции проф. Д. Н. Ушакова", Молотов 1945, стр. 77—78. (Отдельный оттиск из „Ученых записок Молотовского государственного педагогического института".)

[3] Б. М. Ляпунов, Живая старина, 1894.

[4] Н. Н. Дурново, Диалектологическая карта Калужской губернии, СПБ 1903.

[5] См. обзор работ по русской лингвистической географии во 2-й части настоящей книги, в главе „Очерк истории русской диалектологии".

[6] О программе МДК см. выше, § 262.

Ответы на эту программу и имевшиеся к тому времени печатные сведения по русской диалектологии послужили материалом для „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии", выпущенной под редакцией Д. Н. Ушакова в 1915 году.

В диалектологической карте МДК показаны территории современных восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского), а также членение каждого из них на наречия и группы говоров. Следовательно, авторы этой карты картографируют не отдельные языковые явления, а целые наречия и говоры, что связано с их воззрениями на диалекты и их развитие. Об этом они сами пишут в предисловии к своему „Опыту...": „В пределах отдельных наречий мы объединяли сходные говоры в группы и устанавливали границы этих групп на карте. Это отвечает нашим принципиальным взглядам на диалектическое дробление языка. Хотя этот способ картографирования и влечет за собой неизбежно некоторые неточности, мы всё-таки предпочли его другому (рекомендуемому, между прочим, Соболевским в его рецензии на нашу карту и принятому, например, во французских диалектологических картах), состоящему в нанесении границ отдельных черт произношения без попытки установить диалектические группы" (стр. IV). Авторы задались целью показать на одной карте, доступной для широких кругов, территорию распространения отдельных восточнославянских языков и их наречий, а также более мелкие членения внутри наречий. Эту задачу они выполнили путем изучения (правда, очень незначительного за отсутствием массового материала) границ распространения небольшого комплекса черт, признанных ими существенно-важными. Так, например, с-в-р наречие было выделено на основании оканья в 1-м предударном слоге после твердых согласных, взрывного образования *г* и твердого *т* в 3-м л. глаголов; ю-в-р наречие — на основании аканья, фрикативного образования *г* (γ), мягкого *т* в 3-м л. глагола. Между территориями центральных областей этих наречий находится зона говоров, в том или ином виде совмещающих признаки того и другого наречия. Это — зона ср-в-р говоров. Что касается выделения авторами групп говоров внутри того или иного наречия, то оно производится, хотя и не совсем удачно, почти исключительно на основе изучения территориального распространения одной отдельной черты: в с-в-р наречии — по судьбе старого *ѣ*, в ю-в-р наречии — по типам яканья в 1 предударном слоге.

Итак, авторы „Опыта..." стояли на ложном — традиционном, младограмматическом понимании диалекта и его образования в результате последовательного членения некогда единого языка.

Накопившиеся после 1915 г. материалы, в особенности материалы, собранные за последние годы для Диалектологического атласа русского языка, вскрывают многие ошибки и неточности в карте МДК, объясняемые прежде всего ложностью общей концепции, праязыковой в своей основе.

Других попыток сведéния диалектного материала и его картографирования после 1915 г. не было, если не считать карт, приложенных к „Введению в историю русского языка“ Н. Н. Дурново (Brno 1927). В этой работе даны 4 карты, в основе которых лежит карта МДК. Две из них воспроизводятся в настоящей книге.

§ 273. Весьма характерна критика, которой подверглась диалектологическая карта МДК со стороны акад. А. И. Соболевского. Акад. А. И. Соболевский, как и И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, предлагал изучать говоры методами лингвистической географии — картографировать распространение отдельных диалектных явлений, отказавшись от составления карт с нанесением хотя и четких, но в значительной мере мнимых границ говоров. „Вместо того, чтобы пытаться установить границы между подразделениями великорусских и белорусских наречий, составители карты с большим успехом могли бы попробовать отметить на ней особенно яркие черты говоров“, — писал акад. А. И. Соболевский в своей рецензии на диалектологическую карту МДК, указывая тут же примерный перечень таких явлений: мягкое *к* после мягких согласных, диссимилятивное аканье, *у* вместо *в*, *с* вместо *ц*, дзеканье, цоканье и др. — „Впечатление от карты с указанием на эти и подобные черты, — продолжал акад. А. И. Соболевский, — получилось бы более сильное, чем от той которую мы перед собой имеем“[1].

Позднее, представляя в Государственное издательство проект лингвистического атласа русского языка, акад. А. И. Соболевский писал:

„Такой атлас, в основу которого должны быть положены карты-монографии, фиксирующие районы распространения отдельных или сродных языковых фактов, важен в следующих отношениях: во-первых, существует ряд языковых явлений, район распространения коих не совпадает с современными диалектными границами (а они важны); во-вторых, детальное изучение отдельных языковых явлений внесет необходимый корректив в установленные приблизительные и суммарные деления“[2].

Из приведенной выдержки видно, что акад. А. И. Соболевский, придавая весьма большое значение изучению изоглосс отдельных явлений, в то же время не отрицает диалектов и их групп как реально существующих языковых типов.

Критика акад. А. И. Соболевского, безусловно, имела свое значение. Однако приступить к непосредственной работе над диалектологическим атласом русского языка удалось значительно позже — лишь со второй половины тридцатых годов[3].

---

[1] См. „Журнал министерства народного просвещения“, 1915, июнь, стр. 401.

[2] Цитирую по Р. Р. Гельгардту. См. сноску 2 на стр. 297.

[3] Метод лингвистической географии на материале белорусского языка применял Бузук. См. его „Спробу лінгвістичнае географіі Беларусі“, Менск 1928.

§ 274. Из работ, посвященных отдельным явлениям, наиболее крупной является труд Д. К. Зеленина „Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации" (СПБ 1913). Тщательно изучив географическое распространение

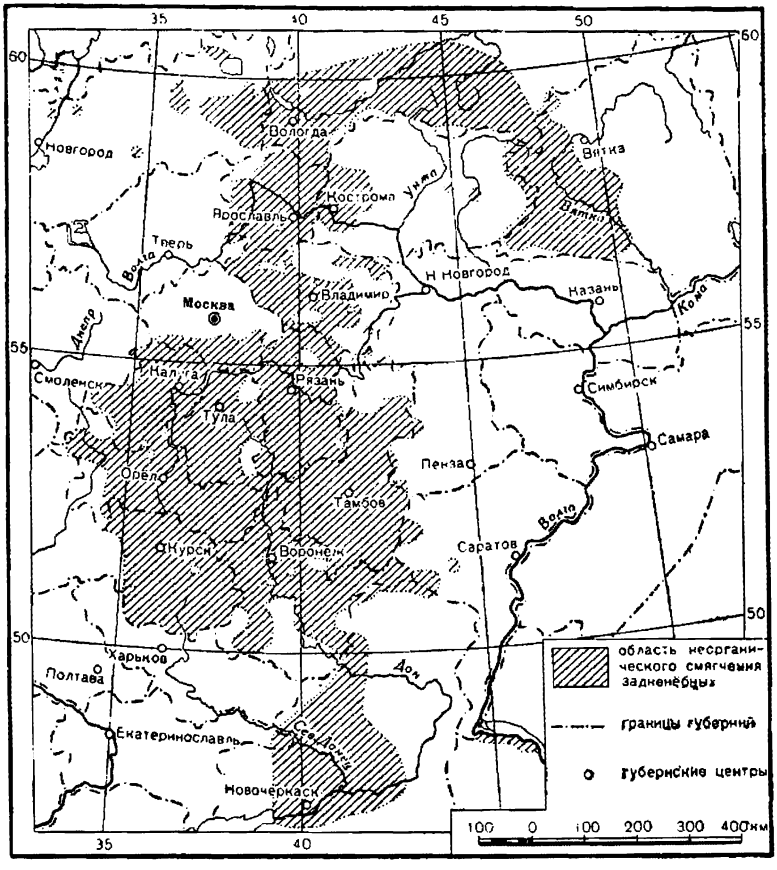

Рис. 1. Карта распространения неорганического смягчения задненебных (составил *Д. К. Зеленин*, 1913).

смягчения задненебных после мягких согласных (*вáн'к'а*, *п'éч'к'а*) в связи с материальной культурой и историей колонизации соответствующих частей нашей страны, автор сделал ряд весьма интересных, хотя и не во всем бесспорных выводов. Во всяком случае, можно считать установленным, что смягчение задненебных после мягких согласных произошло в сравнительно позднюю пору, после утраты редуцированных (по Д. К. Зеленину, не ранее XV в.); что

оно возникло на ю-в-р территории и притом, видимо, первоначально на востоке ю-в-р территории; что отсюда оно позднее распространилось на другие русские говоры, в том числе с-в-р. Автор высказывает интересную гипотезу о том, что

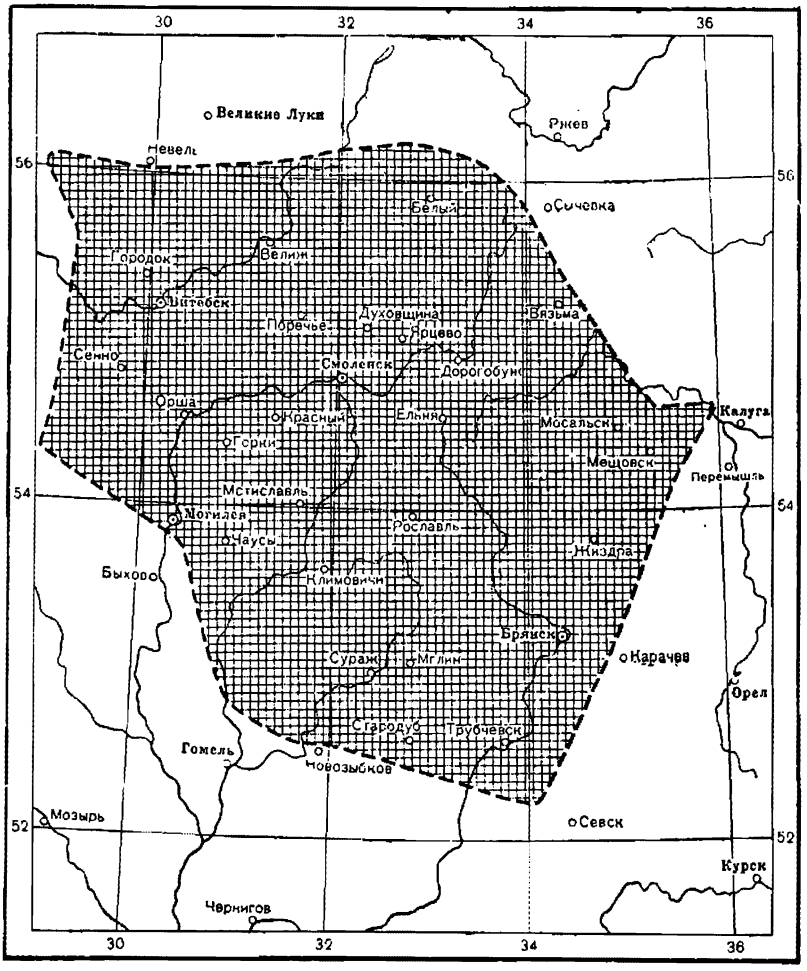

Рис. 2. Карта диссимилятивного аканья (*И. Г. Голанов*).

в распространении изучаемой черты большую роль сыграли „военно-служилые люди (предки однодворцев), заимствовавшие эту диалектическую черту от детей боярских" (стр. 533). Д. К. Зеленин в своей работе весьма убедительно доказал сложный социальный состав ю-в-р населения и дифференциацию их говоров

по социальному признаку (различия в говорах однодворцев, крестьян монастырских, государственных, помещичьих и т. д.)[1].

К области лингвистической географии относится работа проф. И. Г. Голанова „О диссимилятивном аканье“[2], в которой делает-

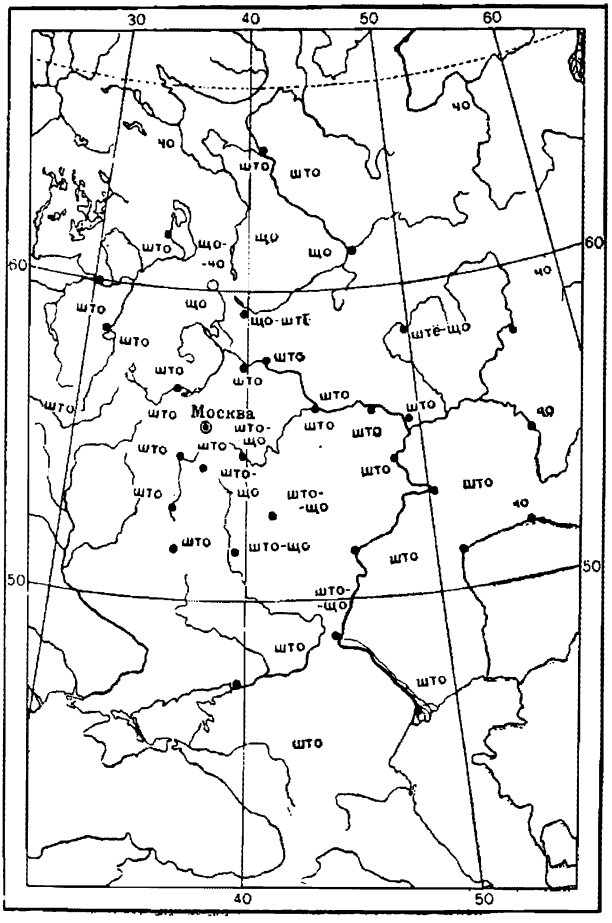

Рис. 3. Местоимение *что* и его варианты (составил *П. Я. Черных*, 1927).

[1] Критика работы Д. К. Зеленина дана акад. А. А. Шахматовым (см. „Изв. ОРЯС“, т. XX, кн. 3, 1915, стр. 332—358). В той же книге „Изв. ОРЯС“ помещена статья Д. К. Зеленина „К вопросу об изучении социальной жизни языка“ (стр. 119—125), где автор излагает основные положения своей работы. „Карту великорусских говоров с неорганическим смягчением задненебных“, составленную Д. К. Зелениным (с некоторыми упрощениями и в уменьшенном масштабе), см. на стр. 300.

[2] См. „Труды МДК“, вып. 3, 1914, стр. 182—218.

ся попытка установить территорию распространения этого явления [1].

Однако территория распространения диссимилятивного аканья, в особенности на востоке и юго-востоке, не может считаться установленной. Ряд поправок в этом отношении был внесен уже вскоре после опубликования названной работы. Еще больше поправок внес сам автор проф. И. Г. Голанов в статье „Несколько новых данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья" (1927)[2]. В этой статье указывается, что, кроме территории, показанной на карте, диссимилятивное аканье распространено в западном углу б. Ржевского уезда Тверской губ., в северо-восточных уездах б. Смоленской губ. — Бельском, Сычевском, Вяземском, Юхновском, а также в западной части Гжатского уезда до самого г. Гжатска и даже несколько восточнее. Кроме того, диссимилятивное аканье отмечено в некоторых уездах б. Орловской губ. — в г. Карачеве, в Дмитровском уезде, видимо, также в Севском уезде, в б. Курской губ. — в Дмитриевском уезде, а также в отдельных местах Тимского, Обоянского, Курского и Щигровского уездов.

Нам пришлось наблюдать диссимилятивное аканье у нескольких лиц — по происхождению мещан городов Курска и Обояни.

Из более поздних трудов отметим работу проф. П. Я. Черных, о местоимении *что*, к которой приложена карта [3]. Эта карта составлена также на основе недостаточного количества сведений. Собранные за последние годы материалы диалектологического атласа русского языка позволяют внести значительные уточнения.

Организация работы над Диалектологическим атласом русского языка.

§ 275. Вопрос о создании диалектологического атласа русского языка давно уже занимал русских ученых. Еще Московская диалектологическая комиссия (позднее переименованная в Постоянную комиссию по диалектологии русского языка) по окончании работы над диалектологической картой поставила перед собой задачу составления атласа русского языка. После Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о создании атласа русского языка поставил давний сторонник лингвистической географии акад. А. И. Соболевский [4]. По окончании деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (в 1932 г.) вопрос о составлении атласа русского языка был поставлен вновь организованной диалектографической комиссией. Однако в течение всего этого времени не удавалось приступить к

---

[1] Карту проф. И. Г. Голанова см. на стр. 301.

[2] См. в „Сборнике в честь А. И. Соболевского", 1927, стр. 479—483.

[3] П. Я. Черных, Очерки по географии русского языка. Местоимение *что* и его варианты, 1927. Карту П. Я. Черных см. на стр. 302.

[4] См. выше § 273.

практическому осуществлению этой давно назревшей задачи: не были еще найдены организационные формы, мало было подготовленных кадров.

Лишь в 1936 г. в Институте языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра (Ленинград) было положено начало этой большой работе. Был составлен „Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка", вышедший затем в ряде изданий и широко применявшийся на практике. „Вопросник" рассылался по вузам; по нему собирали материалы многочисленные диалектологические экспедиции местных и центральных вузов. Для выработки основных принципов и техники картографирования был создан пробный атлас небольшой территории — района озера Селигер. Составляется и уже близок к завершению атлас русских говоров северо-запада Европейской части СССР, который составит I том Диалектологического атласа русского языка.

Перед войной в работу включился также Институт языка и письменности народов СССР АН СССР (Москва). К работе над атласом русского языка были привлечены многие вузы. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала начатую работу над атласом, хотя собирание диалектологических материалов в ряде областей не прекращалось.

Новый этап в работе над атласом русского языка начался после создания в конце 1944 года Института русского языка АН СССР, где сосредоточилась организация и руководство работами над атласом. В этот период неотложной задачей явилась необходимость обобщить накопленный еще с довоенных лет большой практический опыт, зафиксировать выработанные принципы в ряде руководящих материалов и сделать их доступными для всего многочисленного коллектива, работающего над созданием атласа русского языка.

Еще до войны обнаружились серьезные недостатки и пробелы в „Вопроснике" и появилась необходимость его переработки. Наконец, нужно было составить план атласа русского языка в целом, наметить его части, территорию каждой части и ее построение. Это было сделано Институтом русского языка в изданной „Программе собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка", изданной в виде отдельной брошюры в 1945 г. и потом несколько раз переиздававшейся. В этой брошюре была опубликована программа, которая включает в себе материал ранее составленного „Вопросника" и заменила собой этот последний. Вместе с программой, утвержденной Институтом русского языка и ставшей с 1945 г. основным руководящим документом для всех лиц, работающих над атласом русского языка, был опубликован также ряд инструктивных материалов методического и теоретического характера, имеющих целью разъяснить построение программы, дать сведения о методике собирания и обработки диалектологического материала, о плане атласа, а также ориентировать читателя в вопросах лингвистической географии применительно к материалу русской диалектологии.

Работа эта проводилась в тесном контакте со всеми основными кадрами диалектологов нашей страны и при непосредственном их участии. За время с 1944 по 1948 г. был проведен ряд совещаний по вопросам работы над атласом русского языка в Москве, Ленинграде, Вологде, Куйбышеве, Ростове на Дону, Ярославле, Саратове, Чкалове, Костроме. В работе этих совещаний участвовали основные кадры диалектологов Советского Союза.

В работе над атласом русского языка участвуют десятки вузов, большое количество профессоров и преподавателей, аспиранты, сотни студентов. В некоторых вузах для участия в работе над атласом организованы специальные диалектологические кабинеты. Министерство высшего образования СССР и Министерство просвещения РСФСР оказывают содействие этой работе.

О составе Диалектологического атласа русского языка и построении его частей.

§ 276. Диалектологический атлас русского языка охватывает территорию распространения русского языка в Европейской части СССР. Непосредственная работа по составлению атласа русского говора Сибири и Дальнего Востока будет начата позднее.

§ 277. Состав атласа. Ввиду обширности территорий распространения русских говоров, Диалектологический атлас русского языка будет состоять из ряда томов, каждому из которых будет соответствовать определенная территория, участок („квадрат"). Таким образом, территория распространения русского языка будет разделена на ряд частей; диалектологические карты по каждой из них будут составлять особый том атласа.

Таких томов для Европейской части СССР предполагается 11.

Все эти томы атласа будут составлены на основе материалов, добытых прямым методом, путем экспедиций по программе Института русского языка АН СССР [1]. Кроме этих областных томов, в состав атласа войдет: а) заключительный сводный том, в котором будут показаны пределы распространения наиболее важных языковых явлений по всей территории русского языка в Европе (12-й том); б) дополнительный том, задача которого — показать состояние разработки русской диалектологии до начала сбора материалов для атласа (13-й том). Источниками этого тома, в отличие от всех остальных, явятся печатные и архивные материалы, которые будут исчерпывающе изучены. Этот том будет представлять собой богато документированный труд справочно-библиографического характера с приведением непосредственного языкового материала в виде выборок из источников, а также с исчерпывающими библиографическими указаниями. Собственно картографический материал в этом томе будет занимать меньшее место: количество карт и их характер определится самим материалом.

---

[1] Для атласа используются также материалы, собранные за ряд лет, начиная с 1936 г., по «Вопроснику» Института языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра Академии наук СССР.

§ 278. Принципы членения атласа. Членение атласа — выделение территории для отдельных частных, „областных" его томов — может быть произведено, исходя из разных принципов — исторического, историко-лингвистического, этнографического, диалектологического, административного и др. Все эти принципы, хотя и по разным причинам, являются равно нецелесообразными при членении атласа.

Принцип исторический („территория такого-то племени", а для более поздних эпох „территория такого-то княжества или земли") неприемлем потому, что нам не всегда известны с достаточной точностью древние этнические и феодально-государственные границы, а также потому, что благодаря специфическим особенностям русского феодализма границы русских феодальных государственных образований не были устойчивыми и довольно быстро изменялись: расширялись за счет других, сужались в пользу других, некоторые прекращали свое существование, другие создавались вновь. Следовательно, при избрании этого принципа неминуемо стал бы вопрос о том времени (веке, эпохе), применительно к границам государственных образований которого будет произведено членение атласа. Но тут нельзя не отметить, что разные феодально-государственные образования древней Руси относятся к разным эпохам и что, следовательно, не может быть установлено членение по одной эпохе для всех томов. Наконец, надо сказать, что в силу пережитых сложных исторических процессов между современными русскими говорами на той или иной территории и старыми феодальными образованиями, и, тем более, древнейшими этническими (племенными) группами во многих случаях нет прямого соответствия. Выяснению сложных отношений между теми и другими как раз и будет способствовать атлас русского языка, наряду с другими источниками, когда он будет создан.

Принцип историко-лингвистический („территория такого-то древнерусского говора") неприемлем по тем же, в сущности, причинам: границы старых говоров, как и старые административно-государственные границы, не были одинаковыми в разные эпохи; кроме того, границы старых говоров нам известны еще менее, чем границы старых феодальных государственных образований, и потому они не могли бы все равно целиком лечь в основу членения атласа.

Против историко-лингвистического принципа есть еще аргумент: выделение территорий отдельных древних русских говоров представляет собой одну из важнейших задач, выполнить которую можно будет, имея атлас. Если бы мы их хорошо знали, то, может быть, и надобность в атласе в значительной мере отпала бы. Территории отдельных древних говоров представляют собой не то, что нам дано заранее, а то, что нам лишь задано, к чему мы и должны прийти в результате составления атласа с учетом всех других материалов (исторических, археологических, этнографических и др.).

Принцип этнографический (выделение территории по тому или иному признаку материальной культуры) не может быть последова-

тельно проведен хотя бы потому, что мы не обладаем достаточными этнографическо-географическими сведениями.

Принцип диалектологический (выделение территории на основании данных современной диалектологии по установленным типам говоров) не может быть признан удовлетворительным по тем же причинам, о которых сказано выше: типы говоров должны быть установлены в результате составления атласа. Поэтому они не могут служить исходным моментом.

Принцип административный, как самый внешний из всех перечисленных выше, мог бы быть применен. Но он и самый бессодержательный, в связи с чем целесообразность его применения кажется также сомнительной.

Какой же принцип должен быть положен в основу районирования атласа? В самом общем виде можно сказать, что этот принцип не должен быть внешним по отношению к атласу как к работе лингвистической (ср. принципы исторический, административный, этнографический); далее, он не должен быть построен на предварительном учете типов русских говоров, так как главная задача атласа как раз и заключается в том, чтобы их установить. Членение атласа должно быть таким, чтобы в возможно более наглядной форме схватить все то, чем отличаются друг от друга русские говоры разных территорий.

Конечно, невозможно при выделении территорий отдельных томов атласа отрешиться от наших уже имеющихся сведений о русских говорах и их группировке, но эти знания должны быть использованы — если так можно выразиться — отрицательно: учет их при выделении территорий отдельных томов атласа должен выразиться именно в их неучете, в нарочитом их игнорировании. Территории отдельных томов должны быть выделены таким образом: а) чтобы известные нам границы отдельных явлений (например: оканья — аканья, *г* — γ и др.) или границы отдельных типов говоров не совпадали с границами отдельных „квадратов", т. е. территорий отдельных томов атласа, так как в противном случае (т. е. если языковые границы совпадут с границами квадратов) мы можем упустить реальные существующие языковые границы; б) чтобы каждый „квадрат" (т. е. территория каждого тома атласа) охватывал говоры возможно более разнообразные; вследствие этого известные нам границы языковых явлений будут проходить большей частью внутри квадрата.

При таком построении мы не упустим языковых границ: отдельные томы атласа будут иметь карты с хорошо выраженными изоглоссами [1].

Указанные принципы членения атласа не могут быть в одинаковой степени применимы ко всей территории распространения русского

[1] Надо иметь в виду, что если в том или ином квадрате окажутся говоры однородные и, следовательно, по соответствующей территории не будут проходить изоглоссы, то это будет равносильно тому, что для данного квадрата окажется невозможным составление диалектологического атласа.

языка в Европе. Они в полной мере могут быть применимы в области Центра и Юга с их частыми сменами типов говоров. В этих областях проходят важнейшие изоглоссы русских говоров. Напротив, говоры русского Севера характеризуются сравнительно большим однообразием: нередко на протяжении сотен километров тянутся одни и те же говоры, лишь постепенно накапливающие в себе диалектные отличия. Естественно, что в таких случаях на территории квадрата могут оказаться более или менее однородные говоры, благодаря чему изоглосс на нем будет меньше, и они могут оказаться менее яркими и наглядными. Однако и в этих случаях указанные выше принципы остаются в силе, реализуясь лишь в той мере, в какой позволяет материал.

При выделении территорий для отдельных томов атласа, помимо научно-теоретических соображений, надо иметь в виду и некоторые соображения практического характера: выделение должно быть произведено таким образом, чтобы в каждом квадрате имелся один или несколько центров, в которых могла бы быть сосредоточена работа по собиранию материалов для атласа, чтобы в этих центрах имелись по возможности кадры работников, которые могли бы вести эту работу.

Схему членения Диалектологического атласа русского языка с описанием границ территорий, картографируемых в каждом из его томов, см. в „Бюллетене диалектологического сектора Института русского языка", вып. 2, изд. АН СССР, 1948, стр. 8—10.

§ 279. Построение отдельных частных, „областных" томов атласа. Каждый том атласа должен состоять из картографического материала, которому предшествует вводная статья, и из библиографического аппарата — документации и указания источников.

Картографическая часть открывается картой Европейской части СССР (в маленьком масштабе) с указанием членения атласа (т. е. с делением на 11 квадратов соответственно количеству частных, „областных" томов) и особым выделением в нем квадрата, которому посвящен данный том. Эта карта дается для того, чтобы создать у пользующихся атласом общую перспективу, ясное представление о месте данного тома атласа среди работы в целом.

Вслед за этой картой следует до трех карт данного квадрата в том же масштабе, что и последующие диалектологические карты: а) географическая карта с подробными данными по физической географии и прежде всего гидрографии и орографии; на этой карте должны быть указаны, между прочим, лесные массивы и болота, которые обычно находятся в отношениях обратной пропорциональности к степени населенности; б) историческая карта с данными об административных границах разных эпох. Даты более старых границ и их восхождение в глубь веков не могут быть одинаковыми для разных томов, так как они определяются историей русского населения на той или иной территории; в) карта путей сообщения для разных эпох от древних до современных. На этой карте должны быть указаны сухопутные

и водные (речные) пути применительно к разным эпохам с указанием волоков и транзитных пунктов и экономических, а также культурно-политических центров. На этой же карте могут быть даны сведения по экономической географии. Кроме того, по мере необходимости отдельные томы атласа должны включать еще этнографическую карту, на которой будут указаны территории, занимаемые соседними народами. Возможно, что не для каждого тома окажутся необходимыми все указанные карты.

После этого следуют диалектологические карты. Число их не определяется заранее. Оно может быть неодинаковым для разных томов и целиком определяется собранным диалектологическим материалом (чем более однородны говоры данного квадрата, тем меньше будет число диалектологических карт соответствующего тома). Возможно, что не все составленные карты будут изданы: часть их будет храниться в рукописном виде в Академии наук СССР, будучи доступна там для пользования специалистами.

Диалектологические карты должны быть максимально свободны от всякого рода географической нагрузки. На них нанесены только: города и важнейшие пути сообщения, реки (все это без надписей).

Все населенные пункты, откуда имеется диалектологический материал, наносятся на карту с указанием присвоенного каждому из них номера.

Языковые явления, относящиеся к каждому населенному пункту, указываются условным знаком около кружочка соответствующего населенного пункта. В качестве условных знаков используется цвет (например, красный, зеленый, синий, желтый и т. д.) и фигура (круг, квадрат, треугольник и т. д.). В необходимых случаях, вместо условных знаков, около каждого населенного пункта приводится написание соответствующего диалектного варианта слова.

Для обозначения границ языковых явлений, когда таковые имеются, могут быть использованы специальные линии (сплошные, пунктирные, черные, цветные и т. д.).

В качестве итога ко всем диалектологическим картам важнейшие изоглоссы могут быть сведены воедино в одной (или нескольких) картах. Подобное наложение одних изоглосс на другие даст более полное, наглядное представление о говорах края и о постепенном изменении их типа.

Вводная статья должна представлять собой описание говоров данной территории на основании диалектологических материалов тома. При этом в описании должны быть указаны не только черты различий между говорами данной территории и их группировка (они будут ясны и непосредственно из карт), но и — что особенно важно — черты, общие всем говорам данной территории. Последние не могут быть представлены на картах данного тома (так как они не дадут изоглосс), но они весьма важны для атласа в целом: дело в том, что черты, общие для говоров данного квадрата, могут не разделяться говорами другого, соседнего квадрата и стать таким образом разли-

чительными признаками говоров на более обширной территории, ввиду чего на этой последней территории соответствующие черты дадут изоглоссу. Если во вводной статье не будет дано описание общих черт говоров данной территории, то атлас русского языка как целое не сможет существовать: он распадется на ряд частных, областных атласов, каждый из которых будет представлять собою нечто законченное в себе, самодовлеющее, никак не связанное с другими („областными") атласами. Невозможным окажется также составление заключительного сводного тома атласа всей территории русского языка Европейской части СССР.

Во вводной статье необходимо использовать печатные и архивные источники по диалектологии соответствующего края со ссылками на материалы и карты дополнительного тома. Во вводной статье должны быть также даны замечания технического характера — указаны значения условных знаков, раскрыты сокращения и пр.

Библиографический и справочный отделы должны заключать в себе два указателя населенных пунктов, из которых имеются диалектологические сведения и которые нанесены на карты. Один из них исходит из порядка присвоенных им на карте номеров с приведением названия населенного пункта, номера источника — ответа на программу с указанием места его хранения. Другой указатель строится по алфавиту названий населенных пунктов с указанием номера, присвоенного каждому из них на карте. В последнем указателе, кроме того, должны быть даны ориентиры для отыскания нужных населенных пунктов на карте (например, Б-7 и т. д.).

Кроме того, в этом отделе должны быть даны исчерпывающие библиографические ссылки на дополнительный том атласа, на диалектологические работы, ответы на программы, напечатанные и хранящиеся в архивах, и другие источники, использованные в дополнительном томе. Должны быть отмечены особыми примечаниями все населенные пункты, откуда имеются старые диалектологические материалы, с соответствующими библиографическими ссылками.

§ 280. Заключительный том атласа. Заключительный, сводный том атласа состоит из картографического материала, вводной статьи и справочно-библиографического аппарата.

Цель этого тома — соединить воедино важнейшие данные, которые можно извлечь из частных, „областных" томов атласа, дать изоглоссы, которые проходят по территории, картографируемой в разных томах атласа.

На картах этого тома будут даны изоглоссы важнейших черт русских говоров на всей территории распространения русского языка в Европейской части СССР. Кроме того, будут даны сводные карты ряда явлений. На этих картах будет наложен одна на другую ряд изоглосс.

Во вводной статье должно быть дано описание (в виде систематической каталогизации) русского языка в его говорах с перечислением общих черт для русского языка и различительных черт русских говоров разной степени диалектного членения. Вводная статья должна

представить собой детальный опыт классификации русских говоров в их современном состоянии.

В библиографическом и справочном материале сводного тома атласа указываются в качестве источников все предшествующие томы атласа.

§ 281. Дополнительный том. Дополнительный том в известном смысле является вводным, так как его задача заключается в том, чтобы дать исчерпывающие сведения о разработке русской диалектологии ко времени начала работ по собиранию новых диалектологических материалов для атласа. Для этого должны быть изучены и картографированы печатные и архивные источники русской диалектологии.

Эта работа является необходимым дополнением к частным, „областным" томам атласа и вместе с тем предпосылкой успешной работы над ним.

Дополнительный том будет состоять: а) из введения, в котором будет дан очерк состояния разработки русской диалектологии по печатным и архивным источникам; б) из обширного справочно-библиографического материала с выборками из диалектологических источников; в) из картографического материала. В силу характера источников дополнительного тома количество карт в нем будет сравнительно небольшим.

Обработке подлежат разного рода печатные и рукописные источники, а именно: а) ответы на диалектологические программы; б) статьи (описания) и исследования по русской диалектологии; в) областные словари и материалы по словарям русских говоров; г) записи образцов говора; д) этнографические материалы и фольклорные записи (по мере необходимости, с указанием жанра).

Весь этот материал берется за время, начиная приблизительно с половины XIX столетия и до 1941 г. (до начала Великой Отечественной войны), имея в виду время производства наблюдений. Главная масса материала падает на последние 50—60 лет, и именно этот материал и будет картографироваться; более ранние материалы найдут свое отражение главным образом во вводной статье и в библиографических указаниях. Материалы дополнительного тома должны дать характеристику русских говоров к началу Великой Отечественной войны. Ограничение этим сроком объясняется стремлением по возможности не совпасть по источникам с частными, „областными" томами атласа, составляемыми на основании новых материалов, главным образом относящихся ко времени после 1941 г.

Материалы дополнительного тома относятся к разному времени. Поэтому ими следует пользоваться осторожно, подвергнув их критическому анализу с учетом: а) времени, к которому относится запись; б) характера явления с точки зрения исторической (представляет ли оно сохранение старины или новообразование); в) характера явления с точки зрения его наличия или отсутствия в современном литературном языке, под влиянием которого развиваются местные говоры в новое время. Так, например, сохранение старины

в том или ином явлении, отмеченное в диалекте в новейшее время, свидетельствует о том, что это явление имелось и в более раннюю эпоху. Точно так же можно с достаточным основанием предполагать, что новообразование, отмеченное на той или иной территории 50 или 60 лет назад и свойственное также современному литературному языку, имеется в говоре соответствующей территории и в настоящее время. Напротив, нельзя быть уверенным, что архаизм или новообразование, не свойственные литературному языку и отмеченные в том или ином говоре 50—60 лет назад, сохраняются в нем в настоящее время. Критический анализ диалектологических материалов даст возможность в довольно значительной мере нейтрализовать их несинхронность и соотносить на одной и той же карте материалы, относящиеся к разному времени (на протяжении 50—60 лет).

Выборки из источников делаются по той же программе Института русского языка, по которой собираются сведения для частных, „областных" томов атласа; это даст возможность соотносить старые и новые материалы и пользоваться первыми при работе над областными томами. Все населенные пункты, откуда имеются старые диалектологические материалы, будут наноситься на специальную карту. Каждый из них будет иметь присвоенный ему порядковый номер, под которым в дополнительном томе будут даны выборки из источника с указанием времени наблюдения, лица наблюдавшего, а также с критическим анализом материалов, как это было отмечено выше. Одна из карт дополнительного тома покажет распределение наблюдений над русскими говорами Европейской части СССР — их равномерность или неравномерность, покажет степень изученности говоров разных областей, сравнительную густоту наблюдений в одних областях, „белые пятна" в других. Другие карты покажут распространение важнейших языковых явлений русских говоров на территории Европейской части СССР, в той мере, в какой позволит это сделать имеющийся материал.

Материалы дополнительного тома будут необходимы составителям частных, „областных" томов атласа при комментировании их карт. Дополнительный том будет ценным пособием для всех диалектологов и историков русского языка и должен будет заменить собою „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе" Московской диалектологической комиссии.

§ 282. Из сказанного выше вытекают основные особенности Диалектологического атласа русского языка в отличие от других работ по лингвистической географии.

1. Атлас русского языка в отличие от немецкого атласа будет основан на материалах, собранных прямым методом, путем непосредственных наблюдений над говорами на месте, а не на анкетных материалах, полученных от неспециалистов.

2. Атлас русского языка должен отразить состояние русского языка в его говорах в 40-х и первой половине 50-х годов XX столетия. Как известно, лингвистические атласы преследуют прежде всего цели исторического характера. Поэтому материалы, собирае-

мые для атласа русского языка, должны представить достаточно полное описание традиционного слоя говоров. Однако должен быть также собран материал, характеризующий новые явления в языке.

Правда, новые явления и слова, вызванные социалистическим строительством, не имеют узко местного, локального характера, поэтому они обычно не дают изоглоссу, необходимую для лингвистических карт. Однако важные для изучения сами по себе, они не могут быть оставлены в стороне и при составлении атласа, так как они служат прекрасной проверкой того, являются ли те или иные черты традиционных диалектов актуальными и продуктивными категориями или носят пережиточный, реликтовый характер.

Так, например, в д. Тимохино Клепиковского района Рязанской области, где традиционный говор вообще сохранил различение двух *о* (*о* и *ȣ*), слово *колхоз* произносится с *о* открытым вместо ожидаемого *ȣ*, тогда как в слове *контора* — „городском" слове, проникшем в деревню раньше, задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, произносится *ȣ*. Это показывает, что данная фонетическая особенность в данном говоре, продуктивная еще в сравнительно недавнем прошлом, в настоящее время уже не является продуктивной категорией, а закреплена лишь в традиционном лексическом слое, т. е. представляет собой пережиток. В других говорах аналогичные фонетические черты иной раз являются еще действующей фонетической закономерностью и распространяются на новые слова, проникающие в говор из литературного языка. Например, в некоторых из говоров, имеющих фонему *ê*, последняя известна в таких словах, как *ф'ếрма*, *кан'ф'ếта*, *л'ếкција*.

3. В атласе русского языка будет уделено равное внимание как „отдельному", так и „общему", как единичному языковому факту, так и общему языковому явлению, так как при наличии между ними соотносительности первое может быть правильно оценено и понято лишь на фоне второго. Несовпадение территории распространения общего явления и единичного факта с признаками этого общего явления представляет собой один из важнейших источников выяснения истории соответствующих говоров, направления его эволюции в разные исторические периоды.

Например, оканье и аканье, различение фонем *о* и *ȣ* или наличие в соответствии с ними одной фонемы *о*, наличие или отсутствие особой фонемы на месте старого *ъ*, чередование ударенного *а* с *е* в определенных условиях (*вз'ал* — *вз'ет'*), различение фонем *ц* и *ч* или наличие вместо них одной фонемы, обычно *ц* (цоканье), и т. д. — всё это диалектные различия в фонетическом строе русских говоров, которые вообще представляют определенные цельные звенья языковой системы. Все они должны картографироваться.

Однако общеизвестно, что языковые закономерности (и притом не только фонетические, но в равной мере и грамматические) в диалектах обычно не выдерживаются; так, например, при оканье некоторые слова могут произноситься в акающей огласовке (например, по наблюдениям Ф. П. Филина, *авцá* в северо-западных окающих диалектах); при различении *о* и *ȣ* в некоторых словах вместо ожидаемого *ȣ* может явиться *о* (например, по наблюдениям А. А. Шахматова, *вол* вместо *вȣл* в Лекинском говоре); при отсутствии чередования *а* с *е* в отдельных словах между мягкими согласными все же может произноситься *е* (*опéт'*, *м'éч'и'к* и др.); при отсутствии вообще на месте *ъ* под ударением между мягкими согласными звука

и последний во многих говорах известен в слове *juc'm'* (= кушать); при поканье известно произношение *ч* в отдельных словах (например, *робо́чых*). Эти и подобные случаи представляют собой диалектные различия иного рода — это различия в отдельных частных, единичных фактах. Не подлежит сомнению важность их самого тщательного изучения и картографирования.

Каждое из подобных „исключений" имеет свое особое объяснение: в одних случаях, это — осколок языковой системы старшего периода, в других, напротив, это — новообразование, часто проникшее из литературного языка, за которым — будущее; но всегда оно имеет определенные социально-экономические и культурно-исторические корни, учет которых весьма важен. Однако такого рода диалектные отличия не могут изучаться сами по себе, в отрыве от соответствующих диалектных различий общего характера, в отрыве от системы языка. Поэтому в атласе русского языка особые карты даются как для диалектных различий, представляющих собой цельные звенья языковой системы, так и для диалектных различий — частных фактов, отдельных слов. При этом карты диалектных различий последнего рода обычно даются на фоне карт диалектных явлений первого рода путем нанесения на них специальных дополнительных условных знаков, так как изоглоссы отдельных слов в их звуковом или грамматическом оформлении мало показательны взятые сами по себе, отдельно, вне зависимости от изоглоссы соответствующего общего явления, и, напротив, они делаются весьма интересными с исторической точки зрения на фоне последней.

Однако диалектные различия, представляющие частный конкретный факт, могут и не находиться в видимых связях с диалектными различиями общего характера. Сюда в первую очередь относятся различия в лексике и семантике слов. Все подобного рода различия в атласе русского языка картографируются, и на них даются специальные карты.

Таким образом, в отличие от западноевропейских атласов (в особенности французского), где основным объектом картографирования является слово как единичный факт, в русском лингвистическом атласе наряду с ним картографируется языковое явление как цельное звено, элемент языковой системы. Таким путем снимается противоречие между методом лингвистической географии и изучением языка как системы. Диалектная черта и диалект как тип языка находят свое место как при изучении с точки зрения строя языка, так и при лингвистическом картографировании.

4. Другая важная особенность атласа русского языка заключается в учете того, что каждый отдельный конкретный диалектный факт обычно представляет собой, так сказать, линию пересечения ряда разнокачественных, общих и частных, диалектных явлений — фонетических, морфологических, лексических, синтаксических. В атласе русского языка делается попытка не только показать этот диалектный факт как непосредственную данность, но также и распутать этот клубок, показать отдельные диалектные явления, составившие данный конкретный факт, в их структурных связях.

Иллюстрируем это на одном примере — на форме *n'eч'óm* литературного языка. По диалектам соответствующая форма этого глагола различается в зависимости: а) от качества гласного 1-го предударного слога (учтем звуки, типа *а, е* или *и*); б) от наличия в основе согласной *ч'*, *к'* или *к*; в) от наличия во флексии гласной *о* или *е*; г) от наличия на конце флексии *т* или *т'* или от отсутствия согласной на конце формы 3-го лица. Таким образом, теоретически возможны свыше 50 разновидностей данного конкретного

факта. На картах атласа они не должны быть показаны как простая сумма единиц: 1 + 1 + 1 + 1 ... и т. д., а скорее по формуле: 3 × 3 × 2 × 3. Но и эта формула неточна, так как некоторые из возможных комбинаций реально отсутствуют в говорах, а, кроме того, некоторые различия не имеют отношения к данной форме или данной категории слов.

Все же приведенный языковый факт имеет по русским говорам значительное количество разновидностей, и они не должны быть показаны на картах атласа как р а в н о п р а в н ы е варианты, находящиеся на одной плоскости. К тому же карта, включающая в себя несколько десятков различаемых элементов, была бы мало наглядной и больше того — лингвистически мало показательной. Условные знаки (цвет, фигура, дополнительные знаки) должны быть разработаны таким образом, чтобы сразу оттенить основные структурные связи картографируемого факта.

Отдельные структурные элементы приведенного примера в разной степени прикреплены к данному конкретному глаголу.

а) Особое качество гласного предударного слога в нашем примере должно быть охвачено соответствующей фонетической картой и может не приниматься во внимание в данной карте. Только в части ёкающих говоров качество предударного гласного неотделимо от данной формы и данного слова: в том случае, если рядом с *п'оку́*, *н'осу́*, *сл'оза́* и т. д. представлена форма *п'еко́т* (с *е* перед твердой согласной в данной форме). Распространение этой формы на территории ёкающих говоров целесообразно показать на отдельной карте.

б) Если по отношению к гласной 1-го предударного слога форма типа *п'еч'о́т* включается в ряд практически трудно исчислимого количества слов (этим в принципе характеризуется фонетическая система языка), то по отношению к наличию в основе согласной *ч'*, *к'* или *к* она включается в весьма ограниченный по своему составу лексико-грамматический ряд глаголов с основой на *к* и *г* (*теку — течёт*, *толку — толчёт*, *стригу — стрижёт*, *берегу — бережёт*, *стерегу — стережёт*, а также *тку*, *ску*[1], *волоку*, *помогу*, *лягу* и некоторые другие; частью сюда относится также глагол *бегу*). Некоторые из этих глаголов имеют свою особую судьбу. Таковы глаголы, основы которых не образуют слога (*тку*, *ску*; ср. в литературном языке *ткёт*), а также глаголы с постоянным ударением на основе (*ля́гу — ля́жешь*) или с подвижным ударением (*могу́ — мо́жешь*); сюда относятся также глаголы, формы которых образовались в результате контаминации, объединения форм р а з н ы х глаголов со сходной основой (таковы глаголы с основой *бег-* и *беж-*, *волок-* и *волоч-*: от *волоку — волочь* и *волочу — волочить*, от *бегу — бечь* и *бежу — бежать*). Судьба подобных глаголов в большей или меньшей степени отошла от общей судьбы глаголов на *к*, *г* с основой, образующей один или два слога и с постоянным ударением на окончании. В связи с этим целесообразно дать прежде всего общую карту для глаголов этой последней группы, а затем на других картах на фоне этой изоглоссы показать индивидуальную судьбу каждого из указанных выше глаголов, если она имеет своеобразные отклонения. В качестве заключительной карты этого комплекса возможно наложение друг на друга всех этих изоглосс — общей и частных — на одной карте, чтобы представить явление в целом. Приведенный пример показывает, в каком тесном переплетении может оказаться фонетика, морфология и лексика.

в) Наличие *е* или *о* в формах типа *печёшь* должно быть показано на карте вместе с более общим вопросом о наличии *е* или *о* под ударением во флексии всех других глаголов 1-го спряжения (т. е. вместе с формами *несёшь* или *несешь*, *плетёшь* или *плетешь* и т. д.), так как в отношении ударенной гласной первые не отличаются от последней. Однако это должно быть представлено также в специальной карте личных форм глаголов с основой на *к* и *г*, так как при наличии во флексии *о* —

---

[1] Из *съку*; ср. тот же корень в *сучить* с гласной *у* в основе, чередующейся с *ъ*.

в конце основы может выступать не только *к'* (*п'ек'óш*), но и *к* (*п'екóш*). Учет географического размещения этих форм с *ч'*, *к'* или *к* в основе, с одной стороны, и с *е* или *о* во флексии — с другой, помогает установлению относительной хронологии, не одинаковой по говорам, для соответствующих явлений [1].

г) Наконец, вопрос о наличии на конце формы 3-го л. ед. ч. глаголов типа *пеку* звука *т*, твердого или мягкого, или об отсутствии *т* должен быть рассмотрен при составлении карт вместе с вопросом о всех других глаголах соответствующего класса, так как по отношению к этой особенности глаголы с основой на *к*, *г* не отличаются от других глаголов 1-го спряжения с ударением на окончании.

Следует иметь в виду, что учет общего и частного, а также структурных связей диалектного факта необходим и при картографировании явлений лексических и семантических.

5. Со сказанным выше связана та особенность атласа русского языка, что в нем уделяется равное внимание всем сторонам языка — фонетике, морфологии, синтаксису, лексике. Дело в том, что при решении одних вопросов большее значение могут приобрести данные по одной стороне языка, а при решении других вопросов — данные по другой стороне языка. Только картографирование всех сторон языка может обеспечить выяснение истории соответствующих говоров с наибольшей полнотой во все периоды их развития.

6. При собирании материалов для атласа русского языка строжайшим образом соблюдаются выработанные принципы отбора объектов, учитывается социальная дифференциация современных говоров, а также отличия, обусловленные стилистически и жанрово. Изучение слов предметного значения проводится в тесной связи с вещами, ими обозначаемыми. Все это содействует получению наиболее доброкачественного материала.

7. Интерпретация данных Диалектологического атласа русского языка производится исходя из принципов созданного акад. Н. Я. Марром нового учения о языке — материалистического языкознания, строящегося на основе марксистско-ленинского учения об обществе. Советское языкознание принимает понятие диалекта, но, исходя из понимания языка как специфической идеологической надстройки, определяет его как категорию историческую. Благодаря этому устраняется абстрактный характер понятия диалект; диалекты и национальные языки наполняются конкретно-историческим содержанием как качественно различные этапы развития языка в разных исторических условиях, в эпоху различных общественно-экономических формаций. Таким путем удается одни диалекты или диалектные явления возвести к разным периодам эпохи феодализма, а другие явления, иногда сохранившиеся как пережиточные черты, еще дальше, в глубь веков — к эпохе родоплеменного строя.

Марксистско-ленинское учение об обществе помогает не только вскрыть прошлое изучаемых диалектов и языков, но и видеть пути их дальнейшего развития. Еще в буржуазном обществе, как мы видели,

[1] См. мою статью „Об одной северновеликорусской фонетико-морфологической особенности". Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып. 2, 1947 стр. 9—14.

начинает действовать тенденция к унификации языка, к нивелировке диалектов. Но благодаря противоречиям капиталистического общества эти тенденции не могут получить полного осуществления. Только уничтожение классов, диктатура пролетариата, социалистический строй ведут к уничтожению противоречий между городом и деревней, что неизбежно должно привести к нивелировке диалектов и распространению литературного языка, который станет общим языком для всех представителей данной нации.

Марксистско-ленинское учение об обществе и принципы материалистического языкознания дают советской лингвистической географии неоценимое преимущество перед западноевропейской буржуазной идеалистической наукой. Что же касается Диалектологического атласа русского языка, то по объему работы, территориальному охвату, обширности программы, изощренности методов, размаху экспедиционной работы и массовости наблюдений он представляет собой работу беспримерную в истории мирового языкознания. Только в советскую эпоху, эпоху господства социалистических отношений и плановости могла появиться возможность вплотную взяться за осуществление этой грандиозной работы. Советский диалектологический атлас русского языка должен быть достоин великой Советской страны.

Типы описаний диалектов

§ 283. В зависимости от задач, которые ставит диалектолог, бывают различны и типы описаний диалектов. Различия могут быть прежде всего в степени детальности: в одних случаях дается весьма подробное описание говора и на большом конкретном материале записей, в других — лишь более общая характеристика говора, с охватом меньшего количества явлений, с опущением деталей. К типу такой более общей характеристики говора можно отнести, например, описание говора в виде ответов на „Программу" ИРЯЗ. Дело в том, что вопросы этой программы (см. выше § 264) представляют собой не случайный набор фактов, а характеризуют основные звенья языковой системы. Поэтому полные ответы на все вопросы этой программы, по существу, составят описание говора в его важнейших чертах.

§ 284. В старой диалектологии описание говора велось обычно с двух точек зрения — с точки зрения отличий описываемого говора от литературного языка или с точки зрения его отличий от более древнего состояния того же языка. Таким образом в обоих случаях говор описывался, исходя из чего-то вне его находящегося. Естественно, что то и другое нельзя считать целесообразным: предмет изучения должен описываться с точки зрения имеющихся в нем самом закономерностей, а не с точки зрения чего-то находящегося вне его, так как в этом последнем случае легко приписать ему то, чего в нем нет и что может оказаться привнесенным извне.

Описание говора, исходя из его отличий от литературного языка, практически оказывается делом весьма субъективным. Как известно, в литературном языке отсутствует полная нормализация, — немало в нем случаев, в которых имеются колебания. Следовательно, то, от чего исходит диалектолог, не обладает достаточной устойчивостью, и потому некоторые явления он может описать или, напротив, оставить без внимания в зависимости от того, какого из языковых вариантов, допустимых в литературном языке, придерживается он сам. Кроме того, нередко диалектолог бывает частично носителем того или иного диалекта (иногда даже того диалекта, который он описывает), и это сказывается на исходных позициях наблюдателя, в связи с этим могут остаться в тени те явления диалекта, которыми последний сходится с языком наблюдателя. Наконец, нельзя не вспомнить здесь, что для диалектологии и истории языка часто имеют первостепенную важность не только черты диалектных отличий, но и черты, которыми тот или иной диалект объединяется с литературным языком. Современное языкознание требует описания языка или диалекта во всей совокупности составляющих его явлений, образующих определенную систему. Этого нельзя достигнуть, описывая диалект, исходя из его отличий от литературного языка; в результате такого подхода много интересных фактов может ускользнуть от наблюдателя. Поэтому такой тип описания приходится считать мало надежным.

§ 235. Нельзя считать теоретически целесообразным также описание диалекта с точки зрения его отличий от языкового состояния более древней эпохи. Прежде всего надо иметь в виду, что это последнее нам не дано заранее, а выясняется в результате исследования и, между прочим, не в малой мере путем исследования современных говоров. Итак, если говоры изучаются, чтобы открыть прошлое данного языка, то ясно, что последнее нельзя положить в основу изучения говоров — нельзя языковое прошлое сделать исходным моментом в изучении диалектов. Но допустим, что прошлое языка, выясненное путем предшествовавшего исследования, может быть положено в основу дальнейшего исследования диалектов. И в этом случае исходные позиции наблюдателя говора будут весьма шаткими, так как прошлое состояние языка может относиться к разным эпохам, к разным местным разновидностям языка. Практически такой подход сводился к изучению фактов языка с точки зрения их изменений по сравнению с древнерусским языком разных эпох и еще чаще — по сравнению с „общерусским“ или „общеславянским“ языком. Таким образом, заранее принималось ложное положение младограмматиков об образовании всего современного диалектного многообразия из единого языка („праязыка“). Между тем не подлежит сомнению, что уже в глубокой древности существовали многочисленные восточнославянские диалекты, хотя и весьма близкие друг к другу, и что не только русский язык в целом не является единством с исторической точки зрения — он образовался путем объединения разных диалектов и языков прошлого, — но такого единства не образуют и отдельные наречия русского языка: например, современное северновелико-

русское наречие не восходит к единому древнему севернорусскому диалекту, а к нескольким — по крайней мере, к древним диалектам Новгородской земли и Ростовско-Суздальской Руси.

Наконец, при изучении говора сравнительно с древним языковым состоянием нередко теряется различие между явлениями живыми, продуктивными, характеризующими языковую систему изучаемого современного говора, и явлениями уже отжившими, мертвыми, имеющими лишь историческое значение. Первые обычно растворяются во втором.

Следует отметить, что в старых диалектологических работах нередко оба указанных способа изучения диалекта переплетаются.

§ 286. Более правильным можно считать такой подход, когда диалект описывается в целом, во всех его элементах, исходя из тех категорий, которые реально имеются в нем самом в данную эпоху. Мы обладаем рядом превосходных описаний фонетики отдельных говоров с точки зрения произносительно-слуховой, физиолого-акустической. Таковы, например, описания Шахматова, Бубриха[1] и др. В этих работах со всей тщательностью описываются тончайшие оттенки звуков, которые удалось наблюсти исследователю. Однако в них слабо учитывается функциональная сторона звуков речи, роль последних как различителей смысла в процессе языкового общения.

В связи с этим современная лингвистика выдвигает функциональное описание языка или диалекта, т. е. описание диалекта в его современном состоянии как определенной развивающейся системы, в которой выделяется ряд категорий (синтаксических, морфологических, фонологических), находящихся в разных отношениях друг к другу и выполняющих в процессе языкового общения свои определенные функции. Применительно к звуковой стороне языка это означает переход от физиолого-акустического к фонологическому описанию. Задачи такого описания заключаются в том, чтобы не только изучить все оттенки звуков в их образовании и звучании, но также чтобы представить их функциональные связи, установить систему фонем как различителей значения и закономерности реализации фонем в различных своих разновидностях в зависимости от позиционных, фонетических условий. Функциональное описание языка, даже в его фонетической системе, теснейшим образом связано с практическим овладением исследователя описываемым языком или диалектом. Этого принципиально не требуется от исследователя при описании физиолого-акустическом: в последнем случае исследователь должен лишь хорошо слышать и тонко наблюдать произношение своих объектов. Другое дело описание функциональное: здесь от исследователя требуется не только тонкий слух и хорошая наблюдательность—он должен, кроме того, установить внутренние, функцио-

---

[1] См. А. А. Шахматов, Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии; Д. В. Бубрих, Фонетические особенности говора с. Пустошей Ягодинской вол., Судогодского у., Владимирской губ.— „Изв. ОРЯС", т. XVIII, кн. 4.

нальные связи между наблюдаемыми ими оттенками звуков — одни из них объединить в качестве разновидностей одной фонемы, другие, напротив, разделить как представителей разных фонем и т. д. Для всего этого требуется полное понимание изучаемого языка или диалекта и по возможности практическое усвоение его, в особенности овладение его фонетикой и морфологией. Только в этом случае язык или диалект будет описан, так сказать, изнутри, с точки зрения найденных в нем и установленных исследователем закономерностей и категорий, а не с точки зрения категорий, привнесенных им извне.

§ 287. Само собой разумеется, что функциональное описание диалекта в его современном состоянии ни в коем случае не исключает сравнения изучаемого говора с литературным языком или другими диалектами, с фактами древнерусского языка, а также с фактами других языков и т. д. Напротив, научное изучение диалектов невозможно без таких сопоставлений, а также без привлечения данных исторических в широком смысле слова. Но сравнение данных изучаемого говора с данными современного литературного языка или древнерусского языка в этом случае производится не для установления системы изучаемого диалекта, а для исторического его объяснения. Таким образом, функциональное описание языка не исключает исторического его изучения, — напротив, оно не только предполагает его, но поднимает историческое изучение языка на высшую ступень. Историзму в старом смысле слова, при котором обычно имеется в виду история отдельного изолированного явления, изучаемого в отрыве от социально-экономического базиса, противополагается иное понимание историзма, предполагающего изучение истории социально-обусловленной развивающейся языковой системы, качественных сдвигов в ней, строя языка с точки зрения стадиально-типологической.

Одни диалектологические работы носят чисто описательный характер, в других, помимо описания говора, в большей или меньшей степени делаются попытки исторического объяснения диалектного материала.

§ 288. При обзоре типов диалектологических описаний следует также иметь в виду, что описания могут охватывать все стороны диалекта (фонетику, морфологию, синтаксис, лексику) или только одну или некоторые стороны. Так, например, в старых диалектологических работах описывалась главным образом фонетика, в меньшей степени морфология, а синтаксису и лексике обычно не уделялось должного внимания. Современная диалектология ставит своей задачей всестороннее описание диалектов, в том числе детальное описание их синтаксиса и лексики.

§ 289. Из сказанного вытекают следующие основные виды диалектологических работ, желательных для дальнейшего развития русской диалектологии.

Наиболее обычным типом диалектологической работы является монографическое описание говора или группы однородных говоров путем непосредственных наблюдений с привлечением чужих записей и анкетных материалов — известных из литературы предмета и архивных.

Собственно диалектологические материалы могут быть дополнены материалами, извлеченными из памятников старинной письменности, относящихся к территории изучаемого говора. Возможна попытка выяснить историю говора путем сопоставления лингвистических данных с данными истории, археологии и этнографии края.

Первоочередной задачей советской диалектологии является создание монографических описаний языка советской деревни с точки зрения тех качественно новых языковых процессов, которые характерны для языка колхозного крестьянства. Задача работы — изучить язык того или иного населенного пункта в конкретных исторических условиях его общественно-политической и хозяйственной жизни, в условиях борьбы за передовое социалистическое сельское хозяйство; изучить социальную дифференциацию языка современной деревни — от говора передовых групп населения, в основном уже овладевших литературным языком, до говора носителей языковых особенностей традиционного диалекта. Следует также проследить жанрово-стилистическую дифференциацию языка.

Работы этого типа следует всячески поощрять, так как изучение развития языка колхозного крестьянства в советский период представляет собой весьма важную и актуальную задачу науки о русском языке.

При монографическом изучении диалекта возможно описание не всех его сторон, а одной какой-либо стороны (ср., например, большую часть старых описаний, касающихся, главным образом, фонетики). В этом случае следует особое внимание уделять синтаксису и лексике, которые изучены в меньшей степени, чем не только фонетика, но и морфология.

Описание лексики может представлять собой словарь говора или группы однородных говоров со статьей о нем. Возможно ограничение темы той или иной областью лексики — например, сельскохозяйственной или бытовой; лексики того или иного промысла, например, рыбацкого, охотничьего, лесного, гончарного, ткацкого и т. д.

Следует всячески рекомендовать составление атласа говоров избранной территории (района, области). Работа строится на основе материалов, собранных путем экспедиций по „Программе" ИРЯЗ, с привлечением печатных источников по русской диалектологии. Работа должна представлять: а) атлас, на картах которого будет указано распространение отдельных языковых явлений в говорах изучаемой территории; б) сводку диалектологических материалов, на основе которых составлены карты; в) статью-монографию с характеристикой изученных говоров, с указанием их места среди других русских говоров, попыткой исторической их интерпретации. В течение ряда ближайших лет, пока идет работа над атласом русского языка, особенно важно осуществлять работы этого типа, так как они одновременно дают материал для атласа.

Наряду с описанием русского языка на основной территории его распространения весьма желательно также изучение русских говоров в местах сравнительно нового поселения (например, говоров

духоборов и молокан в Армении и Грузии) сравнительно с говорами метрополии, если может быть выяснено, откуда шло переселение на данную территорию, а также в связи с местными языками и диалектами.

Весьма желательно также описание русского языка у нерусских (например, мордвы, марийцев, коми, удмуртов, чуваш, карел и т. д.), изучение заимствований из русского языка в другие (например, только что названные); подобные заимствования могут дать весьма интересный материал для истории русских говоров, соприкасавшихся с местными языками — на основании их можно выяснить языковые особенности этих говоров в ту эпоху, когда из них были сделаны заимствования в местные языки[1]; изучение этих заимствований весьма важно и для истории местных национальных языков. Наконец, серьезное значение имеет изучение топонимики — названий населенных пунктов, рек, озер, болот, различного рода угодий и пр. В топонимических названиях нередко сохраняются языковые особенности, исчезнувшие в обычном языке, в них иногда также сохраняется указание на происхождение населения данного населенного пункта, на его принадлежность в прошлом тому или иному владельцу, на прежнее местное иноязычное население, теперь исчезнувшее, и т. д.

Кроме изучения говора в целом или той или иной его стороны (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики), возможно изучение одного какого-либо явления на территории всего русского языка или одного из его наречий.

---

[1] Например, В. И. Лыткин, изучив заимствования из русского языка в комийском, установил, что все русские говоры, граничившие с комийским, в эпоху заимствования различали звуки *ӧ* и *о*, хотя теперь различают их лишь немногие.

ЗАМЕЧАНИЯ К КАРТАМ.

Карта № 1 („Диалектологическая карта восточнославянских языков") повторяет карту МДК (1915 г.) с поправками 1927 г. Несмотря на коренные недостатки и ошибки этой карты, основанной на ложных методологических принципах и недостаточном материале, за отсутствием пока другой приходится пользоваться ею. Поэтому она воспроизводится в настоящей книге. Следует иметь в виду, что эта карта в основном отражает материал по русским говорам, собранный до 1915 года.

В „Опыте диалектологической карты русского языка в Европе" (1915 г.) границы русского языка, его наречий и групп говоров даны применительно к старому административному делению (с губерниями и уездами). Это весьма затрудняет пользование картой. Поэтому ниже дается описание важнейших внутренних диалектных границ русского языка по новому административному делению (с указанием областей или автономных республик и районов). При этом ввиду малого масштаба карты № 1 описание границ дается по карте 1915 г., не во всем в точности совпадающей с картой 1927 г.

Южная и юго-западная граница с-в-р наречия на карте МДК проведена по Середкинскому, Струго-Красненскому, Порховскому, Дновскому районам Псковской области; Волотовскому, Белебелковскому, Старорусскому, Залучскому, Полавскому, Демянскому, Валдайскому районам Новгородской области; Бологовскому, Удомельскому, Брусовскому, Козловскому, Ново-Карельскому, Лихославльскому, Рамешковскому, Кушалинскому, Калининскому, Завидовскому районам Калининской области; Высоковскому, Клинскому, Солнечногорскому, Химкинскому, Красно-Полянскому, Мытищинскому, Пушкинскому, Щелковскому, Ногинскому, Павлово-Посадскому, Раменскому, Виноградовскому, Куровскому, Егорьевскому, Кривандинскому районам Московской области; Гусь-Хрустальному, Курловскому, Меленковскому районам Владимирской области; Бельковскому, Касимовскому, Елатомскому районам Рязанской области; Ляховскому району Владимирской области; Выксунскому, Вознесенскому районам Горьковской области; Темниковскому району Мордовской АССР; Дивеевскому, Первомайскому, Арзамасскому, Шатковскому, Лукояновскому, Смирновскому, Гагинскому, Бутурлинскому, Кзыл-Октябрьскому, Сергачскому, Петрякинскому, Пильненскому районам Горьковской области; Красно-Четайскому, Шумерлинскому, Порецкому, Кубакинскому, Алатырскому районам Чувашской АССР; Астрадамскому, Карсунскому, Вешкаймскому, Барышскому, Базарно-Сызганскому районам Ульяновской области; Николо-Пестровскому, Городищенскому, Чаадаевскому, Камешкирскому, Лопатинскому районам Пензенской области; Базарно-Карабулакскому, Ново-Бурасскому, Вязовскому, Татищевскому, Ворошиловскому, Широко-Карамышскому, Красноармейскому, Золотовскому районам Саратовской области;

Нижне-Добринскому, Камышинскому, Николаевскому, Палласовскому районам Сталинградской области.

Южная граница с-в-р наречия в то же время является северной границей ср-в-р говоров (включая псковские).

Южная и юго-западная граница ср-в-р говоров на карте МДК проведена по Печорскому, Качаловскому, Пыталовскому районам Псковской области; Красногородскому, Опочецкому, Идрицкому, Пустошкинскому, Новосокольническому, Невельскому, Пореченскому, Усвятскому, Прихабскому, Ильинскому, Октябрьскому, Нелидовскому районам Великолукской области; Молодотудскому, Оленинскому, Ржевскому районам Калининской области; Сычевскому району Смоленской области; Зубцовскому, Погорельскому районам Калининской области; Кармановскому району Смоленской области; Шаховскому району Московской области; Гжатскому району Смоленской области; Уваровскому, Можайскому, Верейскому районам Московской области; Медынскому, Боровскому, Угодскому районам Калужской области; Лопасненскому, Подольскому, Михневскому, Малинскому, Коломенскому, Луховицкому районам Московской области; Рыбновскому, Солотчинскому, Спасскому, Ижевскому, Мосоловскому, Шиловскому, Путятинскому, Чучковскому, Каверинскому, Сасовскому районам Рязанской области; Зубово-Полянскому, Ширингушскому районам Мордовской АССР; Беднодемьяновскому, Нижне-Ломовскому, Пачелмскому, Чембарскому, Свищевскому, Сердобскому районам Пензенской области; Бакурскому, Екатериновскому, Аткарскому, Дурасовскому, Лысогорскому, Широко-Карамышскому районам Саратовской области; Медведицкому району Сталинградской области; Красноармейскому району Саратовской области.

Южная и юго-западная границы ср-в-р говоров, начиная приблизительно от г. Сычевка Смоленской области, является в то же время северной и северо-восточной границей ю-в-р наречия.

Восточная граница ю-в-р наречия (от южной оконечности территории с-в-р говоров) на карте МДК проводится по направлению к г. Камышину, далее по правому берегу Волги до Сталинграда, от Сталинграда на юго-запад по Дону и на юг — Северный Кавказ.

Границы между Псковской группой ср-в-р говоров и остальными ср-в-р говорами (I и II) на карте МДК проведена по Порховскому, Пожеревицкому, Подберезинскому, Холмскому, Сережинскому, Деновскому районам Великолукской области; Демянскому району Новгородской области; Фирсовскому, Осташковскому, Кировскому, Луковниковскому, Ржевскому, Зубцовскому районам Калининской области; Сычевскому району Смоленской области.

Границы между западной и восточной группами ср-в-р говоров (II и III) проведена на той же карте по линии, начиная с северо-запада от Москвы на юго-восток по Красно-Полянскому, Мытищинскому, Балашихинскому, Ухтомскому, Раменскому, Бронницкому, Малинскому районам Московской области.

Границы „Самарского акающего острова" на карте МДК проведены по Радищевскому, Приволжскому, Сызранскому, Шигонскому, Куйбышевскому, Новобуянскому, Елховскому, Кошкинскому, Кутузовскому, Челно-Вершинскому, Шенталинскому, Клявлинскому, Камышлинскому районам Куйбышевской области; Сок-Кармалинскому, Секретарскому, Абдулинскому районам Чкаловской области; Ермекеевскому, Бижбулякскому, Миякинскому, Стерлибашевскому районам Башкирской АССР; Пономаревскому, Шарлыкскому, Александровскому, Новосергеевскому, Люксембургскому, Сорочинскому, Тоцкому, Курманаевскому районам Чкаловской области; Алексеевскому, Утевскому, Дубово-Уметскому, Чапаевскому, Колдыбанскому, Безенчукскому, Хворостянскому районам Куйбышевской области; Духовницкому району Саратовской области. Материалы по X тому атласа русского языка, собранные под руководством проф. В. А. Малаховского, свидетельствуют о значительных неточностях и

ошибках в карте МДК, допущенных при определении территории этих говоров.

Границы „Чухломского акающего острова" на карте МДК проведены по Буйскому, Ореховскому, Солигаличскому, Судайскому, Чухломскому, Парфеньевскому, Нейскому, Антроповскому, Галичскому районам Костромской области.

Белой на карте показана территория распространения языков соседних народов, а также территории, откуда не было диалектологических сведений.

Желтые точки на белом фоне указывают на с-в-р говоры среди территории языков соседних народов.

Остальные знаки объяснены в легенде к карте.

Карта № 2 („Диалектологическая карта южновеликорусских говоров") также основана на карте МДК 1915 г. с поправками 1927 года. Однако в ней рядом с территориальным распределением типов яканья даются изоглоссы ряда явлений (*г* взрывного и фрикативного, цоканья, звука *у* из *в*, смягчения *к* после мягких согласных). В этой карте также имеется много неточностей и ошибок. В частности, следует иметь в виду, что, как показали наблюдения последних лет, ассимилятивно-диссимилятивное яканье распространено значительно шире, чем это отмечено на карте.

Карты № 3 и 4 („Окончание *-ого, -его*" и „Окончание *-мы, -м, -ми*") составлены по материалам I тома Диалектологического атласа русского языка проф. Ф. П. Филиным. В настоящем издании по техническим причинам они несколько упрощены: уменьшен масштаб, опущено различение некоторых частных вариантов картографируемых явлений; цветные условные знаки заменены черными; опущены точки населенных пунктов и присвоенные им на карте номера, так как в книге не было возможности опубликовать список населенных пунктов.

Карта № 5 („Форма *печешь* и ее диалектные разновидности"), составленная Г. А. Касвин, заимствована из неопубликованной диссертации того же автора „Глагольные основы в русских говорах". Эта карта в отличие от двух предыдущих составлена на основании изучения опубликованных диалектологических материалов (описаний говоров, ответов на программы и т. д.). Ввиду малого масштаба (еще более уменьшенного в издании), а также отсутствия во многих источниках точного территориального приурочения диалектологических материалов картографирование производится с точностью до уезда.

Карта основана на старых опубликованных в печати материалах и в оригинале дана у автора в масштабе и на географической основе карты МДК.

Эта карта также подверглась некоторому упрощению по техническим причинам: опущены некоторые детали, уменьшен масштаб, цветные знаки заменены черными.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие.

ВВЕДЕНИЕ.

Предварительные сведения.

§ 1. Предмет диалектологии и понятие диалекта (стр. 9). § 2. Диалекты и национальный язык (стр. 10). § 3. Понятия наречия и говора (стр. 10). § 4. Территориальные и социальные диалекты (стр. 11). § 5. О реальности языковой системы диалекта и национального языка (стр. 11). § 6. Диалектология и история языка (стр. 13). § 7. Диалектология и история (стр. 16). § 8. Диалектология и археология (стр. 17). § 9. Диалектология и этнография (стр. 17). § 10. Практическое значение диалектологии (стр. 18).

Диалекты и национальные языки в историческом развитии.

§ 11. Диалекты и национальные языки как исторические категории (стр. 20). § 12. Племенные диалекты эпохи родового строя (стр. 22). § 13. Территориальные диалекты эпохи феодализма (стр. 23). § 14. Образование национальных языков (стр. 27). § 15. Социально-классовая дифференциация языка в эпоху капитализма (стр. 29). § 16. Диалекты и национальные языки в эпоху социализма (стр. 31).

Образование русского языка.

§ 17. Древние восточнославянские племена и племенные диалекты (стр. 34). § 18. Древние восточнославянские диалекты в Киевском государстве и в эпоху феодальной раздробленности (стр. 35). § 19. Образование восточнославянских национальных языков (стр. 37).

ФОНЕТИКА.

Вокализм.

Гласные ударенного слога.

Сильное положение для гласных фонем русского языка в его говорах.

§ 20. Гласные фонемы и их отношение к месту ударения в акающих и окающих говорах (стр. 39). § 21. Гласные фонемы и качество предшествующей и последующей согласной (стр. 40). § 22. Значение этих двух основных факторов в системе вокализма акающих и окающих говоров (стр. 41).

Различия в составе гласных фонем по русским говорам.

§ 23. Устойчивые и подвижные элементы в составе гласных фонем русского языка (стр. 41). § 24. Фонемы *ô*, *ê*, *e* и их замены в разных диалектах русского языка (стр. 42). § 25. Различия в составе гласных фонем русских говоров (стр. 44).

Модификация гласных фонем в ударенном слоге.

§ 26. Вариации и варианты гласных фонем в ударенном слоге по русским говорам (стр. 50). § 27. Фонема *и* и ее вариации (стр. 50). § 28. Фонема *у* и ее вариации (стр. 52). § 29. Фонема *о* после мягких согласных и вопрос о ее взаимоотношениях с *е* (стр. 53). § 30. Фонема *б* (стр. 54). § 31. Фонема *а* и ее вариации и варианты по говорам (стр. 54). § 32. Фонема *ѣ* и ее вариации и варианты по говорам (стр. 56).

Предударный вокализм.

О распределении экспираторной силы между разными слогами и сравнительной полновесности разных безударных слогов по отношению к ударенному в русских говорах.

§ 33. Постановка вопроса (стр. 58). § 34. Говоры с относительно равномерной полновесностью безударных слогов (стр. 58). § 35. Говоры с различной степенью полновесности разных безударных слогов (стр. 59). § 36. Говоры с наиболее резкими отличиями в степени полновесных безударных слогов (стр. 59). § 37. Фактор интонационно-мелодический (стр. 61). § 38. Различные типы распределения экспираторной силы между разными безударными слогами и членение русского языка на основные наречия и говоры (стр. 61).

Аканье и оканье.

§ 39. Понятия аканья и оканья в широком смысле (стр. 62). § 40. Принципиальное значение системы вокализма 1-го предударного слога для группировки русских говоров и истории русского языка (стр. 62). § 41. Понятие аканья и оканья в узком смысле (стр. 62).

Модификации гласных фонем в 1-м предударном слоге после твердых согласных и в начале слова.

Оканье.

§ 42. Реализация гласных фонем в 1-м предударном слоге при оканье (стр. 63). § 43. Качество гласной *о* в 1-м предударном слоге при оканье (стр. 63). § 44. Правописание безударных гласных в его отношении к оканью и аканью. § 45. Реализация начальных гласных фонем в 1-м предударном слоге (стр. 64).

Смешанный окающе-акающий вокализм.

§ 46. Реализация гласных фонем в 1-м предударном слоге при смешанном окающе-акающем вокализме (стр. 65).

Аканье.

§ 47. Аканье диссимилятивное и недиссимилятивное (стр. 65). § 48. Гласные 1-го предударного слога при недиссимилятивном аканье (стр. 66). § 49. Гласные 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 67). § 50. О некоторых трудностях в наблюдении диссимилятивного аканья (стр. 67). § 51. Система гласных 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 67). § 52. Диссимилятивное аканье и абсолютное начало слова (стр. 68). § 53. Вопрос о сравнительной полновесности 1-го предударного слога при диссимилятивном аканье (стр. 69). § 54. Качество редуцированного гласного (варианта „не *а*“) при диссимилятивном аканье и его изменения в определенных фонетических условиях (стр. 69).

Модификации гласных фонем 1-го предударного слога после мягких согласных.

§ 55. Отсутствие четко выраженных типов предударного вокализма после мягких согласных в с-в-р говорах (стр. 70). § 56. Полное или

частичное различение гласных фонем неверхнего подъема в первом предударном слоге (стр. 72).

Еканье.

§ 57. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге при совпадении их в одном звуке *е* (еканье) (стр. 75). § 58. Нейтральность еканья — наличие еканья как в окающих, так и в акающих говорах (стр. 76).

Иканье.

§ 59. Неразличение гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге при совпадении их в одном звуке *и* (иканье) (стр. 76).

Яканье.

§ 60. Понятие яканья (стр. 77).

Умеренное яканье.

§ 61. Понятие умеренного яканья (стр. 78). § 62. О разновидностях умеренного яканья (стр. 79). § 63. О некоторых типичных отклонениях от системы умеренного яканья (стр. 80).

Диссимилятивное яканье.

§ 64. Понятие о диссимилятивном яканье (стр. 80). § 65. Принципы, на основе которых различаются разные типы диссимилятивного яканья (стр. 81). § 66. Архаический тип диссимилятивного яканья (стр. 82). § 67. Щигровский тип диссимилятивного яканья (стр. 84). § 68. Суджанский тип диссимилятивного яканья (стр. 85). § 69. Донской тип диссимилятивного яканья (стр. 85). § 70. Жиздринский тип диссимилятивного яканья (стр. 86). § 71. Вопрос о различении или неразличении под ударением фонем *о* и *о* и отражении этого на качестве гласной 1-го предударного слога (стр. 86).

Сильное яканье.

§ 72. Понятие о сильном яканье (стр. 87).

Яканье, осложненное ассимилятивностью.

§ 73. Понятие об ассимилятивности в яканье (стр. 88). § 74. Яканье ассимилятивное (стр. 88). § 75. Яканье ассимилятивно-умеренное (стр. 89). § 76. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Новоселковского типа (стр. 89). § 77. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье Кидусовского типа (стр. 90). § 78. Вторичность ассимилятивности в яканье и иканье (стр. 91). § 79. О некоторых частностях диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья: о качестве гласной 1-го предударного слога при наличии под ударением *е* или *о* после мягкой согласной (стр. 92). § 80. Трудности в определении типов яканья (94). § 81. Виды и типы яканья в схемах (стр. 96). § 82. Умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное яканье (стр. 102).

Модификация гласных фонем 1-го предударного слога после твердых шипящих и *ц*.

§ 83. Почему необходимо выделение этого положения (стр. 102). § 84. Предударный вокализм после шипящих в окающих говорах (стр. 103). § 85. Предударный вокализм после шипящих в говорах с умеренным яканьем (стр. 103). § 86. Предударный вокализм после шипящих в говорах с диссимилятивным яканьем (стр. 104). § 87. Предударный вокализм после шипящих в говорах с сильным яканьем (стр. 105). § 88. Предударный вокализм после шипящих в говорах с иканьем (стр. 105). § 89. О некоторых случаях отклонений (стр. 106).

Модификации гласных фонем в других предударных слогах (кроме первого).

Положение после твердых согласных.

Гласные неверхнего подъема. § 90. Понятия полного и неполного оканья (стр. 106). § 91. Редукция гласных неверхнего подъема в предударных слогах (кроме 1-го) при неполном оканье и аканье (стр. 106). § 92. Лабиализация редуцированного гласного в определенных фонетических условиях (стр. 107). § 93. Вопрос о „полном" аканье (стр. 108).

Гласные верхнего подъема. § 94. Реализация гласных фонем верхнего подъема в предударных слогах (кроме 1-го) (стр. 108).

Положение в абсолютном начале слова.

§ 95. Различная реализация по говорам гласных фонем абсолютного начала слова в предударных слогах (кроме 1-го) (стр. 109).

Положение после мягких согласных.

§ 96. Реализация гласных фонем в этом положении (стр. 110).

Изменения сочетаний предударных гласных.

§ 97. Вопрос о сочетаниях гласных в русском языке (стр. 110). § 98. Характер изменений сочетаний гласных предударных слогов (стр. 111). § 99. Изменения наиболее часто встречающихся сочетаний гласных 2-го и 1-го, а также 3-го и 2-го предударных слогов (стр. 111). § 100. К вопросу об изменении сочетаний предударных гласных с гласной верхнего подъема (*у*, *и*) на втором месте (стр. 112).

Заударный вокализм.

§ 101. Постановка вопроса (стр. 112).

Положение после твердых согласных.

§ 102. Возможность различения в заударных слогах гласных неверхнего подъема в говорах с полным оканьем (стр. 113). § 103. Совпадение в заударных слогах гласных неверхнего подъема в говорах с неполным оканьем и аканьем (стр. 113). § 104. Звук *у* вместо *о* в некоторых окончаниях в заударных слогах (стр. 114). § 105. Изменения нелабиализованной гласной фонемы верхнего подъема в заударных слогах (стр. 115). § 106. Изменения *у* в заударных слогах (стр. 116).

Положение после мягких согласных и шипящих.

§ 107. Причина сложности заударного вокализма после мягких согласных (стр. 116). § 108. Возможность различения гласных неверхнего подъема в говорах с полным оканьем (стр. 117). § 109. Неполное различение гласных неверхнего подъема в говорах с неполным оканьем, а также в акающих говорах (стр. 117). § 110. Основные черты заударного вокализма литературного языка в его старомосковском варианте и в сходных с ним ср-в-р говорах (стр. 118). § 111. Особенности заударного вокализма после мягких согласных в части ю-в-р говоров (стр. 119). § 112. Некоторые предположения о происхождении заударного вокализма (стр. 120). § 113. О некоторых частных особенностях заударного вокализма (стр. 121).

Консонантизм.

Состав согласных фонем.

Общие замечания.

§ 114. Состав согласных фонем литературного языка (стр. 122). § 115. Характер диалектных отличий в системе согласных (стр. 122).

Подвижные элементы в составе согласных фонем русского языка.

§ 116. Перечень подвижных элементов (стр. 123). § 117. Фонемы *ц* и *ч* (стр. 123). § 118. Фонемы *в* и *ф* (стр. 124). § 119. Фонема *ф* вместо *хв*

(стр. 125). § 120. Вопрос долгих согласных в русском языке (стр. 126). § 121. Долгие шипящие (стр. 127). § 122. Долгие шипящие в отдельных словах (стр. 130). § 123. Долгие шипящие в связи с их обозначением на письме (стр. 130). § 124. Различия в составе согласных фонем по говорам (стр. 130).

Качество отдельных согласных фонем.

§ 125. Качество *ц* и *ч* и их замен (стр. 131). § 126. Процессы при переходе от цоканья к различению *ц* и *ч* (стр. 132). § 127. Аффрикаты на стыке морфем (стр. 133). § 128. Реликты цоканья в отдельных словах и формах (стр. 134). § 129. Реликты цоканья в топонимии (стр. 134). § 130. Аффрикаты в отдельных словах (стр. 134). § 131. Качество *ш* и *ж* (стр. 135). § 132. Качество *с'* и *з'* (стр. 135). § 133. Качество *т'* и *д'* (стр. 136). § 134. Качество фонемы *в* (стр. 136). § 135. Качество фонемы *г* (стр. 136). § 136. Качество фонемы *л* (стр. 138). § 137. Образование звука *р* (стр. 139).

Согласные глухие и звонкие.

Соотносительный ряд глухих и звонких согласных.

§ 138. Различия по говорам в соотносительном ряде глухих и звонких согласных (стр. 139). § 139. Количество соотносительных парных глухих и звонких согласных по говорам (стр. 140).

Сильное положение глухих и звонких согласных.

§ 140. Определение этого положения (стр. 140).

Модификации глухих и звонких согласных в слабом положении.

§ 141. Определение слабых положений (стр. 141).

Звонкие согласные на конце слова.

§ 142. Оглушение звонких согласных на конце слова (стр. 141). § 143. Фонема *г* : γ на конце слова и ее место в системе парных глухих и звонких согласных (стр. 141). § 144. Фонемы *в* и *в'* и их место в системе глухих и звонких согласных (стр. 143). § 145. Звук *х* на конце слова вместо фонемы *в* (стр. 144). § 146. Звонкие или полузвонкие согласные на конце слова в отдельных говорах (стр. 145).

Звонкие согласные перед глухими.

§ 147. Оглушение звонких согласных перед глухими (стр. 145). § 148. Фонема *в* перед согласными (стр. 145). § 149. Звук *х* на месте фонемы *в* перед глухими согласными (стр. 147). § 150. Аналогические явления в связи с изменением фонемы *в* в начале слова в одних условиях в звук *у*, в других — с сохранением звука *в* (стр. 147). § 151. Открытость или закрытость слога с фонемой *в* после гласной перед согласной в зависимости от качества *в* (стр. 147). § 152. Звук *ф* в слабом положении на месте фонемы *в* как вариант или вариация этой фонемы (стр. 147).

Глухие согласные перед звонкими.

§ 153. Озвончение глухих согласных перед звонкими (стр. 148). § 154. Об озвончении фонемы *к* в говорах с *г* фрикативным (стр. 148).

Сонорные согласные и их место в системе согласных.

§ 155. Место сонорных в системе согласных (стр. 149). § 156. Фонема *j* и ее место в системе согласных (стр. 149). § 157. Фонема *в* и ее место в системе согласных (стр. 149).

Согласные твердые и мягкие.

Соотносительный ряд твердых и мягких согласных.

§ 158. Различия по говорам в соотносительном ряде твердых и мягких согласных (стр. 149).

Сильное положение для твердых и мягких согласных.

§ 159. Различение твердых и мягких согласных фонем в сильном положении (стр. 150).

Степень противопоставленности парных твердых и мягких согласных.

§ 160. Различная степень противопоставленности разных групп согласных по твердости и мягкости (стр. 153). § 161. Различная степень противопоставленных твердых и мягких согласных фонем перед разными гласными (стр. 154). § 162. Различная степень противопоставленности твердых и мягких согласных фонем перед губными и задненебными (стр. 155).

Твердые и мягкие парные согласные в слабом положении.

§ 163. Слабое положение для твердых и мягких согласных (стр. 155). § 164. Твердые и мягкие согласные перед гласными *ѣ* и *е* (стр. 155). § 165. Твердые и мягкие согласные перед согласными (стр. 156).

Согласные фонемы внепарные по твердости — мягкости.

§ 166. Шипящие и *ц* (стр. 159). § 167. Задненебные (стр. 159). § 168. Почему мягкие задненебные не являются особыми фонемами (стр. 161). § 169. Изменение *к'*, *г'* в *т'*, *д'* (стр. 162). § 170. Возможность изменения *γ'* в *j* (стр. 163).

Взрывные и фрикативные согласные.

§ 171. Фонемы *к* и *г* перед взрывными (стр. 163).

Губные и задненебные согласные.

§ 172. Изменение *в* в определенных условиях в *γ* и *х* (стр. 165). § 173. Фонологическая квалификация этого изменения (стр. 166).

Неносовые (чистые) и носовые согласные.

§ 174. Сочетания *тн*, *пм* и *дн*, *бм* (стр. 166). § 175. Сочетания *мн* и *вн* (стр. 168).

Модификации фонем *л* и *л'*.

§ 176. Изменение *л* в *ў* (*w*) (стр. 169). § 177. Изменение *л'* в *л* в определенных условиях (стр. 169). § 178. Относительная хронология изменения *л* в *ў* (*w*) и *л'* в *л* (стр. 170). § 179. Фонологическая квалификация *ў* (*w*) как разновидности фонемы *л* (стр. 170). § 180. О происхождении „среднего“ *л* (стр. 171). § 181. „Сладкоязычие“ (стр. 171).

ЛЕКСИКА.

Исторические напластования в лексике традиционных говоров.

§ 182. Социальная обусловленность диалектной лексики (стр. 172). § 183. Исторические напластования в лексике диалектов (стр. 172).

Основные стороны лексики традиционных диалектов.

§ 184. Лексика диалекта и характер экономики данного края (стр. 176). § 185. Богатство диалектов словами, обозначающими видовые понятия (стр. 177).

Нетерминологическая диалектная лексика.

§ 186. Архаизмы нетерминологической диалектной лексики (стр. 179). § 187. Диалектные различия в нетерминологической лексике (стр. 181).

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие русских диалектов.

§ 188. Постановка вопроса (стр. 182).

Лексика.

§ 189. Появление новых слов (стр. 184). § 190. Освоение значения новых слов (стр. 190). § 191. Оформление новых слов (стр. 191). § 192. Утрата старых слов (стр. 194). § 193. Приобретение старыми словами нового значения (стр. 195).

Новые явления в области фонетики, морфологии и синтаксиса.

§ 194. Процессы в фонетике, морфологии и синтаксисе (стр. 195). § 195. Диалектные различия, появляющиеся на почве взаимодействия между диалектами и литературным языком (стр. 196). § 196. Отражение языка крестьянства в советской литературе (стр. 198).

ГРУППИРОВКА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ГОВОРОВ РУССКОГО ЯЗЫКА.

Схождения и расхождения между современными восточнославянскими языками.

§ 197. Соотношения между русским, украинским и белорусским языками (стр. 202). § 198. Методологические требования при пользовании данными соотношений между диалектами и близко родственными языками для установления их истории (стр. 202). § 199. Основные отличия русского языка от украинского и белорусского (стр. 204). § 200. Основные черты, объединяющие русский и белорусский языки в отличие от украинского языка (стр. 208). § 201. Диалектные особенности, по которым одна часть белорусских говоров объединяется с русским языком, другая — с украинским (стр. 211).

Северновеликорусское наречие.

Общие черты северновеликорусского наречия.

§ 202. Основные особенности северновеликорусского наречия (стр. 212).

Группировка северновеликорусских говоров.

§ 203. Группировка северновеликорусских говоров и отношение отдельных групп друг к другу (стр. 214). § 204. Северная группа (стр. 215). § 205. Олонецкая группа (стр. 216). § 206. Западная группа (стр. 217). § 207. Восточная группа (стр. 218). § 208. Владимирско-Поволжская группа (стр. 219). § 209. Лексические отличия с-в-р и ю-в-р наречий (стр. 221).

Южновеликорусское наречие.

Общие черты южновеликорусского наречия.

§ 210. Основные особенности южновеликорусского наречия (стр. 224).

Группировка южновеликорусских говоров.

§ 211. Трудности в группировке южновеликорусских говоров (стр. 227). § 212. Черты диалектных отличий между южновеликорусскими говорами (стр. 227). § 213. Южная группа (стр. 229). § 214. Восточная группа (стр. 230). § 215. Северная группа (стр. 230).

Средневеликорусские говоры.

§ 216. Средневеликорусские говоры и их образование (стр. 230). § 217. Группировка средневеликорусских говоров (стр. 232).

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТОВ.

Непосредственные наблюдения лингвиста.

Территориальная и социальная дифференциация диалекта.

§ 218. Развитие диалектов в эпоху капитализма (стр. 235). § 219. Диалекты после Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 238).

Жанрово-стилистическая дифференциация диалекта.

§ 220. Обиходно-бытовая речь и язык фольклора (стр. 240). § 221. Особенности фольклорного языка в его соотношении с обиходно-бытовой речью (стр. 240).

Языковая система диалекта и литературного языка в их соотношениях.

§ 222. Понятие языковой системы применительно к диалекту и литературному языку (стр. 244). § 223. Необходимость учета социальной и жанрово-стилистической дифференциации языка при производстве наблюдения над диалектами (стр. 245).

Выбор объектов наблюдения.

§ 224. Выбор объектов наблюдения и его зависимость от целей наблюдения диалекта (стр. 247).

Условия работы диалектолога в деревне.

§ 225. Установление связи с местными организациями и населением (стр. 248). § 226. Предварительный период наблюдений (стр. 249). § 227. Тематика бесед для диалектологических наблюдений (стр. 250). § 228. Методические замечания о проведении бесед для диалектологических наблюдений (стр. 251). § 229. Вопрос о количестве объектов наблюдения в одной деревне (стр. 252).

Собирание общих сведений о селе.

§ 230. Значение общих сведений при изучении диалекта (стр. 253).

Паспортизация диалектологического материала.

§ 231. Паспортизация материала и ее значение (стр. 254).

Проведение наблюдений над говором.

§ 232. Запись образцов обиходно-бытовой речи (стр. 255). § 233. О границах применения метода опроса (стр. 256). § 234. Метод тематических бесед и наводящих вопросов (стр. 256). § 235. Метод синтаксических трафаретов (стр. 257). § 236. Метод прямых вопросов при собирании сведений по фонетике и морфологии (стр. 258). § 237. Собирание сведений о разных сторонах языка — фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике (стр. 258). § 238. Первоначальные общие и дальнейшие специализированные наблюдения (стр. 258). § 239. Использование фонетических и синтаксических записей для морфологии (стр. 259). § 240. Синтаксиси-

ческие записи (стр. 259). § 241. Собирание лексических материалов (стр. 260). § 242. Типичные ошибки неопытного наблюдателя, связанные с его языковой системой (стр. 260). § 243. Недопустимость записей „по памяти" (стр. 261). § 244. О фонетической подготовке наблюдателя диалектов (стр. 261). § 245. Типичные ошибки наблюдателя — местного жителя (стр. 263). § 246. Об ответственности наблюдателя диалектов (стр. 263).

Фонетическая транскрипция.

§ 247. Вопрос о характере записей для фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики диалекта (стр. 264.) § 248. Система транскрипции при наблюдении русских говоров (стр. 265). § 249. Обозначение гласных (стр. 265). § 250. Обозначение согласных (стр. 267). § 251. Запись связной речи (стр. 270). § 252. Возможные упрощения в транскрипции (стр. 271).

Обработка диалектологического материала.

§ 253. Важность обработки собранного материала на месте (стр. 272). § 254. Использование записанной фразы для описаний разных явлений и сторон диалекта (стр. 272). § 255. Техника обработки собранного материала (стр. 273).

Анкетный метод и описание диалекта по чужим записям.

Приемы критического использования анкетных данных и чужих записей.

§ 256. Типичные ошибки лиц, доставивших анкетные данные (стр. 274). § 257. Влияние орфографии в материале анкетных данных (стр. 275). § 258. Приемы критического использования сомнительных записей (стр. 276). § 259. О двойственности в показаниях записей и их интерпретации (стр. 276).

Обзор важнейших программ.

§ 260. Типы программ (стр. 276). § 261. Большая Академическая программа (стр. 277). § 262. Программа МДК (стр. 278). § 263. Вопросник ИЯМ (стр. 280). § 264. Программа ИРЯЗ (стр. 281). § 265. Краткая программа ИРЯЗ (стр. 289). § 266. Условность разграничения „прямого" и „анкетного" методов изучения диалектов (стр. 290).

Лингвистическая география.

Общие сведения.

§ 267. Возникновение лингвистической географии (стр. 291). § 268. Понятие изоглоссы (стр. 291). § 269. Историческая интерпретация территориального распределения языковых явлений (стр. 292). § 270. Лингвистическая география на Западе (стр. 293).

О работах по лингвистической географии русского языка.

§ 271. Возникновение вопроса о лингвистической географии в русской науке (стр. 297). § 272. Опыт диалектологической карты русского языка МДК (стр. 297). § 273. Критика диалектологической карты МДК акад. А. И. Соболевским (стр. 299). § 274. О некоторых работах по лингвистической географии русского языка (стр. 300).

Организация работы над Диалектологическим атласом русского языка.

§ 275. Из истории работы над диалектологическим атласом русского языка (стр. 303).

О составе Диалектологического атласа русского языка.

§ 276. Территориальный охват атласа (стр. 305). § 277. Состав атласа (стр. 305). § 278. Принципы членения атласа (стр. 306). § 279. Построение отдельных частных, „областных" томов атласа (стр. 308). § 280. Заключительный том атласа (стр. 310). § 281. Дополнительный том (стр. 311). § 282. Основные особенности диалектологического атласа русского языка (стр. 312).

Типы описаний диалектов.

§ 283. Степень детальности описания диалекта (стр. 317). § 284. Описание диалекта с точки зрения его отличия от литературного языка (стр. 317). § 285. Описание диалекта с точки зрения его отличий от языкового состояния более древней эпохи (стр. 318). § 286. Описание диалекта на основе имеющихся в нем самом категорий (стр. 319). § 287. Историзм при описании диалектов (стр. 320). § 288. Описание разных сторон диалекта (фонетики, синтаксиса, лексики) (стр. 320). § 289. Основные типы диалектологических работ (стр. 320).

Замечания к картам 323

Редактор *Ф. Ф. Кузьмин.*
Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий.*

Подписано к печати 29/XII 1948 г. А-11769. Тираж 50 тыс. экз. Печатных листов 21+1½ л. вкл. Учетно-издат. листов 25,69+0,81 вкладок. В 1 печ. листе 49 тыс. тип. знаков. Зак. 1426.

2-я типография „Печатный Двор" имени А. М. Горького треста „Полиграфкнига" ОГИЗа при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Учпедгиз, 1951 г.

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

П.С. Кузнецов „Русская диалектология"

- Северная группа
- Олонецкая "
- Западная "
- Восточная "
- Владимирско-Поволжская группа

Северно-великорусские говоры

- Говоры переходные от средне-великорусских к белорусскому языку (Псковская группа, 1)
- Западная группа (2)
- Восточная " (3)

Средне-великорусские говоры

- Говоры с диссимилятивным яканьем (группа А)
- Говоры с умеренным яканьем (группа Б)
- Говоры с сильным яканьем (группа В)

Южно-великорусские говоры

- Говоры северно-
- Говоры южно-

белорусские

- Говоры переходные от южно-великорусских к белорусскому языку

- Говоры полесские (северно-украинские)
- Говоры полесско-украинские
- Говоры украинские
- Говоры северно-карпатские (карпато-угорские)
- Говоры южно-карпатские (карпато-угорские)

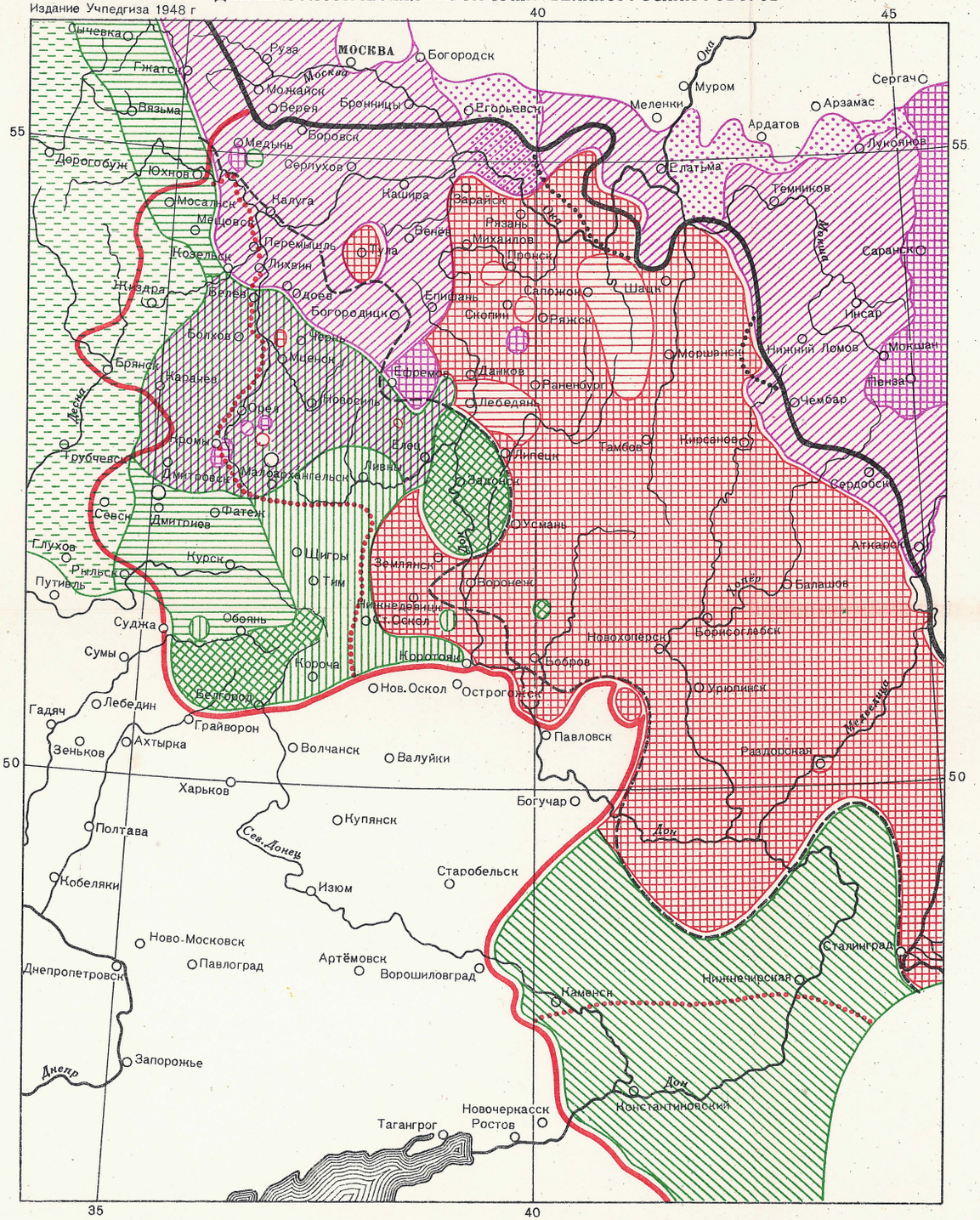
украинские

- Говоры переходные от украинского к белорусскому языку

В скобках даны названия соответствующих диалектических групп в „Опыте" МДК

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИХ ГОВОРОВ

Издание Учпедгиза 1948 г

Р. И. Аванесов „Очерки русской диалектологии“

— Яканье диссимилятивное архаичного (обоянского) типа

„ „ Суджанского типа

„ „ Щигровского „

„ „ Донского „

„ „ белорусского (жиздринского) типа

„ умеренно-диссимилятивное

„ умеренное

— Иканье

— Яканье умеренное с еканьем (между мягкими — е)

— Еканье

— Яканье сильное

„ ассимилятивно - диссимилятивное

Острова с оканьем

Южная граница Г взрывного

Южная граница цоканья (в пределах акающих говоров с фрикативным у)

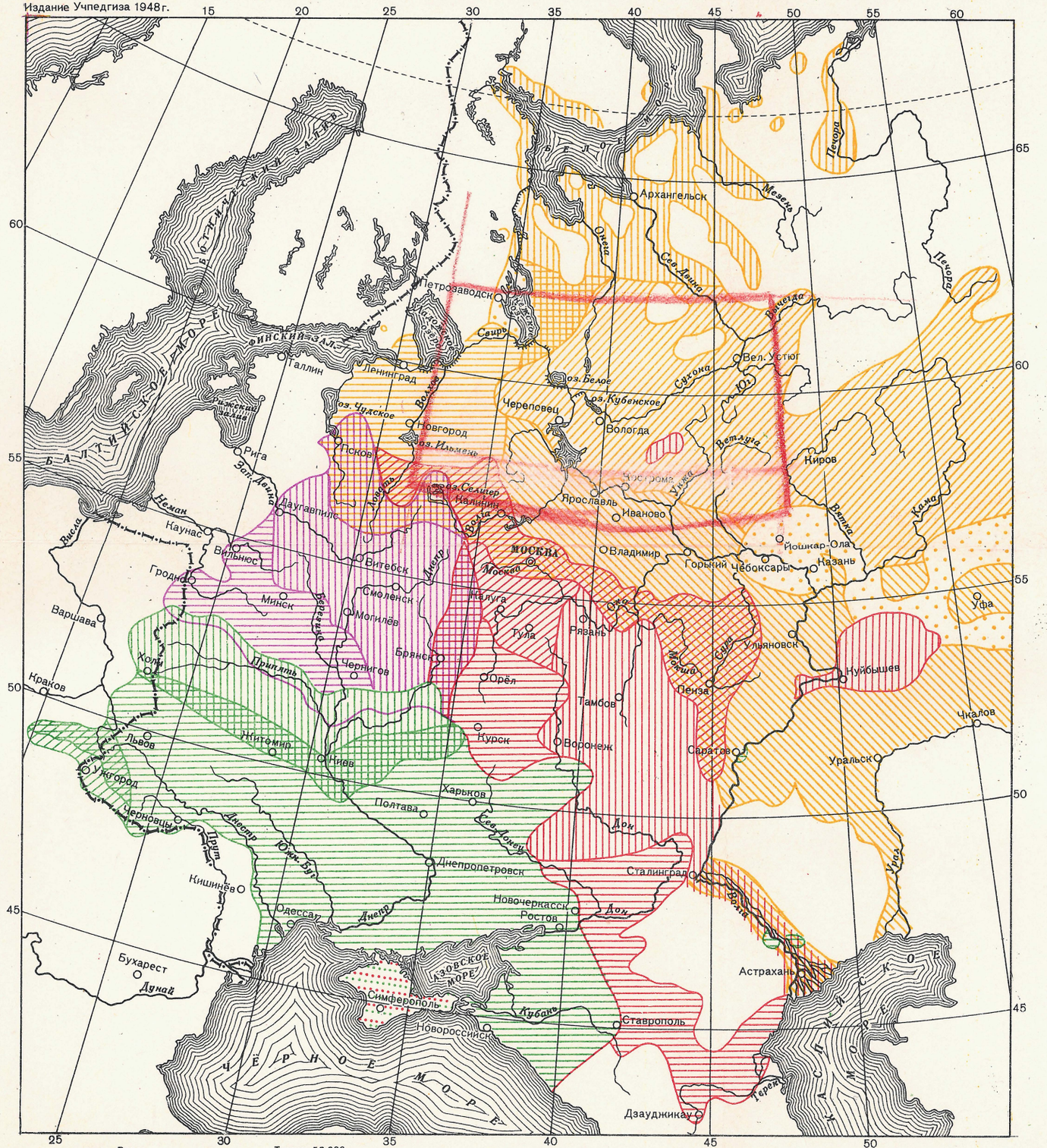
Восточная граница У из В (в тех же пределах)

Западная граница смягчения К после мягких

„ „ „ К „ Ч

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Издание Учпедгиза 1948 г.

Р. И. Аванесов „Очерки русской диалектологии"

- Северная группа
- Олонецкая „
- Западная „
- Восточная „
- Владимирско-Поволжская группа

} Северно-великорусские говоры

- Говоры переходные к белорусскому на с-в-р основе (Псковская группа, 1)

- Западная группа (2)
- Восточная „ (3)

} Средне-великорусские говоры

- Говоры с диссимилятивным яканьем (группа А)
- Говоры с умеренным яканьем (группа Б)
- Говоры с сильным яканьем (группа В)

} Южно-великорусские говоры

- Говоры северно-
- Говоры южно-

} белорусские

- Говоры переходные к ю-в-р на белорусской основе

- Говоры полесские (северно-украинские)
- Говоры полесско-украинские
- Говоры украинские
- Говоры северно-карпатские (карпато-угорские)
- Говоры южно-карпатские (карпато-угорские)

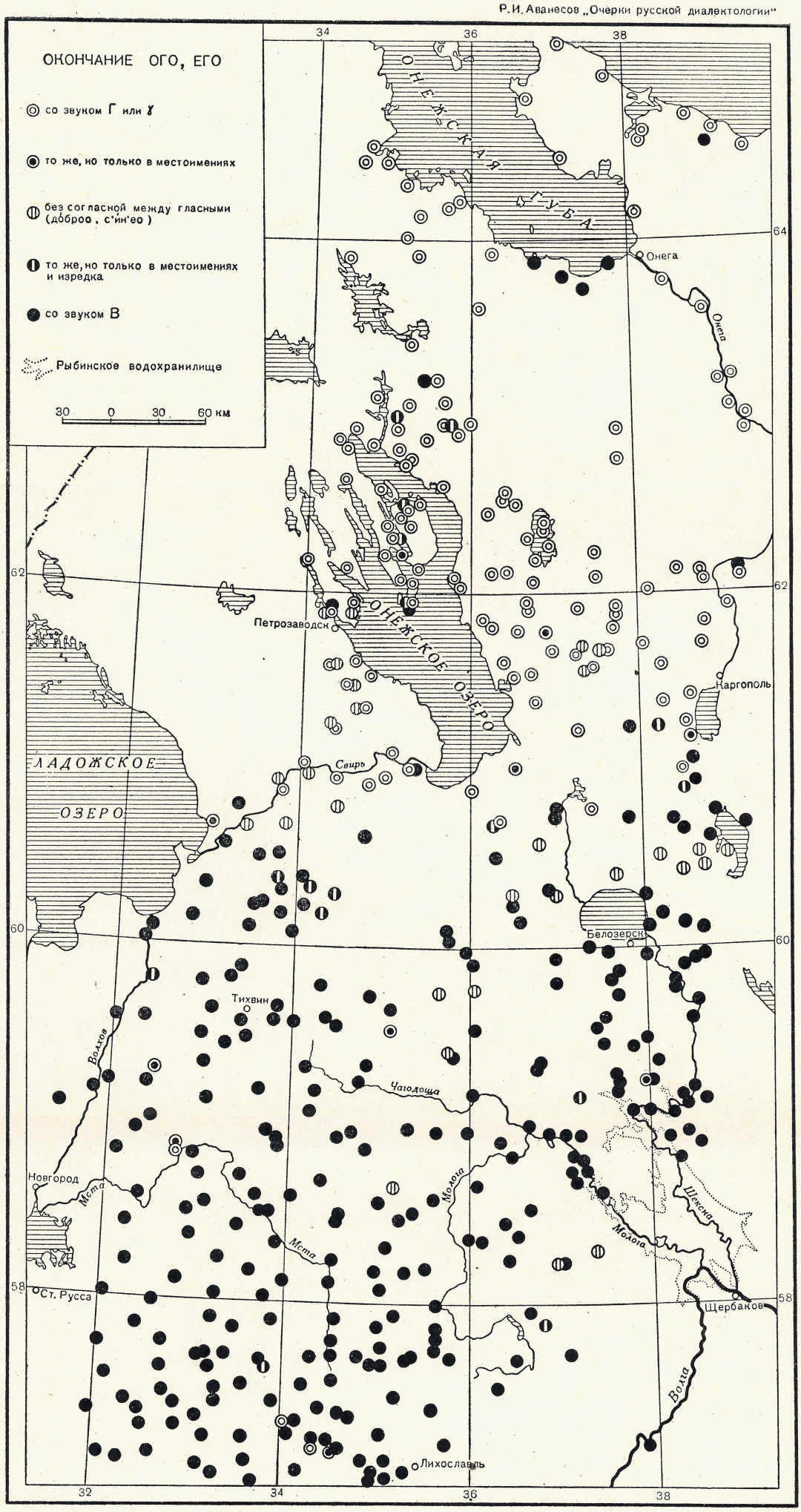
} украинские

В скобках — названия соответствующих диалектических групп в „Опыте" МДК

Заказ 880/Д Тираж 50 000 Отпечатано на фабрике им. Дунаева

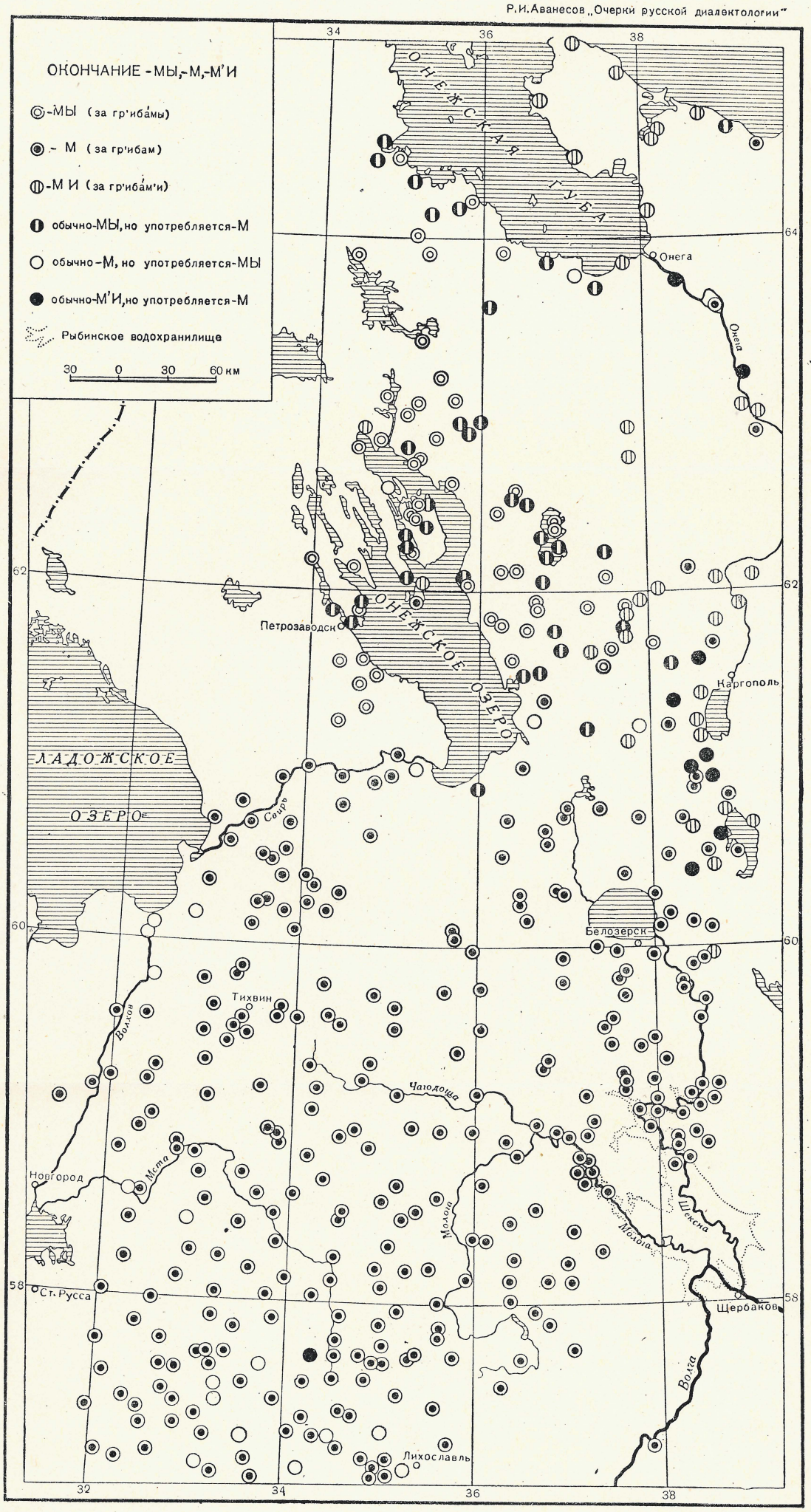
ВАРИАНТЫ ОКОНЧАНИЯ *-ОГО (-ЕГО)* В РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ.

Р.И. Аванесов „Очерки русской диалектологии"

ФОРМЫ ТВОР. П. МНОЖ. ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА *-М, -МЫ, -М'И* В РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ.

Р.И.Аванесов „Очерки русской диалектологии"

ФОРМЫ 2 И 3 Л. ЕД. Ч. И 1 Л. МН. Ч. ГЛАГОЛОВ ТИПА *ПЕКУ-ПЕЧЕШЬ* В РУССКИХ ГОВОРАХ.

Р. И. Аванесов „Очерки русской диалектологии"

11 р. 75 к.